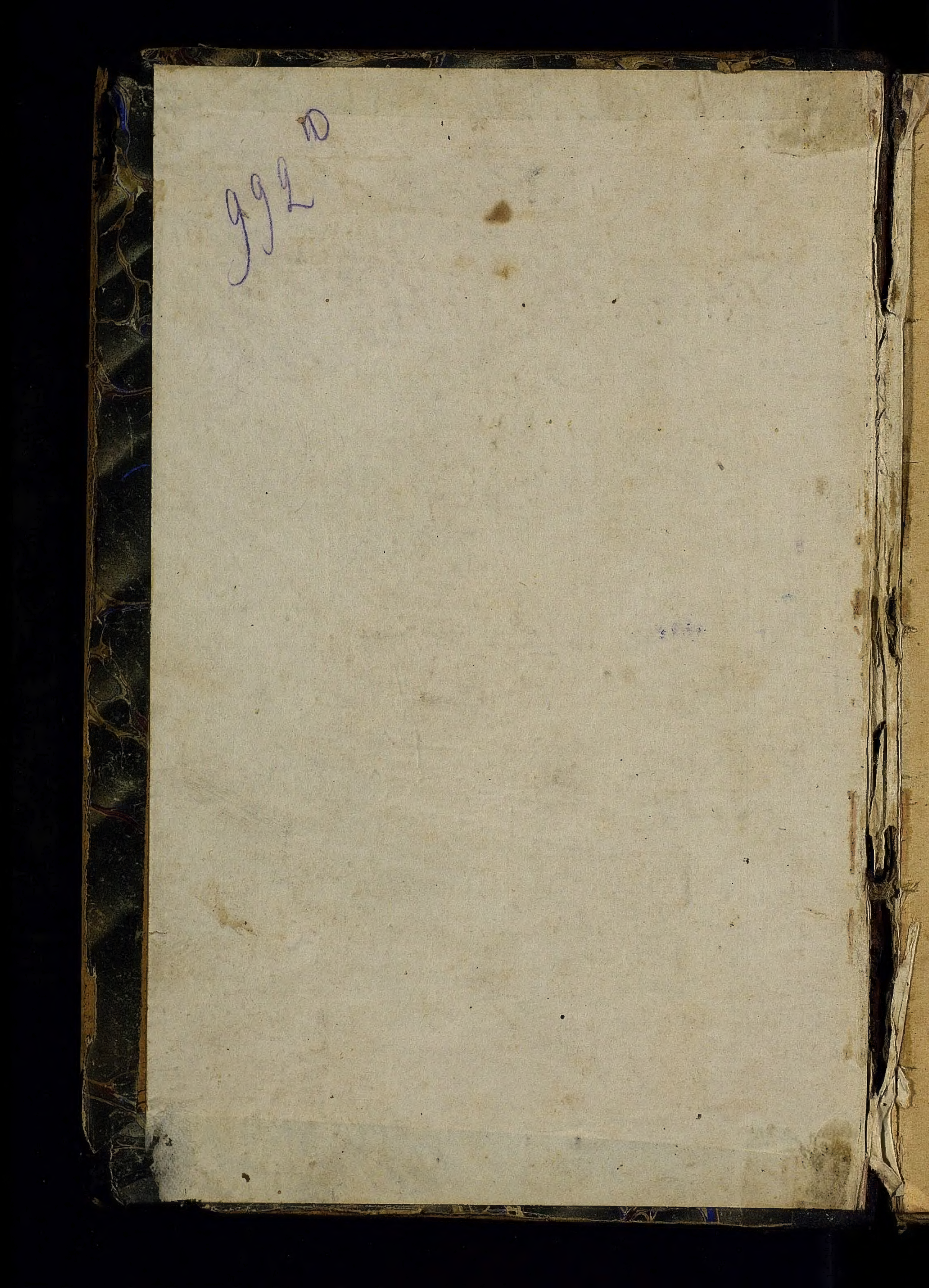

992

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

ОКТЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія т-ва «Общественная Польза», СПБ., Б. Подъяческая, 39.

ВЪ ОЛЬХОВАТОМЪ.

Изъ дневника М. В. Крестовской.

Послѣдніе годы жизни Марія Всеволодовна ничего почти не печатала, но работала много и на разныхъ поприщахъ. Однимъ изъ крупнѣйшихъ ея трудовъ былъ «Дневникъ», который по волѣ покойной долженъ быть изданъ одновременно на нѣсколькихъ языкахъ. Изданъ онъ будетъ, вѣроятно, лишь тогда, когда сойдутъ въ могилу лица, играющія въ немъ главныя роли. Однако въ томъ же дневникѣ есть отрывки, которые усопшая собиралась печатать теперь же; тяжелая двухъ-лѣтняя предсмертная болѣзнь помѣшала ей исполнить это намѣреніе. «Въ Ольховатомъ»—одинъ изъ такихъ отрывковъ.

«Ольховатое» — родовое имѣніе мужа писательницы въ одной изъ центральныхъ черноземныхъ губерній, перешедшее къ нему по раздѣлу съ братьями и которое во время «освободительного движенія» онъ вынужденъ былъ продать. Женя и Евгеній—владѣлецъ имѣнія, мужъ Маріи Всеволодовны; Сергѣй—его братъ, хозяйничавшій въ имѣніи; Анюта—горничная. Время первой поѣздки—1898-й, второй—1900-й годъ.

1898-й годъ. 12-е мая.

Вотъ мы и въ Ольховатомъ. Рано утромъ, послѣ 38-ми часового пути по желѣзнымъ дорогамъ и на лошадяхъ, пріѣхали мы наконецъ «домой». Для Жени это «домъ» въ буквальномъ смыслѣ; тутъ провелъ онъ дѣтство и юность, тутъ родились его отецъ и дѣдъ, тутъ прошла цѣлая жизнь всѣхъ близкихъ ему людей и не мудрено, если ему хочется, хотя бы и цѣной тройного труда, сохранить въ роду же родовое гнѣздо. Но это только

лишній поводъ пожалѣть еще разъ, что судьба не дала намъ съ нимъ дѣтей. Съ какою бы радостью устраивалъ бы онъ вѣрно это гнѣздо для нихъ, если ужъ такъ охотно готовъ дѣлать это для племянниковъ...

Было еще рано, когда мы пріѣхали, часовъ 6 не больше, и утро было чудное, пожалуй даже слишкомъ чудное, такъ какъ дождя не было больше двухъ недѣль и тутъ уже начали опасаться за посѣвы—вѣчное бѣдствіе этихъ мѣстъ, которымъ вмѣстѣ съ постоянными засухами природа дала полтора аршина роскошнаго жирнаго чернозема.

На крыльцѣ, покосившемся какъ и весь домъ, насъ ждали прикащикъ и Маланья, служившая еще у стариковъ.

Очевидно насъ не только ждали, но и съ особенной тщательностью приготовили все къ нашему пріѣзду. На столѣ уже стоялъ шипѣвшій самоваръ и дымились горячія деревенскія булки. Не было только стариковъ, и такъ странно было, что они не выходятъ съ радостными восклицаніями, какъ бывало прежде къ намъ на встрѣчу изъ этихъ комнатъ, изъ которыхъ, казалось, ничто не ушло, все оставалось точно также какъ и при нихъ, и исчезли какъ-то незамѣтно, точно выйдя куда—и то недалеко—только сами они.

Смерть въ старости такъ естественна и проста, что про нее нельзя даже сказать, что она «выхватываетъ людей». Она тихо и незамѣтно «выводитъ» ихъ, чтобы замѣнить новыми, свѣжими, пришедшими на смѣну, и вмѣсто ужаса и отчаянія оставляетъ въ сердцахъ близкихъ только тихое, спокойное и точно растроганное воспоминаніе, похожее на догорающій лѣтній вечеръ, гдѣ послѣдними уходящими лучами солнца смягчаются всѣ тѣни и шероховатости.

Наскоро обойдя домъ, мы съ мужемъ сейчасъ же вышли въ садъ; простой деревенскій садъ, съ заглохшими дорожками, съ старыми корявыми яблонями, какъ снѣгомъ осыпанными теперь своими пушистыми нѣжными цвѣтами, и съ цѣлой зарослью разросшихся сирени и вишень.

Все уже проснулось, пѣло, работало и жило какимъ-то разгаромъ жизни въ этомъ саду, въ которомъ перебродило столько поколѣній, не оставившихъ отъ себя даже и тѣней своихъ! И такого гама отъ сотни голосовъ, всего, что могло пѣть, жужжать, свистать, гудѣть, я кажется никогда еще не слыхала. Въ воздухѣ точно гулъ и стонъ стоялъ. Я понимаю теперь, отчего южанамъ наша Финляндія кажется «нѣмой» но она не нѣма—она только задумчива и молчалива въ сравненіи съ этой

природой, не смолкающей тысячами голосовъ своихъ ни днемъ, ни ночью.

Въ этихъ буйно разросшихся кустахъ, которые захватили всѣ дорожки и спѣшатъ, точно на перегонку другъ съ другомъ, засыпать своими сѣменами каждый не захваченный еще сосѣдомъ клочекъ земли, въ этомъ немолчномъ, точно торжествующемъ и ликующемъ о чемъ-то гамѣ всего живого уже чувствуется разнузданность юга. И эти мѣста, гдѣ зимой морозы еще сильнѣе нашихъ, а лѣтомъ знойныя жары, кажутся мнѣ какими-то широко-распахнутыми на югъ воротами Россіи, въ которыя онъ могуче и властно врывается вмѣстѣ съ первыми весенними днями, дыша на все своимъ горячимъ дыханіемъ, пока зима не запахнетъ ихъ предъ нимъ и не занесетъ ихъ снова своими тяжелыми снѣгами.

Есть какая-то особенная, грустная прелесть въ ветшающихъ деревенскихъ домахъ, когда-то богатыхъ и полныхъ жизнью, и въ старыхъ, заглохшихъ садахъ, гдѣ иногда, въ кустахъ разросшейся крапивы, вы вдругъ находите обломки статуи, когда-то гордо красовавшейся въ этой заглохшей аллеѣ.

Въ Ольховатомъ не было статуй, но и тутъ задавались пиры и обѣды, на которые съѣзжался весь уѣздъ, цѣлыми семьями проживая по нѣсколько дней. Но какая простота нравовъ царила тогда! Домъ, гдѣ теперь, съ нашими избаловавшимися требованіями, едва могли бы помѣститься мы своей маленькой семьей, въ тѣ дни свободно и привольно вмѣщалъ семью не только въ трое большую, чѣмъ наша, но и огромную еще дворню, ютившуюся по всѣмъ амбарчикамъ и чуланчикамъ и цѣлые наѣзды многочисленныхъ гостей.

Съ гостями тогда не церемонились. Въ то время какъ мы теперь, хотя бы въ тѣхъ же Маріокахъ [1]), стремимся каждому предоставить отдѣльную комнату съ кроватями на пружинныхъ матрацахъ и съ англійскими умывальниками и туалетами, на которыхъ хозяевами предусмотрѣна всякая мелочь, отъ зубного элексира до булавокъ включительно, тогда просто въ одной изъ комнатъ, большей частью наверху и въ такъ называемыхъ «свѣтелкахъ», набрасывали на полъ сѣно или солому, накрывали ихъ коврами простынями и одѣялами «для дамъ», а въ другой комнатѣ «для мужчинъ», не заботились даже и о простыняхъ! Они могли довольствоваться одной соломой или безъ хлопотъ

[1]) Имѣніе въ Финляндіи, гдѣ М. В. часто жила и скончалась.

для хозяевъ отправляться спать, какъ угодно, на сѣновалахъ и въ сараяхъ.

Но вся компанія и въ повалку, на соломѣ чувствовала себя превосходно и просыпалась довольная и веселая, проведя ночь отнюдь не хуже, чѣмъ проводимъ ихъ теперь мы на нашихъ англійскихъ постеляхъ, съ тонкимъ душистымъ бѣльемъ.

И вѣдь это дѣлалось не у бѣднаго мелкопомѣстнаго помѣщика, а въ старинномъ дворянскомъ домѣ, хозяинъ котораго нѣсколько лѣтъ былъ предводителемъ дворянства и принималъ у себя весь уѣздъ, задавая балы въ тѣхъ самыхъ «залахъ», гдѣ мнѣ теперь кажется душно и тѣсно чуть не одной и гдѣ «музыканты» того времени, за неимѣніемъ другого мѣста помѣщались «на хорахъ», съ трудомъ могущихъ вмѣстить большой сундукъ, и играли тамъ ни болѣе ни менѣе какъ лежа, потому что ни стоять, ни даже сидѣть тамъ пятерымъ человѣкамъ, изъ которыхъ состоялъ «оркестръ», было невозможно!

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

И, слушая все это, мнѣ кажется, что люди того времени были счастливѣе насъ!

Въ этихъ низенькихъ комнатахъ, съ маленькими окнами въ тусклыхъ стеклахъ и лежанками у печекъ, жилось какъ-то проще. Требованія, вкусы, а съ ними и чувства и мысли и радости и страданія были проще. Время выработало слишкомъ сложные типы. Все стало сложнѣе—и жизнь и люди и настроенія ихъ; все перепуталось въ извилинахъ утонченной психологіи и... кажется, запуталось въ ней! Наша страсть къ анализу, къ сложности ощущеній почти уже мѣшаетъ намъ жить, не давая относиться просто не только къ жизни, надъ которой такъ мало задумывались наши дѣды, но и къ самимъ себѣ. И мы бьемся и трепещемъ въ немъ, этомъ самоанализѣ психологіи, какъ мухи въ паутинѣ подстерегающаго ихъ паука—и все же не хотимъ, да уже и не можемъ больше, если бы даже и хотѣли, отказаться отъ него...

14-е мая.

Какіе чудные дни стоятъ! Мы, сѣверяне, не привыкли къ такимъ; уже въ 9 часовъ утра жарко какъ въ знойный іюльскій полдень. Вчера мы съ мужемъ объѣзжали наши ольховатскія владѣнія. Какія хорошія все мѣста! Отовсюду открывается широкій, волнистый горизонтъ, среди холмовъ котораго, то тутъ, то тамъ, разбросаны усадьбы и деревни, то прячущіяся въ ро-

щахъ и садахъ, то сбѣгающія прямо къ рѣчкамъ и прудамъ. Глазъ верстъ на 20 охватываетъ горизонтъ и кругомъ, куда только ни кинешь взглядъ, всюду широко раскинулись поля и, кажется, что нѣтъ имъ конца на этомъ черноземномъ просторѣ и нѣтъ на свѣтѣ болѣе мирныхъ, уютныхъ и счастливыхъ уголковъ. А между тѣмъ это чуть ли не одна изъ самыхъ злополучныхъ губерній Россіи, гдѣ годами не прекращаются засухи и недороды и тысячи рабочихъ рукъ по неволѣ сидятъ безъ работы и хлѣба, потому что кругомъ нѣтъ ни спроса на нихъ, ни какого бы то ни было сбыта имъ—ни отхожихъ промысловъ на окрестные фабрики и большіе города, ни даже богатыхъ помѣщиковъ, подлѣ которыхъ они могли бы кормиться какимъ-нибудь трудомъ. И въ то время какъ мы въ нашей Финляндіи платимъ рабочему за поденный трудъ 1 рубль и 1 руб. 25 к. въ день—здѣшній крестьянинъ получаетъ за то же самое всего 20 и много, много 30 копѣекъ!

Я невольно все мысленно сравниваю здѣшнія мѣста съ нашими Маріоками. Какая разница во всемъ! Здѣсь настоящая Россія, то сердце Россіи, которое иностранцы въ наивности своей, смѣшиваютъ уже съ Азіей; тамъ уже почти Западъ, тотъ Западъ, который мы называемъ «Европой».

Здѣсь знойно уже въ началѣ мая—тамъ свѣжо даже въ серединѣ іюля. И такъ во всемъ; разница чувствуется на каждомъ шагу, отъ общаго цѣлаго до всякой мелочи; она ощущается даже въ каждомъ уголкѣ сада, въ каждой комнатѣ этихъ двухъ такихъ различныхъ домовъ.

Въ Маріокахъ все молодо и ново, въ Ольховатомъ все обветшало и старо.

Тамъ все красиво, культурно и... и какъ будто немножко чуждо; здѣсь все запущено, неразработано, грязно и... и въ то же время какъ-то невольно близко.

Отсюда уже ушелъ цѣлый рядъ поколѣній, скрѣпивъ промелькнувшими существованіями своими глубокую связь съ прошлымъ; тамъ онъ почти еще не начинался — мы сами являемся отцами будущаго, котораго можетъ быть и не будетъ. Здѣсь во всемъ уже чувствуется конецъ, тамъ только начало.

Тамъ я хотѣла бы жить и дѣйствовать, сюда же придти доживать и умирать.

Доживать надо среди своихъ, на родныхъ по духу и по прошлому мѣстахъ, и теперь я болѣе чѣмъ когда-либо понимаю желаніе мужа оставить за собой этотъ клочекъ земли, на которомъ рождались, жили и умирали его дѣды и прадѣды, и его

не остывающую привязанность къ этимъ мѣстамъ, къ которымъ, казалось бы, онъ могъ легко охладѣть уже потому, что не соприкасался съ ними болѣе двухъ десятковъ лѣтъ. Но такія привязанности, какъ бы родившіяся и выросшія вмѣстѣ съ нами, не умираютъ безслѣдно; онѣ только притупляются и засыпаютъ въ насъ временно, чтобы воскреснуть вновь при первомъ же прикосновеніи къ нимъ.

Мнѣ симпатичны наши финляндцы, которыхъ такъ многіе почему-то не любятъ у насъ. Они нравятся мнѣ уже одной своей культурностью, такъ быстро усвоенной цѣлымъ народомъ; нравятся своимъ характеромъ, быть можетъ немного суровымъ и тяжелымъ, какъ у большинства сѣверныхъ народовъ, но твердымъ, спокойнымъ и мужественнымъ въ своей прямолинейной честности, вошедшей въ принципъ; наконецъ, своимъ трудолюбіемъ, заставляющимъ воздѣлывать ихъ нивы чуть не на голыхъ камняхъ, на которыхъ никто, кажется, кромѣ нихъ ничего не сдѣлалъ бы и собирающихъ съ этихъ камней, облитыхъ тяжелымъ потомъ, хорошіе урожаи, въ то время какъ мы здѣсь не можемъ справиться даже съ своимъ полутороаршиннымъ черноземомъ! Нравятся они мнѣ даже своими законами, въ три раза строже нашихъ наказывающихъ каждое преступленіе, но за то ставящіе права каждой отдѣльной личности въ 10 разъ выше чѣмъ наши, создававшіеся еще чуть не вмѣстѣ съ Домостроемъ.

Тѣмъ не менѣе «доживать» я бы все-таки предпочла здѣсь, «дома», и эти загорѣлыя бородатыя лица, съ которыхъ до сихъ поръ точно еще не сбѣжало вполнѣ робкое, забитое выраженіе какой-то тупой покорности и страха, цѣлыми вѣками искусственно прививавшихся имъ—мнѣ все же ближе и милѣе. Они знакомы мнѣ съ дѣтства, эти родныя привычныя лица, и въ то время какъ нарядный, стремящійся ничѣмъ не отличаться отъ европейца мой финляндецъ, уже грамотный во всемъ своемъ молодомъ поколѣніи читающемъ журналы и газеты, съ печатью достоинства и самоуваженія во всей своей фигурѣ, которое онъ безспорно и заслуживаетъ, невольно заставляетъ меня уважать его и сочувствовать ему—свой родной, русскій мужикъ, неграмотный, невѣжественный, полуголый въ своихъ примитивныхъ отрепьяхъ, «темный» по собственному признанію и даже не стремящійся выйти изъ своей темноты и заѣвшей его вѣчной, горькой нужды, отъ которой онъ отупѣлъ, спился и опустился—заставляетъ меня такъ больно страдать за него, такъ мучительно жалѣть его!

Страданіе сильнѣе уваженія; оно сильнѣе сочувствія, силь-

нѣе даже любви, потому что нѣтъ любви безъ страданія и чѣмъ больше любовь, тѣмъ сильнѣе и страданіе.

Въ ветшающихъ домахъ и заглохшихъ садахъ есть много своей поэзіи, искупающей ихъ убожество; но въ лошадяхъ, живыми скелетами еле бродящими отъ истощенія и безкормицы и въ избахъ, худшихъ чѣмъ свинарни на западѣ и въ людяхъ, цѣлыми годами и поколѣніями питающимися только тюрей изъ хлѣба, кваса и луку—уже не поэзія, а одно страданіе и тѣмъ больше надрывающее сердце, чѣмъ больше сознаешь свое безсиліе помочь имъ—безсиліе передѣлать все это! Когда невольно наглядишься на это, охватываетъ желаніе бѣжать лучше отсюда, чтобы не видѣть, не знать и забыть объ этомъ. Но не глядѣть, разъ что это существуетъ—малодушно, а забыть, разъ узнавъ—прямо подло. Нѣтъ, надо глядѣть, надо лучше запомнить, чтобы это вставало въ памяти въ то время, когда мы сами купаемся въ роскоши, въ ея избыткѣ, уже почти безнравственномъ, когда мы безъ малѣйшаго укора совѣсти съѣдаемъ сотенные обѣды и съ легкимъ сердцемъ выбрасываемъ на одну шляпу по нѣсколько десятковъ рублей. Когда я вижу все это такъ близко, такъ мучительно наглядно—мнѣ хочется скорѣй состариться, чтобы скорѣй уйти отъ всего, что затягиваетъ, какъ трясина, своими соблазнами и обращаетъ въ ничто всѣ лучшія намѣренія.

Когда еще слишкомъ сильно чувствуешь свою молодость, когда она еще страстно и властно держитъ васъ въ своихъ рукахъ, увлекая и сбивая своими порывами, мечтами и желаніями, тогда трудно уйти отъ самой себя и, отрѣшившись отъ своего личнаго «я», начать жить только для другихъ. Я чувствую, что пойти на это, теперь, сейчасъ, я еще не могла бы! Мой міръ слишкомъ полонъ еще для меня мною самой! Люди умѣютъ отрѣшаться отъ себя и уходить на служеніе другимъ или послѣ сильнаго горя, разбивающаго ихъ личную жизнь, или когда эта жизнь ничего не дала имъ или перестала давать.

Но если еще нельзя начать жить для другихъ, то надо стремиться хоть къ тому, чтобы облегчать жизнь этимъ другимъ и стараться дѣлать такъ, чтобы всѣмъ, кого судьба вышлетъ на вашу дорогу, жилось бы подлѣ васъ лучше и теплѣе.

Во всякомъ случаѣ это легче и доступнѣе полнаго отрѣшенія, на которое трудно перейти сразу, если ничто извнѣ не толкнетъ на него. Только годами и постепенной работой надъ собой можно тогда постепенно подготовить себя къ нему.

15-е мая.

Если бы я была художникомъ, я бы непремѣнно написала эти цвѣтущія яблони, такъ ослѣпительно вырѣзывающіяся на синемъ небѣ. Ничего бы—кромѣ куска безоблачной, яркой синевы и этихъ пушистыхъ бѣлыхъ вѣтвей на ней. Если лечь на траву и, закинувъ голову кверху, смотрѣть на нихъ снизу, то глазамъ даже больно отъ этого яркаго, ослѣпляющаго контраста и той силы весенняго свѣта, который точно пронизываетъ, обливая и насквозь золотя, ихъ нѣжные, молочные, безчисленные цвѣты.

Если бы можно было уловить на полотно эту яркость свѣта и красокъ! Я бы написала ихъ такъ, чтобы это походило на распахнутое въ пространство окно, изъ котораго кромѣ неба и ихъ цвѣтущихъ верхушекъ, ничего не видно, и написала бы ее не маленькой, а большой картиной, почти въ размѣръ настоящаго окна. И чѣмъ больше бы было въ ней солнца, сочности, яркости, чѣмъ сильнѣе она била бы въ глаза, почти ослѣпляя собой, тѣмъ сильнѣе и правдивѣе было бы впечатлѣніе ея.

И какая здѣсь ихъ масса! Ими полонъ весь садъ; онѣ лѣпятся по оврагамъ, неожиданно попадаются въ поляхъ и въ лѣсу и всѣ дорожки, точно снѣгомъ, засыпаны ихъ легкими, бѣлыми лепестками. Невольно вспоминаешь тѣ жалкія Маріокскія хворостинки, которыя мы насадили съ такимъ трудомъ и съ такой гордостью называемъ ихъ тоже яблонями, подсчитывая на нихъ чуть не каждый цвѣточекъ.

Когда я слушаю здѣшнихъ соловьевъ, точно перекликающихся изъ каждаго куста и невольно заслушиваюсь лягушекъ, цѣлыми сотнями поющихъ въ старомъ прудѣ, особенно въ эти теплыя, лунныя, почти уже душныя ночи, когда отъ кустовъ и деревьевъ, кажется, пышетъ еще не остывшимъ жаромъ, и вспоминаю наши блѣдныя весеннія сѣверныя ночи, онѣ кажутся мнѣ теперь такими грустными, холодными и беззвучными. Въ нихъ есть своя прелесть и поэзія, наша сѣверная, задумчивая и меланхоличная поэзія, но имъ не хватаетъ звуковъ, и въ своей бѣлизнѣ и молчаливости онѣ кажутся холодными и нѣмыми, почти мертвыми въ этомъ ненарушаемомъ ничѣмъ покоѣ.

Южане говорятъ, что у насъ нѣтъ ни птицъ, ни насѣкомыхъ, ни цвѣтовъ, но это неправда; я теперь нарочно сличаю и убѣждаюсь, что все, или почти все, что я вижу здѣсь, есть

и у насъ; разница же, и огромная, только въ количествѣ. Здѣсь все размножается и разростается цѣлыми сотнями, а наша Финляндія походитъ на Ноевъ ковчегъ въ своемъ родѣ. Ей всего отпущено, но въ ограниченномъ количествѣ, почти по парѣ, какъ будто только для поддержанія вида, и отъ этого природа ея кажется такой скудною и грустною...

И все-таки я люблю ее, эту скудную, печальную природу; люблю ея беззвучныя бѣлыя ночи, которыя дышатъ холодкомъ и туманами и... и не манятъ къ любви, не разжигаютъ ее, а точно нарочно разрушаютъ ея иллюзію...

16-е мая.

Есть какая-то грустная прелесть въ деревенскихъ кладбищахъ, почти безъ памятниковъ, съ бѣдными покосившимися крестами, съ цѣлой зарослью разросшейся сирени и плакучими березами по оградѣ рва; съ бѣлыми, маленькими церковками и съ сохранившимися еще кое-гдѣ, но уже давно стершимися и вросшимися въ землю, чьими-то забытыми могильными плитами, подъ которыми уже никто не помнитъ хорошенько, кто и когда былъ положенъ сюда... Я вообще люблю кладбища; люблю бродить по нимъ, читая надписи на ихъ могилахъ и думая о тѣхъ, которые когда-то также жили, также волновались, страдали и любили, какъ живемъ, волнуемся, страдаемъ и любимъ теперь, на мигъ, мы сами... Ушли они, уйдемъ и мы; придутъ другіе, а міръ и человѣчество останутся все тѣмъ же, все такимъ же...

Мужъ мечтаетъ, чтобы насъ съ нимъ схоронили здѣсь. Вчера мы съ нимъ служили панихиду по нашимъ старикамъ, надъ которыми лежатъ тяжелыя плиты и я глядѣла на свободное мѣсто подлѣ нихъ и мысленно старалась представить себѣ, какъ мы будемъ лежать тутъ, рядомъ съ ними... Какъ-то жутко и странно, и въ то же время точно хорошо, глядѣть на то мѣсто, которое когда-нибудь будетъ твоимъ послѣднимъ и вѣчнымъ пристанищемъ. Я смотрѣла на яркую зелень лужайки, на колыхавшіяся вѣтки цвѣтущей сирени, росшей на ней и думала: «вотъ, можетъ быть, здѣсь...»—и право мнѣ было какъ-то грустно хорошо; я сжимала руку мужа и думала, какъ мы ляжемъ тутъ съ нимъ, одинъ подлѣ другого навсегда... и это точно издали откуда-то сквозь туманъ, тихо, тихо надвигалось на насъ... Не знаю, я такъ часто и много думаю о смерти, что

она уже не страшитъ и не ужасаетъ меня... я сама не знаю, почему люблю думать о ней и точно всегда жду ее... жду какъ ждутъ вечеръ въ серединѣ дня и знаютъ, что онъ придетъ и долженъ придти потому, что не можетъ не придти, но всѣ такъ давно привыкли къ этому, что наступленія его никто не боится... быть можетъ, потому, что знаютъ, что за нимъ настанетъ снова день... можетъ быть худшій, можетъ быть лучшій, но такой же день...

Потомъ мы вернулись домой, и къ мужу приходили здѣшніе мужики, бывшіе крѣпостные, или вѣрнѣе ихъ дѣти и внуки уже.

«Пришли, батюшка, посмотрѣть на тебя и хозяйку твою»,—заявили они, кланяясь и дѣйствительно съ добродушнымъ любопытствомъ разсматривая насъ. Послѣ смерти стариковъ они мужа, очевидно, считаютъ «старшимъ» и, узнавъ о пріѣздѣ его, пришли ему поклониться. Но какъ удивительно долго держится это въ народѣ! Уже смѣнилось все поколѣніе, а они все еще глядятъ на бывшихъ своихъ помѣщиковъ, какъ «на своихъ господъ» и даже такъ и зовутъ ихъ.

И какія все хорошія, чисто русскія лица, характерныя то своимъ добродушіемъ, то тѣмъ особеннымъ кроткимъ и покойнымъ благообразіемъ, напоминающимъ наши старыя иконы.

Связь съ народомъ—великая связь и такому человѣку, какъ Евгеній, должно быть особенно больно сознательно и навсегда порывать ее. Цѣлыми годами онъ не бывалъ въ этихъ мѣстахъ, не видѣлъ никого изъ здѣшнихъ людей, а связь все-таки не порвалась, и все это осталось такимъ же «своимъ, близкимъ, роднымъ», какимъ было еще и во времена его дѣтства, когда онъ росъ и развивался здѣсь, среди нихъ.

Но какая огромная разница между поклономъ здѣшняго мужика и поклономъ финляндскаго крестьянина! Кланяются при встрѣчѣ и тѣ и другіе, но наши, русскіе, кланяются вамъ, еще издали снимая шапку и идя мимо васъ все время съ непокрытой головой, какъ бы все еще не отучившись видѣть въ васъ того властелина, рабами котораго они были такъ долго. Финляндецъ же кланяется вамъ только какъ сосѣду, съ которымъ онъ не прочь быть вѣжливымъ и даже любезнымъ, если вы не затрогиваете его интересовъ и не дѣлаете ему ничего непріятнаго.

Въ этихъ двухъ поклонахъ наглядно прорывается исторія двухъ народовъ, лучше всего, можетъ быть, доказывающая, что какъ ни тяжела была исторія и школа жизни нашего побѣжден-

наго сосѣда, но исторія и школа его злополучнаго побѣдителя была еще въ 10 разъ тяжелѣе!

17-е мая.

Сегодня я ѣду въ Харьковъ, въ мой милый Харьковъ, въ который я всегда ѣзжу «отдышаться» отъ Петербурга, когда онъ уже слишкомъ начинаетъ угнетать и затягивать меня. Тамъ, среди милыхъ мнѣ людей, я точно набираюсь опять свѣжаго воздуха и новыхъ силъ. Одно изъ самыхъ печальныхъ недоразумѣній жизни заключается въ томъ, что человѣку очень рѣдко дается жить подлѣ милыхъ и дѣйствительно близкихъ и родныхъ ему по духу людей. Жизнь и условія ея ставятъ на нашемъ пути столько ненужныхъ, чуждыхъ намъ и несимпатичныхъ для насъ людей, создаетъ такую массу условныхъ, фальшивыхъ отношеній, что по мѣрѣ того какъ зрѣешь духомъ—все сильнѣе ощущаешь въ себѣ потребность уйти отъ всего этого дальше; все больше стремишься къ простымъ, но сердечнымъ отношеніямъ и всѣ эти оффиціальныя, свѣтскія знакомства, на которыя съ молоду расходуешь себя такъ легкомысленно и охотно—съ созрѣваніемъ дѣлаются уже почти «бременемъ жизни», ненужную тяжесть и горечь котораго съ каждымъ годомъ чувствуешь все живѣе.

Можетъ быть это оттого, что жизни этой впереди остается все меньше и ее уже жаль и даже точно стыдно растрачивать па пустяки и фальшь. Вотъ за то-то я и люблю наши Маріоки, что они хоть временно освобождаютъ меня отъ всего этого и даютъ возможность съ облегченіемъ вздохнуть послѣ зимы.

Но радостнѣе и легче всего вырывается у меня этотъ «вздохъ освобожденія» именно въ Харьковѣ, подлѣ моей Раисы Николаевны, подлѣ Акименки, котораго я чувствую точно роднымъ и любимымъ братомъ и подлѣ всѣхъ ихъ, съ которыми я могу быть наконецъ сама собой, съ которыми я точно нахожу самое себя опять!

Женя останется здѣсь еще нѣсколько дней съ братомъ его Сергѣемъ, съ которымъ за этотъ нашъ пріѣздъ въ Ольховатое мы стали добрыми, кажется, пріятелями.

Но вотъ типъ, вырабатываемый вѣрно только провинціей и притомъ преимущественно еще нашими среднеполосными черноземными губерніями. Въ Петербургѣ я такихъ что-то не помню; должно быть Петербургъ слишкомъ дисциплинируетъ

людей, подолгу живущихъ въ немъ, большинство которыхъ больше всего боится главное одного — перестать походить на другихъ.

Сергѣй же нашъ—истый и коренной провинціалъ-помѣщикъ, весело прокутившій уже два состоянія—женино и свое. Онъ принадлежитъ къ людямъ, какъ-то слишкомъ много занимающихъ мѣста всей своей крупной и жизнерадостной особой, всюду, куда бы они ни появились, и дѣлающихъ это притомъ съ такимъ торжествующимъ и радостно увѣреннымъ видомъ, точно они твердо убѣждены, что міръ, если не цѣликомъ, то хоть значительной частью его, и ужъ во всякомъ случаѣ всей «ихъ губерніей», созданъ непосредственно для нихъ.

Они въ этомъ такъ же увѣрены, какъ и въ томъ, что всѣ женщины, и опять-таки тѣмъ болѣе «свои губернскія», сильно неравнодушны къ нимъ и чуть не съ восторгомъ готовы принадлежать имъ по первому ихъ предложенію, а всѣ богатые люди ихъ губерніи должны быть почти счастливы, если они обращаются къ нимъ за кредитомъ.

Когда они куда-нибудь входятъ, они точно разомъ заполняютъ собой все пространство; когда говорятъ, голоса ихъ, какимъ-то ликующимъ сочнымъ звукомъ громко и увѣренно покрываютъ всѣ остальные.

И въ мѣстномъ клубѣ, и на желѣзнодорожномъ вокзалѣ и въ театрѣ и у себя на усадьбѣ и даже на Невскомъ проспектѣ (на панели котораго ихъ по большей части заносятъ «непріятности съ дворянскимъ банкомъ») — они вездѣ одинаково чувствуютъ себя дома, одинаково мало стѣсняются и любятъ, чтобы ихъ замѣчали. Они оптимисты отъ рожденія, не унывающіе и весело ужинающіе на тѣ самыя деньги, которыя приготовили на взносъ процентовъ въ злополучный банкъ, послѣ вечера, пріятно проведеннаго въ мѣстномъ театрѣ, гдѣ они знаютъ всѣхъ актрисъ (но предпочитаютъ «опереточныхъ»), чуть не наканунѣ того дня, когда ихъ насиженныя дѣдовскія имѣнія идутъ съ молотка или висятъ на ниточкѣ, подъ страхомъ Дамоклова меча нашего «земельнаго дворянства».

Почему-то жены у нихъ всегда худы и некрасивы, но влюблены въ нихъ и преданы имъ до такой степени, что на всѣ ихъ прегрѣшенія, вплоть «до опереточныхъ», глядятъ сквозь пальцы; вѣрно въ благодарность за такое великодушіе они по своему относятся къ этимъ женамъ очень нѣжно и хоть являются домой обыкновенно не раньше четвертаго часа ночи, но охотно и откровенно разсказываютъ имъ всѣ или почти всѣ свои

похожденія, а когда возвращаются изъ Москвы или Петербурга, любезно, какъ истые баричи, привозятъ имъ оттуда модную шляпу или накидку, что большею частью забываютъ или не считаютъ нужнымъ дѣлать мужья, гораздо болѣе примѣрные и добродѣтельные.

Я часто думаю, глядя на нихъ—Сергѣя и Евгенія,—какъ отъ однихъ и тѣхъ же родителей могли родиться два такіе противоположные человѣка.

А между тѣмъ они положительно похожи другъ на друга и курьезнѣе всего то, что они похожи не только лицами, но даже отдѣльными чертами характера и въ мелочахъ иногда поразительно повторяютъ другъ друга. Это невольно заставляетъ меня симпатизировать Сергѣю и глядѣть на него почти также великодушно, какъ и его собственная жена. Я люблю порой болтать съ нимъ. Онъ такъ много бывалъ съ женщинами, столько возился съ ними въ своей жизни, что по неволѣ научился очень мѣтко и даже тонко понимать ихъ. Я люблю послушать иногда Одиссею его приключеній, хотя думаю, что въ ней фантазіи не меньше чѣмъ дѣйствительности; но у него все это выходитъ какъ-то такъ искренно и добродушно, что даже въ тѣхъ случаяхъ, которые въ другихъ меня возмутили бы своимъ хвастовствомъ и очевиднымъ «преувеличиваніемъ», чтобы не сказать больше, ему я только замѣчаю почти также благодушно, какъ онъ самъ разсказываетъ ихъ: «Сереженька, вы фантазируете» и онъ нисколько этимъ не обижается, а мое пріятельское настроеніе къ нему нисколько оттого не мѣняется и не страдаетъ. Въ своемъ родѣ—это русскій Тартаренъ, выросшій вмѣсто Прованса на русскихъ черноземныхъ поляхъ. Съ такими людьми трудно соскучиться, но подъ часъ можно утомиться ими...

1900-й годъ. 7-го сентября.
Ольховатое.

Вотъ уже 10 дней, что мы съ Анютой тутъ. Тишина, одиночество и свобода полныя. Во всемъ домѣ только мы съ ней вдвоемъ—мы да крысы. Сначала я боялась ихъ, съ крикомъ вскакивала и звала Анюту, какъ только слышала шорохъ одной изъ нихъ въ комнатѣ, но постепенно привыкла и теперь уже никого не зову и не кричу. Ихъ таинственное шмыганье даже идетъ къ темнотѣ ночи, хотя все-таки я предпочитаю слышать его издали, за стѣной другой комнаты, чѣмъ въ той же самой,

гдѣ стелятъ мнѣ; поэтому на ночь мы устраиваемъ отъ нихъ цѣлыя баррикады, забивая всѣ щели и дыры старыхъ половъ и заставляя двери стульями. И все же онѣ пробираются, какъ какіе-то темные духи. Что привлекаетъ ихъ въ ночи? Иногда кажется, что онѣ устраиваютъ цѣлыя оргіи въ темнотѣ комнатъ. Такъ ясно слышна ихъ бѣготня, какая-то странная возня между собой, даже пискъ ихъ рѣзкихъ и точно злобныхъ голосовъ, отъ котораго дѣлается жутко въ темнотѣ ночи. И у нихъ видно своя жизнь, своя борьба и страсти, свои радости и горе...

Лежа съ открытыми глазами чуть не цѣлыя ночи напролетъ, я невольно заинтересовываюсь этой загадочной жизнью маленькихъ, отталкивающихъ существъ, которыхъ всѣ ненавидятъ и боятся, даже не отдавая себѣ отчета за что; мысленно стараясь проникнуть въ ихъ жизнь, я составляю отъ нечего дѣлать въ головѣ цѣлыя исторіи о нихъ... Можетъ быть, научилъ меня этому, отнявъ и мой страхъ заодно, старый дѣдушка Андерсонъ, милый старый Андерсонъ, разрозненные томики котораго я нашла здѣсь въ шкафахъ библіотеки и отъ которыхъ вдругъ повѣяло далекимъ, забытымъ дѣтствомъ. Когда я не пишу своего Мытищева и не читаю Шопенгауэра, я беру эти старые, пожелтѣвшіе томики и съ наслажденіемъ вчитываюсь въ нихъ... Сколько старыхъ знакомыхъ, любимцевъ дѣтства встаетъ съ ихъ страницъ! Маленькая русалочка, гадкій утенокъ, красные сапожки—все это приводило когда-то въ первые сознательные восторги литературой, создавало любовь къ ней и развивало дѣтское воображеніе, наполняя его сказочными феями, принцами и волшебницами, въ которыхъ такъ хотѣлось вѣрить. Многіе изъ нихъ рисовались въ дѣтской фантазіи такъ ясно, что, казалось, ихъ видѣлъ, зналъ и говорилъ съ ними, какъ съ настоящими живыми людьми. Ихъ искренно искала я въ чашечкахъ цвѣтовъ, воображая спрятанными тамъ въ маленькихъ шапкахъ-невидимкахъ и почти видѣла въ лунномъ лучѣ, врывавшемся вечеромъ изъ окна въ нашу дѣтскую, на которомъ они имѣли обыкновеніе являться къ своимъ любимцамъ въ старыхъ прелестныхъ сказкахъ, почти незнакомыхъ нашимъ дѣтямъ теперь. И я жалѣю теперешнихъ дѣтей, незнакомыхъ съ Андерсономъ; это большой пробѣлъ въ дѣтскомъ умѣ и сердцѣ, въ развитіи и богатствѣ воображенія, невольно черпавшаго оттуда первые идеальные образы. Маленькіе ребятишки, начитавшись Перро и Андерсона, безсознательно проникались прелестью поэзіи, заводили въ душѣ своей цѣлый волшебный міръ и невольно становились поэтами, сами не понимая того. А главное, тамъ былъ цѣлый міръ животныхъ,

птицъ и насѣкомыхъ, который становился понятнымъ, близкимъ и любимымъ, благодаря сказкамъ стараго дѣдушки, открывавшаго душу его своимъ маленькимъ читателямъ и научавшаго ихъ любить и не бояться его. Я помню, какъ перестала бояться ящерицъ, улитокъ и даже лягушекъ, послѣ того какъ прочла его сказки. Цѣлый новый міръ открылся мнѣ вдругъ, міръ, въ которомъ все стало интересно и поучительно, въ которомъ я разомъ сдружилась съ его многочисленными представителями, научившись даже разговаривать съ ними. По крайней мѣрѣ я искренно воображала это, и, бѣгая по саду или въ полѣ, я была уже не одна, у меня явилась сотня интересныхъ товарищей, и каждый изъ нихъ разсказывалъ мнѣ свои исторіи, непонятныя и незамѣчаемыя другими. И, помню, съ какой гордостью и торжествомъ разсказывала я ихъ потомъ взрослымъ и маленькимъ, не умѣвшимъ слушать ихъ отъ самихъ разсказчиковъ. Я воображала себя чѣмъ-то въ родѣ переводчика и страшно гордилась, давая полную волю воображенію, невольно изумлявшему большихъ. А развили и обогатили мнѣ его милые первые учителя дѣтства, волшебники Перро и дѣдушка Андерсонъ. И вотъ я вновь, черезъ два слишкомъ десятка лѣтъ, нахожу старыхъ знакомцевъ, и всѣ друзья дѣтства, уже почти забытые, вновь точно ожили и обступили меня... И на душѣ стало точно яснѣе и спокойнѣе, точно весь этотъ наивный, добрый, прелестный міръ кинулъ въ нее свое свѣтлое отраженіе и пролилъ чудодѣйственный бальзамъ...

9 сентября.

Все имѣетъ свою степень напряженія, даже страданіе, даже любовь... Мнѣ кажется, что я уже не чувствую ихъ. По крайней мѣрѣ отъ нихъ уже не раздирается мучительной болью вся душа и не вырываются невольные стоны. Можетъ быть это скорѣе отупѣніе, чѣмъ успокоеніе... Оно напоминаетъ тотъ солнечный день, что настаетъ послѣ страшной ночи урагана, все разрушившаго кругомъ... Тогда не надо глядѣть на землю... Солнце снова свѣтитъ, но вокругъ все опустошено и поломано... И теперь только не надо прислушиваться къ себѣ, не надо заглядывать въ глубь души—тамъ все поломано и разбито и все болитъ, быть можетъ по прежнему тяжко, но уже явилась какая-то возможность жить поверхностью души, не заглядывая въ больную, темную глубь ея и не касаясь болящихъ ранъ ея...

Что же, и то хорошо, и это уже отдыхъ... А мнѣ онъ нуженъ и для работы; она отлично идетъ здѣсь; я работаю цѣлыми днями и даже по ночамъ, благо все равно не сплю, работаю всегда, когда не читаю и не гуляю гдѣ-нибудь въ саду или не сижу на любимой скамейкѣ у пруда. И какіе дни стоятъ хорошіе, тихіе, мягкіе—ни яркаго солнца, ни вѣтра... Такой покой повсюду разлитъ, такіе мягкіе тона воздуха, неба, полей... И всюду, всюду золотые листья. Они летаютъ по дорожкамъ, какъ огромныя бабочки, крутятся въ воздухѣ, точно играя другъ съ другомъ и вдругъ падаютъ какъ подстрѣленныя птицы; мнѣ нравится ихъ шорохъ подъ ногами, словно они разсказываютъ что-то и шепчутъ... у нихъ тоже есть свои сказки, свои воспоминанія, «свое прошлое» и свое горе, быть можетъ... Горе... теперь я уже не сказала бы: «убей его». Пусть живетъ и будетъ счастливъ какъ можетъ... и умѣетъ... Не мнѣ быть его палачомъ...

У меня завелись новые друзья—большіе мохнатые здѣшніе псы, до сихъ поръ сидѣвшіе на цѣпи. Я спустила ихъ когда пріѣхала; меня отговаривали дѣлать это, увѣряя, что они страшно злы и кусаются, особенно по вечерамъ и незнакомыхъ; но я взяла съ собой хлѣба и костей, разныхъ остатковъ отъ обѣда и пошла къ нимъ, накормила прямо изъ рукъ и спустила съ цѣпей, поручившись за нихъ, что они никого не искусаютъ, пока мы тутъ. Они встрѣтили меня точно знакомую, радостно виляли хвостами, визжали и скакали вокругъ, силясь лизнуть въ руку и лицо, отчего я, при всей моей симпатіи къ нимъ, уклонялась; съ тѣхъ поръ они слѣдуютъ за мной по пятамъ.

— Слышите, псы, я ручаюсь за васъ,—сказала я имъ серьезно,—ручаюсь, что за это время вы никого не покусаете, смотрите же, не подведите меня...—И они точно поняли меня и подчинились условію, добросовѣстно до сихъ поръ выполняя его.

Когда я сижу въ своей комнатѣ, они лежатъ у моихъ оконъ; когда брожу, гуляютъ вмѣстѣ, точно оберегая, а въ часъ обѣда я выношу имъ все, что остается, и начинается ровный дѣлежъ, чтобы не обидѣть ни одного. И это они тоже отлично понимаютъ; каждый выжидаетъ своей очереди, и только глаза ихъ жадно слѣдятъ за летящими кусками. Къ сожалѣнію моя трапеза не богата, имъ приходится лакомиться только когда пріѣзжаетъ Сергѣй; я же почти не ѣмъ, у меня какія-то странныя боли отъ всякой ѣды, отбивающія послѣдній аппетитъ, и часто одинъ видъ мяса вызываетъ во мнѣ тошноту.

Но какъ велика, должно быть, потребность любви и привязанности во всемъ живомъ. Хотя бы тѣ же собаки. Брошенный кусокъ хлѣба, небрежная ласка—и это уже преданные друзья, вѣрные рабы, но не льстивые, лицемѣрные, а безконечно привязанные, вѣрные и благодарные. Едва вы позаботились о нихъ, накормили ихъ два-три раза, и онѣ уже готовы отдать за васъ жизнь, усердно оберегаютъ васъ и смотрятъ почти влюбленными глазами. Часто не надо даже и этого, чтобы они любили, все прощая и радостно откликаясь на первый дружелюбный зовъ. Сколько разъ я уже наблюдала, какъ здѣшніе мальчуганы ради какой-то вздорной забавы бросаютъ въ нихъ палками, подшибаютъ камнями, даже обливаютъ кипяткомъ, а онѣ, которыя могли бы отомстить такъ жестоко и растерзать ихъ на мѣстѣ, даже не пытаются защищаться и только съ болѣзненнымъ визгомъ отбѣгаютъ въ сторону и зализываютъ больное мѣсто и по первому же окрику снова покорно бѣгутъ къ своимъ мучителямъ и имъ же еще лижутъ руки... Что говоритъ въ нихъ при этомъ? Простой ли инстинктъ страха передъ человѣкомъ, этимъ царемъ животныхъ, самымъ жестокимъ изъ всѣхъ, можетъ быть, котораго невольно трепещутъ остальные, несмотря даже на преимущество силы—или что-то другое, болѣе глубокое и благородное, чего мы не понимаемъ и надъ чѣмъ не задумываемся? Можетъ быть человѣкъ для нихъ тоже, что Богъ для людей, предъ которымъ изливается ихъ потребность обожанія кого-то и преклоненія предъ чѣмъ-то высшимъ, предъ какой-то таинственной властью и могуществомъ, которыми въ своемъ умѣ они вѣрно надѣляютъ человѣка такъ же, какъ мы тѣми же свойствами Бога. Имъ можетъ быть также кажется, что мы «все можемъ»! Какое счастье, что хоть псы это воображаютъ о насъ—и какая злая иронія надъ нашимъ безсиліемъ и ничтожествомъ...

Но и у нихъ почти у каждаго свой характеръ, своя натура, только въ общихъ чертахъ подчиненная общему типу, какъ у каждаго и своя морда. Только сначала еще, не приглядѣвшись къ нимъ, можно не видѣть этого различія и думать, что всѣ водолазы какъ водолазы, пуделя какъ пуделя, мопсы какъ мопсы и т. д. О нѣтъ, у каждаго свое лицо, на которомъ, какъ и у насъ, отражается ихъ личность со всей ея сложной психологіей и свойствами. И между ними есть свои пессимисты и скептики отъ рожденія, какъ есть довѣрчивыя и жизнерадостныя натуры, видимо все видящія въ розовомъ свѣтѣ, и не только среди молодыхъ, но даже и среди старыхъ псовъ, не утрачи-

вающихъ своей способности идеализировать міръ до послѣднихъ дней. Есть идеалисты и есть практики, есть натуры открытыя и искреннія, и есть умы хитрые и даже слегка лицемѣрные, отлично изучившіе человѣческія свойства и пользующіеся ими по своему. Есть даже такіе, изъ которыхъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могло бы выработаться что-то въ родѣ типа нашихъ царедворцевъ, со всѣми его типичными чертами. Есть солидные псы, напоминающіе важныхъ, слегка лѣнивыхъ сановниковъ, которые даже въ драку не удостоиваютъ вступать, считая это видимо ниже своего достоинства—и есть, наоборотъ, прирожденные забіяки, которые только жаждутъ случая отличиться и задать кому-нибудь хорошую потасовку; изъ-за всякаго пустяка они стремительно бросаются въ нее почти съ какимъ-то наслажденіемъ и чувствуютъ себя послѣ нея настоящимя героями, даже и тогда, когда съ нихъ же только что летѣли клочья шерсти, и имъ же оборвали уши; они съ оборванными ушами чувствуютъ себя героями и только «кушаютъ» потомъ еще съ большимъ собачьимъ аппетитомъ, не то проголодавшись сильнѣе отъ драки, не то считая порцію особенно заслуженной. Есть и маленькіе доносчики, почти всегда между болѣе мелкими представителями, потому что положительно—чѣмъ крупнѣе песъ, тѣмъ благороднѣе его натура. У большихъ собакъ всѣ качества большія, у маленькихъ—маленькія и довольно ничтожныя души... Доносчики всегда рады визжать по всякому поводу и притворяться обиженными жертвами, взывая усиленными воплями къ людямъ, которыхъ умѣютъ дѣлать своими мстителями. Они визжатъ на весь дворъ съ такимъ отчаяніемъ, точно ихъ зарѣзали или обварили, особенно если обида нанесена кѣмъ-нибудь изъ тѣхъ, кого они не долюбливаютъ, или другой собакой, которой не могутъ отмстить сами—и успокаиваются только когда обидчикъ хорошо проученъ. О, эти умѣютъ извлекать изъ человѣка хорошую пользу для себя и почти неизбѣжно попадаютъ въ любимчики. Есть еще... а впрочемъ, что это я вдругъ расписалась о собакахъ и это послѣ того, какъ просидѣла 5 часовъ, не вставая, надъ Мытищевымъ. А впрочемъ, надо же чѣмъ-нибудь занимать себя.

13 сентября.

Но не все лишь четвероногіе здѣсь друзья у меня. Здѣсь въ деревнѣ, на лонѣ природы, люди относятся другъ къ другу довѣр-

чивѣе и проще, меньше требуютъ и сближаются скорѣе, несмотря на всю видимость разницы «сословій». Земля и общій трудъ, общая жизнь въ такой близкой и тѣсной зависимости другъ отъ друга стираютъ эту разницу и о ней забываешь, быть можетъ потому, что ея нѣтъ и не было сначала въ природѣ, съ которой постоянно соприкасаешься здѣсь. Государству она можетъ быть нужна, и городъ установилъ ее и ревниво оберегаетъ, но природа не нуждается въ ней, она не служитъ ея цѣлямъ, эта сословность, и деревня невольно уничтожаетъ ее. За эти двѣ недѣли у меня завелись здѣсь не только знакомые, но и своеобразные друзья и чуть не родня, зовущая меня то крестить, то вѣнчать. Конечно, соображеніе о выгодѣ играетъ извѣстную роль; каждый понимаетъ, что если барыня будетъ посаженной или крестной, то и подарокъ будетъ лучше, чѣмъ отъ своего брата—но почему же имъ и не соображать и не желать этого? Это такъ естественно и ни капли меня не расхолаживаетъ и не коробитъ. Напротивъ, я сама ищу случая надѣлять ихъ разными подарками, потому что дарить ихъ, видѣть какъ радостно вспыхиваютъ ихъ лица, для меня быть можетъ бо́льшее удовольствіе, чѣмъ для нихъ получать. Правда, Сергѣй уже ворчитъ на меня, говоря, что я избаловываю народъ; но это баловство такъ рѣдко выпадаетъ на ихъ долю, гдѣ ужъ тутъ избаловаться имъ. Особенно много пріятельницъ развелось у меня между бабами и дѣвушками; мужики держатся дальше, хотя тоже при малѣйшемъ вопросѣ съ моей стороны охотно вступаютъ въ бесѣду. Бабы же приходятъ сами и не дожидаются моего «вступленія». Знакомство завелось между нами еще раньше; онѣ знаютъ меня еще по прежнимъ пріѣздамъ и теперь встрѣтили какъ старую знакомую. Онѣ приходятъ ко мнѣ совѣщаться о своихъ дѣлахъ, жалуются на мужей, отцовъ, дѣтей, на свои болѣзни, охотно лѣчатся у меня, хотя познанія мои тутъ очень не обширны. Но натуры ихъ, не привыкшія къ лекарствамъ, такъ воспріимчивы къ нимъ, что даже я умудряюсь имъ помогать. Каждый день, отработавъ поденщину, когда въ воздухѣ уже темнѣетъ, цѣлая ватага дѣвушекъ приходитъ къ моему крыльцу «покалякать», прежде чѣмъ разойтись по домамъ. Онѣ садятся подлѣ на ступенькахъ, разсматриваютъ мое платье, кружева, кольца, разспрашиваютъ о городской «питерской» жизни, видимо интересуются ею, разсказываютъ о своихъ дѣлахъ и происшествіяхъ, которыхъ въ деревнѣ при уборкѣ хлѣба всегда достаточно, и вообще держатъ себя совсѣмъ свободно и спокойно, скорѣе даже съ равенствомъ. Я не замѣтила въ нихъ ни застѣнчивости, ни дикости, ни за-

искиванія. Это совсѣмъ другой тонъ, чѣмъ у нашей прислуги, и нравится мнѣ несравненно больше. Здѣсь сближеніе происходитъ гораздо проще и равноправнѣе. Въ своей простотѣ душевной онѣ спокойно задаютъ мнѣ такіе вопросы (въ родѣ того, «согласно ли я живу съ мужемъ, не обижала ли свекровь» и т. п.), которые не только никогда не рѣшится задать мнѣ моя городская прислуга, но которые не считала бы себя вправѣ предложить и я ей. Здѣсь же жизнь такъ проста и такъ удалена отъ всѣхъ нашихъ городскихъ условностей, что и отношенія поневолѣ складываются уже сами собой такими же простыми и безыскусственными. И какой это нравственный отдыхъ! Я, которая боялась *тамъ* всякаго пристальнаго взгляда, *здѣсь* спокойно отвѣчаю на самые сокровенные вопросы. Быть можетъ... быть можетъ, потому, что они никогда не относятся къ тому, о самомъ существованіи кого здѣсь даже не знаютъ. Никто не произнесетъ при мнѣ невзначай его имя, никто не станетъ допытываться осторожными намеками. Развѣ Сергѣй; но почему-то съ нимъ это не заставляетъ меня содрогаться отъ боли и сейчасъ же душевно съеживаться, какъ было тамъ почти со всѣми...

Когда пріѣзжаетъ Сергѣй, то не только не мѣшаетъ мнѣ, но точно даже что-то прибавляетъ къ моему настроенію болѣе бодрое и пріятное. Его огромная фигура и зычный голосъ идутъ къ этимъ мѣстамъ, къ ихъ широкимъ полямъ и простору, и я рада, что именно ему, а не кому-нибудь другому Евгеній отдалъ управленіе имѣніемъ. Такъ тяжело было бы сейчасъ, если бы вмѣсто него былъ бы теперь здѣсь кто-то чужой, посторонній. Въ немъ удивительная смѣсь сходства и различія съ Евгеніемъ. Лицо, фигура, голосъ, манеры—подчасъ все это страшно напоминаетъ Евгенія, только все въ полтора раза громче, шире. За то ихъ натуры, одинаковыя въ разныхъ родственныхъ, «фамильныхъ» мелочахъ, совершенно различны по существу. Насколько Евгеній глубокъ, настолько поверхностенъ Сергѣй; Евгеній живетъ «въ себѣ», Сергѣй—«весь на людяхъ», какъ онъ самъ о себѣ говоритъ. Евгеній умѣренъ и сдержанъ во всемъ, что характеризуется названіемъ «удовольствія жизни». Сергѣй, не задумываясь и мало передъ чѣмъ останавливаясь, черпаетъ изъ нихъ полной чашей, «ковшомъ», какъ говоритъ опять же онъ самъ. Евгеній скорѣе меланхоличенъ и весь проникнутъ глубокими и твердыми принципами и убѣжденіями, этимъ фундаментомъ, на которомъ развивалась съ дѣтства его натура. Сергѣй—жизнерадостенъ, но принципы и убѣжденія не только не были съ дѣтства его фундаментами, а я думаю, что онъ и къ

старости ихъ еще не пріобрѣтетъ и, говоря правду, если допросить его хорошенько, окажется, что имѣетъ о нихъ очень смутное понятіе вообще. И въ то же время отлично умѣетъ обходиться безъ нихъ и даже пріобрѣлъ прозвище «милѣйшаго человѣка», доказывающее очевидно его популярность въ обществѣ, особенно въ своемъ уѣздномъ и губернскомъ, гдѣ онъ является настоящей душой его, великолѣпно изображая всей своей импозантной фигурой мѣстнаго льва. Онъ вообще очень милъ и удобенъ, съ нимъ живется пріятно и уютно, только его не надо принимать въ серьезъ или разбираться въ немъ слишкомъ глубоко.

Сейчасъ для меня трудно бы придумать лучшаго товарища. Своимъ простымъ, нетребовательнымъ, жизненнымъ настроеніемъ, которымъ я невольно заражаюсь, онъ отлично дѣйствуетъ на меня. Онъ умѣетъ такъ просто жить, такъ удобно на все смотрѣть, даже въ мелочахъ, умѣетъ такъ вкусно ѣсть, такъ крѣпко спать, такъ громко хохотать и даже такъ весело безобидно браниться, разнося всѣхъ, кто попадается на глаза, что углубляться въ себя при немъ рѣшительно невозможно.

За обѣдомъ и ужиномъ онъ со вкусомъ и «со смакомъ», аппетитно причмокивая жирными губами, ежедневно съѣдаетъ полъмиски борща и половину гуся или поросенка. И смотря на него, на то какъ вкусно обгладываетъ онъ каждую косточку, какъ хруститъ на его великолѣпныхъ зубахъ подрумяненная кожица сочнаго гуся и какъ аппетитно обмакиваетъ онъ кусокъ жирной говядины въ соль и горчицу, мнѣ вдругъ и самой начинаетъ хотѣться ѣсть, и я, которая еще наканунѣ содрогалась отъ одного вида мяса и насильно заставляла себя проглатывать стаканъ молока, незамѣтно для себя съѣдаю съ нимъ «за компанію», какъ говоритъ онъ, тарелку супу или кусочекъ жаркого и даже не чувствую потомъ болей. Даже сплю при немъ лучше. Ему стелятъ за три комнаты отъ моей, но богатырскій храпъ его раздается на весь старый домъ, распугивая даже крысъ, и Анюта моя не шутя увѣряетъ, что при Сергѣѣ Эпафродитовичѣ крысъ гораздо меньше, «потому что онѣ ихняго храпа боятся». А я машинально прислушиваюсь въ тишинѣ ночи къ этимъ звукамъ, такимъ простымъ и жизненнымъ, и вдругъ тоже безсознательно перестаю думать о томъ, о чемъ думаю постоянно, какъ ни ломаю себя, и незамѣтно засыпаю хоть на часъ или два крѣпкимъ, хорошимъ сномъ, что тоже не каждую ночь случается.

Ужъ когда онъ только ѣдетъ къ намъ изъ № гдѣ обыкновенно живетъ, что бываетъ приблизительно еженедѣльно, а то и чаще, я за версту слышу звонъ его бубенчиковъ, неисто-

вый лай всѣхъ окрестныхъ собакъ и его зычный голосъ, уже разносящій кого-то по дорогѣ, за какіе-то «непорядки и упущенія».

— Черти, дьяволы, — кричитъ онъ еще изъ тарантаса — опять свиней въ садъ понапустили, а жеребята въ овсы ушли. Отчего заборъ не поправленъ? Кому я, дьяволы, говорилъ? Черти и дьяволы сбѣгаются со всѣхъ сторонъ на хозяйскій крикъ, наскоро загоняя свиней и жеребятъ и поправляя на ходу заборъ какими-то колышками, валяющимися тутъ же, и притворяются перепуганными господскимъ гнѣвомъ и что-то дѣлающими, но въ сущности всѣ эти крики мало на кого дѣйствуютъ. Крикъ и ругань—это что-то въ родѣ священнаго хозяйскаго права на Руси, безъ котораго невозможно, какъ увѣряетъ Сергѣй, «вести хозяйство». Онъ говоритъ, что русская скотина безъ кнута, а русскій мужикъ безъ крѣпкаго словца съ мѣста не двинутся. Правъ ли онъ, не знаю, но вижу, что этого права хозяйской брани никто не оспариваетъ, принимая ее какъ нѣчто должное и неизбѣжное. Къ этому привыкли уже «спОконъ вѣка», поколѣніе за поколѣніемъ, и мало-по-малу это установилось какъ обычай, никого не удивляющій, никого не оскорбляющій, но и ничего не мѣняющій.

«Ничего», говорятъ, «баринъ сплывчатый: покричитъ, поругается и обойдется. А ужъ безъ этого нельзя».

И опять все идетъ по старому: свиньи гуляютъ въ саду, жеребята въ овсахъ, а заборы, разъ повалившись, лежатъ годами, пока не сгніютъ совсѣмъ.

Знаетъ это отлично и Сергѣй и въ душѣ мало тѣмъ возмущается, тоже привыкнувъ къ этому «поколѣніями», а кричитъ и ругается больше «для порядка» да для собственнаго удовольствія, потому что грудь широкая, всколыхнуть ее пріятно, пріятно и свою господскую власть показать, да и къ тому же «не нами это заведено; дѣды и прадѣды такъ дѣлали, такъ намъ, внукамъ, не отставать стать», какъ говоритъ онъ.

Одинъ изъ самыхъ злополучныхъ россійскихъ аргументовъ, который приводится такъ часто и губитъ мало-по-малу.

Сначала я все это принимала въ серьезъ и, когда видѣла завалившійся заборъ или гуляющихъ свиней, помня Сергѣевскіе разносы, немедленно звала кого слѣдовало и указывала на промахъ.

— Смотри, — говорила я сторожу Ефрему, маленькому мужиченкѣ съ рѣдкой бородкой и кривыми ногами, которому не

то 30 лѣтъ, не то 60,—смотри, заборъ опять повалился; надо же исправить. Баринъ пріѣдетъ, опять кричать будетъ.

— Извѣстно, будутъ,—съ смиреннымъ спокойствіемъ соглашается и Ефремъ, — какъ не кричать, на то они и хозяева, нешто имъ это пріятно, извѣстно непріятно. Свой убытокъ кажинному дорогъ, кому не доведись.

Ефремъ вообще любитъ пофилософствовать и сыпать разными пословицами и прибаутками, больше собственнаго вдохновенія. Сергѣй такъ и кричитъ ему, другой разъ: «эй ты, философъ, опять въ небѣ галокъ, разиня ротъ, считаешь». И Ефремъ тотчасъ же откликается и даже, кажется, что за «философа» обижается больше чѣмъ за дьявола.

— Извѣстно непріятно,—говоритъ онъ мнѣ, нагибаясь надъ плетнемъ, больше впрочемъ для очистки совѣсти.—Да какъ его поправишь, ничего съ нимъ не подѣлаешь,—заканчиваетъ онъ съ убѣжденіемъ.

— Какъ ничего не подѣлаешь,—говорю съ изумленіемъ,—вѣдь можно же починить его наконецъ? Развѣ тебѣ пріятно, что тебя за него каждый разъ ругаютъ?

— Чего пріятно,—благодушно соглашается опять Ефремъ,—брань-то, какъ говорится, и собаку дойметъ, да какъ его справить, окаяннаго? Вишь какъ прогнилъ, все одно опять завалится, сколько ни чини. А подпереть его—это точно, это можно, и были тутъ у меня колышки, онамеднясь оставилъ, да видно ребятишки проклятые опять на палки порастаскали! Ужъ сколько я ихъ за вихры дралъ, да нешто за ними углядишь! за ними не углядишь!

Я окончательно теряю нить во всей этой логикѣ, но по наивности еще ищу выхода изъ нея.

— Такъ, значитъ, надо новый поставить, если старый сгнилъ, — говорю я. Но Ефремъ и тутъ побиваетъ меня своей неумолимой логикой.

— Все одно и новый завалится,—говоритъ онъ съ убѣжденіемъ;—нешто плетень можетъ, скажемъ къ примѣру, долго стоять! Кабы это чугунка была, либо бревна, ну тогда точно что, а плетень—плетень и есть, сколько его ни ставь, а по времени все равно опять завалится.

— Такъ какъ же быть?—совсѣмъ уже недоумѣваю я,—ни новаго, ни стараго, значитъ, ставить не стоитъ; какъ же, совсѣмъ значитъ безъ забора быть? Вѣдь у васъ же тамъ яблони; ихъ всѣ попортятъ, если оставить безъ забора...

— Зачѣмъ безъ забора? Безъ забора никакъ невозможно. Да

вишь ты, проклятые таскаютъ все. Вонъ и калитка опять распахнута. Давеча еще на веревку ее привязялъ, анъ глядишь опять сняли. Видно опять Гаврюшка или Митька Акулькинъ баловались. Луки дѣлали въ воронъ стрѣлять, они ихъ все каменьями изъ луковъ стрѣляютъ, да нешто въ ворону попадешь! Въ ворону не попадешь, она птица умная, ученая, триста лѣтъ живетъ, она допрежь ихъ еще видитъ, чего они задумали. Да нешто имъ втолкуешь, имъ хоть колъ на головѣ теши, они все свое. Сейчасъ привязалъ, анъ ужъ и нѣтъ ея. Опять же и колья, не иначе какъ они, больше некому. А може и другой кто отъ собакъ взялъ, мало ли тутъ народу шатается. Надоть пойти поискать гдѣ, а то извѣстное дѣло, недолго и грѣху быть. Лѣтось не хуже того было, почитай штукъ тридцать яблонь попортили, разрыли, проклятыя, носами, подъ самый корень норовятъ, ну, извѣстно, и сгибли... Оно конечно не досмотрѣли, такъ развѣ за всѣмъ-то усмотришь? За всѣмъ не усмотришь, какъ ни верти...

И онъ уходитъ на розыски новыхъ кольевъ и веревокъ, которые снимаются тутъ же съ другихъ калитокъ, вѣчно путешествуя съ одной на другую, пока не стаскиваются окончательно ребятишками «на луки» или кушаки.

Бѣдное русское хозяйство, отъ сколькихъ исходныхъ причинъ зависитъ его устройство или, вѣрнѣе, неустройство!

Митюшкѣ или Ванюшкѣ понадобится подпоясать рубашку или запустить камнемъ изъ лука въ ворону, а у помѣщика по естественной логикѣ хода вещей, непонятной для иностранца, свиньи подрываютъ тридцать штукъ лучшихъ яблонь! Прохожему надо оборониться отъ собакъ—и валится отъ этого плетень. Старый поднимать и поправлять не стоитъ, «потому все равно опять завалится», а новый и вовсе не нуженъ, потому что со временемъ завалится такъ же точно какъ и старый! Единственное спасеніе и благодѣтельный выходъ—все тотъ же колышекъ, которымъ кажется и подпирается главнымъ образомъ россійское хозяйство.

Колышекъ и веревка—вообще самыя необходимыя въ немъ вещи, на которыхъ, худо ли, хорошо ли, все держится. И какое разнообразное примѣненіе дается имъ! Иностранцы умѣютъ ими только товары и пакеты обвязывать, а у насъ кусокъ аршинной веревки умудряются примѣнить и въ видѣ затвора и вмѣсто задвижекъ, и опоясаться имъ при случаѣ, снявъ тутъ же съ первой калитки, если нѣтъ ничего другого подъ рукой. Ко-

лышекъ и веревка—единственныя вещи, кажется, которыя всегда подъ рукой у русскаго мужика.

Я уже говорила объ этомъ Сергѣю и совѣтовала завести настоящія задвижки и замки, хотя бы для того же фруктоваго сада, гдѣ каждый годъ, благодаря отсутствію ихъ, свиньи портятъ по нѣсколько хорошихъ деревьевъ и приносятъ большой убытокъ. Мнѣ казалось это такъ просто, но онъ только махнулъ рукой.

— Жили и безъ задвижекъ,—сказалъ онъ съ убѣжденіемъ, достойнымъ того же Ефрема. — Все равно растащатъ, опять то же будетъ.

Удивительно не любитъ русскій человѣкъ никакихъ нововведеній, даже самыхъ невинныхъ и, казалось бы, такихъ простыхъ, удобныхъ и возможныхъ въ то же время; но одно представленіе о нихъ уже смущаетъ и удручаетъ его какъ прирожденнаго консерватора. Не думаю, чтобы Россія дожила бы когда-нибудь до республики, хотя бы и черезъ двѣсти лѣтъ еще. Нововведенія слишкомъ будутъ крупны и «брюхо русскаго народа», какъ говоритъ все тотъ же Сергѣй, «не переваритъ сего»!

15-е сентября.

Жестокость! Она есть и въ русскомъ человѣкѣ, но какая-то безсознательная и благодушная и, если это слово допустимо здѣсь, въ то же время точно стихійная. Она внезапна и непрочна, падая такъ же быстро и неожиданно, какъ и поднимаясь, и напоминая внезапно поднявшійся вѣтеръ въ степи, который вдругъ сорвется, налетитъ откуда-то, подниметъ цѣлый столбъ пыли, накрутитъ что-то въ воздухѣ и пропадетъ куда-то. Какая разница съ утонченной, сознательной, обдуманной, злопамятной жестокостью другого народа, въ которой онъ точно находитъ сладострастное удовлетвореніе.

Особенно жестоки русскія дѣти, милые, добрые, круглоголовые ребятишки, съ ясными, свѣтлыми глазами и открытыми, добродушными лицами. Смотришь на него и думаешь, что это сама доброта, да оно такъ и есть въ сущности—и тѣмъ не менѣе ему ничего не стоитъ разорить гнѣздо, подбить птицу, обварить собаку и такъ далѣе. И все это съ той же благодушной безсознательностью, въ которой онъ даже не отдаетъ себѣ отчета.

Есть здѣсь два пастушенка—подпаски, какъ ихъ тутъ на-

зываютъ: Игнатъ и Фролка. Обоимъ лѣтъ по двѣнадцати-тринадцати и оба настоящіе русскіе хорошіе мальчуганы, которыхъ вырабатываетъ только русская деревня, съ ея самобытными условіями.

Игнатъ—тонкій, высокій, немного худой, на видъ нѣсколько болѣзненный мальчикъ, съ задумчивымъ личикомъ и печальными, мечтательными глазами. Онъ застѣнчивъ и молчаливъ, и не только смѣется, но даже улыбается рѣдко. Въ душѣ онъ вѣрно прирожденный поэтъ и музыкантъ. По крайней мѣрѣ я не разъ заставала его гдѣ-нибудь у пруда или у того же завалившагося плетня, въ тихій вечерній часъ, въ какой-нибудь задумчивой позѣ, мечтательно и подолгу смотрящаго куда-то въ небо, въ пространство... Онъ самъ соорудилъ себѣ свирѣль и играетъ на ней очень недурно. На зарѣ раннимъ утромъ, когда онъ вѣрно сзываетъ свое стадо, я часто слышу ее, и она поетъ уже теперь печально и мелодично, по своему разсказывая, быть можетъ, его задушевныя мечты и мысли.

Второй, Фролка, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Маленькій, сильный крѣпышъ, розовый, круглолицый и задорный. Этотъ всегда веселъ и благодушествуетъ. Онъ уже теперь отличается большимъ юморомъ, заставляя нерѣдко хохотать своими словцами и выходками даже взрослыхъ работниковъ и видимо состоитъ въ любимцахъ у нихъ, не безъ нѣкоторыхъ отъ того выгодъ для себя, которыми пользуется очень ловко. Онъ похожъ на одного рыжаго, неуклюжаго щенка во дворѣ, также очень забавнаго и большого практика, какъ и Фролка, съ которымъ они состоятъ въ дворовыхъ любимцахъ и находятся въ большой дружбѣ, хотя надо отдать справедливость имъ обоимъ, что въ той симпатіи, которой они пользуются у всѣхъ, нѣтъ ничего подлизывающагося и противнаго. Она заслужена и естественна, потому что въ концѣ-концовъ оба они добродушные, забавные щенята. И тѣмъ не менѣе эта добродушность ничуть не мѣшаетъ имъ быть бичемъ, одному—всѣхъ собакъ и галокъ, которыхъ онъ умѣетъ «подбивать» съ художественной ловкостью, другому—всѣхъ домашнихъ птицъ и поросятъ, съ которыми у него вѣчная, непрерывная война. Сто разъ уже влетало имъ за то, но ни Фролка, ни Кадышка не унываютъ и продолжаютъ любимыя забавы съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. То одинъ, съ гамомъ и лаемъ, съ задравшимися ушами и поднятымъ геройски хвостомъ, несется по двору за какой-нибудь опалѣвшей отъ страха курицей, съ отчаяннымъ крикомъ удирающей отъ него со всѣхъ ногъ, то другой уже нацѣливается

на пробѣгающую мимо собаку, стараясь попасть ей какъ разъ въ суставъ задней лапы, гдѣ боль сильнѣе и отъ чего, къ полному восторгу торжествующаго Фролки, поднимается отчаянный визгъ, за который ему же попадаетъ «за вихры» отъ кого-нибудь, невольно выскакивающаго на этотъ вой.

— Фролка,—говорю я, поймавъ его уже не разъ на этой забавѣ,—какъ тебѣ не стыдно. За что ты ее подбилъ?

— А такъ,—говоритъ онъ благодушно, даже не отпираясь,—ишь заскулила, проклятая.—И онъ смѣется очень довольный.

— Развѣ тебѣ ее не жалко?—спрашиваю я.

— А чего ее жалѣть?—говоритъ онъ, удивляясь.

— Да вѣдь ей же больно, глупый ты этакій.

— А пусть,—говоритъ Фролка все съ той же благодушной улыбкой, отъ которой такъ и свѣтится вся его розовая круглая рожица.

А я невольно развожу руками, не зная, какъ же пробить эту непроницаемую стѣну добродушной, безсознательной жестокости маленькаго дикаря.

Но когда я поймала на томъ же и серьезнаго, печальнаго Игната, мнѣ стало почти страшно и больно.

И онъ съ своимъ задумчивымъ, мечтательнымъ видомъ оказывается забавлялся тѣмъ же, не хуже благодушнаго Фролки, и такъ же ничего не понялъ и не отвѣтилъ мнѣ, когда я спросила его, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Только смутился немного, но за то съ тѣхъ поръ я уже не замѣчала его въ этомъ. И въ то же время онъ же скармливалъ тѣмъ же собакамъ куски своего хлѣба, которыхъ вовсе ужъ не въ избыткѣ достается на его долю, и однако онъ щедро раздавалъ его имъ, обдѣляя себя. Какъ совмѣстить все это?

Да, великая и долгая еще школа предстоитъ тебѣ, великій русскій народъ! Ты даже и не проснулся еще какъ слѣдуетъ, ты все еще дремлешь, какъ дремлютъ на разсвѣтѣ, хотя... хотя давно наступилъ уже твой полдень. Смотри, не пропусти его...

17-го сентября.

Мнѣ нравится въ Ольховатомъ уже то, что здѣсь никто меня не наблюдаетъ, никто не интересуется моей внутренней жизнью, и всѣ касаются меня лишь постольку, поскольку я сама хочу этого. А между тѣмъ я не одна и одиночество, такъ сильно чувствовавшееся въ Маріокахъ, здѣсь почти незамѣтно.

Кругомъ меня идетъ своя жизнь, съ которой я мало сливаюсь, но издали охотно наблюдаю ее. Ольховатскій домъ построенъ по старинному. Рядомъ тутъ же расположены и людскія, и рабочія избы, и даже конюшни и скотный дворъ, чтобы за всѣмъ сразу могъ слѣдить хозяйскій глазъ; цѣлыми днями по двору проходитъ разный народъ, потому что тутъ же пролегаетъ и большая дорога—«нашъ Невскій проспектъ», какъ выражается Сергѣй. Прежде она была еще открытѣе, но теперь тополя, отдѣляющіе ее отъ двора, разрослись и на половину закрыли видъ, что разстилается за ней, на прудъ и деревню за нимъ, изъ которой доносятся звуки такъ ясно, что если позвать кого погромче съ того берега пруда, то у насъ слышно отлично. Еще дальше виднѣется бѣлая сельская церковь съ зеленымъ куполомъ и кладбищенской оградой, а за ней «поля, опять поля и все поля, поля, поля»... какъ у Майкова... Я люблю этотъ немудреный видъ. Въ немъ мало декоративнаго и быть можетъ даже красиваго, но за то что-то такое близкое, свое, родное, что невольно успокаиваетъ и отъ чего вѣетъ далекимъ милымъ дѣтствомъ... даже не своимъ (мое, увы, прошло почти сплошь въ городѣ), но чьимъ-то хорошимъ, хорошимъ, уютнымъ, милымъ дѣтствомъ, о которомъ, быть можетъ, когда-то читала или мечтала въ одинокія минуты...

Послѣдніе дни стоятъ все больше сѣренькіе, тихіе и задумчивые... По утрамъ иногда идетъ небольшой дождикъ, еще теплый какъ лѣтомъ, и капли его нѣжно шуршатъ по соломенной крышѣ, точно ласкаясь и разсказывая что-то. И такъ хорошо прислушиваться къ ихъ шуршанью и дремать послѣ безсонной ночи.

Потомъ разъясниваетъ, и дни иногда бываютъ еще яркіе и солнечные, въ голубомъ блескѣ которыхъ листва сада кажется совсѣмъ золотой. Особенно старая кленовая аллея—на нее порой прямо больно смотрѣть, она точно пронизана вся золотыми лучами, и тысячи невидимыхъ паутинокъ повисаютъ съ вѣтвей ея, качаются въ воздухѣ и опутываютъ шею, лицо и руки, когда проходишь по ней, точно заигрывая и не пуская...

Но по утрамъ, когда я выхожу, небо большею частью сѣроватое, съ неразошедшимися еще отъ ночи тучами и облаками, въ которыхъ съ крикомъ носятся черныя точки грачей... Я иду къ моей любимой скамьѣ у пруда, тоже сѣраго съ неразрѣдившимся туманомъ, клочьями цѣпляющимся за прибрежныя ивы, съ которыхъ стекаютъ капли оставшагося отъ ночи дождя; и кажется, что онѣ плачутъ о чемъ-то... На пруду всегда пла-

ваютъ бѣлые гуси, и они тоже о чемъ-то жалобно вскрикиваютъ порой и бьютъ себя крыльями и вытягиваютъ шеи, точно тоскуя и порываясь куда-то въ высь...

И все кругомъ полно какой-то элегической тоски и жалобы... Можетъ быть это моя собственная тоска, моя незатихающая жалоба... а можетъ быть это умираетъ природа...

Вечера лучше, хотя и въ нихъ есть своя тихая грусть... Небо постепенно потухаетъ и становится блѣднымъ и зеленоватымъ, пока не стемнѣетъ совсѣмъ, и въ немъ незамѣтно загораются звѣзды, все больше, все ярче, все выше, пока не осыплютъ собой все безконечное пространство... Раньше всѣхъ загорается прямо надъ церковью яркая Венера. Она появляется первая и сіяетъ еще въ свѣтломъ небѣ, когда сумерки только что начинаютъ обволакивать кусты и землю... И деревья вдругъ начинаютъ казаться исполинскими и совсѣмъ черными... Тогда возвращается съ поля народъ. Сначала проходятъ дѣвушки и бабы. Онѣ идутъ, поднявъ свои вилы и грабли и горланя всегда одну и ту же какую-то странную и дикую пѣсню, ее даже и пѣсней нельзя назвать, какъ нельзя догадаться, кто не знаетъ, и того, что это поютъ женщины. Я всегда удивляюсь ихъ пѣснѣ и не понимаю, почему онѣ не поютъ по-человѣчески. Она слышна еще издали, и когда онѣ идутъ такъ, темнѣя въ воздухѣ своими силуэтами, съ поднятыми кверху вилами и граблями, кажется, что это идетъ рать какихъ-то миѳическихъ амазонокъ и поетъ свою дикую воинственную пѣсню. Но онѣ подходятъ, выплывая изъ сгущающейся темноты и оказываются всѣ знакомыми Акулинами, Марьями и Дарьями, и иллюзія дикой рати амазонокъ исчезаетъ. По большей части я сижу уже на крыльцѣ, поджидая ихъ, и онѣ немедленно обступаютъ меня и начинается наша вечерняя бесѣда, пока не явится Сергѣй и не разгонитъ ихъ по домамъ.

Потомъ возвращаются рабочіе. Эти идутъ спокойно и медленно, безъ пѣсенъ, хотя поютъ гораздо лучше женщинъ и пѣсни выбираютъ лучше. У нихъ еще сохранились старинныя. А дѣвушки или горланятъ свою дикую, или выводятъ на страшно высокихъ, визжащихъ нотахъ новыя фабричныя, безвкусныя и пошлыя.

Потомъ съ гикомъ и крикомъ проносятся ребятишки верхомъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ, пригоняя съ полей табуны лошадей и жеребятъ. И нѣсколько минутъ на дворѣ стоитъ страшный гамъ: лаютъ собаки, ржутъ лошади, кричатъ люди; но постепенно всѣ расходятся по мѣстамъ и все успокаивается.

Уходятъ дѣвушки, поднявъ опять свои грабли, и снова дико звучитъ ихъ пѣсня, замирая вдали. Запираютъ хлѣва и конюшни рабочіе, громко хлопая воротами и переговариваясь между собой. Затихаютъ собаки, и всѣ уходятъ ужинать въ людскую, и только два маленькія окошечка тускло свѣтятся оттуда въ стемнѣвшемъ воздухѣ.

На крыльцѣ остаемся одни мы съ Сергѣемъ. Огонекъ его сигары вспыхиваетъ въ темнотѣ и на мигъ освѣщаетъ широкое красивое лицо его съ задвинутой со лба фуражкой. Онъ усталъ и чувствуетъ благодушную лѣнь, отъ которой не хочется двигаться его большому тѣлу. Мнѣ тоже не хочется еще уходить въ комнаты, гдѣ Анюта, позвякивая стаканами и ложками, приготовляетъ намъ чай и ужинъ. И мы сидимъ съ нимъ больше молча: онъ, попыхивая своей сигарой, а я... я, думая все о томъ же, о чемъ буду думать вѣрно уже всегда до конца!

Встаетъ луна и заливаетъ дворъ и садъ голубымъ свѣтомъ и трепетными тѣнями. И звѣзды въ небѣ словно блѣднѣютъ и потухаютъ предъ сіяніемъ ея.

Я слѣжу машинально, какъ безшумно ползаютъ эти тѣни по землѣ и по дорожкамъ сада, часть котораго видна съ крыльца. Онѣ наполняютъ его какими-то неясными шорохами и длинными, гигантскими, медленно подползающими полосами, тянутся черезъ весь дворъ отъ придорожныхъ тополей къ нашему крыльцу.

То тутъ, то тамъ залаетъ собака, ей отзовется другая, третья, и опять все стихнетъ. Вотъ застучала у церкви колотушка сторожа, четко разсыпаясь въ тишинѣ. Вотъ гдѣ-то что-то кто-то крикнулъ... прокричала какая-то сонная птица, и опять все тихо... Только ярче сіяетъ, спускаясь все ниже, Венера...

Сергѣй что-то мурлыкаетъ про себя и время отъ времени что-то говоритъ мнѣ, но я даже не слушаю его. Господи, да когда же я найду покой? Дай же мнѣ наконецъ забыть его!

18-го сентября

Но какъ тяжело писать Мытищева! Это такая больная вещь! Иногда, разбираясь въ немъ, и написавъ какую-нибудь главу, я чувствую себя совсѣмъ разбитой и больной... Часто я смѣшиваю себя въ эти минуты съ нимъ, и мнѣ кажется, что не онъ, а я сама иду къ неизбѣжной гибели и сладкая мысль

конца опять встаетъ и околдовываетъ умъ... А потомъ... потомъ есть нѣчто еще худшее... Изъ-за образа Мытищева, котораго ношу теперь въ душѣ своей, какъ мать—дитя свое подъ сердцемъ, встаетъ другой мучительный образъ... и снова зоветъ и терзаетъ... Но не надо же, не надо же ни думать, ни писать объ этомъ... «Мимо и мимо, прохожій»... Буду писать о чемънибудь совсѣмъ другомъ. Это отлично отвлекаетъ...

20-го сентября.

Кромѣ моей Анюты, которую я привезла съ собой, Сергѣй приставилъ мнѣ еще Акулину. Она готовитъ намъ и исполняетъ черную работу.

Акулина тоже типъ, достойный маленькаго описанія. Она солдатка и сама не знаетъ, «вдова или мужняя жена», какъ она говоритъ про себя. Мужъ ея ужъ лѣтъ 12 въ безвѣстномъ отсутствіи, не то умеръ, не то просто застрялъ въ Москвѣ, обзаведясь вѣрно другой семьей. Но она, кажется, мало унываетъ отъ того и продолжаетъ рожать дѣтей и безъ него такъ же исправно, какъ рожала и при немъ, а малыши такъ любезны, что продолжаютъ такъ же исправно «развязывать ей руки» и умирать, сдаваемые ею куда-то «на соску» въ деревню. Изъ 8 или 10 бывшихъ у ней, въ живыхъ на лицо находятся только трое, изъ которыхъ одинъ—Фролка.

У Акулины вѣчные романы и поклонники, которымъ она нравится вѣрно больше «характеромъ» чѣмъ красотой, потому что на лицѣ ея, широкомъ, скуластомъ, изрытомъ сильно оспой и какомъ-то пергаменто-коричневомъ отъ постояннаго загара, «черти овесъ молотили», какъ говоритъ про нее Сергѣй. Но на это мало кто обращаетъ вниманіе, довольствуясь ея веселымъ «характеромъ», большой уступчивостью на подобныя просьбы и положеніемъ «господской кухарки», отъ которой поклоннику всегда перепадаютъ лакомые кусочки, что тоже идетъ въ счетъ, очевидно.

А лица даже и не видно толкомъ, оно до половины закрыто всегда надвинутымъ на самыя брови темнымъ ситцевымъ платкомъ съ повязанными сзади концами. Видны только широкія скулы, носъ луковкой, да отличные бѣлые зубы постоянно раздвинутаго въ улыбку рта... За то видны хорошо ноги, сильныя, крѣпкія, здоровые «постаменты», какъ ихъ зоветъ все тотъ же Сергѣй. Подолъ ея юбки всегда подоткнутъ и онѣ красуются,

быстро мелькая то на дворѣ, то въ кухнѣ, то въ погребѣ, обнаженныя во всей своей откровенной наготѣ почти до колѣнъ и тоже не мало смущая и привлекая собой поклонниковъ...

На наше съ Анютой горе Акулина очень чистоплотна и постоянно что-то моетъ, чиститъ и убираетъ, но непостижимо то, что чѣмъ больше она моетъ и прибираетъ, тѣмъ больше является грязи и безпорядка. Когда она задумаетъ мыть полы или посуду, по всему полу разливаются непроходимыя лужи, обильными потоками разливающіяся по сосѣднимъ комнатамъ, а кастрюли, самовары, ухваты и котлы нагромождаются цѣлыми баррикадами по всѣмъ столамъ, угламъ и даже порогамъ, такъ что проходить чрезъ нихъ можно только высоко поднявъ юбки и перепрыгивая, какъ лошадь на скачкахъ съ препятствіями. Анюта отъ ея уборокъ чуть не плачетъ каждый разъ, тѣмъ болѣе, что, начиная почти на разсвѣтѣ, она не заканчиваетъ ихъ и къ ночи, и часто все остается въ такомъ же «непроходимомъ видѣ», какъ жалуется моя Анюта, по два и по три дня для того, чтобы черезъ день начаться снова. Мы всерьезъ совѣтовали ей не прибираться такъ усердно, надѣясь въ душѣ, что тогда, можетъ быть, чище будетъ, но Акулина думаетъ, что мы смѣемся надъ ней и не вѣритъ.

— Какъ же такъ не прибираться? — удивляется она — а грязи что, ее куда подѣвать?

Сергѣй увѣряетъ, что у нея «талантъ» разводить эту грязь, и въ дни своихъ наѣздовъ категорически запрещаетъ ей поднимать возню съ уборкой. За то она наверстываетъ потомъ и я почти не могу себѣ ее представить иначе какъ перегнувшеюся пополамъ, всю въ поту и грязи, съ мочалкой въ рукахъ надъ разными лоханками и ухватами или ползающею посреди разлитыхъ по полу лужъ. Невольно вспоминается, смотря на нее, Германія. Какъ тамъ все это приноровлено и приспособлено, какъ мало беретъ времени и труда сравнительно съ нашими допотопными пріемами.

Я спросила у нея какъ-то:

— Что же ты, Акулина, по мужу не скучала?

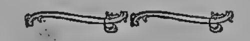
— Чего скучать, намъ некогда—... резонно отвѣчала она.

— Ну а дѣтей помершихъ жалко тебѣ?—продолжала допытывать я, не совмѣщая ея вѣчно довольнаго лица съ только что похороненнымъ послѣднимъ ребенкомъ.

— А чего ихъ жалѣть?—отвѣчала она весело.—Они у Бога, имъ тамъ лучше—и засмѣялась, показывая свои великолѣпные бѣлые зубы.

Фролка, кажется, ея любимецъ. По крайней мѣрѣ ему припасаются лучшіе куски, и она сама вычесываетъ его, когда урвется отъ своихъ половъ и ухватовъ, очевидно... Нѣтъ, скучно писать и объ Акулинѣ—пойду лучше бродить...

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗГНАНІЕ[1].

(Романъ).

I.

«... Послѣ долгихъ мытарствъ по «этапамъ» я, наконецъ, добрался до своего новаго мѣстожительства, и вотъ уже три дня и три ночи, какъ вышелъ изъ чрева китова на свѣтъ Божій. Чувствую себя великолѣпно: послѣ цѣлаго года тюрьмы и почти полугодового путешествія по этапамъ, въ которомъ станціями моего отдыха были все тѣ же тюрьмы, выходъ на волю уподобилъ меня тѣмъ чижикамъ, которыхъ я когда-то, въ далекомъ дѣтствѣ, будучи гимназистомъ, выкупалъ и выпускалъ изъ клѣтокъ подъ Благовѣщеніе. Бывало, отворишь дверцу клѣтки, уплативъ пятачекъ тюремщику—чижикъ рванется, пронзительно закричитъ отъ радости и, какъ стрѣла, выскочитъ на волю, но... крылышки у него работаютъ плохо, отвыкли, и чижикъ спѣшитъ сѣсть на первую крышу, дерево, будку и съ ужасомъ и удивленіемъ смотритъ оттуда, не рѣшаясь сдѣлать новую попытку къ бѣгству въ родные лѣса. А базарные оборванцы ждутъ: наберется чижикъ храбрости—полетитъ, упадетъ и снова попадетъ къ барышнику въ клѣтку... Въ первый день свободы мнѣ тоже хотѣлось улетѣть: явилась мысль бѣжать изъ ссылки, но я вспомнилъ чижика... Теперь я—«человѣкъ безъ документовъ», а безъ паспорта, какъ безъ крыльевъ, у насъ далеко не улетишь... Да куда и зачѣмъ, мама, мнѣ, теперь бѣжать? Никого, кромѣ тебя, у меня нѣтъ теперь, все оборвалось и ушло, между прошлымъ и настоящимъ образовалась пока пропасть, которую не перескочишь. Растеряны всѣ друзья и товарищи, порваны всѣ связи,

[1] Этотъ романъ—продолженіе «Юности», напечатанной въ прошломъ году въ «Вѣстникѣ Европы».

а въ личной жизни такая трещина... Не бойся, всѣ сердечныя раны въ тюремномъ одиночествѣ и размышленіи закрылись, а главное—есть твердая рѣшимость бросить всѣ эти трагикомедіи; пора вспомнить, что я уже не мальчикъ, а взрослый человѣкъ: вѣдь мнѣ, мама, скоро исполнится двадцать четыре года, а я ничего еще не сдѣлалъ!.. Правда, я уже дважды сидѣлъ въ тюрьмѣ и теперь попалъ въ ссылку, но за что?.. Да, мамочка, такъ много прожито, а сдѣлано такъ мало... И все это изъ-за этой самой «любви». Казалось, что можно быть счастливымъ, когда кругомъ—море горя и несчастій... Когда я вспомню, что изъ-за любви я хотѣлъ отправиться на тотъ свѣтъ, мнѣ такъ стыдно, что и передать тебѣ не умѣю. Цѣлую твою руку, удержавшую меня отъ этой позорной глупости... Однако, бросимъ все прошлое, не будемъ его вспоминать, а обратимся къ дѣйствительности. Я боюсь, что тебя пугаетъ слово «ссылка», какъ нѣкогда пугала «тюрьма». Насъ вообще пугаетъ то, чего мы не знаемъ. Не волнуйся и не безпокойся: вѣдь здѣсь три тысячи жителей, которые живутъ добровольно и для которыхъ моя родина была бы ссылкой. Все, мама, условно и относительно. Когда меня вели съ конвоемъ по улицамъ Архангельска, я увидалъ памятникъ Ломоносову и подумалъ:

— Я счастливѣе Ломоносова: онъ пришелъ въ Архангельскъ пѣшкомъ, а меня привезли этапнымъ порядкомъ. А что касается памятника, такъ можно вѣдь воздвигнуть себѣ и «нерукотворный... съ народной тропой».

Вообще, мамочка, нѣтъ такого положенія, хуже котораго уже не было бы. Въ тюрьмѣ хорошо, а на волѣ еще лучше. А вѣдь я относительно свободный человѣкъ. Въ тюрьмѣ я выходилъ на прогулку на маленькій дворикъ, окруженный каменными стѣнами, съ однимъ видомъ на небо, и думалъ: «хорошо на волѣ! Теперь я буду гулять въ чертѣ городка Грязовска (за черту намъ воспрещается) и думать: «хорошо на свободѣ»!.. А всѣ мы, люди, гуляемъ на песчинкѣ мірозданія, именуемой землей, и думаемъ: «какой безграничный просторъ»!.. Тюрьма и одиночество, а главное,—книги, которыхъ я проглотилъ цѣлую гору, сдѣлали меня, мама, большимъ философомъ: только мысль и чувство свободны, ну, а ихъ не посадишь въ тюрьму и не отправишь въ ссылку...

Не свободно лишь тѣло, а мысль, какъ всегда,
Птицей вольной по-свѣту носится...
Не поймать ея вамъ: она рвется туда,
Куда сердце, душа моя просится!..

Это, мамочка, написалъ въ тюрьмѣ поэтъ Геннадій Тархановъ, пока еще непризнанный... Я, мама, написалъ въ тюрьмѣ кучу стиховъ, повѣстей и разсказовъ, но пока критиками ихъ были только тюремные смотрителя и жандармскіе полковники. Не одобряютъ!..

Такъ вотъ, мамочка, сейчасъ моя мысль рвется и носится около тебя, на родинѣ, летитъ къ разбросаннымъ друзьямъ и товарищамъ. Одинъ изъ нихъ здѣсь, его фамилія — Касьяновъ. И всѣхъ васъ я вижу за тысячи верстъ, и со всѣми мысленно говорю, и всѣхъ васъ цѣлую. Не грусти же, будь спокойна, а лѣтомъ пріѣзжай въ гости. Твой блудный сынъ Геннадій Тархановъ».

Запечаталъ письмо и только было хотѣлъ двинуться на почту, какъ:

— Васъ спрашиваютъ!

— Кто?

— Наблюдающій...

Наблюдающій!.. Ахъ, да... Совершенно упустилъ изъ вида, что я не одинъ и что есть у нашего брата, ссыльнаго, нѣкій человѣкъ, сильно и непрестанно озабоченный нами и нашей жизнью.

— Г. наблюдающій! войдите и... понаблюдите!

Въ дверь просунулся и пролѣзъ бочкомъ человѣкъ въ барашковой поддевкѣ, въ большихъ валенкахъ съ горошкомъ, здоровенный мужчина среднихъ лѣтъ, съ сонной физіономіей, и въ комнатѣ запахло спиртными напитками. Онъ остановился у порога и, играя шапкой, виновато произнесъ:

— Вы, г. Тархановъ, у себя?..

— У себя, у самого себя!..

— Поселились?..

— Какъ видите...

Неловко наблюдающему, неловко и мнѣ. Я чувствую себя такъ, словно очутился внезапно съ незнакомой дамою, которую нужно занимать, а онъ... Чортъ его знаетъ, какъ и что онъ чувствуетъ! Мнется съ ноги на ногу, озираетъ потолокъ и стѣны, вздыхаетъ.

— Вы что вздыхаете?

— Нѣтъ, я такъ... не безпокойтесь! Привычка.

— Привычка?

— Да. У меня и отецъ всегда вздыхалъ, и старшій братъ вздыхаетъ...

— А дѣти?

— Я холостой...

Постоялъ, еще разъ вздохнулъ и произнесъ:

— А погода великолѣпная! Солнце на лѣто, а зима на морозъ. Никогда этого не было, чтобы въ февралѣ сосульки у крышъ...

— Сосульки?..

— Да-съ, сосульки, на солнечной сторонѣ, конечно... А такъ морозитъ.

— Это хорошо!..

— Какъ понравился нашъ городъ?

— Отличный городъ! Мало только улицъ... и жителей...

— Три улицы, да за то какія улицы: не меньше версты длиною кажняя!.. Да примите во вниманіе переулки: они тоже могутъ идти за улицы... Шесть переулковъ... А какой у насъ исправникъ!

— Хорошій?

— Для васъ лучшаго не найти. Конечно, многое и отъ наблюдающаго зависитъ: бываютъ такіе, что по слѣду за вами ходятъ и кажній шагъ доносятъ, а отсюда—непріятности для политическихъ. Я этого не люблю. Я самъ живу и другимъ не мѣшаю...

Замолчалъ, мнется, не уходитъ. Чего ему отъ меня надо? Видитъ, что я собрался уходить—и торчитъ, какъ пень.

— Спасибо, которые политическіе цѣнятъ... благодарятъ...

Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!

— Жалованье наше маленькое, а трешница образованному человѣку... За то гуляй себѣ на полной свободѣ, не взирая, что ты—политическій, а не простой житель! Приходить, конечно, я обязанъ кажній день,—это долгъ моей службы, а помѣтку въ журналѣ я дѣлаю по своей совѣсти; написалъ: «дома, поведеніе скромное, ни въ чемъ не замѣчается»—и кончено! тоже могу дѣлать, а могу и не дѣлать... По моему, разъ ты за политику терпишь, такъ ужъ эти тамъ прокламаціи и разныя разности тебя не испортятъ... Надо ужъ по совокупности...

Меня разбиралъ смѣхъ и досада. Я давно уже понялъ, что вся суть въ трешницѣ, но не хотѣлось поощрять «взятокъ». Если мы, жаждущіе правды и справедливости, будемъ прибѣгать къ «взяткѣ», то...

— Мы живемъ съ политиками дружно, они меня поддерживаютъ, а я ихъ не притѣсняю...

Однако, какой можетъ быть разговоръ о справедливости и правдѣ въ моемъ положеніи: для меня нѣтъ справедливости, я связанъ по рукамъ и ногамъ, а они... Чортъ съ ними! Глупо разсуждать съ волкомъ о справедливости.

— Вотъ вамъ три рубля!.. Получите!.. Росписки не надо.

— Росписки?.. Развѣ это можно!.. Что вы?... Это ваша добрая воля, въ родѣ, какъ ваша признательность.... Это между нами должно оставаться...

— Я пошутилъ... Не безпокойтесь... Берите!

— Да я очень благодаренъ, но только вы меня смутили...

— Будьте благонадежны, это умретъ вмѣстѣ со мною...

— Ну, это другое дѣло!.. Тогда благодарствую...

Наблюдающій сунулъ трешницу въ карманъ, встряхнулъ, волосами и какимъ-то новымъ, повышеннымъ тономъ доброжелательно сказалъ:

— Такъ счастливо оставаться!..

— До пріятнаго свиданія!..

Онъ вышелъ, но сейчасъ же вернулся:

— Извините, главное, за чѣмъ шелъ, и запамятовалъ: исправникъ наказалъ вамъ явиться къ нимъ для ознакомленія... Сегодня къ полдню.

— Хорошо. Явлюсь.

Ну, ушелъ!.. Вонъ какъ весело зашагалъ по улицѣ, словно крылья за спиной выросли. Гм!.. Прямо въ трактирное заведеніе!..

Будетъ пропивать мою трешницу и думать: «вотъ, если бы побольше было въ городѣ политическихъ преступниковъ!..» Всякому свое: кому искоренить, а кому размножить... Однако дешево здѣсь цѣнится свобода: три рубля въ мѣсяцъ!.. А вѣдь бывали въ моей жизни моменты, когда за одинъ часъ свободы я готовъ былъ отдать полжизни, а, можетъ быть, и всю жизнь!..

Вышелъ на улицу и осмотрѣлся. Хорошо, весело на душѣ, какъ у выпущеннаго на волю подъ Благовѣщеніе чижика... Откуда эта радость въ душѣ? Отъ ласково и ярко сверкающаго солнышка, отъ ослѣпительно яркаго снѣга, отъ сосулекъ, что-то смутно напомнившихъ, или просто отъ свободы передвиженія?.. Хочу пойду, а хочу не пойду, хочу по этой улицѣ, а хочу по другой, по той сторонѣ или по этой, и быстро или вотъ такъ, какъ идутъ жители: съ прохладцей, не торопясь, нога за ногу... Наивно смотритъ улица, домики съ палисадниками и крыльчиками, заборы съ выглядывающими садами, окна съ занавѣсочками и цвѣточками... А нѣкоторые дома важничаютъ и просятъ

сосѣдей посторониться. А воздухъ, словно родниковая вода: пьешь его грудью и не можешь досыта напиться!.. Солнышко слѣпитъ глаза, приходится жмуриться, а снѣгъ подъ ногами поскрипываетъ и повизгиваетъ подъ концомъ трости. И это удивительно пріятно: бодритъ, даетъ ощущеніе здоровья, силы, молодости и увѣренности въ чемъ-то... Въ чемъ? Богъ знаетъ!.. Дѣйствительно, солнце на лѣто, зима на морозъ. Есть въ этомъ блескѣ солнца и ощущаемой теплотѣ его какая-то пріятная противоположность морозцу и поскрипывающему снѣгу... Есть какой-то намекъ на скорую весну... Думается о веснѣ...

— А вы, милостивый государь, смотрите въ оба!..

— Простите, я не замѣтилъ...

— Чуть съ тротуара не столкнулъ!.. Человѣка не замѣтилъ!.

— Извините, пожалуйста, мадамъ!.. Я замечтался...

— Дома надо мечтать, а на улицѣ глядѣть надо...

Вотъ сердитая барыня! Я оглянулся, она тоже... И все еще ворчитъ:

— Мечтатель какой!..

Не любитъ мечтателей. Полныя дамы не склонны къ мечтамъ. Однако гдѣ же почта? Вонъ торчитъ желтая пожарная каланча. Пойду по направленію къ каланчѣ: русскіе провинціальные города всѣ по одному типу. Полицейское управленіе съ пожарной каланчой—центръ всей городской жизни; около, обыкновенно, группируются всѣ учрежденія общественной, политической, экономической и умственной жизни, да и религіозной тоже! Иду на этотъ маякъ. Такъ и есть: площадь, полиція съ каланчой, соборъ, нѣсколько трактировъ, торговые ряды, базарныя лавочки, уѣздное училище, винная лавочка, библіотека... а вонъ и почта!.. Иду на почту: тихо и сонно сидятъ въ клѣткахъ съ окошечками, какъ птицы, почтовые и телеграфные чиновники и, скучая, перебраниваются между собою. Сдаю заказное письмо, а чиновникъ съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматриваетъ меня...

— Вы что такъ смотрите на меня?

— Должно быть, вы—пріѣзжій?

— Нѣтъ, привозный!

— То-то будто бы никогда ранѣе не встрѣчалъ васъ...

— Представьте: и я тоже вижу васъ впервые!..

— Политическій?

— Самый настоящій политическій!

Теперь уже всѣ чиновники разсматриваютъ меня съ нескрываемымъ любопытствомъ; одинъ даже приблизился.

— Я понимаю. У насъ вѣдь много политическихъ... Пятеро.

— Семеро!—поправилъ вольный слушатель, и они стали спорить и перечислять по пальцамъ политическихъ ссыльныхъ. Но изъ сосѣдней комнаты вышелъ старшій, и всѣ вдругъ смолкли и сдѣлались усердными и молчаливыми. Какъ будто между нами не было никакихъ разговоровъ и имъ совсѣмъ неинтересно, что я за человѣкъ.

— Ваша росписочка!

— Спасибо.

— До свиданья!—отвѣтилъ на мой поклонъ чиновникъ, и я вышелъ.

У крыльца на меня наткнулся мужикъ и спросилъ:

— Пошта здѣся?

— Здѣся, здѣся!..

— А ты грамотный?

— Есть тотъ грѣхъ!

— Почитай-ка вотъ, правильно ли написано!

Я прочиталъ адресъ письма съ великимъ затрудненіемъ.

— Тутъ нѣтъ губерніи и уѣзда...

— Да его всѣ знаютъ!..

— Да на почтѣ-то не знаютъ.

— А ты знаешь? Сдѣлай милость, напиши, какъ надо!

— Да я тоже не знаю.

Мужикъ махнулъ рукой и скрылся въ дверяхъ почты. Не успѣлъ я пройти площадь, какъ онъ обгонялъ меня.

— Что, дядя, приняли?

— Не примáтъ, собачій сынъ!.. Въ трахтеръ надо... Тамъ знаютъ!.. Должны знать...

Какая вѣра въ трактиръ! Мужикъ пошелъ въ трактиръ, а я—къ исправнику «для ознакомленія».

— Скажите, гдѣ живетъ исправникъ?

— Какъ гдѣ!.. Обыкновенно!.. Гдѣ жилъ, тамъ и живетъ...

— Да мнѣ-то неизвѣстно.

Прохожій съ улыбкой посмотрѣлъ на меня, показалъ на каланчу и потомъ все оглядывался: поразилъ его я своимъ невѣжествомъ...

Подойдя къ каланчѣ, я удивилъ еще разъ торчавшаго у воротъ пожарнаго и пошелъ къ исправнику. Поднимаюсь по лѣстницѣ, а въ душѣ уже закипаетъ знакомое оппозиціонно-протестующее чувство противъ всѣхъ исправниковъ на свѣтѣ. Что мнѣ сдѣлалъ дурного этотъ неизвѣстный еще исправникъ?

Ничего, ни дурного, ни хорошаго! А между тѣмъ я чувствую непримиримаго врага и дѣлаюсь злымъ и воинственнымъ. Я готовъ начать прямо съ дерзостей. Моя злоба прежде всего отразилась на звонкѣ исправника: я дернулъ за ручку съ такой силой, что было слышно, какъ звонокъ отчаянно забился въ судорогахъ и упалъ на полъ. Кто-то тамъ, за стѣной, затопалъ ногами и моментально пріоткрылъ дверь... Выглянулъ городовой съ испуганнымъ лицомъ.

— Исправникъ дома?

— Такъ точно, у себя. Пожалуйте!

Городовой сталъ вертѣться около меня на цыпочкахъ, помогая снять шубу. Надо сказать, что шуба была у меня не по средствамъ и не по общественному положенію: солидная, дорогая, съ енотовымъ воротникомъ; она перешла ко мнѣ по наслѣдству отъ отца и порождала всегда много разныхъ недоразумѣній въ моей тюремной жизни. Вышло недоразумѣніе и теперь: городовой, очевидно, принялъ меня за какую-нибудь значительную особу:

— Какъ прикажете доложить?..

— А развѣ необходимо докладывать?..

Городовой окончательно растерялся...

— Раньше всегда докладывали, а между прочимъ...

— Доложи, что по дѣлу. Политическій ссыльный г. Тархановъ!

— Сейчасъ они завтракаютъ... А между прочимъ звонить надо потише...

— Доложи немедленно!

Обаяніе шубы, видимо, исчезло:

— Они васъ требовали?

— Это не твое дѣло.

— Ежели не требовали, то не примутъ. Не велятъ зря тревожить.

Послѣ долгихъ препирательствъ городовой впустилъ меня въ кабинетъ, а самъ отправился на цыпочкахъ въ глубь комнатъ. Кабинетъ мрачный и воинственный: медвѣжьи шкуры, оружіе разныхъ временъ и народовъ, оленьи рога, шкафъ съ законами, столы съ пыльными дѣлами въ синихъ обложкахъ, съ пакетами, съ печатями; пахнетъ чѣмъ-то удушливо-тяжелымъ, не то нафталиномъ, не то бумагами, которыхъ не тревожили лѣтъ пять, табакомъ, уксусомъ... чортъ знаетъ, чѣмъ!.. Я оглядѣлъ эту обстановочку, понюхалъ и впалъ въ тоску и уныніе. Господи, какъ мнѣ надоѣли эти визиты и разговоры въ каби-

негахъ!.. Можно умереть отъ скуки. Скользнулъ взоромъ по письменному столу и радостно улыбнулся: среди хаоса дѣлъ, бумагъ, табачнаго пепла, чернильницъ, яркимъ красочнымъ пятномъ, такимъ веселымъ, милымъ, почти сказочнымъ въ этой обстановкѣ,—бросалась въ глаза брошенная небрежно кукла съ небрежно распростертыми руками и ногами. Сразу пропала злость и захотѣлось громко расхохотаться. Пахнуло среди мертвячины чѣмъ-то живымъ, простымъ и искреннимъ. И казалось, что кукла—единственно нужная вещь во всемъ кабинетѣ исправника... Кукла въ одномъ чулкѣ... Гдѣ же другой?.. А, другой на обложкѣ дѣла № 169!.. Я присѣлъ въ кресло и думалъ, какъ это странно, что куклинъ чулокъ на обложкѣ дѣла, и незамѣтно перенесся мыслями въ свое дѣтство, увидалъ свою дѣтскую, кровать съ веревочной сѣткою, ящикъ съ игрушками... И себя увидалъ!.. Странно: неужели вотъ этотъ человѣкъ съ усиками и бородкой, сидящій въ кабинетѣ исправника, и есть тотъ самый мальчикъ Геня, который игралъ въ дѣтской въ солдатиковъ?!. Я очнулся отъ смутныхъ воспоминаній, когда исправникъ былъ уже въ кабинетѣ. На лицѣ моемъ еще не пропала улыбка, когда я, привставъ съ кресла, сухо отвѣтилъ на поклонъ исправника.

— Садитесь, молодой человѣкъ!..

Исправникъ сѣлъ къ письменному столу, увидалъ куклу и немного сконфузился: кукла роняла престижъ власти и портила серьезность момента.

— Игнатъ! — сердито крикнулъ исправникъ и, когда прибѣжалъ городовой, молча показалъ ему пальцемъ на куклу.

— Я, вашевысокблагородіе, убиралъ... Значитъ, барышня опять здѣсь были!..

— Возьми!

— Слушаюсь...

Городовой почтительно принялъ изъ рукъ исправника куклу и унесъ ее куда-то, а я не могъ сдерживать улыбки и кусалъ губы, чтобы не расхохотаться: вышло такъ, словно куклу отправили въ часть за оскорбленіе власти при исполненіи служебныхъ обязанностей... Исправникъ замѣтилъ мою улыбку и постарался возстановить серьезность момента.

— Бѣда съ ребятами: для нихъ, знаете, нѣтъ ничего... неприкосновеннаго!..

А я видѣлъ еще около чернильницы куклинъ чулокъ и никакъ не могъ настроиться на серьезный тонъ.

— Вы—политическій?..

— Политическій...

— Насколько помню, на три года?

— На три...

— Вамъ извѣстны правила жизни политическихъ ссыльныхъ?..

— Не успѣлъ еще изучить...

— Я вамъ дамъ печатный экземпляръ... Потрудитесь прочитать и росписаться, чтобы потомъ не отговариваться незнаніемъ закона...

Исправникъ сталъ рыться въ бумагахъ и сердился, что не находилъ, а я прислушивался къ звонкому дѣтскому голоску въ дальнихъ комнатахъ, и мнѣ было странно, что у исправника есть дѣвочка, которая играетъ въ куклы и такъ заразительно весело смѣется.

— Игнатъ!

— Здѣсь, ваше высокблагородіе!

— Сходи въ канцелярію и принеси мнѣ правила жизни... для нихъ вотъ!

Игнатъ ушелъ, а исправникъ началъ на память излагать правила моей жизни: воспрещается выходить за черту города, воспрещается давать уроки и вообще заниматься педагогической дѣятельностью, воспрещается посѣщать клубы, театры, служить тамъ-то, дѣлать то-то, имѣть то-то, предписывается то-то... и т. д.

— Однимъ словомъ разрѣшается только дышать воздухомъ?..

— Все будетъ зависѣть отъ вашего поведенія. Лично я не люблю держаться буквы закона и отношусь гуманно къ политическимъ. Я требую только одного...

— А именно?

— Не разводить у меня политики; жить, какъ живутъ всѣ порядочные люди!..

— А какъ здѣсь живутъ порядочные люди?—перебилъ я съ ироніей.

— Обыкновенно-съ!..

— Нѣтъ ли и для нихъ правилъ жизни?..

Я началъ злиться и едва сдерживался отъ болѣе грубыхъ выраженій. Это отражалось и на исправникѣ. Нашъ разговоръ могъ бы кончиться очень скверно, если бы опять не вышло неожиданности: внезапно въ кабинетъ вспорхнула дѣвочка лѣтъ шести.

— Папка, отдай чулокъ!..

— Иди назадъ; я занятъ...

— Отдай чулокъ!..

— Что такое?..

Дѣвочка полѣзла къ отцу на колѣни, а я не выдержалъ и расхохотался.

— Вотъ онъ... мой чулочекъ... Безъ чулокъ ходить вредно...

— Что же ты не поздоровалась съ дядей? Это тоже нехорошо!—сказалъ исправникъ.—Поди и поздоровайся!..

Дѣвочка постояла нѣкоторое время въ нерѣшительности, но, встрѣтивъ на моемъ лицѣ улыбку, подошла и протянула лѣвую руку.

— Надо, Наточка, правую ручку!..—сказалъ исправникъ.

— Почему?

— Почему... Гм!..

— У тебя, дядя, есть дѣвочка? — спросила Наташа, довѣрчиво прижимаясь къ моимъ колѣнямъ.

Я смутился: какъ молнія, блеснуло въ душѣ далекое воспоминаніе о маленькомъ черноглазомъ мальчикѣ въ фескѣ, съ гуттаперчевой соской въ губахъ; на мгновеніе рванула сердце пережитая въ Крыму драма, и вдругъ смѣнилась приливомъ такой нѣжности къ жавшемуся ко мнѣ ребенку, что я наклонился и поцѣловалъ Наташу.

— Нѣтъ, Наташа, у меня нѣтъ дѣвочки!..

Вошелъ городовой и положилъ на столъ бумагу.

— Вотъ потрудитесь прочитать и расписаться... Иди, Наташа, туда!..

Наташа убѣжала, и въ кабинетѣ снова стало пасмурно. Я взялъ бумагу, началъ было читать и бросилъ: скучно и длинно, раздражаетъ.

— Вамъ ручку?.. Садитесь сюда, на мое кресло!..

Я сѣлъ на мѣсто исправника, расписался на «правилахъ жизни» и всталъ.

— Надѣюсь, что мы съ вами будемъ жить въ дружбѣ?..— спросилъ исправникъ, подавая мнѣ руку.

Я не зналъ, какъ отвѣтить на это пожеланіе, и пожалъ плечами...

— Постараемся не дѣлать другъ другу непріятностей!— пояснилъ исправникъ, замѣтивъ мое затрудненіе...

— Для этого требуется, чтобы и я былъ по меньшей мѣрѣ исправникомъ!..

— Не скажите!.. Одинъ изъ вашихъ, г. Касьяновъ, надѣлалъ мнѣ такихъ хлопотъ, какихъ не могъ бы сдѣлать... даже губернаторъ!.. Будьте здоровы!.. Очень радъ познакомиться... Игнатъ!

— Здѣсь!..

— Подай имъ... шубу!..

Игнатъ нехотя подалъ мнѣ шубу, а когда выпускалъ изъ двери, тихо проворчалъ:

— А звонить надо осторожнѣе...

— Этого въ правилахъ моей жизни не сказано!—бросилъ я, не оборачиваясь, и быстро вышелъ вонъ...

II.

Обстановочка!.. Когда я возвращаюсь съ улицы и растворяю дверь въ свое жилище, мнѣ хочется плюнуть, повернуться и уйти обратно... Мѣщанская бонбоньерочка! Зальце въ два окна на улицу, обои—райскій лугъ въ цвѣтахъ замысловатой формы, кисейныя туго-накрахмаленныя занавѣски, подобранныя розовыми ленточками; межъ оконныхъ рамъ—ватка и на ней разноцвѣтныя шерстинки и бумажныя розы; въ простѣнкахъ — два симметрично поставленныхъ ломберныхъ столика, покрытыхъ вязанными скатерками; комодъ подъ такой же скатертью и на немъ зеркало, пустые пузырьки изъ-подъ духовъ, одеколона, аптекарскія коробочки, двѣ вазочки по бокамъ и въ нихъ опять бумажныя розы; на стѣнѣ олеографіи съ картинъ Маковскаго, свидѣтельство объ окончаніи курса въ уѣздномъ училищѣ и похвальный листъ, оба—въ рамкахъ съ позолотою; часы съ гирями, на циферблатѣ которыхъ—генералъ Скобелевъ на конѣ; по блестящему крашенному полу узкая дорожка-половичекъ, тянется отъ входной двери и аккуратно загибается, направляясь въ спальную комнату... А тамъ, въ спальной—огромнѣйшая деревянная двуспальная кровать съ периной и грудою подушекъ въ цвѣтныхъ наволочкахъ, прикрытыхъ опять туго накрахмаленнымъ покровомъ! Около кровати—плевальница, а надъ кроватью — японскій вѣеръ и «Сусанна, купающаяся безпечно въ фонтанѣ, въ то время какъ и т. д.». У этой Сусанны груди похожи на арбузы перваго сорта и каждая больше ея головы... А въ переднихъ углахъ обѣихъ комнатъ—образа и тоже всѣ въ бумажныхъ розахъ...

Входишь въ свое жилище, озираешься и думаешь:

— Туда ли я попалъ?..

Чистота и опрятность изумительныя: ни пылинки, ни окурочка, и все неизмѣнно на томъ же мѣстѣ. Попробую устроить нѣкоторый безпорядокъ; возвращаюсь, — все по прежнему.

Тошно отъ этой чистоты, отъ розъ, отъ половичка, отъ кровати съ Сусанной...

— Хозяюшка!

— Что скажете, батюшка?

— Нельзя ли убрать съ пола половичекъ?

— Зачѣмъ, батюшка?

— Мм... ходишь и запинаешься...

— Смотрѣть подъ ноги, вотъ и все!.. А на что лучше и ходить по этому половичку, онъ — длинный, а за то полъ не будетъ портиться. Полъ только въ прошломъ году красили, жалко шаркать ногами-то...

— Я не могу по одной дорожкѣ ходить, сбиваюсь...

— Привыкнете!.. Это только спервоначалу трудно, а потомъ сами ноги...

— А еще я хотѣлъ васъ попросить насчетъ кровати... Очень ужъ большая! Нѣтъ ли у васъ поменьше?..

— И кровать не нравится?.. Мы съ мужемъ на ней двадцать лѣтъ спали, батюшка, и нарадоваться не могли, а вы недовольны...

Обидѣлась женщина, оскорбилъ я ее, видимо, до глубины души.

— Если все вамъ у насъ не нравится, такъ мы васъ не держимъ!..

— Да нѣтъ, въ общемъ нравится, а...

— Ужъ если къ этакой кровати привязываться, такъ я ужъ не знаю, чего вамъ хочется!.. Еще не всякій вашего брата пуститъ на квартиру-то...

— Я хочу купить шкафъ для книгъ и для платья, а кровать всю комнату занимаетъ... А такъ кровать — прекрасная, царственная кровать...

— Ну, это—другое дѣло... Сдѣлайте одолженіе, очень пріятно. Я вамъ поставлю мужнюю, а ему эту... Мы теперь врозь спимъ, такъ и поставили вамъ супружескую...

— И картину эту я вамъ отдамъ!..

— И картина не понравилась... Ну, съ этимъ я вполнѣ согласна: молодому холостому человѣку какъ-то... Я говорила мужу, что—нехорошо неженатому... Снимите, да и все тутъ!..

Я обрадовался, вытащилъ булавочки и, подавая картину хозяйкѣ, сказалъ:

— Очень ужъ соблазнительная!..

Хозяйка опустила глаза, перевернула картину на обратную сторону и, уходя, замѣтила:

— Перваго мужчину вижу, который... такой... Нарочно смотрѣть приходятъ.

Трудно здѣсь устроиться по-своему. Ну, слава Богу, что хотя Сусанну-то выдворилъ... Кровать и Сусанну!.. Что за шумъ?.. Ругаются, кажется... Прислушиваюсь: изъ-за кровати. Очевидно, оскорбленіе передалось супругу:

— Порядочные люди двадцать лѣтъ спали, а онъ!.. Не буду переставлять!

— Тѣсно, говоритъ... А ты не волнуйся, есть изъ-за чего себя такъ безпокоить...

— Ты должна была сказать прямо: не нравится, спите подъ кроватью!.. Я не позволю всякому свои порядки въ домѣ заводить... На кой чортъ ты сняла картину?..

— Нехорошо, онъ, Ваничка, холостой!..

— Не гляди, если ты, молокососъ, ничего не смыслишь!..

— Все-таки обнаженіе...

— Картина назначается въ спальню, а не въ залъ или гостиную. Въ спальной всегда вѣшаютъ такія... Столоначальникъ, Петръ Васильевичъ, образованный человѣкъ, почище этого... всѣхъ этихъ политическихъ, а что у него виситъ въ спальной?..

— Я у него въ спальной не была...

— Не была, такъ не спорь, а слушай, что тебѣ говорятъ!.. У него въ полномъ обнаженіи, все видать!.. А жена у него изъ хорошаго дома взята. Я понимаю приличія не хуже его... Если хочешь жить, такъ не смѣй ни до чего касаться! Стула не позволю переставить!..

Я слушалъ и сперва смѣялся, а потомъ мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно. Вотъ она, глухая стѣна человѣческой тупости, пошлости, рутины и глупости!.. Попробуй сдѣлать изъ такого человѣка критически-мыслящую личность!.. А что, если такихъ много... большинство?.. Вѣдь это же ужасъ!.. Я плотно прихлопнулъ свои двери и сталъ ходить по комнатѣ, предаваясь грустнымъ размышленіямъ...

Солнышко ласково заглядывало въ окна, золотило занавѣски, косяки, подоконники, рисовало на блестящемъ крашенномъ полу переплетъ рамъ и звало на улицу...

А чортъ со всѣми вами!.. Пойду къ Касьянову...

Раскрылась дверь и появился хозяинъ квартиры... Ну, что ему нужно?..

— Было бы вамъ извѣстно, что по вашему не будетъ!.. Эта картина будетъ висѣть тамъ, гдѣ висѣла, останется въ моей

квартирѣ... Если вы не желаете помѣщаться совмѣстно, то ищите себѣ квартиру!..

И отставной чиновникъ прошелъ въ мою спальню, чтобы повѣсить «Сусанну» на прежнемъ мѣстѣ...

— Тоже и относительно кровати!—сказалъ онъ, проходя обратно и попридержавшись въ дверяхъ.—Я считаю за честь для васъ, что вы спите на этой кровати, а затѣмъ какъ вамъ будетъ угодно...

Все это было такъ неожиданно и комично, а солнышко такъ улыбалось въ окна, что моя злость и печальныя размышленія разлетѣлись, какъ испуганные воробьи, и я сталъ хохотать...

— Да это не драма, а водевиль!..

И съ хохотомъ я схватилъ шапку, влѣзъ въ свою енотовую шубу и вышелъ на улицу. Посмотрѣлъ на мой уютный, маленькій такой домикъ съ палисадничкомъ и сказалъ:

— Здѣсь въ безмятежномъ счастіи жили когда-то прекрасная Сусанна и Геннадій Тархановъ... Надо искать новую квартиру... Между мной и Сусанной все кончено...

Шутки шутками, а положеніе скверное. Съ такимъ трудомъ нашелъ себѣ здѣсь пристанище, а теперь снова ищи... Для человѣка въ моемъ положеніи это почти неразрѣшимая задача. «Порядочные люди» не держатъ квартирантовъ, считая это дурнымъ тономъ, а тѣ, которые отдаютъ комнаты, избѣгаютъ пускать политическихъ: еще грѣха съ ними не нажить бы! Здѣсь легче снять за безцѣнокъ цѣлый домъ, чѣмъ найти комнату съ подходящими хозяевами... Ахъ, Сусанна, Сусанна, что ты надѣлала!..

Я медленно шагалъ по деревянному обледенѣлому тротуару и глазѣлъ по воротамъ, отыскивая объявленія о комнатахъ. Нѣтъ и нѣтъ!.. Должно быть, здѣсь это не принято... Здѣсь даже ремесленники часто избѣгаютъ вывѣсокъ: вонъ наклеенъ на стеклѣ вырѣзанный изъ бумаги сапогъ, это значитъ — сапожникъ; вонъ прибитъ къ воротамъ обручъ, это значитъ — бондарь, а вонъ... Записка какая-то!.. Перехожу на другую сторону и читаю: «Отдаетца квартера подъ холостова»... Ну-ка, посмотримъ, какая квартира и почему—подъ холостого?.. Грязный дворикъ; гдѣ-то хрюкаетъ свинья; покосившееся крылечко съ гнилой лѣсенкой внизъ... Нагибаюсь, вхожу въ темныя сѣни и растворяю дверь:

— Здѣсь отдается комната?..

— Здѣсь, только для васъ не подойдетъ. Намъ надо попроще.

Куча грязныхъ ребятъ смотритъ изъ сосѣдней комнаты, а гдѣ-то еще плачетъ грудной ребенокъ... Вполнѣ понятно пристрастіе къ холостымъ...

— Извините!.. Дѣйствительно... тѣсновато.

Прошелъ нѣсколько переулковъ—безрезультатно. Въ душѣ появилось такое ощущеніе, словно я безпріютный бродяга, не имѣющій пристанища, и зарождалось сожалѣніе, что я такъ легкомысленно порвалъ съ Сусанной. Не пришлось бы очутиться въ квартирѣ «подъ холостого»...

— Тархановъ!..

— А я—къ тебѣ...

Хорошо встрѣтить въ такой моментъ близкую душу. Какъ только увидалъ Касьянова, на душѣ сразу полегчало. Въ Касьяновѣ—кусочекъ моей собственной жизни; здѣсь, за три тысячи верстъ отъ родины, въ невѣдомой еще странѣ, среди совершенно чужихъ людей и полной неизвѣстности касательно будущаго,—и вдругъ Касьяновъ, опять Касьяновъ, человѣкъ, съ которымъ связано столько воспоминаній, радостныхъ, которыя стали грустными, и грустныхъ, которыя стали радостными, съ которымъ прошли короткіе, но такіе яркіе дни студенчества, первые сознательные шаги общественной работы, первая тюрьма, первая любовь!.. Едва ли обрадовался бы такъ бѣднякъ внезапной находкѣ кошелька съ золотомъ, какъ я обрадовался встрѣчѣ съ Касьяновымъ... Хорошій парень! Поздоровѣлъ, обросъ русой бородкой и бакенами, непринужденно вьющимися по румянымъ щекамъ, сдѣлался крупнѣе, солиднѣе, а въ голубыхъ глазахъ—все та же безпечность, смѣхъ и радость жизни, въ походкѣ грудью впередъ съ развальцемъ и въ сдвинутой на затылокъ шапкѣ все то же удальство, ухарство, озорство, дерзкій вызовъ превратностямъ судьбы. Такъ и кажется, что даже передъ лицомъ смерти этотъ жизнерадостный забулдыга улыбнется, тряхнетъ русой лохматой головой и скажетъ:

— Ну, что-жъ, помирать, такъ помирать!..

— Ты, братецъ, похожъ на Некрасовскаго «Огородника». Здравствуй!

Крѣпко обнялись и расцѣловались.

— Нѣтъ, ты-то на кого похожъ!.. Я не узналъ. Смотрю и думаю: откуда у насъ этотъ енотовый баринъ? Ты что же, братецъ, глазъ не кажешь ни ко мнѣ, ни въ коммуну? Или не знаешь правилъ приличія, или зазнался ты въ этой енотовой шубѣ. У насъ какъ привезутъ новаго звѣря, такъ онъ въ тотъ же день и часъ—съ визитомъ въ коммуну!..

— Искалъ квартиру. Хочется сперва наладить свою личную жизнь.

— А наши сердятся. Меня послали съ порученіемъ доставить тебя живымъ или мертвымъ. Всѣ сгораютъ отъ нетерпѣнія и любопытства, любознательности, духа праздности, унынія и празднословія. Заинтригованы твоей енотовой шубой. А женщины, такъ тѣ близки къ умопомѣшательству...

— Дѣло въ томъ, что я опять безъ пристанища: нашелъ и потерялъ уже.

— Почему? Узнали, что политическій?

— Нѣтъ, политика не замѣшана.

— Ну такъ... женщина, что ли?.. Ты, помнится, касательно сего деликатнаго предмета... вообще романистъ порядочный...

Касьяновъ любовно похлопалъ меня по плечу и расхохотался.

— Ты почти угадалъ...

И я разсказалъ Касьянову про свое столкновеніе изъ-за Сусанны.

— И вотъ, братъ, опять я на улицѣ, ищу комнату и чувствую себя непомнящимъ родства бродягой...

— Переѣзжай ко мнѣ! Хочешь, сочетаемся, а не хочешь — до пріисканія квартиры.

— Мое почтеніе!..

— Бонжуръ съ пардономъ!—отвѣтилъ Касьяновъ на поклонъ проходящаго господина и опять обратился ко мнѣ:

— Навсегда—боюсь: не сойдемся характерами, и дѣло кончится разводомъ. Я человѣкъ шумный, играю на гитарѣ, люблю гостей разнаго пола и всѣхъ слоевъ населенія, а ты... насколько помню, ты и во дни студенчества любилъ жить въ полномъ одиночествѣ...

— Да... и привыкъ уже: цѣлый годъ квартировалъ въ тюрьмѣ. Ты вылѣзъ скорѣе, а я запутался...

— За то я раньше попалъ въ изгнаніе... Ну, дѣло, однако, не въ этомъ. Послѣ разберемся. Теперь ультиматумъ: сперва—ко мнѣ, а затѣмъ—въ коммуну!

— А какъ же съ квартирой?

— Пустяки. Ночуешь у меня или въ коммунѣ, а потомъ поищемъ вмѣстѣ, у меня здѣсь обширный кругъ знакомства. Меня не боятся, потому что я живу въ міру и грѣшу по силѣ возможности. Изъ меня, братъ, вышелъ пустой малый. Никакихъ добродѣтелей. Сперва на меня сердились, пробовали

исправить, а потомъ плюнули... А все-таки любятъ маленько...

— А много всѣхъ-то васъ?

— Восемь душъ, не считая женщинъ и дѣтей, ты—девятый. Это выходитъ... три критически-мыслящихъ личности на тысячу жителей. Есть всѣ породы: народники, народовольцы, толстовцы, постепеновцы, однимъ словомъ—Ноевъ ковчегъ...

— Дружно живете?

— Бываютъ схватки боевыя... Иногда дѣло чуть до драки не доходитъ... Но—милые бранятся, только тѣшатся. Богу-то вѣдь одному молимся; а только крестимся по разному... Ну, налѣво въ переулокъ...

Только что свернули за уголъ, какъ носъ къ носу столкнулись съ хорошенькой барышней. На ея лицѣ—смущеніе, почти испугъ... Словно ее поймали на мѣстѣ преступленія...

— Козочка! Откуда, куда и зачѣмъ?..

Я прошелъ дальше, а Касьяновъ остановился и сталъ разговаривать...

Голосъ у него былъ зычный и до меня долетали его реплики:

— Ага!.. Не хватило терпѣнія... Мы сейчасъ придемъ... Геннадій!..

Я пріостановился и обернулся.

— Иди сюда!.. Скорѣе, братъ, а то у насъ терпѣнье лопнетъ.

— Будетъ вамъ глупости болтать, Васенька...

— Вотъ познакомься: прекрасная политическая преступница, по метрикѣ числится дѣвицею боярскаго рода, Зинаидой Дмитріевной княжной Довлетъ-Гильдѣевой, а по нашимъ святцамъ—Козочкой, княжной Разгильдяевой...

Пока Касьяновъ произносилъ эту длинную метрическую справку, дѣвушка прятала свое лицо въ муфтѣ, и только быстрые черные глаза ея смѣялись веселымъ блескомъ...

— А это—онъ, тотъ самый Геннадій Николаевичъ Тархановъ, о которомъ вы наводите справки...

Не отнимая отъ лица муфты, дѣвушка протянула тонкую, почти дѣтскую руку и смущенно сказала:

— Я приходила къ вамъ за журналомъ, а вовсе не... Васенька всегда говоритъ глупости. До свиданія!..

— Куда вы, Козочка? Зайдемъ ко мнѣ, а оттуда всѣ вмѣстѣ—въ коммуну...

— Мнѣ некогда... Я тороплюсь...

— Врете все!.. Куда здѣсь торопиться?..

Но Козочка кивнула мнѣ головой и пошла прочь.

— Козочка! А какъ же журналъ-то, за которымъ вы приходили?

— Послѣ!—крикнула, не оглядываясь, дѣвушка и ускорила шагъ.

— Смутилъ дѣвицу. Экій ты болтунъ...

— Ничего, обойдется. Вотъ ее-то я тебѣ и хотѣлъ главнымъ образомъ показать. По моему,—это самое интересное явленіе... или—явленіе употреблено неправильно... не явленіе, а... событіе... Нѣтъ, и не событіе!.. Фу, чортъ, говорить разучился... Однимъ словомъ, это—наша единственная достопримѣчательность... Крымская татарка... Глаза, какъ у Тамары, съ узкимъ разрѣзомъ, а душа... какъ арабская сказка... Сюда, во дворъ!..

— По какому же дѣлу эту достопримѣчательность передвинули съ южнаго полюса на сѣверный?

— За пылкій темпераментъ: совершила, братъ, плюходѣйствіе по начальству.

— А въ политическомъ отношеніи?

— Она и сама не знаетъ... Дѣлали обыскъ у брата-студента, а она хотѣла его спасти и спрятала что-то преступное за лифчикъ. А это замѣтили, и жандармскій ротмистръ сдѣлалъ ей честь и собственноручно полѣзъ за пазуху... Вотъ и вся политика!.. И теперь Козочка въ исключительномъ положеніи: всѣ партіи у насъ считаютъ дѣвицу своей...

Вошли въ полутемную переднюю.

— А васъ... Только что ушла госпожа Разгильдяева!

— Знаю, видѣлъ... Милости прошу къ моему шалашу!..

Большая комната въ три окна производитъ впечатлѣніе полнаго хаоса: не то съѣзжаютъ, не то только что переѣхали. Такой мерзости запустѣнія мнѣ давно уже не приходилось видѣть. На кровати все свалено въ одну кучу, на полу—газеты, сапогъ, пивныя бутылки, книги, на столѣ вакса и сапожная щетка, на стѣнѣ—балалайка и гитара... Спавшая въ единственномъ мягкомъ креслѣ лягавая собака, подняла голову, сердито метнула на меня умными карими глазами и заворчала.

— Тубо, Спартакъ! Свой.

Собака смолкла и спокойно спрятала голову подъ брюхо.

— Замѣчательный песъ! Скоро говорить будетъ. Я его натаскалъ не только по птицѣ: не пуститъ въ комнату ни единаго субъекта съ свѣтлыми пуговицами. Недавно исторія вышла: я

удралъ тихимъ манеромъ въ Вологду. Повидаться съ Вѣрочкой Игнатовичъ, а пса оставилъ беречь квартиру...

— Вѣра Игнатовичъ? Да развѣ она... Казанская Игнатовичъ?

— Ну да, та самая... У ней скоро срокъ кончается... Такъ вотъ удралъ, а въ мое отсутствіе—съ обыскомъ. Не пустила. Полицейскому надзирателю брюки изъ дорогой діагонали изорвала, икру прокусила... Двѣ недѣли я подъ арестомъ просидѣлъ; одну за самовольную отлучку, другую за брюки надзирателя. По совокупности...

Касьяновъ разсказывалъ подробности, а я думалъ о Вѣрѣ Игнатовичъ, о Казани, о Зоѣ, о тюрьмѣ, о музыкѣ въ общественномъ саду, о послѣднихъ экзаменахъ на аттестатъ зрѣлости, и такой грустью, тихой и нѣжной, наполнилась моя душа, что мнѣ хотѣлось обнять Касьянова и сказать ему:— «Помнишь ли ты, милый Касьяновъ, какъ мы съ тобой любили, страдали и были счастливы въ Казанской тюрьмѣ?.. Давай вспоминать прошлое!..»

— Ты что носъ на квинту повѣсилъ?

— Такъ... Сказалъ ты про Игнатовичъ, вспомнилась родина, университетъ...

— Тюрьма!

— Да, и тюрьма, конечно!.. Съ Казанью у меня всегда неразлучны университетъ и тюрьма...

— Да, братъ, пріятное пріятно и вспомнить... Вотъ на-ка, посмотри и потерзайся!

Касьяновъ порылся на кровати, отыскалъ и подалъ мнѣ потертый порванный альбомъ съ фотографическими карточками.

— Ты займись обозрѣніемъ прошлой жизни, а мнѣ надо собаку покормить. Хотя она и въ ссылкѣ, но «кормовыхъ» отъ начальства не получаетъ, и мнѣ приходится съ ней дѣлиться... Спартакъ! Жрать!

Касьяновъ увелъ куда-то собаку, а я примостился къ столу и началъ перелистывать альбомъ. Трудно передать то чувство, которое рождалось и все разросталось на душѣ по мѣрѣ того, какъ я перелистывалъ альбомъ. Словно я ходилъ по кладбищу, по милымъ роднымъ могиламъ своей собственной жизни... Вотъ я самъ, еще безусый и безбородый, только-что принятый въ университетъ. Удивительно побѣдоносный видъ!. Орелъ да и только!.. Гм!.. Что я рисовалъ себѣ въ тотъ моментъ, когда фотографъ готовился меня обезсмертить? Самъ чортъ не братъ. Міръ безъ всякихъ рычаговъ переверну.

Странно... А вѣдь только три года прошло... Ну, орелъ, не превратись, братецъ, въ чижика!.. А все-таки пріятно видѣть этого гордаго юношу. Вотъ именно такимъ я былъ, когда ѣхалъ съ Зоей на пароходѣ. Именно эту карточку я и преподнесъ ей тогда. Не эту, а такую же. Перевернулъ страницу,—цѣлая группа преступныхъ студентовъ, въ числѣ ихъ и мы съ Касьяновымъ. Сталъ всматриваться въ лица товарищей. Гдѣ они? что съ ними? Весь преступный кружокъ на лицо. Какое удобство для жандармскаго полковника. Наивные ребята: такъ всѣ гуртомъ въ пасть щукѣ и лѣзутъ... Рука тряслась, тянуло перелистывать дальше, рождалось смутное желаніе поскорѣе найти что-то, еще болѣе интересное, близкое и дорогое... Вотъ она!.. моя Зоя. Игнатовичъ и Зоя... Я пристально всматриваюсь въ лица улыбающихся дѣвушекъ, и онѣ тоже начинаютъ улыбаться, словно радуются неожиданной встрѣчѣ. Одна нашлась, а гдѣ другая? Пропала безслѣдно изъ жизни, какъ прожитый день, яркій весенній день! Хотѣлось бы мнѣ съ ней встрѣтиться?.. Нѣтъ, нѣтъ!.. Осталась только тѣнь любви. Вотъ я смотрю на нее—и только тихая нѣжная грусть звенитъ, какъ далекая струна, въ душѣ моей. Быть можетъ, эта грусть исходитъ не отъ нея, а отъ всего, что было съ ней связано, что ей сопутствовало. Не болитъ сердце прежней тоской, не мутится мой взглядъ невѣдомымъ приливомъ сладостнаго порыва, не хочется рвануться и крикнуть, а хочется только вздохнуть... Я продолжалъ всматриваться въ дорогія лица и не хотѣлось отъ нихъ оторваться, но вошелъ Касьяновъ, и я, какъ пойманный воръ, поторопился скрыть слѣды преступленія: быстро перевернулъ страницу, увидалъ красивую молодую женщину съ ребенкомъ на рукахъ, съ голенькимъ, похожимъ на амурчика мальчикомъ, и спросилъ:

— А кто это: женщина съ голымъ ребенкомъ?

— Аа, это—вашъ слуга съ покойной матерью...

— Ты? О, какъ ты прекрасенъ!

— Да, братъ, теперь ужъ такъ не снимешься... А Зою съ Вѣрой видѣлъ?

— Видѣлъ.

— Небойсь, ёкнуло сердечко-то?

Касьяновъ подошелъ, перелисталъ альбомъ и, отыскавъ портретъ дѣвушекъ, посмотрѣлъ и произнесъ:

— О, коварныя, какъ мы васъ любили!.. Что вы съ нами сдѣлали?.. Теперь мы съ тобой, друже, два отставныхъ жениха... Не знаю, какъ ты, а я вышелъ въ запасъ... Все еще, братъ, не совсѣмъ прошло... А у тебя? Ты вышелъ въ запасъ или въ чистую?

Я вздохнулъ и задумчиво отвѣтилъ:

— Я?.. Я признанъ негоднымъ, забракованъ и освобожденъ окончательно.

Касьяновъ позвалъ собаку и, трепля ее по щекамъ, говорилъ:

— Вотъ кто меня любитъ!.. безкорыстно, пламенно, шею за меня оторветъ.—Спартакъ вдругъ насторожился и, приблизившись къ двери, замеръ у порога.

— Ага! Стойка. Значитъ, дѣло не совсѣмъ ладно...

— Г. Касьяновъ у себя?

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!.. У себя, г. наблюдающій. Оба дома: я и Спартакъ.

— А новый политическій не у васъ?

— Здѣсь же!.. Войдите!

— Нѣтъ, не стоитъ... Я для порядку... Счастливо оставаться!

— Съ Богомъ!.. Ходите почаще мимо... Видѣлъ, какая дрессировка? Боится, брюки бережетъ. Ахъ, собачка, умница моя, убѣжденная политическая!..

— А здѣсь, однако, сильно безпокоятся о нашемъ здоровьи...

— Это меня ловятъ: надзиратель страстно желаетъ мнѣ за брюки отомстить: «самовольной отлучки» ждетъ, чтобы еще на недѣльку посадить...

Гдѣ-то закуковала кукушка, т. е. часы съ кукушкой. Касьяновъ бросилъ собаку.

— Ну, пора въ коммуну: тамъ ждутъ въ полномъ составѣ...

— Какъ это непріятно: словно смотрины какія-то...

— Событіе первѣйшей важности... Поживешь, такъ поймешь, друже, что значитъ свѣжій человѣкъ...

— Какой я свѣжій?.. Послѣ года въ тюрьмѣ и пяти мѣсяцевъ слишкомъ этапнаго путешествія!.. Я одичалъ, отвыкъ отъ большого общества и разговоровъ... Что я имъ скажу?..

— Здравствуйте! вотъ и все... Достаточно, что ты будешь между нами, и всѣ будутъ видѣть новое лицо и слышать новый голосъ... Это уже большая заслуга съ твоей стороны... Поди, Козочка тамъ уже наболтала и довела интересъ до 90 градусовъ... Валяй, лѣзь въ свои еноты!..

— Нельзя ли отложить до вечера? Чувствую склонность къ одиночеству, усталъ, разбередилъ твоимъ альбомомъ душевныя раны... Иди, а я останусь одинъ и буду думать...

— Ну, это, братецъ, будетъ ужъ прямо свинство: сказали

Козочкѣ, что скоро прибудемъ и вдругъ... Колоссальное невѣжество!..

— Ей-Богу, я съ бо̀льшимъ удовольствіемъ познакомился бы со всѣми по одиночкѣ, исподволь...

Сколько я не упирался, а пришлось надѣвать шубу...

III.

Я старался идти какъ можно медленнѣе. Хотѣлось не приходить дольше-дольше...

— Что ты, словно тебя на бойню ведутъ!..

— Глупое ощущеніе, словно у гимназиста предъ экзаменомъ...

Я смотрѣлъ подъ ноги, запинался, упрямился переходить на другую сторону. Однако, все-таки дошли.

— Ну, вотъ мы и у вратъ обители святой!.. Весь домъ снимаемъ...

Касьяновъ позвонилъ и было слышно, какъ затопали торопливо чьи-то ноги. Мелькомъ скользнувъ взоромъ по фасаду дома, я замѣтилъ, что въ окна смотрятъ, словно ребятишки на проходящихъ съ музыкой солдатъ. Мнѣ стало еще болѣе неловко.

— Пожалуйте!—пѣвуче протянулъ женскій голосъ, и дверь распахнулась.

— А, Параша-Сибирячка!.. Какъ, однако, вы каблучками-то топаете: я думалъ, что—мужчина...

— Башмаки у меня козловые, съ подковками... Здравствуйте!.. Милости просимъ!.. Васъ Геннадіемъ Николаевичемъ зовутъ, кажется?..

— Да.

— А меня Прасковьей Ивановной... Сюда!..

Вошли въ переднюю,—на вѣшалкѣ полно, некуда шубы повѣсить. Въ комнатахъ тихо-тихо. Точно наступилъ моментъ какого-то таинства. Слышно, какъ Параша пѣвуче, немного въ носъ, тихо сообщаетъ:

— Пришли. Оба...

Не понимаю этого глупаго чувства: хотѣлось схватить съ вѣшалки шубу и удрать. Почему-то вспомнилъ Подколесина и покраснѣлъ... Стою, обѣими руками приглаживаю волосы, покашливаю... Касьяновъ беретъ меня подъ руку и вводитъ въ большую комнату, полную мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

— Ну вотъ, привелъ вамъ енотоваго барина! — сказалъ Касьяновъ, и тишина смѣнилась взрывомъ веселаго смѣха. И сразу пропала напряженность момента и исчезла неловкость. Я обходилъ присутствующихъ и всѣмъ крѣпко жалъ руки, приговаривая:

— Тархановъ!.. Тархановъ!.. Тархановъ!..

А тѣ тихо и неразборчиво называли свои фамиліи... Когда кончился процессъ рекомендаціи, меня кто-то взялъ за локоть,— я испуганно обернулся: подростокъ лѣтъ семи въ рубашкѣ съ пояскомъ и въ штанахъ въ сапоги, съ проборомъ посрединѣ головки, похожій на маленькаго мужика, шаркнулъ ножкой и протянулъ руку...

— Сережа Куренковъ!

Это снова всѣхъ развеселило, кромѣ самого Сережи, который смотрѣлъ на меня немигающими глазами такъ серьезно, словно я былъ заморскимъ чудомъ.

— Будущій террористъ! — пошутилъ Касьяновъ и погладилъ Сережу по головѣ.

— Извините, пожалуйста, врете: онъ въ народъ пойдетъ!— замѣтила пожилая женщина, вѣроятно мать Сережи.

— Теперь ужъ не ходятъ...

— Глупо дѣлаютъ... Если въ народъ не ходятъ такъ, какъ раньше, то теперь сами превращаются въ народъ...

— Вотъ именно!—добавилъ чей-то мужской голосъ. Я посмотрѣлъ въ сторону голоса и увидалъ, что слова сказаны пожилымъ господиномъ въ русской поддевкѣ и большихъ сапогахъ, похожимъ на старообрядческаго начетчика.

— А въ сущности мнѣ все равно... Дѣло родительское!..— отшутился Касьяновъ и, перейдя въ сосѣдство въ Козочкѣ, сталъ съ ней тихо болтать и смѣяться.

Наступила общая неловкость и молчаніе. Всѣ сдѣлались необычайно серьезными и хмурыми, изрѣдка перекидывались съ сосѣдомъ или сосѣдкой фразой вполголоса. Выручила Параша.

— Становой родился! Хотите, Тархановъ, чаю?.. Мое дежурство сегодня...

— Выпью, если...

— Если дамъ? Съ удовольствіемъ!.. Самоваръ у меня на парахъ...

Параша скрылась и сейчасъ же появилась съ самоваромъ, большимъ и тяжелымъ, клокотавшимъ бурными парами...

— Позвольте мнѣ, обваритесь еще!—предложилъ я, вскочивъ со стула и направившись навстрѣчу Парашѣ.

— Ни Боже мой! Уходите!.. У насъ безъ кавалерства— запѣла дѣвушка, остановившись и отстраняя отъ меня самоваръ.

— Тяжело вѣдь!—смущенно проговорилъ я, усаживаясь на мѣсто.

— Параша *васъ* подниметъ!..

— Одинъ разъ она Касьянова на колѣни поставила,—прогудѣлъ простуженнымъ голосомъ Сережа.

— Она мнѣ палецъ вывихнула,—отозвался Касьяновъ.

Правда, Параша производила впечатлѣніе сильной и здоровой дѣвушки; отъ нея такъ и вѣяло здоровымъ тѣломъ, ровнымъ, спокойнымъ темпераментомъ и благодушнымъ настроеніемъ всегда здороваго человѣка. Миловидное круглое лицо, темно-каріе спокойные и добрые глаза, розовыя щеки, молодцеватая походка, сверкающіе при улыбкѣ зубы...

— Сибирь-матушка!..

Параша усѣлась разливать чай и дѣлала это съ красивой ловкостью и проворствомъ. Когда подошла къ столу Козочка, я заглядѣлся на эту контрастную парочку. Тонкая, гибкая, высокая, съ горящими черными глазами, порывистыми движеніями, съ длинной шеей, княжна Гильдѣева похожа на горную козу, а бѣлокурая и кареглазая Параша, такая плотная и крѣпкая, тихая и плавная... съ кѣмъ сравнить Парашу?..

— Тархановъ! Идите, подавать чай я не намѣрена. Дежурный не обязанъ.

Я подошелъ, взялъ стаканъ, скользнулъ по плечамъ Параши глазами и отыскалъ сравненіе: сибирская лошадка, небольшая, коренастенькая и сильная, выносливая... Ко мнѣ подсѣлъ Куренковъ, завелъ длинный, тягучій разговоръ на серьезную тему о пропасти между народомъ и интеллигенціей, и поминутно спрашивалъ:

— Вы согласны?

Я плохо слушалъ и плохо соображалъ, а потому и отвѣчалъ уклончиво и съ запинками, словно ѣхалъ по кочкамъ. А другіе слушали и изрѣдка взглядывали на меня удивленными глазами, досадливо выражая свое несогласіе молчаливымъ отрицательнымъ жестомъ головою.

— Вы согласны?

— Виноватъ, я не понялъ... Сейчасъ не могу бесѣдовать на серьезныя темы: все еще не привелъ съ дороги въ порядокъ своихъ мыслей...

Одинъ за другимъ подсѣдали ко мнѣ новые товарищи и тихо

заводили разговоръ о тюрьмахъ, о ссылкѣ, о переживаемомъ моментѣ. Осторожно нащупывали почву, чтобы опредѣлить: единомышленникъ или противникъ? Я это чувствовалъ, и у меня рождалось желаніе оставить собесѣдника въ прежнемъ невѣдѣніи; да, откровенно говоря, я пока имѣлъ больше тяготѣнія и симпатій, чѣмъ строгой обоснованности своихъ политическихъ взглядовъ. Меня раздражалъ этотъ очередной допросъ, и я ловко переводилъ разговоръ на болѣе общія темы, а иногда прибѣгалъ къ помощи Касьянова, Параши или Козочки, дѣлая ихъ соучастниками бесѣды. Не подходилъ ко мнѣ только одинъ юноша, худой и блѣдный, одѣтый въ темную блузу. Онъ сидѣлъ со стаканомъ чая на подоконникѣ, издали прислушивался къ разговорамъ, слегка ухмылялся или хмурилъ высокій лобъ, но въ разговоры не вмѣшивался и казался чужимъ среди своихъ... Я самъ подсѣлъ къ нему на подоконникъ и спросилъ, давно ли онъ въ ссылкѣ и по какому дѣлу попалъ въ нее.

— Наборщикъ! По типографскому дѣлу... Третій годъ!.. Осталось два.

— Сколькихъ же лѣтъ вы попали?

— Семнадцати...

— Какъ живется?

— Скучно безъ дѣла. Образованія нѣтъ, желаніе большое все знать, а силы маленькія... Мнѣ руками надо работать, свое дѣло!.. Народу здѣсь много, а все одни разговоры... Теперь все-таки получше: Параша помогаетъ учиться, мечтаю въ университетъ попасть... Только вѣдь это такъ, себя тѣшишь... Я кончилъ уѣздное... А развѣ вы меня не помните?

— Нѣтъ. А развѣ мы съ вами встрѣчались?..

— Эхъ, вы!.. А я вамъ помогалъ шрифтъ-то въ Казани воровать!.. Вотъ Касьяновъ меня отлично знаетъ... Положимъ, я тогда мальчишкой былъ...

— Неужели вы—Гриша, Григорій?..

— Я самый...

— Голубчикъ, родной!.. Простите меня, вѣдь я никакъ не могъ и думать, что вы... что мы когда-нибудь встрѣтимся...

— Вы мнѣ еще «Хитрую механику» читать давали!..

— Касьяновъ! Что же ты, чортовъ сынъ, не сказалъ мнѣ про Григорія?.. Не знаю, какъ васъ по-батюшкѣ...

— По-батюшкѣ—Иванычъ...

— Про Гришу-то... Забылъ! Какъ же, чай, помнишь?.. Изъ-за насъ влетѣлъ... Мечтатель онъ ужасный: хочетъ преодолѣть латинскую, греческую и прочую премудрость, чтобы по-

томъ снова попасть въ тюрьму и ссылку со званіемъ «бывшаго студента»...

— Не потому. Шутите все!..

— А зачѣмъ? Зачѣмъ?—громко выкрикнулъ Куренковъ.— Чтобы получить дипломъ и окончательно уйти отъ народа и въ качествѣ какого-нибудь прокурора или профессора кислыхъ щей усѣсться поудобнѣе на народномъ горбу?..

— А вы-то, сами-то, тоже вѣдь учились въ университетѣ!—злобно сверкнувъ глазами, съ нервной дрожью въ голосѣ, почти крикнулъ Гриша.

— Я, Куренковъ, имѣю званіе политическаго ссыльнаго, я оторванъ отъ народа насильственнымъ образомъ... И не собираюсь снова поступать... Слышали?.. И въ добавокъ я не кончилъ и диплома не имѣю...

— А почему вы знаете,—возразилъ Гриша,—что у меня въ душѣ? Можетъ, я хочу кончить да въ деревню уйти?

— Не пустятъ!—въ одинъ голосъ выкрикнули нѣсколько человѣкъ, словно были этому рады.

— Это очень грустно, а вы, господа, такъ закричали, словно рады этому...

— Рады не тому, что не пустятъ, а тому, что это обстоятельство опять возвращаетъ насъ къ основному положенію: надо сломать стѣну, въ которую всѣ мы уперлись!.. Надо сопротивляться злу насиліемъ...

Я понялъ, что Гриша явился только средствомъ побѣдить противника, и мнѣ стало непріятно и неловко передъ опустившимъ голову Гришей...

— Васъ не переспоришь!—грустно произнесъ онъ и, отвернувшись, сталъ смотрѣть въ окошко.

— А вонъ и наблюдающій идетъ!..—сказалъ Гриша и, махнувъ рукой, отошелъ отъ окна.

— Экая досада: Спартака я дома оставилъ...

Тихій, чуть слышный звонокъ.

— Травить людей собаками, кажется, Касьяновъ, не предусмотрѣно даже вашей партіей?—наставительно замѣтилъ Куренковъ.

— Я сверхъ программы!..

— Ничего этимъ никому не докажете.

— Я доказывать и не собираюсь. Просто ограждаю себя отъ разной сволочи,—огрызнулся Касьяновъ.

Звонокъ повторился.

— Идите, господа, отворите!.. Дежурный!

— Параша!

Параша встала, сдѣлала гримасу, и всѣ расхохотались.

— Вы-хо-ди, о, другъ мой нѣ-ѣ-жный, билъ свиданья ч-а-съ...—запѣлъ Касьяновъ, а Параша обернулась и обругалась:

— Язва вамъ на языкъ!..

Всѣ смолкли. Появилась Параша, опять съ гримасою на лицѣ, а за нею всталъ въ дверяхъ наблюдающій.

— Какое собраніе, господа?

— Коммунальное. По случаю пріема дорогого гостя, г. енотоваго барина!

— Я понимаю. Только ужъ, господа, безо всякаго шума и скандалу... Чтобы до исправника не дошло... Между нами.

— Камо пойду отъ духа твоего?

— Служба, г. Касьяновъ, такая. Вы думаете, что мнѣ самому пріятно безъ особаго приглашенія въ гостяхъ появляться... Обязанность!

— А какъ вы передъ Богомъ и совѣстью скажете? — строго спросилъ Куренковъ.

— Съ Богомъ будетъ особый разговоръ!—отвѣтилъ наблюдающій, и опять всѣ развеселились, а поощренный этимъ наблюдающій добавилъ:

— А покуда съ надзирателемъ приходится разговаривать!..

Женщины стали апплодировать удачному возраженію наблюдающаго, а Касьяновъ закричалъ даже «браво».

— Такъ я буду надѣяться?

— На что? Относительно спокойствія въ городѣ?

— Н-да, и прочее... пѣніе, напримѣръ, запрещенныхъ пѣсенъ...

— Будьте благонадежны!..

— Въ такомъ случаѣ до скораго свиданія, счастливо провести время!..

Наблюдающій ушелъ. Куренковъ ходилъ по комнатѣ и сердито хмурился.

Покашлялъ и началъ:

— Когда человѣкъ намѣренъ говорить съ противникомъ серьезно, то, во-первыхъ, не слѣдуетъ вмѣшиваться, а во-вторыхъ,—нечестно и неумѣстно шутить, зубоскалить и этимъ давать въ руки противника оружіе противъ самихъ же себя.

Послѣ маленькой паузы, Касьяновъ произнесъ:

— Сказано было умно и возразить было нечего...

— Вы такъ думаете? Совершенно напрасно. Быть можетъ, вамъ было нечего возразить этому болвану, а я... я имѣлъ что

возразить ему, а потому и... и вамъ... всѣмъ, кричавшимъ «браво» и апплодировавшимъ глупости...

— Не горячись, Павелъ Петровичъ!—замѣтила жена Куренкова.

— Любопытно, какое вы сдѣлали бы ему возраженіе?

— Я... Я сказалъ бы ему: «если для тебя надзиратель важнѣе Бога, то стало быть, ты служишь не Богу, а дьяволу»...

— А онъ бы вамъ отвѣтилъ, что у него такая служба и попросилъ бы у васъ добродѣтельной службы съ приличнымъ содержаніемъ... Вы ему предложили бы, конечно, сѣсть на землю, а онъ попросилъ бы васъ дать ему эту землю...

Въ воздухѣ висѣлъ крупный разговоръ. Это сразу почувствовала Параша:

— Господа, я властью дежурнаго прекращаю споръ! У насъ гость...

— Спорить съ Касьяновымъ все равно, что въ ступѣ воду толочь! — проворчалъ Куренковъ и вышелъ въ другую комнату.

— По моему, разъ люди стоятъ на разныхъ полюсахъ, такъ не слѣдуетъ и спорить,—добавила жена Куренкова...

Наступило упорное молчаніе; только гдѣ-то въ уголкѣ тихо ворковала Козочка. Я вскинулъ глаза: сидитъ на подоконникѣ рядомъ съ Гришей и кокетничаетъ съ наивностью гимназистки.

— Папаша непогрѣшимъ!—неожиданно произнесъ за моей спиною молодой басокъ. Я оглянулся и словно открылъ совершенно новое для меня лицо. Это былъ высокій и тонкій интеллигентъ, очень похожій на Куренкова, съ какимъ-то измученнымъ, страдальческимъ выраженіемъ на лицѣ... Должно быть, сынъ... Такъ и есть: жена Куренкова недовольно посмотрѣла на юношу и бросила:

— Не вмѣшивайся, пожалуйста!

Окна потускнѣли. Незамѣтно подкрались сумерки. Въ людной, но молчаливой комнатѣ сдѣлалось вдругъ скучно и тягостно. Гриша вздохнулъ и, поигравъ своей шапкой, неожиданно и молча сталъ со всѣми прощаться.

— Погоди, Гриша, я съ тобой!..—сказалъ интеллигентъ съ измученнымъ лицомъ и, пожавъ мнѣ руку, подошелъ и вяло, механически, поцѣловалъ мать въ сѣдую голову.

— Вечеромъ не зайдешь?...

— Мм... не знаю! Едва ли...

Съ остальными онъ не прощался.

— Это вашъ сынъ?—спросилъ я жену Куренкова, когда Гриша и его спутникъ вышли.

— Сынъ.

— Онъ живетъ...

— Отдѣльно! Мы—здѣсь, а онъ только обѣдаетъ и... часто заходитъ... Вмѣстѣ тѣсно, а врозь скучно. А вы устроились уже?

— Не совсѣмъ...

— Если хотите, можно устроить васъ въ коммунѣ: комната старшаго сына теперь свободна...

— Благодарю. Комнату я уже нанялъ, только...

— А гдѣ будете обѣдать?

— Вотъ съ обѣдомъ у меня не выяснилось...

— Присоединяйтесь!..

— Спасибо.

— Господа! Кто завтра дежурный?..

Начался споръ, кто завтра дежурный.

— Опять Параша!.. Она одно дежурство пропустила...

— Завтра Гришина очередь... А впрочемъ, я, такъ я!..

— Такъ имѣйте въ виду, что завтра начинаетъ столоваться еще одинъ человѣкъ...

Козочка радостно посмотрѣла въ мою сторону и спросила:

— Кто еще будетъ съ нами обѣдать?..

— Геннадій Николаевичъ.

— Аа!..

— Завтра—базаръ. Касьяновъ, имѣйте въ виду лишняго человѣка.

— Не лишняго, а новаго,—поправила Козочка.

— Знаю!—выкрикнулъ Касьяновъ.

Публика перемѣшалась, начала болтать о пустякахъ. Послышался женскій смѣхъ, заразительный такой смѣхъ... Кто такъ пріятно смѣется и надъ чѣмъ?.. Ну, конечно, Параша! Смѣется надъ Касьяновымъ, называетъ его кухоннымъ мужикомъ.

— Почему, Прасковья... Прасковья...

— Да ну васъ, зовите просто Парашей!..

— Ну, ладно... Почему вы его кухоннымъ мужикомъ называете?

— Онъ у насъ на базаръ ходитъ и печку топитъ...

По разъясненіи оказалось, что Касьяновъ уволенъ навсегда отъ дежурства, но взамѣнъ того принялъ на себя обязательства: ходить на базаръ, затапливать кухонную печь, приносить дрова и воду...

— Эксплоатируютъ, братъ!—пожаловался съ притворнымъ вздохомъ Касьяновъ.

— Больше вы, Касьяновъ, ни на что негодны...

— Въ родѣ ломовой лошади!.. По моему, такъ все это долженъ дѣлать толстовецъ по убѣжденіямъ. Дрова, вода, огонь... все это приближаетъ къ землѣ, къ народу...

— Заболтались, милостивый государь!—оборвала жена Куренкова...

— Вѣрно! Идемъ, енотовый баринъ!

— Да, пора...

Мы попрощались съ публикой и ушли. Когда проходили мимо оконъ, сидѣвшая на подоконникѣ Козочка стукнула въ стекло и торопливо закивала головой...

— Ну, какъ тебѣ наша публика показалась?

— Развѣ сразу разберешься!.. Откуда столько народу?

— Тутъ—жены, родственники, дѣти... Народъ хорошій, особенно бабье, только дѣлать нечего... Въ своемъ соку варимся... Не люблю я только одного стараго Куренкова... Это, братъ, свой собственный наблюдающій!.. Родной сынъ убѣжалъ, не вытерпѣлъ. Святой человѣкъ. Намъ, грѣшникамъ, тяжеловато съ нимъ. Правда его заѣла, а онъ насъ ѣстъ. Обличаетъ все въ неправильной жизни. И вѣдь въ большинствѣ случаевъ вѣрно говоритъ!.. У насъ его всѣ уважаютъ, но... не любятъ... Одинъ разъ идемъ мы съ нимъ мимо собора, обѣдня отошла, народъ расходится, за народомъ нищіе бѣгутъ... Вотъ онъ вынулъ кошелекъ и далъ старику пятачекъ, а тамъ другой, молодой бѣжитъ и гнуситъ, протягивая руку:

— Безносому-то! Безносому-то!..

А Павелъ Петровичъ остановился, строго посмотрѣлъ на безносаго и сказалъ:

— Самъ виноватъ!

И, махнувъ рукой, пошелъ дальше. Очень можетъ быть, что парень самъ виноватъ, что онъ—безносый, однако зачѣмъ ему вмѣсто пятака это вѣрное обличеніе? Вѣдь носъ у него отъ этого не выраститъ?.. Такъ вѣдь и всегда: вѣрно, но... скверно.

Я спросилъ про сына.

— Петръ? Онъ человѣкъ любопытный. Лелѣяли его родители въ духѣ стараго народничества, а вышелъ ярый народоволецъ, мечтающій свершить террористическій актъ. Въ прошломъ году бывали интересные диспуты между отцомъ и сыномъ. Кончилось полнымъ разрывомъ. Отецъ по ночамъ плакалъ. Я

жилъ тогда въ коммунѣ. Бывало ночью, послѣ такого диспута, когда все кончится, и страсти погаснутъ, а коммунисты улягутся спать по своимъ комнатамъ,—старикъ выйдетъ въ сѣни, запрется въ чуланъ и потихоньку плачетъ... Драма, братъ!.. Теперь не надышится на своего младшаго, Сережу; надѣется, что оставитъ продолжателя и послѣдователя... Даже одѣваютъ они его подъ мужичка...

— А есть у него здѣсь послѣдователи, т. е. толстовцы?

— Былъ въ прошломъ году еще одинъ интеллигентъ, тоже пожилой; теперь онъ живетъ гдѣ-то въ колоніи, около Чернаго моря... А изъ молодежи—никого. Уважаютъ, не спорятъ, а не вразумляются. Попалъ-было Гриша одно время подъ его вліяніе, да я его оттуда вытащилъ.

— А Параша?

— Террористка!..

— А видъ у ней совсѣмъ не террористическій.

— Въ тихомъ омутѣ черти, братъ, водятся...

— У тебя, братъ, всѣ террористы!.. Пожалуй, и Козочка?

— Да женщины вообще больше склоняются въ эту сторону.

— До замужества... Выйдетъ твоя Параша замужъ и такая изъ нея выработается мамаша, что только пальчики оближешь...

— Куда мы теперь?.. Хочешь на билліардѣ сразиться?..

— Нѣтъ, я не умѣю на билліардѣ...

— Единственное развлеченіе... Лыжи и билліардъ... Но лыжи связаны съ самовольной отлучкой за черту города, а теперь меня ловятъ...

— Съ кѣмъ же ты играешь?..

— Съ жителями, безъ различія убѣжденій... Павелъ Петровичъ много крови испортилъ изъ-за этой моей слабости и все-таки не доказалъ мнѣ, что играть на билліардѣ предосудительно... Доказалъ только, что это безполезно, но нравственность и билліардъ остались на своихъ мѣстахъ.

Кое-гдѣ мигнули огоньки, красненькіе и зелененькіе: пристрастіе къ розовымъ фонарикамъ и зеленымъ абажурамъ... Я вспомнилъ свою квартирку, столъ, лампу съ абажуромъ въ видѣ бумажной танцовщицы, двуспальную постель, теплую лежанку, чистоту и опрятность, тишину и одиночество, и подумалъ:

«И что мнѣ помѣшала Сусанна?.. двуспальная кровать?.. бумажныя розы?»

— У меня ночуешь?..

— Нѣтъ. Пойду къ себѣ... У меня заплачено впередъ и прожить мѣсяцъ я имѣю полное право... А тамъ осмотрюсь и увижу...

— Я тебя провожу...

— Не провожай, а только доведи до той улицы, гдѣ живетъ моя Сусанна, а тамъ я и самъ найду...

— Налѣво. А вонъ, гдѣ высокія березы, твой домъ...

— Такъ завтра обѣдаемъ въ коммунѣ?..

— Да.

Мы пожали другъ другу руки и разошлись... Позвонилъ. Хозяинъ вышелъ, отперъ и любезно посторонился. Вошелъ я въ переднюю, вышла съ лампой хозяйка, посвѣтила и пронесла лампу въ мои комнаты. Что за метаморфоза въ отношеніяхъ?

— Все устроили, какъ вы желали... Вы не обращайте на мужа никакого вниманія: онъ сегодня получилъ пенсію и немного выпилъ... Ну, гордость и завладѣла человѣкомъ... Это ужъ разъ въ мѣсяцъ бываетъ, ничего не подѣлаешь...

Хозяйка ушла. Я осмотрѣлъ комнаты и пріятно улыбнулся: ни половичка, ни двуспальной кровати, ни Сусанны!.. Полная побѣда. А теперь надо двинуться въ тылъ отступающему врагу: я собралъ съ комода всѣ пузырьки, коробочки и баночки, вазочки съ розами, уложилъ все это въ картонъ изъ-подъ шляпы и вынесъ за дверь:

— Хозяюшка!

— Что, батюшка?

— Возьми-ка, матушка!.. Это мнѣ лишнее, а вамъ годится...

— Спасибо, батюшка!..

— Не стоитъ, матушка...

Не понимаю, почему я вдругъ развеселился; началъ прыгать и танцовать, какъ школьникъ... Велѣлъ подать самоваръ, удобно расположился въ тихомъ одиночествѣ около лампы и, прихлебывая чаекъ, долго писалъ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ коммуны. Всѣхъ ярче мнѣ рисовались Куренковъ, Гриша, Касьяновъ и двѣ контрастныхъ дѣвушки: Параша и Козочка. Остальные пропадали въ туманѣ... Уже било двѣнадцать, когда я, перенеся лампу къ кровати, началъ раздѣваться... Улегся, протянулъ ноги, загасилъ огонь...

— Прощай, Сусанна!.. Между нами все кончено...

IV.

Обѣдъ въ коммунѣ...

Я пришелъ рано: въ коммунѣ пока были только коренны

члены ея, живущіе здѣсь, на общей квартирѣ: супруги Куренковы съ Сережей, Параша и Козочка, да и тѣ еще прятались по своимъ комнатамъ. Только Параша возилась въ кухнѣ. Прислуги не держали, отчасти по принципу, отчасти изъ экономіи, а всего больше по конспиративности, во имя полной свободы слова и гарантіи отъ лишнихъ ушей.

Въ залѣ было пусто. Я заглянулъ въ кухню: Параша въ бѣломъ передникѣ съ румянымъ лицомъ и засученными по локоть рукавами возилась около пылающей печки...

— Эге!.. Вы уже проголодались?—сказала она, привѣтливо улыбаясь и отирая влажный лобъ.—Я сегодня кухарка... Всѣ проспали... Поздно вчера легли... Ахъ, язви тебя!—закричала она, хватаясь за ухватъ, и я ушелъ.

— Коза! Да что-жъ это: долго ты будешь стоять передъ зеркаломъ?..—пропѣлъ на всѣ комнаты голосъ Параши изъ кухни.

— Сейчасъ!.. Вотъ надоѣла...—отвѣтилъ другой женскій голосокъ.

— Уже пришли, а ты и въ комнатахъ не подмела...

— Да слышу же, слышу!..

Я сидѣлъ въ залѣ—нейтральной комнатѣ живущихъ и приходящихъ—и просматривалъ толстые журналы, грудой сложенные на кругломъ столѣ. Тутъ были все старые знакомые: «Русская Мысль», «Русское Богатство», «Вѣстникъ Европы», изъ газетъ—только однѣ «Русскія Вѣдомости»... Давно я не встрѣчался съ этими друзьями и теперь испытывалъ какую-то жадность, торопливо перебирая книжки и проглядывая заглавія статей... Мелькали имена любимыхъ писателей, дразнили заглавія серьезныхъ статей и хотѣлось проглотить все это единымъ духомъ... Даже руки дрожали!.. Въ тюрьмѣ не давали ничего злободневнаго; питался капитальными научными трудами или классиками и совсѣмъ отсталъ отъ текущей родной литературы... Попадаются прошлогоднія книжки, но и онѣ для меня такъ же новы, какъ самая послѣдняя... Развертываю одну изъ такихъ книжекъ, мимолетно пробѣгаю глазами оглавленіе и чуть не падаю въ обморокъ:

«Въ тюрьмѣ»—стихотвореніе Г. Тарханова.

Что за чудо?!. Вѣдь и у меня есть стихотвореніе подъ такимъ заглавіемъ, написанное мною еще во дни первой тюрьмы... Г. Тархановъ! Вотъ удивительное совпаденіе. Здѣсь, вѣроятно, думаютъ, что это я написалъ... Эти мысли вспыхивали въ мозгу электрическими искорками, а руки торопливо перели-

стывали книгу... Вотъ оно... Господи, что же это?.. Помутилось въ головѣ отъ удивленія и невѣроятнаго радостнаго чуда:

Въ тюрьмѣ. (посв. З.)

Ярко блещутъ звѣзды въ синевѣ небесной,
Чрезъ окно струится ароматъ весны,
Надъ землей уснувшей роемъ безтѣлеснымъ
Носятся на крыльяхъ феи грезъ и сны...

Мое! Мое!.. Это мое, то самое стихотвореніе... Но какъ же это?.. Господи!.. Все еще не вѣрится... Скольжу по страницѣ и пробѣгаю конецъ стихотворенія:

Надо мной склонилась русая головка,
И коса упала ко мнѣ на плечо,—
Въ полутьмѣ сверкнула глазками плутовка
И поцѣловала крѣпко, горячо.

Геннадій Тархановъ.

Я!.. Я!.. Именно я, Геннадій Тархановъ!.. Но зачѣмъ они поставили въ концѣ точку? Надо многоточіе... Экая досада!.. Многоточіе надо... Лицо мое горѣло, не меньше чѣмъ у Параши передъ печкой, руки дрожали и такая радостная гордость играла въ душѣ и тѣлѣ, что не опишешь этого никакими словами... Я сразу выросъ на цѣлую голову въ собственномъ мнѣніи, книжка съ моимъ стихотвореніемъ казалась мнѣ лучшей изъ всѣхъ и такой родной, что я нѣжно приложилъ губы къ ея обложкѣ... и въ этомъ положеніи меня застала вошедшая въ залъ Козочка съ половой щеткой въ тонкихъ ручкахъ... Я растерялся до послѣдней возможности и выбросилъ изъ рукъ книгу... Сердце стучало такъ быстро и громко, что я боялся, какъ бы не услышала его Козочка... Словно я вбѣжалъ безъ отдыха на колокольню и съ огромной высоты смотрѣлъ теперь на Козочку... Я даже забылъ съ ней поздороваться...

— Здравствуйте!—съ упрекомъ произнесла дѣвушка со щеткой, въ бѣломъ платочкѣ.

— Ахъ, да... Конечно, здравствуйте!.. Т. е. не здравствуйте, а—виноватъ... Нѣтъ, и виноватъ, и здравствуйте!..

Козочка съ удивленіемъ вскинула на меня черные глаза и начала мести полъ.

У меня кружилась голова отъ тысячи неясныхъ, радост-

ныхъ и тревожныхъ ощущеній. Я смотрѣлъ на Козочку, и мнѣ казалось, что она плаваетъ со щеткой, не касаясь ногами пола... Подъ бѣлымъ платочкомъ ея черные восточные глаза рѣзко очерчивались страннымъ разрѣзомъ, а тонкія брови казались нарисованными...

— Вы—татарка?..—хотѣлъ я только подумать, но нечаянно спросилъ.

— Предки—татары, а я... А почему вы спросили?..

— Извините... Такъ я... И самъ не знаю... Самъ я долго жилъ въ Казани, а тамъ много татаръ... Я ужасно люблю татаръ, и мнѣ хочется вамъ сказать: «Саля малыкомъ!»...

— Не понимаю. Казанскіе татары—другіе, они говорятъ иначе...

Мнѣ было весело и хотѣлось говорить и дѣлать чепуху. И я сталъ болтать.

— Въ Казани, какъ только зацвѣтетъ сирень, по улицамъ съ лотками на головахъ ходятъ татары и поютъ ломаннымъ рускимъ языкомъ:

Апель-си-на, лимо-о-онъ!..
А-апельсина-а, лиммо-о-онъ!..

Рано еще, лежишь въ постели, а за окномъ поютъ уже птицы и татары-разнощики... А въ окно подуваетъ ласковый вѣтерокъ и наноситъ изъ сада сиренью... Хорошо!...

И я вдругъ, подражая татарину, запѣлъ потихоньку:

Апель-си-и-на, лимо-о-нъ!..
Апельси-наа, лимо-о-онъ!..

Изъ двери выглянула удивленная физіономія Куренкова и спряталась. И было это такъ смѣшно, что я не выдержалъ и расхохотался...

— Эхъ, какъ у васъ тутъ весело!..—сказала Параша, появившаяся съ горой тарелокъ.—Ну-ка, пособляйте на столъ накрывать!.. Геннадій Николаевичъ! Горничная, что ты развѣсила уши?.. Давай скатерть!.. Живо!.. Народъ собирается...

Я вскочилъ съ дивана и присоединился къ кухаркѣ и горничной. Звонко постукивали тарелки, ножи, вилки и ложки, мелькали въ воздухѣ перебрасываемыя съ одного конца стола на другой салфетки, смѣялись и озорничали, пока не появился снова Куренковъ.

— Называете себя критически-мыслящими личностями, а сами...

— Молодо-зелено, поиграть велѣно!—звонко отвѣтила Параша и, притоптывая каблучками, пошла на звонокъ въ передней...

— Здравствуйте!.. И васъ заставили трудиться на общую пользу?..—сухо поздоровался и спросилъ меня Куренковъ.

— И меня, Павелъ Петровичъ!

— Дѣло хорошее... А я сейчасъ читалъ полемику Михайловскаго... Не даетъ ему покою «непротивленіе злу»... Вышучиваетъ и не замѣчаетъ, что всѣ стрѣлы пролетаютъ мимо...

Голосъ у Куренкова звучалъ хрипло и казался злымъ. Я чувствовалъ, что Павлу Петровичу хотѣлось на комъ-нибудь разрядиться и не принималъ репликъ. А онъ, заложа руки за спину, ходилъ, мягко ступая валенками, и ворчалъ:

— И примѣры приводитъ глупые и не понимаетъ, что глубину не мѣряютъ аршинами...

Опять ходитъ, покашливаетъ... Появляются Касьяновъ и Параша.

— Христа тоже искушали, напримѣръ монетою... Христосъ даетъ вѣчную идею всему міру, всему человѣчеству, а къ нему подлетаетъ житель города Грязовска и спрашиваетъ: «а какъ же, Господи, у насъ на Грязной улицѣ съ винной лавочкой быть? Начальство не соглашается ее закрыть». Что жъ могъ бы Христосъ отвѣтить этому муравью? Кесарево-Кесареви! Однако, это не значило бы, что Христосъ проповѣдуетъ неосуществимое.

— Вы что тутъ о винной лавочкѣ разсуждаете?—спросилъ Касьяновъ и добавилъ, потирая руки:

— Хорошо бы передъ обѣдомъ по монополіи пройтись!.. Давно бы пора отмѣнить этотъ драконовъ законъ нашей коммуны... Ты какъ полагаешь, енотовый баринъ? Сегодня здорово морозитъ.

— Въ трактирѣ у Жукова—обѣды съ горячими напитками. Желающіе могутъ обѣдать въ трактирѣ!—отвѣтилъ за меня Куренковъ.

— Прошу здѣсь не курить: потрудитесь прочитать на стѣнкѣ!—оффиціально-ласковымъ тономъ обратился онъ ко мнѣ, замѣтивъ въ моихъ рукахъ портсигаръ. Я взглянулъ на стѣну: объявленіе крупными печатными буквами:

«Курить воспрещается».

— Виноватъ. Не зналъ...

— Въ кухнѣ можете или въ сѣняхъ!..

— А въ форточку?—спросилъ Касьяновъ.

— Можете! Жизнь есть высшее благо, и если мы сами не дорожимъ ею, то не имѣемъ права сокращать ее другимъ... Съ нами—женщины и дѣти...

— О, Господи!—подражая толстовскому мужику, прошепталъ Касьяновъ...

Появились Гриша, Петръ Куренковъ, Сережа, пожилая особа въ очкахъ, съ ридикюлемъ.

— Ну, какъ ваши хлопоты?—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— Принимайте, говоритъ, только чтобы я не зналъ. По закону разрѣшить не имѣю права. Я говорю: согласитесь, что это—глупо, въ городѣ только двѣ акушерки; представьте, говорю, такое положеніе: одна—въ отъѣздѣ, а другая—занята; что же дѣлать, если кто-нибудь изъ жителей неожиданно разрѣшается отъ бремени?..

— А онъ?

— Онъ поводитъ плечами, улыбается и твердитъ одно: «не предусмотрѣно».

— Практикуйте и никакихъ разговоровъ! Они хотятъ само рожденіе и саму смерть отдать подъ надзоръ полиціи... Стыдно будетъ исправнику посадить васъ, если вы исполните свой долгъ...

— Я—свое, а онъ—свое... Практикуйте, только чтобы я не зналъ объ этомъ, и безъ вывѣски...

— На вывѣску наплевать!—замѣтилъ Касьяновъ.—Я вырѣжу вамъ изъ бумаги ребеночка и наклеемъ его на стекло...

Козочка покраснѣла, ухмыльнулась и отвернулась къ окну, а Касьяновъ продолжалъ о вывѣскѣ:

— Вырѣжемъ, Марья Петровна, изъ сахарной бумаги младенца мужскаго пола съ брыкающимися ногами и приклеемъ къ стеклу, и всякій проходящій пойметъ этотъ кричащій символъ...

— Погодите, люди говорятъ серьезно, а вы—съ глупостями!.. Наклеивайте себѣ, а мнѣ не надо...

— Мнѣ?.. Не такъ поймутъ...

— Г. Касьяновъ, вы не въ трактирѣ!—сердито отрѣзалъ Куренковъ, и всѣ примолкли.

Параша принесла огромную миску щей, и всѣ шумно и оживленно стали разсаживаться. Петръ Куренковъ сѣлъ подальше отъ отца. Касьяновъ сѣлъ около Параши, я очутился между Козочкой и Сережей. Ѣли дружно, почти молча и очень быстро,—

всѣ, видимо, были голодны и не расположены терять даромъ время. Только Сережа задавалъ неумѣстные вопросы:

— А зачѣмъ въ супъ таракана положили?..

— Вынь и кушай!.. Самъ попалъ, по неосторожности.

— А гдѣ-нибудь ѣдятъ таракановъ?..

— Нигдѣ, нигдѣ!..

— Лягушекъ же китайцы ѣдятъ!..

Павлу Петровичу жена подала отдѣльную мисочку:

— Вотъ тебѣ, старовѣръ, въ отдѣльной посудинкѣ...

— Папа у насъ не ѣстъ ни коровъ, ни овецъ, ни барановъ... ничего, ничего!—разсказывалъ мнѣ Сережа,—ей-Богу не ѣстъ!.. Думаете, вру? Папа, вѣдь ты не ѣшь коровъ?..

— Я не ѣмъ *никого*...

— Вотъ видите!.. Онъ у насъ даже рябчиковъ не ѣстъ!—старался поразить меня Сережа.—Онъ называется... Какъ онъ называется, мама, я все забываю...

— Вегетаріанецъ. Ве-ге-та-рі-анецъ...

Сережа, видимо, гордился своимъ папой, особенно же тѣмъ, что онъ не ѣстъ быковъ, коровъ и овецъ и такъ трудно называется.

— Ве-ге те-... мама, опять забылъ!

— Будетъ болтать, ѣшь!..

— Онъ у насъ три раза въ тюрьмѣ сидѣлъ. А вы сколько разъ?..

— Я... два раза...

— Только то!.. А папа—три...

— Такъ онъ еще сядетъ, Сережа!—сказалъ въ мою защиту Касьяновъ, и всѣ расхохотались. Сперва Сережа опѣшилъ, но очень скоро вывернулся:

— Ну такъ что же! Тогда будетъ по-ровну, а папа еще сядетъ и еще, еще...

Тутъ ужъ и папа развеселился, засмѣялся и спросилъ:

— Неужели тебѣ хочется, чтобы я сѣлъ опять въ тюрьму?

— А если посадятъ?—уклонился Сережа...

Параша съ Козочкой мѣняли тарелки; утолившіе голодъ коммунисты сдѣлались разговорчивѣе... На другомъ концѣ уже двое спорили: акушерка Марья Петровна сцѣпилась съ Петромъ Куренковымъ и обиженно-истеричнымъ голосомъ спрашивала:

— А у васъ есть данныя? Данныя есть?..

Но Параша принесла огромный горшокъ гречневой каши, а Козочка жбанъ молока, и споръ потонулъ въ общемъ движеніи, звонѣ стакановъ и ложекъ...

— Съ вами спорить надо поѣвши...

— И съ вами тоже!..

Послѣ обѣда послали кухоннаго мужика ставить самоваръ; Гриша съ Петромъ Куренковымъ сейчасъ же ушли, не прощаясь съ публикой; супруги Куренковы скрылись въ своихъ комнатахъ; съ ними ушла и акушерка. Въ залѣ остались только Параша, Козочка, Сережа и я... Дѣвушки возились еще около стола, а мы съ Сережей усѣлись на диванѣ. Меня тянуло еще разъ посмотрѣть на свое напечатанное стихотвореніе, и я, какъ бы отъ нечего дѣлать, началъ снова пересматривать журналы. Именно поэтому я и не ушелъ сейчасъ же послѣ обѣда, а остался пить чай, котораго вовсе не хотѣлъ. О, какъ тянула меня милая книга, въ которой какимъ-то непонятнымъ чудомъ появилось мое произведеніе! Только разъ въ жизни я испытывалъ нѣчто подобное: въ Крыму, къ маленькому султану, когда узналъ тайну его рожденія... И теперь я схватилъ бы книгу съ моими стихами, убѣжалъ бы домой, скрылся отъ постороннихъ взглядовъ и сталъ вслухъ читать это прекрасное произведеніе... Развѣ это такъ неисполнимо?.. Отчего я такъ боюсь прямо сказать: «дайте мнѣ книжку журнала, гдѣ напечатаны мои стихи»!.. Словно я сдѣлалъ что-то очень дурное... А, главное, всѣ вѣдь здѣсь знаютъ, что написалъ эти стихи я!.. Страшно и стыдно заговорить о нихъ... Странное, необъяснимое чувство.

Сережа что-то спрашивалъ, звенѣлъ крикливо надъ самымъ моимъ ухомъ, лѣзъ ко мнѣ на колѣни, я утвердительно кивалъ головою, говорилъ: «Ну!», гладилъ его по головѣ, одинъ разъ поцѣловалъ даже, но все время мои мысли были прикованы къ завѣтной страницѣ, гдѣ подъ стихами стояло: «Геннадій Тархановъ»...

Козочка, кончивъ работу около стола, присѣла къ окну съ какимъ-то рукодѣльемъ, кажется вышивала; склонивъ свою черную головку надъ работой, она тихо и грустно напѣвала какую-то восточную пѣсенку, и мотивъ ея рождалъ въ воображеніи жаркую степь, палящее солнце, тонкую гибкую дѣвушку въ бѣломъ, жалобно плачущую около кочевья... Я машинально ловилъ этотъ заунывный мотивъ и вкладывалъ въ него слова моего стихотворенія...

Вышелъ Павелъ Петровичъ и спросилъ, не играю ли я въ шахматы.

— Да, но очень слабо...

Онъ обрадовался, принесъ шахматный ящичекъ съ фигурами и усадилъ меня играть. Я былъ разсѣянъ, дѣлалъ промахъ

за промахомъ и быстро получилъ матъ, чѣмъ страшно обрадовалъ Сережу:

— Ура, папа обыгралъ!.. Козочка, папа обыгралъ!.. Параша!.. Мамочка!—закричалъ мальчуганъ и убѣжалъ еще кому-то сообщить о томъ, какой молодецъ у него папа... Касьяновъ несъ изъ кухни скипѣвшій самоваръ, а Сережа прыгалъ впереди и кричалъ:

— Касьяновъ! Папа обыгралъ Тарханова!..

— Пошелъ прочь! Подъ самоваръ попадешь...

— Проиграли?—съ упрекомъ спросила Козочка.

Въ другое время мнѣ было бы досадно, и вопросъ Козочки увеличилъ бы эту досаду и затронулъ самолюбіе, но теперь ни досады, ни укола самолюбія я не чувствовалъ...

— Да, проигралъ,—сказалъ я весело, подошелъ къ Козочкѣ и сталъ разсматривать, чѣмъ она занимается.

— Вышиваете?

— Да, на рубашку Гришенькѣ...

— Вотъ какъ?!.

— Проспорила...

— Давайте и со мной поспоримъ! Я тоже желаю такую рубашку...

— Не дождетесь!.. Я и одну-то скоро годъ вышиваю...

Пили чай, перебрасывались словами, острили, бросались хлѣбными шариками. Касьяновъ смѣшилъ насъ всѣхъ и раздражалъ своимъ легкомысліемъ Павла Петровича. Вышла жена Куренкова съ акушеркой и тоже подсѣли къ самовару. Марья Петровна стала меня допрашивать, по какому я дѣлу сидѣлъ въ первый разъ, не знаю ли такихъ-то и такихъ-то, сознательно ли я пошелъ въ революцію...

— Ей-Богу, не знаю!..

— Вотъ тебѣ и здравствуйте!.. Не знаетъ... Да вамъ сколько лѣтъ?

— Мнѣ-то?..

— Вамъ-то.

— Да скоро двадцать четыре...

— Пора бы знать, очень пора!

— Какая вы строгая...

— Я стою за то, что надо вступать на революціонный путь съ солиднымъ багажемъ знаній, познавши міръ и самого себя...

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь, Марья Петровна!—возразилъ Касьяновъ...

— Ну, это кто какъ!—бросилъ Павелъ Петровичъ.

— А вы, Марья Петровна, познали міръ?..

— По силѣ возможности... старалась познать и теперь продолжаю познавать...

— Примите во вниманіе нашу молодость!—иронически замѣтилъ Касьяновъ.—Мы тоже продолжаемъ познавать, и возможно, что къ вашимъ годамъ вполнѣ оріентируемся...

— При чемъ тутъ года?.. Я шла въ революцію уже съ подготовкой...

— А мы впитали эту подготовку съ молокомъ матери...

Я взглянулъ на Козочку: личико ея было грустное, смотрѣло съ благоговѣніемъ на Марью Петровну, на лбу появлялись складочки отъ напряженнаго мышленія...

— Зиночка! Кончили вы «Основы народничества»?—строго спросила Марья Петровна.

Козочка вздрогнула, кашлянула и тихо отвѣтила:

— Почти кончила... Но многое тамъ... Мы послѣ поговоримъ...

— Хорошо. Кончайте поскорѣе, а то есть желающіе...

— А гдѣ и у кого «Въ чемъ моя вѣра?»—спросилъ Павелъ Петровичъ.

— У меня же!—виновато проговорила Козочка...

— Надо сперва кончить одно, а потомъ приниматься за другое...

— Я могу отдать...

— Пока мнѣ не надо, но... если не интересуетъ, то нечего и держать.

— Я читаю...

— И ничего не понимаю!—добавилъ Касьяновъ...

— Хочется прочитать все, но... всѣ даютъ и назначаютъ сроки...

— Я такого чтенія не понимаю,—сказала Марья Петровна.—Надо читать въ извѣстной послѣдовательности, иначе у васъ въ головѣ получится каша. Я дамъ вамъ систематическій каталогъ для чтенія, вы намѣтите какую-нибудь опредѣленную отрасль знанія и будете ее изучать... Трудно здѣсь найти всѣ книги, но кое-что найдется... Господа, получена новая книжка «Русскаго Богатства»! Сегодня вечеромъ назначается общее чтеніе и бесѣда. Желающіе благоволятъ пожаловать...

— Когда можно на руки?—спросилъ Касьяновъ.

— Что за вопросъ! По правиламъ: три дня книжка остается здѣсь, въ нейтральной комнатѣ, а затѣмъ поступаетъ въ очередь... по жеребьевкѣ.

Я воспользовался моментомъ.

— Господа, нельзя ли мнѣ взять на домъ нѣсколько старыхъ книжекъ?

— За этимъ обратитесь къ Парашѣ...

Я поговорилъ съ Парашей, отобралъ нѣсколько книжекъ, въ числѣ которыхъ была, конечно, и завѣтная, и, попрощавшись, ушелъ. Крѣпко прижималъ я къ себѣ дорогую ношу, а ноги мои бѣжали сами, словно я боялся, что Марья Петровна догонитъ меня и отниметъ...

Придя къ себѣ, я заперся на крючекъ, дрожащими руками раскрылъ завѣтную книгу и не могъ оторвать любовнаго взора отъ своихъ стиховъ... Читалъ про себя и вслухъ, любовался фамиліей автора и тихо шепталъ:

— Поэтъ Геннадій Тархановъ!.. Поэтъ Геннадій Тархановъ!..

Пригодилось и зеркало на комодѣ: смотрѣлъ на себя съ удивленіемъ, поглаживалъ себя по головѣ, старался взглянуть объективно...

— Гм!.. поэтъ Геннадій Тархановъ...

Ходилъ возбужденнымъ шагомъ по комнатамъ и чувствовалъ такъ, словно теперь насъ было двое—я и поэтъ Тархановъ! Съ этимъ, вторымъ, я даже разговаривалъ:

— Стихотвореніе ваше очень недурно... У васъ—несомнѣнный талантъ, только не зарывайте его въ землю...

— Зачѣмъ зарывать!..

А потомъ я превращался въ кого-то третьяго, который удивлялся:

— Неужели даже Касьяновъ не читалъ этого стихотворенія?.. Хороши читатели!.. Впрочемъ, что они смыслятъ въ поэзіи?.. Марья Петровна, напримѣръ... Какъ свинья въ апельсинахъ... Не больше!.. Къ стихамъ у нея вѣроятно, презрѣніе... Стишки!.. Однако, выслушайте, Марья Петровна!

И, ставъ въ позу, я декламировалъ:

Ярко блещутъ звѣзды въ синевѣ небесной,
Чрезъ окно струится ароматъ весны...

— Впрочемъ не стоитъ вамъ читать...

Опять возбужденно ходилъ по комнатамъ и мучился неразрѣшимымъ вопросомъ: какъ попало въ журналъ мое произведеніе?.. Очевидно, кто-нибудь послалъ его въ редакцію... Но кто?.. Неужели она?... Зоя?.. Больше некому: только у Зои былъ экземпляръ этого стихотворенія... Первоначально оно было начертано обгорѣлой спичкой на тюремной стѣнкѣ моей одиночной камеры, потомъ записано на клочкѣ бумаги...

Воскресъ далекій обрывокъ прошлаго:

— Это—тебѣ!.. Только не читай сейчасъ, при мнѣ, а потомъ... одна.

— Да что тутъ?.. Ты меня пугаешь... Позволь — сейчасъ!..

— Нѣтъ. Не могу... Давай твою сумку, я положу туда...

— Ну, хорошо...

А на другой день пришла въ больницу на свиданіе съ огромнымъ букетомъ сирени и поцѣловала, обвивъ меня рукой, сиренью и ароматомъ...

— Геня, Геня!.. ты поэтъ!.. Боже, какое счастье!.. Это ты мнѣ посвящаешь? мнѣ?..

— Да... конечно... Первое, что появится когда-нибудь въ печати, будетъ, голубка, посвящено тебѣ...

Надо мной склонилась русая головка,
И коса упала ко мнѣ на плечо...
Въ полутьмѣ сверкнула глазками плутовка
И поцѣловала... крѣпко, горячо...

V.

Плохо спалось мнѣ этой ночью: призраки прошлаго витали надъ моей постелью и сплетали яркіе узоры изъ причудливыхъ отраженій прожитой жизни, легкокрылыхъ, пугливыхъ и хрупкихъ сновидѣній... Словно мыльные пузыри, разростались эти сновидѣнія, блестя и обманывая, очаровывая сказками радужныхъ отраженій, и вдругъ лопались и исчезали, оставляя капли мыльной воды... Хитрили и подсмѣивались призраки прошлаго: соткавъ сказку о былой радости и счастіи, они неожиданно впутывали въ нее героевъ настоящей моей жизни, и мыльный пузырь лопался: я просыпался и вздыхалъ...

...Казань. Городъ залитъ розовыми огнями вечерней зари. Гдѣ-то играетъ музыка. Въ сирени стоитъ дѣвушка, ищетъ вѣнчикъ съ пятью лепестками...

— Что вы ищете?

— Счастье!..

— Будемъ заниматься алгеброй...

— Да, сейчасъ... нашла...

Сидимъ рядомъ... Рѣшаемъ задачу съ иксами, игреками и зетами. Вдругъ появляется Марья Петровна съ ридикюлемъ и строго говоритъ:

— Вотъ вамъ систематическій каталогъ! Иначе получится въ головѣ каша...

Просыпаюсь, съ трудомъ вспоминаю гдѣ я и что со мной, а передъ глазами ярко рисуется страница журнала, стихи и подпись: «Геннадій Тархановъ»...

— Кажется, съ ума схожу...

Опять дрема, опять грезы... Лѣниво катитъ воды родимая Волга, ласково поплескиваетъ набѣгающей волной въ песчаную отмель... Небесная синева съ бѣлымъ облачкомъ, дымокъ далекаго парохода, смутный контуръ синѣющихъ горъ... Я сижу на плотахъ и ловлю удочками рыбу... Вотъ судорожно встряхнулся поплавокъ, еще разъ, еще... Я подсѣкаю и тащу... Попало что-то огромное!.. Тянетъ, крутитъ, гнетъ удилище... Я въ отчаяніи: оборветъ лесу, уйдетъ моя рыбища... Кричу:

— Эй! Кто-нибудь!.. Дайте сачекъ!.. Скорѣе!..

Появляется Параша съ засученными рукавами и даетъ мнѣ ухватъ...

Зачѣмъ ухватъ?.. Эхъ! Безпомощно оглядываюсь: ко мнѣ бѣгутъ Касьяновъ, Марья Петровна, Куренковы, Козочка, Сережа... Всѣ машутъ руками и кричатъ... Рванула рыбина и оторвала лесу.....

— Опоздали!.. Сорвалась...

Козочка прыгаетъ съ хохотомъ въ воду, исчезаетъ, кувыркается, какъ дельфинъ, стараясь поймать рыбину, а я удивляюсь и спрашиваю:

— Господа! Что это значитъ?..

— Да вѣдь она—крымская татарка!—объясняетъ Параша...

— А я, я и забылъ...

Всѣ мы съ нетерпѣніемъ смотримъ, слѣдимъ и ждемъ, когда Козочка поймаетъ рыбину... Вотъ, наконецъ, вынырнула, смѣется, бултыхается въ водѣ и тащитъ что-то волокомъ...

— Она уже мертвая!—звонко кричитъ Козочка и тащитъ за собою на берегъ утопленницу, похожую на Офелію... Я наклоняюсь и въ отчаяніи кричу:

— Зоя! Это Зоя!.. Зоя!..

Всѣ потихоньку расходятся... Я остаюсь на берегу около утопленницы и плачу горько-горько... Потомъ читаю надъ Зоей свои напечатанные стихи, и она оживаетъ, улыбается и шепчетъ:

— Поцѣлуй меня!..

Я оглядываюсь, а позади—наблюдающій:

— Васъ исправникъ къ себѣ требуетъ...

Раскрываю глаза, не могу опомниться отъ фантастическаго

сновидѣнія, стараюсь припомнить лицо Зои, но не могу, и чувствую злобу къ исправнику и къ наблюдающему...

Кошмарная ночь. Всталъ съ головной болью и печалью въ душѣ, усталый и разбитый. Пилъ чай и думалъ:

— Во снѣ любилъ Зою, какъ прежде, а на яву... нѣтъ этой любви... Какъ рыдалъ я надъ утопленницей!.. Какое безграничное отчаяніе охватило мою душу, когда я въ этой утопленницѣ неожиданно открылъ Зою!.. А теперь вотъ не плачу и нѣтъ безъисходной тоски...

«Прошло» и «не было»—равны между собой... Все, что прошло—сонъ, радостный или мрачный. И радость прошлаго, какъ и печаль его—только эхо, только отраженіе... Быть можетъ, если бы Зоя утонула въ ту пору, когда я горѣлъ въ сладкомъ трепетѣ любви къ ней, я теперь только съ грустью подумалъ бы о прошломъ и не могъ бы пережить той глубины темнаго отчаянія, какую пережилъ во снѣ. Гдѣ же различіе между сномъ и прошлымъ?..

Я старался вспомнить всѣ подробности сна, но онъ не поддавался, и оставалась грусть о томъ, что нѣтъ потерянной грусти и нѣтъ пережитыхъ страданій... Захотѣлось мнѣ вдругъ сказать объ этомъ людямъ, схватила душу горячка вдохновенія, въ головѣ смутно зарѣяли слова и образы, облекаясь въ элегическую музыку ритма. Я схватилъ бумагу и перо, и рука проворно забѣгала, едва поспѣвая за рождающимся стихомъ...

Вотъ и стихи!.. Перечиталъ, сдѣлалъ нѣсколько поправокъ и снова прочиталъ вслухъ... Трогательно: на глазахъ слезы... Странно: самъ написалъ и самъ же плачу! Вѣдь все это неправда, сонъ?.. Онъ далъ тему и навѣялъ въ яркихъ образахъ грусть о ничтожествѣ всего человѣческаго... Словно во снѣ написалъ я это стихотвореніе... Какъ его назвать?..

— Все—какъ сонъ и все—какъ дымъ... Такъ и назову!.. «Все—какъ сонъ и все—какъ дымъ...»

Прекрасное стихотвореніе! Надо послать его въ журналъ... Сейчасъ же послать! Загорѣлось, не могу медлить ни одной секунды... Переписываю на-чисто, дѣлаю кляксы или ошибки, рву бумагу, пишу снова: некрасиво, опять рву... На полу клочки бумаги, чернильныя пятна, на вязанной скатерти — пролитыя чернила... Ахъ, чортъ!.. забылъ подписаться... Рву конвертъ, четко подписываю «Геннадій Тархановъ», снова заклеиваю и съ вдохновеннымъ лицомъ стремлюсь на почту... Чувствую себя совсѣмъ особенно, какъ еще никогда до сихъ поръ не чувствовалъ: таится во мнѣ какая-то особенная, кротко-ласковая гор-

дость ко всему окружающему... Вотъ я иду по этому захудалому, ничтожному городку и никто не подозрѣваетъ, что это идетъ поэтъ Геннадій Тархановъ... Я снисходительно смотрѣлъ на домики, встрѣчныхъ жителей, унылыхъ собакъ, я даже не обидѣлся, когда какая-то женщина догнала меня и спросила:

— Ты дьяконъ, что ли?

— Нѣтъ, голубушка... Къ сожалѣнію, не дьяконъ...

— А мнѣ показалось издали-то... Волосья-то у тебя долгіе же...

— Негдѣ, голубушка, постричься...

Дьяконъ... Поэтъ Тархановъ, а она—дьяконъ!.. Эхъ, простота!..

— А шуба-то у него похожая же на твою, вотъ я и промахнулась...

На почтѣ мое письмо въ редакцію журнала произвело внушительное впечатлѣніе. Тотъ же чиновникъ, который говоритъ «до свиданья!», прочитавъ адресъ, осмотрѣлся и шепотомъ сказалъ:

— Хорошенько всѣхъ ихъ надо!..

— Кого?..

— Всѣхъ! Они боятся корреспондентовъ, какъ огня... Всегда заказнымъ посылайте!..

Опять оглянулся, подалъ росписку и сказалъ:

— У меня хорошій матерьялецъ есть... Какъ-нибудь при случаѣ... Вы гдѣ квартируете?..

Я отвѣтилъ, но послышались шаги въ дальней комнатѣ, и чиновникъ сухо бросилъ:

— До свиданья-съ!..

То дьяконъ, то корреспондентъ... Отлично, пусть дьяконъ!.. Теперь спокойно: письмо отправлено. Возвращаюсь съ почты медленнымъ, солиднымъ шагомъ, а на душѣ такъ свѣтло и радостно, что хочется разбѣжаться и покатиться, какъ на конькахъ, по скользкому обмерзлому тротуару... Ярко сверкаетъ солнышко, горятъ алмазами крыши домовъ, накрытыя чистенькими скатертями за ночь выпавшаго снѣга, мохнатятся колючимъ инеемъ деревья за заборами, хрустятъ подъ ногами тротуарныя доски... Хочется идти и притопывать. Крѣпко отбиваю шаги,—на всю улицу слышно, что человѣкъ идетъ... Это выходитъ такъ значительно... Прислушиваюсь къ звуку своихъ шаговъ, и мнѣ кажется, что они выговариваютъ:

Поэтъ-Тархановъ!
Поэтъ-Тархановъ!

Удивительно радостный день; даже улица улыбается! Гдѣ-то звенятъ колокольчики, все ближе и ближе. Пріятный звонъ. Кто-то куда-то поѣхалъ... Изъ-за угла вывернулась тройка гусемъ, съ росписной дугой, и вынырнулъ кузовъ обитаго рогожей возка; ямщикъ съ мѣдной бляхой на гречушникѣ хлопнулъ, какъ пастухъ, длиннымъ кнутомъ, и тройка, словно длинный поѣздъ, поплыла мимо меня; блеснули въ возкѣ золотыя пуговицы, золотой гербъ на шапкѣ; путникъ посмотрѣлъ въ мою сторону и отдалъ честь... Странно. Я неувѣренно взялся за шапку... оглянулся вокругъ: быть можетъ, не мнѣ-честь, а кому-нибудь другому? Никого не видать. Значитъ, мнѣ... Тройка проѣхала и свернула за уголъ, а колокольчики все пѣли, и отъ этой музыки рождались какія-то смутныя воспоминанія, далекія, обвѣянныя тревожной грустью. Захотѣлось куда-то ѣхать и почувствовалось одиночество... Когда я свернулъ за тотъ же уголъ, я наткнулся на жителя въ задумчивой позѣ; остановившись посреди тротуара, онъ провожалъ взорами чуть видную уже въ перспективѣ улицы тройку... Я вопросительно взглянулъ на жителя, а онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Г. исправникъ куда-то поѣхали!..

Покачалъ головою и медленно пошелъ своей дорогой.

Исправникъ... Да, конечно... То-то знакомое лицо, особенно эти усы съ завитками, бравые усы подъ императора Александра II... Почему, однако, вздохнулъ мѣщанинъ въ шубѣ съ воротникомъ шалью? Любитъ мѣщанинъ начальство! Съ какимъ трогательнымъ и элегическимъ выраженіемъ на лицѣ смотрѣлъ онъ вслѣдъ исчезающему исправнику и какъ вздохнулъ!.. Мнѣ хотѣлось утѣшить его и сказать:

— Не грусти! Исправникъ вернется, вѣрь мнѣ!—и еще не разъ пошлетъ тебя къ чортовой матери и, быть можетъ, еще побьетъ тебѣ морду... или посадитъ тебя въ клоповникъ... Не грусти, родной мой: онъ вернется!..

Встрѣтилъ еще барыню, ту самую, которая обругала меня «мечтателемъ» и указала, какъ и гдѣ слѣдуетъ мечтать. Мы взглянули другъ на друга и пріятно улыбнулись. Словно давно-давно знакомые. Я постарался съ преувеличенной почтительностью уступить ей дорогу, и барыня просто растаяла отъ удовольствія, а я въ огонь этого удовольствія подлилъ еще маслица:

— Мадамъ, вы не знаете, кто это сейчасъ проѣхалъ на тройкѣ?

— Исправникъ! Нашъ исправникъ... Илья Захарычъ!...

— Вотъ какъ, исправникъ!..

— Да, да!.. Онъ, Илья Захарычъ.

— Мерси, мадамъ!.. вы такъ любезны.

— Не стоитъ... Очень рада!...

Очаровалъ окончательно: когда я оглянулся вслѣдъ барынѣ, она стояла и, какъ мѣщанинъ—исправника, провожала меня восхищеннымъ взглядомъ. Я приподнялъ шапку и пошелъ дальше. Было весело и хотѣлось смѣяться. Домой не тянуло. Куда бы это пойти?.. Въ коммуну! Поговорить съ татарочкой, княжной Разгильдяевой, которую видѣлъ во снѣ въ видѣ женщины-дельфина, съ миловидной Парашей, такъ увѣренно и основательно постукивающей каблучками, съ напѣвной рѣчью, съ дразнящей зубами улыбкой. Такъ-то оно такъ, только вѣдь дѣло не обойдется безъ добродѣтельныхъ супруговъ Куренковыхъ, пожалуй еще и безъ Марьи Петровны, а отъ нихъ проходитъ веселое настроеніе и вгоняетъ въ сопливую апатію. Бѣдная Козочка, тебя, кажется, замаяли «самоусовершенствованіемъ» и «саморазвитіемъ». Не даютъ попрыгать. А попрыгать такъ хочется— это видно, когда ты остаешься въ комнатѣ безъ надзора: то вырвется смѣшокъ, то ребячья шалость, то балетное па... Вотъ Параша, та себѣ на умѣ...

— Эй, енотовый баринъ!

— Касьяша!

— Гдѣ ты, енотовый баринъ, бѣгаешь? Сегодня твоя очередь посуду мыть.

— Какъ! Какую посуду? Зачѣмъ?

— Обыкновенную, чайную и обѣденную: стаканы, чашки и плошки, тарелки, ножи и ложки... Даже стихами вышло!.. Послушай, братецъ, не твои ли это стихи были напечатаны въ прошломъ году въ журналѣ?.. въ какомъ-то журналѣ...

— А что, плохіе?

— Значитъ, твои?..

— Значитъ...

— Ахъ, ты!.. Вотъ не ожидалъ... Поздравляю!.. Не врешь?

— Не вру. У меня много... Я пишу давно уже, въ тюрьмѣ Казанской началъ.

— Есть еще напечатанные?

— Нѣтъ. Пока нѣтъ... Но, думаю, что скоро еще прочитаешь...

Касьяновъ былъ пораженъ. Нѣкоторое время мы шли молча...

— Поэтъ, чортъ тебя не ѣшь!.. — вымолвилъ, наконецъ, Касьяновъ и съ какимъ-то любопытствомъ оглядѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Вотъ тебѣ и енотовый баринъ!.. Поэтъ, чортовъ сынъ, неумытое рыло... А посуду, братецъ, все-таки придется мыть, ничего не подѣлаешь. Одно другому не мѣшаетъ...

— По моему, это—дѣло бабье...

— Да и по моему тоже... Но въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ... Попробуй-ка копнуть этотъ устой коммуны, какъ тебя раздѣлаютъ Куренковъ и женщины!.. Я однажды пошутилъ на эту тему, такъ потомъ три дня подрядъ всю посуду мылъ. Эпитемью наложили... Грѣхъ совершилъ противъ равноправія, выказалъ половой деспотизмъ, эгоизмъ, оскорбилъ и унизилъ женщинъ вообще и нашихъ въ частности...

— Если бы я зналъ это, отказался бы отъ обѣдовъ въ коммунѣ...

— Да ты не бойся: дѣло грязное, но несложное... Затѣмъ—Параша: она жалостливая, всегда помогаетъ и при этомъ еще пѣсенки поетъ!..

— Да вѣдь ты кухонный мужикъ! твое это дѣло — мыть посуду!

— Кухонный мужикъ не судомойка, братецъ... Я дрова колю, воду ношу, печь затапливаю, сливки съ горшковъ слизываю... Вотъ, братъ, было дѣло...

И Касьяновъ съ хохотомъ началъ разсказывать, какъ однажды былъ пойманъ Куренковымъ на мѣстѣ преступленія.

— Вылѣзъ я съ молокомъ изъ погреба, поставилъ горшокъ съ устоемъ, чтобы дверцу закрыть, и соблазнился: взялъ да этакъ указательнымъ пальчикомъ вокругъ да около... Сдѣлаю окружность и въ ротъ!.. И вдругъ вижу: торчитъ бородка и носъ съ очками, качается укоризненно...

— Какое свинство! Какое свинство!.. Баринъ!..

И исчезла голова. Долго я стоялъ въ оцѣпенѣніи съ горшкомъ въ рукахъ. Не могу въ комнаты идти и кончено. Боюсь, ей-Богу! Однако, итти надо... Вздохнулъ я тихо; поджавъ хвостъ, иду съ горшкомъ въ кухню... Слышу, въ залѣ крикъ и негодованіе толпы... Насплетничалъ, чортова перечница!..

— Такихъ надо гнать изъ коммуны!.. Баринъ!..

Для Куренкова «баринъ» — единственное и самое язвительное ругательство, а между тѣмъ самъ онъ—мелкопомѣстный дворянинъ и, передавъ брату въ аренду свою землю, чувствуетъ себя пролетаріемъ... Это къ слову. Въ дверяхъ кухни мадамы: Куренкова и Марья Петровна. Рожи злѣе собакъ цѣпныхъ... И начали въ два голоса...

— Самъ съѣмъ! Самъ съѣмъ!—кричу имъ...

— Подло!..

— Нечестно!..

— Вѣрно, но за то вкусно!..

Три дня со мной не разговаривали. А я три дня покупалъ на свои кровныя молоко съ устоемъ и ставилъ на столъ въ общее пользованіе... Два горшка прокисли, никто не желалъ удостоить, а третій выпили...

— Что же, сейчасъ идти и мыть посуду?..

— Сейчасъ ужъ поздно, за тебя Параша старалась... Теперь останешься послѣ обѣда и вымоешь къ завтраму... Да, братъ, это не стихи писать...

— Видѣлъ исправника: на тройкѣ уѣхалъ.

— Уѣхалъ? Вѣрно?..

— Вѣрно. Самъ видѣлъ...

— Вотъ это онъ умно сдѣлалъ... Значитъ, променажъ можно устроить... за черту осѣдлости...

— А наблюдающій?

— Сейчасъ только получилъ трешну и сказалъ: «будьте спокойны»... Главное, чтобы не вздумалось исправнику вызвать, а такъ какъ теперь этого случиться не можетъ, то... «только станетъ немножко смеркаться, буду ждать я ее у окна»...

— Кого?

— Свободу!... На огородъ, а оттуда задами на лыжахъ за черту осѣдлости, въ царство снѣговъ, лѣсовъ и мятелей!.. Да не одинъ, а съ Парашей... Ее манятъ сугробы и лѣса, мы съ ней однажды всю ночь плутали, чуть не замерзли...

— А лыжи есть?... Я тоже хотѣлъ бы съ вами...

— Найдутся. Лыжъ много.

— А надзирателя не боишься?

— У него жена больна: второй день разрѣшается отъ бремени.

— Откуда такія подробности?

— Отъ г. наблюдающаго... Надзирателю теперь не до политики... Все, братъ, намъ покровительствуетъ. Надо пользоваться: жена надзирателя, вѣдь, родитъ не болѣе одного раза въ годъ...

— А Гришеньку возьмемъ?..

— Не пойдетъ. Все учится... Вотъ она, любовь-то, что дѣлаетъ...

— Къ наукѣ любовь?

— Къ искусствамъ; Гришенька влюбленъ въ княжну Разгильдяеву и, увы—безнадежно... Онъ думаетъ, что поперекъ до-

роги стоитъ ему невѣжество и низменное происхожденіе... Вѣдь княжна, а онъ казанскій мѣщанинъ!.. Оба стоятъ за равноправіе, а бѣдняга все-таки мало въ него, видимо, вѣритъ. Однако парень не безъ гордости: страдаетъ съ достоинствомъ и все ее княжескимъ происхожденіемъ коритъ.. Чуть что, сейчасъ:

— Да вѣдь вы—княжны, а мы простые смертные, въ рабствѣ рождены...

— А какъ Козочка?

— Не воспламеняется... Рубашку, впрочемъ, ему второй годъ вышиваетъ... Участь у насъ съ нимъ одинаковая: мнѣ Вѣрочка тоже вышиваетъ третій годъ... Эхъ, Пенелопы! Что вы только съ нашимъ братомъ дѣлаете!.. Гриша вонъ латинскія вокабулы зудитъ, все любовь надѣется черезъ аттестатъ зрѣлости завоевать...

— А вообще-то здѣсь, кажется, народъ трезвый, неподверженный любовнымъ лихорадкамъ. Да оно, братъ Касьяша, и лучше!.. Что такое любовь и все прочее? Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!..

И я съ чувствомъ началъ декламировать свое новое стихотвореніе...

— Угадай, откуда это?—спросилъ я Касьянова, кончивъ стихотвореніе.

— Откуда?.. Что я, неграмотный, что ли?..

— Ну, скажи!

— Изъ Пушкина, конечно...

— Хо-хо-хо, братъ!.. Однако, ты—образованный!..

— Постой, постой!.. Смѣшалъ... У кого же это есть?.. Не Жуковскаго?..

— Еще лучше!.. Нѣтъ, братъ, это—изъ Геннадія Тарханова...

— Врешь!

— Клянусь я первымъ днемъ творенья!..

— Однако ты наловчился, ей-Богу!.. Поэтъ, честное слово!..

— А вы меня заставляете посуду мыть!.. Не жди благодарности отъ современниковъ...

— Потомство оцѣнитъ!.. Прочитай эти стихи Куренкову! А? Любопытно, что онъ скажетъ...

— Не хочу... Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!..

— Когда ты такимъ пессимистомъ сдѣлался?..

— Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!..—твердилъ я, постукивая галошами. А Касьяновъ говорилъ:

— А меня вотъ ничто не беретъ... Пробовалъ я читать

Шопенгауэра и—какъ съ гуся вода! Кончилъ «Міръ, какъ воля и представленіе» и написалъ, братъ, тоже стихи... Оно не совсѣмъ складно, за то здорово...

— Стихи?..

— Четверостишіе!.. Какъ оно!.. Дай припомнить...

По Шопенгауэру люди всѣ—скоты,
Но какъ же тогда—я и какъ, о, другъ мой, ты?..
О, кто же мы съ тобой, прекрасная Клодина?
Ну, если всѣ—скоты, мы—лучшая скотина!..

— Здорово?

— Почему Клодина? Какая Клодина?

— Это такъ, для риѳмы... Разумѣлъ я собственно Вѣрочку Игнатовичъ, да никакъ къ ней риѳму не могъ подогнать...

Мы шли и, толкаясь, хохотали на всю улицу...

VI.

Послѣ обѣда поэтъ Тархановъ превратился въ судомойку. Дали мнѣ глухой фартукъ, Параша съ звонкимъ хохотомъ помогала мнѣ превратиться въ женщину, а Козочка жалась къ косяку двери и благоговѣйно смотрѣла на меня, стараясь дѣлать это незамѣтно... Откуда это благоговѣніе? Кажется, въ настоящій моментъ я больше комиченъ, чѣмъ величественъ...

— Ну, готово!.. Теперь засучите рукава и къ лохани!..

— Это, братъ, не стихи писать!..—кричитъ Касьяновъ изъ двери...

Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло: Касьяновъ уже успѣлъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что я—поэтъ, и поэтому на личикѣ Козочки такое восторженно-удивленно-благоговѣйное выраженіе... А Парашу не проняло. Хохочетъ и говоритъ:

— Посмотрите, люди Божіи!.. Онъ похожъ на акушерку!..

— Почему на акушерку, а не на фельдшерицу?—обиженно спрашиваетъ Марья Петровна.

Ну, опять недоразумѣніе! Параша не можетъ объяснить, почему, а Марья Петровна наступаетъ:

— И затѣмъ, развѣ это такъ смѣшно: «акушерка»?..

— Ну на фельдшерицу, все равно!..—пытается оправдаться Параша.

— Но вы сказали—на акушерку!.. и захохотали!

— Но что же тутъ обиднаго?..

— Нѣтъ, вы объясните, что тутъ смѣшного? Допустимъ, что—на акушерку, но...

— Плюньте, Марья Петровна!..

— Надо думать о томъ, что говоришь... и надъ чѣмъ смѣешься...

— Въ чемъ тутъ дѣло?—прозвучалъ строгій голосъ Куренкова...

Публика отхлынула отъ дверей; въ кухнѣ остались только мы съ Парашей. Вдали звучали голоса, возбужденно обсуждающіе все ту же исторію, а мы съ Парашей работали. Параша молчала, но по ея румянцамъ, рѣзкимъ движеніямъ и огонькамъ въ глазахъ было видно, что она взволнована, сконфужена, сердится.

— Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ, чтобы изъ-за такого пустяка...

— Надоѣли они всѣ мнѣ!—прошептала Параша и выронила на полъ тарелку.

— Разбилась!—проговорила она, и слезы брызнули изъ ея глазъ.

— Параша!.. Пустяки...

Дѣвушка отвернулась, постояла и проворно скрылась. Я остался одинъ и чувствовалъ себя неловко и нехорошо: словно я былъ чужой человѣкъ, который нечаянно сдѣлался свидѣтелемъ домашней интимной ссоры... Такіе серьезные, образованные люди вздорятъ изъ-за такихъ мелочей!.. Словно малолѣтніе школьники... Странно и какъ-то стыдно...

— А гдѣ Параша?

— Не знаю. Ушла.

— Пусть она извинится передъ Марьей Петровной и кончено!—дѣловито замѣтила жена Куренкова и увидала на полу осколки разбитой тарелки:

— Кто разбилъ?..

— Я.

— Полтинникъ въ кассу!..

— Отлично... Вотъ полтинникъ!..

— Я разбила! Я!—закричала изъ своей комнаты Параша...

— Въ такомъ случаѣ... получите обратно: у насъ нѣтъ кавалеровъ, а есть только товарищи...

Опять я остался одинъ, мылъ сальныя тарелки и предавался печальнымъ размышленіямъ. Незамѣтно какъ-то вошла Козочка и молча и сочувственно стала помогать мнѣ.

— Бросьте!.. Я сдѣлаю.

— Нѣтъ! Боюсь Марьи Петровны.

— Правда?—спросила Козочка и вскинула на меня удивленный взглядъ. Я кивнулъ головой, а Козочка, старательно протирая посуду, тихо говорила:

— Знаете, я тоже боюсь ея... Она такая... строгая... А это правда, что вы поэтъ?

— Пишу...

— Стихи?..

— И стихи, и прозу.

— Романы?

— Не романы, а разсказы, очерки... Можетъ быть когда-нибудь напишу и романъ...

— Значитъ, писатель?..

Козочка даже застыла отъ неожиданнаго открытія...

— Пока—не писатель... Начинающій!.. Богъ знаетъ, что еще выйдетъ...

— А вы съ писателями знакомы?.. Съ Короленкой знакомы?..

— Да. Я его видѣлъ.

— Видѣли! Короленку?—почти закричала Козочка, и вторая тарелка покатилась на полъ и жалобно зазвенѣла осколками...

— Разбилась!..

Мы подбирали осколки и продолжали разговаривать.

— Какой вы счастливый!.. Видѣли Короленку... Ахъ, «Сонъ Макара»...

— Кто разбилъ?

— Я отдамъ, отдамъ!. Не сердитесь!..—предупредила Козочка.

— Что это сегодня у насъ?.. Этакъ вы, господа, всю посуду переколотите...

— Я отдамъ, отдамъ!.. Знаете, Анна Григорьевна, Тархановъ знакомъ съ Короленкой!

— Съ Владиміромъ Короленкой?—недовѣрчиво спросила жена Куренкова.

— Да, да!..

— Какимъ это образомъ?..

Въ голосѣ Анны Григорьевны опять слышалось недовѣріе, и мнѣ не хотѣлось разсказывать.

— Интересно, какъ же могло это случиться?..

— Какъ-нибудь разскажу, а теперь надо кончить эту грязную исторію...

— Какую грязную исторію?

— Да вотъ... съ посудой-то!..

— Скажите, пожалуйста!.. Какой бѣлоручка... Дѣйствительно, енотовый баринъ!

— Я не отказываюсь, но... не могу врать, что занятіе это мнѣ нравится.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло... Мы, культурные люди, забрали себѣ всю пріятную и легкую работу, а весь тяжелый и непріятный трудъ взвалили на спину народа...

И Анна Григорьевна начала большой и серьезный разговоръ о трудѣ, прессѣ, народѣ и интеллигенціи. Все, что она говорила, я давно зналъ, читалъ и штудировалъ, и мнѣ было скучно ее слушать. Дошло до будущаго соціальнаго строя, до осуществленія идеаловъ соціализма...

— Ну, а поэты и писатели, Анна Григорьевна, будутъ и тогда мыть тарелки?—наивно спросила вдругъ Козочка.

— Одно нисколько не мѣшаетъ другому... При этомъ надо помнить, что машина поможетъ человѣку освободиться отъ тяжелаго труда, а непріятный сдѣлаетъ пріятнымъ...

Повернулась и ушла. Я вздохнулъ и снова принялся за работу. Козочка не отставала отъ меня, засыпая вопросами о Короленкѣ и о писателяхъ.

— Ахъ, если бы я когда-нибудь увидала Короленку!..

— Опять разобьете тарелку!

— Пускай!.. Я поклоняюсь ему... Онъ вѣдь тоже—политическій...

— Конечно... Недавно вернулся изъ Сибири...

Я, говоря между нами, только одинъ разъ видѣлъ Короленку и то мелькомъ, не сказалъ съ нимъ двухъ словъ и, конечно, Короленко теперь и не подозрѣвалъ о моемъ существованіи на свѣтѣ. Но мнѣ казалось, что мы съ Короленкой знакомы, и это рождало во мнѣ сознаніе какой-то особенной тайной близости къ литературѣ и окрыляло надеждами, что когда-нибудь исполнится моя завѣтная мечта и люди будутъ говорить:

— «Читали послѣднюю повѣсть Геннадія Тарханова?..»

— «Какъ же! Первымъ долгомъ прочиталъ...»

— «Ну, какъ находите? Хорошо вѣдь?..»

— «Огромный талантъ!...»

— «Да, это писатель большой... настоящій!»

— Вы очень похожи на писателя!..

— Что вы говорите, Козочка?

— Я какъ увидала васъ, такъ и подумала: «похожъ на какого-то писателя».

Такъ до конца грязной работы мы и говорили все на ту же тему и незамѣтно кончили работу. А когда вышли въ нейтральную комнату, здѣсь происходила трогательная картина: Марья Петровна цѣловалась съ Парашей, а всѣ другіе радостно смѣялись. Не знаю почему: отъ трогательности ли этой картины примиренія, или просто отъ вѣчно приподнятыхъ нервовъ, я почувствовалъ на глазахъ слезы и отвернулся къ окну...

«Вотъ ужъ это глупо!»—думалъ я про свои слезы, а онѣ текли и щекотали щеки.

— А Тархановъ плачетъ!—громко объявилъ вдругъ Сережа и сталъ дергать меня за руку.

— Ты плачешь?.. Ааа, плачетъ!.. Политическій, а плачетъ...

— Отвяжись, Сережа!..

— Господа!.. Онъ политическій, а плачетъ...

Слава Богу, что за общимъ шумомъ и радостнымъ смѣхомъ и шутками никто не обратилъ вниманія на Сережины выкрики. Я отеръ рукой щеки и тоже засмѣялся. Такъ легко и хорошо вдругъ почувствовалось среди близкихъ, родственныхъ людей, что готовъ былъ обнять Марью Петровну и Куренкова и всѣхъ расцѣловать по-братски. Вмѣсто этого я схватилъ Сережу и подбросилъ къ потолку.

— Давай я сяду верхомъ на твою ногу, а ты качай!..

— Ну, валяй!..

Сережа вскочилъ на мое колѣно и крикнулъ, ударивъ меня по ногѣ:

— Нно, скачи!... Въ галопъ!.. Гопъ-гопъ!..

Касьяновъ получилъ въ это утро письмо и, теперь то и дѣло вынималъ его изъ кармана, перечитывалъ, пряталъ и козломъ прыгалъ по комнатѣ. Однако это легкомысліе не казалось теперь непріятнымъ даже Куренкову. Касьяновъ словно опьянѣлъ отъ какой-то тайной радости, и она изливалась въ ласкахъ и милыхъ шуткахъ на всѣхъ окружающихъ: подходя къ Марьѣ Петровнѣ, онъ становился въ позу и пѣлъ:

Люблю ли тебя,—я не зна-аю,
Но кажется мнѣ, что люблю...

Марья Петровна бросила «убирайтесь!» тогда Касьяновъ поворачивался къ Козочкѣ и продолжалъ, простирая къ ней руки:

Мнѣ станъ твой понравился гибкій
И весь твой задумчивый видъ!..

Въ этотъ моментъ въ комнату заглянулъ г. наблюдающій, и Касьяновъ, измѣнивъ позицію, превратился въ Мефистофеля и гулкимъ басомъ запѣлъ:

Выходи, о, другъ мой милый,
Билъ свиданья часъ, билъ свиданья ча-а-асъ!..

И всѣ мы покатились со смѣху...

— На пару словъ!..

— Входите, г. наблюдающій, Спартака здѣсь нѣтъ...

— Нѣтъ, на пару словъ... Кого-нибудь изъ мужчинъ!..

— Непремѣнно—мужчину? Это становится любопытнымъ...

— Идите вы, Касьяновъ!..

Касьяновъ вышелъ въ переднюю и вступилъ въ переговоры, а мы притихли и вслушивались въ голоса за притворенной дверью. Наблюдающій говорилъ тихо и ласково, а Касьяновъ что-то куражился... Въ чемъ дѣло?.. Отворилась дверь, появился съ торжествующей улыбочкой Касьяновъ. Плотно притворивъ за собою дверь, онъ началъ шепотомъ:

— Хотя потребовался мужчина, но... шершѐ ля фамъ!.. Марья Петровна оказалась пророкомъ въ своемъ отечествѣ: жена нашего надзирателя думаетъ подарить міръ новымъ человѣкомъ и... желаетъ свершить сіе патріотическое дѣло при помощи васъ, Марья Петровна!..

— Что такое? Говорите по-человѣчески!

— Въ чемъ дѣло?!.

Мы плотнымъ кольцомъ окружили Касьянова, и онъ разсказалъ по-человѣчески. Случилось почти такъ, какъ мечтала Марья Петровна: одна акушерка уѣхала изъ города, а другую жена надзирателя ненавидѣла, и вотъ прибылъ наблюдающій и проситъ «политическую акушерку»... Вопросъ принципіальный.

— А главное—«прецедентъ»!.. Надо имъ воспользоваться...

— Охота пачкаться съ полиціей!—замѣтилъ Гришенька.— Никогда бы не согласился...

— Что же, если, напримѣръ, зовутъ врача къ жандарму, то по-вашему нельзя подать ему медицинскую помощь?—бросилъ Гришенькѣ Куренковъ...

— Профессіональная этика не дѣлаетъ такихъ различій: я обязана идти,—неувѣренно вставила Марья Петровна.

— Если для васъ этика выше всего прочаго, то...

— Позвольте, господа!.. Ну, а допустимъ, что кто-нибудь изъ насъ, политическихъ, оказался въ такомъ положеніи, а имѣю-

щаяся акушерка оказалась бы нашимъ политическимъ врагомъ... Какъ заговорили бы мы...

Начался горячій споръ. Непримиримыми оказались только сынъ Куренкова и Гришенька. Остальные разрѣшили.

— На этику наплевать, а главное—«прецедентъ», которымъ надо воспользоваться для расширенія своихъ правъ. Я смотрю исключительно съ утилитарной точки зрѣнія и говорю: Марья Петровна, пользуйтесь этимъ случаемъ! Не каждый день жена надзирателя родитъ...—повторялъ Касьяновъ.

— Пусть въ такомъ случаѣ исправникъ дастъ бумажку, что разрѣшаетъ...

— Исправникъ уѣхалъ.

— Ну помощникъ исправника... Это все равно...

— Вотъ это—дѣльно... Пусть напишетъ, что препятствій не имѣется...

— Такъ я пойду...—съ едва скрываемой радостью сказала Марья Петровна и черезъ пять минутъ появилась съ чемоданчикомъ въ рукѣ, взволнованная и сіяющая...

— Съ Богомъ!..

— Желаю вамъ воспріять шпіона или провокатора!..—напутствовалъ ее Гришенька...

— Сперва—къ помощнику исправника, а потомъ ужъ на мѣсто преступленія.

Марья Петровна вышла, а мы смотрѣли на нее въ окна.

— Вонъ какъ торопится, словно увѣрена, что родится Бокль или Чернышевскій!..—острилъ Гришенька.

— Случается... Мы не знаемъ... Бываетъ, что отъ честныхъ людей рождаются прохвосты, а отъ прохвостовъ — честные... У меня у самого дѣдушка былъ городничимъ, однако это не помѣшало мнѣ...—проворчалъ Куренковъ...

— Сдѣлаться Боклемъ?—спросилъ сынъ.

Куренковъ пріостановился, посмотрѣлъ черезъ очки на сына и сказалъ:

— Неизвѣстно, голубчикъ, что еще изъ тебя самого-то выйдетъ. Ты еще молодъ и пока ничѣмъ себя не заявилъ, кромѣ...

— Когда-нибудь заявлю...

— Ну, тогда будетъ другой разговоръ.

Послѣдовало молчаніе, которое нарушилъ, какъ всегда, самымъ неожиданнымъ вопросомъ Сережа, все время слушавшій нашъ принципіальный разговоръ.

— Почему у насъ мало дѣтей?.. Скучно, не съ кѣмъ играть...

— Довольно, вполнѣ довольно!—отвѣтилъ хмуро отецъ.

— Ладно тебѣ: васъ много, вамъ весело...

— На улицѣ ребятъ много, иди и играй...

— Они не политическіе...

— А тебѣ не все равно?..

— Ругаются... Одинъ мальчишка сказалъ, что я—каторжникъ...

— А ты сказалъ бы ему: «дуракъ»!

— Ай-ай!.. Самъ говоришь, что ругаться нехорошо, а самъ учишь,—отвѣтилъ отцу Сережа, и всѣ засмѣялись.

— Говоримъ одно, а дѣлаемъ другое!.. — тихо произнесъ Петръ Куренковъ.

Отецъ сдѣлалъ туръ по комнатѣ и вышелъ, а Гришенька грустно такъ сказалъ:

— Говоримъ много, а ровно ничего не дѣлаемъ... А можно бы!.. Если бы я былъ образованнымъ человѣкомъ, я и здѣсь нашелъ бы дѣло... Въ своемъ соку варимся... Книги-книгами, а вѣдь кругомъ—люди... Я вотъ живу у сапожника, около простого люда... Вижу!.. Темнота и голодъ по свѣту-разуму... А мы вотъ тутъ книгами объѣдаемся да разговорами умными...

— А на что г. наблюдающій?

— Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить.

— Нечего здѣсь дѣлать... Изъ пушекъ по воробьямъ не стрѣляютъ!—загадочно вымолвилъ Петръ Куренковъ и неподвижно уставился въ окно, словно онъ видѣлъ тамъ далекую перспективу будущаго и находилъ тамъ свое предопредѣленное мѣсто... Долго его тяжелый, напряженный взглядъ оставался неподвижнымъ и грустнымъ, потомъ вдругъ на губахъ скользнула улыбка, странная улыбка человѣка, разгадавшаго свою собственную тайну, и онъ, утвердительно качнувъ головой, отвернулся отъ окна и протянулъ:

— Да-а!..

Меня давно уже интересовалъ этотъ юноша съ страдальческой миной на лицѣ. Было въ немъ что-то притягательно-нѣжное, кроткое, мягкое въ движеніяхъ и жестахъ, было изящество и одухотворенность, была какая-то особенная красота въ лицѣ и какая-то тайна пряталась всегда въ его глазахъ, въ голосѣ, въ недоговоренныхъ фразахъ, въ опущенной головѣ. Иногда мнѣ хотѣлось поближе подойти къ этому юношѣ, къ его замкнутой душѣ, но это не удавалось: не раскрывалась его душа, и онъ всегда казался что-то потерявшимъ и думающимъ, какъ и гдѣ найти потерянное... Говорилъ, а глаза не участвовали и оставались по-прежнему безучастно-грустными...

— Въ Парашу влюбленъ,—объяснялъ Касьяновъ.

— Незамѣтно что-то.

— Вѣрно! У насъ два безнадежныхъ романа: княжна Разгильдяева и казанскій мѣщанинъ Григорій Ивановичъ Ивановъ, а вторая пара—Петръ Куренковъ и Параша... А незамѣтно, такъ это отъ строгости нашего устава... Романы у насъ презираются, а любовь, по выраженію Марьи Петровны — ловушка природы и физіологія... А мы—критически-мыслящія личности и, стало быть, выше всѣхъ этихъ предразсудковъ... Тайный порокъ, братецъ!

Теперь я приглядывался къ обѣимъ парамъ и старался найти подтвержденіе словамъ Касьянова. Гришенька изрѣдка поднимаетъ взоры на Козочку и торопливо опускаетъ ихъ въ землю и отворачивается, а Петръ даже не смотритъ на Парашу, избѣгаетъ встрѣчъ и разговоровъ...

Когда мы расходились изъ коммуны по домамъ, я сказалъ о результатѣ своихъ наблюденій Касьянову:

— Врешь. Ничего незамѣтно.

— Законспирировались, братъ, окончательно... Поживешь подольше, самъ увидишь... А вотъ я такъ не могу, братъ!.. не могу прятать отъ людей ни тоски, ни радости... Съ утра хочется сказать всему міру, что я...

Касьяновъ оглянулся по сторонамъ, склонился ко мнѣ и сказалъ:

— Женюсь, братецъ!..

Я остановился даже, такъ меня поразило это извѣстіе. А Касьяновъ смотрѣлъ на меня героемъ и съ торжествующимъ смѣхомъ спрашивалъ:

— Не вѣришь?.. Не вѣришь?.. Клянусь тебѣ!..

Касьяновъ опять повелъ взоромъ и перекрестился на выглядывавшій синими куполами изъ-за крышъ соборъ.

— Да вѣдь ты, насколько мнѣ извѣстно, атеистъ, а между тѣмъ призываешь во свидѣтели...

— Вотъ, братъ!—почти кричалъ Касьяновъ, потрясая выхваченнымъ изъ кармана письмомъ.

— На комъ по крайней мѣрѣ ты женишься?

— Вотъ вопросъ!.. На Вѣрѣ!.. Я, братъ, вѣренъ ей до послѣдней капли моей крови...

— Но вѣдь она...

— Побѣдилъ, братъ!.. Между нами говоря, вѣдь ты, негодяй, всталъ тогда мнѣ поперекъ дороги. Донъ-Жуанъ испанскій!..

— Я?..

— Смотри, братъ, если теперь, избави тебя Богъ, ты снова подставишь мнѣ ногу—къ барьеру!.. часъ, мѣсто и оружіе!..

— Когда же вы съ ней...

— Мы, вѣдь, по-просту, безъ затѣй... Говорить о свободѣ, а самимъ лѣзть въ хомутъ бракосочетанія, — мерсинички-спасибо!.. Не такъ мы съ ней воспитаны...

— А когда?

— Торопиться некуда. Скоро у ней кончается срокъ ссылки, пріѣдетъ сюда и тогда...

— Куй желѣзо, пока горячо!—отвѣтилъ я со вздохомъ.

— Я не боюсь... Мое счастье завоевано медленно, но прочно...

— Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!.. Прощай!..

— Куда же ты? Идемъ ко мнѣ!..

— Нѣтъ. Эхъ, счастливый ты человѣкъ, Васька!.. Когда-то и я вотъ такъ же воображалъ, что...

— Молчать!.. И слушать не желаю... Поди къ чертямъ!.. Пессимистъ проклятый...

— Прощай!..

— Съ Богомъ!..

Мы разошлись въ разныя стороны: одинъ радостный, а другой печальный.

Откуда эта печаль въ моей душѣ?.. Печаль, перемѣшанная съ ироническимъ отношеніемъ къ чужому счастью?.. Ужъ не зависть ли грызетъ меня при видѣ счастливаго человѣка?.. Нѣтъ, не то...

Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!..

Я пришелъ домой и валялся въ постели съ закрытыми глазами до самыхъ сумерекъ. А когда за окнами потускнѣло и оттуда повѣяло одиночествомъ и тоской долгой сѣверной ночи, я испугался тишины въ комнатахъ и поскорѣе зажегъ свою лампу съ абажуромъ въ видѣ танцовщицы... Думалъ, что будетъ веселѣе... Нѣтъ: одинокій огонекъ въ комнатѣ еще больше подчеркивалъ мое одиночество... Въ душу ползла тягучая тоска, стучались далекія воспоминанія, сны прошлаго. Я ходилъ изъ угла въ уголъ и тихо вытягивалъ фальцетомъ:

Наша жи-знь коротка-а,
Все уноситъ съ собо-ою...
Наша ю-юность, друзья-я,
Пронесется стрѣло-ою...

Отчего никто меня не любитъ, никто по мнѣ не тоскуетъ, никому я ненуженъ? Ахъ, какъ хотѣлось бы, чтобы кто-то склонился надо мной, нѣжно погладилъ меня по головѣ и съ лаской и любовью сказалъ бы:

— Отчего, мой милый, ты задумчивъ и грустенъ?..

Некому сказать... Некому!.. Одинъ! На всемъ свѣтѣ одинъ... На столѣ лежала любимая книга, развернулъ: засохшій василекъ посмотрѣлъ на меня поблекшимъ синимъ глазкомъ... Я опустилъ глаза и долго, не отрываясь, смотрѣлъ на увядшій цвѣтокъ, а въ душѣ, какъ далекая грустная музыка, звучала элегія радостно-мучительныхъ сновъ прошлаго...

Наша жи-изнь коротка-аа,
Все уноситъ съ собо-ою...

— Не скулите, пожалуйста, Енадій Николаичъ, у насъ—спятъ...

— Спятъ? Такъ рано?..

— Одиннадцатый...

— Не можетъ быть?..

— Вы почитай цѣльный часъ скулите... Я слушала-слушала да и... Извините ужъ...

— Ничего!.. Не буду скулить...

— Спокойной ночи, пріятныхъ сновъ!.. Видѣть жасминъ, цѣловать, кто милъ!..

— Чувствительно тронутъ...

VII.

День былъ яркій, блистающій. Трудно было смотрѣть на сверкающее алмазами снѣжное поле. Опять рѣзкій контрастъ: морозецъ, а солнышко расточаетъ горячія ласки и веселыя улыбки, небеса сини, воздухъ прозраченъ и звученъ, горизонты рѣзко очерчены. Тихо-тихо, только слышно, какъ скрипитъ снѣгъ подъ лыжами и какъ визжатъ острыя лыжныя палки, вонзаясь въ снѣговую корку... Какъ вереница гусей, скользимъ мы другъ за другомъ, а на снѣгу бѣгутъ съ нами фіолетовыя тѣни, смѣшныя такія тѣни... Непроходимые снѣга и сугробы похожи на снѣжное море, а мы—на смѣлыхъ мореплавателей... Какое это наслажденіе чувствовать себя побѣдителемъ снѣжныхъ сугробовъ, похожихъ на морскія волны, овраговъ, подобныхъ мор-

скимъ пучинамъ, и безконечныхъ бѣлыхъ сверкающихъ равнинъ... Нѣтъ преградъ твоему желанію плыть ко всѣмъ горизонтамъ!.. Бѣгутъ по снѣгу фіолетовыя тѣни, махаютъ руками, покачиваются, и такой пріятный скрипъ звенитъ въ бѣломъ заколдованномъ царствѣ молчаливыхъ снѣговъ. Впереди—Касьяновъ. Онъ въ оленьей шапкѣ съ болтающимися ушами, въ коротком тулупчикѣ, высокихъ валеныхъ сапогахъ, въ мужицкихъ рукавицахъ; высокая фигура его и крѣпкая спина напоминаютъ о древнемъ человѣкѣ славянскаго племени... Богатырь, да и только!.. Красиво пригнувшись, онъ словно преслѣдуетъ вепря, быстро уходя все впередъ и впередъ...

— Касьяновъ!.. Погоди... насъ!...

Не слышитъ.

— Ухъ, я устала!.. Не могу... Дайте отдохнуть...

Я былъ радъ, что Параша просится отдохнуть, потому что и самъ терялъ силы, стараясь нагнать быстроногаго Касьянова... Мы остановились и посмотрѣли другъ на друга. Было радостно на душѣ, грудь жадно вдыхала чистый, какъ родниковая вода, воздухъ, горѣло лицо и все тѣло, и хотѣлось сбросить съ головы шапку, упасть въ мягкій сугробъ и ѣсть бѣлый, какъ сахаръ, снѣгъ...

— Уфъ... Какъ хорошо!...—прошептала Параша и засмѣялась...

Я смотрѣлъ на ея раскраснѣвшееся личико, смѣющіеся радостью жизни и здоровья каріе глаза и думалъ: «какая миленькая, здоровая и радостная дѣвушка! Смотришь на нее и самому дѣлается весело и самъ чувствуешь въ себѣ силу, здоровье и непреодолимую жажду жить и радоваться жизни!..

Вотъ на ней бы слѣдовало жениться Касьянову: была бы такая рѣдкая парочка...»

— Кась- яновъ!—закричала Параша, и ея пѣвучій контральтовый голосокъ полетѣлъ по снѣжному морю и догналъ Касьянова; тотъ пріостановился и оглянулся, воткнулъ палки въ снѣгъ, разставилъ ноги и сталъ въ выжидательную позу...

— Медвѣдь!... Развѣ за нимъ угонишься?—сказала Параша и погрозила Касьянову кулакомъ. Тотъ помахалъ оленьей шапкой съ ушами...

— А вѣдь красивый парень?..

— Кто?... Касьяновъ?..—спросила Параша и сдѣлала равнодушное личико

— Да, онъ...

— Да, ничего.., но не въ моемъ вкусѣ.

— А вашъ вкусъ?..

— Мало въ немъ... какъ бы сказать...

Параша замялась, смѣшалась и опустила каріе глаза...

— Міровой скорби, что ли?..

— Мм... не скорби, а... одухотворенности, что ли...

— А какъ вамъ нравится Петръ Куренковъ?...

Параша вскинула на меня глаза и ухмыльнулась.

— Это вамъ интересно?..

— Не находите ли вы, что въ немъ слишкомъ много міровой скорби?..

— Не скажу... Надо ѣхать...

— Надо, чтобы было поровну: міровой радости и міровой скорби...

— Какъ у васъ!—бросила Параша и покатилась по слѣдамъ Касьянова, напоминающимъ далеко убѣгающую пару желѣзно-дорожныхъ рельсъ...

Я покатился за Парашей. Смотрѣлъ на приподымающіяся пяточки Парашиныхъ ногъ, на ея крѣпкую коренастую фигурку, ловкость въ движеніи и увѣренность въ шагѣ...

«Ей-Богу, она похожа на сибирскую лошадку!—мысленно говорилъ я себѣ и любовался Парашей.—Развѣ во мнѣ міровая скорбь и радость слились въ такой гармоніи, что это ей нравится?.. Зачѣмъ она такъ сказала?..»

Была ли это шутка, веселая насмѣшечка, или... У ней не скоро узнаешь. Я свернулъ съ накатанныхъ рельсъ и, поровнявшись, побѣжалъ рядомъ съ Парашей.

— Не обгонять!.. Не позволю...

Параша подставила палку мнѣ подъ ногу, и я не успѣлъ опомниться, какъ стремглавъ полетѣлъ въ сугробъ и зарылся физіономіей... А Параша съ хохотомъ покатилась впередъ, мелькая ножками и палками...

«Вотъ озорница!.. Ну, погоди же, я тебя тоже искупаю въ снѣгу!—сконфуженно, но съ тайнымъ удовольствіемъ ворчалъ я, отряхаясь отъ облѣпившаго меня снѣга, который ухитрился въ одинъ моментъ залѣзть мнѣ и въ уши, и за шиворотъ, и въ валенки, и въ рукава... А Параша все хохотала и уплывала вмѣстѣ съ прыгающей по снѣгу тѣнью дальше и дальше...

— Догоню... Никуда не убѣжишь... Озорница!... Вотъ не ожидалъ... Сперва прикинулась тихоней, а теперь...

Нѣтъ, не догонишь... Вонъ она, около Касьянова, разсказываетъ и смѣется. Конечно, все это по моему адресу. Я пока-

тился впередъ, взбудораженный неожиданнымъ поступкомъ дѣвушки, и скоро былъ около Параши.

— Я долженъ отомстить...

— Касьяновъ!.. Защитите!..

— А вотъ я его въ сугробъ головой воткну!..

Касьяновъ побѣжалъ на лыжахъ за мной, а я отъ него, настигъ меня, и оба мы очутились въ мягкомъ сугробѣ, продолжая борьбу... А Параша стояла и хохотала...

Послѣ привала на горѣ, мы двинулись по холмамъ... Замиралъ духъ отъ быстраго движенія съ крутыхъ горъ. Параша взвизгивала и пропадала въ волнахъ сугробовъ, за ней съ дикимъ гоготомъ летѣлъ Касьяновъ, а затѣмъ уже я... Это было похоже на перелеты въ воздухѣ на крыльяхъ и щекотало подъ самое сердце... Такъ мы достигли сосноваго лѣса и двинулись въ глубь его. Только на лыжахъ можно увидать всю красоту зимняго лѣса... Волшебная сказка!.. Снѣжные гроты и снѣжныя палатки подъ огромными елями и соснами, таинственныя двери въ угрюмыя аллеи неожиданности, узоры, кружева и мохнатыя гирлянды...

— Заяцъ! Заяцъ!..

— Ой, испугалась...

Параша остановилась, выронила палку и прислонилась къ дереву. Я чуть было не налетѣлъ на нее и... произошло невольное объятіе... Мелькнула дерзкая мысль—поцѣловать Парашу, и былъ моментъ, когда я готовъ былъ исполнить эту дерзость... Не знаю, что меня удержало... Быть можетъ, свалившаяся съ вѣтвей глыба мягкаго снѣга, покрывшая неожиданно наши головы, отрезвила мой разсудокъ... Параша вскрикнула и схватилась за голову...

Подъѣхалъ Касьяновъ:

— Въ чемъ тутъ у васъ дѣло?.. Ты опять обижаешь Парашу?

— Нѣтъ, нѣтъ... не обижаетъ...

— То-то! Смотри, братъ!

Какъ странно въ тихомъ заколдованномъ царствѣ звучитъ голосокъ Параши...

Да и все какъ-то странно, фантастично.

— Господа, помолчите! Мнѣ хочется послушать эту торжественную тишину...

Притихли, затаились подъ снѣжнымъ шатромъ, оплетенные причудливыми узорами бѣлыхъ гирляндъ и кружевъ... Молчаніе... Ни единаго шороха!..

— Ау-у!—закричала Параша.

Гдѣ-то упала съ вѣтокъ охапка снѣга; въ просвѣтѣ узорнаго окошка въ таинственную глубину, словно пыль подъ лучемъ солнца, задрожали, переливаясь огоньками, кристаллы—снѣжинки и гдѣ-то захлопали крылья напуганной тетерки... Смотрю на лицо Параши, неподвижно вперившей глаза въ лѣсныя глубины, и въ головѣ рождаются и уплываютъ совершенно неожиданныя мысли: «хорошо бы крѣпко сжать и поцѣловать въ губы Парашу!», «Касьяновъ дуракъ, что женится не на Парашѣ, а на Вѣрѣ Игнатовичъ», «Буду ухаживать за Парашей, отъ скуки»...

— Вы что на меня уставились, какъ сычъ?.. Пора возвращаться, а то выйдетъ исторія...

— Исправникъ въ уѣздѣ—разъ, жена полицейскаго надзирателя разрѣшилась отъ бремени—два, Марья Петровна помогла ей въ семъ патріотическомъ подвигѣ—три... Три гарантіи неприкосновенности личности...

— А вотъ это—четыре!—сказалъ я и толкнулъ въ снѣгъ Парашу.

Она упала и разсердилась.

— Какая подлость!.. Изъ-за угла...

— Я отомщенъ!.. Давайте руку!..

— Не надо. Помогите, Касьяновъ!..

Касьяновъ вытащилъ Парашу изъ сугроба и помогъ ей встать на лыжи...

— Всюду снѣгъ... Простужусь вотъ... Безсовѣстный!.. У-у...—говорила Параша съ сердцемъ, но, погрозивъ кулакомъ, все-таки но могла не улыбнуться.

— Нѣтъ, ей-Богу, это подло, Геннадій Николаевичъ!..

— Простите!.. Я и самъ не успѣлъ взвѣсить своего поступка... Пришло въ голову и... Вы не ушиблись?

— Ушиблась!.. У-у!..

Цѣлый часъ мы плутали по заколдованному царству, блуждая по его узорчатымъ и замысловатымъ корридорамъ, пока, наконецъ, выбрались на опушку.

— Эге, уже прячется солнце...

Мы стояли на вершинѣ горы, предъ крутымъ склономъ въ равнину и смотрѣли на закатъ... По снѣгу протянулись синія, густыя и долговязыя тѣни отъ ближнихъ деревьевъ, да и вся прежде бѣлая равнина теперь играла синими и розовыми отсвѣтами, а на далекомъ горизонтѣ разгоралась ярко-пунцовая вечерняя заря...

— Боже мой, какое великолѣпіе!—шептала Параша, съ умиленіемъ посылая улыбку спрятавшемуся солнцу.

Заклубились розовыя и золотыя, фіолетовыя и синія облака, выросли замки и башни съ золотыми зубцами, съ колоннами, съ садами, разлилась широко розовая рѣка подъ ногами замка, поплыли бѣлые лебеди...

— Чудеса божіи!—умиленно шептала Параша, а на лицѣ ея игралъ розовый отблескъ, и чрезъ пріоткрывшіяся губы сверкали ярко-бѣлые ровные и красивые зубки.

— Да, не оторвешься,—говорилъ я, смотря больше на Парашу, чѣмъ на закатъ. Смотрѣлъ и старался убѣдить себя, что я влюбленъ въ Парашу, что она поразительно красива, что въ ней есть что-то неотразимо-притягательное влекущее и дразнящее...

— Будетъ ужъ вамъ, господа, сентиментальничать-то, ѣдемъ, что ли! — позѣвнувъ, произнесъ вдругъ Касьяновъ, ловкимъ скачкомъ оттолкнулся и полетѣлъ подъ гору, трепыхая ушами оленьей шапки... Параша очнулась, вздохнула и тихо двинулась...

— Пора... Воздушные замки!..

— Параша!..

— Ну!

Все это было, какъ въ сказкѣ... Я стоялъ и думалъ, что есть въ жизни нашей не то... рокъ, не то судьба... Былъ я за три тысячи верстъ отсюда и не подозрѣвалъ о существованіи этой дѣвушки, а вотъ сейчасъ мы стоимъ рядомъ и словно давно знаемъ уже другъ друга...

И я сталъ говорить красивыми словами красивую неправду, обманывая и себя, и дѣвушку... Зачѣмъ я это дѣлалъ?.. Долго я потомъ думалъ объ этомъ и никакъ не могъ понять. Словно кто-то приказывалъ мнѣ говорить и вѣрить этимъ словамъ...

— Стоимъ рядомъ...—промолвила Параша и удивленно вскинула на меня свои теплые каріе глаза...

— А теперь я буду впереди!—неожиданно кончила она, засмѣялась и покатилась подъ гору.

«Что я разболтался... городилъ чепуху... Никакой тутъ любви нѣтъ, а просто... просто я... скучающій ловеласъ»,—думалъ я, закуривая папиросу...

— Тархановъ! Скорѣе! Я жду: поѣдемъ рядомъ...

— Отлично!..

Я молодцевато скользнулъ подъ гору, покатился, встряхнулся на встрѣчной ложбинкѣ и упалъ. «Такъ мнѣ и надо»... Параша расхохоталась и уѣхала къ Касьянову.

Не везетъ... Упалъ смѣшно, некрасиво, встряхнувъ въ воздухѣ ногами... Сѣлъ, какъ въ лужу...

Ненавидѣлъ я себя въ этотъ моментъ. Презиралъ. И сердился за что-то на Парашу:

Самая обыкновенная, нормальная дѣвица!..

Когда мы приближались къ Грязовску, тамъ мигали красноватые огоньки и лаяли собаки. Всѣ мы устали, сдѣлались молчаливыми и всякій думалъ о своемъ. Показавшійся городокъ словно разъединилъ наши души, успѣвшія, казалось, сродниться въ далекомъ путешествіи съ приключеніями. Быть можетъ, огоньки города напомнили намъ о томъ, что наша свобода—призрачна, что мы по прежнему привязаны къ этимъ огонькамъ надолго и крѣпко...

Быть можетъ, эти вздрагивающіе огоньки каждому изъ насъ напомнили о томъ, что гдѣ-то, далеко-далеко, за нѣсколько тысячъ верстъ отсюда, такъ же вспыхиваютъ и вздрагиваютъ огоньки, родные огоньки, около которыхъ сидятъ и вспоминаютъ насъ милые люди...

— Вотъ и пріѣхали!—грустно вымолвила Параша, когда въ темнотѣ рѣзко обрисовалось первое свѣтящееся окошко...

Мы остановились, собрали лыжи и палки и пѣшкомъ двинулись по пустынной улицѣ. Невольно насъ тянуло заглянуть на привѣтливые огни домиковъ, гдѣ около лампъ группировались счастливыя взаимной близостью семьи, виднѣлись склоненныя надъ столами головки ребятъ, блестящіе самовары, жестикулирующіе собесѣдники...

— Самоварчикъ!.. Еще одинъ самоварчикъ!.. Эхъ, какъ пить хочется!—говорилъ Касьяновъ.—Счастливчики!..

— Вы что, Параша, призадумались?..

— Я... Такъ...

— О чемъ? Хотите, я скажу, о чемъ вы думали?..

— Не угадаете, Геннадій Николаевичъ.

— О томъ, что теперь дѣлается у васъ дома.

— Какъ вы угадали?..—радостно воскликнула Параша.

— Я умѣю угадывать чужія мысли...

— Нѣтъ, это удивительно... Какъ вы угадали?..

— Я людей насквозь вижу...

— Онъ писатель, проницательный!.. — отозвался Касьяновъ.

Я вспомнилъ, что я—писатель, кашлянулъ и солиднѣе пошелъ около своей дамы.

— Поозорничали мы сегодня, Прасковья Ивановна!.. Иногда

хочется превратиться въ гимназиста и пошалить... Не все серьезничать... Будетъ еще время хмуриться... Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ.

— Вы говорите, словно... пожилой человѣкъ...

— А вы какъ думаете?.. Лѣтъ мнѣ не такъ, чтобы много, но... хоть мало прожито, да много пережито... Вы оба, друзья, въ сравненіи со мной—младенцы.

— Скажите, пожалуйста... Да вамъ сколько лѣтъ, милостивый государь?

— Двадцать четыре, сударыня...

— Ну, а мнѣ—двадцать!..

— Дѣло не въ лѣтахъ... Любили-ль вы, какъ я?..

— Вы все стихами!.. Знакомо что-то...

Прежде чѣмъ разойтись по домамъ, намъ надо было зайти къ Гришенькѣ, у котораго мы держали лыжи: ближайшій пунктъ къ нашей чертѣ осѣдлости.

Вошли въ маленькій дворикъ и нырнули въ крылечко. Нѣсколько ступенекъ внизъ и полная темнота. Касьяновъ зажегъ спичку, отыскали дверь и мы вошли... Пахнуло кислятиной, кожей, младенцами... Въ комнатѣ, освѣщенной маленькой жестяной лампой, на обрубкѣ бревна сидѣлъ съ обручемъ на головѣ сапожникъ Яша и постукивалъ молоточкомъ по сапожной подметкѣ, а по полу ползала дѣвочка съ голенькими ножками и говорила на иностранномъ ребячьемъ языкѣ; за недоходящей до потолка перегородкой пищалъ младенецъ, поскрипывала люлька и слышался сердитый голосъ матери:

— Угомону на васъ нѣту...

А гдѣ-то монотонно, подобно чтенію псалтири надъ покойникомъ, раздавалось, побѣждая пискъ младенца:

Сумъ, эсъ, эстъ, сумусъ, эстисъ, сунтъ!..
Сумъ, эсъ, эстъ, сумусъ, эстисъ, сунтъ!..

— Здравствуйте, господа политики!—бросая работу, проговорилъ Яша.

— Мы принесли лыжи...

— Ставьте въ уголъ!.. А Григорій Иванычъ все свой собачій языкъ учитъ...

— Не будемъ, господа, мѣшать...

— Присядьте!.. Будьте гостями!.. Не взыщите за безпорядокъ... Сѣсть-то у насъ не на чемъ... Присядьте, барышня!..

Яша всталъ и предложилъ обрубокъ бревна Парашѣ.

— Спасибо!.. Не безпокойтесь...

Изъ двери перегородки выглянулъ мальчикъ съ худенькимъ зеленоватымъ лицомъ и пугливо остановился на порогѣ... А Гришенька гдѣ-то зудилъ:

Фуи, фуисти, фуитъ, фуимусъ, фуистисъ, фуэрунтъ!..

— Эамусъ!—произнесъ Касьяновъ...

— Они, когда учатся, такъ ничего ужъ не слышатъ...

Было намъ неловко и чувствовали мы себя глупо; не знали, зачѣмъ здѣсь остаемся и почему не уходимъ...

— Ну, нѣтъ ли, господа, чего хорошенькаго на свѣтѣ?— спросилъ Яша.

— Кто его знаетъ!..

— Вы люди образованные, газеты читаете...

— Голова кружится,—шепнула мнѣ Параша.

— Эамусъ!.. Глуписсимо!.. Пока до свиданія... Пусть учится... Идемъ, братцы!..

— Я вамъ посвѣчу, темно въ сѣняхъ-то...

Гуськомъ, съ поклонами, мы потянулись къ выходу, а позади все гудѣлъ монотонный голосъ:

Сумъ, эсъ, эстъ, сумусъ, эстисъ, сунтъ!
Фуи, фуисти, фуитъ, фуимусъ, фуистисъ, фуэрунтъ!..

и младенецъ пищалъ, какъ котенокъ, и жаловался на судьбу нудный женскій голосъ...

— Уфъ, какъ хорошо на воздухѣ!.. Бѣдный Гришенька...

— Глуписсимо!—пробасилъ Касьяновъ.

— Почему Гришенька не займетъ свободной комнаты въ коммунѣ?—спросилъ я Парашу, пораженный условіями жизни товарища.

— Гордый онъ... Предлагали ему,—отказался... Какихъ трудовъ стоило уговорить его не отказываться отъ обѣда въ коммунѣ... Согласился ѣсть только одно блюдо за два съ полтиной въ мѣсяцъ... Онъ ухитряется жить на однѣ «кормовыя»...

Была уже ночь. Надъ засыпаннымъ снѣгами городкомъ задумчиво сверкали далекія звѣзды. На соборной колокольнѣ медленный одинокій колоколъ выбивалъ часы. Кроткимъ покоемъ вѣяло въ душу отъ земли, и неба, и отъ плавающихъ въ тишинѣ ударовъ колокола, и отъ красноватыхъ огоньковъ въ окнахъ...

— Ну, господа... Куда?

— Зайдемте въ коммуну: у насъ, навѣрно, самоваръ...

— Я—домой!—рѣшительно отозвался Касьяновъ,—по-

ставлю самоваръ, разоблачусь по силѣ возможности и самъ, одинъ, выпью весь самоваръ...

— А вы, Тархановъ?..

— Я... Пожалуй, тоже домой...

— Хорошо. Проводите меня и уходите: я боюсь собакъ...

— Съ удовольствіемъ!—сказалъ я печально, потому что мнѣ сейчасъ не хотѣлось ни говорить, ни думать, а прежде всего лечь и протянуть ноги...

Мы простились съ Касьяновымъ и свернули въ переулокъ...

— Ой, какъ скользко: чуть-чуть не упала...

— Позвольте предложить руку!

— Н-нѣтъ. Я не привыкла...

— Такъ привыкайте!

— Ужъ больно это по-обывательски... Ну, давайте!.. Попробую...

Параша взяла меня подъ-руку и отодвинулась...

— Никогда не ходила подъ руку. Въ первый разъ... Смѣшно...

— Да что вы, боитесь меня, что ли?.. Не тяните, а опритесь, какъ слѣдуетъ.

— Очень узкій тротуаръ... Пойдемъ по дорогѣ.

Мы шли и разговаривали о Гришенькѣ. Тихо, исподволь, Параша разоткровенничалась и стала разсказывать о безнадежномъ романѣ Гришеньки съ Козочкой...

— Смѣшно... Живутъ въ одномъ городѣ, видятся ежедневно, но всѣ объясненія у нихъ—письменно, при встрѣчахъ словно воды въ ротъ набрали... Даже не смотрятъ другъ на друга... Козочка мучается ужасно: жалко ей Гришеньку, и она не признается, что нечего ему ждать и не на что надѣяться... По-моему это нехорошо. Надо сказать прямо: нѣтъ, и кончено!.. А, впрочемъ, все это пустяки...

— Любовь-то пустяки?..

— Для сытыхъ и довольныхъ!.. а не для такихъ, какъ Гришенька... и всѣ мы...

— Это вы—по Мальтусу, что ли?..

— Любовь—помѣха дѣлу. Семья связываетъ по рукамъ и ногамъ, а потому...

— Вы рѣшили не любить и не выходить замужъ?..

— Да.

— Это твердо? Окончательно?

— Да. Когда я была въ восьмомъ классѣ гимназіи, у насъ былъ кружокъ саморазвитія, и всѣ мы рѣшили никогда не выходить замужъ...

— Мудрое рѣшеніе... Однако къ нему я пришелъ только послѣ того, какъ испыталъ любовь, ея радости и страданія, а не путемъ умозрительнымъ... т. е. какъ вы, Параша!..

— А почему вы знаете? — кокетливо спросила Параша.

— Я людей насквозь вижу...

— Ничего вы не видите...

Параша выдернула свою руку.

— Это что означаетъ?

— Пришли... Вонъ нашъ домъ!..

Параша свернула съ дороги на тротуаръ и крѣпко застучала каблучками по скрипучимъársкамъ. А я шелъ позади и насмѣшливо говорилъ:

— Я знаю, почему вы выдернули свою руку такъ рано: вы боитесь, какъ бы кто-нибудь изъ вашихъ коммунистовъ не увидалъ, что вы идете подъ руку.

— Неправда!..

— О, преступная Параша!.. Если бы зналъ Куренковъ или Марья Петровна, что Параша шла со мной подручку и говорила о любви!..

— Идите домой!.. Будетъ глупости болтать...

— Прощайте, прекрасная мальтузіанка!..

Параша пожала мнѣ руку, крѣпко, по-мужски, и скользнула въ пріоткрытую дверь коммуны. Скользнула какъ-то виновато, пугливо, словно нашалившій озорникъ или получившій единицу школьникъ подъ родительскую кровлю, гдѣ его ждетъ возмездіе...

«Да, любовь здѣсь не въ авантажѣ... Эхе-хе!.. Любить, но кого же?.. На время—не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно...»

Вернувшись домой, я велѣлъ подать самоваръ и тоже рѣшилъ его выпить до дна, но долгая прогулка на лыжахъ такъ пріятно утомила меня, что я, какъ прилегъ на кровать, не раздѣваясь, такъ и не всталъ больше. Принесли самоваръ, зазвенѣла посуда:

— Енадій Николаевичъ! Заваривайте!

— Сію минуту! Сію минуту!

А вставать не хотѣлось. Тѣломъ и душой владѣла пріятная такая истома, кровать словно плыла и ныряла, а въ ушахъ скрипѣлъ снѣгъ и визжали лыжныя палки...

— Енадій Николаичъ!.. Вы напились?..

— Сію минуту!.. Сію минуту!..

И опять блаженное томленіе, сверкающій снѣгъ, фіолетовыя тѣни, розовые блики, воздушные замки, миленькое ли-

чико Параши съ смѣющимися карими глазами, оленья шапка съ болтающимися ушами... Поцѣловалъ Парашу... Она жмется ко мнѣ и шепчетъ: спрячемся въ этомъ снѣжномъ шалашѣ отъ Касьянова!.. вотъ здѣсь подъ елью...

— Енадій Николаевичъ, вы напились?..

— А?.. Да, да, да... Сію минуту... Сію минуту...

— Я возьму самоварчикъ?..

— Да...

Такъ и не вставалъ съ постели до самаго утра...

VIII.

Медленно ползетъ время. Прошло только два мѣсяца, а мнѣ кажется, что я живу въ этомъ городкѣ не меньше двухъ лѣтъ, а съ новыми товарищами знакомъ былъ еще раньше, чѣмъ сюда пріѣхалъ... Однообразно, какъ въ тюрьмѣ, протекаютъ дни за днями и такъ же, какъ въ тюрьмѣ, нечѣмъ отличать ихъ другъ отъ друга. Вся жизнь, какъ земля вокругъ оси, вертится около коммуны: духовная и тѣлесная. Журналы и газеты, принципіальные споры и ссоры, борьба партійныхъ направленій и настроеній, обѣды, чаепитія, денежные разсчеты между собою, внутренніе займы... Свой маленькій мірокъ, съ собственными радостями и печалями... Словно маленькій островокъ въ тихомъ озерѣ.

Сегодня—теплый день, капѐль съ крышъ, яркія солнечныя пятна на дорогахъ, на окнахъ, на заборахъ... Весна идетъ!.. Я люблю сѣверную весну: въ ея длительномъ приближеніи и тихой плавной поступи, въ ея застѣнчивыхъ взглядахъ, въ утреннихъ и вечернихъ румянцахъ, въ ея украдкой бросаемыхъ солнечныхъ ласкахъ сильнѣе чувствуется и острѣе переживается тайна вѣчнаго возрожденія...

Да, все прошло, все ушло, все умерло, но все воскреснетъ... Объ этомъ говоритъ солнце и природа, объ этомъ кто-то нашептываетъ въ душу, въ которой, какъ первый ручеекъ подъ коркой снѣга, уже тихо звенитъ и бьется необъяснимая радость... Сижу на крылечкѣ подъ солнышкомъ съ газетой, съ только что полученной газетой, а читать лѣнь и мѣшаютъ туманныя думы-полусны, похожія на позабытыя сказки. Закрылъ глаза и слушаю, какъ на старыхъ березахъ вокругъ собора кричатъ грачи... Пріятно!.. Веселый, неугомонный шумъ, полный хлопотъ, суматохи и одушевленія... Весь городокъ заполнилъ этотъ шумъ, и

кажется, что не люди, а грачи живутъ въ городкѣ, а люди такъ, между прочимъ... Впрочемъ, по базарнымъ днямъ около собора бываетъ похожій на этотъ шумъ. А сегодня нѣтъ базара, людей не слышно и рѣдко-рѣдко простучатъ одинокіе шаги по мокрымъ тротуарамъ и тихо замрутъ въ отдаленіи. Вонъ стучатъ чьи-то ноги, и стучатъ на этотъ разъ дѣловито и торопливо. Это такъ необычно, что хочется узнать, кто это идетъ тамъ. Раскрываю глаза и пробуждаюсь отъ лѣнивой дремы: почтальонъ!.. Вѣстникъ радости и бѣдъ, не несешь ли и мнѣ ты письмеца съ далекой родины?..

— Мнѣ есть?—кричу навстрѣчу почтальону.

Утвердительный кивокъ. Всталъ, скомкалъ и сунулъ въ карманъ газету и протянулъ, какъ за подаяніемъ, руку.

— Два письма: простое и заказное...

— Спасибо, спасибо!..

— Не на чемъ!..

Взялся за фуражку и застучалъ снова по тротуару... Милый почтальонъ! Отъ матери и... Кровь бросилась въ лицо и сдѣлалось страшно: конвертъ со штемпелемъ журнала, куда я вотъ уже мѣсяцъ, какъ послалъ свой первый разсказъ. Оглянулся: не видѣлъ ли кто, что я получилъ это письмо?.. Побѣжалъ въ комнату, заперъ дверь... Трудно передать радость, страхъ, надежду, отчаяніе и еще множество неподдающихся слову переживаній, которыя вихремъ закружились въ моей душѣ и мѣшали разорвать конвертъ. Что-то подобное переживалъ я, когда получилъ первое письмо отъ любимой дѣвушки... Ну, Господи, благослови!.. Перекрестился и разорвалъ конвертъ.

«Милостивый государь, Геннадій Николаевичъ! По порученію редакціи, спѣшу Васъ увѣдомить, что разсказъ вашъ «Безсонная ночь» принятъ и будетъ напечатанъ въ майской книжкѣ журнала...»

Захотѣлось выбѣжать на улицу и закричать: «мой разсказъ будетъ напечатанъ въ майской книжкѣ!..» Не было силъ сидѣть въ комнатѣ... Забылъ про письмо матери, спряталъ въ боковой карманъ письмо изъ редакціи, пощупалъ,—тутъ ли?—и пошелъ изъ дому, самъ не зная, куда и зачѣмъ... Шелъ, а шаги выстукивали:

— Писатель Тархановъ! Писатель Тархановъ!

Ахъ да, что пишетъ мать? Пріостановился, разорвалъ и пробѣжалъ письмо. Все скучаетъ, все тоскуетъ и безпокоится... Должно быть, матери такъ ужъ устроены, чтобы тосковать и вѣчно мучаться за дѣтей... Не вѣритъ, что я живу очень не

дурно... а сейчасъ счастливѣе всѣхъ людей на свѣтѣ... Всѣ писатели сидятъ въ тюрьмѣ, бываютъ въ ссылкѣ, даже на каторгѣ; стало быть, все идетъ, какъ оно должно идти... Какой я былъ бы писатель, если бы не былъ въ тюрьмѣ и въ ссылкѣ?.. Это только доказываетъ, что я — дѣйствительно писатель и что... Спряталъ письмо матери, еще разъ прочиталъ письмо изъ редакціи и пошелъ, мысленно рисуя первую страничку журнала съ моимъ разсказомъ. Такъ явственно видѣлъ я эту страничку: «Безсонная ночь», разсказъ изъ тюремной жизни. Посвящаю Зоѣ»... Зачѣмъ я посвятилъ его Зоѣ?.. Быть можетъ, когда-нибудь ей случайно попадетъ въ руки книжка съ этимъ разсказомъ и она будетъ поражена и, прочитавъ, вспомнитъ, какъ мы сидѣли рядомъ въ одиночныхъ камерахъ и... какъ любили другъ друга!.. Если она замужемъ, пусть потихоньку вздохнетъ и скажетъ:

— Онъ сталъ писателемъ... Зачѣмъ все случилось такъ глупо, что, любя его, я вышла за другого?..

Покажутся слезы на глазахъ Зои и, опустивъ руку съ книгой, она съ тоской устремитъ свой взоръ въ окно и подумаетъ:

— Милый, милый!.. Гдѣ ты теперь?.. Отзовись!..

Войдетъ мужъ—толстый, заспанный, скучный, позѣвнетъ и спроситъ:

— Что задумалась?..

Ничего не скажетъ ему Зоя, только подумаетъ: «а счастье было такъ возможно, такъ близко»...

— Геннадій Николаичъ!..

— А-а, княжна Разгильдяева!.. Куда это вы... и почему такъ печальны?

— Я шла къ вамъ...

— Ко мнѣ?.. Вотъ не ожидалъ!..

Кротко и печально посмотрѣли на меня глаза Козочки.

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать, и хотѣла бы поговорить съ вами...

— Съ удовольствіемъ!.. Пойдемте!..

— Но вы шли куда-то...

— Это пустяки, Козочка!.. Да что случилось у васъ?.. Поссорились съ кѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ. Гораздо хуже... Я вамъ разскажу. Кромѣ васъ никому не хочу говорить: будутъ смѣяться и вышучивать...

— А Параша?

— Параша и посовѣтовала—къ вамъ...

Пошли ко мнѣ. Я шелъ радостный, гордый письмомъ въ

карманѣ, и мнѣ не хотѣлось торопиться: всѣ чужія печали и радости теперь казались мнѣ такими маленькими, ничтожными, нестоющими вниманія. А Козочка торопилась и угрюмо смотрѣла въ землю. Только сейчасъ я замѣтилъ, что она плакала: припухли и покраснѣли вѣки продолговатыхъ черныхъ глазъ...

— Марья Петровна обидѣла?

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Никто не обидѣлъ...

Вынула изъ муфты платочекъ и приложила къ глазамъ. Шла и запиналась. Я подхватилъ ее подъ руку и, какъ слѣпую, повелъ по тротуару. Маленькая, тоненькая какъ у подростка рука, чувствуется косточка... Бѣдненькая такая, безпомощная!.. Встрѣтилась какая-то женщина въ салопѣ, покачала головой и сказала:

— Стыдъ-то какой!..

Вѣрно, подумала, что Козочка пьяна...

Пришли. Козочка сѣла на кресло, уронила головку на спинку и заплакала. Я напоилъ ее водой и говорилъ ласковымъ тономъ, что не надо плакать.

— Нѣтъ радости на свѣтѣ вѣчной, и нѣтъ печали безконечной!.. Посмотрите, какъ ярко свѣтитъ солнышко, послушайте, какъ весело шумятъ грачи около собора!..

Она вытащила изъ муфточки письмо и молча протянула его мнѣ.

— Вы хотите, чтобы я прочиталъ это... чужое письмо?..

— Ко мнѣ!.. Читайте!.. Я не могу разсказывать...

Я пробѣжалъ письмо. Писалъ Гришенька; въ кроткихъ, простыхъ словахъ онъ говорилъ, что хочетъ рѣшить свою судьбу: «Напишите, любите ли хотя немного, или мнѣ не надо надѣяться: безъ вашей любви не могу жить на свѣтѣ. Пусть это — глупость, пусть — нечестно передъ родиной и товарищами, которые гибнутъ за общее дѣло, а я рѣшилъ кончить... Я простой, необразованный человѣкъ, поэтому у меня нѣтъ того чувства долга передъ народомъ, о которомъ говорилъ на дняхъ Павелъ Петровичъ. Я могу спокойно умереть... Пусть посмѣются всѣ кромѣ васъ. Вы не будете смѣяться, потому что поймете мое чувство...»

— Вы... Вы его не любите, Козочка?..

Дѣвушка отрицательно качнула головой и прошептала, моргая полными слезъ глазами:

— Хочу, но не могу... И не знаю, какъ быть... Жалко мнѣ его, а...

Она развела руками и сдѣлала скорбное личико.

— Трудно тутъ что-нибудь посовѣтовать...

— А, можетъ быть, и люблю немножко, но... Не знаю, сама не знаю!..

— Напишите, что... Оставьте маленькую надежду...

— Я оставляла... Но вѣдь онъ требуетъ сказать окончательно... Еще убьетъ себя изъ-за... меня!.. Вѣдь это ужасно!..

Было въ ея фигуркѣ что-то дѣтски-безпомощное, а въ словахъ дѣтская наивность и чистота... Точно младшая, обиженная сестренка... Хочется подойти и погладить по головкѣ.

— Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ еще... полюбите?..—не вѣря этому, утѣшалъ я дѣвушку.

Опять отрицательный кивокъ и опущенная головка.

— Почему такъ?.. Бываютъ на свѣтѣ всякія неожиданности...

— Нѣтъ... Я люблю, но другого...

— Ахъ, вотъ какъ!.. Тогда, конечно... Уже не знаю, какъ тогда... У васъ женихъ на родинѣ?..

— Нѣтъ... Не скажу. Не все ли вамъ равно?..—съ досадой прошептала дѣвушка и стала теребить обивку кресла.

— Извините: оторвалась...

— Что?

— Пуговка на обивкѣ...

— Пустяки!..

— Не знаю, какъ быть... Онъ такой одинокій. Никто изъ васъ, кромѣ Петра Павловича, не хочетъ понять его и сблизиться съ нимъ, а Петръ... онъ только посмѣется, если узнаетъ, что человѣкъ изъ-за любви можетъ... можетъ умереть...

— Смѣшного тутъ, конечно, ничего нѣтъ.

— Можетъ быть, вы повліяете, уговорите Гришеньку не дѣлать глупостей?..

— Нѣсколько разъ я пытался подойти поближе къ этимъ товарищамъ, Петру и Гришенькѣ, но оба они какъ-то... чуждаются и вообще уклоняются отъ этой близости... Любовь, Козочка, слишкомъ личное, свое, интимное, чтобы пускать постороннихъ... Я все это пережилъ и бывалъ, пожалуй, въ худшемъ положеніи, чѣмъ Гришенька... Все—какъ сонъ, и все—какъ дымъ!.. Скажу вамъ одно: любить надо того, кого хочется любить, а не того, кого жалѣете. Любовь, дѣточка, не нуждается въ милостынѣ...

Я ходилъ и говорилъ, какъ опытный въ такихъ дѣлахъ человѣкъ, какъ докторъ-спеціалисъ по сердечнымъ болѣзнямъ. Теперь Козочка казалась мнѣ такой маленькой и глупенькой, что у меня какъ-то нечаянно вырвалось это «дѣточка»...

— Вы сильный, съумѣли пережить, а онъ... А если онъ... Козочка не договорила и, опустивъ голову, смолкла.

— Если это случится, значитъ —судьба.

— Развѣ вы вѣрите въ судьбу?..

— Я не вѣрю въ судьбу въ томъ смыслѣ, какъ вѣрили древніе греки, но хочу сказать этимъ, что не все, дѣточка, въ нашей власти... Есть большая область «безсознательнаго», играющая въ нашей жизни не меньшую роль, чѣмъ область «сознательнаго»...

— Но вѣдь прежде всего мы—сознательныя личности!..— робко, словно на экзаменѣ, произнесла Козочка.

Я разсердился:

— Отъ сотворенія міра и до нашихъ дней всѣ сознательныя и несознательныя личности рождались, любили и умирали, питались, размножались и вообще...

Я взглянулъ на Козочку и замолчалъ: она покраснѣла. «Вотъ дѣточка!—промелькнуло въ моей головѣ.—Какъ бы не спросила, что такое любовь»...

Но Козочка не спросила. Совершенно растерялась. А я началъ говорить о томъ, что никакой свободной воли у человѣка нѣтъ, что онъ—игрушка случайностей!..

Говорилъ, а самъ взглядывалъ на дѣвушку и чувствовалъ удовольствіе, что умѣю такъ хорошо говорить и ошеломлять своей начитанностью и остроуміемъ.

— Гартмана читали?

— Нѣтъ.

— Ну, конечно!.. Рибо читали?

— Нѣтъ,—все тише лепетала Козочка, и на лицѣ ея появилось выраженіе полнаго отчаянія.

— Шопенгауэра, конечно, тоже?

— Тоже.

Козочка съ благоговѣніемъ подняла на меня глаза и прошептала:

— Ничего-то я не знаю...

Послѣ небольшого молчанія она поднялась, отерла платочкомъ глаза и, словно неудовлетворенная просительница, прошептала:

— Надо итти...

— Одно могу вамъ, дѣточка, посовѣтовать: не приносить жертвъ въ этой области. Любовь этого не любитъ...

Она постояла нѣсколько мгновеній и протянула руку:

— Прощайте!..

Я взялъ тонкую ручку, и мнѣ не хотѣлось ее выпускать. Хотѣлось чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь высказать сочувствіе горю этой хрупкой, похожей на гимназистку шестого класса, барышнѣ... Можетъ быть, поцѣловать у ней руку?..

— Что вы!..

Разсердилась, рѣзкимъ движеніемъ выдернула руку и ушла, не обернувшись. Зачѣмъ я это?... Ой, какъ это глупо и неумѣстно было сдѣлано: она пришла ко мнѣ съ тоской и горемъ, надѣялась, что я помогу чѣмъ-нибудь, а я наговорилъ умныхъ словъ, ошеломилъ ее авторитетами и приложился къ ручкѣ. Здѣсь, въ ссылкѣ, цѣлованіе руки у женщины вообще считается проявленіемъ неуваженія къ своей и чужой личности, а въ данномъ случаѣ это можетъ быть истолковано еще хуже... Пойдетъ и разскажетъ тамъ, въ коммунѣ, какъ я совершилъ это преступленіе... Экій я... олухъ Царя небеснаго!..

Живо представилъ себѣ принципіальный разговоръ съ Куренковымъ и съ Марьей Петровной по этому поводу. И такъ мнѣ стало скверно, что захотѣлось побѣжать, догнать Козочку и какъ-нибудь убѣдиться, что про поцѣлуй мой никому не скажетъ. Я и такъ уже навлекаю подозрѣніе своимъ неравнодушіемъ къ женщинамъ, своими прогулками съ Парашей, своимъ, какъ они выражаются, «кавалерствомъ», а тутъ еще... ручку поцѣловалъ!.. Набросилъ на плечи шубу, на голову — шапку, и стремительно вышелъ на улицу... Вонъ она идетъ, повѣся голову, тихо, задумчиво, словно надѣется найти что-то подъ ногами... Ускоряю шагъ, лечу, размахивая пустыми рукавами накинутой шубы... Гулко стучатъ мои шаги на залитой солнцемъ улицѣ. Оглянулась и остановилась.

— Я испугалась вашихъ шаговъ...

— Идемте вмѣстѣ!.. Мнѣ показалось, что вы обидѣлись, когда я поцѣловалъ у васъ руку... Если это такъ, простите, Козочка... Я не хотѣлъ сдѣлать вамъ непріятности, а совершенно напротивъ... Т. е. просто хотѣлъ... Привычка, что ли... воспитаніе...

— Пустяки!.. Только, чтобы объ этомъ не знала Марья Петровна и... другіе... Надъ вами же будутъ смѣяться.

— До другихъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, мнѣ важно лишь, чтобы вы сами не поняли этого въ дурную сторону...

— Нѣтъ... Вы, вѣдь, и у Параши цѣловали!..

— Ммм... развѣ?.. Да, да, конечно... Тѣмъ болѣе это теряетъ... или вѣрнѣе указываетъ на то, что я...

Странно, что я растерялся, какъ мальчишка: словно Ко-

зочка уличила меня въ измѣнѣ. Зачѣмъ она сказала про Парашу?..

— Я цѣлую руку у всѣхъ красивыхъ женщинъ...

Козочка покраснѣла и замолчала. Такъ ли она поняла мое признаніе?..

— Только ради Бога безъ комплиментовъ, Геннадій Николаевичъ!

— Ну, вотъ!.. Такъ и зналъ, что истолкуете неправильно... Я сказалъ вообще, не преслѣдуя цѣли польстить вашей красотѣ...

— Умный, а говорите глупости!..

Никогда еще мнѣ не было такъ совѣстно. Никогда я не чувствовалъ такого ощущенія униженія, какъ послѣ этихъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ съ удивительной простотой и сердечностью...

— Въ сущности почему комплиментъ позоренъ?—съ краской на лицѣ началъ я размышлять вслухъ, желая сгладить неловкость и стыдъ.

— Не знаю, но противно, когда хорошіе люди дѣлаются похожими на самыхъ обыкновенныхъ...

— Если бы я сказалъ некрасивой женщинѣ, что она—красива, тогда другое дѣло, но когда... Нѣтъ, это не лесть, а просто желаніе сдѣлать пріятное человѣку, симпатичному человѣку...

— А если онъ не испытываетъ пріятности?..

— Ахъ, вотъ что!... Тогда, конечно, вы правы... Тогда еще разъ простите!..

— Ничего... Пустяки... Не въ этомъ дѣло... А вотъ нехорошо, что мы съ вами говоримъ о такихъ пустякахъ, а близко отъ насъ есть нашъ товарищъ, который ждетъ и думаетъ не о комплиментахъ, а о... о смерти...

Я замолчалъ, шелъ позади дѣвушки и запинался. Чувство униженія все росло и пропала находчивость. Этотъ съ виду подростокъ, который полчаса тому назадъ казался мнѣ наивнымъ и по ребячьи глупенькимъ, выросъ вдругъ въ серьезнаго, чуткаго человѣка, а я превратился въ провинившагося шалуна-мальчика, уличеннаго въ маленькой, но скверненькой гадости... «Пошлякъ!»—мысленно ругалъ я себя и боялся встрѣчаться глазами съ дѣвушкой. Долго мы шли молча. Я то отставалъ, то шагалъ рядомъ.

— Геннадій Николаевичъ! Вы на меня не разсердились?..

— За что?.. Я боюсь, не разсердились ли вы на меня!.. Не придавайте значенія моему легкомыслію и... пошлой болтовнѣ.

Отъ радости это... Получилъ я пріятную вѣсть и, личная радость сдѣлала изъ меня на нѣкоторое время просто... веселаго болтуна!.. А, можетъ быть, это солнышко, такое яркое и пригрѣвающее, помѣшало думать о чужихъ страданіяхъ и чужомъ горѣ... Вообще я хотѣлъ бы вычеркнуть весь этотъ случай и разговоръ... Иногда напишешь цѣлую страницу разсказа, а потомъ прочитаешь и изорвешь въ клочки...

— Значитъ, я вамъ испортила вашу неожиданную радость?..

— Пустяки!.. Не такъ ужъ она неожиданна и значительна: просто я получилъ извѣстіе изъ редакціи, что скоро будетъ напечатанъ въ журналѣ мой разсказъ...

— Вашъ разсказъ?.. Не стихи?..

— Нѣтъ... Стихи я бросилъ, хочется написать что-нибудь большое...

— Мнѣ очень нравится ваше стихотвореніе!

— Которое? «Все—какъ сонъ»?

— Да!.. А кто это Зоя, которой вы посвящаете свое стихотвореніе... Сестра?

— Нѣтъ.

— Счастливая!..

— А, бытъ можетъ, и несчастная... Дѣла давно минувшихъ лѣтъ...

— Гдѣ она живетъ?

— Не знаю... Гдѣ она, что съ ней, что она теперь изъ себя представляетъ...

— Вы ее разлюбили... вы разлюбили другъ друга?

— Да!

— Но тогда зачѣмъ вы ей посвятили свои стихи?..

— Не ей, а своему воспоминанію. Остался радостный сонъ и призракъ... Вотъ поэтому-то я и не смотрю на драму Гришеньки такъ трагически, какъ вы. И я когда-то думалъ, что всего лучше умереть, думалъ, что не переживу, и не представлялъ себѣ, что когда-нибудь буду идти вотъ такъ, какъ теперь, съ другой дѣвушкой, и разсказывать ей совершенно спокойно о пережитомъ... Когда-нибудь и Гришенька будетъ такъ же спокойно вспоминать свою драму, въ которой вы теперь играете такую жестокую роль...

Козочка облегченно вздохнула и улыбнулась...

— А все-таки бываетъ такая любовь, что... «Ромео и Джульетта», напримѣръ!..

— Эй, ребятки!..

Касьяновъ переходилъ къ намъ черезъ улицу. Я обрадовался. Одинъ побѣдный видъ Касьянова, распахнутое пальто и сдвинутая на затылокъ шапка прогоняли неловкость, грусть отъ разговора и томленіе духа. Съ появленіемъ Касьянова исчезалъ всякій туманъ въ головѣ и сердцѣ и такъ рѣзко врывалась крѣпкая, здоровая, реальная жизнь, возвращая къ яркому свѣту солнца, къ ощущенію радости отъ самой жизни, къ какой-то животной ясности въ головѣ и тѣлѣ... Вспомнилось, что хочется кушать, что сегодня въ коммунѣ вкусные пельмени, что я—писатель, что Параша похожа на сибирскую лошадку, что надо сходить въ полицію и получить «кормовыя»...

— Эхъ, денекъ-то!.. Взять бы троечку съ колокольчиками да съ бубенчиками, да послѣ пельмешковъ-то и махнуть... за черту осѣдлости!..

И Касьяновъ потихоньку замурлыкалъ:

За-а-прягу я тройку борзыхъ, т-е-мно-карихъ лошадей,
И-и помчусь я, полечу я прямо къ Любушкѣ своей!.

— Что вы, ребятушки, примолкли?..

И опять запѣлъ:

Что вы, братцы, присмирѣли?
Или жрать вы захотѣли?..

А потомъ, поровнявшись со мной, нагнулся и побѣдоносно объявилъ:

— Поздравь: во вторникъ, прибываетъ на перекладныхъ Вѣра Игнатовичъ!..

— То-то ты все поешь!.. Не рано ли пташечка запѣла?

— А вотъ!..

Касьяновъ показалъ свой кулачище и толкнулъ меня съ тротуара... Окончательно развеселился я, поднялъ съ дороги комъ снѣга, смялъ его и запустилъ въ счастливаго любовника... Началась баталія. Козочка ушла впередъ, а съ нами произошла непріятная исторія: Касьяновъ вышибъ стекло въ уютномъ и мирномъ домикѣ, самъ, какъ школьникъ, далъ тягу за уголъ, а я попался: выскочилъ изъ воротъ безъ шапки мирный толстый житель и закричалъ:

— А еще политическій!..

— Простите, нечаянно... Да собственно даже не я тутъ...

— Вѣдь это—разбой среди бѣла-дня!.. Васъ къ исправнику надо!..

— Я заплачу вамъ... Извольте... Какъ вы цѣните свой ущербъ?

— Рупь!—крикнулъ житель, уперевъ руки въ боки и поднявъ голову.

Я вынулъ цѣлковый и молча подалъ. Житель даже окаменѣлъ отъ изумленія. Видимо, онъ хотѣлъ рублемъ убить меня на мѣстѣ.

— Разя такъ можно, господа!..—мягко произнесъ онъ, не торопясь засовывая рубль въ засаленный кошелекъ...—Шалить надо осторожнѣе!..

Я пошелъ прочь, торопясь за уголъ, чтобы не останавливать любопытныхъ прохожихъ, которые стали уже разспрашивать потерпѣвшаго, что и какъ случилось. Шелъ и злился на Касьянова, а про жителя думалъ:

«Не знаю, кто изъ насъ и кого ограбилъ?..»

IX.

Охъ, ужъ эти влюбленные!.. Неужели и я когда-то былъ похожъ на Касьянова? Совсѣмъ съ ума сходитъ. Болтливъ, озорничаетъ, дѣлаетъ и говоритъ глупости, надоѣдаетъ окружающимъ какимъ-то воинственнымъ настроеніемъ, разсѣянъ, какъ водевильный дядюшка, а главное—поетъ изъ «Фауста» аріи и вретъ такъ, что уши вянутъ.

— Ко мнѣ возврати-и-лась пррре-лестная-я юность, тарамъ-та-та-та-тааа тарамъ, та-та-та!..

— Ой, Касьяновъ... Ради Бога, будетъ!..

— Въ такомъ случаѣ я продекламирую... Нѣтъ, лучше, я вамъ изъ «Евгенія Онѣгина»...

Любви-и всѣ возрасты поко-орны,
Ея-я порывы благотво-орны,
И ю-юношѣ въ шестнадцать...

— Ой! ой!.. Довольно!..

— Тише!.. Оглушилъ...

— Распѣваетъ аріи, а въ кухнѣ ни дровъ, ни воды... Бѣда, коль кухонный мужикъ вообразитъ себя опернымъ артистомъ...

— Скоро я попрошу расчетъ... Больше, господа, я несогласенъ на васъ батрачить. Только до вторника, а тамъ подыскивайте. Ей-Господи, я говорю, господа, серьезно!..

Никто не вѣрилъ. Даже когда Касьяновъ говорилъ теперь что-нибудь серьезно, всѣмъ казалось, что онъ шутитъ...

— Козочка, давайте станцуемъ полечку «Трамъ-блямъ!» Послѣ обѣда это даже врачами рекомендуется. Правда, Марья Петровна?

Козочка посмотрѣла вопросительно на Марью Петровну и неохотно отказалась. Касьяновъ схватилъ стулъ и, подпѣвая на губахъ польку, началъ танцовать со стуломъ, крѣпко выстукивая задорный тактъ легкомысленнаго танца. Понемногу всѣ стали улыбаться, смѣяться, только Куренковъ не поддавался искушенію и бросалъ на Касьянова недоумѣнно-презрительные взгляды.

— Хотѣлъ бы я знать, по какой причинѣ Касьяновъ въ телячій восторгъ приходитъ?—мимоходомъ произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Вы желаете знать? Извольте. Теперь ужъ все равно. Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Раскрываю вамъ, господа, тайну которая... Однимъ словомъ,—я женюсь, и скоро мы будемъ пировать три дня и три ночи... Надѣюсь, что для такого исключительнаго въ жизни случая вы, господа, отдадите нейтральный залъ для всеобщихъ увеселеній и разрѣшите, хотя на сей разъ, вино и елей?..

Никто Касьянову не повѣрилъ, начали смѣяться и подтрунивать.

— Поэтъ Тархановъ, скажи имъ!.. Быть можетъ, тебѣ повѣрятъ больше, хотя женюсь я, а не ты...

— Правда, господа! Онъ женится на Вѣрѣ Игнатовичъ.

Параша, которая смѣялась до сихъ поръ громче и веселѣе всѣхъ, неожиданно примолкла, а потомъ, поймавъ меня въ корридорчикѣ, схватила за руку и взволнованнымъ шепотомъ спросила:

— Касьяновъ вретъ?.. Скажите безъ шутокъ!..

— Правда!.. Даю вамъ честное слово...

Параша выпустила мою руку, кивнула головой и ушла въ свою комнату... Гм... Что бы могло это значить?.. Что-то неладно... Неужели она... Вотъ никогда бы не подумалъ! Когда я вернулся въ залъ, здѣсь уже шелъ крупный разговоръ: Марья Петровна громила интеллигенцію, которая теперь занимается больше амурами, чѣмъ исполненіемъ своихъ обязанностей передъ народомъ; Павелъ Петровичъ, совершенно упустивъ изъ виду, что женатъ, ссылался на Священное писаніе:

— Неоженивыйся печется, яко угодити Господу, а оженивыйся, яко угодити женѣ...

Касьяновъ озлился и сталъ говорить дерзости:

— Вы, Павелъ Петровичъ, кажется женаты?.. А вы, Марья Петровна, не замужемъ по независящимъ отъ васъ обстоятельствамъ...

— Я?.. По независящимъ обстоятельствамъ?.. Что вы хотите этимъ сказать?..

— Ничего непонятнаго. Вышли бы и вы, если бы... представился случай...

— Хорошо понятіе о любви!.. Представился случай!.. Да почему вы знаете, что случаевъ не представлялось?..

— Я такъ полагаю. Имѣю основанія.

За Марью Петровну вступилась жена Куренкова, за Касьянова—Гришенька. Петръ Куренковъ саркастически ухмылялся, хитро теребилъ маленькую бородку и поглядывалъ на спорящихъ съ высоты птичьяго полета: какіе, дескать, вы—ничтожные! Козочка недоумѣнно смотрѣла на всѣхъ и не могла разобраться, кто правъ и гдѣ правда. Неслышно и незамѣтно вышла и спряталась въ уголкѣ Параша. Споръ принималъ острый характеръ.

— Касьяновъ, брось!—ласково говорилъ я товарищу, видя, что спорщики переходятъ на личную почву, но никто меня не слушалъ.

— Вы хотите сказать, что я безобразна?...

— Не безобразны, но недостаточно обаятельны...

— Неугодно ли взглянуть на мою карточку въ молодости!..

— Вы, господа, уклонились!—врывался Гришенькинъ голосъ.—Вы докажите, почему любить—значитъ совершить какое-то преступленіе?.. Я положительно не понимаю. Павелъ Петровичъ ссылался на Св. Писаніе, но тамъ можно отыскать...

— Могій вмѣстити да вмѣститъ!—сердито повторялъ, тряся козлиной бородкой, Павелъ Петровичъ.

— Говорите о вредѣ всякаго насилія, а сами желаете творить его надъ самой природою... человѣка!

— Касьяновъ, брось!..

— По моему, кто не любитъ этой, какъ вы называете, маленькой любовью, тотъ не можетъ любить и большой... Ничего онъ не любитъ, а только языкомъ трясетъ...

— Позвольте!—врывался голосъ Гришеньки—если любовь такое ничтожное чувство, то почему же у всѣхъ великихъ писателей и художниковъ она занимаетъ первое мѣсто?.. Возьмите своего Толстого!.. Его «Анну Каренину», напримѣръ!.. Возьмите Шекспира, Пушкина...

— Чортъ васъ подери, да вы женатый или холостой?..—

уже кричалъ Касьяновъ, размахивая рукой передъ самой бородой Куренкова.

— Подите ко всѣмъ чертямъ отъ меня!.. Женитесь, сколько вамъ хочется, а меня оставьте въ покоѣ...—горячился Куренковъ. Пошелъ было въ свою комнату, но на порогѣ дверей остановился и оглянулся:

— Вы еще мальчишка и такимъ тономъ со мной не имѣете права говорить!

— Оставь, Паничка...

— Вы—молокососъ! Вамъ не жениться, а учиться надо...

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись, а дуракомъ умрешь...

— Хорошо... Мы съ вами по этому поводу будемъ говорить, но... при другой обстановкѣ!..—хриплымъ тономъ произнесъ Куренковъ и скрылся... Всѣ замолкли. Касьяновъ же ходилъ быстро по комнатѣ и взволнованно ворчалъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой:

— Извините-съ... Я тоже не позволю говорить съ собой такимъ тономъ... Ваша престарѣлость—не заслуга и никакихъ правъ оскорблять молодежь не даетъ... Гм!.. Какое ему дѣло, что я женюсь?.. Кому какое дѣло!.. Плевалъ я на всѣ ваши уставы!.. Сами женятся, а тутъ... И Толстой вашъ... былъ женатъ и наплодилъ кучу дѣтей и... Въ толстовцы я не записывался, потому что... вотъ мое убѣжденіе: «око за око и зубъ за зубъ»!..

Касьяновъ смолкъ, а молчавшій до тѣхъ поръ Петръ Куренковъ вздохнулъ и произнесъ:

— Жизнь есть борьба, а не овечье смиреніе...

— Совершенно правильно!—громко и радостно воскликнулъ Касьяновъ,—ваша толстовщина только поддерживаетъ рабьи чувства и склонности...

Неожиданно появилась Марья Петровна, приблизилась къ Касьянову и, показывая ему фотографическую карточку, спросила:

— Вы находите эту особу безобразной?..

— Пригласите экспертовъ!..

— Вы... просто нахалъ!..

— Мерси!..

Касьяновъ сдѣлалъ общій поклонъ и торопливо вышелъ въ дверь. Тягучая, невыносимая тоска повисла въ комнатѣ. Всѣмъ было стыдно смотрѣть въ глаза другъ другу. Помолчали и понемногу стали назамѣтно исчезать. Я и не замѣтилъ, какъ остался въ залѣ одинъ. Было тихо и было слышно, какъ гдѣ-то въ отдаленіи кто-то потихоньку плакалъ... Должно быть, Марья Петровна... Надо итти... Экая гадость!..

— Я потребую третейскаго суда!—донесся издали хриповатый и злой голосъ...

Я сорвался съ мѣста и поторопился уйти. Боже мой, какъ душно и какъ хочется поскорѣе на воздухъ!.. Ноги не попадаютъ въ голоши... Слава Богу: на улицѣ!.. Пахнуло талымъ снѣгомъ, спокойствіемъ наступающаго вечера, какой-то особенной правдой опрокинувшихся надъ маленькимъ человѣческимъ муравейникомъ небесъ, въ которыхъ, какъ и много тысячъ лѣтъ тому назадъ, начинали дрожать слабоватыя еще искры звѣздъ..

Я тихо шагалъ и думалъ: любимъ мы человѣчество, а другъ друга любить не умѣемъ; мечтаемъ устроить рай на землѣ, а не можемъ сами себѣ создать сносной жизни; такъ прекрасны идеалы, къ которымъ мы всѣ искренно тяготѣемъ, и такъ мелочна наша повседневная жизнь!.. Всѣ мы—люди сознательные, интеллигентные, а какъ сойдемся вмѣстѣ, становимся глупо самолюбивыми, нетерпимыми, мелочными, похожими на... на моего хозяина, который оскорбился до глубины души за «Сусанну»... Въ чемъ дѣло?.. Неужели весь секретъ въ томъ, что мы, сходясь въ цѣли, расходимся въ средствахъ?..

Я вздрогнулъ и испугался: кто-то неожиданно подхватилъ меня подъ руку.

— Ахъ, это вы, Гришенька!..

— Да... А все отъ чего?.. Отъ чего это у насъ такъ?—говорилъ онъ, задохнувшись отъ быстрой ходьбы.—Все отъ того, что нéчего дѣлать... Такъ жить нельзя. Я несогласенъ такъ жить!.. Чортъ съ ней, съ такой жизнью!.. А относительно любви—Касьяновъ правъ. Никому нѣтъ дѣла!.. Очень плохо они думаютъ о любви... А бываетъ такъ, что изъ-за нея люди кончаютъ жизнь...

Въ порывистой рѣчи, такой всклокоченной, скачущей, и въ страстномъ тонѣ засквозило что-то лично задѣвшее Гришеньку. Несомнѣнно, что споръ и разговоры о любви разбередили его собственныя душевныя раны. Былъ подходящій моментъ исполнить просьбу Козочки: поговорить по душѣ объ ихъ отношеніяхъ, если не прямо, то косвенно.

— Да, любовь въ жизни человѣка если не все, то во всякомъ случаѣ очень многое...

— Вѣрно!.. Все!..

— Не для всѣхъ—она все, но для многихъ... Я увѣренъ, напримѣръ, что огромное большинство тѣхъ, которые кончаютъ жизнь изъ-за неудачъ въ любви, если бы они могли воскреснуть, сказали бы: «слава Тебѣ, Господи, что я воскресъ! Никогда больше не совершу такого безразсудства»...

Гришенька сталъ возражать:

— Позвольте! А если такой человѣкъ пришелъ въ выводу, что онъ не можетъ иначе поступить? Если и сердце, и логика ему говорятъ, что впереди ничего, кромѣ страданій, нѣтъ?..

— Не вѣрю ни въ логику, ни въ сердце въ данномъ случаѣ...

— Почему?

— Въ дѣлахъ любви они —большіе плуты, мошенники. Необходимо провѣрять ихъ выводы, провѣрять временемъ... И время убѣдительно и непреложно докажетъ, что нѣтъ радости на свѣтѣ вѣчной и нѣтъ печали безконечной. Любовь, какъ солнышко, заходитъ и вновь восходитъ, а человѣкъ, который думаетъ, что любовь навсегда погасла и кончаетъ разсчеты съ жизнью, подобенъ тому, который думаетъ, что съ заходомъ солнца день ушелъ въ вѣчный мракъ ночи...

— Надо войти въ положеніе...—грустно вымолвилъ Гришенька.

— Да я ихъ не обвиняю, я не говорю, что, кончая жизнь изъ-за неудачъ въ любви, они дѣлаютъ подлость или глупость... Быть можетъ, только одна чистота, сила страсти и острота переживаній лежатъ въ основѣ ихъ поступка, но... я ихъ только жалѣю: слабовольные люди!.. Эхъ, Гришенька!.. Вы вотъ все говорите, что нечего дѣлать и отъ этого мы вздоримъ и опошляемся... Я думаю, что отъ этого мы еще слабѣемъ, и всякое горе, всякое личное страданіе кажутся намъ такими огромными, что закрываютъ передъ нами весь огромный прекрасный міръ съ его неизсякаемой красотой... даже въ страданіяхъ!.. въ большихъ, величавыхъ страданіяхъ!..

— Можетъ быть, и такъ... Трудно мнѣ сейчасъ разобраться въ этомъ. Чужую бѣду—руками разведу, а къ своей ума не приложу...—печально и покорно произнесъ Гришенька.

— Хотите, зайдемъ ко мнѣ?..

— Хорошо...

Мы пришли въ мою квартирку, попросили самоварчикъ, пили чай и говорили о томъ, что тяжело и душно жить, когда всѣ герои большой идеи погибли и исчезли, когда на смѣну ихъ пришли проповѣдники квіетизма, малыхъ дѣлъ, личнаго усовершенствованія, когда старые богатыри ушли, а новые не народились. Тяжело, но стоитъ: время рождаетъ героевъ. Есть уже предвѣстники.

— Читали про демонстрацію на похоронахъ Шелгунова?

— Да, читалъ...

— Вѣнокъ и депутація отъ рабочихъ!

— Такъ-то такъ, только...

— Значитъ, не все потухло!.. Огонь есть, только онъ—въ скрытомъ состояніи... Достаточно вѣтерка, чтобы...

— Я вѣрилъ только въ партію народовольцевъ, а гдѣ она, партія?..

— Гришенька, милый мой Гришенька, идею убить нельзя! Она—какъ природа: животворна и неистребима...

— Вонъ Петръ Павлычъ мечтаетъ о возрожденіи партіи. Бѣжать хочетъ отъ насъ. Вотъ человѣкъ!..

— Далеко не убѣжишь...

— А можетъ быть!.. Волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить. Этотъ человѣкъ не пожалѣетъ своей жизни, а вотъ мы... такъ и прокиснемъ здѣсь..

Долго мы сидѣли съ Гришенькой, то грустили, то взбудораживали другъ друга надеждами, то вспоминали Казань и неудачную попытку устроить нелегальную типографію...

— А все-таки жили!.. трепетали!.. горѣли!—возбужденно говорилъ Гришенька и радостно улыбался...

— Вотъ, Гришенька, въ то время я былъ влюбленъ и, если бы мнѣ тогда сказали, что я когда-нибудь разлюблю и утѣшусь, я съ негодованіемъ отвергъ бы это кощунство... А теперь вотъ...

— Вотъ и я, Геннадій Николаевичъ, боленъ теперь этой болѣзнью... И такъ боленъ, что..

Гришенька махнулъ рукой, смолкъ и сталъ ходить по комнатѣ.

— Я знаю...

— Вы?... Откуда?..

— Развѣ я слѣпъ?

— Неужели это и другимъ всѣмъ видно?

— Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ видно. Славная хорошая дѣвушка, но вѣдь она—совершенный ребенокъ. Я думаю, что она и сама не въ состояніи понять, любитъ или не любитъ...

— Онъ былъ титулярный совѣтникъ, она—генеральская дочь, какъ это сказано у Некрасова... Братство-то братство, равенство тамъ и прочее, а рѣдко случается, чтобы княжна полюбила мѣщанина...

— Не въ этомъ, Гришенька, дѣло. Любовь не знаетъ сословныхъ перегородокъ—настоящая, конечно, любовь. У того же Некрасова есть и «Огородникъ лихой». Помните?..

— Хорошо вы разсуждаете. Логично. Не умѣю возразить. А все-таки мнѣ не легче... Не вѣрю въ чудеса, а хочется, Геннадій Николаевичъ...

— Все бываетъ на свѣтѣ, другъ мой...

— Эхъ, если бы... Ну, все равно!.. Пойду домой. Спасибо за душевный разговоръ...

Гришенька крѣпко стиснулъ мою руку и, какъ-то сконфуженно сторонясь глазами, сталъ одѣваться...

— Все это, Геннадій Николаевичъ, между нами...

— Конечно!

— Спасибо, товарищъ!..

И Гришенька нырнулъ въ дверь и скрылся.

Кажется, подѣйствовало. Очень пріятно. Умѣю дѣйствовать на людей. Я ходилъ и дѣлалъ наблюденія надъ движеніями собственной души. Почему мнѣ это пріятно, почему рождается нѣкоторое самодовольство и гордость? Сколько было искренности въ моихъ словахъ и сколько красивыхъ словъ, о которыхъ я самъ затруднился бы сказать, вѣрю я въ нихъ или не вѣрю? Удивительная способность вылѣзать изъ собственной кожи и смотрѣть на самого себя издали. Очень это интересное занятіе. Гдѣ это я читалъ: «хочешь людей изучить, въ сердце свое загляни»?.. А въ концѣ концовъ хотѣлось бы полюбить снова вотъ такъ же, какъ Гришенька: чтобы казалось, что—или любовь, или смерть!.. Полюблю ли я такъ еще когда-нибудь, или теперь я уже не такъ воспріимчивъ къ этой прекрасной болѣзни?.. Козочка, Параша... такія красивыя по разному души, словно два цвѣтка изъ разныхъ странъ свѣта... Ласкаютъ взоръ и немного возмущаютъ порою душу; иногда является что-то похожее на нѣжное любовное предчувствіе, начинаетъ ползать въ головѣ пріятный голубой туманъ какого-то особеннаго опьяненія, но... ненадолго: что-то врывается въ кристальную чистоту этихъ хрупкихъ моментовъ и... Иногда Параша волнуетъ, просто какъ женщина, рождая своей фигуркой, задорнымъ смѣхомъ, сверкающими зубами волненіе въ крови... Вдругъ промелькнетъ мысль—схватить и сжать ее въ объятіяхъ и цѣловать, цѣловать... Было такъ и съ Козочкой... Вообще нѣтъ прежней чистоты и ничто не вернетъ мнѣ ее. Иногда снятся грязные сны, въ которыхъ нѣтъ никакой поэзіи, а... Если бы я чистосердечно разсказалъ объ этихъ снахъ, вы съ отвращеніемъ отвернулись бы отъ меня... Откуда это?.. И нѣтъ прежней стыдливости и застѣнчивости предъ дѣвушками... Позналъ, братъ, добро и зло!.. Дѣло дошло до того,

что смутно волнуетъ хозяйская кухарка, молодая полногрудая бабенка съ лукавымъ глазомъ подъ платочкомъ...

— Сусанна! Убирай самоваръ!..

— Меня ты, что ли?..

— Тебя!..

— Меня зовутъ Настей, а ты...

— А я буду называть тебя Сусанной...

— Я не собака, а православная...

— Сусанной звали въ древности одну красавицу, не хуже тебя...

— Ты мнѣ зубы-то не заговаривай!.. Чай, я не маленькая.

Составила стаканы, собрала ложки, и подхвативъ подносъ съ самоваромъ, кокетливо задергала бедрами...

Я растворилъ фортку и выглянулъ: небо сверкало звѣздами, пахло талымъ снѣгомъ, крались въ ночной тишинѣ какіе-то шорохи и вздохи, лаяла гдѣ-то одинокая собака... Какъ-то особенно лаяла, по весеннему...

— Эхъ, весна, весна!..—прошепталъ я, затворяя форточку, и такъ сладко-сладко потянулся отъ охватившаго душу и тѣло пріятнаго безпокойства...

Евгеній Чириковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЛЕТѢВШІЯ ЛИСТЬЯ.

«Je me souviens, je me souviens
Et c'est le meilleur de mes biens»...
Paul Verlaine.

I.

Сентябрь.

Тихо. По дорогѣ поскрипываютъ возы съ сѣномъ. Ворота раскрыты. Среди сада—барскій домъ съ мезониномъ. Длинная терраса точно съ разбѣгу выскочила въ цвѣтникъ и вдругъ остановилась. Старенькое, растрепанное крыльцо... Дальше—таинственная постройка съ наглухо заколоченной дверью... Въ большой, свѣтлой прихожей, изъ которой лѣстница на чердакъ и въ мезонинъ, пахнетъ смолой, смородиннымъ листомъ и яблоками, особенно яблоками. Они лежатъ грудой на полу, въ ящикахъ, на подоконникѣ, на огромномъ ларѣ. Желтыя, красныя, зеленыя... Кое-гдѣ торчитъ обломанная вѣтка... Быстро-быстро пробѣжитъ паучекъ, прожужжитъ муха, шевельнется завернувшійся въ почернѣвшій листъ червякъ... Все говоритъ о лѣтѣ... о промелькнувшемъ лѣтѣ—золотой кленъ, и покраснѣвшая липа, и длинныя, тонкія вѣтки тополей, которыя ужъ не стоитъ подрѣзать... Кругомъ палисадника огромныя полевыя георгины... А эти пушистыя астры, лиловыя, бѣлыя, грустныя астры... Давно ли на этихъ же клумбахъ цвѣли страстныя розы! Ушло лѣто...

II.

„Тихая пристань".

Ольга Петровна имянинница. По дорогѣ за границу, къ ней заѣхала ея петербургская пріятельница Дина, счастливая Дина, за которой всѣ ухаживаютъ: знакомые, друзья, собственный мужъ

и даже собственныя дѣти. Отъ одного вида этой прелестной женской фигуры, въ элегантномъ платьѣ, въ модной, невинной прическѣ, на Ольгу Петровну повѣяло воздухомъ того круга, изъ котораго она ушла, но который не переставалъ быть «своимъ», единственнымъ «своимъ»... Такъ вдругъ захотѣлось узнать, что— тамъ... Забыли о ней... или еще помнятъ?.. Всѣ эти пустые, суетные, такіе уже далекіе... и все еще милые, прежніе, привычные люди!

Но въ домѣ цѣлый день гости. Пьютъ, ѣдятъ. Тетка мужа, вдова вице-губернатора, ужъ надулась... вѣроятно обидѣлась, что петербургская дама не обратила на нее должнаго вниманія... Говорятъ всѣ вмѣстѣ и какъ будто о разномъ, а кажется, что все о томъ же: о мужикахъ, отрубяхъ, хуторахъ, о хозяйствѣ, о губернаторѣ, о царской фамиліи...

И опять пьютъ и ѣдятъ. Ольга Петровна страшно устала отъ напряженнаго предчувствія, что гдѣ-нибудь вспыхнетъ непріятный разговоръ, а она не успѣетъ предупредить... Словно нарочно объявились Платонъ Платонычъ и Софья Платоновна,— братецъ съ сестрицей—которые сорокъ лѣтъ какъ не могутъ подѣлить свою развалившуюся усадьбу, вѣчно судятся, ко всѣмъ пристаютъ и всѣхъ, даже мѣстнаго архіерея, подозрѣваютъ въ тайномъ сочувствіи крамолѣ... Земскій начальникъ пріѣхалъ съ женой, очень молчаливой особой, у которой все было сѣренькое: платье, волосы, цвѣтъ лица, глазки... Предсѣдатель управы съ сыномъ-студентомъ. Дьяконъ привезъ трехъ дочерей. Онѣ милыя, но такія скучныя... Аптекарша съ фельдшерицей... Эти ужъ до того безтактны, что никогда нельзя угадать, гдѣ онѣ васъ подведутъ. Одно спасенье—усадить скорѣе всѣхъ за винтъ. Но къ земскому пристали съ разспросами:

— Правда ли, что помѣщикъ-радикалъ, Калининъ, хотѣлъ перестрѣлять всю прислугу?

— Ничего подобнаго,—возразилъ земскій.—Удивительно, какъ у насъ все переврутъ. Было дѣло такъ,—началъ онъ, пыхтя папиросой.—Прибѣжалъ ко мнѣ поваръ Калинина, рябой Степанъ (онъ раньше у меня служилъ).—«Такъ и такъ, говоритъ, ваше благородіе, примите мѣры, чтобы мнѣ послѣ въ отвѣтѣ не быть!» А что?.. «А то, говоритъ, что баринъ съ фершеломъ Иванъ Федотычемъ до того допились!.. Какъ бы чего не вышло...» А что-же можетъ выйти, спрашиваю. «Ужъ не знаю, какъ вамъ и доложить. Баринъ совсѣмъ себя потерялъ. Плачетъ, заливается. Вчера сталъ жаловаться фершелу — скушно молъ! А фершелъ поддакиваетъ. Скушно-съ. Баринъ ему: Тошно жить, Иванъ Фе-

дотычъ! И фершелъ тоже:—тошно-съ. А баринъ на это: Такъ давай, говоритъ, умремъ! Я возьму ножикъ, и ты возьми ножикъ. Сначала я тебя пырну, а потомъ ты меня пырнешь. Ну фершелъ тутъ мигомъ очухался, выскочилъ на кухню, да какъ зареветъ: караулъ! Мы всѣ отъ страху разбѣжались»... Каковъ анекдотъ,—самодовольно воскликнулъ земскій.

Всѣ такъ и покатывались. Дамы хохотали захлебываясь, всхлипывая, охая... Мужчины икали, кашляли, хрипѣли, задыхались. Петербургская гостья брезгливо поморщилась и съ недоумѣніемъ поглядѣла на хозяйку. Ольга Петровна покраснѣла, но ужъ остановить ничего не могла. Съ легкой руки земскаго, всѣмъ захотѣлось блеснуть умомъ и краснорѣчіемъ. Платонъ Платонычъ съ важностью повѣдалъ дьяконскимъ дочкамъ, что онъ самъ не чуждъ литературѣ и не дальше какъ зимой напечаталъ въ альманахѣ «Старый Псовикъ» полемическую статью противъ одного офицера. Платонъ Платонычъ собрался было изложить подробно свою полемику съ офицеромъ, но сестрица его, Софья Платоновна, уже много разъ слышавшая эту замѣчательную исторію, бурно поднялась со своего мѣста и опрокинула столикъ, на которомъ стояла ваза съ клубникой. Поднялась суматоха, и оскорбленный Платонъ Платонычъ, презрительно усмѣхнувшись, замолкъ. Всѣ опять принялись ѣсть и пить... Ольга Петровна, сознавъ свое безсиліе, покорилась своей судьбѣ... Точно въ полумракѣ до нея долетали язвительныя стрѣлы аптекарши, направленныя въ «высшія сферы» за то, что демьяновскіе мужики уже пропили свои «хутора» кулакамъ и пріобщились этимъ актомъ къ сельскому пролетаріату. Предсѣдатель управы, причислявшій себя къ «высшимъ сферамъ», отпарировалъ намекъ аптекарши замѣчаніемъ, что «лодыри всегда были и будутъ. И чортъ съ ними!..» Фельдшерица что-то бормотала студенту о попранныхъ женскихъ правахъ. Ольга Петровна видѣла, что Дина третъ рукой високъ, что глаза у нея стали маленькіе-маленькіе, а губы судорожно сжимаются, чтобы удержать зѣвоту. И почему-то ей это показалось очень обидно, и на сердце набѣжала холодная струйка зависти къ счастливой Динѣ, которая окружена интересными людьми, разъѣзжаетъ по Европѣ, не считая денегъ, и воображаетъ, что все это ей «надлежитъ»... Почему?!. Что въ ней такого необычайнаго?!..

Когда всѣ, наконецъ, разъѣхались и Дина, положивъ руку на плечо Ольги Петровны, съ участіемъ промолвила: Бѣдная моя Оля, какъ ты можешь жить среди этихъ мастодонтовъ?..—Ольга

Петровна, которой хотѣлось плакать и жалаваться, гордо закинула голову и воскликнула:

— Я ихъ очень люблю. Это искренніе, оригинальные люди, настоящіе люди дѣла. Бѣдная Дина! Ты ихъ не понимаешь. Ты такъ привыкла къ петербургскимъ умникамъ...

Подруги холодно поцѣловались.

Утромъ Дина уѣхала.

III.

Забытый.

Жаркій лѣтній день. Въ концѣ длинной аллеи—старая, широкая скамья съ круглой спинкой. Старый человѣкъ прислонился къ ней своей —тоже круглой—спиной. Онъ дремлетъ? Нѣтъ... Онъ закрылъ глаза, потому что ему грустно... Всѣ думаютъ, что ему больше ничего не нужно... ничего!.. кофе, газеты, книги, кресло, одѣяло... мимолетный вопросъ, поцѣлуй мимоходомъ... А ему нужно все—все!... И ласка, и смѣхъ, и бесѣда, и музыка, и сіянье дня, и кроткая тишина вечера... У него горячо бьется сердце, у него радуется и плачетъ душа.... Онъ еще есть, есть!.. а «они» всѣ думаютъ, что онъ только былъ...

IV.

Некогда.

Каждый день—съ утра и до поздней ночи—все тоже!.. тоже!.. Звонки, телефоны, полная пріемная чужихъ людей, которые, по очереди, проходятъ въ кабинетъ. Въ кабинетѣ почти всегда звучатъ два голоса. Одинъ постоянно мѣняется—сейчасъ былъ глухой, черезъ часъ будетъ звонкій, потомъ жалобный, дробный, заискивающій, потомъ опять другой, съ смѣшкомъ, жирный и все-таки заискивающій. Другой голосъ всегда одинаковый—красиваго тембра, средняго регистра, учтивый, терпѣливый, умный, осторожный, внимательный, благожелательный голосъ. Самое тонкое ухо не можетъ уловить въ этомъ голосѣ усталый или—сохрани Боже!—равнодушный звукъ... Пріемъ кончился. На порогѣ кабинета показывается жена.

— Завтракъ готовъ?—спрашиваетъ мужъ.

Жена брезгливо морщится, отгоняя волны табачнаго дыма, которыя застилаютъ кабинетъ.

— Откройте форточку и уберите окурки,—говоритъ она лакею, и обратившись къ мужу, отвѣчаетъ:—давно готовъ.

Въ столовой пріятно и свѣжо. Завтракъ вкусный. Мужъ и жена обмѣниваются фразами. У жены недовольное лицо. Ей нужно много сказать мужу, но говорить надо скоро, потому что мужу некогда! ему всегда некогда, ему въ самомъ дѣлѣ некогда!.. Она это знаетъ; она ему вѣритъ—но это-то ее больше всего возмущаетъ и раздражаетъ. Ей кажется, что изъ-за этого «некогда» уходитъ изъ жизни самое важное, самое прекрасное, самое необходимое, то, чего уже никогда и ни за что не вернешь...

— Превосходный кофе,—говоритъ мужъ, закуривая сигару.— Нигдѣ нѣтъ такого превосходнаго кофе, какъ у насъ,—говоритъ онъ, нѣжно цѣлуя руку жены и нѣжно гладя блестящую головку черной собачки...

— Ты очень занятъ сегодня?—спрашиваетъ жена.

— Очень. Сейчасъ я долженъ ѣхать на засѣданіе; въ 5 ч. совѣщаніе у меня, а вечеромъ опять засѣданіе. Да, я забылъ предупредить! сегодня у насъ обѣдаютъ Энъ-Энъ съ женой и еще Иксъ-Игрекъ-Зетъ. Такъ мнѣ съ ними возиться некогда, а за обѣдомъ все равно... Ничего, милочка,—прибавляетъ онъ съ виноватымъ видомъ, поймавъ вспыхнувшую въ глазахъ жены искру.—За то завтра, завтра!—я никого вечеромъ не буду принимать, будетъ тихо, и мы наговоримся...

Но завтра появляются экстренныя дѣла, и опять звонки, телефоны, чужіе голоса, засѣданія, совѣщанія...

— Вѣдь ты обѣщалъ,—говоритъ жена.

— Ахъ, что мнѣ дѣлать!—возражаетъ мужъ.

Мелькаютъ дни, мѣсяцы... Осень, лѣто, зима... Весна,— лѣто, осень... Выросли и ушли дѣти, ушли друзья...

— Телефоны, пріемы, засѣданія, совѣщанія... Осень, лѣто, зима... Когда же мы будемъ жить, вѣдь мы не видали жизни,— говоритъ посѣдѣвшая и постарѣвшая жена.

— Ахъ, что мнѣ дѣлать!—возражаетъ мужъ.

— Неужели все это нужно было только для того, чтобы хорошо одѣваться, хорошо ѣсть, пить, ѣздить на курорты?..

— Мы воспитали дѣтей, они не знали нужды,—защищается мужъ.

— Ахъ, лучше бы они знали нужду,—горько плачетъ жена.—Мы пропустили жизнь. Это преступленіе, понимаешь, преступленіе—пропустить жизнь!..

— Я работалъ,—говоритъ мужъ.—Я работалъ, не покладая рукъ. И вотъ награда. Милая, ты несправедлива. Люди намъ завидуютъ и много женщинъ...

— Желали бы быть на моемъ мѣстѣ,—перебиваетъ жена.—О, еще бы! вѣдь ты знаменитость! Я—жена знаменитости. Какое счастье! А я неблагодарна! я смѣю быть неблагодарна... И подумать, что есть дураки, которые намъ завидуютъ!..

Жена ошибалась. Имъ завидовали не только дураки. Имъ завидовали и умные.

V.

Лекція.

Унылая, холодная зала. Раздѣленные широкимъ проходомъ, тянутся ряды вѣнскихъ стульевъ. На голыхъ, гладкихъ, точно больничныхъ стѣнахъ—ни одной картины, ни одного портрета... Эстрада,—вѣрнѣе, опрокинутый, наскоро сколоченный ящикъ для приличія прикрытъ клеенкой. Простой столъ, простой стулъ, на столѣ графинъ съ водой и стаканъ. Передъ эстрадой, на ослабѣвшемъ шнуркѣ, болтается измятая плюшевая портьера, образуя широкую щель, сквозь которую можно видѣть какіе-то тюки и мелькающія ноги въ черныхъ брюкахъ. Публики такъ мало, что всѣ съ недоумѣніемъ и даже какъ будто съ упрекомъ поглядываютъ другъ на друга...

Двѣ барышни въ темненькихъ платьяхъ, одна хорошенькая, другая дурнушка, постепенно передвигаясь изъ послѣдняго ряда все ближе и ближе, окончательно засѣли во второй рядъ. Громкимъ полушепотомъ онѣ выражаютъ свою тревогу, что «онъ», пожалуй, не станетъ читать при пустомъ залѣ.

— Обидится и уѣдетъ,—волнуясь, предсказывала дурнушка.

— И по дѣломъ!—со вздохомъ говорила другая.—Европейская знаменитость, и никто даже не поинтересовался!.. Прямо совѣстно... Пятьдесятъ человѣкъ!.. Я сосчитала...

— Немножко онъ самъ виноватъ... Вѣдь никто не зналъ... только сегодня было объявленіе въ газетахъ,—возражала, словно оправдываясь, хорошенькая, и съ мольбой прибавила:—только бы онъ вышелъ!.. Пусть бы даже на сталъ читать, а такъ!.. сказалъ бы нѣсколько словъ... только бы посмотрѣть на него!..

Сидѣвшая въ первомъ ряду дама въ черной шляпѣ подъ вуалеткой, поднесла къ глазамъ лорнетъ и, дѣлая видъ, что

оглядываетъ залу, съ любопытствомъ посмотрѣла на барышень. Онѣ ей понравились. Она даже сдѣлала движеніе, чтобы съ ними заговорить, да побоялась ихъ спугнуть.

— Вѣдь вотъ,—думала она, прислушиваясь къ свѣжему щебетанью сосѣдокъ,—есть стало быть и здѣсь, въ этомъ глупомъ городѣ, славныя дѣвушки-энтузіастки. Кто онѣ? Откуда?... У дурнушки— какіе умные глаза, открытый лобъ... А хорошенькая—совсѣмъ ландышъ...

— Четверть десятаго,—сказала хорошенькая,—ни за что не выйдетъ!

Дама обернулась къ ней.

— А я увѣрена, что выйдетъ,—сказала она.—Онъ—воспитанный и умный человѣкъ. Онъ не захочетъ обидѣть насъ только потому, что насъ мало.

Барышни вспыхнули и такъ прижались другъ къ другу, будто ихъ поймали на мѣстѣ преступленія. Но голосъ у дамы былъ привѣтливый, слова ея были разумныя, и барышни успокоились, даже повеселѣли. Послѣ нѣкотораго молчанія, хорошенькая промолвила:

— Вы, можетъ быть, съ нимъ знакомы?

— Да, я его знаю,—сказала дама.

— Онъ должно быть страшно интересный?

Дама невольно засмѣялась.

— Не страшно, но интересный,—сказала она.—А вамъ хотѣлось бы съ нимъ познакомиться?

Дѣвушки испуганно замахали руками.

— Ни за что!.. Съ какой стати!.. Мы бы и сказать ему ничего не съумѣли... Намъ бы только поглядѣть, послушать!..

— Вы читаете его по-русски или въ нѣмецкомъ переводѣ?—спросила дама.

— Нѣтъ, мы выучились по-датски,—сказала дурнушка и начала было объяснять, какъ это просто, но въ эту минуту плюшевая занавѣска распахнулась и на эстраду взбѣжалъ тощій, смуглый старичекъ во фракѣ, на которомъ ослѣпительной, раздражающей бѣлизной вырѣзывался твердый пластронъ сорочки и пышный бѣлый цвѣтокъ въ петлицѣ. Странная, почти фантастическая фигура старичка сразу приковывала вниманіе. Его черные волосы, блестящіе какъ лакъ, казались намазанными на черепъ; печальные, огромные, черные глаза смотрѣли изъ своихъ глубокихъ впадинъ, точно изъ глубины вѣковъ; маленькое, коричневое, все въ морщинахъ лицо, темная тѣнь надъ блѣднымъ ртомъ съ всезнающей, снисходительной улыбкой муміи...

Не поклонившись публикѣ, онъ потрогалъ графинъ, переставилъ стулъ, и, закинувъ ногу на ногу, придвинулъ поближе столъ, облокотился, склонилъ усталую голову на свою изящную, сухую руку и вздохнулъ.

— Господи, что съ нимъ?—прошептала хорошенькая барышня.

Торопливо, словно судебный протоколъ, онъ сталъ излагать содержаніе одного своего романа, заявивъ, что послѣднюю главу онъ прочтетъ. Закончивъ протоколъ, онъ немного помолчалъ, затѣмъ, точно подъ властью посторонней силы, оттолкнулъ стулъ и подошелъ къ самому краю эстрады... Мумія вдругъ ожила. Передъ залой былъ не чтецъ, а актеръ. Онъ *игралъ* свой романъ. Онъ плакалъ, иронизировалъ, хохоталъ... Презрительнымъ жестомъ онъ сметалъ, какъ пыль, утонченную роскошь, среди которой умиралъ его герой, покинутый единственнымъ любимымъ существомъ. Онъ проклиналъ славу, бросался на жалкій, деревянный столъ, рыдалъ, ухватившись за убогій вѣнскій стулъ и, простирая руки, призывалъ въ неутолимой тоскѣ любовь—только любовь—ось жизни, щитъ противъ смерти... Первое впечатлѣніе было чрезвычайно непріятное. Какая-то волна враждебности прокатилась по залѣ. Эта декламація... этотъ театральный паѳосъ... Вѣдь онъ не актеръ, а писатель!.. Зачѣмъ онъ ломается!..

Но прошло нѣсколько мгновеній. Глаза присмотрѣлись къ непривычной мимикѣ, уши прислушались къ непривычной интонаціи, и нахмуренныя лица прояснились. Ему *повѣрили*, что онъ не ломается, а на самомъ дѣлѣ живетъ, плачетъ, любитъ и умираетъ, обманутый всѣмъ, чему онъ отдалъ свою душу, и *его* страданье покорило горсть чужихъ, за минуту враждебныхъ людей, собравшихся въ холодной, чужой залѣ посмотрѣть на чужого знаменитаго писателя. И когда, потрясенный, онъ крикнулъ, что герой освободился—умеръ!.. его проникновенные печальные глаза встрѣчали со всѣхъ сторонъ лишь дружелюбные взоры и взволнованныя лица, а зала гремѣла такими аплодисментами, точно она была полна несмѣтной толпой...

Два часа спустя, старичокъ, похожій на мумію, шагалъ мелкими шажками по кабинету той дамы, которая была на его лекціи. Онъ остановился передъ портретомъ Толстого.

— Какіе мы всѣ пигмеи передъ нимъ!—сказалъ онъ.—Безсмертный!.. Его власть въ томъ, что онъ никого и ничего не боялся... Я не говорю о талантѣ... Гёте былъ и есть всемірный

ґеній, но онъ былъ также и нѣмецкій Geheimrat... Одинъ Толстой даже себя не боялся. А этотъ jouisseur—(онъ показалъ тонкимъ пальцемъ на Анатоля Франса въ бронзовой рамѣ)—этотъ вольнодумецъ, этотъ энциклопедистъ, проснувшійся въ XX-омъ вѣкѣ—холоденъ, какъ ледъ... Il se fiche de tout...

Онъ сѣлъ въ кресло, опустилъ голову и замолкъ. Хозяйка поставила передъ нимъ чашку чая...

— Я такъ мечталъ о Россіи,—промолвилъ онъ тихо, словно думая вслухъ,—объ этой миѳологической странѣ, и вотъ, такой ужасный провалъ!..

— Не провалъ, а огромный успѣхъ... Вы убѣдитесь въ этомъ на второй лекціи...

— Второй лекціи не будетъ,—возразилъ онъ.—Я больше никогда сюда не пріѣду. Въ жизни ничего не надо повторять...

Хозяйка разсказала ему о барышняхъ, которыя читаютъ его по-датски, для которыхъ его пріѣздъ останется незабвеннымъ событіемъ...

Онъ встрепенулся.

— О, какъ это мило! Отчего вы мнѣ ихъ не показали? Впрочемъ, можетъ быть, вы выдумали этихъ дѣвицъ, чтобы меня утѣшить!—воскликнулъ онъ, засмѣявшись.—Такъ вѣдь я не очень огорченъ. Въ Нью-Іоркѣ, Чикаго, мнѣ помогутъ забыть русское гостепріимство.

Замѣтивъ смущеніе хозяйки, онъ вдругъ улыбнулся доброй, открытой улыбкой, отъ которой замѣтно помолодѣло его сморщенное лицо.

— Не вѣрьте мнѣ,—сказалъ онъ.—Конечно, я огорченъ, очень огорченъ. Но это такъ стыдно для человѣка, который уже 30 лѣтъ каждый день познаетъ, что все на свѣтѣ суета суетъ.

Онъ сталъ разсказывать о своей жизни, о своей юности, промчавшейся какъ весенній потокъ, о нѣжной принцессѣ Маріи, которая рвалась изъ дворца, какъ изъ тюрьмы, и добровольно ушла изъ міра съ разбитымъ сердцемъ. Онъ былъ ея другомъ... Онъ обѣщалъ положить ей въ гробъ красную розу... Онъ принесъ эту завѣтную розу съ первыми лучами солнца... Но ему сказали, что онъ пришелъ поздно, что гробъ ужъ заколоченъ. Онъ осмѣлился настаивать... Ему сказали, что онъ безумецъ... Тогда онъ ушелъ отъ знатныхъ и сильныхъ—къ бѣднякамъ и скитальцамъ. Онъ жилъ въ балаганахъ съ акробатами, клоунами, канатными плясуньями, укротителями звѣрей... Родина извергла его, какъ недостойнаго сына, а онъ такъ ее любилъ!.. несправедливую, неблагодарную, жестокую, безсовѣстную... Онъ долженъ бы ее презирать, ненави-

дѣть!.. Что значитъ,—воскликнулъ онъ со слезами въ голосѣ,—что значитъ эта вѣковѣчная загадка человѣческаго сердца—любить то, что больше всего терзаетъ.

— Но теперь вы могли бы спокойно жить на своей родинѣ. Зачѣмъ вы ѣдете въ Америку?—спросила хозяйка.

Онъ пожалъ плечами.

— Вѣроятно, чтобы умереть гдѣ-нибудь по дорогѣ,—сказалъ онъ.—Вѣдь я *обреченный*... Я послѣдній въ родѣ. Я самъ никому не далъ жизни,—въ этомъ грѣхѣ я неповиненъ! Но природа терпитъ только смиренныхъ рабовъ и лакеевъ, и мститъ гордымъ мятежникамъ. Она зажгла мою душу ненасытной жаждой любви къ людямъ. Я долженъ видѣть какъ можно больше людей. Люди, люди и опять люди... Я люблю всѣхъ людей—добрыхъ, злыхъ, красивыхъ, уродливыхъ, порочныхъ. Я преодолѣлъ *отвращеніе*, и люблю человѣка прежде всего, несмотря ни на что. Любовь—ось жизни, щитъ противъ смерти...

Онъ опустилъ глаза, словно желая скрыть горѣвшее въ нихъ пламя...

Черезъ два мѣсяца онъ умеръ въ больницѣ какого-то американскаго города.

Онъ былъ Германъ Бангъ.

VI.

Тэа.

Милая-милая дѣвочка... Я тебя любилъ... Волна тебя унесла, а меня вернула землѣ... «Мнѣ такъ весело, я такъ счастлива, что хоть сейчасъ умереть!..»—Ты воскликнула это, смѣясь и въ экстазѣ — въ экстазѣ молодости, упоенія жизнью, всепобѣдною жизнью, протянула впередъ—навстрѣчу вѣтру — свои тонкія, бѣлыя руки, тонкія и бѣлыя, какъ крылья бѣлой птицы... И волна унесла тебя... унесла такъ быстро, что въ тяжелыя, безсонныя ночи — когда я вижу твои дѣтскіе, мудрые глаза, когда я слышу твой смѣхъ, твой весенній смѣхъ—я спрашиваю свое сжатое тоской и ужасомъ сердце: можетъ, быть ея никогда не было?.. Можетъ быть—*она* была только мечта? сказка?..

Волна унесла ее, а меня вернула землѣ... Я любилъ ее... я любилъ сказку...

Р. Хинъ.

I.

ИЗЪ РАЙНЕРА-МАРІЯ РИЛЬКЕ.

Народный мотивъ.

Томимъ безконечной истомой
Богемскій, народный мотивъ.
Мечтанья нѣмыя плѣнивъ,
Лелѣетъ онъ грустью знакомой.

Дитя его тихо поетъ,
Трудясь надъ картофельной нивой,
И ночью онъ пѣсню тоскливой
Во снѣ моемъ снова встаетъ.

И если брожу, одинокій,
Вдали, на чужбинѣ—опять
Въ умѣ начинаютъ звучать
Давно позабытыя строки.

II.

CASABIANCA.

Грустить заржавленной главой
Часовенка на горныхъ склонахъ,
И какъ монахи въ капюшонахъ,
Рядъ кипарисовъ за стѣной.

Живутъ забытые святые,
Одни въ сіяньи алтаря,
Въ окно разбитое заря
Вѣнцы роняетъ золотые.

Александръ Дейчъ.

ФРАУ БЮРГЕЛИНЪ и ЕЯ СЫНОВЬЯ.

Романъ Габріэллы Рейтеръ.

(Окончаніе) [1].

XXI.

Карлъ стоялъ передъ трюмо и вставлялъ подаренныя ему матерью жемчужныя запонки въ безукоризненно-бѣлую накрахмаленную грудь фрачной сорочки. Усы его были подвиты и надушены. На немъ были лакированныя ботинки и черные шелковые чулки. На спинкѣ стула висѣлъ фракъ.

У простѣночнаго зеркала, между запыленными гардинами берлинской меблированной комнаты, торчали записки и приглашенія на всѣ вечера на двѣ недѣли впередъ.

Это былъ второй уже зимній сезонъ Карла въ Берлинѣ. Онъ все время старался совмѣстить энергическую работу со множествомъ свѣтскихъ обязанностей, къ исполненію которыхъ безпрерывно понуждала его мать. Многимъ молодымъ людямъ это далось бы безъ труда, но не Карлу съ его воспріимчивыми нервами. Вѣчное пришпориваніе и подталкиваніе издалека раздражало его больше всего. Ему было извѣстно, что мать считаетъ блажью посѣщеніе имъ художественной школы, о которомъ она все-таки узнала, и что она надѣется излѣчить его всякими развлеченіями.

И оттого онъ еще настойчивѣе преслѣдовалъ свои цѣли. Ого! онъ покажетъ ей, что не она одна унаслѣдовала упрямство англо-индійскаго дѣдушки!

---

[1]) См. сентябрь, стр. 207.

Если бы только не тратить столько силъ на эту борьбу!

— Herr Бюргелинъ, вамъ опять телеграмма!—послышался за дверью голосъ хозяйки.—А письмо въ ящикѣ вы нашли?

— Да, да, фрау Шмидтъ. Такъ, пожалуйста, не забудьте разбудить меня завтра въ семь часовъ.

Пріотворивъ слегка дверь, Карлъ взялъ телеграмму, не распечатывая ее, положилъ на столъ и надѣлъ фракъ и пальто.

Затѣмъ, уже въ шляпѣ, онъ еще постоялъ у стола, горестно глядя на голубой конвертъ. Конечно, изъ Бернгардсгаузена отъ матери.

— Лучше не портить настроенія!—сказалъ онъ вслухъ, взглянулъ на часы и вышелъ.

Шелъ снѣгъ, и онъ взялъ извозчика: невозможно явиться на вечеръ къ англійскому посланнику въ забрызганныхъ брюкахъ. Но все это ничего—если бы только не эти безумныя головныя боли! И если бы эти рауты съ музыкой и безъ нея не были такъ смертельно скучны... Вѣчно одно и то же... И вѣчно повторяется одна и та же исторія: постоянно спрашиваютъ либо его самого, либо кого-нибудь изъ присутствующихъ: при какомъ посольствѣ онъ состоитъ? Ахъ, нѣтъ? Значитъ, художникъ? Писатель? Скульпторъ?

Дамы выражали желаніе посѣтить его мастерскую. А у него никакой мастерской не было.

Ага! значитъ, просто богатый человѣкъ, диллетантъ, съ художественной маніей?

На этотъ вопросъ отвѣчали обыкновенно утвердительнымъ кивкомъ и улыбкой. И вотъ, подъ этой маркой Карлъ былъ принятъ въ салонахъ.

Женщины были, большей частью, очень милы и внимательны къ нему. Особенно любили бесѣдовать съ нимъ умныя, образованныя и не совсѣмъ молодыя барышни, которыхъ всегда такъ много въ берлинскомъ обществѣ. Если онъ встрѣчался съ такой дѣвицей, то онъ не считалъ вечеръ потеряннымъ, потому что любилъ отыскивать индивидуальность среди берлинскихъ дамъ. Онъ надѣялся, что фрейлейнъ Бундорфъ будетъ сегодня на вечерѣ—съ ней хорошо болтается! Ему только иногда приходило въ голову, что ея слѣдуетъ остерегаться: у нея были именно всѣ тѣ данныя, какихъ желала для него фрау Бюргелинъ. И навѣрное, ей уже двадцать четыре года...

Господи! ему—остепениться! Ему, стоящему на порогѣ великихъ возможностей!..

Фрейлейнъ Бундорфъ оченъ скоро подошла къ Бюргелину.

Она сначала отпустила двухъ высокихъ кавалергардовъ, кузеновъ, съ которыми болтала, а затѣмъ коротко, крѣпко пожала руку Карла.

— Были сегодня на выставкѣ у Шульте?—спросила она.

— Нѣтъ.

— Такъ сходите завтра. Обѣщайте мнѣ, что непремѣнно пойдете!

— Хорошо... но что тамъ такое?

— Одна ваша землячка выставила тамъ свои вещи...

— Швейцарка?..

— Нѣтъ. Дама изъ Бернгардсгаузена.

— Но вы знаете, что я до обѣда занятъ.

— Ахъ, ваша школа! Такъ идите послѣ обѣда.

— Тогда мнѣ надо отдохнуть.

— А я вамъ говорю, что вы должны быть завтра у Шульте.

— Я изумленъ, фрейлейнъ Бундорфъ! Вы никогда не рекомендуете ничего неинтереснаго... Но когда слышишь про даму изъ Бернгардсгаузена, то, знаете, сомнѣніе одолѣваетъ. Развѣ въ самомъ дѣлѣ интересно? Стоитъ ли оно на той же высотѣ, какъ—скажемъ—ваши собственныя акварели?

Лицо дѣвушки съ гордой, нѣсколько чопорной осанкой приняло странное, почти страдальческое, выраженіе.

Бюргелинъ наблюдалъ за ней съ удивленіемъ. Онъ не предполагалъ, чтобы въ этихъ твердыхъ чертахъ могло выражаться столько души, столько муки.

— Многое въ этихъ вещахъ—ребячество,—сказала она,— и даже досадно иногда смотрѣть. Но зато другія... У нея есть какъ разъ то, чего нѣтъ у меня... и чему нельзя выучиться. Вы не знавали Мію Вёлеръ?

— Мія... Ахъ! Я и не зналъ, что изъ нея вышла художница.

— Я одно время встрѣчала ее въ ателье Гуссова. Затѣмъ она исчезла. Говорили, что у нея нѣтъ средствъ платить за уроки. Пришлось ей работать одной. Вообще, въ ея личной жизни многое не ясно.

— Она здѣсь, въ Берлинѣ?—спросилъ Карлъ оживленно.

— Насколько я знаю, да. Злые языки говорятъ, что живетъ она съ нѣкимъ д-ромъ Фаренгорстомъ, который не мужъ ей.

Карлъ опустилъ голову и въ молчаливомъ размышленіи смотрѣлъ прямо впередъ.

— Сегодня вечеромъ она уже—знаменитость. А завтра будетъ еще больше.

— Да что вы!—разсѣянно пробормоталъ Карлъ.

Онъ думалъ о Міѣ, о своей юношеской любви и своихъ терзаніяхъ. Ея живопись въ этотъ моментъ очень мало интересовала его.

— Глупая дѣвушка! Испортила себѣ все будущее этой любовью,—сказала фрейлейнъ Бундорфъ рѣзко.—Даже обидно становится! Кто будетъ теперь приглашать ее... развѣ какіе-нибудь экзальтированные поклонники искусства.

— И вы серьезно думаете, что получать приглашеніе берлинскихъ банкировъ и тайныхъ совѣтниковъ можетъ быть счастьемъ?

— Счастьемъ? Кто же объ этомъ говоритъ! Но это все-таки необходимо.

— Можетъ быть, Мія Вёлеръ не находитъ этого.

— Вѣроятно, нѣтъ... какъ всѣ отверженные. Это исторія про лисицу и виноградъ.

Карлъ подумалъ, что фрейлейнъ Бундорфъ невыносима.

— Видите ли, я не понимаю въ васъ вотъ чего,—началъ онъ,—вы такъ колко, такъ умно критикуете смѣшныя стороны нашего общества... Какъ вы можете вмѣстѣ съ тѣмъ высоко цѣнить его?

— Я вовсе не высоко цѣню его. Но я хочу, чтобы мнѣ самой принадлежалъ выборъ: желаю ли я общенія съ нимъ или нѣтъ? Было бы невыносимо сознавать, что я не имѣю права бывать въ немъ.

— Ну, эту точку зрѣнія я допускаю. Но есть еще и другія... Завтра пойду посмотрѣть картины Міи Вёлеръ.

— Оттого, что она не принята въ обществѣ?—спросила язвительно фрейлейнъ Бундорфъ.

Карлъ кивнулъ улыбаясь.

— Именно оттого.

— Ахъ, зачѣмъ вы вѣчно разыгрываете «дикаго».

И фрейлейнъ Бундорфъ только что хотѣла съ легкимъ поклономъ, отойти отъ него, какъ Карлъ вдругъ спросилъ шепотомъ:

— Кто эта дама въ такомъ оригинальномъ платьѣ, розовомъ съ лиловымъ... И зеленое тамъ тоже есть. Но какъ прелестно это все скомбинировано и оттѣнено.

— Это парижанка.

— А-а! Ну да, конечно!

— Туалетъ-то безусловно парижскій. Въ самой дамѣ есть, насколько мнѣ извѣстно, немного креольской крови. Она здѣсь гоститъ у своей кузины, мужъ которой состоитъ при французскомъ посольствѣ. Познакомить васъ?

— Пожалуйста!

И они оба пошли, лавируя въ толпѣ, наполнявшей залъ.

— Графиня, позвольте представить вамъ monsieur Карла Бюргелина,—сказала фрейлейнъ Бундорфъ, и тотчасъ же заговорила съ кѣмъ-то изъ своихъ знакомыхъ, предоставивъ Карла его судьбѣ.

— Madame,—сказалъ Карлъ по-французски,—я долженъ сразу же признаться вамъ, что просилъ быть представленнымъ для того, чтобы имѣть возможность восхищаться вашимъ оригинальнымъ туалетомъ вблизи. Меня всегда пріятно изумляетъ, когда я вижу женщину, которая дерзаетъ одѣваться индивидуально, и у которой это выходитъ не театрально.

Графиня подняла на Карла свои смѣющіеся глаза. Хоть онъ для мужчины и не былъ особенно высокъ ростомъ, все же она была значительно ниже его. Ея поза, ея манера держать вѣеръ были восхитительны.

— Простите... но вы—художникъ или... портной?—спросила она, поддразнивая его.

— Ни то, ни другое,—отвѣтилъ Карлъ.—Я бы желалъ быть либо тѣмъ, либо другимъ. Тогда я былъ бы по крайней мѣрѣ чѣмъ-нибудь.

— О, эти нѣмцы! Каждый изъ нихъ хочетъ быть «чѣмъ-нибудь», хочетъ работать! Зачѣмъ? Вотъ я! Я—просто ничего.

— Вы?.. на васъ смотрѣть пріятно, а этого про меня, къ сожалѣнію, сказать нельзя.

— Да? Вы такъ думаете? Погодите! Мнѣ надо убѣдиться, такъ ли это?

Ея глаза остановились на его лицѣ. Карлу казалось, что цѣлый снопъ искрящихся огоньковъ зажегся въ ея карихъ зрачкахъ. Ему стало сразу весело и по-мальчишески легко, точно онъ помолодѣлъ на десять лѣтъ. Онъ съ радостнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что маленькая графиня, повидимому, считаетъ его интереснымъ и остроумнымъ и даже подозрѣваетъ въ немъ что-то необыкновенное. «Вѣроятно, эти лестныя предположенія вызвала въ ней наглость, съ которой я сразу заговорилъ объ ея платьѣ?—подумалъ онъ.—Ну, благодаря Богу и славной mademoiselle я хоть порядочно говорю по-французски».

Графиня—Карлъ даже не зналъ ея имени—попросила его проводить ее къ буфету. Тамъ ему счастливо удалось въ толкотнѣ найти свободный маленькій столикъ и раздобыть своей дамѣ икры и шампанскаго.

Очарованный, Карлъ слушалъ ея легко журчавшую, весе-

лую болтовню. Она и вправду немножко ухаживала за нимъ, какъ ухаживаютъ женщины за знаменитостями. Ахъ... въ этомъ была для него горькая сладость или сладкая горечь! Онъ самъ не зналъ, радоваться ли ему или стыдиться... И Карлъ долго смотрѣлъ на нее, смотрѣлъ взглядомъ мужчины, въ которомъ просыпаются желанія... Молодая женщина слегка наклонилась впередъ; мягкій шелкъ ея платья касался его колѣнъ, онъ вдыхалъ окружавшій ее тонкій ароматъ и, какъ сквозь сонъ, донеслись до него ея слова:

— Хотите поѣхать со мной завтра утромъ къ Шульте?.. Я слышала, тамъ есть что-то, что надо видѣть... Картины молодой дѣвушки... всѣ только и говорятъ о нихъ!

Карлъ очнулся и со страхомъ подумалъ, что пора стряхнуть съ себя чары: онъ чувствовалъ, что эта женщина непобѣдимо притягиваетъ его къ себѣ. Такъ бы и прижался головой къ ея колѣнямъ и плакалъ бы отъ желанія обнять эту очаровательно-гибкую женскую фигурку. Нужно было освободиться отъ дразняще-блаженнаго тумана.

— Графиня, я завтра утромъ занятъ, — коротко, отрывисто, почти грубо отвѣтилъ онъ.

Она съ удивленіемъ взглянула на него.

— А я думала, что вы ничѣмъ не заняты... не работаете?

— Я не работаю? Да посмотрите на мои руки!

Графиня разсмѣялась:

— Въ самомъ дѣлѣ, я вижу!

Ногти Карла были коротко обрѣзаны и испорчены глиной и углемъ.

— Eh bien, прервите завтра на нѣсколько часовъ эту... эту грязную работу!

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, я не могу.

— Даже если я васъ попрошу?

И снова въ глубинѣ карихъ зрачковъ зажегся цѣлый снопъ искрящихся огней.

Карлъ безпомощно опустилъ голову.

— Съ часу я свободенъ... Если вы можете устроиться, считаясь съ этимъ...

— Tant pis... Но вы, кажется, настоящій нѣмецкій деспотъ?

— Я былъ грубъ?

— Немножко. Mon Dieu, что дѣлать? разъ попадаешь въ страну варваровъ...

— Да, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Значитъ, завтра! Но у меня не будетъ времени переодѣться...

— О-о! это интересно! Въ какомъ же костюмѣ я васъ увижу? Можетъ быть, вы каменщикъ и придете съ постройки, забрызганный известкой? Не принести ли вамъ завтракъ въ корзиночкѣ? Вотъ было бы мило! Сознавайтесь же! Гдѣ вы будете находиться? Я заѣду за вами въ своей коляскѣ!

Она захлопала въ ладоши, какъ ребенокъ, придумавшій новую шалость.

Саркастическая усмѣшка искривила губы Карла. Онъ оперся подбородкомъ на руку и сталъ пристально всматриваться въ свою визави.

— Что за мефистофельскій видъ! Вы замышляете какое-то злое дѣяніе!

Карлъ мягко покачалъ головой:

— О нѣтъ, я бы не позволилъ себѣ... Если вамъ угодно будетъ, графиня, въ часъ подъѣхать къ Шульте, я буду счастливъ встрѣтить васъ.

— Ахъ, вы скучны...

— Скученъ, какъ этого требуетъ приличіе и хорошій тонъ.

— Я презираю хорошій тонъ и приличія. Клянусь вамъ, я ихъ ненавижу!

Карлъ улыбнулся снисходительно, недовѣрчиво, какъ улыбаются капризамъ ребенка.

Маленькая парижанка откинулась на спинку стула въ такой позѣ, которую, подумалъ Карлъ, навѣрное ввела въ моду какая-нибудь извѣстная пѣвица. Бѣлые зубки ослѣпительно сверкали въ вызывающей улыбкѣ выразительныхъ губъ.

— Вы можете, конечно, презирать свѣтскія приличія, если это вамъ доставляетъ удовольствіе,—сказалъ Карлъ съ церемонной почтительностью.—Но я бы хотѣлъ видѣть ваше лицо, если бы кто-либо въ общеніи съ вами вздумалъ пренебречь ими!

— Какого вы плохого обо мнѣ мнѣнія!

— Я считаю васъ только тѣмъ, чѣмъ вы хотите быть: безупречной свѣтской дамой. Въ васъ все— искусство, начиная отъ пробора на головѣ до пятокъ, отъ кончика маленькаго пальца до послѣдняго чувства въ сердцѣ. Горе тому глупцу, который подошелъ бы къ вамъ съ искренностью... съ какимъ-либо искреннимъ переживаніемъ...

— Какой вы странный человѣкъ! Этого мнѣ еще никто не говорилъ.

— Охотно вѣрю.

— Значитъ, вы полагаете,—задумчиво спросила маленькая графиня,—что всѣ въ отношеніяхъ со мной ненатуральны?

— Разумѣется. Будьте вполнѣ увѣрены, что вы никогда еще не видали ни одного человѣка въ его естественномъ состояніи.

— Но я бы такъ хотѣла видѣть,—прошептала она едва слышно.—Будьте вы хоть разъ естественны со мной.

— Боже меня упаси!

— Отчего вы такъ трусливы? Но если я вамъ это разрѣшаю?

— И тогда у меня не хватитъ мужества.

— Я приняла васъ за нѣчто болѣе...

Карлъ улыбнулся...

— Я бы не хотѣлъ, чтобы вы уже черезъ полчаса почувствовали ко мнѣ ужасъ и отвращеніе.

Шелкъ ея платья мягко зашуршалъ близъ его колѣнъ. Онъ видѣлъ, какъ дрожь пробѣжала по тѣлу молодой женщины. И въ теченіе одного мгновенья онъ не видѣлъ ничего: передъ его глазами плясалъ дикій хороводъ искрящихся огоньковъ изъ ея глазъ.

Они сидѣли одни, за маленькимъ столикомъ, точно на уединенномъ островѣ. Нарядная толпа, шумя, окружала ихъ, какъ набѣгающее волнами море.

— Значитъ, завтра въ часъ у Шульте?—спросилъ, наконецъ, Бюргелинъ коротко, хрипло.

Она утвердительно кивнула головой.

— А, вотъ идетъ мужъ моей кузины! Онъ ищетъ меня. Позвольте познакомить васъ!

— Я уже имѣлъ удовольствіе.

Карлъ и де-Нозайлль подали другъ другу руки.

— Вы хотѣли ѣхать вмѣстѣ съ нами, Віолетта? — спросилъ французъ.

— Да, я уговорилась съ Клэръ. Au revoir, monsieur!

— Madame.

Карлъ поклонился.

Его взглядъ слѣдилъ за ней, пока она съ свойственной ей пикантной граціей пробиралась среди стоявшихъ среди залы группъ. Вдругъ онъ потерялъ ее изъ виду: точно она растаяла среди эффектной, яркой толпы.

Онъ поѣхалъ домой.

XXII.

Искристый морозно-бѣлый день. Ясное и голубое небо надъ льдистыми кружевами «Линъ»; шумная толпа на панеляхъ. Карлъ, очень корректно одѣтый, стоялъ передъ художественнымъ

магазиномъ Шульте и наблюдалъ за подъѣзжавшими экипажами. Онъ не пошелъ на работу, хорошо выспался и выглядѣлъ свѣжимъ; даже краска появилась у него на щекахъ, и это къ нему чрезвычайно шло.

Графиня, конечно, заставляла себя ждать. Карлъ началъ зябнуть и вошелъ въ помѣщеніе выставки. Любопытно было видѣть, что могла создать Мія. Милая Мія... Какъ далеко отошло воспоминаніе о ней... И все-таки чувство, которое когда-то было у него къ ней—самое прекрасное, что дала ему жизнь до сихъ поръ. И вотъ теперь, только теперь ему дано заглянуть въ ея душу, которая тогда была такъ упорно закрыта для него... Но теперь въ немъ почти не осталось къ ней интереса.

Однако, когда Карлъ оглядѣлся въ залѣ, онъ почувствовалъ себя во власти настоящаго, сильнаго очарованія. Да, это не были обыкновенные Nature morte: это были со вкусомъ подобранные букеты и пучки цвѣтовъ въ бронзовой вазѣ или высокомъ зеленомъ стаканѣ... Тутъ были удивительно простые мотивы: высокій синій колокольчикъ поднималъ головку изъ переплетшихся зарослей; лѣсная полянка, освѣщенная луной, съ двумя фантастическими бѣлыми цвѣтками, въ нѣжномъ томленіи стремящимися другъ къ другу; пѣнящійся мутно-зеленый ручей, по которому, вздрагивая, плыветъ цвѣтущій, блѣдно-красный кустъ тамариска...

Въ каждомъ маленькомъ этюдѣ раскрывалась тайная жизнь растеній, ихъ хрупкое, своеобразное существованіе, котораго люди не видятъ, не замѣчаютъ, не понимаютъ. И въ каждомъ этюдикѣ была она, была Мія... Многое было достигнуто чисто дѣтскими средствами... многое проведено съ безсознательной силой выраженія... кое-что возникло изъ интуитивнаго ощущенія утонченнѣйшихъ эффектовъ, кое-что преувеличено и неудачно. Но въ цѣломъ, въ общемъ, выставленные двадцать этюдовъ и картинъ Міи выражали индивидуальность, которую нельзя было забыть, однажды ознакомившись съ нею. И кто могъ понять ее лучше, чѣмъ Карлъ? Стиснувъ зубы, онъ ходилъ отъ одного полотна къ другому. Лицо его поблѣднѣло отъ внутренняго волненія. Мія достигла того, что все еще недосягаемой, дивной мечтой носилось передъ нимъ, чѣмъ онъ въ праздные часы баюкалъ свое дѣтски-пламенное воображеніе.

Какая воля! какая сила! Чистая, несломленная, цѣльная душа сквозила въ этихъ произведеніяхъ. Какъ ясно все должно быть внутри, чтобы можно было *такъ* подслушать тайную жизнь природы, *такъ* пить изъ ея источника.

Онъ, Карлъ Бюргелинъ, стремился, правда, къ другому. Но все же... Мія достигла того, чего хотѣла.

Счастливая! Въ сердцѣ его зажглась зависть. Онъ почувствовалъ жаркое, неистовое стремленіе къ своему любимому дѣлу, къ дѣлу своей жизни.

Работать... творить... создавать... Сдѣлаться художникомъ. Имѣть имя! Эта дѣвушка опередила его... Она незамѣтно, тихими шагами, въ тихой работѣ, прошла мимо него... Мія! Онъ ненавидѣлъ ее, восхищался ею, завидовалъ ей!... О, какъ терзала его зависть!

Воздушные замки его грезъ встали передъ нимъ во всемъ своемъ огромномъ, устрашающемъ великолѣпіи... Въ груди у него ныло, горло пересохло, глаза горѣли. Теперь ему не до болтовни. Только бы теперь не видѣть этой графини! Онъ почти ненавидѣлъ ее за то, что она отвлекла его отъ работы—отъ трудной, скучной работы начинающаго, для которой ему приходилось каждое утро взвинчивать себя, разжигая свое честолюбіе.

Весь уйдя въ глубокіе, тяжелые сны, Карлъ оставилъ выставку и пошелъ внизъ по «Unter den Linden». Вдругъ экипажъ графини Віолетты проѣхалъ мимо. Она поспѣшно велѣла кучеру остановиться. Карлу ничего не оставалось, какъ подойти и раскланяться.

«Чортъ побери! отчего я не свернулъ въ боковую улицу!»—думалъ онъ при этомъ. Вся радость находиться вблизи этой прелестной женщины покинула его. Но она еще не замѣчала этого. Она такъ рада была, что удалось встрѣтить его, послѣ того, какъ такъ долго заставила его напрасно ждать ее...

— Вы, конечно, давно уже обошли выставку?

— О, да,

— Ну, что?

— Посмотрѣть стоитъ. Только не знаю, понятно ли вамъ будетъ... Это искусство такое типично-нѣмецкое... Такое своеобразное... Простите меня, графиня... Считайте меня грубымъ медвѣдемъ, но пожалуйста посмотрите картины одни, а меня отпустите. Я сегодня не гожусь для общества.

— И не думаю отпускать васъ. Наоборотъ, я хочу просить васъ позавтракать потомъ у меня. Вы вѣдь не захотите испортить мнѣ удовольствіе? Вы не настолько жестоки, правда? Такая скука—ѣсть всегда одной...

Ея глаза манили и молили.

— Графиня, я сегодня не любезенъ. Вы сами видите...

— Eh bien, разрѣшаю вамъ быть нелюбезнымъ. Художникамъ прощается дурное настроеніе.

— Я вѣдь вовсе не художникъ.

Она улыбнулась тонкой, понимающей улыбкой. И благодаря этой улыбкѣ она опять понравилась Карлу. Да и очарованіе ея физической близости снова оказывало дѣйствіе.

Онъ открылъ дверцу, сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ съ ней назадъ къ Шульте.

Какъ она лежала въ экипажѣ, откинувшись на подушки! Какъ очаровательна была ея тонкая фигурка и всегда неожиданныя, иногда своеобразныя движенія!..

Передъ картинами Міи Карлъ молчалъ.

Графиня разсматривала ихъ внимательнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Вы правы, — сказала она задумчиво, — эта простота мнѣ не совсѣмъ понятна. Многое тутъ кажется мнѣ прямо убогимъ. Но все-таки я вижу, что это—искусство... Знаете: для меня нѣмецкая дѣвушка непостижима. Для меня, воспитывавшейся въ монастырѣ, начавшей жить только женщиной, непонятно, какъ можно быть невинной дѣвушкой и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сильно чувствовать.

— Видите ли,—сказалъ медленно Карлъ,—художницу эту врядъ ли можно назвать дѣвушкой въ томъ смыслѣ, какой вы придаете этому слову.

— Вотъ какъ?—протянула графиня, плутовски подмигивая глазами.—И такія вещи случаются въ Германіи?

— Случаются,—отвѣтилъ Карлъ, слегка подсмѣиваясь надъ ея удовольствіемъ по поводу пикантнаго оборота разговора.

Графиня продолжала говорить разныя рискованныя вещи, съ беззаботностью маленькой пестрой птички, щебечущей свою пѣсенку.

На ней былъ опять удивительный туалетъ шелковый, цвѣта стали, отдѣланный золотой вышивкой и темнымъ мѣхомъ, привлекавшій къ ней всѣ взоры и облегавшій стройную фигуру, точно блестящая чешуя тоненькой змѣйки.

Съ выставки графиня Віолетта повезла Карла къ себѣ. Она наняла на время своего берлинскаго пребыванія нѣсколько комнатъ въ элегантномъ Hôtel garni и украсила ихъ своими шелковыми подушками, фотографіями, мелочами и книгами, которыя избалованныя женщины всюду возятъ съ собой.

Здѣсь имъ поданъ былъ завтракъ. Затѣмъ графиня велѣла принести кофе и предложила Бюргелину папиросы. Она усѣлась на широкой кушеткѣ среди комнаты и тоже закурила.

— Знаете, я сегодня разочаровалась въ васъ! — сказала она тихо.

— Я знаю, — отвѣтилъ спокойно Карлъ. — Меня даже за столомъ поражало, съ какимъ терпѣніемъ вы переносили мою мрачную разсѣянность. Я не думалъ, что вы можете быть такъ кротки... Тѣмъ не менѣе вины за собой я не чувствую: я предупредилъ васъ. Но вы, съ чисто женскимъ упорствомъ, хотѣли настоять на своемъ. И такъ какъ общественныя условности требуютъ, чтобы мужчина казался осчастливленнымъ, если дама приглашаетъ его къ себѣ, то мнѣ не оставалось ничего иного, какъ...

— Вы, однако, своеобразный святой...

— Вотъ видите, до чего дошло! Считаютъ тебя страннымъ, если только ты хоть въ мысляхъ или на словахъ протестуешь противъ невыносимаго гнета условностей, отъ котораго стонутъ всѣ... А мнѣ представляется такой красивый идеалъ жизни! И, я думаю, было бы вовсе не такъ трудно провести его въ дѣйствительность, если бы только мы всѣ захотѣли освободиться и жить по своему. Тогда счастье, которое одинъ человѣкъ можетъ подарить другому, было бы цѣннѣе — безъ лжи, безъ иллюзій. Тогда было бы спокойствіе для работы и не приходилось бы терзать другъ другу нервы всякими деспотическими «такъ принято». Тогда только могли бы возникнуть новыя оригинальныя формы общественности. Но вы, женщины... къ вамъ и не подходи съ самой простой новой идеей! Сейчасъ возмущеніе, протесты. Вамъ хочется оставаться въ старомъ, лживомъ мірѣ, гдѣ все фальшиво и театрально. Вы не выносите свѣжаго воздуха. Отъ него вы сейчасъ же схватываете простуду...

— А вы не думаете, что въ этомъ немного виноваты сами мужчины? Они не очень-то склонны къ тому, чтобы мы, какъ вы говорите, дышали и двигались на свѣжемъ воздухѣ. Признаюсь, мнѣ еще никогда не приходилось встрѣтиться съ мужчиной, который предложилъ бы оригинальную манеру жить. А это было бы пріятное новое ощущеніе!..

Графиня вскинула на Карла свои красивые глаза съ выраженіемъ любопытства и ожиданія.

— Часто до того невыносимо скучно дѣлается жить... вставать утромъ, одѣваться, ѣхать съ визитами... Oh, mon Dieu, вѣчно одно и то же, съ тѣхъ поръ какъ я вышла замужъ.

— Я думаю! — сказалъ Бюргелинъ. — Ахъ, у меня есть прекрасныя мечты о будущемъ. Я не хочу погубить свою жизнь. Я хочу устроить ее по своему, а не такъ, какъ желаютъ другіе. Я съ радостью думаю о будущемъ.

— И вы такой эгоистъ, что не хотите посвятить меня въ

свои мечты?—спросила молодая женщина. Въ голосѣ ея звучала печаль.

Бюргелинъ пытливо взглянулъ на нее, затѣмъ взялъ ея руку и тихо, нѣжно поцѣловалъ ее.

— Оставайтесь тѣмъ, что вы есть, графиня,—сказалъ онъ мягко.—Такъ хорошо.

Онъ продолжалъ держать ея руку въ своей. Теперь онъ крѣпко пожалъ ее. Кольца впились въ ея тонкую кожу. Ей стало больно: глаза ея наполнились слезами.

— Теперь мнѣ надо уходить,—сказалъ Карлъ и всталъ.

— Когда мы увидимся опять?—спросила она.

— Вѣроятно... очень нескоро...

— О-о-о! почему же?

— Графиня, это невозможно. Я знаю напередъ, что̀ бы произошло.

— А что̀ бы произошло?—спросила она, опустивъ вѣки съ наивно-хитрымъ лицомъ маленькой пансіонерки.

— Вы были бы милы и добры ко мнѣ и за это вы, какъ всѣ женщины, потребовали бы отъ меня тысячи мелкихъ услугъ... Конечно, я оказалъ бы ихъ съ величайшей радостью. Но передо мной лежитъ тяжелая жизненная борьба. Передо мною цѣль, и я не хочу измѣнить этой цѣли... Я не могу приходить къ вамъ тогда, когда вы этого желаете, не могу выѣзжать съ вами, когда вамъ хочется... Это сердило бы васъ, мы бы ссорились. А теперь вашъ образъ останется у меня въ памяти прелестнымъ воспоминаніемъ. Увѣряю васъ, у меня нѣтъ свободнаго времени — такъ много моя мать навязала мнѣ свѣтскихъ обязанностей... День мнѣ нуженъ для работы...

— А если бы я обѣщала вамъ, что со мной вы свободны отъ условностей, что вы можете быть вполнѣ естественны... Это не могло бы соблазнить васъ?

— Если бы я вамъ повѣрилъ... Но я остерегусь повѣрить вамъ.

— Это оскорбленіе!

— Вы сами вызвали его. Зачѣмъ вы говорите такія дразнящія вещи, которыхъ, собственно, и не думаете. Благодарите Создателя, что я не отношусь серьезно къ вашимъ фантастическимъ идеямъ.

— Но я влюблена въ свою идею!—воскликнула графиня, и въ ея глазахъ вспыхнули задорные огоньки, которые кружили Карлу голову.

Она храбро посмотрѣла ему въ глаза.

— Мнѣ надоѣли мужчины, которые лгутъ и обманываютъ насъ глупыми, сладкими словами. Я бы хотѣла—ну, хоть недѣлю—имѣть друга, который говорилъ бы мнѣ правду, только одну правду. Слышите? Мнѣ это такъ интересно... Какъ звучитъ правда?.. Только недѣлю...

— Только недѣлю,—повторилъ Карлъ юмористически.— Отчего въ концѣ концовъ и не попробовать?

Графиня протянула ему руку.

— Давайте, заключимъ договоръ! Будьте самимъ собой. Я хочу видѣть мужчину такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не такимъ, какимъ онъ хочетъ казаться.

Карлъ громко разсмѣялся.

— Какое вы курьезное маленькое созданіе!

— Смѣйтесь надо мной! Ничего. Я не обижусь.

— Вы не знаете, на что вы идете! Вѣдь вы добровольно разрушаете защитную стѣну, которою обычаи формальной вѣжливости обносятъ женщину.

— Я думаю, что съ вами можно на многое рѣшиться!

— Нѣтъ, позвольте. Этому прекрасному заблужденію надо сейчасъ же положить конецъ. Если вы хотите правды во что бы то ни стало, то я и буду вести себя такъ, какъ я вправду настроенъ въ каждый данный моментъ. При этомъ вамъ придется быть можетъ пережить кое-что, что глубоко васъ разочаруетъ. Можетъ быть, я скажу вамъ вещи, которыя очень задѣнутъ васъ.

Графиня покачала головой.

— Я уже замѣтила, что вы очень искренни. Я люблю это. Ахъ, довольно оговорокъ и колебаній, бросьте вашъ добросовѣстный нѣмецкій педантизмъ! Я думала, что художники всегда готовы ко всякимъ безумнымъ экспериментамъ.

— Графиня, я долженъ преподнести вамъ первое разочарованіе. Я еще не художникъ. Я всего только—ученикъ художественно-промышленной школы. Знаете ли, что это такое?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ. Я каждое утро хожу въ школу, гдѣ молодые ремесленники обучаются профессіональному рисованію, рѣзьбѣ, лѣпкѣ. Замѣтьте—это не академія! Люди, съ которыми я сижу на одной скамьѣ, будутъ впослѣдствіи столярами, граверами, ювелирами. Свѣтскаго воспитанія у нихъ ни на грошъ. И преподаватели тоже простые люди, не джентльмэны.

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?—спросила Віолетта, пристально устремивъ взглядъ на Карла.

— Это не легко объяснить. Видите ли, я хочу спеціализи-

роваться на эскизахъ для художественныхъ предметовъ. А для этого академическая выучка, на мой взглядъ, не годится.

— Ага! вы хотите, значитъ, пройти путь обратный тому, который продѣлалъ нашъ извѣстный скульпторъ Карріе: онъ началъ съ колоссальныхъ произведеній, а закончилъ созданіемъ восхитительныхъ вазъ и кувшиновъ. А у васъ будутъ сначала вазы и кувшины, а потомъ большія произведенія—не такъ ли?

— Графиня, какъ вы мило это сказали!

— Я въ васъ вѣрю.

Онъ опять взялъ ея руку и прижался губами къ тонкой прохладной кожѣ—ему трудно было оторваться.

— Ну, я долженъ итти, а то, пожалуй, буду способенъ на глупости, за которыя не могу отвѣчать.

— Я беру на себя отвѣтственность,—прошептала она тихо и быстро.

— Если бы только имѣть время для любви!—сказалъ Карлъ, взволнованный, крѣпко сжимая ея руку въ своей.

— Развѣ я требую любви? Я хочу только вашей дружбы. Помогите мнѣ выбраться изъ этой прѣсной, однообразной жизни!—восклинула она энергично и топнула ногой.—Я чувствую, во мнѣ есть что-то, что томится жаждой и голодомъ.

— Именно. Мнѣ такъ и казалось. И оттого-то я и... боюсь. Если бы вы были только обыкновенной свѣтской дамой, экспериментъ былъ бы далеко не такъ опасенъ.

— Опасенъ? Я не понимаю васъ.

— Тѣмъ лучше!

— Eh bien?

— Хотите подъѣхать завтра утромъ къ школѣ и взять меня съ собой кататься, какъ я есть, въ рабочей курткѣ? Времени переодѣться у меня не будетъ.

Віолетта радостно разсмѣялась: она видѣла, что онъ поддается ея капризу.

Карлъ наблюдалъ за ней украдкой. Она страшно заинтересовала его. Какой огонь, какая жизнь въ этомъ хрупкомъ, изнѣженномъ существѣ! Какая жажда необычайнаго!.. Ему хотѣлось серьезно устроить ей испытаніе. Жестокое удовольствіе щекотало его нервы.

— А вы отдаете себѣ отчетъ въ томъ,—спросилъ онъ,—что наши отношенія складываются такъ, какъ никогда не бываетъ въ нашемъ кругѣ между дамой и мужчиной?

— Конечно! Иначе какой былъ бы интересъ?

— A la bonne heure! Но—недѣлю, и ни одного дня больше! Вы согласны?

Она подала ему обѣ руки, и онъ сердечно пожалъ ихъ.

— Итакъ... всего хорошаго до завтра!

Карлъ стремительно выбѣжалъ изъ комнаты.

Віолетта была нѣсколько озадачена. Она безпокойно походила по комнатѣ, подошла къ окну и стала смотрѣть на улицу. Вонъ прошелъ Бюргелинъ. Да—это онъ!

Какой странный человѣкъ! Такого ей еще никогда не приходилось встрѣчать.

Она позвонила горничной, перешла въ свою спальню и велѣла подать себѣ легкое, свободное tea-gown. Затѣмъ она легла на кушетку и попробовала читать, но скоро нетерпѣливо швырнула книгу на полъ, подперла голову рукой, подсунула себѣ за спину еще одну шелковую подушку и стала мечтать, съ легкой улыбкой на губахъ.

Короткій зимній день угасалъ. Віолетта стала размышлять, что́ ей дѣлать вечеромъ? Поѣхать къ кузинѣ? Но ея, навѣрное, не будетъ дома. Въ театръ? Ахъ, она такъ мало понимала понѣмецки, и такъ трудно было услѣдить за тѣмъ, что́ дѣлается на сценѣ. Да и не хотѣлось. Отчего Бюргелинъ не остался и не повезъ ее въ циркъ? Въ сущности, грубо было сбѣжать такъ внезапно. Но въ немъ есть что-то такое... что? Красивымъ его назвать нельзя, элегантнымъ тоже не совсѣмъ. Его руки... фу,—какія волосатыя!..

Віолетта успѣла уже освѣдомиться наканунѣ и знала, что Бюргелинъ совершенно неизвѣстенъ. Но эти нѣмцы!.. Развѣ они понимаютъ, что́ такое высшая культура. Это въ всякомъ случаѣ человѣкъ недюжинный. А все-таки надо держать съ нимъ ухо востро.

Какъ быстро темнѣетъ! Віолеттѣ стало грустно въ сѣрыхъ сумеркахъ. Она поднялась, подошла къ печкѣ, расшевелила огонь въ каминообразномъ отверстіи и стала задумчиво глядѣть на синіе огоньки, прыгавшіе по краснымъ углямъ.

Въ корридорѣ вдоль ея комнатъ послышались шаги. Они приближались. Віолетта устало-мечтательно потянулась.

Вдругъ дверь отворилась. Вошелъ Бюргелинъ.

— Ахъ. Это вы?

— Да, я. Сегодня все-таки не удалось...

Онъ тихо засмѣялся.

И вдругъ, не говоря больше ни слова, онъ обвилъ ее руками, прижался губами къ ея губамъ и сталъ цѣловать жадно, изступленно...

Она пыталась вырваться, пыталась оттолкнуть его, упираясь въ его грудь руками.

— Не надо, не теперь, — бормотала она, задыхаясь. — Могутъ войти. Оставь меня!

— Никто не войдетъ, — шепталъ онъ. — Чудная! Чудная!

Онъ боролся съ ней, прижимая ее къ себѣ такъ крѣпко, что у нея захватывало духъ.

— Ты должна, ты должна! — шепталъ онъ, одурманенный ароматомъ ея волосъ.

Она, какъ змѣя, ускользала отъ него, но, наконецъ, онъ поднялъ ее, посадилъ къ себѣ на колѣни и спряталъ свое пылающее лицо у нея на груди. Тогда она обвила его руками и шепнула, склонясь къ нему:

— Je t'aime! oh, je t'aime!

XXIII.

На слѣдующее утро экипажъ графини Віолетты остановился у художественной школы. Она сквозь вуаль разсматривала молодыхъ людей въ грубыхъ сапогахъ, которые, толкаясь и спѣша, высыпали изъ дверей, перекликаясь между собой. Вышелъ Карлъ въ сѣро-зеленой курткѣ, въ потрепанной мягкой шляпѣ и подошелъ къ экипажу.

— Ужасъ! какимъ вы дикаремъ!

Но ея глаза сказали ему, что онъ и въ такомъ видѣ нравится ей.

Они поѣхали въ Тиргартенъ. Все сверкало инеемъ. Тихія, бѣлыя, завороженныя дороги разстилались передъ ними. Карлу хотѣлось побродить здѣсь, но онъ зналъ, что это не во вкусѣ Віолетты: она уже поеживалась и, вздрагивая, куталась въ свои мѣха. Онъ нашелъ ея руку и нѣжно пожалъ ее, но молчалъ. Она замѣтила, что онъ не въ духѣ. Это огорчило Віолетту. Она ожидала встрѣтить его сегодня пьянымъ отъ счастья, а онъ... И она намекнула ему на это.

— Опьяненіе проходитъ, и на другое утро отъ него остается только одна муть, — отвѣтилъ онъ сухо. — У меня голова болитъ.

Онъ не чувствовалъ потребности разсказать ей, что вчера, вернувшись отъ нея, засталъ дома три письма: одно отъ матери, другое отъ mademoiselle и третье отъ Діониса, въ которыхъ его, какъ гимназиста, укоряли за то, что онъ уже нѣсколько дней ничего не сообщаетъ о себѣ. Желаніе матери даже

издали водить его на веревочкѣ, контролировать до мельчайшихъ подробностей всѣ его поступки, становилось ему день ото дня невыносимѣе.

Онъ и самъ себѣ повторялъ, и mademoiselle съ Діонисомъ убѣждали его въ томъ, что мать его слѣдуетъ пожалѣть, что она оторвана отъ общественной и дѣятельной жизни, что вслѣдствіе этого она томится душевнымъ безпокойствомъ,своеобразная жажда дѣятельности все больше овладѣваетъ ею и принимаетъ почти болѣзненныя формы.

Карлъ подсмѣивался внутренно надъ самимъ собой: здѣсь онъ стремился осуществить свой идеалъ любви на основѣ безпощадной, голой правды—а тамъ вынужденъ былъ каждый день посылать домой вымученные, сочиненные и искусственные отчеты.

Отчего, чортъ возьми, цѣлый годъ нельзя было сказать матери, что онъ посѣщаетъ художественно-промышленную школу и сидитъ на одной скамьѣ съ простыми парнями, на пять-шесть лѣтъ моложе его. Зачѣмъ надо скрывать это, точно государственное преступленіе, пока въ концѣ концовъ все таки все откроется? Пусть поволнуется, пусть нѣсколько дней не ѣстъ. Ему-то какое дѣло?..

Но бѣда въ томъ, что въ такихъ случаяхъ она сейчасъ серьезно заболѣваетъ... И потомъ онъ зависитъ отъ нея—безнадежно зависитъ!.. Чтобы онъ могъ осуществить задуманное, эта зависимость должна еще продолжаться много лѣтъ.

И каждый разъ она повторяла ему съ холодной, насмѣшливой жестокостью: «женись на фрейлейнъ Бундорфъ! у нея хорошее состояніе. Тогда ты будешь самостоятеленъ и можешь дѣлать, что захочешь».

Какъ въ этой борьбѣ поднимается все низкое, злое и ядовитое въ человѣческомъ сердцѣ. Всѣ свойства большихъ и малыхъ деспотовъ, царей и монаховъ, учителей и родителей, полицейскихъ и тюремщиковъ, которыми они отъ вѣка терзаютъ подчиненныхъ имъ людей— всѣ эти свойства все яснѣе, все уродливѣе проявлялись у фрау Бюргелинъ. Тѣмъ величественнѣе вырисовывался передъ Карломъ ея образъ въ прошломъ, когда она смѣло сбросила иго, чтобы собственными силами устроить свою жизнь.

Что заставляетъ едва освободившагося человѣка становиться тираномъ, вмѣсто того чтобы уважать и въ другихъ съ такимъ трудомъ завоеванную свободу? Таковъ былъ бракъ его родителей: это была яростная борьба за господство веденная двумя страстными натурами. Матери никогда и въ голову не приходило жела-

ніе быть другомъ своего мужа. Она должна была царить, повелѣвать, и власть ея въ семьѣ должна была быть неограниченной...

Но отецъ вышелъ неожиданно побѣдителемъ; онъ просто отказался отъ борьбы и тихо, безъ спора ушелъ изъ-подъ ея власти.

Карлъ уже нѣсколько лѣтъ не видалъ отца, но бывали минуты, когда онъ вполнѣ понималъ его и ощущалъ къ нему острый интересъ, смѣшанный съ почтеніемъ. Въ эти минуты онъ чувствовалъ въ себѣ его плоть и кровь... Женственная потребность въ ласкѣ, бывшая въ его натурѣ, отступала назадъ, и Карлъ чувствовалъ себя вполнѣ мужчиной, презирающимъ женщинъ... почти ненавидящимъ ихъ.

Въ это утро Карлъ былъ именно такъ настроенъ. Онъ смотрѣлъ на молодую женщину, сидѣвшую рядомъ съ нимъ, и удивлялся, до чего онъ равнодушенъ къ ея близости, къ запаху и теплотѣ ея тѣла, которые вчера чуть не свели его съ ума. Цѣлыхъ полчаса онъ уже сидитъ молча, весь уйдя въ свои мысли, и даже забылъ объ ея присутствіи... Вчерашній хмѣль разсѣялся, и теперь онъ ощущалъ жестокое удовлетвореніе въ томъ, чтобы дать почувствовать Віолеттѣ свою холодность, свое тайное презрѣніе. Пріятно было выместить на другой женщинѣ тираннію и мучительство матери! Онъ все еще молчалъ, но теперь уже не безсознательно: онъ наблюдалъ.

Віолетта сидѣла въ одной изъ своихъ очаровательныхъ позъ, вложивъ руки въ темную мѣховую муфту. На ея живомъ личикѣ отражалась злоба, нетерпѣніе, обида на его равнодушіе. Большіе, страстные глаза влажно блестѣли, зубы покусывали нижнюю губу.

«Ей сейчасъ хочется ударить меня въ лицо, — подумалъ Карлъ.—Если бы я долженъ былъ на ней жениться, какое было бы несчастное положеніе!»

— Вотъ видишь, Віолетта,—сказалъ онъ тихо,—какъ обстоитъ дѣло. Сегодня утромъ я ничего не чувствую къ тебѣ; я не скрываю этого, и ты оскорблена.

Изъ ея горла вырвалось рыданіе. Она отвернула голову. Слезы катились подъ вуалью. Карлу стало все таки жаль ее. Онъ взялъ ея руку.

— Будь же благоразумна, Віолетта, — сказалъ онъ. — Ты хотѣла этого. Ты вѣдь умна, и сама понимаешь, что мужчина не можетъ все время горѣть пламенемъ страсти.

Она быстро подавила слезы и теперь обрушилась на Карла стремительнымъ, чисто французскимъ потокомъ упрековъ и увѣреній въ любви. И вдругъ, среди негодующихъ рѣчей, звонко

разсмѣялась надъ его мрачнымъ, нахмуреннымъ лицомъ. Миръ былъ заключенъ. Они стали оживленно болтать.

Вечеромъ Карлъ повезъ Віолетту въ театръ. Послѣ спектакля она поднялась къ нему наверхъ въ его студенческую комнату.

— О, Боже мой, я, какъ гризетка! — шептала она, смѣясь и радуясь. Они шалили и дурачились, а поздно ночью Карлъ отвезъ ее домой и еще въ экипажѣ не переставалъ цѣловать и дразнить ее.

Карлу доставляло тонкое наслажденіе присутствовать въ будуарѣ Віолетты, когда ее причесывала камеристка. Вначалѣ она отказывалась впускать его во время этого священнодѣйствія. Но онъ осмѣялъ ее и добился права входа. Камеристка была очень миленькая и вполнѣ подходила къ своей госпожѣ. Иногда Карлъ дурачился и пряталъ пудреницу или гребень, и поднималась возня; иногда же онъ сидѣлъ на табуретѣ, опираясь локтемъ на колѣно, и съ тайнымъ удовольствіемъ наблюдалъ обѣихъ женщинъ, не пропуская ни одного ихъ движенія. Подчасъ онѣ составляли такую граціозную пластическую группу, что онъ украдкой вынималъ свою тетрадку и пытался набросать кое-что себѣ на память. Его восхищала роскошь и элегантность всего туалета свѣтской женщины—тонкія кружева, мягкій шелкъ, умывальныя принадлежности изъ черепахи, серебра и севрскаго фарфора, и вся теплая, ароматная, сладостно-интимная атмосфера маленькаго будуара. Его здѣсь каждый разъ охватывалъ пріятный дурманъ духовъ и запаховъ, струившихся отовсюду.

Но случалось также, что вдругъ Карлъ, къ величайшей потѣхѣ и барыни, и камеристки, произносилъ цѣлую серьезную тираду по поводу ненужности косметики и вреда современнаго дамскаго туалета. Онъ начиналъ энергично настаивать, чтобы Віолетта перестала пудриться, сожгла свои атласные корсеты, ложилась бы спать въ десять часовъ, вставала въ шесть и, вообще, начала бы вести здоровую, нормальную жизнь. Это предложеніе казалось ей всегда верхомъ комизма, и даже камеристка позволяла себѣ хихикать украдкой.

Ахъ, эти нѣмцы!..

Однажды, когда горничная на минутку вышла изъ комнаты, Карлъ обнялъ Віолетту и серьезно спросилъ ее:

— А если бы я потребовалъ, чтобы ты изъ любви ко мнѣ измѣнила свои привычки—ты и тогда бы не сдѣлала этого?

— Глупенькій мой! — сказала она,—но тогда бы я перестала тебѣ нравиться. Вѣдь, увлекся ты мною такой, какъ я есть. От-

чего же ты не влюбился въ одну изъ вашихъ большихъ, здоровыхъ нѣмецкихъ дѣвушекъ въ ужасныхъ кожаныхъ сапогахъ?

Бюргелинъ разсмѣялся и поцѣловалъ ее въ шею; она взъерошила ему волосы и сердито посмотрѣла на него. Онъ разсмѣялся еще сильнѣе, такъ громко, что ей показалось даже почти обиднымъ, такъ какъ для смѣха не было достаточно основанія. Затѣмъ онъ посадилъ ее на стулъ, сталъ передъ ней на колѣни и закрылъ глаза. Она стала тихо гладить Карла по лицу и вдругъ, проводя рукой по его глазамъ, почувствовала слезу, выкатившуюся изъ-подъ его рѣсницъ.

И она опять подумала: «Какой странный человѣкъ!»

На другой день онъ не пришелъ. Віолетта не могла прожить цѣлый день безъ него и рѣшилась поѣхать къ нему.

Когда она вошла въ комнату Карла, онъ лежалъ на диванѣ и читалъ газету. Лампа стояла тутъ же на столикѣ. Онъ слегка кивнулъ ей и продолжалъ читать.

Віолетта сѣла и смотрѣла на него. Затѣмъ, она также раздобыла книгу и стала читать.

Наконецъ она сказала:

— Я сегодня ѣду въ оперу. Пойдешь со мной?

— А что идетъ?

— Гугеноты.

— Нѣтъ, спасибо. Ненавижу эту оперу.

— Ну, тогда.. adieu!

— Adieu. Au revoir..

И онъ съ дивана протянулъ ей руку.

Когда Карлъ на другой день заѣхалъ къ ней днемъ, онъ не засталъ ея: она приглашена была куда-то на обѣдъ. Вечеромъ они встрѣтились на балу, гдѣ Віолетта обращалась съ нимъ очень свысока, какъ grande dame со студентомъ. Карлъ нѣсколько удивился, такъ какъ всѣ эти дни она жила только имъ однимъ.

Работу свою онъ все же забросилъ; такъ продолжаться не могло. Хорошо, что назначенная недѣля уже прошла.

Когда Карлъ снова появился, онъ засталъ у Віолетты ея кузину де-Нозайлль. Онъ такъ хорошо занималъ дамъ, что онѣ все время хохотали наперерывъ.

Когда кузина попрощалась и уѣхала, Карлъ тоже схватился за шляпу. Онъ былъ одѣтъ по-визитному, какъ въ первый день знакомства съ Віолеттой. Даже гарденія была у него въ петличкѣ.

— Madame,—сказалъ онъ оффиціально, когда она верну-

лась изъ передней, проводивъ кузину,—разрѣшите мнѣ тоже откланяться.

— То есть какъ это?—спросила она съ удивленіемъ.

— Мое время кончено, madame,—отвѣтилъ онъ.

— Ахъ ты, глупышъ,—весело воскликнула она.—Опять выдумалъ новый трюкъ?

— Наша сказка разсказана, теперь начинаются снова будни..

— Ахъ, да... правда! Я забыла. Ну такъ что?

— Графиня, благодарю васъ. Я никогда не забуду эти дни.

И онъ церемонно-почтительно поцѣловалъ ея руку.

Віолетта топнула ногой, вся дрожа отъ нетерпѣливаго волненія. Онъ видѣлъ это и стиснулъ зубы.

Порывистымъ движеніемъ она бросилась къ нему, обвила руками его шею и защебетала своимъ очаровательнымъ голоскомъ:

— Я люблю тебя, chéri, я обожаю тебя! Безъ тебя я—ничто! Слышишь ли? Ничто!

Карлъ отвернулся, чтобы не видѣть ея красивыхъ глазъ.

— Ты вернешься въ Парижъ и къ прежней жизни, Віолетта,—мягко прошепталъ онъ.—Тамъ ты скоро меня забудешь.

— Забуду... тебя! Я!!

И она звонко разсмѣялась.

— Ты и самъ не вѣришь этому!

— Віолетта, будь благоразумна. Мы, вѣдь, говорили только о недѣлѣ. У тебя есть мужъ...

— Je m'en fiche!—закричала она.—Я люблю тебя и хочу остаться съ тобой. Если я не вернусь, онъ согласится на разводъ. Я буду дѣлить съ тобою жизнь. Мы будемъ работать. Ты станешь великимъ, знаменитымъ! И благодаря мнѣ, твоей маленькой Віолеттѣ.

Карлъ печально посмотрѣлъ на нее и покачалъ головой... Выйти въ великіе люди благодаря маленькой женщинѣ... да, это бываетъ! Но ему самая эта мысль была противна.

— У меня есть свои собственныя средства,—горячо продолжала она.—Я не знаю, сколько ихъ, но знаю, что очень много. Возьми ихъ, дѣлай съ ними что хочешь; ты можешь исполнить всѣ замыслы, о которыхъ ты мнѣ разсказывалъ. Можешь реформировать вкусъ твоего ужаснаго народа, если тебѣ удастся. Я готова жить съ тобой, здѣсь, въ изгнаніи! Ахъ, я такъ обожаю тебя!

Темная головка съ рыданіемъ склонилась къ его плечу. Онъ сталъ ласково гладить ее и уговаривать, какъ уговариваютъ дѣтей.

— Если бы ты только знала, какъ невозможно для тебя быть моей женой! Какая печальная участь для тебя, маленькая нарядная птичка! Какъ бы ты черезъ полгода уже стосковалась по Парижу и его бульварамъ! Да развѣ ты не узнала меня? Не замѣтила, какъ грубъ, какъ нечутокъ я могу быть съ женщиною. И то теперь еще я былъ влюбленъ въ тебя...

— А развѣ это могло бы когда-нибудь прекратиться?— спросила она неувѣренно.

— Всякая любовь когда-нибудь прекращается.

— Ахъ!—воскликнула она съ ликующей страстностью.— Такъ пока жива любовь, будемъ наслаждаться ею, не думая о будущемъ.

Карлъ скорбно улыбнулся.

— Отпусти меня, Віолетта. Не дѣлай разлуку слишкомъ тяжелой.

— Но я хочу сдѣлать ее тяжелѣе! Я хочу сдѣлать ее невозможной для тебя!

Она обняла его, съ судорожной страстностью прижалась къ нему и стала цѣловать его, вся въ слезахъ.

Карлу было больно; онъ страдалъ. Дикая страстность, которую внезапно проявила эта беззаботная, легкомысленная женщина, страннымъ образомъ отталкивала его.

— О, m'ami! ты, вѣдь, еще любишь меня!—говорила она.— Скажи, что любишь! Солги, что никогда, никогда не разлюбишь,—молила она.—Я не хочу правды... Зачѣмъ мнѣ эта глупая правда? Вы всѣ вѣдь лжете! Но слова лжи такъ сладки! Я не хочу ничего другого! Неправда ли, ты никогда не перестанешь любить меня? Никогда въ жизни?

— Віолетта... я уже пересталъ...

Послѣ словъ Карла наступило молчаніе. Затѣмъ графиня Віолетта яростно закричала и обратилась въ маленькую фурію. Она стояла передъ нимъ, сжавъ кулаки, съ сверкающими ненавистью глазами и осыпала его безсмысленными, чудовищными упреками. Онъ пытался успокоить, урезонить ее—безуспѣшно! Надо было терпѣливо, молча выдержать грозу.

Когда она, наконецъ, немного успокоилась и, тихо плача, лежала на кушеткѣ, куда Карлъ уложилъ ее, онъ быстро вышелъ изъ комнаты безъ всякаго прощанья.

«Вотъ какъ кончается исторія, когда повѣришь жен-

щинѣ,—думалъ Карлъ съ печальной ироніей. У него было очень скверно на душѣ.—А вѣдь я чуть было не полюбилъ ее. Если бы въ ней были хоть какіе-нибудь задатки развитія». Онъ зналъ, что сладкія чары ея красоты еще не скоро потеряютъ надъ нимъ власть, и глубокая печаль овладѣла имъ. Онъ поддался ей, и она окутала его, какъ окутываютъ черныя тяжелыя одежды, когда хотятъ почтить память дорогого усопшаго.

XXIV.

Нѣсколько дней спустя Карлъ отправился къ Міѣ Вёлеръ. Ему хотѣлось укрѣпить себя видомъ ея работы, завистью, которую она будила въ немъ. Дни тянулись теперь безконечно, работа казалась однообразной. А вечера безъ Віолетты...

У Шульте онъ узналъ адресъ Міи.

Поднимаясь въ четвертый этажъ по грязной, некрасивой лѣстницѣ казарменнаго дома, онъ невольно вспоминалъ прелестный, украшенный статуями входъ въ домъ ея родителей и веселый маленькій садикъ у крѣпостного вала.

На двери въ мастерской висѣла визитная карточка Міи. Онъ постучалъ. Отворила ему сама Мія. Она была въ домашнихъ туфляхъ и въ полиняломъ халатикѣ изъ матеріи, красивой по цвѣту и рисунку, но въ сущности не предназначенной для дамскихъ платьевъ.

Бюргелинъ растроганно глядѣлъ на дѣвушку. Она не узнала его и проговорила быстро-рѣзко:—мнѣ не надо моделей!

И хотѣла захлопнуть дверь. Карлъ ступилъ впередъ и сказалъ:

— Нѣтъ, Мія, такъ дѣло не обойдется. Меня вы должны впустить изъ старой дружбы.

На ея лицѣ выразился испугъ — испугъ хрупкой натуры, которая борется съ внѣшнимъ міромъ и, предполагая вражду, упрямо защищается отъ всего.

— Я видѣлъ у Шульте ваши картины, Мія, и тамъ узналъ, гдѣ вы живете,—сказалъ Бюргелинъ, спокойно входя въ комнату и запирая за собою дверь. Онъ чувствовалъ, что надо сначала приручить ее немного, взялъ стулъ, сѣлъ, положилъ руки на колѣни и спросилъ, глядя на нее съ улыбкой:

— Вы все-таки еще не узнали меня?

— Ахъ, Бюргелинъ!—сказала она довольно равнодушно.— Чего же вы хотите?

— Поговорить о вашихъ картинахъ, больше ничего. Вы создали прекрасныя вещи, Мія. Я восхищаюсь и завидую.

Онъ подалъ ей руку, она робко вложила свою, и онъ тепло пожалъ ее. Примостившись на диванѣ крытомъ старымъ ковромъ, Мія слушала длинныя, но мѣткія и обнаруживающія истинное пониманіе сужденія Карла объ ея выставкѣ. Постепенно съ лица ея исчезло выраженіе холодной замкнутости. Она прерывала его то восклицаніемъ, то объясненіемъ. Черезъ полчаса у нихъ уже установился прежній непринужденный тонъ. Мія показала ему нѣсколько новыхъ, начатыхъ работъ. Онъ кое-что похвалилъ, другое раскритиковалъ.

— Не думала я, что изъ Бернгардсгаузена можетъ прійти еще что-нибудь пріятное,—сказала она съ удивленіемъ.

— Немало злого пришлось вамъ, вѣроятно, видѣть оттуда,—тихо, серьезно произнесъ Карлъ.

Она сдѣлала быстрый, отстраняющій жестъ рукой. Карлъ понялъ, что она не хочетъ касаться этой темы, и перевелъ разговоръ на этюдъ, висѣвшій на стѣнѣ. Онъ оглядѣлъ комнату. Мастерская производила впечатлѣніе величайшей бѣдности. Ни дорогихъ матерій, ни изысканной мебели и ковровъ, которыми обыкновенно художники любятъ украшать свои ателье. Большой сундукъ стоялъ посреди высокой, пустой комнаты; вокругъ него были разбросаны платья и принадлежности живописи. Мія начинала укладку и передъ его приходомъ какъ разъ сворачивала въ трубки разные свои эскизы и наброски.

— Вы собираетесь уѣзжать?

Мягкіе лучи счастья скользнули по смуглому лицу Міи и сразу сдѣлали его миловиднымъ, мягкимъ, женственнымъ.

— Да... подумайте только, что можетъ произойти,—сказала она тихо, точно боясь разбудить спящую злую судьбу.— Я продала больше половины этюдовъ у Шульте. И очень выгодно. И теперь я могу его увезти изъ этой сутолоки, далеко-далеко, куда-нибудь, гдѣ тихо и красиво...—Она неопредѣленнымъ жестомъ указала рукой въ пространство. Глаза ея были устремлены въ прекрасную даль.—Онъ боленъ... его нервы не выдерживаютъ шума, борьбы и суеты, онъ боленъ отъ этой пошлости. Ему бы надо въ Азію, къ тихимъ жрецамъ Будды; тамъ онъ бы чувствовалъ себя своимъ и выздоровѣлъ бы... И свою книгу онъ напишетъ... Теперь ее, конечно, никто не пойметъ... Только черезъ вѣка люди созрѣютъ для его мыслей... Я поддерживаю его, какъ вѣрный другъ и товарищъ. Развѣ это не прекрасно?

Бюргелинъ не отвѣчалъ. Изъ каждаго слова Міи онъ слышалъ теперь д-ра Фаренгорста. Раньше, когда она говорила о своей работѣ, это была она сама, ея индивидуальность. Правда, ей было неясно, почему ея этюды цвѣтовъ и натуры производятъ на людей такое сильное впечатлѣніе. Бюргелинъ замѣчалъ съ удивленіемъ, какъ непреднамѣренно ея творчество. Онъ ясно намѣтилъ на цѣлыя десятилѣтія, какъ и что сдѣлать, и почему такъ, а не иначе, хотя до сихъ поръ не создалъ еще ничего. Ея свѣжимъ, нетронутымъ силамъ только и недоставало этой растерянности чувства и этихъ индійскихъ бредней,—думалъ Карлъ со злобой.

— Развѣ у самого д-ра Фаренгорста нѣтъ денегъ, чтобы поѣхать въ Индію и стать жрецомъ Будды?—спросилъ онъ безъ обиняковъ, такъ какъ наивность Міи раздражала его.

— Ахъ, развѣ вы не знаете? Онъ потерялъ свое состояніе, еще когда былъ въ Бернгардсгаузенѣ,—объяснила она.— Всѣ порядочные люди теряютъ состояніе.

— Ну, знаете, такъ обобщать нельзя. И неужели вы обязаны... нѣтъ, меня возмущаетъ, что вы такъ легко отдаете свой заработокъ.

— Вѣрить въ великаго человѣка и жить для него—развѣ это жертва?—сказала Мія, сіяя счастьемъ.

— Но его семья? Вѣдь у него была семья... дѣти. Онъ не думаетъ о нихъ?

— Имъ досталось все, что у него было. Онъ ушелъ, взявъ только свой плащъ и сандаліи. Нѣтъ, Карлъ, у него нѣтъ семьи. Онъ изъ тѣхъ людей, которые не принадлежатъ ни семьѣ, ни отдѣльному человѣку. Если онъ завтра уйдетъ отъ меня, я тоже должна быть довольна.

— Вы считаете его геніемъ?

Мія только улыбнулась.

— Но вѣдь вы сами — личность, достойная бережнаго отношенія... Нельзя растрачивать себя на...

— Когда копишь, не чувствуешь себя богатой; для этого надо тратить,—весело воскликнула она.—Если бы онъ не воспиталъ меня подъ своимъ вліяніемъ, какимъ бы я осталась жалкимъ существомъ! Боже! Оттого все, что принадлежитъ мнѣ, должно принадлежать и ему.

— Гм...

— Ахъ, если бы вы его знали! Это такой удивительный человѣкъ!

— Я знаю его.

Мія тихонько покачала головой.

— Надо приготовить ему чай. Онъ скоро вернется. Оставайтесь здѣсь. Вы мнѣ не мѣшаете.

И Мія безшумно стала двигаться по комнатѣ.

Карлъ глубоко задумался.

Черезъ нѣкоторое время они услышали медленные, величавые шаги по лѣстницѣ.

Мія вышла и нѣсколько секундъ спустя вошла снова въ комнату вмѣстѣ съ д-ромъ Фаренгорстомъ. Его блѣдные волосы теперь дѣйствительно посѣдѣли, лицо пожелтѣло, морщины отъ носа ко рту врѣзались еще глубже. Въ остальномъ его фигура въ широкомъ плащѣ оставалась прежней. Онъ привѣтствовалъ Карла съ еще болѣе величественной снисходительностью, чѣмъ раньше. Какъ и прежде, онъ зябко ёжился и жаловался на холодъ. Мія утѣшала его близкой поѣздкой на югъ. Она сняла съ него мокрый отъ снѣга плащъ и подала ему полосатый, коричневый съ бѣлымъ халатъ съ капюшономъ, какъ носятъ погонщики верблюдовъ въ Сахарѣ, и персидскую, шитую золотомъ шапочку. Она сняла съ него сапоги и принесла ему красныя туфли. Затѣмъ пили чай, хорошій русскій чай...

«Геній, конечно, требуетъ этого», — думалъ Карлъ со злобой.

Послѣ этого Мія приготовила своему другу трубку, а онъ удобно устроился среди подушекъ на диванѣ—единственномъ предметѣ роскоши, бывшемъ въ мастерской—и съ достоинствомъ блѣднаго святого сталъ разсказывать, что онъ окончательно уладилъ продажу нѣсколькихъ ея картинъ. Мія мало вниманія удѣляла дѣловымъ подробностямъ. Она стояла на колѣняхъ и возилась съ трубкой, которая не раскуривалась. Карлъ замѣтилъ выраженіе мира на ея лицѣ, что-то успокоенное, затихшее во всемъ ея существѣ.

— Когда же вы уѣзжаете?—спросилъ онъ.

— Да, Майя? Когда? Я покончилъ дѣло. Можемъ мы ѣхать завтра?

— Если Meister'у угодно, такъ и будетъ.

— Но укладка, вѣдь, не кончена? Ты поспѣешь?

— А для чего же долгая ночь?—спросила она.

— Пожалуй, что для сна,—замѣтилъ Карлъ.

— Ахъ, спать, отъ этого мы всѣ отвыкли,—покорно сказала Мія. Карлъ замѣтилъ, что она, должно быть, много выстрадала.

Онъ пожалъ ей руку. Можетъ быть, никогда больше ужъ

не придется увидѣться. Или впрочемъ... встрѣчаются все-таки люди въ жизни.

Карлъ былъ взволнованъ больше Міи. Передъ ней лежала новая полоса жизни. Карлъ изумлялся, какъ она такъ полно покончила съ прошлымъ и съ беззаботностью лунатика идетъ по опасной дорогѣ у самаго края пропасти все дальше и дальше, къ невѣдомой цѣли. Заблуждается ли она?.. Если дѣло ея великаго человѣка можетъ быть оцѣнено только въ будущемъ—кто изъ современниковъ можетъ съ увѣренностью сказать, геній ли онъ или шарлатанъ?

Одно было несомнѣнно: этотъ человѣкъ оказалъ на Мію сильное и плодотворное вліяніе. Въ ея тихой, мѣщанской жизни онъ сыгралъ роль вдохновителя.

Она работала, шла впередъ, стала художницей, чтобы быть достойной его. Ея творчество должно все болѣе отрываться отъ него, отъ его вліянія. Въ ея картинахъ отражается сила ея фантазіи, раскрываются тайники ея существа. Ея живопись должна стать ей опорой и утѣшеніемъ, если вѣра въ великаго человѣка будетъ когда-нибудь разрушена... Она бросила кусочекъ чистой красоты въ жалкую, грубую жизнь современности. Щедро расточая свои душевныя силы, она стала личностью. Какой странный путь!.. Путь, которымъ можетъ идти только женщина... Карлъ вспомнилъ бѣдную Віолетту. Какъ безжалостно онъ оттолкнулъ ее отъ себя, потому что чувствовалъ, что она отклоняетъ его отъ его цѣли. Онъ подумалъ о матери: что, если бы вмѣсто борьбы она предлагала ему помощь? Пожалуй, это было бы еще тяжелѣе переносить. Нѣтъ, онъ долженъ работать и дѣйствовать одинъ, совсѣмъ одинъ. Онъ не могъ себѣ вообразить работы для другого, ради любви къ другому человѣку.

...Для себя, только для себя и еще разъ для себя! Онъ чувствовалъ себя сильнымъ: съ нимъ искусство. Ихъ ничто разлучить не можетъ! И ради этого союза онъ готовъ на всякую жертву!

Карлу пришло въ голову, какъ ярко въ развитіи его и Міи выразилась противоположность двухъ началъ: воспринимающаго, рождающаго въ любви женскаго начала—и творящаго изъ собственной силы мужского.

Онъ съ радостной гордостью чувствовалъ себя мужчиной.

XXV.

На Пасхѣ Карлъ поѣхалъ домой. Послѣднія двѣ недѣли онъ пролежалъ въ своей комнатѣ, страдая жестокой невраль-

гіей. Онъ тщательнѣйшимъ образомъ скрылъ отъ своихъ свое нездоровье, такъ какъ свѣжо еще въ памяти было нетерпѣливое отношеніе матери къ его заболѣванію прошлымъ лѣтомъ. Нервная и раздражительная, она навѣрное, посовѣтовала бы ему ѣхать поправляться на югъ, а не къ ней, домой. А Карлу было не до юга! Онъ, какъ больное, задыхающееся взаперти дитя, стосковался по веснѣ, по привѣтливымъ, знакомымъ видамъ окрестностей Бернгардсгаузена. Онъ желалъ снова побродить по широкимъ, свѣтло-зеленымъ полямъ, съ трелями жаворонковъ и тяжелымъ сѣрымъ небомъ; ему хотѣлось снова увидать мягкія очертанія холмовъ, скромные желтые лютики и нѣжные анемоны въ расцвѣтающемъ лѣсу. Его неодолимо тянулъ къ себѣ запахъ свѣже-вспаханной, жирной земли и прохладный, чистый воздухъ Тюрингіи. Хотѣлось тишины и успокоенія. Его душевныя и тѣлесныя силы приходили къ концу. Двѣ недѣли пасхальныхъ каникулъ онъ намѣтилъ себѣ для отдыха. Съ матерью онъ рѣшилъ быть какъ можно меньше, чтобы избѣжать бури. Надо было хитро и ловко использовать маленькую паузу затишья передъ рѣшительной битвой.

Пріѣхавъ, онъ засталъ фрау Бюргелинъ удрученной предстоявшею ей разлукой съ ея любимцемъ. Діонисъ выдержалъ окончательный экзаменъ — мать съ усердіемъ, страшно смѣшившимъ Карла, перечисляла всѣ его пятерки — и осенью долженъ былъ ѣхать въ Берлинъ, въ консерваторію. Фрау Бюргелинъ серьезно обдумывала планъ продать виллу «Эдину» и поселиться вмѣстѣ съ сыномъ. Будь она здорова, она, навѣрное, осуществила бы его. Но такъ...

— Я не могла бы теперь жить въ Берлинѣ, — сказала она печально: слезы текли по ея щекамъ.

Карлъ замѣтилъ, что для Діониса лучше стать самостоятельнымъ.

— Но я бы, предоставила ему полную свободу, — вскричала она. — Только каждый день хоть часъ видѣть его красивое лицо, слышать его славный голосъ!.. А какъ мнѣ будетъ пусто безъ его музыки... Тяжело, Карлъ, старѣться! На этой кушеткѣ я лежу часами, и у меня не хватаетъ силы встать и пройтись немножко по комнатѣ...

Ея синіе глаза, часто сіявшіе такой жестокостью, были полны нѣмой жалобы. Карла это взволновало.

— Не лучше ли тебѣ попробовать преодолѣть слабость? Вѣдь у тебя выносливая натура.

— Была раньше... Да... Она надорвана, и ты немало способствовалъ этому.

Карлъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

— Часто она въ такомъ мрачномъ настроеніи?—спросилъ Карлъ у mademoiselle Оберъ.

— Мнѣ кажется, она очень ослабѣла, — сказала mademoiselle озабоченно.—Докторъ говоритъ, что рана истощаетъ ее.

— А эта оторванность отъ всего свѣта, боязнь свѣжаго воздуха, движенія; это систематическое разслабленіе... Послушайте, увѣряю васъ, что если бы мама обладала физическою энергіею, равною ея невѣроятной душевной активности, она дожила бы до ста лѣтъ, несмотря на рану! Неужели вы никакъ не можете вытащить ее хоть иногда на воздухъ?

— Да что ты, Карлъ,—воскликнулъ Діонисъ, — точно ты не знаешь маминаго упрямства!

— Ну... для тебя-то хорошо, что она такъ тяжела на подъемъ,—пробормоталъ Карлъ.

— Да. Подумай только: она хотѣла ѣхать со мной въ Берлинъ,—сказалъ Діонисъ.—Что бы это было—страшно даже подумать!

— Положеніе твое было бы не завидное! Это вѣрно.

— Какъ вы оба холодно разсуждаете,—сказала mademoiselle съ тихомъ упрекомъ. — Подумайте только, какъ заботится о васъ ваша мать! Нѣтъ... я на вашемъ мѣстѣ не говорила бы такъ.

— Да, mademoiselle, но вы ангелъ, а мы просто эгоисты-мужчины,—сказалъ Карлъ.

— Ахъ, мой маленькій Діонисъ еще не мужчина!

— Положимъ, ему уже девятнадцать стукнуло, а посмотрите на его плечи—вѣдь косая сажень!

— Пощупай мои мускулы, — съ гордостью сказалъ Діонисъ и вытянулъ руку.

Карлъ пощупалъ съ видомъ знатока и выразилъ полное удовлетвореніе.

— Ты знаешь, что тебѣ предстоитъ поѣздка въ Англію? И тебя должны тамъ представить ко двору? — спросилъ Діонисъ послѣ испытанія силы.—Мама написала уже дядѣ Ангусу.

— Вотъ какъ! А еще что?

— Послѣ лондонскаго сезона ты долженъ побывать у родныхъ въ Шотландіи. Говорю тебѣ все это, чтобы ты заранѣе зналъ мамины планы и приготовился.

— Спасибо, пёсикъ. Ты колоссально разсудителенъ для такой развитой мускулатуры... Значитъ, въ Англію, къ сезону!.. Отлично! Великолѣпно!

— Мама представляетъ себѣ жизнь молодого англійскаго аристократа.

— Но какіе же мы къ чорту англійскіе аристократы?

— Конечно... но видно черезъ старыя традиціи мама не можетъ пеѣешагнуть.

— Повидимому. Значитъ, надо помочь ей перешагнуть черезъ нихъ.

— Карлъ, пожалуйста, щадите мать,—просила mademoiselle.

— То же самое вы говорили прошлой осенью, и я убилъ массу силъ и времени на свѣтскую жизнь въ Берлинѣ. И того, и другого у меня немного осталось. Я не имѣлъ не одного спокойнаго дня—вѣчно ея письма и телеграммы, предписывавшія мнѣ, что дѣлать и какъ себя вести. Неужели вы думаете, что я могу долго выдерживать это? Нѣтъ, теперь надо дѣйствовать по иному: либо согнуть, либо сломать.

— Что ты думаешь дѣлать?—спросилъ Діонисъ.

— Ѣхать въ Парижъ... Я хочу тамъ нѣкоторое время работать въ одномъ изъ большихъ ателье, пока усвою пріемы и избавлюсь отъ ученической рутины, а затѣмъ устрою собственную мастерскую и буду лѣпить съ натуры.

— А развѣ ты не можешь отложить все это до будущей зимы?

— Не могу больше ждать. Понимаешь? Не хочу. Она должна уступить или я покажу ей границу ея власти,—сказалъ Карлъ запальчиво.

Діонисъ вздохнулъ, пожимая плечами. «Хорошіе опять будутъ праздники!»—подумалъ онъ.

Однако первые дни прошли гораздо спокойнѣе, чѣмъ онъ и m-elle Оберъ предполагали. По внѣшности спокойнѣе. Карлъ цѣлые дни не бывалъ дома. Онъ тщательно избѣгалъ остаться съ матерью наединѣ хотя бы на секунду, а за столомъ почти не принималъ участія въ разговорѣ. Фрау Бюргелинъ тоже была, противъ своего обыкновенія, молчаливо настроена. Діонисъ старался съ напускной веселостью занимать общество. Подчасъ это производило впечатлѣніе, какъ будто среди полной тишины кто-то начинаетъ наигрывать мелодію, беря фальшивыя ноты.

Въ томъ же настроеніи праздновался—какъ всегда, торжественно,—день рожденія фрау Бюргелинъ. Съ утра онъ уже принесъ разочарованіе. Діонисъ сыгралъ къ ея пробужденію свадебный маршъ изъ «Лоэнгрина». Она подозвала его къ своей

кровати, поцѣловала и шепнула на ухо:—Я ожидала отъ тебя новой композиціи.

— Да, мама, я и хотѣлъ. Но ничего не вышло... Знаешь, я теперь слишкомъ разсѣянъ.

— Конечно, милый. Я понимаю. Но въ будущемъ году, правда?

— О, тогда будетъ что-нибудь настоящее!

— Ахъ, Діонисъ, какъ я рада!..

Фрау Бюргелинъ имѣла привычку въ день своего рожденія дарить всѣмъ своимъ молодымъ гостямъ маленькіе сувениры. Съ каждымъ годомъ подарки становились все дороже. Она какъ будто старалась доказать самой себѣ, что она великодушна и добра, несмотря на то̂, что не удалось осчастливить собственнаго сына.

Благодарныя души вокругъ нея должны были служить обвиненіемъ ему и укрѣплять ее въ сознаніи его виновности. И въ самомъ дѣлѣ, среди молодыхъ людей, окружавшихъ ее, болтая и смѣясь, не было ни одного, который бы не былъ обязанъ ей благодарностью за вниманіе, за дружескую помощь, участіе и поощреніе.

Вечеромъ, когда младшіе гости удалились, Дорисъ сказала нѣсколько теплыхъ словъ въ этомъ смыслѣ. Фрау Бюргелинъ положила голову на плечо пріятельницы и залилась слезами.

— Опять что-то произошло?—испуганно спросила Дорисъ.

— Ничего новаго. Но онъ ежедневно оскорбляетъ меня... такъ глубоко, такъ больно.

— А мнѣ казалось, что онъ сталъ сдержаннѣе, спокойнѣе?

Фрау Бюргелинъ потянула воздухъ сквозь зубы, такъ что послышался шипящій свистъ.

— Спокойнѣе?—переспросила она.—Ошибаетесь, дорогая. Онъ нарочно выказываетъ насмѣшливое пренебреженіе ко мнѣ. Это я съ трудомъ переношу. Неужели онъ считаетъ мой домъ отелемъ, гдѣ ѣдятъ, пьютъ, ложатся спать, уходятъ и приходятъ когда и какъ кому нравится?.. Во всемъ этомъ онъ совершенно отецъ! Какъ онъ похожъ на него въ тѣ минуты, когда хочетъ позлить меня враждебнымъ молчаніемъ! Даже лицо то же! Ахъ, милая! какая жестокость, что намъ, женщинамъ приходится носить дѣтей отъ человѣка, котораго ненавидишь... это ужасно!

Дорисъ, задумавшись, молчала. Что можно было сказать? Что сдѣлать?

— Зачѣмъ же вы постояно зовете Карла къ себѣ, если вы такъ не сходитесь характерами? Не лучше ли было бы нѣ-

сколько лѣтъ не видаться? Вѣдь теперь переходное время. Когда онъ будетъ сложившимся человѣкомъ...

— Онъ вполнѣ уйдетъ изъ-подъ моего вліянія и тогда мнѣ ужъ больше не овладѣть имъ. Тогда онъ будетъ чужой, а не мой сынъ.

— Я думаю иначе. Тогда именно онъ будетъ умѣть цѣнить свою мать.

— О, вы и не подозрѣваете, какъ быстро Карлъ огрубѣлъ бы, если бы его предоставить самому себѣ! Какъ живетъ теперь его отецъ? Засѣлъ гдѣ-то въ горахъ, въ крестьянской хижинѣ, со своимъ роялемъ и книгами, и сидитъ отшельникомъ. Увѣряю васъ, если выпустить Карла изъ рукъ, онъ бы сейчасъ сдѣлалъ то же самое.

— Ну, а если такая жизнь даетъ ему счастье и покой?

— Все-таки я, какъ мать, не могу допустить этого.

Тема была тяжелая; Дорисъ не осмѣлилась высказать противоположное мнѣніе и защищать свой взглядъ.

— Карлъ вовсе не помышляетъ объ отшельнической жизни,—сказала она.—Но у него усталый видъ. Подходящая ли для него сейчасъ вещь лондонскій сезонъ?

— Мой братъ Ангусъ ждетъ его. Онъ преподастъ ему наставленіе, какъ джентльменъ долженъ относиться къ своей матери. Все приготовлено къ пребыванію Карла въ Лондонѣ, и мѣнять ничего нельзя.

— А если онъ заболѣетъ?

— Такъ что же? Въ Лондонѣ имѣются отличныя больницы.

Дорисъ смущенно замолчала.

— Что же случится, если я поѣду не въ Лондонъ, а въ Парижъ, чтобы осуществить свои планы, а не твои? Вѣдь, рѣчь идетъ о моемъ будущемъ,—спросилъ Карлъ на другой день у матери.

— Тогда я умываю руки. Посмотримъ, что ты сдѣлаешь безъ моей поддержки. Можешь голодать, если хочешь.

— Другого мнѣ, повидимому, не остается ничего,—спокойно, тихимъ голосомъ сказалъ Карлъ.—Это все же лучше, чѣмъ постепенно терять всякое самоуваженіе подъ твоимъ деспотизмомъ.

— Карлъ!—закричала фрау Бюргелинъ, точно сраженная ударомъ.—Въ этомъ словѣ ты раскаешься. Между нами все кончено.

— Я тоже такъ думаю,—сказалъ Карлъ тѣмъ же тихимъ, спокойнымъ голосомъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты и безшумно заперъ за собою дверь.

Фрау Бюргелинъ сидѣла въ своемъ креслѣ и тупо смотрѣла въ пространство. Руки ея тяжело лежали на колѣняхъ. Ногъ своихъ она не чувствовала, онѣ совсѣмъ одеревенѣли. Она не могла бы ни подняться, ни открыть ротъ и позвать.

Когда Карлъ вошелъ наверхъ въ классную, къ Діонису и m-elle, его тотчасъ съ испугомъ спросили, что случилось. Онъ такъ сильно дрожалъ, что долженъ былъ держаться за край стола.

— Ничего не случилось,—пробормоталъ онъ.—Но между нами сказано послѣднее слово. Я сегодня ночью уѣду въ Парижъ...

Внизу раздался пронзительный крикъ Паулины.

— Боже мой! барыня! Ради Бога!..

Діонисъ и mademoiselle бросились внизъ.

Карлъ подошелъ къ окну, оперся локтями на подоконникъ и печально смотрѣлъ на молодую весеннюю зелень, подернутую сѣткой теплаго дождя.

Наконецъ Діонисъ вернулся. Карлъ обернулся, и глаза братьевъ встрѣтились.

— Что это было?—спросилъ Карлъ.

— Что-то вродѣ припадка, судорогъ. Мы перенесли ее на кровать. Паулина растираетъ ей руки и ноги горячимъ сукномъ. Скоро пройдетъ,—прибавилъ Діонисъ успокоительно.

— Я знаю. Вѣдь это случалось уже не разъ.

— И теперь все войдетъ въ норму. Но, Карлъ... отчего вѣчно такія сцены? Ты вѣдь знаешь, что этимъ путемъ отъ мамы ничего нельзя добиться. Я всегда провожу то, что хочу, а съ виду подчиняюсь ея волѣ. Надо поддерживать въ ней убѣжденіе, что она—рѣшающій элементъ.

— Видишь ли, Діонисъ, въ такомъ взглядѣ я вижу своего рода презрѣніе къ нашей матери. Я все еще не отказался отъ мысли, что она умная и сильная натура, способная смотрѣть правдѣ въ глаза.

Діонисъ глубоко вздохнулъ. Карлъ не думалъ, что холодный, спокойный братъ можетъ такъ скорбно вздыхать.

— Какія у тебя еще иллюзіи, Карлъ,—сказалъ Діонисъ.— Не сердись; я знаю, что ты уменъ и даровитъ, и что изъ тебя выйдетъ большой человѣкъ. Но часто ты представляешься мнѣ просто ребенкомъ.

— Я и вправду ребенокъ. Во мнѣ все есть—и ребенокъ и женщина... но и мужчина тоже сидитъ во мнѣ, надѣюсь!

XXVI.

Въ классной комнатѣ Діонисъ укладывалъ съ помощью mademoiselle свои мелочи и говорилъ озабоченно:

— Хоть бы Карлъ поскорѣе написалъ! Мнѣ очень важно попасть въ Берлинъ пораньше, до начала занятій, но оставить маму одну въ этомъ состояніи я не могу.

— Ахъ нѣтъ, Діонисъ, оставайтесь какъ можно дольше,— воскликнула mademoiselle.—Карлъ напишетъ, и все опять будетъ хорошо... или по крайней мѣрѣ такъ, какъ было раньше, — прибавила она безнадежно.

Къ Карлу полетѣлъ уже цѣлый рядъ обычныхъ молящихъ и настойчивыхъ писемъ, и со дня на день дома ждали отъ него отвѣта.

Лицо фрау Бюргелинъ сохраняло суровую твердость.

— Если онъ попроситъ у меня прощенія и исполнитъ мое приказаніе ѣхать въ Англію, то я снова беру на себя заботу о немъ и велю выплачивать ему его обычное содержаніе. Видѣться съ нимъ я не хочу. Когда вернется изъ Англіи, онъ можетъ ѣхать въ Парижъ и дѣлать что ему угодно. Мнѣ нѣтъ дѣла до его плановъ.

Такъ она объявила Діонису, и онъ радъ былъ узнать хоть о такомъ рѣшеніи. Онъ цѣлые дни проводилъ съ матерью и окружалъ ее самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. Но онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ; его красивое лицо, все больше пріобрѣтавшее англійскій типъ, вытянулось и стало казаться старообразнымъ. Мать цѣплялась за него съ судорожной нѣжностью, которую здоровому молодому человѣку было подчасъ трудно выносить. Но онъ всегда оставался терпѣливымъ и обходился съ ней мягко и тактично.

— Точно мужчина съ больнымъ, нервничающимъ ребенкомъ, — говорила Дорисъ, проводившая каждую свободную минуту на виллѣ «Эдина».—Что-то будетъ, когда онъ уѣдетъ?

Впрочемъ фрау Бюргелинъ умѣла владѣть собой. Ее много навѣщали, и она, какъ прежде бывало, оживленно бесѣдовала съ фрейлейнъ фонъ-Кальбъ и фрейлейнъ фонъ-Вольцогенъ о театрѣ, о женскомъ вопросѣ и о новыхъ книгахъ. Домашніе замѣчали,

что при каждомъ звонкѣ она кусаетъ губы и лицо ея становится еще холоднѣе и высокомѣрнѣе отъ подавляемаго волненія. Она ждала письма отъ Карла, ждала его ежеминутно, съ бьющимся сердцемъ.

Наконецъ, черезъ двѣнадцать дней получено было письмо изъ Парижа. Mademoiselle принесла его съ сіяющимъ лицомъ.

— Madame, я такъ счастлива! Карлъ, безъ сомнѣнія, раскаивается въ томъ, что онъ сказалъ въ раздраженіи.

Фрау Бюргелинъ сжала губы.

— Хорошо, голубушка. Посмотримъ,—сказала она и холодно прибавила: — Вы можете остаться,—когда увидѣла, что дѣвушка собирается выйти изъ комнаты.

Она быстро вскрыла конвертъ и начала читать. Письмо было длинное, много страницъ было исписано крупнымъ, неправильнымъ почеркомъ Карла.

Mademoiselle развернула газету и съ волненіемъ взглядывала поверхъ широкаго листа на свою госпожу. Она такъ желала, чтобы все обошлось благополучно! Она любила всѣхъ членовъ семьи Бюргелинъ, среди которой привыкла чувствовать себя своимъ человѣкомъ. Она отъ души восхищалась каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности и каждый вечеръ ложилась спать, каждое утро вставала только съ однимъ желаніемъ: чтобы миръ и согласіе (для нея—высшія въ мірѣ блага) воцарились наконецъ и въ этомъ домѣ!

Но по мѣрѣ чтенія суровая мрачность ложилась на лицо фрау Бюргелинъ. Листки письма медленно, ложились на ея колѣни, а оттуда тихо соскользнули на коверъ.

Она сидѣла въ своемъ креслѣ прямая и застывшая, какъ тогда, когда они нашли ее почти оцѣпенѣлой въ судорогѣ. А теперь снова это оцѣпенѣніе... Mademoiselle замѣтила съ ужасомъ, что лицо приняло сѣрый, землистый оттѣнокъ и искривилось страдальческой гримасой.

Она вскочила.

— Madame, вамъ нехорошо? Позвать Паулину? Дать вамъ эфиру?

Фрау Бюргелинъ повернула къ ней голову такъ медленно, какъ будто каждое движеніе стоило ей невыносимаго страданія.

— Это низость,—сказала она громко,—это гнусный поступокъ.

— Боже мой! Что случилось?

— Мой сынъ—негодяй,—закричала фрау Бюргелинъ, порывисто вскочила и дико замахала кулаками,—негодяй кото-

рый осмѣливается поднять руку на свою мать. У меня нѣтъ больше сына. Вы слышите? Его имя не должно упоминаться въ моемъ домѣ.

Она толкнула ногой брошенное письмо.

— Отдайте это Діонису и скажите ему, что у него нѣтъ больше брата.

И она безпомощно упала на руки дѣвушки, которая крѣпко обхватила ее и пыталась удержать.

Карлъ писалъ матери, что онъ не желаетъ просить у нея прощенія. Онъ слѣдуетъ примѣру отца и освобождается отъ ея власти, чтобы дальше жить по-своему, согласно своей натурѣ. Разумѣется, при этихъ условіяхъ онъ не хочетъ отъ нея никакой денежной поддержки. Онъ будетъ бороться за существованіе, какъ всякій другой молодой человѣкъ безъ средствъ, но онъ радъ испробовать свои силы самостоятельно, на собственный страхъ и рискъ.

И затѣмъ слѣдовало объясненіе, какъ она сама довела его до этого послѣдняго рѣшительнаго шага.

Когда Карлъ началъ писать это письмо, онъ выглянулъ на улицу изъ окна парижской комнаты: это была та самая улица, по которой его, вмѣстѣ съ другими товарищами по пансіону, водили гулять. Ему снова вспомнилось то мучительное время, когда онъ, робкій, беззащитный мальчикъ, вѣчно съ утра до ночи и даже ночью, во время сна, былъ предоставленъ злымъ насмѣшкамъ и издѣвательствамъ ловкихъ парижскихъ головорѣзовъ. И снова предстала передъ его воображеніемъ картина, которую онъ тогда въ безсильной жаждѣ мщенія рисовалъ себѣ во всѣхъ деталяхъ: его мать, красивая и гордая, на которую онъ смотрѣлъ со страхомъ, лежала передъ нимъ связанная по рукамъ и ногамъ и съ завязаннымъ ртомъ — вся въ его власти. Она не могла отвѣчать ему, не могла выгнать его; она вынуждена была слушать его обвинительную рѣчь. А онъ говорилъ, высказывая ей все, что лежало у него на сердцѣ съ тѣхъ поръ какъ онъ вообще сталъ думать и чувствовать. Какъ онъ всегда ощущалъ недостатокъ ея любви и съ завистью и тайной горечью замѣчалъ, что вся нѣжность и доброта достается на долю Діониса и маленькой сестренки. Какъ дурно было съ ея стороны отдать его въ пансіонъ для того только, чтобы онъ дома не нарушалъ ея покоя. Онъ открылъ ей всѣ свои дѣтскія, отравляющія душу, страданія: свою тоску по горамъ, свою жажду пониманія и дружеской мягкой руки... А она все слушала и не могла защитить себя отъ этихъ рѣчей...

Все это представилось ему, когда онъ писалъ письмо. Въ мозгу его рождались фантазіи, похожія на прежнія, ребяческія. Мать должна выслушать его. Она дочитаетъ письмо до конца—въ этомъ онъ былъ увѣренъ. Можетъ быть, сразу она отшвырнетъ его отъ себя, но затѣмъ возьметъ и снова будетъ перечитывать страшныя слова, слова голой безпощадной правды...

Онъ открылъ ей, что она нелюбима дѣтьми, даже и Діонисомъ, что друзья ее не любятъ и не поклоняются ей, какъ она воображаетъ, а стонутъ подъ ея игомъ и только изъ сожалѣнія къ больной женщинѣ принимаютъ ея благодѣянія. Онъ сказалъ ей, что все ея существованіе—ложь, что стремленіе жить среди красоты—пустое и жалкое стремленіе, такъ какъ оно является отказомъ отъ природы; ея жизнь въ этой искусственной тепличной атмосферѣ, среди ѳиміама лести, неминуемо приближаетъ ее къ той цѣли, которой она такъ тщательно старается избѣгнуть: къ духовному упадку, къ преждевременному жалкому концу.

Чувствуя себя строгимъ служителемъ правды, Карлъ не подозрѣвалъ, какъ сильно работаетъ въ немъ утрированная фантазія его матери. Онъ представлялъ себѣ, что этотъ ударъ долженъ подѣйствовать на нее, какъ освѣжающая, плодотворная гроза. Она будетъ потрясена до глубины души... Но потомъ... потомъ она признаетъ правду и поработаетъ надъ собой. Вѣдь никогда до сихъ поръ не являлся сильный человѣкъ, который бы всколыхнулъ ея сознаніе. Неужели простая, дѣятельная жизнь не могла бы настолько умиротворить ея бѣдную душу, чтобы она простила и снова прижала къ сердцу сына, приведшаго ее путемъ горькихъ страданій къ познанію? И тогда между ними установилось бы свободное, сердечное взаимопониманіе двухъ выдающихся людей, изъ которыхъ каждый относится къ другому съ уваженіемъ и довѣріемъ... Какая женщина въ мірѣ могла бы быть для него тѣмъ, чѣмъ можетъ сдѣлаться мать, если только захочетъ?..

Онъ надѣялся, онъ желалъ... почти чуда. И все же невольно вѣрилъ въ скрытыя силы ея натуры, въ тайную мощь ея. Развѣ она не мать его?

XXVII.

Снова сынъ покинулъ домъ матери. На этотъ разъ любимый сынъ. Когда Карлъ уѣхалъ въ университетъ, всѣ обитатели

виллы «Эдина» вздохнули съ облегченіемъ—а теперь слезы лились рѣкой.

Нашъ Діонисъ! Всѣ жалѣли его, потому что всѣ теряли самаго вліятельнаго посредника между ними и madame. Что-то теперь будетъ? И madame въ такомъ настроеніи!

Діонисъ еще разъ серьезно уговаривалъ мать переѣхать съ нимъ въ Берлинъ.

— При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ,—объяснялъ онъ mademoiselle,—я считаю это своимъ долгомъ.

Онъ искренно думалъ такъ. Состояніе матери озабочивало его. Она не была возбуждена и нервна, какъ раньше, послѣ сценъ съ Карломъ. Теперь она цѣлые дни въ молчаливой апатіи лежала на кушеткѣ, укутанная, несмотря на теплые весенніе дни, въ тяжелыя одѣяла и постоянно вздрагивая. Она почти не принимала пищи, кромѣ мясного экстракта и глотка шампанскаго.

Къ чему все это должно было привести—домашніе знали слишкомъ хорошо изъ печальнаго опыта.

Діонисъ старался оживить ее и прельстить своими планами на будущее, которые излагалъ, тщательно взвѣсивъ каждую деталь. Все напрасно! Она говорила, что слишкомъ слаба здоровьемъ для путешествія и слишкомъ устала для того, чтобы мѣнять свои привычки.

Но все же ей пріятно было, что Діонисъ снова и снова повторяетъ свое предложеніе. Ради него она начала понемногу вставать и ѣсть. Заботы о сынѣ, подготовленіе къ его отъѣзду разныхъ вещей благотворно дѣйствовали на нее. Чѣмъ слабѣе она себя чувствовала, тѣмъ больше заботъ она посвящала сильному молодому человѣку. Она просила Дорисъ Рюдеръ проводить ея любимца до Берлина, найти ему тамъ хорошую комнату и здоровый, питательный столъ.

Дорисъ охотно обѣщала. Ей было пріятно хоть разъ, наконецъ, оказать услугу женщинѣ, доброта которой столько дала ей. Діонису же она сказала печально:

— Я сегодня въ первый разъ замѣтила, что ваша мать старѣетъ.

Діонисъ импонировалъ ей въ послѣднее время. Среди заплаканныхъ, растерянныхъ женщинъ онъ дѣйствовалъ со спокойной увѣренностью. Его манера обходиться съ матерью показывала, что онъ созрѣлъ, что онъ мужчина. Все же послѣднее его прощанье показалось Дорисъ слишкомъ холоднымъ и сдержаннымъ. Даже глаза его не увлажнились, между тѣмъ какъ она, посторонняя зрительница, не могла не плакать при видѣ

страдальчески передернутаго лица и синихъ глазъ фрау Бюргелинъ, съ отчаяніемъ слѣдившихъ за экипажемъ, отъѣхавшимъ отъ калитки.

Во время долгаго пути къ вокзалу Діонисъ сидѣлъ молча. Дорисъ впервые замѣтила въ его лицѣ усталое, нервное выраженіе, напомнившее ей то, которое дома почти никогда не сходило съ лица его брата.

Онъ пошелъ за билетами, а Дорисъ, болѣе опытная въ путешествіяхъ, позаботилась о томъ, чтобы кондукторъ далъ имъ пустое купэ.

Діонисъ сталъ у раскрытаго окна. Когда вокзальное зданіе и послѣднія бернгардсгаузенскія постройки исчезли изъ виду, онъ вдохнулъ всей грудью, широко взмахнулъ руками и сказалъ:

— Слава Богу! Теперь это кончено.

— Послѣднее время было для васъ не легко,—участливо сказала Дорисъ.—Но все-таки пріятно быть такъ любимымъ!

— То-то и есть,—пробормоталъ Діонисъ. Въ его тонѣ звучала безнадежная грусть. Слезы неудержимо хлынули изъ его глазъ. Онъ упалъ передъ ней, обхватилъ ее, какъ бы ища поддержки, и, громко, страстно рыдая, спряталъ голову у ней на колѣняхъ. Онъ лежалъ, сломленный охватившимъ его волненіемъ, точно крѣпкій, молодой дубокъ, внезапно вырванный съ корнемъ сильнымъ ураганомъ.

Дорисъ успокоительно поглаживала его по головѣ и дала ему выплакаться. Она сразу увидала въ немъ совсѣмъ другого человѣка, который будилъ въ ней чувство безконечно болѣе теплое и сердечное, чѣмъ то, которое вызывалъ всегда одинаково веселый богоподобный Діонисъ.

— Это ужасно,—говорилъ онъ тихо, не поднимая головы.— Мать такъ любитъ меня, а я не могу отвѣчать ей тѣмъ же. Не могу! Со стороны Карла было жестоко, возмутительно сказать ей это. Но... но онъ правъ. Она отравила мнѣ дѣтство вѣчными страшными сценами съ Карломъ. Никогда я не могъ хоть часъ веселиться отъ души. Всегда я думалъ: опять будетъ что-нибудь!.. А вѣдь чего бы она не дала для моего счастья!.. Когда же отношенія ея съ Карломъ стали все хуже и хуже—сдѣлалось совсѣмъ невыносимо!.. Ея любовь меня почти отталкиваетъ... ея нѣжность меня пугаетъ. Я, конечно, буду дѣлать все, чтобы облегчить ей жизнь, но... я завидую Карлу... завидую его смѣлому освобожденію!

— Развѣ у меня дѣло обстоитъ не такъ же, какъ у васъ?—

тихо спросила Дорисъ.—Мы всѣ страдаемъ отъ стараго поколѣнія.

— А слѣдующее поколѣніе будетъ страдать отъ насъ,—сказалъ Діонисъ, поднявъ къ ней голову, и руки его крѣпче обвились вокругъ нея. Теплымъ, живительнымъ, точно лѣтнимъ ароматомъ вѣяло отъ сильнаго молодого тѣла Дорисъ. Душа юноши отъ слезъ и необычнаго взрыва чувства смягчилась, раскрылась вся. Ему пріятна была, какъ никогда, близость Дорисъ.

Съ новымъ чувствомъ блаженства онъ ощущалъ прикосновеніе ея руки, перебиравшей его волосы. Тихо, какъ въ дивномъ снѣ, онъ поднялъ голову, а она нагнула свою, и губы ихъ встрѣтились. Оба покраснѣли и не рѣшались взглянуть другъ на друга. Сердца ихъ часто колотились. И снова онъ нашелъ ея губы, и они поцѣловались—долго, искренно, страстно. Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ и прошепталъ:

— Моя Дорисъ!

И она отвѣтила:

— Мой Діонисъ!

Наконецъ, она высвободилась изъ его нѣжныхъ объятій и сказала, переводя духъ и оправляя волосы:

— Однако, Діонисъ... какія мы съ вами дѣти!

— Дѣти?—переспросилъ Діонисъ!—Я не думаю. Знаешь, Дорисъ, ты будешь моей женой.

— Такой юнецъ и хочетъ жениться!.—воскликнула смѣясь Дорисъ.—Для этого еще будетъ время... Погоди... Это пройдетъ...

— Ты меня вправду любишь, Дорисъ?

— Еще бы!.. Я и не знала вовсе, что въ тебѣ таится...

— Я и самъ не зналъ. Но теперь я знаю и не забуду уже никогда. А ты еще говоришь о томъ, что пройдетъ.

— Ахъ, развѣ не все проходитъ?—воскликнула она скорбно.

— Знаешь, Дорисъ,—сказалъ онъ, садясь съ ней рядомъ и беря ее за руку,—я вижу ясно, что еще недостоинъ тебя. Ты—большая артистка, а я только что еще былъ гимназистомъ. Но увидишь, я скоро добьюсь положенія. И останусь вѣрнымъ тебѣ!

Дорисъ взяла въ обѣ руки его голову и глядѣла на него съ страннымъ, смѣшаннымъ чувствомъ материнской заботы и внезапно вспыхнувшимъ увлеченіемъ этой юной, сильной мужественностью.

Она больше знала жизнь, чѣмъ онъ, и не придавала боль-

шого значенія обѣщанію красиваго юноши, впервые выступающаго въ свѣтъ.

Она тихо поцѣловала его въ лобъ и промолвила искренно:

— Я останусь тебѣ другомъ.

XXVIII.

Уже черезъ нѣсколько недѣль Діонисъ устроилъ матери сюрпризъ: онъ пріѣхалъ къ ней изъ Берлина и пробылъ цѣлый день. Она была счастлива этимъ свидѣтельствомъ его привязанности. Чтобы доказать ему, что она не эгоистка, она отправила его вечеромъ въ театръ. Дорисъ должна была во вновь поставленной оперѣ пѣть интересную партію. Фрау Бюргелинъ высоко учитывала эту жертву съ своей стороны; она и не подозрѣвала, что не будь этой новой оперы, она не увидала бы сына такъ скоро.

За обѣдомъ Діонисъ замѣтилъ, что фрау Бюргелинъ въ разговорѣ никогда не обращается лично къ mademoiselle, и что лицо ея принимаетъ выраженіе холодной враждебности какъ только что-либо напоминаетъ ей о присутствіи молодой швейцарки. Когда вечеромъ, вернувшись изъ театра, онъ остался на минутку вдвоемъ съ m-elle Оберъ въ своей старой классной, то спросилъ, что между ними произошло. Mademoiselle грустно опустила глаза.

— Діонисъ, мнѣ придется скоро искать себѣ новаго мѣста. Я уже написала въ Швейцарію.

— Но это... это немыслимо!—испуганно вскрикнулъ Діонисъ.—Нѣтъ, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Неужели вы захотите огорчить меня и Карла? Невозможно, оставить маму одну съ Паулиной. Конечно, ухаживаетъ она за ней хорошо, но все-таки она многаго не понимаетъ. Мы, всѣ убѣждались много разъ, что она часто только раздражаетъ маму, вмѣсто того чтобы успокоить ее, когда она въ дурномъ настроеніи. Какъ же намъ быть, если мы будемъ знать, что васъ нѣтъ съ нею?

Mademoiselle съ благодарностью взглянула на него.

— Я бы съ радостью продолжала исполнять свои обязанности. Но madame не можетъ выносить моего присутствія. Я чувствую это постоянно.

— Будьте терпѣливы съ нею.

— Въ терпѣніи у меня нѣтъ недостатка. Но вы сами видите, madame не обращается ко мнѣ ни съ однимъ словомъ.

Даже когда я нахожусь въ той же комнатѣ, она передаетъ мнѣ свои желанія черезъ Паулину. Это не можетъ продолжаться. Діонисъ, у меня тоже есть самолюбіе... Конечно, я только бѣдная компаньонка, но я требую, чтобы со мной обращались какъ съ дамой, а не какъ съ непослушнымъ рабомъ.

— Съ какихъ поръ это началось?

— Съ тѣхъ поръ, какъ мама потребовала отъ меня, чтобы я заявила, что считаю Карла негодяемъ и порочной натурой. Я не соглашалась. Я сказала ей, что высоко цѣню его, какъ личность, и многаго отъ него ожидаю, несмотря на то, что не одобряю его поведенія относительно ея. Съ тѣхъ поръ между нами все кончено. Я просила Карла не писать мнѣ больше, и сама тоже перестала писать ему. Это все, что я могу сдѣлать... Сначала я думала, что ея гнѣвъ со временемъ смягчится. Но объ этомъ нечего и думать. Ахъ, Діонисъ, вы и представить себѣ не можете, какъ недовѣрчива ко всѣмъ стала ваша мать послѣ этого ужаснаго письма Карла. Онъ не имѣлъ права говорить все то, что онъ сказалъ. Какъ смѣлъ онъ утверждать, что ее никто не любитъ, что мы всѣ льстимъ ей ради выгоды или изъ страха? Я доказала ей, что не боюсь ея... Но моя любовь къ ней таетъ съ каждымъ днемъ. Ахъ... никогда я и подумать не могла, что ваша мать, которую я уважала благоговѣйно, можетъ быть такъ несправедлива, такъ жестока... Вы не повѣрите, какъ она пробуетъ всячески отомстить Карлу... Она говоритъ о немъ съ своими знакомыми какъ о совершенно потерянномъ человѣкѣ... Карлъ сдѣлалъ попытку занять денегъ подъ свою часть наслѣдства у одного изъ старыхъ друзей ея семьи. Она не остановилась ни передъ чѣмъ, чтобы помѣшать этому. И ей это удалось.

Послѣднія слова mademoiselle прошептала едва слышно.

— Друзья все больше покидаютъ ее. Никто не можетъ слышать этихъ вѣчныхъ жалобъ. На дняхъ madame сказала, что нѣмцы—неблагодарный народъ и что она больше не желаетъ имѣть съ ними ничего общаго. А отчего? Оттого что Филиппъ ни разу не зашелъ къ ней. Но онъ вѣдь другъ Карла и, естественно, на его сторонѣ. Что же тутъ удивительнаго?

Діонисъ задумчиво кивнулъ головой.

— А Карлъ воображаетъ, что сдѣлалъ хорошее дѣло этимъ письмомъ,—сказалъ онъ.—Боже мой! Отчего онъ не принялъ той суммы, которую долженъ былъ ему выплатить банкиръ? Отчего онъ поступаетъ всегда такъ неразумно?

— Какъ ему живется?—тихо спросила m-elle, точно боясь въ этомъ домѣ громко задать такой вопросъ.

— Я получаю отъ него только коротенькія открытки. Онъ работаетъ у Жюльена въ большой мастерской. Но въ послѣдній разъ онъ говорилъ, что тамъ слишкомъ шумно, слишкомъ безпокойно. Какъ только возможно будетъ, онъ устроится отдѣльно. Немножко денегъ у него есть еще изъ тетинаго наслѣдства. Но надолго ли этого хватитъ?.. Обученіе скульптурѣ стоитъ очень дорого...

— А я думала, что онъ хочетъ заняться прикладнымъ искусствомъ?

— Да, но на широкой художественной основѣ. Нѣкоторые наши берлинскіе друзья дали ему маленькіе заказы. Но вѣдь это крохи... Я боюсь, что онъ запутается въ долгахъ... Въ крайнемъ случаѣ онъ все же имѣетъ меня...

Діонисъ взялъ свой дорожный саквояжъ и пошелъ пѣшкомъ на вокзалъ, чтобы съэкономить на извозчикѣ.

XXIX.

Бываютъ удары судьбы, которые представляются до того чудовищными, когда человѣкъ рисуетъ ихъ себѣ мысленно, что онъ думаетъ: нѣтъ, это не можетъ случиться, потому что я бы этого не вынесъ. Онъ не въ силахъ вообразить себѣ, что послѣ того возможна еще жизнь; онъ съ содраганіемъ отшатывается отъ одной мысли о такомъ ужасѣ.

И все-таки—когда событіе, которое считали невозможнымъ, наступаетъ, за нимъ слѣдуетъ то, чего не могла охватить мысль. Оно обвивается вокругъ насъ на цѣлыя недѣли и мѣсяцы, и мы живемъ тѣмъ существованіемъ, которое считали немыслимымъ. Днемъ, среди людей, мы даже почти не дивимся этому: мы ходимъ точно лунатики. Только ночью, просыпаясь изъ глубокаго сна, мы снова подпадаемъ ужасу. И тогда начинается борьба съ невыносимымъ. Настаетъ день—и мы снова покорно несемъ его бремя. Оттого боится ночи тотъ, кто несчастенъ.

Фрау Бюргелинъ, слишкомъ гордая для того, чтобы легко поддаваться горю, придумывала мѣры для одолѣнія ночной тьмы, словно коварнаго врага, котораго надо перехитрить. Паулина часовъ до двухъ ночи оставалась у нея въ спальнѣ: купанье, умываніе и расчесываніе тянулось безконечно. Ярко горѣли

свѣчи, и много книгъ лежало на столикѣ у кровати... А подъ утро приходилъ иногда сонъ.

Но ни книжки, ни свѣчи не могли прогнать мыслей, возвращавшихся къ прошлому и оживлявшихъ старыя душевныя раны.

Сначала она много еще думала и мечтала о будущемъ: какъ ей поставить себя съ Карломъ, если онъ вернется къ ней? Какъ сложатся отношенія обоихъ братьевъ и при какихъ условіяхъ она разрѣшитъ ихъ? И она думала, не попросить ли герцога принять на себя роль посредника между нею и сыномъ. Надо вѣдь что-нибудь сдѣлать... Мертвую тишину, царившую между ней и Карломъ, она все-таки считала только временной. Часы такъ томительно тянулись. Ей недоставало постояннаго волненія ежедневныхъ писемъ и телеграммъ, прежде безпрестанно летавшихъ отъ нея къ Карлу и назадъ. Недоставало ей и нервнаго возбужденія долгихъ, патетическихъ сценъ. Неужели тотъ короткій и сравнительно спокойный обмѣнъ словъ будетъ послѣднимъ между ними?

Такъ какъ она не могла писать Карлу, то она стала писать фрейлейнъ фонъ-Кальбъ, проводившей зиму въ Парижѣ, длиннѣйшія письма, разсчитывая, что они дойдутъ до сына. Наконецъ, Люцинда отвѣтила ей, что сдѣлать теперь ничего нельзя, что Карлъ знаетъ, чего онъ хочетъ, и добивается вполнѣ опредѣленной цѣли. Она просила не касаться больше этого вопроса.

Когда Фрау Бюргелинъ рѣшилась, наконецъ, посвятить въ свое дѣло герцога, она и въ немъ нашла лишь слабую отзывчивость. Его свѣтлость даже какъ-будто заинтересовался художественно-реформаторскими идеями Карла.

Прошло лѣто. Фрау Бюргелинъ провела его въ городѣ. Ее не манила теперь дача въ Дамбахгрундѣ, не хотѣлось видѣть у себя веселыхъ молодыхъ гостей. Въ городѣ она также не выѣзжала; проходили недѣли, въ продолженіе которыхъ она не выходила даже въ садъ. Усталая, печальная, она цѣлые часы лежала на своей кушеткѣ. Болѣзненный, безкровный жиръ покрылъ ея члены и еще больше затруднялъ ея движенія. Она не переносила никакого противорѣчія, даже въ пустякахъ.

Странно было тоже, что она, прежде свободно владѣвшая тремя языками, теперь все больше и больше возвращалась къ своему родному, англійскому. Она только изрѣдка давала себѣ трудъ говорить съ Дорисъ по-нѣмецки, хотя знала, что та плохо понимаетъ по-англійски. Восторженная любовь ея къ Германіи исчезала съ каждымъ днемъ. Она стала ежеминутно хвалить все

англійское, хотя сама всегда считала это свойство смѣшнымъ недостаткомъ своихъ соплеменниковъ. Она даже отказалась отъ радости имѣть Діониса у себя на каникулы, чтобы послать его въ Англію, погостить въ замкахъ его дядей. Когда онъ тамъ, на охотѣ, былъ представленъ герцогу Уэльскому, она сіяла радостью и гордостью, между тѣмъ какъ нѣсколько лѣтъ назадъ смѣялась бы надъ этимъ. Она много и съ увлеченіемъ разсказывала Дорисъ изъ своихъ шотландскихъ юношескихъ воспоминаній. А въ отношеніяхъ съ домашними, съ прислугой, съ которыми она прежде была привѣтлива и любезна, теперъ все рѣзче выступалъ высокомѣрно равнодушный тонъ знатной лэди. Эта перемѣна стоила m-elle немало горячихъ слезъ.

Когда она сообщила своей госпожѣ, что хочетъ къ новому году вернуться къ себѣ на родину, фрау Бюргелинъ холодно, не протестуя приняла это къ свѣдѣнію: вѣдь въ теченіе десяти лѣтъ она осыпала mademoiselle ласковымъ вниманіемъ и добротой!

Фрау Бюргелинъ жила весь день только ожиданіемъ тѣхъ минутъ, когда она получала извѣстія отъ Діониса. Онъ держалъ ее au courant самыхъ мелкихъ событій своей берлинской жизни. Она знала о каждой новой книгѣ, которую онъ читалъ, о каждомъ концертѣ, гдѣ онъ былъ, о каждомъ новомъ знакомствѣ. Отовсюду—изъ ресторана, изъ фойе оперы, съ трамвая даже—лѣтѣли къ ней его милыя, бодрыя открытки. И каждый разъ онъ находилъ новый счастливый оборотъ фразы, чтобы напомнить ей о неразрывномъ общеніи между ними.

Когда зимою Діонисъ сталъ больше бывать въ обществѣ, фрау Бюргелинъ съ почти ребяческой настойчивостью стала запрашивать своихъ старыхъ друзей въ Берлинѣ, какое ея сынъ производитъ впечатлѣніе. Горячее желаніе услышать похвалу своему любимцу такъ и сквозило въ каждой строчкѣ ея писемъ. Ей отвѣчали, что его очень любятъ и всѣмъ нравится его солидный, разсудительный характеръ.

«Конечно, при своей красотѣ онъ могъ бы одерживать больше побѣдъ,—писала ей одна умная пріятельница,—но онъ такъ невинно холодно смотритъ на женщинъ своими синими глазами. Милый юноша... Ее можно поздравить съ обладаніемъ такими двумя сыновьями, такъ какъ старшій, несомнѣнно, является личностью оригинальной и незаурядной...»

Эта дама не получила отвѣта на свое любезное письмо.

Уступая просьбамъ Діониса, mademoiselle отложила свой отъѣздъ до весны. Фрау Бюргелинъ терпѣла ея присутствіе въ

домѣ молча, безъ всякихъ замѣчаній, но отношенія между ними оставались холодными и натянутыми. Нужны были крѣпкіе нервы швейцарки, чтобы такъ долго выносить подобное положеніе.

Рождество прошло незамѣченнымъ. Mademoiselle, какъ каждый годъ, наверху, въ классной, убрала огромную елку; она украсила ее множествомъ красныхъ стеклянныхъ шаровъ и обвила всю до верху серебряными нитями. Вышло нѣчто больше похожее на индійское сказочное зрѣлище, чѣмъ на елку.

Mademoiselle Оберъ знала, что въ этомъ году некому радоваться ея работѣ. Madame даже и не видѣла елки! Она была нездорова и лежала въ кровати. И неразлучному тріо—Дорисъ, Діонису и m-elle—казалось, что они играютъ старыми игрушками, смыслъ которыхъ утерянъ.

Карлъ прислалъ брату къ празднику нѣсколько фотографій съ вылѣпленныхъ имъ бюстовъ.

— Напиши мнѣ подробно, что мама скажетъ объ этихъ физіяхъ,—просилъ онъ въ сопровождавшемъ посылку письмѣ.

Дорисъ и Діонисъ были поражены выразительностью и ясной пластичностью этихъ прямо выхваченныхъ изъ жизни головъ.

— Кто бы могъ ожидать этого отъ нервнаго, болѣзненнаго Карла?—воскликнула Дорисъ.

И тріо стало серьезно надѣяться.

Діонисъ, не говоря ни слова въ объясненіе, положилъ фотографіи въ гостиной на столѣ.

Случилось то, чего они и ожидали. Фрау Бюргелинъ, проходя, замѣтила ихъ и стала разсматривать.

— Грубо, вульгарно задумано,—сказала она ледянымъ тономъ, бросила фотографіи на столъ и вышла изъ комнаты.

Mademoiselle и Діонисъ растерянно переглянулись.

— Я этого не ожидалъ!.. Я думалъ, что она будетъ поражена исполненіемъ. Вѣдь онъ всего годъ лѣпитъ.

— Отчего онъ не избралъ болѣе красивой модели, если онъ хотѣлъ чего-нибудь добиться у матери?—жалобно сказала mademoiselle.—Онъ знаетъ, что она ненавидитъ безобразіе. А эти мужчины, дѣйствительно, ужасно некрасивы. Я сразу тоже почувствовала отвращеніе къ нимъ...

— Развѣ Карлъ можетъ хоть когда-нибудь избрать правильный путь? Этого нечего было и ждать отъ него,—сказалъ Діонисъ.—Но я радъ! Видно, что онъ дѣлаетъ успѣхи!

Фрау Бюргелинъ долго надѣялась, что нужда заставитъ Карла вернуться къ ней. Наконецъ, она не могла больше вытерпѣть и

обратилась къ Люциндѣ фонъ-Кальбъ съ просьбой сообщить ей, какъ онъ живетъ. Фрейлейнъ фонъ-Кальбъ, чтобы смягчить сердце матери, въ яркихъ краскахъ изобразила холодъ и унылую пустоту въ его ателье. Она говорила, что онъ ѣстъ въ такихъ кухмистерскихъ, куда вообще ни одинъ порядочный человѣкъ не рискнетъ и заглянуть. Но онъ отклонилъ всякую попытку къ посредничеству и сообщилъ ей, что одна старая дама, относившаяся къ нему какъ мать и видѣвшая его этюды и наброски, предоставила ему необходимый для большой работы капиталъ.

Фрау Бюргелинъ никогда не могла узнать, кто это «относившаяся къ нему по-матерински дама». Но она ненавидѣла незнакомку съ мучительной ревностью. И чѣмъ дальше уходилъ отъ нея сынъ, тѣмъ больше она ненавидѣла и его.

Понемногу она пришла къ сознанію, что разрывъ съ Карломъ—не временный, и что для нея это—начало конца...

Тяжелая усталость, лежавшая свинцомъ на тѣлѣ и даже на самомъ мозгу ея, отвращеніе ко всему—къ голосамъ, краскамъ, звукамъ, запахамъ, къ людямъ и вещамъ—все это было такъ мучительно физически!..

И вдругъ неожиданно наступало точно пробужденіе души изъ этого тупого полусна, новый приступъ остраго дикаго отчаянія, въ которомъ ея энергія, ея гордость, ея британское упорство бѣшено боролись противъ жалкаго одряхлѣнія души и тѣла. Конецъ... Завершеніе существованія, надъ которымъ природа въ щедрости своей разсыпала лучшіе свои дары!

Когда-то ея мужъ молча вернулъ себѣ свободу. Съ тѣхъ поръ онъ никогда больше не появлялся на ея пути. Ея страхъ, что онъ будетъ вмѣшиваться въ воспитаніе сыновей, оказался неосновательнымъ. Для нея онъ исчезъ безслѣдно. И все-таки его вліяніе таинственно, неуловимо отразилось въ дѣтяхъ и проявилось теперь наружу.

Ея сыновья принадлежали не ей одной... И Карлъ съ яснымъ, полнымъ сознаніемъ послѣдовалъ примѣру своего отца...

Отъ этой мысли она не могла избавиться...

Даже Діонисъ не радовалъ ее теперь по-настоящему. Конечно—утѣшала она себя,—бываетъ очень позднее развитіе; здоровый плодъ зрѣетъ медленно, съ кажущимися остановками. Но все-таки ея способность надѣяться, ея творческая фантазія, которую такъ полно унаслѣдовалъ Карлъ, медленно гасли въ ней. Въ душѣ больной женщины желаніе старѣться, чтобы видѣть, наконецъ, дѣла своего любимца, чередовалось съ стремленіемъ къ

небытію, къ сну безъ видѣній, какъ спасенію отъ послѣдняго разочарованія.

Рождественскіе каникулы приближались уже къ концу, когда фрау Бюргелинъ спросила однажды про Діониса. Паулина отвѣтила ей:

— Діонисъ у фрейлейнъ Рюдеръ, какъ всегда, когда онъ не у барыни.

Фрау Бюргелинъ сказала ей:

— Это мнѣ пріятно слышать, Паулина. Они — друзья, и должны еще больше подружиться. Діонисъ еще мальчикомъ былъ поклонникомъ Дорисъ. А теперь, если онъ и дальше будетъ такъ развиваться, онъ станетъ ей артистическимъ совѣтчикомъ.

Это и было именно то, чего она желала для нихъ обоихъ, что она тонко и умно старалась подготовить въ теченіе многихъ лѣтъ.

Но однажды, внезапно, она поняла, что тутъ нѣчто совсѣмъ другое. Это случилось въ тотъ моментъ, когда Діонисъ въ ея присутствіи накинулъ манто на плечи Дорисъ. Какъ измѣнилось выраженіе его лица, его поза при этомъ простомъ, ежедневно повторявшемся дѣйствіи: казалось, что вмѣстѣ съ мягкой тканью онъ окутываетъ дѣвушку своей нѣжностью и заботой. А этотъ взглядъ... это сіяніе счастья, отъ котораго вздрагивали рѣсницы его опущенныхъ глазъ!..

Часъ спустя mademoiselle Оберъ тихо вошла въ спальню madame, чтобы пожелать ей спокойной ночи: она ежедневно дѣлала это, хотя получала обыкновенно очень холодный, непривѣтливый отвѣтъ.

Въ комнатѣ горѣла только одна свѣча и озаряла тусклымъ, красноватымъ свѣтомъ фигуру фрау Бюргелинъ. Она сидѣла на кровати, полураздѣтая застигнутая внезапной слабостью. Шелковый платокъ покрывалъ ея бѣлые волосы и больную щеку. Глаза у нея были красные, распухшіе.

Увидѣвъ это, mademoiselle Оберъ почувствовала такую нѣжность къ этой разбитой горемъ старой женщинѣ, какой она не предполагала въ себѣ уже давно. Она стала на колѣни возлѣ фрау Бюргелинъ, обняла ее и прижалась къ ней головой.

— Madame, — прошептала она, — я имѣю къ вамъ большую просьбу! Не оставляйте меня; позвольте мнѣ остаться у васъ. Я не могу себѣ представить, какъ я буду жить безъ васъ...

Фрау Бюргелинъ долго молча смотрѣла на дѣвушку. Ея мысли блуждали далеко, далеко...

Наконецъ, она положила руку на гладко причесанные темные волосы mademoiselle и сказала мягко:

— Оставайтесь у меня, милая. Я не задержу васъ долго...

На другой день, разговаривая съ Діонисомъ, она сказала:

— Говорятъ такъ много о счастьѣ матери... но о трагедіи, лежащей въ материнствѣ, мало догадываются.

Діонисъ отнесъ эти слова къ Карлу.

Въ другой разъ она замѣтила, обращаясь къ mademoiselle:

— Милая, есть вещи, мимо которыхъ лучше всего проходить съ закрытыми глазами... о которыхъ надо молчать.

XXX.

Наступила весна и принесла столько солнца и яркой лазури неба, такъ много теплыхъ, мягкихъ дней, что все расцвѣло и распустилось небывало роскошно для суровой Тюрингіи. Садъ виллы «Эдина» въ этомъ году былъ сказочно великолѣпенъ; такимъ его создательница видѣла его только въ самыхъ смѣлыхъ своихъ мечтаніяхъ. Послѣдніе тюльпаны роняли кровавые лепестки на траву. Блѣдно розовыя кисти акацій тяжело висѣли въ тепломъ воздухѣ; при самомъ легкомъ вѣтеркѣ красиво колыхались вѣтки красныхъ и желтыхъ японскихъ розъ. Среди гроздьевъ винограда, обвивавшаго стѣны дома до самой крыши, раскрывались звѣздочки клематисовъ, а на солнечномъ припекѣ уже рдѣли коралловыя вѣтки царской короны. Изъ густыхъ ковровъ мелкой розовой гвоздики поднимался сладкій южный ароматъ, и лѣто зажигало надъ ними яркіе факелы огромныхъ красныхъ маковъ, поднявшихся высоко, чуть не въ человѣческій ростъ. Кусты лиловыхъ и желтыхъ ирисовъ торжественно красовались среди своихъ мечевидныхъ листьевъ. Это было ликующее богатство красокъ, расточительное, фантастическое великолѣпіе. Наполненный пчелинымъ жужжаніемъ и звонкимъ щебетаніемъ птицъ, напоенный ароматомъ, садъ сверкалъ, точно драгоцѣнный камень, въ оправѣ стараго зеленаго парка, устроеннаго великимъ поэтомъ и мечтателемъ...

Среди гроздьевъ винограда и лепестковъ клематиса каждую ночь мерцалъ слабый свѣтъ ночника въ комнатѣ больной, и никто на виллѣ «Эдина» не замѣчалъ особенно красоты пышнаго цвѣтенія.

Фрау Бюргелинъ уже нѣсколько недѣль въ тяжкихъ стра-

даніяхъ боролась съ болѣзнью, прихода которой она давно ждала и противъ власти которой возмущалась ея сильная натура.

Ея рана на щекѣ не распространилась дальше; она осталась едва замѣтнымъ отверстіемъ, легко скрываемымъ бѣлой тюлевой повязкой. Но она тайно и губительно, точно медленно дѣйствующій ядъ, вносила порчу въ весь организмъ. И сердце не имѣло больше силы въ быстромъ круговоротѣ разсылать кровь по тѣлу.

Казалось, что усилія выдающихся врачей и неустанный уходъ могутъ еще спасти ее. Но врядъ ли она желала спасенія!

— Надо стараться вырвать ее изъ апатіи,—высказался консиліумъ профессоровъ. — Какая-нибудь радость, душевная встряска. Тутъ есть извѣстный рискъ, но надо попробовать... Иначе мало.. нѣтъ совсѣмъ надежды.

Они сказали это Діонису. Онъ послѣднія недѣли провелъ, не выѣзжая, дома. Дипломъ доктора философіи, который онъ привезъ изъ Берлина, не могъ дать матери этого радостнаго возбужденія, не могъ оживить ее. Это онъ хорошо понималъ.

Но Карлъ... Онъ сдѣлалъ смѣлое предложеніе, которое mademoiselle и Діонисъ съ ужасомъ отклонили, такъ какъ имя Карла все еще не должно было быть произносимо въ домѣ его матери. Для нея онъ умеръ, какъ и его отецъ.

Но теперь, послѣ совѣщанія врачей, Діонисъ снова сталъ обсуждать съ Дорисъ идею Карла. И Дорисъ въ тотъ же день уѣхала во Франкфуртъ, гдѣ встрѣтилась съ Карломъ.

Онъ отсылалъ свое первое произведеніе на международную художественную выставку въ Берлинѣ. Дорисъ увидѣла снимокъ съ этого произведенія, великолѣпнаго мраморнаго фонтана. И она долго толковала съ Карломъ.

Въ одинъ изъ тихихъ, жаркихъ іюньскихъ дней фрау Бюргелинъ вынесли въ удобномъ креслѣ-носилкахъ въ садъ, въ верхнюю аллею, гдѣ была раньше площадка для игръ. Тамъ она должна была отдыхать. Дорисъ и Діонисъ шли рядомъ, mademoiselle слѣдовала сзади.

Больная смотрѣла кругомъ на дикую красоту чудовищно-горящихъ маковъ, на нѣжно-лиловые ирисы, на желтыя розы, и слезы, легко являвшіяся при тѣлесной слабости, заструились по ея щекамъ.

— Такъ я себѣ представляла садъ,—прошептала она.—

Давно, давно — когда мы купили домъ, и здѣсь былъ только огородъ.

Она красивымъ, торжественнымъ жестомъ простерла руки къ цвѣтущему великолѣпію и сказала:

— Какъ это постепенно создавалось и расло! Теперь не видно, сколько это стоило труда, денегъ и неудачъ... Теперь оно стоитъ, точно созданное природой сразу, въ порывѣ радостнаго творчества..

Она приподнялась въ креслѣ. Отъ возбужденія собственныхъ мыслей и словъ нѣжный розовый румянецъ проступилъ на ея щекахъ.

— Вѣдь мы всѣ, какъ дѣти,—продолжала она, разсуждая вслухъ.—Самое пріятное въ игрѣ для насъ—подготовленіе, постройка... А когда она окончена, когда мы начинаемъ радоваться тому, что мы сдѣлали, насъ зовутъ... пора уходить.

— Не надо сегодня говорить объ этомъ,—сказалъ Діонисъ.—Ты поправишься. Ты теперь гораздо крѣпче, чѣмъ была раньше. Тебѣ предстоитъ еще радоваться многому, чего ты и не подозрѣваешь. Если бы ты только намѣренно не отказывалась отъ радости!..

Фрау Бюргелинъ быстро повернула голову къ сыну. Весь день уже она замѣчала какое-то особое волненіе во всѣхъ, окружавшихъ ее.

— Вы что-то приготовили... Вы готовите мнѣ сюрпризъ?

— Да, мама, мы имѣемъ для тебя сюрпризъ,—сказалъ Діонисъ, беря ее за руку.

Лицо ея сразу приняло холодное, жесткое выраженіе; мягкое сіяніе глазъ погасло, въ нихъ сверкнулъ гнѣвъ.

— Діонисъ! Не надо... Я не хочу, слышишь ли! Я не хочу видѣть Карла! Отнесите меня назадъ къ дому,—приказала она садовнику и его помощнику.

Въ этотъ моментъ всѣ были рады, что Карла не было вблизи, что онъ не желалъ свиданія съ матерью, хотя сначала объ этомъ была рѣчь.

— Карла нѣтъ наверху, даю тебѣ слово,—сказалъ Діонисъ привѣтливо-серьезно, поглаживая руку матери.

Она взглянула на него благодарно, точно испуганный ребенокъ, котораго успокаиваютъ.

— Карла нѣтъ тамъ, но частица его... Его произведеніе, его первенецъ. Онъ сильно надѣется на него. И онъ очень желаетъ, чтобы ты видѣла его...

— Его произведеніе,—повторила фрау Бюргелинъ тихо и закрыла глаза. Голова ея тяжело склонилась на подушки. Она поблѣднѣла; дрожь пробѣгала по ея лицу. Mademoiselle дала ей понюхать флаконъ соли.

Люди поставили носилки.

Въ концѣ продолговатой площадки, тамъ, гдѣ клены и буки бросали легкія зеленыя тѣни, гдѣ вьющійся дикій виноградъ смягчалъ яркіе аккорды красокъ, возвышался ослѣпительно бѣлый мраморъ. И казалось, что только волшебная грёза могла занести его въ этотъ волшебный садъ...

Бассейнъ старой, простонародной формы и изъ-за одного угла его, точно выползая изъ подводнаго ила, высовывалась голова безобразнаго звѣря.

Отъ чудовища спасалась въ страхѣ цѣлая вереница легкихъ эльфовъ. Ихъ нѣжныя, стройныя, дѣвическія фигурки рельефно выступали въ мраморѣ, и нельзя было себѣ представить ничего очаровательнѣе ихъ испуганныхъ позъ. Нѣкоторыя старались защитить отъ страшнаго врага маленькихъ, кругленькихъ дѣтей-эльфовъ... Самая смѣлая, съ милымъ личикомъ, стала поперекъ дороги чудовища, прижавъ руку къ сердцу... И видно было біеніе каждаго нерва въ ея тѣлѣ, чувствовалось порывистое дыханіе нѣжной, едва формировавшейся груди...

На другой сторонѣ бассейна, тамъ, гдѣ мраморъ сохранилъ свою естественную шероховатость его покрывали водоросли изъ зеленоватой бронзы. Онѣ обвивали трубы, по которымъ должна была идти вода, и вились наверхъ, къ отверстію въ камнѣ, гдѣ царица змѣй дремала, свернувшись клубкомъ...

Легко скользящія, подвижныя тѣни отъ деревьевъ, рефлексы свѣта, прыгавшіе по мрамору—все это придавало этому сказочному міру обманчивый видъ настоящей жизни... Но не одно это...

Отчего, напримѣръ, было понятно, что змѣя съ маленькой короной на головѣ была заколдованная принцесса?

Отчего зритель такъ властно переносился изъ будничной прозы въ неправдоподобное, но подлинное и отчетливо представляющееся сознанію сказочное царство?..

Тяжелыя слезы капали изъ глазъ матери. Это не были неудержимыя, слабыя слезы старухи. Нѣтъ: потрясенная до глубины душа рождала эти капли. И подъ дымкой слезъ властные, синіе глаза загорались яркимъ огнемъ жизни, скорбной, но глубокой, радостью.

— Да... онъ—художникъ... большой художникъ,—промол-

вила она медленно и серьезно.—Отнесите меня назадъ. Я теперь отдохну.

И больше не было сказано объ этомъ ни слова.

Тихо, будто въ дремотѣ, фрау Бюргелинъ лежала слѣдующіе дни, снова погрузившись въ свою прежнюю слабость. Только выраженіе ея лица измѣнилось.

Исчезла жестоко-властная черта надъ ртомъ. Все стало мягкимъ и кроткимъ въ этомъ лицѣ, всегда носившемъ печать неумолимой гордости. Кожа приняла блѣдно-лучистый оттѣнокъ, точно отъ лупнаго свѣта. Руки потеряли всякую силу и наощупь были дряблыя, мягкія какъ вата. Странная, сіяющая, неземная улыбка озаряла лицо убѣжденной атеистки, придавая ему выраженіе и красоту святой, которая душой видитъ радости рая.

Діонисъ и ухаживавшія за больной женщины съ изумленіемъ, съ жуткой, умиленной тревогой замѣчали эту перемѣну. Въ тѣ минуты, когда сознаніе ея возвращалось изъ полузабытья къ дѣйствительности, она старалась сказать пріятное, ласково взглянуть, улыбнуться.

Діонисъ не рѣшался заговорить о братѣ, чтобы не нарушать мира, который послѣ столькихъ тяжелыхъ терзаній рѣялъ надъ изголовьемъ умирающей матери. Но mademoiselle не въ силахъ была видѣть медленное угасаніе фрау Бюргелинъ и не услышать ея послѣдняго слова къ Карлу. Своей чуткой душой любящей сестры она понимала впечатлительную, воспріимчивую къ страданію натуру художника лучше, чѣмъ понималъ ее Діонисъ, жившій своей собственной жизнью, полной молчаливаго, интенсивнаго ожиданія.

Однажды ночью mademoiselle одна оставалась у постели фрау Бюргелинъ, такъ какъ Паулина нуждалась въ отдыхѣ. Увидѣвъ, что взглядъ больной прояснился и лицо приняло сознательное выраженіе, она наклонилась къ ней и мягко спросила:

— Madame, у васъ не является желаніе видѣть Карла? Онъ жаждетъ вашего прощенія.

Фрау Бюргелинъ сдѣлала рукой слабый отстраняющій жестъ.

— Нѣтъ, мнѣ бы не хотѣлось видѣть его,—шепотомъ сказала.—Я, вѣдь, видѣла его произведеніе. Не надо портить впечатлѣнія. Я чувствую, что мое лучшее будетъ жить въ немъ... Онъ все-таки кровь и плоть моя и духъ мой. Онъ—мой сынъ... можетъ быть, больше, чѣмъ Діонисъ... Ахъ, милая, какъ трудно постигнуть жизнь!.. Хорошо, что я ухожу изъ нея. Нѣтъ, не

плачьте, добрая, вѣрная. Я счастлива, что поняла законъ, управляющій всѣмъ....

Она снова погрузилась въ молчаніе, а потомъ въ дремоту. И снова проясненная улыбка освѣтила мирный покой ея лица,

Эту улыбку она сохранила и послѣ смерти, и ее увидѣлъ Карлъ, пріѣхавшій домой на похороны.

Съ нѣмецкаго пер. М. Славинская.

ЖАРЪ-ПТИЦА.

Какъ въ сказкѣ говорится:
За тридевять земель
Жила-была Жаръ-птица
И пѣла, что свирѣль.

За нею въ путь неспорый
Собрался богатырь,
Черезъ лѣса и горы,
Черезъ степную ширь.

Терпѣлъ онъ всѣ помѣхи:
Шелъ въ воду и огонь,
Заржавѣли доспѣхи
И палъ надежа-конь.

На лбу за бороздою
Ложилась борозда,
И съ каждою бѣдою
Бѣлѣла борода.

Синь моря хмурымъ взглядомъ
Предстала наконецъ,
Ходили волны стадомъ
Серебряныхъ овецъ.

Средь рощи ярко-пестрой,
Гдѣ плылъ отъ листьевъ звонъ,
Въ высокой башнѣ острой
Нашелъ Жаръ-птицу онъ.

Но было не златое,
Горящее остро,
А сѣрое, простое
У птицы той перо.

Услышалъ онъ не пѣнье,
А хриплый дикій крикъ,
И въ горькомъ удивленьи,
Задумался старикъ.

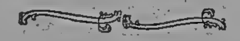
А птица: «Все похоже
На сонъ въ пути твоемъ.
Ты былъ весны моложе,
Приходишь старикомъ!

Но только молодому
Краса моя видна,
А старому такому,
Скажи: зачѣмъ она?

Твои ослѣпнутъ очи,
Увидѣвши меня.
Ты сталъ темнѣе ночи,
А я яснѣе дня».

Поникшій и безмолвный,
Изъ башни вышелъ онъ
И, прянувъ съ камня въ волны
Былъ въ море унесенъ.

Александръ Рославлевъ.

СРЕДИ ПѢСЕННИКОВЪ-КАЗАКОВЪ.

(Отрывки изъ воспоминаній).

Пѣсня у казаковъ имѣетъ широкое примѣненіе. Ни одинъ сколько-нибудь выдающійся случай въ личной, семейной или общественной жизни—гулянья, семейныя торжества, посидѣлки, вечеринки, хороводы, проводы казаковъ на службу, на ученье, встрѣчи «служивыхъ» изъ полка и т. п.—не обходится безъ пѣсенъ. Можно смѣло сказать, что каждый шагъ казака отъ колыбели и до могилы обставленъ опредѣленнымъ пѣсеннымъ и обрядовымъ ритуаломъ. Сообразно съ этимъ велико значеніе пѣсенниковъ, хранителей и выразителей этой пѣсни.

Пѣсенники не составляютъ, собственно, особой профессіи; поютъ,—«играютъ» по мѣстному выраженію,—пѣсни всѣ казаки, но въ силу того, что населеніе любитъ пѣсню, цѣнитъ хорошее исполненіе ея, титулъ «пѣсенника» присваивается далеко не всякому, умѣющему пѣть, а лишь хорошимъ исполнителямъ, выдѣляющимся, тѣмъ самымъ, изъ остальной массы населенія данной мѣстности. Каждая станица, каждый хуторокъ имѣетъ своихъ пѣсенниковъ, отличаетъ ихъ отъ рядовыхъ исполнителей пѣсенъ, ухаживаетъ за ними. Нѣкоторые изъ такихъ пѣсенниковъ извѣстны лишь среди сосѣдей; извѣстность другихъ, благодаря ярмаркамъ, учебнымъ и лагернымъ сборамъ, смотрамъ и т. п., выходитъ иногда далеко за предѣлы ихъ жительства и захватываетъ цѣлую округу радіусомъ на сотни верстъ.

Нельзя сказать того же самаго про пѣсенницъ-казачекъ. Выступая въ роли самостоятельныхъ исполнительницъ лишь въ нѣкоторые строго опредѣленные моменты, какъ напр. на свадьбахъ, весеннихъ или троицкихъ играхъ, онѣ во всѣхъ другихъ

случаяхъ являются лишь помощницами, «подголосками» пѣсенниковъ-казаковъ и цѣнятся меньше, а извѣстность ихъ ограничивается предѣлами родного хутора или, въ рѣдкихъ случаяхъ, станицы.

I [1]).

Хуторъ Исаевъ лежалъ въ сторонѣ отъ нашего пути и не входилъ въ нашъ маршрутъ. Попали мы туда совершенно случайно и почти помимо нашей воли.

Послѣ рѣшенія статистическаго комитета о нашей поѣздкѣ по области съ цѣлью собиранія пѣсенъ, товарищъ мой по поѣздкѣ, А. М. Листопадовъ, и я заѣхали въ хуторъ Насонтовъ, гдѣ жилъ тогда Листопадовъ. Надо было подготовиться въ дорогу—ѣхали мы на 9 мѣсяцевъ,—обдумать каждую мелочь. Сборы заняли дней пять.

Какъ-то вечеромъ къ намъ зашелъ знакомый намъ обоимъ старикъ-казакъ сосѣдняго съ Насонтовымъ хутора Исаева, Ермаковской станицы, Михайлычъ, служившій въ Насонтовѣ сторожемъ при церкви. Михайлычъ часто заглядывалъ къ Листопадову и былъ у него почти «свой человѣкъ».

На этотъ разъ видъ его былъ не совсѣмъ обыченъ. Замѣтна была какая-то торжественная серьезность, и въ то же время смущеніе, какъ будто у старика было что-то на душѣ, чего онъ не могъ рѣшиться высказать. Цѣлый вечеръ Михайлычъ былъ самъ не свой и, наконецъ, набрался смѣлости.

— Къ намъ бы на Исаевъ вамъ заѣхать, А. М.,—началъ онъ неувѣренно.—У насъ во какіе пѣсенники—мало гдѣ найдешь такихъ!.. Не хвалясь скажу, поискать такихъ-то... Зять у меня дюжа хорошо играетъ...

Ермаковская станица съ ея хуторами совсѣмъ не входила въ нашъ маршрутъ. Станица эта, населенная недавно, стянула къ себѣ выходцевъ со всѣхъ почти станицъ Дона. Рядомъ съ «низовымъ» казакомъ селился здѣсь «верховой». Мы старались по возможности избѣгать такихъ пунктовъ, потому что отъ нихъ нельзя было ожидать собственной, сложившейся изстари пѣсенной физіономіи, какая имѣется у станицъ старыхъ, образовавшихся давно. Во вновь основанныхъ станицахъ населеніе,

---

[1]) Этотъ очеркъ, а также части другихъ, въ иной обработкѣ, были напечатаны въ газ. Донская Рѣчь» и «Донск. Областн. Вѣдомости» въ 1903—1909 гг.

сошедшееся изъ разныхъ пунктовъ, привыкшее въ мѣстѣ прежняго жительства къ установившейся тамъ манерѣ пѣнія, обыкновенно на первыхъ порахъ совсѣмъ не въ состояніи «играть» другъ съ другомъ. Ассимиляція происходитъ постепенно, и въ дальнѣйшемъ, вырабатывается какой-то средній типъ «игры», не похожій ни на одинъ изъ первоначальныхъ типовъ.

Въ концѣ концовъ Михайлычъ переупрямилъ насъ. Мы выбрали свободное время и поѣхали на Исаевъ.

Михайлычъ ждалъ насъ. Не успѣли мы выйти изъ тарантаса на «взъѣзжей квартирѣ», какъ онъ уже прибѣжалъ туда, сіяющій, довольный, словно мы сдѣлали ему Богъ вѣсть какое одолженіе, и потащилъ насъ къ себѣ.

— Чайку попьете покель... а я зятя кликну.

Уже вечерѣло. Пока мы пили чай, къ куреньку Михайлыча собралась порядочная толпа.

Для глухого степного хуторка, затеряннаго среди необозримыхъ полей, живущаго тихою, монотонною жизнью, позволяющаго себѣ изрѣдка только—въ большіе праздники—выѣзжать «на люди», «къ церкви», на ярмарку и здѣсь напитывающагося впечатлѣніями на круглый годъ,—для такого хуторка нашъ пріѣздъ былъ событіемъ, которое должно было взволновать его и поставить на ноги. А необычная, съ точки зрѣнія хуторка, до дикости даже необычная цѣль нашего пріѣзда: «Пѣсенниковъ экзаментуютъ!» — въ сильнѣйшей степени заинтриговала населеніе хуторка—и стариковъ и молодежь, и казаковъ и казачекъ...

Михайлычъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Ему, какъ и многимъ старикамъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть послѣ, пріятно было узнать, что «поднимаютъ старину».

Уже въ то время по всему Дону начало ярко сказываться отдаленіе молодежи отъ стариковъ. Молодое поколѣніе казаковъ стало «отставать отъ старины», отъ стараго уклада жизни и располагать жизнь по новому, по своему, съ рѣшительностью отбрасывая многое, чѣмъ жили старики. Старики стали отходить на второй планъ; ихъ значеніе, какъ болѣе опытныхъ, толковыхъ и знающихъ совѣтниковъ и руководителей, начало возбуждать сомнѣнія и сводиться иногда къ нулю.

Отходятъ «старики» на второй планъ—отходитъ вмѣстѣ съ ними и все то, чѣмъ жили они, отходитъ, въ частности, и возбуждаетъ уже улыбку, а подчасъ и нетерпѣливую досаду, и старая казачья пѣсня, хранителями которой были они... Подчеркивавшееся нашей поѣздкой и работой значеніе «старой» пѣсни, а слѣдовательно

стариковъ, какъ хранителей ея, давало старикамъ возможность еще разъ, хоть на минуту, занять передній планъ...

Пришелъ зять Михайлыча, Антонъ Гончаровъ, рослый, нѣсколько сутуловатый казакъ, одѣтый въ поношенный, узкій теперь ему, форменный казачій мундиръ стараго образца, съ короткими фалдами. Гончаровъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣли мы съ Михайлычемъ за чаемъ, поздоровался и сталъ у печи, смущенно перебирая въ рукахъ фуражку.

Мы пригласили его присѣсть къ столу. Гончаровъ присѣлъ. Онъ стѣснялся насъ и робѣлъ. Его большія, крѣпкія, загорѣлыя руки смѣшно торчали изъ узенькихъ и короткихъ рукавовъ мундира, и онъ все пряталъ ихъ подъ столъ, неловко сгибаясь на стулѣ.

Пришелъ еще пѣсенникъ-старикъ, Никифоръ Васильевичъ Приходкинъ, и мы приступили къ работѣ. Намѣтили съ ними пѣсни, которыя нужно было записать, приготовили бумагу, карандаши, А. М. на всякій случай распаковалъ фонографъ. Присутствовавшіе съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ, и въ комнатахъ становилось все тише и тише.

— Ну, можно начинать,—обратился Листопадовъ въ сторону Гончарова.

Гончаровъ поблѣднѣлъ, закашлялся и отодвинулся отъ стола въ темноту. Кругомъ всѣ притихли и насторожились. Михайлычъ усѣлся плотнѣе на табуретѣ, подперъ щеку рукой и впился взглядомъ въ Антона. Тотъ потихоньку, безъ словъ, провелъ одно колѣно пѣсни и остановился.

— А подголашивать кто-жъ будя? — обратился онъ къ Михайлычу.—Одному неспособно...

Михайлычъ рванулся съ мѣста и заметался по комнатѣ:

— И въ самъ дѣлѣ...

Приходкинъ не зналъ всѣхъ тѣхъ пѣсенъ, какія зналъ Гончаровъ, а однѣ и тѣ же пѣсни «игралъ» нѣсколько иначе. Они были изъ разныхъ станицъ. Приходкинъ переселился когда-то въ Исаевъ изъ Усть-Бѣло-Калитвенской станицы и «игралъ по-калитвенски», Гончаровъ, выходецъ изъ Екатерининской станицы,— «по-катериновски». И хотя обѣ эти станицы лежали рядомъ и пѣсенники давно уже жили въ одномъ хуторѣ, чуть ли не были сосѣдями, —«сыграть» пѣсню вмѣстѣ они не могли. Не стали даже и пробовать.

— Лисава разя?—напомнилъ Гончаровъ.

— Во-во!—обрадовался Михайлычъ:—Лисава подголоситъ!

Онъ метнулся въ сосѣднюю комнату, биткомъ набитую теперь

зрителями, растолкалъ толпу и вывелъ къ намъ въ горницу за руку «Лисаву».

«Лисава»—Елизавета—жена Гончарова, рослая, красивая, молодая еще казачка, вошла смѣло, безъ всякаго смущенія и безъ отговорокъ согласилась.

— Ну-къ што-жъ. Заводи.

— Ой, да я служилъ ба, толичка служи-илъ да раздоб-рай я молодецъ...—красивымъ, нѣсколько дрожащимъ отъ волненія баритономъ началъ Гончаровъ пѣсню.

— Служилъ бы я ровно тремъ гей..,—подхватила Лисава.

Голоса красиво переплелись, и своеобразная пѣвучая мелодія полилась безъ перерыва.

Гончаровъ преобразился. Онъ уже не стѣснялся, не горбился, не пряталъ рукъ, а, наклонивъ немного на бокъ голову и скрестивъ руки на груди, весь отдался пѣснѣ. Со второй строфы голосъ у него окрѣпъ, появились варьирующія, украшающія мелодію нотки. Лисава «подголашивала» высокимъ контральто. Безъ словъ, какимъ-то, среднимъ между е и а звукомъ, она вплетала въ мелодію цѣлый букетъ мелкихъ, высокихъ, извивающихся, сверкающихъ нотокъ, и черезъ нихъ пѣсня получала художественную законченность, ширь и розмахъ. Иногда Лисава останавливалась на минуту, пережидала, пока мужъ одинъ проведетъ «колѣно» пѣсни и, присоединившись, сильнѣе оттѣняла характерную красоту мелодіи.

А пѣсня жаловалась:

Служилъ ровно тремъ царямъ... по семи годовъ...
Одному царю Александрушкѣ, служилъ ровно девять лѣтъ...
Сочлось моей вѣрной службицы ровно тридцать лѣтъ...

Присутствующіе слушали, притихнувъ и, казалось, притаивъ дыханіе.

Одну изъ слѣдующихъ пѣсенъ играли старики, Приходкинъ и Михайлычъ. Гончаровъ и Лисава не знали и, какъ оказалось, ни разу даже не слыхали ея.

— Пѣсня брошенная,—опредѣлилъ ее Приходкинъ.

— Иди, старуха, помогать будешь, — позвалъ жену Михайлычъ. Та отказалась и только послѣ долгихъ и настойчивыхъ уговоровъ вышла, скорѣе была вытолкнута изъ сосѣдней комнаты зрителями.

Не свѣтила вотъ красная солнушка ровна девять лѣтъ,
На десятымъ солнушка просяила...

Тихіе старческіе дрожащіе голоса.

По контрасту съ блестящей, отчетливой игрой Гончаровыхъ тихій, отрывистый старческій речитативъ производилъ какое-то милое, задушевное впечатлѣніе.

— Славная пѣсня,—шепнулъ Гончаровъ и весь подался впередъ.

Поздно вечеромъ пришелъ еще одинъ пѣсенникъ, Захаровъ, котораго все время поджидалъ Гончаровъ. Захаровъ только что вернулся изъ станицы.

— Ну, братъ, садись... Мы братами съ нимъ со службы зовемся,—пояснилъ Гончаровъ въ мою сторону:—крестами мѣнялись... Чево такъ поздно? А я тутъ безъ тебе попотѣлъ...

Теперь играли Захаровъ и Гончаровъ. «Заводилъ» и велъ мелодію пѣсни Захаровъ, Гончаровъ «подголашивалъ» теперь высокимъ теноромъ, переходившимъ временами въ фальцетъ.

Зрители понемногу дѣлались смѣлѣе и мало-по-малу наполнили горницу. Сплошной стѣной стояли они сейчасъ за лавкой, на которой сидѣли передъ столомъ, какъ почетные гости, старики и старуха... Стало жарко и душно. Михайлычъ отъ выпитой водки и жары раскраснѣлся и принялъ еще болѣе торжественный и важный видъ.

— Не налегай, народы!—уговаривалъ онъ зрителей.

Открыли окна, но это мало помогло. Окна были облѣплены слушателями.

Поздно ночью окончили мы работу. Усталые отъ непрерывнаго нервнаго напряженія шли мы на взъѣзжую квартиру. Гончаровъ и Михайлычъ пошли провожать насъ. Гончаровъ былъ возбужденъ; ему, видимо, не хотѣлось уходить отъ насъ. Стояла тихая, звѣздная, чуть-чуть морозная ночь, похожая на весеннюю. Хуторокъ еще не спалъ. Въ хатахъ виднѣлись огоньки, кое-гдѣ на улицѣ слышны были голоса, смолкавшіе при нашемъ приближеніи.

Первый пунктъ порадовалъ насъ. Мы не ожидали такого блестящаго начала. Михайлычъ не обманулъ.

II.

...Хуторъ Кременской Усть-Быстрянской станицы.

Мой спутникъ Листопадовъ давно уже ждалъ, что называется, «дорваться» до этого хутора. Въ немъ—мы знали—жилъ пѣсенникъ Федоръ Максимовичъ Мартыновъ, глубокій старикъ, помнившій цѣлый рядъ былинъ. Тексты былинъ были записаны

съ его словъ раньше В. А. Харламовымъ, — тогда студентомъ московскаго университета, впослѣдствіи членомъ первой и второй Государственной Думы—и напечатаны въ журналѣ русскаго антропологическаго общества. Судя по полнотѣ и чистотѣ текста былинъ (относительной, конечно, по сравненію съ былинами, сохранившимися въ другихъ мѣстахъ Дона), можно было ожидать, что въ Кременскомъ мы встрѣтимъ и болѣе чистые мотивы, незатемненные позднѣйшими прибавленіями, вставками и переработкой. Мой спутникъ заранѣе потиралъ руки.

— Хоть бы утро скорѣе! — вырвалось у него, когда мы ложились спать.

Въ Кременской мы пріѣхали ночью, наканунѣ праздника, такъ что о немедленной работѣ нечего было и думать. Весь вечеръ Листопадовъ волновался и разспрашивалъ хозяевъ дома, гдѣ мы остановились, о Федорѣ Максимовичѣ. Отвѣты хозяевъ только подливали масла въ огонь.

— Да ужъ Федоръ Максимовичъ—пѣсенникъ, можно сказать!.. Вся порода ихняя пѣсенники...

На утро волненіе сообщилось и мнѣ. Рано, едва лишь взошло солнце, мы перебрались отъ пріютившихъ насъ Харламовыхъ на взъѣзжую квартиру, гдѣ предполагали работать, и послали приставленнаго къ намъ атаманомъ «вѣстового» казака за Федоромъ Максимовичемъ.

— Въ церкви заразъ,—сообщилъ вѣстовой, вернувшись:— послѣ обѣдни придя.

Время потянулось страшно медленно,—еле дождались мы конца обѣдни и прихода старика.

— Ну што жъ, поиграю, — совершенно спокойно согласился Федоръ Максимовичъ, когда мы изложили ему цѣль нашего пріѣзда:—отчего не сыграть? У мене такъ жа вотъ разъ Василій Акимовичъ списывалъ... пишитя и вы...

Вмѣстѣ со старикомъ, заинтересовавшись, видимо, нашей работой, пришли нѣсколько его молодыхъ родственниковъ: зять, Иванъ Гавриловичъ Воиновъ, и двѣ дочери старика — Марія и Екатерина; потомъ подошелъ старшій сынъ его, пожилой уже казакъ, Василій Федоровичъ. Всѣ они позже, освоившись съ нами, помогали старику пѣть; сначала же никто не рѣшился выступить изъ кружка зрителей, мало-по-малу наполнившихъ комнату. Передъ нами у стола сидѣлъ, понурившись и какъ будто безучастно относясь къ окружающему, одинъ Федоръ Максимовичъ. Пришлось поневолѣ задать вопросъ:

— А еще кто бы сыгралъ съ тобою, Федоръ Максимовичъ?..

Старикъ видимо не понялъ сразу. Пришлось переспросить:

— Подголоскомъ кто будетъ?

— Подголоскомъ-то?.. Никого нѣту... Перемерли мои товарищи-то... съ кѣмъ игрывалъ я... а такъ въ хуторѣ нихто не сыграя.

— Соколиху ба позвать, — предложилъ кто-то изъ зрителей.

— Кочеткову, — поддержалъ другой:—самая ужъ товарка ево...

— Какую Кочеткову?—заговорили въ толпѣ.

— Марью Ивановну.

— О?!. Марью Ивановну ды Соколиху—самай какъ разъ... Самаи подружки ево—вмѣстѣ гуливали...

Нѣсколько голосовъ подтвердили то же самое. Согласился и Федоръ Максимовичъ, что эти двѣ женщины лучше всѣхъ остальныхъ хуторянъ знаютъ тѣ пѣсни, которыя зналъ и онъ, и помогутъ ему. Зрители, принявъ близко къ сердцу наше затрудненіе съ «подголосками» и нашедши выходъ изъ него, сами же и довели до конца одобренное всѣми рѣшеніе. Кто-то распорядился послать за Кочетковой и Соколовой, кто-то пошелъ за ними.

Понадобилось однако потратить нѣкоторое время на дипломатическіе переговоры съ пришедшими старухами, такъ какъ онѣ упорно отказывались играть, ссылаясь то на совершенное незнаніе пѣсенъ, то на плохую память, то на праздникъ...

— Грѣхъ-то на комъ будя?..

Въ переговоры вступили и зрители, убѣдившіе старухъ «не ломаться».

Сразу Федоръ Максимовичъ ввелъ насъ въ кругъ старыхъ-старыхъ, затерявшихся въ большинствѣ станицъ на Дону, пѣсенъ—осколковъ былинъ, въ свое время, вѣроятно, имѣвшихъ здѣсь широкое распространеніе.

— Да во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
Да у славнава бы князя Володиміра
Собиралась у него да пиръ-бесѣдушка—
Все честна то бы, хвальна да многорадостная...

Федоръ Максимовичъ серьезно, съ какимъ-то дѣловымъ видомъ «игралъ» былину. Отъ всей его крупной, немного согнутой старостью фигуры вѣяло этой серьезностью. Получалось впечатлѣніе, что онъ также серьезно смотритъ и на наше дѣло, и на свое участіе въ немъ, и это впечатлѣніе зарождало

въ душѣ чувство удовлетворенности, благодарности и симпатіи къ старику.

— Во бесѣдушкѣ сидятъ все князья бояры—размѣренно, не торопясь, оттѣняя слова, пѣлъ Федоръ Максимовичъ былину, разсказывавшую о томъ, какъ Иванъ Гардиновичъ заспорилъ съ княземъ Владиміромъ о быстротѣ лошадей.

Расхвастался на пиру Владиміръ князь:

— Какъ и есть то въ мене—князя—полтораста мереньёвъ,
Полтораста мереньёвъ, девяносто жеребцовъ.
Да и кто бы со мной, княземъ, позаспоровалъ скакать?
Не объ ста-то рублей и не объ тысячу —
Объ своихъ-то объ буйныхъ объ головушекъ?!

Принялъ вызовъ одинъ Иванъ Гардиновичъ.

— Какъ выводитъ младъ Ванюша свово добраго коня,
Свово добраго коня—коня бурушку...
Ванинъ конь заигралъ, на немъ шубу разорвалъ.
Какъ и всѣ-то тутъ князья диковалися,
Во глаза они Ванюшѣ засмѣялися...

Чисто по казачьи обрисовано отношеніе Ивана Гардиновича къ коню въ томъ замѣчаніи, которое кинулъ богатырь въ сторону князей-бояръ:

— Да вы глупы, неразумны, князья-бояры!
Я поболѣ поживу—себѣ шубу наживу,
А такого-то конечка мнѣ во вѣки не нажить!..

— Отпѣлъ! — съ чувствомъ удовлетворенія вырвалось у кого-то изъ слушателей-казаковъ:—молодчина!..

Начало былины,—нѣсколько строфъ—Федоръ Максимовичъ «игралъ» почти одинъ. Соколова и Кочеткова, восьмидесятилѣтнія старухи, мало помогали ему.

— Голосъ не наломался!—замѣтила одна изъ нихъ.

Понемногу однако «разыгрались», «наломали голосъ» и старухи; въ мелодію вплелись женскіе голоса, и мотивъ былины выступилъ болѣе выпукло, сдѣлался яснѣе, прозрачнѣе, легче, я бы сказалъ—воздушнѣе... Съ середины былины къ поющимъ старикамъ присоединились зять Федора Максимовича, Иванъ Гавриловичъ, молодой еще казакъ, страстный любитель пѣсенъ, перенявшій у старика чуть ли не весь его богатый репертуаръ, и дочь старика Марья Федоровна.

— Утерпишь разя?! — улыбнулась она въ мою сторону, видя, что я замѣтилъ ея вступленіе въ пѣсню.

Слѣдующія былины играли уже всѣ родственники Федора Максимовича. «Велъ» пѣсню въ основномъ ея мотивѣ Федоръ Максимовичъ, а остальные потихоньку подыгрывали ему. Голосъ старика звучалъ еще довольно твердо, хотя временами прерывался, дрожалъ и заглушался кашлемъ. И, кашляя, Федоръ Максимовичъ, очевидно, не переставалъ «въ умѣ» играть пѣсню, такъ какъ онъ качалъ въ тактъ пѣсни головою и помахивалъ рукой, а откашлявшись сейчасъ же вступалъ въ хоръ и велъ пѣсню дальше.

— Экъ кабы мнѣ годиковъ такъ сорокъ долой!.. — пожалѣлъ онъ,—а то што я теперь?!

При взглядѣ на Федора Максимовича у меня невольно вставалъ въ головѣ вопросъ:—какъ, какими путями, въ силу какихъ обстоятельствъ дошли до этого старика былины въ такомъ чистомъ, сравнительно, видѣ и въ такомъ обиліи?

Нельзя было предположить, чтобы Федоръ Максимовичъ, потому запомнилъ и сохранилъ въ своей памяти сравнительно много былинъ, что питалъ къ нимъ особое пристрастіе, выдѣлялъ ихъ изъ массы другихъ пѣсенъ и тщательно собиралъ ихъ. Противъ такого предположенія говорило его отношеніе къ былинамъ, которыя онъ не отмѣчалъ ничѣмъ въ ряду другихъ пѣсенъ—ни особымъ названіемъ, ни особою отдѣлкою во время исполненія. Также нельзя было во время пѣнія имъ былинъ сказать, что это его *любимыя* пѣсни. У каждаго изъ пѣсенниковъ, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, есть такія «свои», «любимыя» пѣсни. Во время исполненія такой пѣсни при взглядѣ на пѣсенника сразу можно было замѣтить особое пристрастіе его къ этой именно пѣснѣ; чувствовалось, что въ нее онъ вкладываетъ нѣчто большее, чѣмъ знаніе и искусство,—вкладываетъ душу. Многіе изъ пѣсенниковъ сами аттестовали такого рода пѣсни:

— Моя любимая самая!

Въ исполненіи же Федора Максимовича не видно было такого любовнаго пристрастія къ былинамъ. Если онъ и выдѣлилъ въ началѣ былины изъ ряда другихъ пѣсенъ, то потому лишь, что именно былины онъ пѣлъ уже В. А. Харламову, слышалъ, вѣроятно, отъ послѣдняго про важность и значеніе этихъ пѣсенъ и могъ предположить (да мы и сами не скрывали этого), что и для насъ этого рода пѣсни имѣютъ особый интересъ...

Получить возможность отвѣтить категорически на поставленный выше вопросъ, значило бы заглянуть за ту, таинственную до сихъ поръ для насъ завѣсу, которая прикрываетъ какъ тайну народнаго творчества, такъ и тайну сохраненія и распространенія его созданій... Разгадка лежитъ главнымъ образомъ въ психикѣ народа, въ таинственной коллективной «народной душѣ», а мы, къ глубочайшему сожалѣнію, такъ мало знаемъ эту душу...

И хотѣлось приподнять хоть маленькій краешекъ этой завѣсы, хотѣлось заглянуть въ прошлое Федора Максимовича, узнать объ его молодости... Восклицаніе старика о «сорока годикахъ» заставляло предполагать, что эти «годики» наложили на него, какъ на пѣсенника, неизгладимую печать, вытравили изъ него какія-то качества, которыя нельзя уже возстановить и о которыхъ остается только сожалѣть.

А Федоръ Максимовичъ сидѣлъ напротивъ меня черезъ столъ—спокойный, полуугасшій, и время отъ времени, въ промежуткахъ между двумя пѣснями, бросалъ короткія воспоминанія:

— Съ родителемъ покойникомъ мы игрывали... Любилъ покойникъ играть... Бывало въ Калитвѣ на ярманкѣ заиграемъ— вся ярманка за нами ходя...

По одному уже штриху—«вся ярманка за нами ходя»— можно было заключить, что Федору Максимовичу въ свое время достался въ наслѣдство богатый пѣсенный репертуаръ и хорошая пѣсенная школа, пройденная подъ руководствомъ отца. Къ этому присоединилось еще, вѣроятно, вліяніе, оказанное въ дѣтствѣ на Федора Максимовича его дядей, старшимъ братомъ отца, ветераномъ двѣнадцатаго года, о чемъ Федоръ Максимовичъ упомянулъ тоже вскользь.

Можетъ быть, въ этихъ двухъ Мартыновыхъ—отцѣ и дядѣ— можно видѣть своеобразныхъ собирателей и пропагандистовъ казачьей пѣсни...

Работа наша шла споро. Пѣсня слѣдовала за пѣсней; мы едва успѣвали дѣлать записи. «Разогрѣлся» Федоръ Максимовичъ, «наломали голоса» старухи, освоились съ нами и обстановкой родственники Федора Максимовича,—хоръ получился ровный, дружный, спѣвшійся.

— Давай-ка, Максимовичъ, «Груню» имъ заиграемъ!?— попросила старика Соколова.—Вы ужъ дозвольте намъ нашу, бабью проиграть,—обратилась она въ нашу сторону: — самая наша любимая была колись!

— «Груню», «Груню»... обязательно надо проиграть!—

оживленно, съ улыбкой подхватилъ Воиновъ, знавшій, должно быть, эту пѣсню.—Безъ «Груни» какъ можно уходить?!

Поддержали и слушатели изъ толпы:

— «Груню» проиграешь имъ, и умирать, бабка, можно!

— Вполнѣ!... Всю службу отслужишь...

Трое стариковъ проиграли «Груню»; молодежь не мѣшала, слушала... Славная такая, задушевная бытовая пѣсенка. Какой-то отзвукъ давнишняго молодого задора и увлеченія послышался мнѣ въ голосахъ стариковъ, какъ будто съ этой пѣсенкой какія-то воспоминанія зашевелились у нихъ въ сердцѣ.

— Груня-ягодка!.. Просила Груняшенька
Ночевать къ себѣ дружка:
«Приди, приди, разлюбезный мой,
Сладкихъ яблокъ принеси»...

— Ну, теперя вы ужъ отпуститя насъ, старухъ,—поднялась Соколова, когда пѣсенка была окончена: — все вамъ начисто выложили... после «Груни» ничего ужъ нѣту!..

Я вышелъ проводить старухъ на крыльцо и смотрѣлъ, какъ онѣ медленно, опираясь на палки, пошли вдоль по улицѣ въ гору.

III.

До самаго «Хопра»—хоперскаго округа—намъ не пришлось считаться съ какими бы то ни было фантастическими разсказами о насъ и о нашей работѣ. Во всѣхъ почти станицахъ по Донцу и вверхъ по Дону до станицы Нижне-Чирской пѣсенники относились къ намъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ къ чиновникамъ, командированнымъ «начальствомь» для работы съ какою-то невѣдомою и непонятною цѣлью, и на свое участіе въ этой работѣ смотрѣли какъ на своего рода служебную повинность.

Такой оффиціальный взглядъ на насъ и на нашу работу имѣлъ много неудобствъ. Пѣсенники, даже глубокіе старики, держали себя въ нашемъ присутствіи натянуто, какъ передъ начальствомъ, нѣкоторые старались «угодить», нѣкоторые замыкались въ себя, такъ что отъ нихъ въ началѣ работы трудно было добиться слова,—и если не уходили домой, то лишь изъ вѣжливости или изъ сознанія необходимости «служить», какъ выразился одинъ изъ стариковъ... Нужно было много усилій, времени, такта, чтобы раз-

бить этотъ ледъ оффиціальности, на дѣлѣ убѣдить пѣсенниковъ, что мы далеко «не начальство», что мы ихъ просили, а не требовали къ себѣ. Почти вездѣ намъ удавалось это; въ двухъ-трехъ случаяхъ пришлось уѣхать, не добившись никакого результата и промучившись предварительно чуть не цѣлый день.

Въ каждомъ изъ пунктовъ, гдѣ предстояла работа, мы устраивали для пѣсенниковъ обстановку, болѣе всего привычную для нихъ, какъ пѣсенниковъ—именно обстановку «компаніи», «гулянья». Мы старались добиться того, чтобы пѣсенники почувствовали себя въ гостяхъ у насъ,—и разъ создавалось такое настроеніе, продуктивность работы была обезпечена. Тогда пѣсня сама собою, безъ всякаго принужденія или приказанія, просилась наружу и свободно выливалась въ той формѣ и въ той отдѣлкѣ, какая соотвѣтствовала настроенію пѣсенника. Благодаря этому пріему устанавливались довѣрчиво-дружескія отношенія между нами и пѣсенниками; пѣсенники заинтересовывались результатами работы и старались найти у себя какъ можно больше пѣсенъ, чтобы не ударить въ грязь лицомъ передъ другими станицами.

— Какъ будто неловко намъ отпускать васъ безъ одной пѣсни изъ нашей станицы,—говорили намъ старики во многихъ мѣстахъ.—Ишь Курмоярскіе сколько десятковъ разсказали... погоди, и мы можа парочку-другую какихъ ни на есть заваляшшихъ налапаемъ... А то станишники намъ посля проходу не дадутъ!

Въ самый процессъ работы—«игры», записи, повѣрки напѣвовъ—входилъ мотивъ сотрудничества, вытекавшій изъ внѣдрявшагося всей обстановкой работы сознанія пѣсенника, что онъ не просто сырой матеріалъ, надъ которымъ продѣлывается непонятная для него манипуляція, а что онъ равное намъ, если не болѣе важное дѣйствующее лицо. Благодаря этому сознанію, пѣсенники внимательно, вдумчиво и какъ бы нѣсколько ревниво относились ко всей процедурѣ записи пѣсенъ, подтягивались, слѣдили за собой и за товарищами, старались изо всѣхъ силъ, чтобы общее наше дѣло было сдѣлано «по всей формѣ ужъ!».

— Погоди, не пиши,—обращался иной разъ къ намъ пѣсенникъ послѣ перваго «завода» пѣсни:—я ее чевой-та будто не такъ зачалъ...

— Да я не пишу еще,—отозвался мой товарищъ.

— То-та. Погоди наведу... тада скажу, када писать...

Иногда въ серединѣ пѣсни уже, когда добрая половина ея была записана, вдругъ кто-нибудь изъ пѣсенниковъ или даже изъ постороннихъ слушателей останавливалъ пѣсню:

— Чево-й-та вы, старики, ету колѣна будта изъ другой пѣсни приставили?..

— Какуя?

— Ды вотъ ету, третью... Вактось не похожа она... какъ будта изъ «Службицы»?

— И то вѣдь!..—соглашались пѣсенники...

Начинался детальный разборъ двухъ мотивовъ. Пѣсня возстанавливалась въ ея первоначальной редакціи.

— Я слухаю, слухаю,—заключилъ поправившій:—не такъ будта. Ету пѣсню мене дѣдушка покойникъ выучилъ, я ее тверда знаю... Непохожа будта...

— Ды пѣсня рѣдкая... чево мудренава ошибиться!?

Часто старики-пѣсенники, чтобы не отпустить насъ изъ своей станицы «безъ одной пѣсни», приглашали сами какого-нибудь еще болѣе древняго старика, много лѣтъ ужъ не слѣзавшаго съ печи, и сами отъ своего имени просили «выручить» ихъ.

— Они, вишь, весь Донъ проѣхали, отобрали пѣсни у стариковъ, ды тады къ намъ завернули... Всѣ наши пѣсни имъ переиграны... Ищи ты, Афанасьичъ. Самую какую ни на есть дѣдовскую выворачивай... мамайскихъ временъ штобъ!

— Да я и не знаю ужъ,—принималъ близко къ сердцу огорченіе одностаничниковъ Афанасьичъ:—вотъ ету... «рядутачку» говорили?

— Говорили!

— «Рядуточку» съ самаго съ исперва говорили... есть!

— «По морю было Верейскому»?

— Есть.

— Про Садка есть?

— Есть и про Садка... Кундрючане перехватили.

Иногда кто-нибудь изъ пѣсенниковъ вставалъ и уходилъ изъ комнаты. Возвратившись, онъ издали, на ходу еще спрашивалъ.

— А «какъ Москва загоралась»?

— Есть.

— «Отъ трехъ генералушкавъ?—недовѣрчиво допрашивалъ пѣсенникъ.

— «Какъ отъ перваго... все графа Гудовича»—цитировалъ я ему текстъ пѣсни во избѣжаніе дальнѣйшихъ сомнѣній.

— А про Илюнюшку есть?—спрашивалъ молчавшій въ уголку и какъ будто задремавшій Афанасьичъ:—«Какъ стучить—грямить ключами Илюнюшка, крестьянскій сынъ»?

Мы сразу соображали, что это былина и что она еще не встрѣчалась намъ.

— Нѣту, дѣдушка, такой... не играли еще нигдѣ.

— Во!—радовались, какъ будто ихъ подарили чѣмъ, пѣсенники:—ишо одна!.. Думай, Афанасьичъ, думай, шарь! Накидывай по дѣдамъ—какой какуя любилъ... а нынѣшніи мы ужъ все переговорили.

— Да я и то ужъ по покойникамъ перебираю,—задумывался опять Афанасьичъ.

Такъ мало-по-малу, при помощи Афанасьича, Лифантьевны, часто еле-еле двигающихся стариковъ, удавалось найти рѣдкіе экземпляры донскихъ пѣсенъ или «нацарапать» пятокъ другой пѣсенъ, еще не встрѣчавшихся намъ.

За то тамъ, гдѣ не удавалось почему-либо создать соотвѣтствующую обстановку, расположить пѣсенниковъ къ себѣ, гдѣ устанавливалась атмосфера оффиціальной почтительности, о продуктивности работы нечего было и думать. Пѣсенники стѣснялись, смотрѣли недовѣрчиво, подозрительно, старались «поскорѣй отдѣлаться» и уйти.

— Да кто жъ ево знаетъ... какія у насъ пѣсни?—слышались въ такихъ мѣстахъ отвѣты:—играемъ такъ абы-чево...

И если мы нападали на незнакомую пѣсню и просили пропѣть ее, пѣсенники пѣли вяло, безъ одушевленія, безъ огня—«абы отдѣлаться».

Иногда намъ мѣшали станичные атаманы, вызывавшіе пѣсенниковъ и, вѣроятно, что-нибудь говорившіе имъ про нашу работу; иногда мѣшало присутствіе кого-либо изъ мѣстной станичной «интеллигенціи»,—учителя, священника, офицера, засѣдателя, какой-нибудь любопытной дамы, которыхъ пѣсенники стѣснялись еще больше, чѣмъ насъ. Приходилось всѣми правдами и неправдами отдѣлываться отъ такихъ посѣтителей, въ большинствѣ случаевъ смотрѣвшихъ и на насъ, и на пѣсенниковъ съ нѣсколько презрительной усмѣшкой. И часто, отдѣлавшись, удавалось еще создать желаемую атмосферу для работы.

Не могу не помянуть добрымъ словомъ хуторскихъ атамановъ, тѣхъ «дневальныхъ» казаковъ, которые откомандировывались въ наше распоряженіе мѣстными властями и всѣхъ вообще, такъ или иначе соприкасавшихся съ нами, казаковъ и казачекъ, которые—за весьма рѣдкими исключеніями—самымъ внимательнымъ образомъ относились къ намъ и къ нашей миссіи и, понимая лучше чѣмъ кто бы то ни было тѣ условія, при которыхъ пѣсенники могли дать наибольшее количество ма-

теріала, дѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы создать эти условія.

IV.

— Въ Быстрянку бы вамъ на обратномъ пути заѣхать, мѣсяца такъ черезъ два,—говорили намъ, смѣясь, кременскіе казаки.—У нихъ ноня благодать Божья!... Винограды морозомъ побило... Вся станица, поди, гуляетъ!..

Когда мы пріѣхали въ Усть-Быстрянскую станицу, предупрежденіе кременцовъ оказалось основательнымъ. Станицу, дѣйствительно, посѣтила «благодать Божья». Передъ самымъ сборомъ винограда утренніе заморозки повредили сады, и весь виноградъ, какой раньше забирали у станичниковъ скупщики, остался дома. Казаки надавили вина и въ моментъ нашего пріѣзда дѣлали «спускъ». По давно заведенному обычаю на «спускъ» приглашались сосѣди, родственники, знакомые. А такъ какъ «спускъ» подошелъ одновременно почти у всѣхъ, то компаніи ходили изъ куреня въ курень, сильно навеселѣ...

Работать при такихъ условіяхъ нечего было и думать; однако станичному атаману удалось какими-то судьбами собрать на слѣдующее утро хорошихъ и—что удивительно!—трезвыхъ пѣсенниковъ-стариковъ. Атаманъ—офицеръ старой донской службы, чуть ли не временъ такъ называемаго «учебнаго полка», служившій по его словамъ, «со всѣми станицами»—любилъ казачьи пѣсни, зналъ ихъ и обрадовался нашему пріѣзду, какъ празднику.

Пѣсенники, собранные имъ на взъѣзжую квартиру, очевидно «послѣ вчерашняго» чувствовали себя не особенно хорошо. По крайней мѣрѣ, пока мы готовились къ работѣ, они нѣсколько разъ вызывали атамана въ сосѣднюю комнату и горячо убѣждали его «дозволить».

Атаманъ былъ неумолимъ. Пришлось вмѣшаться и попросить у пѣсенниковъ позволенія опохмѣлить ихъ.

Работа пошла гладко. Усть-Быстрянскіе пѣсенники дали намъ еще нѣсколько былинъ и одну въ высшей степени характерную «былинную», какъ отмѣтилъ ее А. М. Листопадовъ, пѣсню.

Послѣднюю «играли» два глубокихъ старика, выдвинутыхъ самими пѣсенниками, которые сами ходили приглашать къ намъ этихъ стариковъ. Титъ Ивановичъ Терновсковъ имѣлъ въ то время

около 86 лѣтъ, Ларіонъ Димитріевичъ Баранниковъ— 82 года.

Какъ они, оба глухіе, подлаживались другъ къ другу— по движенію ли губъ, чутьемъ ли, просто ли потому, что оба твердо знали пѣсню и, слѣдя только за тактомъ, совпадали въ ходахъ ея— я не знаю. Вѣроятно, имѣло значеніе и то, и другое, и третье,—но пѣсня выливалась удивительно гладко и стройно.

Да у дубика корешики булатные,
Да у дубика шкорачка жестяная,
Да у дубика отросточки хрустальные,
Да у дубика листушки бумажные,
Да у дуба желудочки позлаченые,
Да и маковка съ верхушкою зямчужная...
Да на дубику гнѣздо все соколиная,
Да подъ дубомъ стойла лошадиная...
Позаспорилъ ясменъ соколъ сы добрымъ конемъ
Не объ сто та рублей и не объ тысячу—
Да объ буйныхъ объ своихъ все объ головушекъ:
— Да бѣжать имъ до того мѣста урочнаго
До того луга зеленаго
До того колодезя холоднаго.
Да тебѣ, добрый коникъ, по землѣ бѣжать,
Да и мнѣ летѣть, соколику, подъ небесью...
Да и конь бѣжитъ,—ажъ земля дрожитъ,
Да ясменъ соколъ летитъ,—колоколъ звенитъ...

— Ухъ, и гдѣ-жъ ты была, забарилася?!—вдругъ, ударивъ въ ладоши и притопнувъ ногою, перешелъ Баранниковъ на плясовой мотивъ:—На дырявомъ мосту провалилася!..

— Прибѣгаетъ конечекъ до того мѣста,—тянулъ Титъ Ивановичъ.

— Ахъ, и чортъ тебя несъ на дырявый мостъ!..

— Погоди, постой! Куда ты?!—бросился къ Баранникову сидѣвшій около него на корточкахъ пѣсенникъ:—доигрывай!

— Зачѣмъ?.. будя!—отмахнулся отъ него Баранниковъ:— пѣсню до конца не доигрываютъ, женѣ правды не сказываютъ!

— Знаю... Играй, чудакъ!.. имъ вонъ надо,—указалъ пѣсенникъ въ нашу сторону:—до конца штоба безпремѣнно.

— А-а, ну-ну...

До того ль было мѣста до урочнаго,
До того ль было луга до зеленаго,
До того ль было колодца до холоднаго
Шелковой травы конечекъ наѣдается,
Ключевой воды конечекъ напивается...

Опять наладилась пѣсня, опять въ комнатѣ воцарилась тишина, повѣяло тихой, задумчивой грустью сѣдой старины...

Какъ и часъ конь стоитъ, и другой стоитъ
Да во третьемъ часу все соколъ летитъ.
— Да и гдѣ же ты, ясменъ соколъ, замѣшкался?
— Да летѣлъ я, соколъ, подъ небесью,
А на встрѣчу соколику, стадо лебедей.
Да разбилъ я, разогналъ эту стадушку,
Да убилъ я, ушибъ бѣлаго лебедя...
— Ну прощаю тебѣ я всѣ вины твои
За твою молодецкую ухватушку!..

Лучшія пѣсни—въ смыслѣ полноты и выдержанности мотива, свободнаго размаха и оригинальности строенія подголосковъ—давали намъ тѣ пѣсенные пункты, гдѣ удавалось найти пѣсенниковъ «сыгравшихся», привыкшихъ другъ къ другу раньше: родственниковъ, «полчанъ», т. е. казаковъ служившихъ вмѣстѣ въ одномъ полку и одной сотнѣ и послѣ службы не порвавшихъ товарищескихъ связей, сосѣдей, часто гулявшихъ въ однѣхъ и тѣхъ же компаніяхъ. Такіе пѣсенники своимъ исполненіемъ сразу выдѣлялись изъ остальной проходившей передъ нами массы исполнителей. Въ ихъ игрѣ чувствовалась привычка другъ къ другу, свободный широкій размахъ мелодіи и подголоска и какая-то своеобразная, трудно формулируемая словами стильность игры. Часто незначительная по мотиву пѣсня пріобрѣтала въ исполненіи такихъ пѣсенниковъ такое богатство, такіе неожиданные оттѣнки, что иногда приходилось откладывать въ сторону карандашъ, прерывать работу, чтобы свободно, безъ помѣхи послушать пѣсню.

Двухъ такихъ именно «сыгравшихся» пѣсенниковъ дала намъ Нижне-Кундрючеcкая станица. Родные братья—Михаилъ и Петръ Димитріевичи Каклюгины—служили, кажется, въ одномъ полку и послѣ службы «въ компаніяхъ вмѣстѣ гуливали». Да и раньше, до службы, они все время были вмѣстѣ, такъ какъ разница въ лѣтахъ у нихъ очень незначительна—полтора, два года—и, значитъ, вмѣстѣ учились пѣснямъ отъ старшихъ, вмѣстѣ бѣгали «на улицу», «на посидѣлки», «на вечеринки». Естественно, что у нихъ выработалась такая привычка другъ къ другу, такое взаимное пониманіе намѣреній, что они по какому-нибудь одному жесту, по незначительному повороту головы узнавали о желаніи придать пѣснѣ тотъ или иной оттѣнокъ.

Петръ Димитріевичъ, умный, бывалый казакъ, быстро понялъ значеніе нашей общей работы, и эта работа захватила его.

Послѣ первой же пропѣтой для насъ пѣсни, присмотрѣвшись внимательно къ намъ, къ нашему отношенію къ пѣсенникамъ, къ самому процессу записи пѣсенъ, онъ, что называется, «съ другой душой» пошелъ навстрѣчу нашимъ стремленіямъ и сталъ прилагать всѣ усилія, чтобы съ одной стороны облегчить намъ нашу работу, съ другой—добиться наилучшихъ результатовъ. Въ срединѣ первой уже пѣсни онъ, замѣтивъ напряженность, съ какою приходилось намъ ловить каждый звукъ, каждый изгибъ мелодіи, замедлилъ темпъ пѣсни и на замѣчаніе брата—поскорѣе!—отмахнулся только:

— Поспѣешь!.. не капаетъ надъ тобой.

— Погоди!.. тутъ, братъ, не въ компаніи,—разъяснялъ онъ брату послѣ первой пѣсни, когда тотъ понукалъ переходить къ слѣдующей изъ намѣченныхъ для записи:—ее ишо додѣлывать нада!

И Петръ Димитріевичъ въ высшей степени терпѣливо и внимательно «додѣлывалъ» каждую пѣсню. «Додѣлываніе» состояло въ повѣркѣ мотива и записи перваго «завода» (музыкальнаго вступленія), который въ большинствѣ казачьихъ пѣсенъ разнится и отъ послѣдующихъ «заводовъ», сопровождающихъ каждую строфу пѣсни, и отъ основного мотива, и составляетъ совершенно самостоятельную музыкальную фразу, не повторяющуюся въ продолженіи всей пѣсни.

— Взялся за гужъ, такъ ужъ нечего теперь...—улыбался Петръ Димитріевичъ.

Надо было видѣть этихъ номолодыхъ уже людей (старшему было 42—43 года), когда они напѣвали пѣсни въ фонографъ. Они волновались, какъ мальчики на экзаменѣ, и на лицахъ у обоихъ было написано одно:

— Какъ бы не испортить?!. какъ бы сдѣлать именно такъ, какъ нужно!..

Помнится, во все время напѣванія пѣсни, пока фонографъ не былъ установленъ, они держали другъ друга за руку...

Мы проработали съ Каклюгиными чуть ли не цѣлый день—и весь день, не смотря на усталость, не ослабѣвалъ интересъ къ работѣ ни у насъ, ни у братьевъ. За все время мы сдѣлали только маленькій перерывъ для обѣда.

— Чево намъ дѣлается?!—отвѣчалъ Петръ Димитріевичъ на вопросъ, не устали ли они.—Когда мы еще дождемся такого случаю?.. Можа помремъ, не придется больше такъ вотъ играть...

Вечеромъ, когда мы покончили работу съ ними и стали

записывать пѣсни отъ женщинъ, Каклюгины не ушли, а попросили позволенія оставаться до конца.

— Уходить не хочется... Посидимъ, послухаемъ... можа помогемъ чѣмъ ни на есть!?

V.

Работа съ женщинами наладилась не сразу. Не знаю, какими путями и въ силу какихъ условій, въ Нижне-Кундрюческую станицу проникла «городская», «модная», какъ ее называли сами казачки, пѣсня, частушка—и вытравила коренную женскую пѣсню. Послѣдняя или забылась совершенно, или укоротилась въ мотивѣ, пріобрѣла налетъ «частушки». Мы долго бились надъ тѣмъ, чтобы пріискать старыя женскія пѣсни, напоминали слышанныя раньше въ сосѣднихъ станицахъ и никакъ не могли достигнуть желаемаго результата.

— Играли впередъ (раньше),.. что и говорить!—слышалось въ отвѣтъ:—толькя теперя бросили у насъ эти пѣсни.

Не помню уже, кто надоумилъ,—попробовать свадебныя пѣсни. Пѣсенницы оживились.

— Свадьбишнай?! Ну, эти не забыли!.. Цѣлую кучу вамъ наиграемъ... Дозавтрева хватитъ.

Казачья свадьба представляетъ одно цѣльное стройное произведеніе, въ которомъ каждый моментъ, каждый шагъ жениха и невѣсты, вмѣстѣ и порознь, каждый шагъ другихъ участниковъ свадьбы отмѣченъ особыми, пріуроченными къ случаю, не повторяющимися въ другое время пѣснями. Начиная со смотринъ и рукобитья и кончая вторымъ днемъ послѣ вѣнца, пѣсни смѣняютъ одна другую, прекрасно выдержанныя, стильныя, часто вѣющія сѣдой, языческой еще стариной.

Мы перебрали съ женщинами всю, сначала до конца, свадьбу. Напѣвы и тексты пѣсенъ совпадали здѣсь съ записанными А. М. Листопадовымъ раньше въ лежащей выше по Донцу Екатерининской станицѣ (въ хуторѣ Насонтовомъ по преимуществу). Нашлось двѣ-три пѣсни только, которыя были незнакомы намъ или представляли интересные варіанты. За то «причитанья»—«голошенье», какъ говорятъ казачки,—въ Кундрюческой станицѣ вышли богаче, разнообразнѣе, благодаря попавшейся намъ талантливой исполнительницѣ.

Уговорить женщинъ «голосить» было нелегко.

— Легко ли?!—восклицали онѣ въ отвѣтъ на наши просьбы и на уговоры Петра Димитріевича. — Да какъ жъ эта можна?!

Главный мотивъ отказа былъ тотъ, что «чижало»!

И не въ смыслѣ физической трудности, а въ смыслѣ тяжелыхъ моральныхъ переживаній, связанныхъ, у женщинъ-казачекъ съ этимъ моментомъ свадьбы. «Голошенье» будило у каждой изъ нихъ самыя интимныя воспоминанія о перемѣнѣ въ ихъ жизни, о переходѣ отъ «вольной дѣвичьей волюшки» къ зависимому, подневольному существованію «въ чужихъ людяхъ». И женщины упорно, съ серьезной ноткой въ голосѣ, отказывались «голосить».

— Нѣтъ... растревожишь только себе...

Когда же кто-то изъ Каклюгиныхъ попробовалъ, шутя, скопировать причитающую дѣвушку и затянулъ тонкимъ голосомъ:— А-а, роди-май мой ба-а-тенька!—женщины строго оборвали его.

— Брось!.. Не твое это дѣло... Умникъ!...

Наконецъ одна изъ пѣсенницъ не выдержала, сдалась на просьбы.

— Ну, такъ и быть ужъ! Проголошу еще разъ... помяну мою волюшку... Чуръ, только не глядѣть на меня!—поставила она условіе.

Горькая - горькая жалоба вложена въ этотъ однообразный и, на первый взглядъ, убогій речитативъ. Сразу, съ первой же строфы беретъ она за душу, щемитъ сердце, наполняетъ слезами глаза. Слезы зазвенѣли и въ голосѣ пѣсенницы... Дойдя до половины, она не выдержала и оборвала «голошенье».

— Нѣтъ, не могу... Погодите, выплачусь,—смущенно улыбалась она, вытирая фартукомъ заплаканные глаза.

VI.

Удивительное дѣло! Сколько мнѣ ни приходилось работать съ казачками разныхъ возрастовъ, характеровъ, положеній, ни разу причитанья, если они затрагивались работой, не обходились безъ слезъ. И не чувствительность только, не нервность—было и это,—а нѣчто болѣе глубокое, болѣе общее для нихъ для всѣхъ, общее въ ихъ положеніи замужнихъ женщинъ вызывало эти слезы воспоминанія, слезы о невозвратно-утраченномъ прошломъ... И всякій разъ мнѣ до боли было жаль этихъ

обыкновенно разбитныхъ, веселыхъ, богато одаренныхъ и не склонныхъ къ унынію женщинъ. За ихъ слезами чудились испорченная жизнь, разбитыя надежды, поруганныя мечты—все то, чѣмъ манила когда-то жизнь и сожалѣніе о чемъ прорвалось при такомъ яркомъ, какъ «голошеніе», напоминаніи о послѣднихъ минутахъ ихъ дѣвичества, когда вся жизнь была еще впереди.

Мнѣ хочется набросать здѣсь картину послѣднихъ минутъ дѣвичьей жизни казачки.

Я въ ту весну гостилъ у А. М. Листопадова въ хуторѣ Насонтовомъ Екатерининской станицы. Какъ-то вечеромъ меня остановилъ посреди улицы знакомый парень Николай Г.

— Дѣвчаты кличутъ на сговоры на Романовъ,—сообщилъ онъ.—Пойдемъ?

Приглашеніе было какъ нельзя болѣе привлекательно. Мнѣ давно хотѣлось побывать на «сговорахъ». «Сговоры»— вечеринка передъ днемъ вѣнчанья у невѣсты, когда къ ней, при обязательномъ отсутствіи жениха, собираются въ послѣдній разъ подруги «на прощальную бесѣду». Самый красивый, полный драматизма моментъ во всей казачьей свадьбѣ.

Мы пошли въ Романовъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ходьбы по извилистымъ уличкамъ хутора мы подошли къ Никулинскому двору, гдѣ были «сговоры».

Послѣ ужина и неизбѣжныхъ танцевъ среди дѣвушекъ и женщинъ, наполнявшихъ комнату въ качествѣ зрительницъ, начали раздаваться возгласы.

— Сборы, сборы!.. Пора!

Приближался моментъ прощанья невѣсты съ родными, подругами и, наконецъ, съ «вольной дѣвичьей волюшкой».

Дѣвушки усѣлись за столъ, на которомъ поставили сладкій пирогъ. Невѣста была между ними въ переднемъ углу. Одна изъ дѣвушекъ сильнымъ низкимъ контральто «завела», твердо отчеканивая каждый слогъ:

— Вы сборы, сбо-о-ры-и...

При первыхъ звукахъ пѣсни точно электрическій токъ пробѣжалъ между зрителями, наполнявшими горницу. Всѣ, какъ одинъ, сжались, отошли дальше отъ стола, отъ свѣта, въ противоположный темный уголъ. Ребята, стоявшіе ближе къ дверямъ, попятились изъ горницы въ сѣни и остановились только за дверьми, въ тѣни. Тишина стояла мертвая. Въ промежуткѣ между двумя строфами пѣсни слышно было, какъ жалобно скрипнула дверь подъ

тяжестью чьего-то навалившагося на нее тѣла... Мнѣ почему-то вдругъ стало тоскливо-жутко...

Вы сборы, сборы, сговоры—пѣли дѣвушки—

Урано́—рано́ сговоры.
Собирала Полюшка всѣхъ подругъ,
Посажала она ихъ всѣхъ за столъ;
Сама сѣла она выше всѣхъ,
Склонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ,
Сронила слёзочку больше всѣхъ:
— «Подружки мои, милыя,
«Скажите мнѣ, придумайте,—
«Скажите мнѣ, какъ свекра звать?
«Какъ будетъ звать свекровушку?
«...Батенькой назвать—не родный отецъ!
«Маменькой назвать—не родная мать!!»

Со второй строфы невѣста не выдержала, зарыдала.

Это было ея послѣднее прощанье съ родными, съ подругами, со всей знакомой, привычной съ дѣтства обстановкой, со всѣмъ, во что вложена часть и ея души, заботъ, радостей. Завтра ее ждала новая жизнь въ чужомъ, незнакомомъ ей хуторѣ, среди чужихъ людей, въ чужой семьѣ, съ чужимъ человѣкомъ, котораго она почти не знала, за котораго шла безъ всякой охоты, неволею, по приказанію отца. А у нея была уже своя личная интимная жизнь, какъ передали мнѣ мои спутницы: она любила и была любима. Сватовство ея теперешняго жениха, подвернувшагося нежданно и представлявшаго выгодную (экономически) партію, смяло эту жизнь, вырывало съ корнемъ всѣ надежды, опустошало сердце. Тутъ была обычная, невидная женская драма.

Ей было о чемъ плакать, бѣдняжкѣ... Она припала головой къ столу, и ея рыданія заглушили было на мгновеніе пѣсню. Но сейчасъ же, словно подогрѣтая этими рыданіями, пѣсня зазвучала еще сильнѣй, еще тоскливѣй.

На глазахъ нѣкоторыхъ изъ дѣвушекъ тоже показались слезы. Онѣ сначала какъ бы смущались ихъ, прятались за спины подругъ, но по мѣрѣ движенія пѣсни слезы были уже у всѣхъ, и онѣ не замѣчали ихъ. Слезы же послышались и въ пѣснѣ,—голоса какъ-то судорожно задрожали.

Слезы были и на глазахъ у большинства зрителей. Ребята стояли нахмуренные, потупившись. Бабы плакали, спрятавшись другъ за дружку. Каждой изъ нихъ былъ понятенъ этотъ моментъ, каждая изъ нихъ уже пережила его, каждая знала, что

представляетъ собою этотъ «проклятый замужъ», знала, «какъ свекра звать»...

По окончаніи пѣсни невѣста, выйдя изъ-за стола, стала прощаться съ родными—отцомъ, дядей, теткой, маленькимъ братомъ (матери не было въ живыхъ),—и подругами. Каждаго изъ родственниковъ она усаживала около стола, рядомъ съ дѣвушками и «голосила»—коротенькимъ, печальнымъ-печальнымъ речитативомъ пѣла особый, положенный по свадебному ритуалу текстъ причитанья.

— А-а-а, да родимый мой батенька!
благодарю я васъ
за послѣднюю за вечерушку...,—пѣла она, закрывшись отъ слезъ платкомъ.

Когда же невѣста стала противъ стола и перешла къ прощанью съ «волей дѣвичьей», рыданія до того охватили ее, что минутами она не могла выговорить ни слова. Безысходная тоска зазвенѣла въ мотивѣ.

— Отходилася я, отгулялася
У свово у роднаго батеньки,
У своей родимой маменьки.
Отплела я свою косушку русую,
Отплела я свою ленточку алую.
Какъ и мнѣ-то воля унимается,
Красота съ лица стирается!..
Ужъ вы, милыя мои подруженьки,
Да вы вольныя, роскóчнаи,
Поручаю вамъ, мои подруженьки,
Мою волюшку, мою дѣвичью.
Какъ пойдете вы вдоль по улицѣ
Да сустрѣнется моя волюшка,
Да вы, бóльныя мои подруженьки,
Вы примолвите мою волюшку!
Какъ пошла-то моя волюшка
Пошла краса во темны лѣса!..
Ты ходи же, моя волюшка,
Ходи, не захаживайся.
Да приди же, моя волюшка,
Да приди же моя дѣвичья,
Приди ко мнѣ, понавѣдайся!..
Тяжко съ тобой, моя волюшка,
Тяжко разставатися...

Дѣвушки всхлипывали, склонившись къ столу и закрывшись руками. Женщины, подавшись впередъ, жадно ловили каждое слово и плакали, уже не скрываясь...

Не знаю, до чего дошли бы рыданія, если бы отецъ невѣсты не положилъ конецъ этой тяжелой сценѣ. Онъ чуялъ, вѣроятно, что въ данное время и въ данномъ положеніи это нѣчто большее, чѣмъ простой обрядъ, и ему, видимо, было не по себѣ.

— Ну, што тамъ?.. Будя!.. — проговорилъ онъ, беря рыдавшую невѣсту за плечо и отрывая ее отъ стола:—Богъ дастъ...

Сергѣй Арефинъ.

ЧТО ТАКОЕ ВИЗАНТІЙСКОЕ ИСКУССТВО?

I.

За послѣдніе годы и на Западѣ, и въ Россіи значительно усилился интересъ къ Византіи вообще и, въ частности, къ византійскому искусству. Я имѣю въ виду, конечно, «большую публику», а не историковъ-спеціалистовъ, среди которыхъ всегда находились люди, занимавшіеся этимъ мало популярнымъ предметомъ.

Исторія, точно нарочно, складывалась такъ, чтобы создать между Западомъ и Востокомъ стѣну взаимнаго недовѣрія и непониманія. Константинополь въ самый день своего основанія былъ объявленъ «Новымъ Римомъ», сталъ соперникомъ «Перваго Рима» и, слѣдовательно, съ перваго дня своего существованія сталъ старшему Риму поперекъ дороги. Побѣдить окончательно, замѣнить его Константинополь не могъ, уже по географическимъ причинамъ: старый Римъ неминуемо долженъ былъ остаться, если не политическимъ, то культурнымъ центромъ западной Европы, и Константинополь могъ претендовать на главенство лишь на Востокѣ. Старшій Римъ негодовалъ на младшій за то, что тотъ лишилъ его части прежняго значенія; младшій не могъ простить старшему, что онъ не пересталъ конкуррировать съ нимъ на культурномъ и политическомъ поприщахъ и не пожелалъ признать его первенства.

Съ тѣхъ поръ все, что бы ни случалось, служило только къ тому, чтобы все расширять и углублять пропасть, раздѣлявшую Востокъ и Западъ. Даже то, что, казалось бы, должно было сблизить Европу и Византію — напримѣръ, одинаково для нихъ жизненно-важная борьба съ мусульманскимъ натискомъ,—лишь увеличивало рознь. Въ результатѣ Крестовыхъ

походовъ получилось необыкновенное усиленіе взаимной ненависти, уже и ранѣе нашедшей выраженіе въ раздѣленіи церквей и во многомъ другомъ. Даже трагическая гибель Византіи отъ меча турокъ и послѣдовавшіе за нею набѣги турокъ на Западъ, ясно показавшіе, какое значеніе имѣла для Европы Византія, какъ оплотъ, не помирили съ нею ни церковные, ни свѣтскіе просвѣщенные круги. Антипатія къ Византіи поддерживалась и церковною рознью, не прекратившеюся и до сихъ поръ, и тою отвѣтственностью за всѣ «средневѣковыя безобразія», которую увлекавшаяся вновь открытымъ міромъ античной красоты Европа возлагала на своего стараго врага. Византійская исторія стала представляться кошмарнымъ романомъ, полнымъ разнузданнаго разврата и неслыханной жестокости; византійское искусство, по мнѣнію людей Ренессанса, было недостойно названія искусства, хотя эти люди и учились у «презрѣнныхъ» византійскихъ живописцевъ! И, какъ византійская церковь оставалась схизматическою церковью, такъ, въ западномъ представленіи, византійская литература утвердила за собою репутацію риторическаго пустословія о догматическихъ тонкостяхъ, безъ свѣжей мысли, безъ общецѣннаго нравственнаго содержанія.

Понадобилась упорная работа многихъ поколѣній ученыхъ, чтобы одолѣть понемногу вѣковые предразсудки. Въ настоящее время можно сказать, что эта работа съ успѣхомъ закончена: предразсудки не искоренены, конечно, но интеллигентная публика заинтересовалась и пожелала ознакомиться съ Византіею. А какъ только читатель предъявляетъ извѣстный запросъ, западный издатель немедленно стремится читателя удовлетворить. По издательской дѣятельности можно заключать о томъ, что въ данную минуту интересуетъ публику.

На Западѣ въ короткій промежутокъ времени появляется вотъ уже третій популярный, разсчитанный именно на широкую публику курсъ исторіи византійскаго искусства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ такимъ трудомъ выступилъ Г. Милье. Къ сожалѣнію, однако, его «Византійское искусство» составляетъ часть громоздкой и весьма дорого стоющей всеобщей исторіи средневѣковаго и новаго искусства, издаваемой подъ редакціей А. Мишеля, и потому сочиненіе его не принесло всей той пользы, которой можно было ожидать отъ столь богатаго мыслями и зрѣло продуманнаго труда. Послѣ Милье другой французскій ученый, Ш. Диль, опубликовалъ свое обильно иллюстрированное и богатое литературными указаніями «Руководство Византійскаго Искусства». Нако-

нецъ, въ Оксфордѣ недавно появилась книга О. М. Далтона «Византійское искусство и археологія». Кромѣ того, давно уже обѣщана профессоромъ І. Стржиговскимъ популярная монографія о византійскомъ искусствѣ, которая должна войти въ составъ извѣстной берлинской серіи: «Современная культура». Я не упоминаю о посвященныхъ Византіи главахъ въ размножившихся за послѣдніе два десятка лѣтъ общихъ изложеніяхъ исторіи искусствъ, такъ какъ обыкновенно эти главы носятъ компилятивный характеръ.

У насъ въ Россіи объ усиленіи интереса къ изученію византійскаго искусства свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что очерки византійскаго искусства и иконографіи профессора Н. В. Покровскаго выдержали въ сравнительно короткій срокъ три изданія.

Достаточно ли, однако, выясненъ генезисъ и ходъ развитія византійскаго искусства? Настала ли пора писать такую исторію? При чтеніи названныхъ выше книгъ, несмотря на всю эрудицію и весь литературный талантъ ихъ авторовъ, впечатлѣніе получается такое, что ими не сказано послѣднее слово.

Да и можетъ ли быть иначе? Византійское искусство дожило до гибели Византійской имперіи и даже пережило ее. Слѣдовательно, откуда бы мы ни считали его начало, оно насчитываетъ добрый десятокъ вѣковъ своего существованія. Географическіе его предѣлы мѣнялись, охватывая сѣверную Африку, переднюю Азію, восточную и южную Европу. Въ теченіе тысячелѣтія интенсивной культурной жизни и на столь обширной территоріи было создано не поддающееся никакому учету множество произведеній искусства. Главная ихъ масса погибла во время политическихъ бурь средневѣковья и новаго времени. Сохранились памятники весьма неравномѣрно, и не всегда тѣ, которые для историка имѣютъ наибольшее значеніе, а тѣ, которые или по причинѣ своего малаго вѣса и объема легче всего могли быть спасаемы, или въ силу свой исключительной грузности и прочности не поддавались разрушенію, или были защищены самымъ своимъ назначеніемъ—общеполезнымъ или священнымъ. Другими словами, сохранились главнымъ образомъ произведенія художественной промышленности, сооруженія военныхъ и гражданскихъ инженеровъ, церкви и монастыри.

Крѣпости, водопроводы и т. п. для историка искусства не представляютъ особеннаго интереса. Художественная промышленность въ сущности не должна была бы служить главнымъ основаніемъ для его выводовъ. Остаются, слѣдовательно, только

церкви и монастыри—зданія ихъ и все то, что для церквей и монастырей было предназначено: стѣнныя мозаичныя и фресковыя росписи, живописныя, мозаичныя и рѣзныя иконы, миніированныя рукописи, эмали. Объ искусствѣ нецерковномъ мы знаемъ очень мало, почти только то, что о немъ сообщаютъ византійскіе писатели—а это значитъ, что мы въ точности знаемъ лишь одно: существовало въ Византіи великолѣпное мірское искусство, существовали богатые дворцы, залы которыхъ были украшены мозаичными росписями, роскошною мебелью и т. д., а каково все это было, того мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ. Такое незнаніе непремѣнно должно привести къ «ошибкѣ перспективы»: мы естественно будемъ склонны игнорировать то, чего мы не знаемъ, и привыкнемъ къ мысли, что византійское искусство было по преимуществу, если не исключительно, искусствомъ церковнымъ, и что *все* византійское искусство было такимъ же, по формамъ и по стилю, какъ и хорошо извѣстное намъ искусство церковное. Какъ неправильно было бы такое мнѣніе, показываетъ взглядъ на современное наше русское искусство: развѣ *одно* только у насъ искусство? развѣ по нашему церковному искусству можно заключать обо *всемъ* нашемъ искусствѣ? У насъ культура идетъ только изъ двухъ источниковъ: Византіи и Ренессанса, и мы до сихъ поръ не рѣшили, по какому намъ пойти пути. Но культура Византіи была гораздо болѣе сложна, чѣмъ современная русская, и разныхъ теченій въ ней было гораздо больше. Къ тому же теоретическое, сознательное отношеніе къ вопросамъ стиля едва ли могло быть тамъ такимъ, какъ у насъ. A priori, поэтому, можно предположить, что разнообразіе въ византійскомъ искусствѣ было еще гораздо больше, чѣмъ у насъ.

Затѣмъ, крайне неравномѣрно хронологическое распредѣленіе сохранившихся памятниковъ. Есть періоды, отъ которыхъ мы почти никакихъ памятниковъ не имѣемъ. А вѣдь вполнѣ возможно, что такіе неизвѣстные намъ періоды имѣли въ эволюціи византійскаго искусства рѣшающее значеніе. Даже опредѣленно можно указать одинъ такой періодъ, именно эпоху иконоборческую, когда несомнѣнно сформировалось поздне-византійское искусство; а отъ него дошли до насъ лишь какіе-то жалкіе обрывки памятниковъ.

Неравномѣрно и географическое распредѣленіе сохранившихся памятниковъ. Нѣтъ такого центра, въ которомъ мы могли бы прослѣдить хоть въ общихъ чертахъ *всю* исторію византійскаго искусства отъ начала и до конца. Въ Константинополѣ сохранилось, правда, довольно много довольно разнообразныхъ памятниковъ цер-

ковнаго зодчества, но живопись представлена всего тремя росписями, и изъ нихъ, лишь одна (въ Кахріэ-джами) хорошо извѣстна и издана, другая (въ Фетхіэ-джами) отчасти видима, но не издана до сихъ поръ, а третья (въ Великой св. Софіи) закрыта турецкою штукатуркою и извѣстна лишь по завѣдомо невѣрнымъ рисункамъ, исполненнымъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ однимъ нѣмецкимъ архитекторомъ, даже не всѣ зарисованныя имъ мозаики дѣйствительно видѣвшимъ. Въ другомъ большомъ центрѣ, въ Салоникахъ, есть ранневизантійскія и средневизантійскія церковныя зданія, но роспись сохранилась лишь въ наиболѣе раннихъ (св. Георгія, св. Димитрія, св. Софіи). Чтобы получить связный разсказъ, историку искусства приходится дѣлать самые неожиданные географическіе скачки, переходить отъ Рима къ каппадокійскимъ дебрямъ, отъ Египта къ Равеннѣ, отъ Месопотаміи къ Британіи, отъ Галліи къ Кіеву. И еще хорошо, если полное пренебреженіе географіею даетъ хоть возможность получить кажущіяся полными и непрерывными серіи памятниковъ—но это не всегда бываетъ... А пренебреженіе географіею далеко не такое безопасное дѣло, какъ кажется: оно служитъ причиной новой «ошибки перспективы». Ставя въ одинъ рядъ произведенія разныхъ, иногда очень отдаленныхъ другъ отъ друга странъ, мы не принимаемъ во вниманіе возможности и даже вѣроятности существованія мѣстныхъ особенностей въ искусствѣ. Не имѣя на то никакого права, мы обобщаемъ то, что не имѣетъ общаго значенія, и по какому-нибудь провинціальному памятнику судимъ объ искусствѣ цѣлой эпохи.

Наконецъ, крайне неравномѣрно и художественное достоинство сохранившагося историческаго матеріала. Наряду съ произведеніями блестящими, выдающимися, мы изучаемъ другія—посредственныя и даже просто плохія; наряду съ великолѣпными мозаиками мы пользуемся миніатюрами, рельефами, эмалями, и очень часто, несмотря на явно ремесленный ихъ характеръ, судимъ по нимъ о цѣлой эпохѣ, такъ какъ мы не располагаемъ другими матеріалами. Вотъ и еще одинъ источникъ «ошибокъ перспективы». Писать исторію византійской живописи на основаніи миніатюръ, напримѣръ, столь же возможно—или невозможно,—какъ писать исторію античной живописи по вазовымъ рисункамъ. Между художественнымъ ремесломъ и искусствомъ есть и должна быть связь, но сужденія наши объ искусствѣ, основанныя только на изученіи ремесла, непремѣнно будутъ нуждаться въ весьма и весьма существенныхъ поправкахъ.

При такихъ условіяхъ неудивительно, что, при всей массѣ

сообщаемаго въ вышеназванныхъ книгахъ матеріала, при всемъ подавляющемъ количествѣ воспроизводимыхъ и описываемыхъ памятниковъ, читатель «изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса», и, прочитавъ сотни страницъ и пересмотрѣвъ сотни иллюстрацій, все же не уясняетъ въ себѣ въ точности, въ чемъ обстоитъ сущность византійскаго искусства, откуда оно пошло, когда началось, почему развивалось такъ, а не иначе, и къ чему пришло въ конечномъ результатѣ. Другими словами, читатель не находитъ именно того, что ему прежде всего и больше всего нужно: общаго построенія, общей концепціи эволюціи искусства.

Правда, цѣлый рядъ предварительныхъ вопросовъ, на которые необходимо отвѣтить, прежде чѣмъ формулировать общій результатъ, обсуждается и разрѣшается источниками: они говорятъ и о происхожденіи, и о началѣ искусства и о многомъ другомъ. Читателю сообщается, напримѣръ, что неправильно считать Римъ родиною древнехристіанскаго искусства: оно порождено Востокомъ. Далѣе говорятъ, что византійское искусство имѣетъ свои корни въ древнехристіанскомъ-восточномъ и въ эллинистическомъ искусствѣ и развивалось подъ сильнымъ восточнымъ вліяніемъ. Но вѣдь читатель въ правѣ спросить, въ чемъ заключается секретъ силы «Востока», почему «Востокъ», столь легко и полно подчинившійся сначала македонцамъ, потомъ римлянамъ, въ пору своего упадка и разложенія вдругъ сталъ такимъ могучимъ культурнымъ факторомъ, какимъ никогда не былъ во время блестящаго своего расцвѣта? И затѣмъ, не ошибка ли—объединеніе «Востока» въ одно понятіе? Что такое «Востокъ»?

О томъ, съ какого собственно времени надо считать начало византійскаго искусства, мнѣнія расходятся: кто полагаетъ, что съ основанія Константинополя, кто—со временъ Юстиніана, кто—еще позже. Такъ какъ же? Неужели византійское искусство не имѣетъ такого признака, по которому его можно было бы сразу признать! Конечно, всякая періодизація—дѣло искусственное; но не настолько же неопредѣленны примѣты, чтобы можно было колебаться на цѣлый рядъ вѣковъ!

Если такъ трудно опредѣлить признаки византійскаго искусства, то какъ опредѣлить его отношеніе къ современному ему романскому искусству? Въ странахъ, гдѣ завѣдомо не могло быть и рѣчи о непосредственномъ византійскомъ вліяніи, искусство развивалось въ тѣхъ же, приблизительно, формахъ, какъ и въ самомъ Константинополѣ. Сходство западныхъ средневѣковыхъ памятниковъ съ византійскими такъ велико, что

лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ были ученые, объявлявшіе чуть не все средневѣковое западное искусство византійскимъ. Это было очень, даже слишкомъ просто.

Съ особенной остротой вопросъ «Византія или Востокъ»? выдвинулся тогда, когда было обращено вниманіе на поздневизантійское искусство, на мозаики константинопольской Кахріэ-джами, на фрески Мистры, на росписи храмовъ въ славянскихъ странахъ. Въ этихъ памятникахъ оказалось такъ много общаго съ искусствомъ не «Византіи», а древнехристіанскимъ-восточнымъ, что неправдоподобной казалась ихъ связь съ отживавшей свой вѣкъ Византіей.

Тѣ же памятники выдвинули еще и другой вопросъ: «Византія или Западъ»? Многое напоминаетъ въ нихъ о томъ искусствѣ, которое мы привыкли называть искусствомъ Возрожденія. Какъ объяснить это сходство? Случайное ли оно, или поздневизантійское искусство развивалось подъ западнымъ вліяніемъ, или Ренессансъ слѣдуетъ разсматривать какъ порожденіе и законный отпрыскъ Византіи? И по этимъ вопросамъ мнѣнія спеціалистовъ далеко расходятся.

Всѣ вопросы, формулированные выше, потеряютъ свою остроту и будутъ близки къ рѣшенію, какъ только будетъ найдено достаточно близкое къ истинѣ опредѣленіе психологической сущности византійскаго искусства. Конечно, наука еще не нашла такого опредѣленія. Но въ другихъ наукахъ далеко не все ясно и рѣшено—однако это не останавливаетъ ученыхъ: для своего развитія наука иногда нуждается въ гипотезахъ, имѣющихъ только временное значеніе, пока онѣ не будутъ открывающимися вновь фактами или опровергнуты, или видоизмѣнены. Мы еще не можемъ строить полную и окончательную теорію, но располагаемъ уже матеріалами для рабочей гипотезы.

Такую гипотезу я попытаюсь обосновать въ послѣдующемъ изложеніи. Само собою разумѣется, что далеко не все въ этой гипотезѣ ново, и далеко не все принадлежитъ мнѣ. Въ созданіи ея участвовали всѣ тѣ, кто работалъ на поприщѣ исторіи искусства, и въ томъ числѣ и тѣ, кто можетъ быть, не сочтетъ возможнымъ согласиться съ моими выводами. Называть каждаго отдѣльнаго автора и указывать, чѣмъ именно я ему обязанъ, было бы необходимо въ диссертаціи, но неумѣстно въ общедоступной статьѣ. Интересующіеся найдутъ всѣ нужныя свѣдѣнія въ названныхъ выше книгахъ Милье, Диля, Далтона и Н. В. Покровскаго.

II.

У разныхъ народовъ разный душевный складъ и потому разное искусство. Въ древнемъ Египтѣ искусство—дѣло ума, въ Индіи—воображенія, въ мусульманскомъ мірѣ—мечтательности, въ современной намъ Европѣ—чувства. Принадлежитъ ли византійское искусство къ одному изъ этихъ чистыхъ типовъ, или же къ смѣшанному, или къ какому-нибудь иному?

Какъ только мы присмотримся къ памятникамъ византійскаго искусства разныхъ эпохъ, мы сейчасъ же убѣдимся, что въ нихъ совершенно нѣтъ того психологическаго единообразія, къ которому мы привыкаемъ при изученіи искусства другихъ народовъ. Эволюція византійскаго искусства состоитъ не въ томъ, чтобы находить все болѣе и болѣе совершенное выраженіе для извѣстной постоянной духовной сущности, а въ томъ, чтобы понемногу мѣнять самую психологическую основу. Это удивительное явленіе ярче всего сказывается и легче всего можетъ быть наблюдаемо въ области архитектуры, хотя бы только церковной, разъ что мы почти не располагаемъ памятниками гражданскаго зодчества Византіи.

Начинаетъ Византія съ огромныхъ базиликъ, ротондъ, центральнокупольныхъ зданій. Не только въ столицахъ, не только въ богатыхъ провинціальныхъ центрахъ, но и въ провинціальной глуши возводятся колоссальныхъ размѣровъ храмы. Храмы эти, если только есть какая-нибудь къ тому возможность, роскошно отдѣлываются драгоцѣнными мраморами и мозаикою всѣхъ сортовъ. Вся отдѣлка сосредоточена внутри; о наружномъ видѣ храма зодчій не заботится и не только не украшаетъ фасадовъ какими-нибудь колоннами, арками, скульптурно разработанными карнизами, но даже не пытается придать ему архитектурно разработанный видъ. Великолѣпныя изнутри ранневизантійскія церкви снаружи кажутся какими-то каменными ящиками.

Со временемъ размѣры храмовъ уменьшаются. Уменьшеніе это послѣдовательно и постепенно; оно идетъ параллельно увеличенію количества церквей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ церковь меньше, тѣмъ больше вниманія удѣляется наружной ея отдѣлкѣ. Чѣмъ это объяснить? Принято говорить объ обѣдненіи Византіи: византійцамъ послѣднихъ двухъ-трехъ вѣковъ не подъ силу было строить такіе огромные храмы, да и техника строительная упала такъ, что возводить грандіозные купола, въ родѣ купола святой Софіи, они уже не рѣшались. Эти соображенія безусловно

неправильны. Что касается строительной техники, то именно изъ послѣднихъ вѣковъ византійской исторіи мы имѣемъ примѣры небывалой технической продерзости—хотя бы церковь Богородицы Утѣшительницы въ Артѣ, гдѣ зодчій, виртуозно владѣвшій всѣми рессурсами своего искусства, сумѣлъ заставить центральный куполъ буквально висѣть надъ пустотою; а Арта—маленькій провинціальный центръ, затерянный гдѣ-то въ Эпирѣ. Что касается денегъ, то едва ли въ позднѣйшее время тратили ихъ на церковное строительство и церковное благолѣпіе много меньше, чѣмъ въ ранневизантійскій періодъ, но только тратили ихъ иначе: расходы не концентрировались на нѣсколькихъ громадныхъ предпріятіяхъ, а дробились; много строилось церквей, и отдѣлывались онѣ не только изнутри, но и снаружи. Поздневизантійскіе храмы, съ многочисленными куполочками на высокихъ узорныхъ барабанахъ, съ арочками, карнизами и колонками, стройными пропорціями снаружи и почти бѣдною отдѣлкою внутри, являются антиподами тяжелыхъ, безформенныхъ, огромныхъ ранневизантійскихъ храмовъ.

Художественный центръ тяжести, значитъ, перемѣнился; измѣнилось самое пониманіе задачъ архитектора. Ранній принципъ—восточный: и египтяне, и народы Месопотаміи стремились къ колоссальности зданій; и тѣ, и другіе смотрѣли на зданія, какъ на вмѣстилища; персы такъ усовершенствовали конструкцію свода, что куполъ сталъ пригоденъ для перекрытія прямоугольнаго въ планѣ помѣщенія даже значительныхъ размѣровъ. Ранневизантійская церковь есть вмѣстилище всѣхъ вѣрующихъ, дающее всѣмъ возможность присутствовать при общемъ богослуженіи и хорошо видѣть и слышать его. Поздневизантійская церковь въ значительной мѣрѣ похожа на эллинскій храмъ, въ которомъ помѣщаются святыня (т. е. изображеніе божества), сокровищница, архивъ, но который вовсе не разсчитанъ на посѣщеніе массами, а потому вся скульптурная и живописная отдѣлка находилась исключительно снаружи, чтобы храмъ могъ служить достойнымъ фономъ для красивыхъ и богатыхъ религіозныхъ процессій и замѣтнымъ украшеніемъ города. И подобно тому, какъ въ Элладѣ маленькіе храмы обыкновенно были сосредоточены группами въ опредѣленныхъ городахъ или частяхъ городовъ—вспомнимъ аѳинскій Акрополь, Дельфы, Делосъ и т. д.,—такъ и въ Византіи, въ позднѣйшія времена, создавались такія же колоніи храмовъ—напр. въ Тырновѣ, Месемвріи (на черноморскомъ побережьѣ), Мистрѣ, Москвѣ (Кремль). Западная Европа, между тѣмъ, еще

и въ исходѣ среднихъ вѣковъ продолжала строить по прежнему колоссальные храмы; соборы Ренессанса не уступаютъ по размѣрамъ соборамъ готическимъ, готическіе—романскимъ, романскіе—византійскимъ. Даже небольшіе города Запада, не болѣе богатые и важные, чѣмъ Месемврія или Мистра, дѣлали невѣроятныя усилія, чтобы возводить грандіозные соборы. Граждане Сіены, уже имѣвшіе соборъ болѣе чѣмъ достаточныхъ размѣровъ, пожелали выстроить такое зданіе, въ которомъ весь ихъ соборъ былъ бы только трансептомъ—и не смогли, конечно, довести предпріятіе до конца... Сколько такихъ неоконченныхъ построекъ стоитъ въ разныхъ городахъ средневѣковой Европы! Именно сравненіе съ Западомъ въ данномъ случаѣ особенно помогаетъ оцѣнить по достоинству тотъ процессъ, который произошелъ въ Византіи.

Аналогичный процессъ мы наблюдаемъ и въ церковной живописи византійской. Если всмотрѣться въ мозаики императора Юстиніана въ Равеннѣ, можно ли себѣ представить что-нибудь болѣе египетское и въ смыслѣ безстрастности отдѣльныхъ фигуръ, и въ смыслѣ шаблонности композиціи, и въ смыслѣ однообразія позъ, и жестовъ, и лицъ! Перспектива отсутствуетъ вовсе, или же она обратная, т. е. такая, при которой уходящія вглубь картины параллельныя линіи не сходятся, а расходятся, такъ что предметы, предполагаемые въ глубинѣ картины, рисуются не въ меньшемъ, а въ большемъ масштабѣ, чѣмъ предметы перваго плана. Пейзажа нѣтъ: онъ замѣненъ, совершенно по египетски, перечисленіемъ тѣхъ предметовъ, которые необходимы для яснаго пониманія сюжета. Таковы и всѣ остальныя произведенія эпохи.

Но не все византійское искусство похоже на искусство эпохи Юстиніана. Проходятъ вѣка, и живопись понемногу оживляется и воодушевляется: позы и жесты становятся болѣе разнообразными, появляется явное стремленіе къ патетическому, даже къ преувеличенной выразительности; чѣмъ дальше, тѣмъ многолюднѣе становятся композиціи и тѣмъ оживленнѣе; вновь появляется совершенно, казалось, оставленная и забытая прямая перспектива, вновь появляется даль, и пейзажъ завоевываетъ себѣ довольно видное мѣсто; художника начинаетъ интересовать бытъ, онъ не скупится на аксессуары, которые подчасъ заслоняютъ собою сюжетъ. Поздневизантійскій живописецъ понемногу возвращается къ античнымъ идеаламъ и начинаетъ ставить себѣ античныя задачи.

Но, можетъ быть, это совершенно обычное развитіе, какое мы наблюдаемъ вездѣ и всегда? Первоначально византійскіе ху-

дожники не умѣли рисовать выразительныя лица и фигуры, не умѣли правильно перспективно строить свои картины, не умѣли изображать пейзажъ—а потомъ понемногу учились и совершенствовались? О неумѣніи ранневизантійскаго художника не можетъ быть и рѣчи, ибо всему тому, чего они «не умѣли», они легко могли научиться у непосредственныхъ своихъ предшественниковъ, эллинистическихъ живописцевъ: тѣ прекрасно знали и секретъ выразительности, и перспективу, и пейзажъ, и бытъ. Ранневизантійская живопись сознательно отвернулась отъ эллинистическихъ образцовъ и приняла образцы иные. И потомъ, понемногу, но неуклонно, она освобождается отъ чуждаго вліянія и возвращается къ эллинистической художественной психологіи.

Одинъ изъ отдѣловъ исторіи средневѣкового искусства ставитъ себѣ задачею прослѣдить по памятникамъ исторію каждаго отдѣльнаго сюжета; это—иконографія. Задача иконографіи исполнима, такъ какъ церковное искусство во всѣ вѣка по необходимости ограничивается опредѣленнымъ кругомъ сюжетовъ, заимствуемыхъ изъ Священнаго Писанія. Выводы, къ которымъ приводитъ изученіе византійской иконографіи, чрезвычайно поучительны. Вотъ, напримѣръ, исторія композиціи Крещенія Спасителя во Іорданѣ.

Въ римскихъ катакомбахъ оно сначала представлено совершенно точно по Евангелію: Іоаннъ Креститель, стоя на берегу, помогаетъ Спасителю выйти изъ воды; надъ Христомъ—голубь, символизующій чудо. Все это сухо, дѣловито, безъ малѣйшей не необходимой подробности: иллюстрація лѣтописи въ совершенно египетскомъ духѣ. Это историческое изображеніе Крещенія замѣняется, въ тѣхъ же еще катакомбахъ, изображеніемъ символическимъ. Такъ какъ послѣ Крещенія Христосъ былъ признанъ Сыномъ Божіимъ, и такъ какъ въ качествѣ таковаго онъ, по евіонитской версіи разсказа о Крещеніи, родился лишь во время Крещенія, то Христа стали изображать то младенцемъ, то отрокомъ, усиленно въ то же время подчеркивая зрѣлый возрастъ Крестителя. Это символическое изображеніе было подвергнуто обработкѣ въ духѣ египетской эллинистической живописи: группа Іоанна и Спасителя помѣщается на фонѣ излюбленнаго египетскими художниками рѣчного (нильскаго) пейзажа, оживленнаго величественною фигурою рѣчного божества. Въ такомъ видѣ композиція Крещенія встрѣчается на памятникахъ, хронологически относящихся уже къ ранневизантійскому періоду, напримѣръ, на мозаикѣ равеннской крещальни Santa Maria in Cosmedin. Но въ византійскомъ искусствѣ этотъ иконографическій типъ не могъ

удержаться. Византія отказалась отъ еретическаго изображенія Христа мальчикомъ и вернулась къ историческому его изображенію, принявъ сирійскій портретный типъ лица—типъ бородатаго мужчины; но въ то же время въ Византіи чрезвычайно усиленъ былъ символизмъ всѣхъ прочихъ подробностей. Историческій рѣчной пейзажъ былъ оставленъ и замѣненъ водяною горою, ибо къ Крещенію былъ примѣненъ стихъ псалма 113: «Море увидѣло и побѣжало, Іорданъ обратился вспять». А такъ какъ этотъ стихъ предполагаетъ олицетворенія и Іордана, и Моря, то византійскій художникъ не только не отказывается отъ александрійской фигуры рѣчного божества, но вводитъ еще женскую, персонификацію Моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая подчеркнуть все значеніе изображаемаго чуда, и не довольствуясь однимъ только символическимъ голубемъ, витающимъ надъ головою крещаемаго, византіецъ вводитъ въ композицію ангеловъ, которые въ качествѣ діаконовъ присутствуютъ при Крещеніи и держатъ платы для осушенія крещаемаго по совершеніи таинства.

Вся эта ранневизантійская композиція преисполнена символики; тутъ все понятно только посвященному—и водяная гора, и фигуры олицетвореній, и ангелы, и голубь, и исходящіе съ неба лучи. Казалось бы, что такую выдержанную и цѣльную композицію можно только или цѣликомъ сохранить, или цѣликомъ же отбросить, но нельзя измѣнять понемногу, потому что прибавленіе, напримѣръ, какихъ бы то ни было бытовыхъ подробностей создастъ кричащій контрастъ между старыми частями композиціи и новыми. На самомъ дѣлѣ византіецъ или не испугался контраста, или просто не замѣтилъ его. Уже въ XI вѣкѣ, на мозаикѣ Новаго монастыря на Хіосѣ, картина Крещенія состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей: въ правой мы видимъ Крещеніе въ томъ видѣ, въ какомъ привыкли встрѣчать его въ византійской иконографіи, а въ лѣвой изображено нѣчто такое, что, по-нашему, совершенно не вяжется съ символикою. Тамъ нарисованъ рѣчной пейзажъ, оживленный фигурами раздѣвающихся и купающихся людей, никакого отношенія къ Крещенію Спасителя не имѣющихъ; именно въ данномъ случаѣ есть даже возможность утверждать, что сцена купанья первоначально вовсе для композиціи Крещенія и не предназначалась. Въ XIV вѣкѣ, въ константинопольской Кахріэ-джами, иконографическій типъ Крещенія превратился уже вотъ во что. Живописецъ ставитъ зрителя на берегу Іордана лицомъ къ рѣкѣ, которая видна направо и налѣво на довольно большомъ протяженіи; у нашего берега цапля ловитъ угря. На противоположномъ скалистомъ берегу у самой

воды стоитъ Креститель съ посохомъ въ рукѣ, одѣтый въ звѣриныя шкуры, и, указывая рукою на подходящаго Спасителя, обращается къ пестрой толпѣ евреевъ, старыхъ и молодыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, но одинаково оживленныхъ и взволнованныхъ словами Предтечи. Въ правой части картины мы видимъ Христа, спускающагося съ горъ къ рѣкѣ, въ сопровожденіи двухъ учениковъ, стараго и молодого; молодой держитъ на рукахъ платъ въ той же позѣ, какъ ангелы въ ранневизантійскомъ искусствѣ. Итакъ, отъ чрезмѣрной первоначальной символики композиціи не осталось и слѣда; она замѣнена чисто жанровымъ пониманіемъ сюжета. Византія начала съ символики и съ чуда, а кончила бытомъ въ эллинистическомъ духѣ.

Крещеніе не составляетъ исключеніе въ византійской иконографіи, а напротивъ, иллюстрируетъ правило, изъ котораго нѣтъ исключеній—поразительное правило, показывающее, что измѣнилась самая психологическая основа искусства.

Чтобы не утомлять читателя, скажу только нѣсколько словъ о судьбахъ скульптуры и орнаментики въ Византіи.

Скульптуру Византія знала почти только въ видѣ рельефа, причемъ монументальная скульптура носитъ, за рѣдкими исключеніями, характеръ декоративный и орнаментальный. Великолѣпный примѣръ ранневизантійской скульптуры—общеизвѣстныя капители Великой св. Софіи: рельефъ двупланный, съ довольно значительнымъ разстояніемъ между обоими планами, такъ что второй постоянно остается въ тѣни и образуетъ темный фонъ, на которомъ ярко-бѣлымъ кружевомъ вырисовываются узоры ажурнаго перваго плана. Эта двупланность хорошо извѣстна по египетской скульптурѣ. Ее мы встрѣчаемъ и въ немногочисленныхъ сохранившихся ранневизантійскихъ фигурныхъ рельефахъ (въ Константинополѣ, въ Салоникахъ и др.) Въ сущности эти рельефы—не что иное, какъ исполненные при помощи рѣзца и бурава орнаментальные или фигурные рисунки, не относящіеся къ области ваянія. Мотивы византійскимъ скульпторомъ излюблены или растительные, или отвлеченно-геометрическіе. Но и растительные мотивы до такой степени стилизованы, что почти сводятся къ геометрическимъ; зритель долженъ сдѣлать усиліе, чтобы сообразить, какой реальный образецъ вдохновилъ ваятеля. Лишь къ концу византійской исторіи вновь появляются и многопланный фигурный высокій рельефъ, и реалистическіе растительные мотивы (античный аканѳъ и пр.). Скульптура не успѣла еще снова занять то выдающееся мѣсто, которое ей принадлежало въ древнемъ мірѣ, но она несомнѣнно начинаетъ

входить въ честь и двигаться по тому пути, съ котораго она такъ рѣшительно сошла въ началѣ.

Орнаментику византійскую легче всего изучить по миніированнымъ рукописямъ. Если мы прослѣдимъ какой-нибудь орнаментальный «сюжетъ» на всемъ протяженіи византійской письменности, то мы увидимъ, что только тутъ имѣется послѣдовательное развитіе, а не послѣдовательное отрицаніе тѣхъ началъ, которыя были заложены въ ранневизантійское время. Очень поучительны, напримѣръ, наблюденія надъ орнаментикою такъ называемыхъ «канонныхъ аркадъ».

Въ средневѣковыхъ рукописныхъ евангеліяхъ священному тексту предшествуетъ обыкновенно посланіе знаменитаго историка и богослова Евсевія къ Карпіану, въ которомъ излагается ученіе о единствѣ и согласіи четырехъ евангелій; за этимъ посланіемъ слѣдуютъ таблицы, на которыхъ въ четырехъ параллельныхъ столбцахъ сопоставлены, въ видѣ цифровыхъ цитатъ, совпаденія между разсказами евангелистовъ. Рукописей, современныхъ автору таблицъ, мы не имѣемъ; но изъ того обстоятельства, что во всѣхъ позднѣйшихъ рукописяхъ эти таблицы имѣютъ приблизительно одинаковую декоративную обработку, мы можемъ заключить, что имъ уже въ IV-мъ вѣкѣ была дана архитектурная форма легкихъ аркадъ, опирающихся на колонки. Эту форму мы находимъ и въ древнѣйшихъ сирійскихъ евангеліяхъ—флорентинскомъ 586 г. и парижскомъ № 33, въ греческихъ россанскомъ и вѣнскомъ № 847, и т. д. Во всемъ византійскомъ искусствѣ мы неизмѣнно находимъ повторенія все того же первоначальнаго образца и можемъ прослѣдить измѣненія вкуса. Измѣненія эти состоятъ въ томъ, что постепенно утрачивается реальный архитектурный характеръ и все болѣе усиливается ковровый элементъ. Этотъ переходъ былъ тѣмъ легче, что еще въ Египтѣ аркада была излюбленнымъ мотивомъ именно для ковровъ (каковымъ осталась на Востокѣ и до сихъ поръ). Способствовала переходу и потребность согласовать верхній полукруглый контуръ арки съ прямоугольнымъ форматомъ страницъ. Начали съ того, что заполняли остававшіеся свободными углы фигурами животныхъ; животныя были замѣнены пальметками, и арка обводилась однимъ общимъ контуромъ; выработалась заставка прямоугольной формы, въ которой уже только обязательно вписываемый полукругъ напоминалъ объ архитектурномъ первообразѣ.

Архитектурные пережитки явно мѣшали миніаторамъ, которые никакъ не могли справиться съ задачею заполненія за-

ставки орнаментомъ такимъ образомъ, чтобы орнаментъ согласовался съ аркадою. Византійскій мастеръ зналъ и понималъ только безконечный ковровый узоръ, узоръ восточный; онъ не только не вернулся къ античному, законченному въ себѣ орнаменту, но окончательно отвернулся отъ него. И византіецъ, поэтому, заполняетъ свою заставку какъ бы вырѣзкою изъ ковра и такими же лоскутами заполняетъ даже углы между полукругомъ заставки и ея прямоугольною рамкою.

Этого бѣглаго очерка достаточно, чтобы показать, что начало и конецъ византійскаго искусства качественно противоположны, какъ будто эволюція была начата одною расою, а завершена другою. Византія начала съ воспріятія Востока (въ слѣдующей главѣ мы попытаемся опредѣлить ближе, что это за Востокъ), а кончила тѣмъ, что вернулась къ эллинизму; въ корнѣ измѣнивъ свою художественную психологію. И только послѣдовательное развитіе орнаментики показываетъ, что не все въ этой психологіи измѣнилось: поздніе византійцы не остались восточными людьми, но и не совсѣмъ стали античными греками. Въ исторіи византійскаго языка давно уже отмѣчено точно такое же явленіе, такой же возвратъ къ классически правильной рѣчи; но тамъ этотъ возвратъ былъ сознательнымъ дѣломъ отдѣльныхъ высокообразованныхъ личностей, и потому, съ точки зрѣнія историковъ, заслуживалъ меньшаго вниманія; въ искусствѣ же поворотъ несомнѣнно безсознателенъ, а потому наблюденіе особенно цѣнно.

Подвести византійское искусство подъ одну изъ установленныхъ нами выше категорій не представляется возможнымъ. Византія не принадлежитъ къ тому или другому психологическому типу, а переходитъ изъ одного типа въ другой. Отвѣтъ на поставленный нами вопросъ: «что такое Византія?» можетъ быть только историческимъ, т. е. для него требуется непремѣнно указаніе и начала, и конца эволюціи, требуется анализъ тѣхъ силъ, которыя вызвали процессъ «дезоріентализаціи» (я не могу, къ сожалѣнію, придумать болѣе благозвучное и болѣе русское выраженіе; французское слово прекрасно и кратко обозначаетъ понятіе, которое я имѣю въ виду,—постепенное освобожденіе, раскрѣпощеніе изъ-подъ власти Востока). А такъ какъ въ исторіи народовъ зачастую бываетъ, что нормальное развитіе прерывается какими-нибудь «независящими обстоятельствами» и не достигаетъ той цѣли, къ которой шло, и такъ какъ мы знаемъ, что именно Византія претерпѣла такой насильственный конецъ, то намъ необходимо, по мѣрѣ возможности, выяснить и вопросъ о томъ,

достигъ ли процессъ «дезоріентализаціи» въ Византіи своего нормальнаго завершенія, и, если не достигъ, то каково это завершеніе логически должно было быть.

III.

Народамъ, населявшимъ долину Нила, долину Тигра и Евфрата, пришлось самостоятельно и съ самыхъ, какъ говорится, азовъ создавать всю свою культуру, все свое искусство: имъ не къ кому было примкнуть, не у кого было заимствовать что бы то ни было въ готовомъ видѣ. Поэтому и культура, выработанная ими, носитъ въ исключительно сильной степени печать національной самобытности. Египетъ шелъ своимъ путемъ, Месопотамія своимъ. Въ результатѣ выработались двѣ разныя культуры, два разныхъ міросозерцанія, два разныхъ искусства. Есть въ искусствѣ несомнѣнныя точки соприкосновенія между Египтомъ и Месопотаміею, но онѣ объясняются расовымъ родствомъ, сходствомъ географическихъ и климатическихъ условій, и лишь въ позднѣйшее время—непосредственнымъ заимствованіемъ.

Египетъ давно уже вышелъ изъ-подъ власти турокъ, а Месопотамія до сихъ поръ остается турецкою провинціею. Поэтому ученые, находя въ Египтѣ и полную безопасность, и культурныя условія жизни, и всяческую помощь и содѣйствіе со стороны администраціи, чрезвычайно усердно и успѣшно взялись за дѣло изученія египетскихъ древностей. Первоначально интересъ сосредоточивался почти исключительно на памятникахъ лѣтописнаго, религіознаго и литературнаго характера, но и исторія искусства настолько подвинута была попутно, что въ настоящее время можно уже говорить не только объ египетской археологіи, но и объ египетской исторіи искусства. И въ Месопотаміи сдѣлано подвижниками науки очень много для выясненія древней исторіи и древняго искусства но все же недостаточно; чтобы можно было подводить итоги хоть съ нѣкоторой увѣренностью.

Наблюдаемая въ древнемъ Египтѣ эволюція искусства можетъ быть описана въ нѣсколькихъ словахъ: сначала дѣлаются огромныя усилія къ тому, чтобы изображать внѣшній міръ какъ можно ближе къ дѣйствительности, а потомъ, когда въ этомъ отношеніи искусство дошло до совершенства—что можетъ быть, напр., совершеннѣе каирской статуи такъ называемаго «шейхъ-

эль-беледа» или парижской статуи писца!—начинается «упадокъ», т. е. періодъ схематизаціи и окончательной выработки характернаго для древнеегипетской психологіи стиля. «Упадкомъ» такую выработку могутъ считать только тѣ, которые полагаютъ, что конечная задача искусства состоитъ въ воспроизведеніи дѣйствительности, и не задумываются надъ вопросомъ, къ чему бы такое воспроизведеніе дѣйствительности могло быть нужнымъ, разъ мы теперь располагаемъ механическими способами воспроизведенія, гораздо болѣе точными. Для тѣхъ, кто полагаетъ, что искусство отражаетъ и выражаетъ душевную жизнь народа, названныя статуи не обозначаютъ кульминаціоннаго пункта въ развитіи египетскаго искусства, а лишь тотъ моментъ, когда египтянинъ вполнѣ овладѣлъ всѣми техническими пріемами и, увѣренный въ своемъ мастерствѣ, могъ взяться за высшія задачи. Все, что для достиженія этихъ высшихъ цѣлей не нужно, отбрасывается; техника упрощается и сводится къ предѣламъ строго необходимаго. Техника въ искусствѣ, какъ и повсюду—лишь средство для достиженія цѣли, а не самодовлѣющая цѣль; такою цѣлью она становится только въ періоды художественнаго безвременья.

Египтянинъ былъ иллюстраторъ: онъ иллюстрировалъ свои лѣтописи, свои догматы, свои заклинанія и молитвы. Искусства ради искусства онъ не зналъ и живописи и ваянію придавалъ исключительно прикладное значеніе: пояснять и дѣлать понятными трудно читаемыя и немногимъ доступныя надписи, напоминать въ краткой и для посвященныхъ ясной формѣ о догматахъ вѣры, словесное выраженіе которыхъ часто представлялось дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Живописи и скульптурѣ, далѣе, приписывалась магическая сила. Повсюду требовалась только ясность того сюжета, который имѣлся въ виду. Строго утилитарное направленіе египетскаго искусства, видно, между прочимъ, изъ того, что въ скульптурѣ, гдѣ портретное сходство необходимо по самому существу дѣла, требовалось, чтобы душа покойнаго при воскресеніи легко могла узнать и безъ колебаній овладѣть портретомъ своего тѣла, и чтобы чужая душа не могла себѣ присвоить не принадлежащій ей портретъ. Въ скульптурѣ египетскій художникъ достигалъ изумительной степени мастерства—и тотъ же египтянинъ въ живописи, гдѣ практически не важно было выразить индивидуальность изображаемыхъ лицъ и предметовъ, не давалъ больше того, безъ чего нельзя было обойтись для пониманія. У египетскаго художника было слиш-

комъ много дѣла для того, чтобы заниматься «воспроизведеніемъ дѣйствительности» для неизвѣстныхъ цѣлей.

Искусство древняго Египта схематично, отвлеченно, символично. Оно требуетъ не эмоціональной воспріимчивости: оно разсчитано на очень низкій уровень развитія оптической памяти и зрительнаго воображенія; созданное спекулятивнымъ умомъ, оно обращается къ уму и къ знанію. Когда выработалось это искусство, оно въ такомъ совершенствѣ удовлетворило всѣмъ запросамъ египетской души, что дальнѣйшая эволюція стала невозможною. Даже политическое и, казалось, культурное порабощеніе Египта сначала греками, потомъ римлянами вовсе не уменьшило обаяніе старыхъ художественныхъ традицій: Египетъ въ искусствѣ поработилъ своихъ завоевателей и навязалъ имъ свое художественное міросозерцаніе, отъ котораго они освободились лишь по прошествіи многихъ вѣковъ, когда Египетъ былъ уже во власти новыхъ завоевателей—арабовъ—и былъ занятъ выработкою искусства, отражающаго въ новой формѣ все ту же духовную сущность.

Въ искусствѣ Месопотаміи воображеніе играетъ значительную роль, не такую, конечно, какъ въ Индіи, но и не столь ничтожную, какъ въ Египтѣ. Въ основѣ своей, однако, искусство Месопотаміи также символическое. Болѣе развитое воображеніе заставляетъ художника не довольствоваться одною лишь отвлеченною формою: онъ стремится, по мѣрѣ силъ, къ выраженію жизни въ изображаемомъ имъ мірѣ людей, животныхъ, боговъ и чудовищъ. Въ то время, какъ египтянинъ, изображая человѣческую, напримѣръ, фигуру, помнитъ все время, въ сущности, только о носителѣ формы—скелетѣ, въ Месопотаміи никогда не забываютъ ни о мускулатурѣ, ни о жирѣ, и въ стремленіи придать изображаемымъ живымъ существамъ именно живой видъ, даже преувеличиваютъ мускулатуру и жиръ. Египтянинъ отказывается отъ всякой попытки построить перспективный пейзажъ и вполнѣ довольствуется изображеніемъ нужныхъ для пониманія сюжета частей пейзажа, сопоставляемыхъ безъ внутренней связи; месопотамскій художникъ выработалъ свою—весьма, конечно, несовершенную—перспективную систему, дающую ему возможность развертывать обширные пейзажные фоны, недостаточные съ нашей точки зрѣнія, ибо мы требуемъ отъ пейзажной живописи настроенія, но вполнѣ достаточные для того, чтобы помочь воображенію живѣе представить себѣ событіе, поразившее художника. Желаніе воздѣйствовать на фантазію зрителя заставило месопотамскаго художника сдѣлать первые

шаги и въ томъ направленіи, въ какомъ суждено было развиваться искусству позднѣйшей Эллады: были сдѣланы первыя попытки выразить не только физическую жизнь, но и жизнь душевную. Эти попытки были очень рѣдки, выражаемыя чувства были очень исключительны (кровожадная, хищническая жестокость), но самое явленіе чрезвычайно знаменательно.

На смѣну народамъ древняго Востока хронологія выдвигаетъ грековъ. Греки были учениками Востока во всемъ: съ Востока они получили и начатки вѣры, и начатки науки, и начатки поэзіи и искусства. Но психологія у нихъ была иная, и все, что они заимствовали, они переработали до неузнаваемости. Сильныя, но смутныя настроенія Востока, глубокія, но неясныя ученія, грандіозные, но безформенные образы грекъ прояснилъ, упростилъ, облагообразилъ, очеловѣчилъ. Страшныя, требующія крови и воплей божества Востока грекъ претворилъ въ дивно прекрасныхъ, но близкихъ къ простымъ смертнымъ боговъ и богинь своего Олимпа... столь близкихъ, что къ нимъ съ добродушною ироніею относится уже старикъ Гомеръ! Для той обработки, которой грекъ подвергалъ чужое добро прежде чѣмъ его усвоить, въ высшей степени характерна выработка алфавита: сложныя, доступныя послѣ долгаго изученія немногимъ грамотѣямъ письмена Востока въ рукахъ грека превратилися въ четкій, ясный и настолько простой эллинскій алфавитъ, что онъ сталъ доступенъ дѣтскому пониманію.

И въ искусствѣ грекъ былъ ученикомъ Востока. Но не даромъ квинтэссенція греческой премудрости выражается принципомъ: Μηδὲν ἄγαν—все въ мѣру! Грекъ открылъ, что въ архитектурѣ вовсе не важны колоссальные размѣры, а важны гармонія и пропорціональность частей. Грекъ открылъ, что въ живописи и ваяніи суть заключается не въ томъ только, чтобы поразить умъ или воображеніе зрителя, а въ томъ, чтобы «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой». И потому, какъ только греческое искусство въ концѣ V-го вѣка возмужало и почувствовало себя во всеоружіи художественной техники, оно рѣзко отвернулось отъ Востока и пошло по своему собственному пути. Грекъ открылъ индивидуальную человѣческую душу, и она, со всѣми своими страстями и настроеніями стала неизмѣнною и единственною темою эллинскаго искусства.

Секретъ этого искусства заключался въ томъ простомъ наблюденіи, что человѣкъ—существо подражательное. Если кругомъ насъ смѣются, то и намъ хочется смѣяться, и мы смѣемся, даже если въ точности не знаемъ причины всеобщаго веселья.

Если мы видимъ плачущаго, то и у насъ навертываются слезы; въ обществѣ угрюмыхъ стихаетъ весельчакъ, а въ обществѣ веселыхъ оживляется и меланхоликъ. Для того, чтобы статуя или картина такъ же заражала насъ, какъ если бы передъ нами была сама дѣйствительность, а не только ея изображеніе, нужно, чтобы мы, разсматривая художественное произведеніе, могли забыть о томъ, что мы видимъ лишь отраженіе, а не оригиналъ, т. е. нужно, чтобы статуя или картина была исполнена съ полнымъ техническимъ совершенствомъ и могла намъ дать полную *иллюзію дѣйствительности*.

Эта иллюзія не была нужна египтянину. Въ ней отчасти чувствовали потребность нѣкоторые художники Месопотаміи. Она была цѣлью и завѣтною мечтою художника-эллина, потому что она была средствомъ и необходимымъ условіемъ для психологической выразительности художественнаго произведенія и для зараженія зрителя чувствомъ, которое художникъ испыталъ, вызвалъ въ себѣ и передалъ... Мы подходимъ здѣсь къ извѣстному опредѣленію искусства, данному Л. Н. Толстымъ. Оно неприложимо ни къ искусству Египта, ни къ искусству Месопотаміи, но оно вполнѣ приложимо къ творчеству эллиновъ IV-го столѣтія до Р. Х. и послѣдующаго времени.

Эллада далеко переросла свои географическіе предѣлы. Въ искусствѣ она, прежде даже чѣмъ вполнѣ найти свой путь, изъ ученицы превратилась въ учительницу Востока и стала формально вліять на персидскій стиль. Позднѣе, когда эллинизованные македонцы Александра Великаго покорили разваливавшіяся имперіи Востока, греческое искусство, зрѣлое, увѣренное въ себѣ, выяснившее свои цѣли и задачи, широко распространяется по всему лицу культурнаго міра. Нарождаются новые центры—Александрія, Антіохія и др.,—затмевающіе своимъ великолѣпіемъ художественные центры самой Эллады. Въ этихъ новыхъ центрахъ начинаетъ происходить процессъ оріентализаціи эллинизма.

Эллинское искусство начинаетъ перерабатывать на свой ладъ восточные образы и идеалы. Оно превращается въ космополитическое «эллинистическое искусство», понятное образованнымъ людямъ всего древняго міра, подобно тому какъ греческій языкъ становится въ бассейнѣ Средиземнаго моря международнымъ и общепонятнымъ языкомъ. Но этотъ языкъ — κοινή — не могъ не утратить свѣжести и прелести аттической классической рѣчи, перейдя въ уста всевозможныхъ варваровъ—и точно также искусство не могло не измѣниться послѣ приспособленія ко вкусамъ и запросамъ, предъявляемымъ уже не эллинами.

Очень скоро оказалось, что эллинизмъ не въ состояніи ассимилировать, сдѣлать греческимъ казавшійся трупомъ Востокъ, а наоборотъ, именно небывалое расширеніе и оживленіе коммерческихъ сношеній, вызванное созданіемъ имперіи Александра Великаго и ростомъ Римскаго государства, именно наличность единаго международнаго языка и единой международной эллинистической культуры привели къ оріентализаціи всего древняго міра. Процессъ оріентализаціи, т. е. культурнаго господства Востока, начинается въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. и завершается полнымъ торжествомъ Востока въ VI-мъ вѣкѣ по Р. Х., когда ему подчинена вся Европа. Заснувшій было, замерзшій, прекратившій собственную творческую дѣятельность Востокъ въ III-мъ в. до Р. Х., подъ вліяніемъ новыхъ политическихъ и культурныхъ стимуловъ, новыхъ идей и фактовъ, начинаетъ пробуждаться, начинаетъ бороться, ищетъ и находитъ выраженіе для своихъ идеаловъ и стремленій.

Началась борьба Востока съ Западомъ на почвѣ религіозной: старыя божества воскресаютъ и подъ покровомъ античной терпимости проникаютъ повсюду, находятъ пламенныхъ поклонниковъ въ самомъ дворцѣ кесарей. Античный міръ зналъ только національные культы, которые перестали удовлетворять людей, почувствовавшихъ себя гражданами вселенной, и создалъ философскія системы, еле доступныя уму мудрецовъ и ничего не говорящія сердцу массъ. Эллинистическій міръ искалъ не боговъ, а Бога. Онъ съ жадностью хватался за всякую новинку—Изиду и Сераписа, Кибелу и Ваала... но по существу эти божества ничѣмъ не отличались отъ Зевса, Деметры и Вакха. Нужную усталому эллинизму религію создалъ опять Востокъ, и даже не одну религію, а двѣ, которыя обѣ имѣли возможность стать міровыми: культъ Митры и христіанство.

Было время, когда казалось, что именно культу Митры суждено завоевать вселенную. Профессоръ Кюмонъ составилъ карту распространенія этого культа въ первые вѣка нашей эры: просто глазамъ не вѣришь, видя, что персидская религія, не пользуясь государственною поддержкою, не имѣя единой организаціи, въ короткое время распространилась по всей Европѣ до Шотландіи, нашла поклонниковъ и на Дунаѣ, и въ Испаніи, и въ сѣверной Африкѣ!

Но торжество культа Митры было непрочно. Культъ этотъ, порожденіе древняго иранскаго маздеизма, оказался слишкомъ чистокровнымъ восточнымъ культомъ, неспособнымъ стать общечеловѣческимъ и удовлетворить людей разной крови, разной

психологіи, и потому безсильнымъ устоять противъ напора христіанства. Западъ такъ же быстро отказался отъ Митры, какъ быстро принялъ его. И только на Востокѣ, на своей родинѣ, религія Митры, переродившись въ манихейство, еще долго существовала и упорно, по временамъ успѣшно боролась съ христіанствомъ. А Западъ принялъ христіанство безповоротно.

Первоначальное христіанство по самому существу своему было прямымъ отрицаніемъ всей эллинистической культуры, всего римскаго государственнаго и соціальнаго строя. Римскому идеалу всемірнаго господства и всесокрушающей мощи оно противопоставило «царство не отъ міра сего», римскому аристократическому и рабовладѣльческому укладу — идею всеобщаго равенства и братства, римскому капитализму—свое презрѣніе къ богатству, римской юриспруденціи—свое «не судите, да не судимы будете», эллинистическому знанію—свою вѣру, эллинистической красотѣ—свое ученіе о тлѣнности всего земного.

Воскресающій Востокъ началъ борьбу съ ненавистнымъ насильникомъ Западомъ на религіозной почвѣ, «по линіи наименьшаго сопротивленія», именно тамъ, гдѣ побѣда была не только возможна, но и обезпечена. Эллинизмъ, уже изжившій свои собственные идеалы и потерявшій въ нихъ вѣру, уже разлагавшійся, потому что не имѣлъ національной почвы подъ ногами, не располагалъ достаточною моральною силою для борьбы съ новымъ ученіемъ. Но Римъ, какъ государство, былъ жизнеспособнѣе эллинизма. Почувствовавъ ростъ своего смертельнаго врага, Римъ напрягъ всѣ силы своей изумительной организаціи, чтобы или искоренить христіанство, или сдѣлать его своимъ орудіемъ. Первое не удалось, ибо никогда матеріальная сила не въ состояніи подавить силу нравственную: «Галилеянинъ побѣдилъ», по картинному выраженію послѣдняго императора-философа Юліана. Но за эту побѣду пришлось заплатить дорогою цѣною: христіанство почти сразу стало изъ преслѣдуемаго ученія государственною религіею и, въ качествѣ таковой, должно было признать и освятить своимъ авторитетомъ все то, что ранѣе отрицало. Римъ, отнюдь не отказавшійся отъ своихъ старыхъ законодательныхъ привычекъ, взявъ церковь подъ свое покровительство, сдѣлалъ ее орудіемъ своихъ имперіалистическихъ плановъ и втиснулъ ее въ рамки правительственнаго вѣдомства. Римъ создалъ церковь, какъ іерархическую организацію, примѣнительно къ свѣтской администраціи. Все регламентируя и кодифицируя, Римъ одинаково заботливо установилъ и подробности обряда, и администрацію, и догматы вѣры; все было фор-

мулировано и предвидѣно съ точностью и подробностью государственныхъ законовъ, и неподчиненіе этой регламентаціи каралось какъ неподчиненіе власти. Побѣда Востока надъ Западомъ на религіозномъ поприщѣ привела, въ сущности, къ подчиненію его Западу, на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ.

Культурныя послѣдствія торжества христіанства, совпавшаго съ перенесеніемъ столицы на востокъ, въ Константинополь, были неисчислимы. Вѣрнѣйшимъ ихъ показателемъ является искусство.

На защиту эллинистическаго искусства не стала никакая государственная организація—и Востокъ взялъ верхъ надъ Западомъ. Эллинизація Востока не удалась, а процессъ оріентализаціи Запада съ распространеніемъ христіанства принялъ всеобъемлющіе размѣры. Христіанство, конечно, настаивало на своей преемственной связи съ «закономъ»: Спаситель самъ вѣдь сказалъ, что онъ явился не нарушить законъ, а исполнить. Заповѣдь о недѣланіи себѣ кумира и *никакого* изображенія принципіально оставалась въ полной силѣ. Но христіанству пришлось развиваться въ средѣ, до такой степени пропитанной художественными потребностями, до такой степени привыкшей къ искусству не только въ религіозномъ обрядѣ, но и въ повседневномъ жизненномъ обиходѣ, что даже александрійскіе евреи перестали соблюдать моисеевъ законъ. При такихъ условіяхъ итти противъ искусства—значило бы заранѣе обречь себя на неуспѣхъ. И христіанство не только не стало отрицательно относиться къ искусству, но, напротивъ, воспользовалось имъ какъ могучимъ средствомъ пропаганды.

Первые христіанскіе художники вовсе не задавались цѣлью создать новое искусство: они пользовались для выраженія своихъ идеаловъ и мыслей средствами и формами, къ которымъ они и ихъ современники издавна привыкли, часто брали готовые уже символы, придавая имъ новый смыслъ или новый оттѣнокъ смысла. Новое содержаніе, однако, естественно ускорило и усилило процессъ оріентализаціи, хотя и не вызвало его. Раннехристіанское искусство по существу есть «христіанская антика», параллельная антикѣ языческой, но менѣе консервативная и потому быстрѣе вырождавшаяся.

Первоначально христіанство распространялось главнымъ образомъ среди бѣдныхъ и низшихъ классовъ населенія и на Востокѣ. Древнѣйшая христіанская иконографія стала искусствомъ популярнымъ, разсчитаннымъ на вкусы и потребности простыхъ восточныхъ людей. Вскорѣ распространеніе христіан-

ства въ средѣ образованной въ эллинистическомъ духѣ привело къ новой, эллинистической обработкѣ тѣхъ же сюжетовъ. Мы уже говорили выше объ иконографіи Крещенія и отмѣтили какъ наиболѣе популярную, древнѣйшую, историческую редакцію его, такъ и символическую, и эллинистическую. Точно такое же явленіе смѣны и сосуществованія разныхъ редакцій, разсчитанныхъ на вкусы опредѣленныхъ классовъ вѣрующихъ, мы замѣчаемъ повсюду. Возьмемъ древнѣйшія, напримѣръ, изображенія Благовѣщенія. Въ катакомбахъ мы находимъ этотъ сюжетъ въ простѣйшей и наиболѣе исторической формѣ: передъ сидящею Дѣвою стоитъ ангелъ, говорящій ей евангельскія слова; никакихъ бытовыхъ, «мірскихъ» подробностей, ничего лишняго. На одномъ найденномъ въ Сиракузахъ саркофагѣ (саркофагѣ Адельфіи) мы видимъ совсѣмъ другое: Дѣва съ кружкою пошла за водою къ источнику, бьющему изъ скалы, и тутъ ей явился ангелъ; Дѣва испугалась и заметалась, и только олицетворяющая гору или источникъ фигура старика-бога сохранила полное спокойствіе, еще болѣе подчеркивающее то живое чувство, которымъ проникнута вся композиція. Это — слегка миѳологически прикрашенная бытовая картинка въ эллинистическомъ жанрѣ. Наконецъ, на мозаикѣ тріумфальной арки римской Santa Maria Maggiore то же событіе изображено опять иначе: Марія, въ богатой одеждѣ, сидитъ на подушкѣ, положенной на богатый табуретъ; ноги ея покоятся на скамеечкѣ; налѣво стоитъ корзинка съ пурпурною пряжею; исходящую изъ нея нить, держитъ въ рукахъ Дѣва; два ангела составляютъ какъ бы свиту Богоматери, третій стоитъ передъ нею, въ то время какъ четвертый подлетаетъ справа; съ неба по направленію къ Маріи спускается Духъ Святой въ видѣ бѣлаго голубя. Вся эта картина скомпанована явно на основаніи той простѣйшей композиціи, какая встрѣчается въ катакомбахъ, но какъ старый образецъ переработанъ! Мозаика Santa Maria Maggiore—церемоніальная пышная картина, разсчитанная менѣе на чувство, чѣмъ на воображеніе, эллинистическая по внѣшнимъ пріемамъ, по художественной техникѣ, но проникнутая отнюдь не духомъ христіанскаго смиренія, отнюдь даже не эллинистическимъ жанровымъ духомъ; сынъ назаретскаго плотника превратился уже въ восточнаго царя, мать его — царица, которая должна быть окружена всею роскошью дворцовою и придворнымъ церемоніаломъ Сассанидовъ.

Какой бы мы ни взяли распространенный въ раннехристіанскомъ искусствѣ сюжетъ, мы повсюду найдемъ то же самое явле-

ніе: параллельное существованіе нѣсколькихъ иконографическихъ редакцій, выработанныхъ въ разныхъ мѣстахъ для разныхъ классовъ общества, хотя и въ одно и то же, быть можетъ, время. У древнехристіанскаго искусства не было единаго руководящаго центра; оно развивалось одновременно въ разныхъ центрахъ далеко не одинаково и неравномѣрно.

Признаніе христіанства государственной религіею должно было произвести переворотъ въ искусствѣ, значительно упорядочить иконографію и вмѣстѣ съ тѣмъ ускорить процессъ оріентализаціи, такъ какъ въ организующейся церкви восточные элементы имѣли перевѣсъ. И дѣйствительно, эллинистическіе элементы въ христіанскомъ искусствѣ понемногу вымираютъ и вытѣсняются іероглифами, не имѣющими другой цѣли, кромѣ иллюстраціи догматовъ; въ повѣствованіи не было надобности, ибо всѣ вѣрующіе знаютъ событія, передаваемыя священнымъ преданіемъ. Повѣствовательный элементъ появляется и пышно развивается позднѣе, когда, съ объявленіемъ христіанства господствующей религіею, нахлынули въ церковь вновь обращенные христіане, которые не всегда успѣвали получить надлежащее предварительное просвѣщеніе.

Какъ только выяснилось, что бытовая трактовка религіозныхъ сюжетовъ не соотвѣтствуетъ ни духу новаго вѣроученія, ни цѣлямъ, которыя имѣла въ виду церковь-руководительница художниковъ, техника искусства немедленно начала падать, особенно когда прекратило свою дѣятельность искусство языческое. Воспроизведеніе дѣйствительности, какова она есть и каковою она кажется, стало ненужнымъ, иллюзія—излишней. Центръ тяжести передвинулся въ сторону сюжета, который самъ по себѣ, безъ содѣйствія художника, дѣйствовалъ на зрителя. И въ христіанскомъ искусствѣ произошло совершено то же, что по тѣмъ же причинамъ и при тѣхъ же обстоятельствахъ, только на много вѣковъ ранѣе, произошло въ искусствѣ Египта фараоновъ. Пейзажъ, который греки довели до совершенства, исчезаетъ; перспектива, нашедшая себѣ въ Евклидѣ даже теоретика, извращается и замѣняется обратною; выразительность лицъ, естественность и разнообразіе позъ и жестовъ утрачиваются; тонкости моделлировки и колористическое мастерство забываются. Въ VI-мъ вѣкѣ, въ эпоху Юстиніана и его преемниковъ, эллинизмъ кажется—если судить по сохранившимся памятникамъ—окончательно погибшимъ, и даже свѣтское искусство, повидимому, вполнѣ примкнуло къ новому художественному теченію.

Вотъ тогда и начинается та реакція, о которой мы выше говорили, во второй главѣ: начинается возвращеніе искусства къ эллинскому пониманію художественныхъ задачъ и цѣлей. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается на поприщѣ искусства рознь между Западомъ и Востокомъ. Западъ и Востокъ помѣнялись ролями: Западъ становится хранителемъ чисто восточныхъ традицій, Востокъ вводитъ всевозможныя новшества. Явленіе странное на первый взглядъ, но легко объяснимое съ точки зрѣнія всеобщей исторіи, и особенно исторіи Италіи въ теченіе ранняго средневѣковья.

Какъ все въ исторіи, оборотъ, принятый эволюціей искусства на Востокѣ и на Западѣ, есть неизбѣжное послѣдствіе всего предыдущаго. Когда христіанство, ставъ признанною государствомъ организаціею, усвоило себѣ административный строй Римской имперіи и освѣтило его своимъ авторитетомъ, далеко не всѣ вѣрующіе были довольны такимъ оборотомъ дѣла. Но въ началѣ можно было еще не видѣть, къ чему приведетъ признаніе христіанства. Вскорѣ не стало больше иллюзій: оказалось, что по существу ничего въ государствѣ не измѣнилось, что Римъ перемѣнилъ вѣроисповѣданіе, но не міросозерцаніе, не пріемы и цѣли своей политики. Тогда недовольство перешло въ открытый протестъ, вылившійся въ форму монашества. Люди, понимавшіе и чувствовавшіе, что идеалы Спасителя не осуществляются и не могутъ быть осуществлены въ государствѣ—ибо государство по необходимости построено на эгоизмѣ,—уходили отъ него въ пустыню, жили тамъ въ одиночку или общинами, упражняясь въ тѣхъ добродѣтеляхъ, проявленіе которыхъ въ мірѣ влекло за собою конфликтъ съ общественною организаціею. Монашество въ короткое сравнительно время стало силою, особенно когда оно выдѣлило изъ своей среды цѣлый рядъ высокодаренныхъ дѣятелей, сумѣвшихъ его дисциплинировать и организовать при посредствѣ общихъ правилъ. Зародилось монашество не въ центрѣ имперіи, а на далекой ея окраинѣ, въ Египтѣ; распространялось оно прежде всего на окраинахъ же, на Синаѣ, въ Сиріи, въ Африкѣ, въ Италіи, потомъ въ Малой Азіи, въ Каппадокіи, гдѣ въ лицѣ Василія Великаго, Григорія Назіанзина и Григорія Нисскаго появились великіе свѣточи монашества. Государственная власть, повидимому, не сразу рѣшила, какъ ей отнестись къ новому явленію. Она была скорѣе склонна поощрять монашество, какъ дѣятельный факторъ въ распространеніи христіанства. Позднѣе, когда непріятныя свойства монашества окончательно выяснились, правительство не сразу рѣшилось на

борьбу, необыкновенная трудность которой не могла подлежать сомнѣнію. Только тогда, когда жизнь поставила вопросъ ребромъ, существовать ли государству или монашеству — ибо съ точки зрѣнія государственной монахи являлись анархистами, а для монаховъ (въ нѣкоторыхъ областяхъ они открыто это говорили) соціальный строй Римской имперіи былъ врагомъ, болѣе опаснымъ и ненавистнымъ, чѣмъ Сатана,—только тогда завязался рѣшительный бой.

Борьба, какъ это на первый взглядъ ни кажется страннымъ, разыгралась на почвѣ искусства, до такой степени искусство казалось обѣимъ сторонамъ важнымъ съ общественной точки зрѣнія дѣломъ. Византійская исторія представляетъ единственное во всемірной исторіи зрѣлище эпической, кровавой и очень длительной борьбы за искусство между двумя могучими организаціями: государствомъ и монашествомъ. Я говорю—монашествомъ, а не церковью! Ибо монашество, по крайней мѣрѣ въ началѣ, совершенно послѣдовательно относилось къ государственной церкви съ нескрываемымъ недовѣріемъ и неодобреніемъ, и даже въ началѣ VIII-го вѣка, когда пожаръ разгорѣлся, связь между церковною іерархіею и монашествомъ была еще настолько непрочна, что можно было бороться съ монахами, не слишкомъ задѣвая церковь.

Иконоборчество наполняетъ полтора вѣка византійской исторіи. Для историка искусства этотъ періодъ представляетъ не менѣе глубокій интересъ, чѣмъ для историка церкви, государства или литературы. Разыгравшіяся страсти привели къ тому, что именно стоявшіе въ центрѣ борьбы памятники искусства подверглись почти полному уничтоженію. Иконоборческій періодъ—одинъ изъ самыхъ темныхъ въ исторіи искусства. Чтобы понять, въ чемъ было дѣло, и къ какимъ оно привело послѣдствіямъ, намъ приходится прибѣгать къ догадкамъ и умозаключеніямъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ хотѣлось бы.

При изученіи послѣ-иконоборческаго искусства нельзя не замѣтить въ художественной промышленности, единственной доступной нашему изученію отрасли мірского искусства, чрезвычайнаго усиленія живописнаго элемента, подражанія старымъ александрійскимъ образцамъ. Иконоборцы отрицали не *все* искусство, а лишь искусство церковное, которое давало поводъ къ злоупотребленіямъ, къ идолопоклонству, какъ они говорили. Въ противовѣсъ церковному искусству иконоборцы старались всемѣрно насаждать свѣтское и пробудить къ новой жизни замершую было эллинистическую традицію. Въ живописи они культи-

вировали жанръ, пейзажъ, орнаментику — жанръ и пейзажъ, конечно, съ совершенно другимъ художественнымъ и психологическимъ содержаніемъ, нежели въ догматическомъ искусствѣ, процвѣтавшемъ въ Византіи Юстиніана, и потому требовавшіе совершенно иной техники. Пришлось художникамъ вновь учиться тому искусству, отъ котораго они отвыкли; пришлось опять добиваться той иллюзіи, которая только что казалась ненужною и даже вредною; пришлось снова упражнять воображеніе, стремиться къ разнообразію, къ новизнѣ, о которыхъ отцы вселенскихъ соборовъ и слышать не хотѣли. Къ счастью, византійскимъ художникамъ было на что опереться: имъ не надо было начинать съ самаго начала, а надо было лишь вернуться къ старинѣ, образцы которой въ изобиліи имѣлись налицо и въ самомъ Константинополѣ, и, тѣмъ болѣе, въ менѣе молодыхъ культурныхъ центрахъ.

Иконоборчество окончилось пирровой побѣдой монашества: свѣтская, государственная власть въ вопросѣ, который стоялъ въ центрѣ спора, была вынуждена уступить. Иконопочитаніе было признано не только допустимымъ, но общеобязательнымъ. И все-таки «торжество православія» (11 марта 843 г.), которое монахи справляли какъ свою побѣду, на самомъ дѣлѣ привело лишь къ тому, что монашество оказалось введеннымъ въ византійскую государственную и административную систему.

Даже въ тѣсной области искусства Востокъ одержалъ лишь полупобѣду: онъ добился того, что было признано право на существованіе и за церковнымъ искусствомъ, но это искусство перестало быть единственнымъ, утратило свое исключительное преобладаніе, стало узко-церковнымъ и уступило эллинистическому пошибу всю обширную сферу мірского искусства. Съ этой поры и до самаго конца византійской исторіи параллельно развиваются два теченія, первоначально не сливаясь воедино. Византія, начиная съ IX-го вѣка, имѣла — какъ имѣетъ еще и въ настоящее время Россія,—не одно искусство, которое бы выражало въ достаточной мѣрѣ ея душевную жизнь и удовлетворяло бы ея художественнымъ потребностямъ, а два разныхъ искусства, съ глубоко различною психологіею и потому съ противоположною техникою.

Какъ я уже сказалъ, памятники свѣтскаго искусства Византіи, по роковому стеченію обстоятельствъ, не сохранились или сохранились, лишь въ обломкахъ и намекахъ. Свѣдѣнія о немъ намъ приходится собирать въ произведеніяхъ художественнаго ремесла и церковнаго искусства. Какъ и слѣдовало

ожидать, долго два теченія не могли идти параллельно вовсе не вліяя другъ на друга, тѣмъ болѣе, что эллинистическій жанръ видимо пришелся по душѣ византійцамъ. И произошло то, что—желаемъ ли мы того или не желаемъ, безразлично—неминуемо должно произойти и отчасти уже происходитъ и въ современномъ русскомъ искусствѣ: мірская струя проникаетъ въ религіозное художественное творчество и, несмотря на весь авторитетъ преданія, медленно, но вѣрно измѣняетъ его. Въ наше время мы видимъ, что на Аѳонѣ, въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, въ самой цитадели строго-монашескаго православія и русскихъ народныхъ преданій, въ сферѣ иконописи западные образцы вытѣсняютъ старинные византійскіе, потому что покупателямъ не нравятся «строгіе» типы; а мы вѣдь несомнѣнно сознательнѣе относимся къ вопросамъ стиля, чѣмъ византійцы. Въ новыхъ иконахъ, выходящихъ изъ мастерской Пантелеймоновскаго монастыря, отъ стараго преданія сохранилось не болѣе, чѣмъ въ печатанныхъ на жести продуктахъ московской фабрики Жако, т. е. сохранилась лишь общая схема, сюжетъ, но трактованъ онъ совершенно не въ традиціонномъ духѣ. Перемѣны, происходящія въ нашемъ современномъ искусствѣ, помогаютъ уразумѣть то, что происходило въ Византіи въ IX-мъ и слѣдующихъ вѣкахъ.

Проникновеніе мірского искусства въ церковное было облегчено еще однимъ обстоятельствомъ: наплывомъ восточныхъ монаховъ въ Византію послѣ иконоборческой распри. Но только теперь это были уже главнымъ образомъ не египетскіе монахи (ибо между египетскою церковью и константинопольскою произошелъ разрывъ), а палестинскіе. Сирія и Палестина въ искусствѣ имѣли издавна далеко не ту же психологію, что Египетъ: въ Сиріи всегда гораздо сильнѣе работало воображеніе, чѣмъ спекулятивный умъ. Сирійцы привезли съ собою свои легенды о тѣхъ событіяхъ изъ жизни Спасителя, его Матери, его учениковъ, Предтечи и т. д., о которыхъ не написано ничего въ евангеліяхъ, и которыя въ ранневизантійскомъ искусствѣ иллюстрировались только на Востокѣ, находя распространеніе главнымъ образомъ въ продуктахъ художественнаго промысла. Теперь эти легенды, почерпая новую силу въ томъ авторитетѣ, которымъ пользовались бѣжавшіе отъ арабско-мусульманскаго преслѣдованія монахи, мученики за вѣру и носители истиннаго православія, сразу получили значеніе «священнаго преданія», признаваемаго всѣми, хотя и записаннаго только въ отреченныхъ апокрифическихъ книгахъ. Не было отнынѣ ника-

кихъ препятствій къ иллюстраціи этихъ легендъ и въ церковномъ, монументальномъ искусствѣ. А съ ними въ церковное искусство могучею струею ворвался элементъ фантастическій, требовавшій тѣхъ же эллинистическихъ художественныхъ пріемовъ.

Совсѣмъ иначе дѣло обстояло на Западѣ. Иконоборчество прошло тамъ почти незамѣтно и во всякомъ случаѣ не встряхнуло до такой степени всѣхъ мыслящихъ людей. И легенды восточныя въ искусство проникали постепенно, а не сразу, никого не поражая внезапностью массоваго наплыва. Римъ, тотъ центръ, откуда сѣверные варвары брали образцы для подражанія, послѣ всего того, что ему пришлось претерпѣть отъ всевозможныхъ германскихъ набѣговъ, отъ византійскихъ стратиговъ, отъ чумы и пр., уже не былъ въ состояніи обновить свои художественныя формы. Имъ управляли папы почти сплошь восточнаго происхожденія, насаждавшіе привычное восточное искусство. Въ рукахъ сѣверныхъ варваровъ это восточное искусство перерабатывалось и видоизмѣнялось. И на Западѣ отразилось то, что происходило въ Византіи: историки западноевропейскаго искусства давно уже знаютъ «каролингскій» ренессансъ—временное возвращеніе къ эллинистическимъ художественнымъ формамъ. Дѣйствительно прочныхъ послѣдствій это возвращеніе не имѣло. Романское искусство продолжаетъ итти по намѣченному Востокомъ пути, медленно приспособляя заимствованное къ своимъ вкусамъ. А въ Византіи сожительство Востока и антики приводитъ къ постепенному взаимному проникновенію, которое мы, хоть и неполно, можемъ прослѣдить по памятникамъ.

Я уже упоминалъ о мозаикахъ, которыми, въ серединѣ XI-го вѣка, императоръ Константинъ Мономахъ украсилъ соборъ Новаго монастыря на Хіосѣ. Роспись эта замѣчательно строгая, стильная и въ выборѣ сюжетовъ, и въ трактовкѣ каждаго изъ нихъ. Ни малѣйшаго намека на пейзажъ, никакого увеличенія числа дѣйствующихъ или присутствующихъ при священныхъ событіяхъ лицъ, никакихъ подробностей бытового свойства. И все же какая громадная разница сравнительно съ мозаиками Юстиніановскаго времени! Если и нэ во всѣхъ, то во многихъ композиціяхъ проявляется настоящее горячее чувство; лица утратили свой безучастный видъ наемныхъ фигурантовъ. Понятно, выраженіе чувства весьма далеко отъ совершенства, и видно, что оно не легко дается живописцу; но для историка не важно, вполнѣ ли удался художнику его замыселъ, или не удался, а важно

установить, что художникъ стремился именно къ передачѣ чувства. А затѣмъ: точно невольно, то сямъ, то тамъ, нѣтъ-нѣтъ да и проглянетъ что-нибудь такое, чего не могло быть въ одобренныхъ церковью образцахъ. Благовѣщеніе, Срѣтеніе даны въ простѣйшей іероглифической редакціи. О Крещеніи мы уже говорили: всѣ внесенныя въ него бытовыя подробности, какъ чувствовалъ и самъ художникъ, непосредственнаго отношенія къ заданному сюжету не имѣютъ и, вслѣдствіе недостатка мѣста, даже не могутъ быть даны въ одинаковомъ съ главною сценою масштабѣ. Въ другой композиціи—Омовеніе ногъ—не только воспроизведены ставшіе уже традиціонными разнообразные жесты и позы апостоловъ, но есть попытки индивидуализировать каждую отдѣльную фигуру, обработать весь сюжетъ въ духѣ историческаго жанра и получить единую также и съ художественной точки зрѣнія картину. Наряду съ этими достаточно характерными особенностями рисунка, мы въ хіосскихъ мозаикахъ замѣчаемъ еще весьма знаменательныя особенности колорита, тоже показывающія, въ какую сторону перемѣстился художественный центръ тяжести. Именно въ хіосскомъ мастерѣ мы впервые, если не ошибаюсь, видимъ живописца, который въ своемъ стремленіи къ иллюзіи идетъ такъ далеко, что моделируетъ лица и драпировки не только при помощи линій и тѣней, но также при помощи переливовъ тоновъ изъ одной гаммы въ другую. Этотъ пріемъ впослѣдствіи нашелъ широкое примѣненіе и развитіе въ византійской живописи.

Въ началѣ XIV-го вѣка въ самомъ Константинополѣ былъ созданъ и, по счастливой случайности, сохранился памятникъ, показывающій, къ чему процессъ проникновенія мірского искусства въ сферу церковнаго привелъ это послѣднее. Я говорю объ уже упомянутой выше Кахріэ-джами. Мозаики ея, съ нашей современной точки зрѣнія представляютъ такой колоссальный шагъ впередъ сравнительно съ болѣе ранними византійскими памятниками, что являлись загадкою для историковъ искусства. Въ самомъ дѣлѣ, Византія XIV-го вѣка, казалось, заживо разлагалась. Съ востока на нее напирали турки, съ сѣвера—славяне, югъ былъ захваченъ франками; территорія государства и власть императоровъ распространялись немногимъ дальше территоріи столицы и ея окрестностей, финансы были въ ужасномъ состояніи, политическая мощь стала призрачною, администрація была въ рукахъ людей, не обладавшихъ ни глубокимъ умомъ, ни сильною волею. Византія, умирая, не выдвинула ни одного выдающагося государственнаго человѣка. Не странно ли,

что при такихъ условіяхъ въ искусствѣ могъ имѣть мѣсто расцвѣтъ, могло начаться художественное обновленіе? А между тѣмъ въ мозаикахъ Кахріэ-джами мы именно констатируемъ какъ будто расцвѣтъ. Масса новыхъ сюжетовъ, неизвѣстныхъ намъ въ предыдущемъ византійскомъ церковномъ искусствѣ, совсѣмъ новая трактовка этихъ сюжетовъ сплошь въ духѣ эллинистическаго жанра, появленіе въ большихъ размѣрахъ пейзажа, видимая забота о занимательности, о естественности, о выразительности, утонченное колористическое чутье—все это до такой степени неожиданно и неправдоподобно, что первоначально ученые затруднялись признать достовѣрными тѣ показанія византійскихъ историческихъ источниковъ, на основаніи которыхъ была опредѣлена хронологія памятника. Но сомнѣваться въ весьма опредѣленныхъ показаніяхъ источниковъ мы не имѣемъ никакихъ разумныхъ основаній, да и при какой угодно другой датировкѣ трудности объясненія остаются неразрѣшенными.

Культурнаго расцвѣта и обновленія не могло быть въ Византіи XIV-го вѣка, мы не можемъ ихъ и предполагать, если только къ выводамъ исторической науки можно имѣть хоть какое-нибудь довѣріе. Въ Византіи XIV-го вѣка могъ быть только упадокъ, только разложеніе. Слѣдовательно, констатируемый нами въ мозаикахъ Кахріэ-джами расцвѣтъ долженъ быть кажущимся, т. е. результатомъ новой «ошибки перспективы», обусловленной нашимъ неудовлетворительнымъ знакомствомъ съ эволюціею византійскаго искусства. Мы должны разсматривать мозаики Кахріэ-джами какъ результатъ упадка и разложенія традицій церковнаго восточнаго искусства вслѣдствіе смѣшенія двухъ совершенно различныхъ и непримиримыхъ пошибовъ, церковнаго съ эллинистическимъ, мірскимъ. Надо думать, что, если бы мозаики Кахріэ-джами были созданы на четыреста лѣтъ раньше, въ началѣ X-го вѣка, онѣ бы не удовлетворили никого: церковники увидали бы въ нихъ профанацію строгаго богословскаго искусства и даже профанацію божественнаго ученія, а свѣтскіе люди поражались бы безграмотностью мозаичистовъ, смѣшивавшихъ пріемы двухъ разныхъ порядковъ. Ибо какую худшую безграмотность можно вообразить, чѣмъ сопоставленіе, напримѣръ, въ одной и той же композиціи двухъ зданій, изъ которыхъ одно рисовано по правиламъ обратной перспективы, а другое по правиламъ прямой! Или сопоставленіе традиціонныхъ удлиненныхъ и одѣтыхъ въ античные иматіи и хитоны фигуръ съ фигурами реалистично изображенныхъ византійцевъ въ византійскихъ же костюмахъ XIV-го вѣка! Нѣтъ,

мозаичистъ Кахріэ-джами не только не былъ великимъ художникомъ-новаторомъ, который искалъ и нашелъ новые пути въ искусствѣ, не только не былъ «eine der schöpferischsten Persönlichkeiten der byzantischen Kunstgeschichte», какъ его назвалъ одинъ нѣмецкій ученый, но вообще не былъ сознательнымъ художникомъ, дававшимъ себѣ отчетъ въ томъ, что творилъ и какъ творилъ. Онъ работалъ такъ, какъ требовала художественная мода его времени. Не его вина и не его заслуга, что церковное искусство утратило тотъ чисто-восточный стиль, къ которому мы привыкли въ памятникахъ болѣе ранняго времени, и смѣшало этотъ стиль съ свѣтскимъ, памятники котораго до насъ не дошли. Мы вѣдь до самаго послѣдняго времени вовсе не знали остальныхъ поздневизантійскихъ памятниковъ искусства, каковы росписи храмовъ Мистры, Старой Сербіи, Болгаріи и пр. и потому склонны были преувеличивать значеніе мозаикъ Кахріэ-джами.

Къ XIV-му вѣку и строгій восточный, и эллинистическій жанровый пошибы находились въ упадкѣ и перемѣшались почти вполнѣ. Это смѣшеніе весьма знаменательно, ибо показываетъ, въ какомъ направленіи пошло бы дальнѣйшее развитіе искусства въ Византіи, если бы внѣшнія условія ея жизни не помѣшали правильной эволюціи. Византія, въ результатѣ длиннаго историческаго процесса, пришла къ тому, что умы были подготовлены къ окончательному возвращенію къ антикѣ. «Дезоріентализація» въ самомъ началѣ XIV-го вѣка уже почти завершена: не только выдающіеся дѣятели науки и литературы стараются подражать древнегреческимъ образцамъ, но и наиболѣе консервативная часть культурнаго общества—церковники и церковные художники—безсознательно возвращаются къ античнымъ идеаламъ. Безсознательно: антика уже такъ примелькалась, что не поражала и не составляла кричащаго контраста съ отмирающими восточными традиціями. Ренессансъ фактически начался въ Византіи. Онъ не имѣлъ возможности достигнуть полнаго тамъ расцвѣта, какого достигъ въ Италіи, но онъ является логическимъ завершеніемъ не итальянской, а византійской исторіи.

Русская культура идетъ по равнодѣйствующей четырехъ силъ: этнографическихъ, природныхъ способностей и свойствъ расы, татарскихъ элементовъ, вліянія Византіи и западно-европейскаго Ренессанса. Понять русскую культуру, русскую исторію безъ точнаго знанія этихъ четырехъ факторовъ невозможно. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ русскаго историческаго изслѣдованія,

поэтому, должно быть изученіе именно указанныхъ явленій. Наша наука, дѣйствительно, и занимается ими издавна, но не всѣми въ одинаковой степени интенсивно и усердно: у насъ тратится много силъ, времени и денегъ, какъ и слѣдуетъ, на изслѣдованіе русскаго національнаго элемента, гораздо менѣе усердно мы изучаемъ монгольскій Востокъ, слишкомъ мало вниманія удѣляемъ Византіи и почти ничего не дѣлаемъ для познанія Ренессанса.

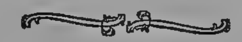
Въ нѣкоторыхъ западныхъ университетахъ существуютъ уже спеціальныя каѳедры, посвященныя византиновѣдѣнію. Публикація византійскихъ памятниковъ искусства находитъ и со стороны правительствъ, и со стороны частныхъ меценатовъ во Франціи и Англіи существенную поддержку. Въ Россіи не замѣчается столь усиленной дѣятельности, между тѣмъ какъ именно Россія наиболѣе заинтересована въ успѣхахъ византиновѣдѣнія. Правда, Россія вотъ уже семнадцать лѣтъ содержитъ въ Константинополѣ русскій археологическій институтъ, который усердно работаетъ и опубликовалъ цѣлую массу весьма цѣннаго историческаго матеріала. Существуетъ въ Петербургѣ издаваемый при Академіи Наукъ Византійскій Временникъ. Но этого несомнѣнно недостаточно. Цѣлая обширная область, чрезвычайно богатая византійскими памятниками—Италія и сѣверная Африка—совершенно исключены изъ вѣдѣнія русской науки. А изученіе Италіи для насъ сугубо важно, и для познанія Византіи, и для познанія Ренессанса. Эпоху Ренессанса, и безъ насъ изучатъ тѣ народы, которые наиболѣе въ ней заинтересованы. Германія содержитъ въ Римѣ археологическій институтъ, прусскій историческій институтъ, институтъ для древнехристіанской археологіи, во Флоренціи—спеціально историко-художественный институтъ; Франція имѣетъ въ Римѣ археологическій институтъ и академію художествъ, во Флоренціи — особый историческій и археологическій институтъ; Австрія, Великобританія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Голландія, Бельгія—всѣ имѣютъ въ Италіи свои учено-учебныя учрежденія, въ которыхъ ученые находятъ поддержку и руководство въ своихъ изысканіяхъ. Только Россія вовсе не представлена въ Римѣ, ибо нельзя считать достойнымъ представительствомъ посылку одного ученаго корреспондента Академіи Наукъ въ Римъ для занятій въ архивахъ Ватикана.

Но, скажутъ мнѣ, не все ли равно, кто двигаетъ науку, лишь бы ее двигали? Зачѣмъ намъ итти въ Италію, разъ тамъ уже работаетъ столько иностранныхъ ученыхъ учрежденій, не считая туземныхъ итальянскихъ? Нашу работу, ту, которая для насъ представляетъ наибольшій интересъ, не сдѣлали до сихъ

поръ ни иностранцы, ни итальянцы, и едва ли мы, если все будемъ полагаться на другихъ, скоро дождемся удовлетворительныхъ отвѣтовъ на наши вопросы о сущности византійскаго искусства и о корняхъ Ренессанса. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что до сихъ поръ ни общеизвѣстныя мозаики венеціанскаго св. Марка, ни знаменитыя сицилійскія росписи, ни множество другихъ однородныхъ памятниковъ не дождались изданія и изслѣдованія? Для раскопокъ и для изданія античныхъ остатковъ есть и люди, и деньги; на византійскіе памятники только въ крайнемъ случаѣ обращаютъ вниманіе. Русскому археологическому институту въ Италіи есть мѣсто, и его ждетъ много работы. Онъ поможетъ разрѣшить тѣ вопросы, о которыхъ мы говорили въ настоящей статьѣ. Что такое Византія? какъ шло ея развитіе? каково ея отношеніе къ Ренессансу? каково ея отношеніе къ восточному и къ западному средневѣковью?

Θедоръ Шмитъ.

Константинополь.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ВЫБОРОВЪ.

Охрана выборовъ—одна изъ тѣхъ задачъ, обсужденіе которыхъ уже давно поставлено въ Европѣ на строго юридическую почву. Выборы должны протекать въ опредѣленномъ порядкѣ. Нарушеніе его—не что иное, какъ разновидность посягательства на правоохраненный интересъ. Кто вышелъ за черту дозволеннаго, тотъ несетъ послѣдствія. Администрація и судъ не только по буквѣ закона, но и фактически исполняютъ здѣсь свои обычныя функціи.

Россія, оффиціально, идетъ вслѣдъ за вѣкомъ. Выборы взяты подъ защиту уголовнаго закона. Цѣлый рядъ предосудительныхъ дѣйствій запрещенъ подъ страхомъ кары. И злоупотребленіе властью трактуется какъ увеличивающее вину обстоятельство. *Принципіальнаго* различія между нами и остальною конституціонною Европой нѣтъ. На дѣлѣ и здѣсь, однако, лишь все та же фикція, что вообще пронизываетъ всю внутреннюю жизнь нашего реформированнаго строя. Значится же въ отечественной magna charta, что «жилище каждаго неприкосновенно». Признано же за россійскими подданными «право устраивать собранія». Обезпечена же каждому возможность «въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать устно и письменно свои мысли». Цѣлыхъ шесть лѣтъ уже надѣлены мы всѣми этими свободами. Но для кого же тайна, что предъ нами все еще одни теоретическія блага. «Обладая правами», мы фактически порою столь же мало защищены, какъ и въ то время, когда кара-

ющая рука государства грозила едва ли не самой мечтѣ объ этихъ вольностяхъ.

Само собой разумѣется, что, признавъ представительный строй, нельзя уже затѣмъ оставить безъ защиты такое дѣйствіе, какъ выборы. И люди стараго режима тѣмъ охотнѣе пошли у насъ, въ извѣстный моментъ, на встрѣчу этой потребности, что наканунѣ первой думы они видѣли предъ собою одну только протестующую общественную массу, по которой такъ или иначе и должны были ударить вновь создаваемыя правила. Источникъ охраны избирательныхъ правъ гражданина, законъ 8-го марта 1906 г.— типичнѣйшій продуктъ торопливаго бюрократическаго творчества. Данный моментъ и его узкія нужды—этому безъ обиняковъ подчинено все остальное. Архитектура закона, опредѣленность отдѣльныхъ его предписаній, общіе принципы уголовнаго права—все отступаетъ далеко на задній планъ предъ злобой текущаго дня. Неудивительно, что въ этихъ сколоченныхъ на спѣхъ параграфахъ многое намъ и сейчасъ уже кажется анахронизмомъ.

На первомъ планѣ стоитъ борьба съ такимъ случайнымъ явленіемъ, какъ бойкотъ. Далѣе—столь модная въ ту пору химическая обструкція. Когда законъ создавался, вся первая стадія выборовъ была уже позади. И, написанный со спеціальной цѣлью, онъ совершенно игнорируетъ тѣ многочисленныя злоупотребленія, которыя легче всего могутъ имѣть мѣсто именно во время подготовительной борьбы. Одни понятія взяты слишкомъ широко. Другія—произвольно сужены. Рука юриста такъ же мало поработала надъ этою матеріею, какъ природа—надъ фигурой Собакевича.

Но при всемъ томъ законъ 8-го марта 1906 г. перенесъ къ намъ тѣ начала, на которыхъ покоится защита выборовъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ. И бѣда, конечно, не въ дефектахъ нашего положительнаго права. Если бы оно дѣйствительно соблюдалось, не было бы тѣхъ посягательствъ на элементарныя основы реформированнаго строя, къ которымъ сводится сейчасъ въ Россіи искусство управленія.

Выборы—это въ буквальномъ смыслѣ слова исходный пунктъ всякаго народнаго представительства. И совершенно понятно, что интенсивность ихъ охраны повсюду прямо пропорціональна фактической мощи конституціоннаго порядка. Только тамъ, гдѣ онъ успѣлъ пустить глубокіе корни и гдѣ высшіе органы администраціи окончательно отказались отъ реставраціонныхъ замысловъ, имѣетъ дѣйствительно мѣсто лойяльная защита избирательныхъ правъ населенія. Во всей западной Европѣ этотъ фазисъ развитія уже давно

наступилъ. Политическая сторона вопроса безвозвратно рѣшена. Проблема стала прочнымъ достояніемъ юриста.

Идея представительнаго строя предполагаетъ въ этой области охрану двухъ главнѣйшихъ благъ. Защищено, прежде всего, право гражданина участвовать въ актѣ, которымъ вызывается къ жизни высшее законодательное учрежденіе страны. И огражденъ, далѣе, элементъ свободы, обезпечивающій каждому возможность осуществить это дѣйствіе, не расходясь съ голосомъ своей политической совѣсти. Это—двѣ различныя цѣнности. При нормальныхъ условіяхъ, каждая изъ нихъ въ одинаковой мѣрѣ находится подъ уголовнымъ прикрытіемъ.

Защита выборовъ естественно начинается съ охраны самаго избирательнаго закона. Имѣется ли здѣсь какая-либо спеціальная норма или нѣтъ, онъ огражденъ повсюду въ силу мѣста, занимаемаго имъ въ системѣ строя. Ни при какихъ условіяхъ избирательный законъ не долженъ быть *односторонне* измѣняемъ. Уже съ 30-хъ годовъ прошедшаго вѣка гарантія эта включается въ учредительные акты даже и тамъ, гдѣ представительству еще присущи всѣ черты сословности. По нашимъ Основнымъ Законамъ на *«постановленія о выборахъ въ Совѣтъ или въ Думу»* не распространяется дѣйствіе чрезвычайнаго указного права (ст. 87-ая).

Только въ нормальномъ порядкѣ соглашенія парламента съ монархомъ можетъ быть что-либо въ этой области предпринято. Карательная санкція, какъ и во всѣхъ подобныхъ хартіяхъ, отсутствуетъ. Нѣтъ также ея и въ уголовномъ кодексѣ. Но она сама собою вытекаетъ изъ дѣла. Законъ охраняетъ существующій государственный строй. А выборы и тотъ актъ, на который они опираются—одинъ изъ наиболѣе важныхъ элементовъ конституціоннаго цѣлаго. Листъ указываетъ, что уголовный кодексъ имѣетъ здѣсь въ виду «тѣ основныя правовыя учрежденія, на которыхъ покоится вся государственная жизнь, независимо отъ того, упомянуты ли онѣ спеціально или нѣтъ». Сюда относятся права верховнаго главы имперіи съ одной стороны, составъ и правомочія парламента—съ другой. Подъ соотвѣтствующую статью подпало бы, такимъ образомъ, измѣненіе избирательнаго закона, но не посягательство, напримѣръ, на свободу печати».

Этой молчаливой защиты писанныхъ основъ конституціи должна быть противопоставлена конкретная охрана самыхъ выборовъ, какъ дѣйствія, осуществленіе котораго находится всецѣло въ рукахъ людской массы. Здѣсь уже необходимы нормы, твердо отграничивающія дозволенное отъ запрещеннаго. Иначе каждый слишкомъ

субъективно будетъ проводить эту черту, что въ общемъ итогѣ едва ли послужитъ на пользу лучшей части избирателей. Необходимъ, стало-быть, извѣстный внѣшній коррективъ. И мы находимъ его въ справедливомъ уголовномъ законѣ, всегда преслѣдующемъ въ сферѣ общественныхъ отношеній двоякую цѣль. Онъ угрожаетъ тѣмъ, кто готовъ расширять свои права за счетъ окружающихъ. Но онъ дѣлаетъ болѣе свободнымъ того, кто, напротивъ, склоненъ каждую неясность толковать себѣ въ ущербъ. Можно съ увѣренностью сказать, что, ограждая уголовной санкціей порядокъ производства выборовъ, государство приходитъ въ этой области на помощь слабымъ противъ сильныхъ.

Исходнымъ пунктомъ всего соотвѣтствующаго законодательства служитъ положеніе, чтó избирательное право—органическая часть всякаго представительнаго строя. Народъ призванъ къ участію въ законодательствѣ и къ надзору за дѣйствіями административныхъ властей. Осуществить эти функціи онъ можетъ только черезъ своихъ депутатовъ. Выборы послѣднихъ и должны протекать въ обстановкѣ, гарантирующей гражданину долю свободнаго вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Работы по составленію списковъ, моментъ подачи бюллетеня, подсчетъ голосовъ—все, что приводитъ въ результатѣ къ избранію въ парламентъ, должно быть надлежащимъ образомъ охранено. Извѣстныя гарантіи заключаются уже въ нормахъ общаго уголовнаго права объ угрозѣ и принужденіи. Но, во-первыхъ, идея защиты выборовъ требуетъ болѣе интенсивнаго, чѣмъ обычно, напряженія карательной энергіи. А затѣмъ и самый объемъ понятія о недопустимомъ воздѣйствіи на волю другого долженъ быть въ этомъ случаѣ, въ интересахъ свободы избирательной агитаціи, точнѣе обозначенъ. Система спеціальныхъ постановленій прочно, поэтому, укоренилась во всѣхъ современныхъ законодательствахъ.

Но, выдѣляя преступленія противъ свободы выборовъ въ особую группу, право конституціонныхъ народовъ все же по различному регулируетъ эту юридическую матерію. Можно указать здѣсь на два основные метода. Одинъ выдвигаетъ характернѣйшіе для данной категоріи деликтовъ признаки и суммируетъ ихъ затѣмъ въ краткихъ, обобщающихъ формулахъ. Другой исходитъ изъ опредѣленныхъ частныхъ случаевъ, стремится точно закрѣпить ихъ, называетъ не одни только предосудительныя дѣйствія,—обманъ, насиліе, подлогъ, угроза, подкупъ,—но и тѣ способы, которыми они осуществляются.

Рѣзкая очерченность этой второй системы—ея главнѣйшее достоинство. Нѣкоторые отдѣльные поступки становятся безусловно наказуемыми; устраняется въ значительной мѣрѣ опасность столь

рискованнаго въ дѣлахъ уголовныхъ толкованія по аналогіи. Слабая сторона этого порядка — его прикрѣпленность къ особенностямъ борьбы текущаго момента. Какой-нибудь новый пріемъ, новый даже не по существу, а по способамъ и средствамъ реализаціи, уже оставляетъ защищаемое благо неприкрытымъ. Въ такомъ подвижномъ, изъ года въ годъ измѣняющемся дѣлѣ, какъ пріемы избирательнаго состязанія, дефектъ этотъ угрожаетъ сугубо тяжелыми послѣдствіями.

При достаточной независимости органовъ уголовной юстиціи, предпочтенія заслуживаетъ, поэтому, система обобщающихъ формулъ. Въ чистомъ видѣ ея придерживается германскій уголовный кодексъ, исчерпывающій всѣ соотвѣтствующія посягательства въ трехъ §§-хъ (107—109). Тамъ, гдѣ избранъ путь детальныхъ описаній и этому вопросу посвященъ длинный рядъ статей, въ конечномъ результатѣ мы встрѣчаемъ все тѣ же деликты, что обнимаются и краткими постановленіями нѣмецкаго права.

Во всѣхъ кодексахъ второй половины прошедшаго вѣка,—времени, когда окончательно закрѣплена была на европейскомъ континентѣ позиція конституціоннаго строя,—повторяются одни и тѣ же типы преступленій противъ избирательнаго права. Тенденція къ расширенію круга защищаемыхъ въ этой области интересовъ и дѣйствій стала обнаруживаться въ послѣднее пятнадцатилѣтіе. Одни законодательства уже нашли для нея адекватное юридическое выраженіе, другія къ этому готовятся. Чѣмъ глубже проникаетъ въ жизнь самая идея народнаго представительства, тѣмъ дальше, естественно, простирается и предусмотрительность въ дѣлѣ охраны затрагиваемыхъ ею благъ.

Характернѣйшая форма посягательства на соотвѣтствующія цѣнности—это воздѣйствіе, препятствующее гражданину свободно осуществить свое избирательное право. Сюда относятся какъ самыя попытки, непосредственно предшествующія моменту подачи бюллетеня, такъ и всѣ обнаруженныя въ спискахъ искаженія, если они только не являются результатомъ простой ошибки или такого промаха, который заключаетъ въ себѣ признаки обыкновеннаго служебнаго проступка.

Моментъ окончанія избирательной процедуры является, повидимому, и предѣломъ, за чертою котораго больше немыслима разсматриваемая нами категорія деликтовъ. Такъ трактовала до недавняго времени этотъ вопросъ юридическая мысль. Въ стремленіи возможно шире поставить защиту ограждаемаго блага, она теперь идетъ уже дальше. Не должна ли, спрашивается, быть охраняема—тамъ, гдѣ она существуетъ,—еще и самая *тайна* выборовъ? Дѣло не въ томъ только, чтобы поддержать авторитетную волю законо-

дателя; преслѣдуется и вполнѣ определенный практическій интересъ. Легко можетъ случиться, что страхъ предъ тѣми послѣдствіями, къ которымъ угрожаетъ повести раскрытая тайна, помѣшаетъ тому или иному гражданину и даже цѣлой группѣ гражданъ свободно осуществить свое избирательное право.

Вопросъ впервые поднятъ былъ въ комиссіи экспертовъ, на обсужденіе которой поступилъ проектъ обще-швейцарскаго уголовнаго кодекса. Одинъ изъ участниковъ совѣщанія указалъ на то, что фабрикантъ можетъ установить надзоръ за тѣмъ, какъ голосуютъ его рабочіе, не только съ цѣлью оказать воздѣйствіе на самый результатъ выборовъ, но и въ видахъ позднѣйшей экономической расправы съ тѣми, которые подали свои бюллетени противъ желательнаго ему кандидата. Признавъ это опасеніе весьма реальнымъ, комиссія назначила спеціальную кару тому, кто «самъ или при помощи другого контролируетъ голосованіе находящихся отъ него въ *хозяйственной зависимости* лицъ». Дальше поняли, конечно, что это—не единственная форма подчиненности, и редактировали соотвѣтствующій параграфъ въ смыслѣ угрозы каждому, «кто противозаконнымъ способомъ разузнаетъ, какъ голосовали отдѣльные управомоченные». Въ такомъ же видѣ вошелъ этотъ деликтъ и въ такъ называемый «*контръ*-проектъ», [1]) составленный нѣмецкими профессорами Гольдшмидтомъ, Калемъ, Лиліенталемъ и Листомъ (§ 131). Тотъ же принципъ цѣликомъ уже реализованъ новымъ австрійскимъ закономъ о преступленіяхъ противъ избирательнаго права (§ 11). Вплотную, хотя и съ другой стороны, подошелъ къ этой проблемѣ и германскій рейхстагъ. Въ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ возникъ споръ о томъ, должно ли быть предоставлено свидѣтелю право отказывать въ отвѣтѣ на вопросъ, за кого онъ подалъ свой бюллетень. Дѣйствующій уставъ не предусматриваетъ этого случая. Въ новый уставъ предполагается включить постановленіе, воспрещающее самые вопросы «о фактахъ, изъ которыхъ можетъ быть сдѣланъ выводъ, кому избиратель отдалъ свой голосъ» (§ 45⁰). Но, разумѣется, одной процессуальной нормы недостаточно; нужна еще и уголовно-правовая санкція. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что повсемѣстное ея торжество,—только вопросъ времени.

Тайная подача голосовъ уже и сама по себѣ, однако, воздвигаетъ могучую преграду людямъ, собирающимся помѣшать кому-либо осуществить свое право. А что дѣлать тамъ, гдѣ выборы происходятъ открыто? Здѣсь открывается уже широчайшій просторъ

---

[1]) Въ дѣйствительности, какъ объясняютъ сами авторы его, проектъ, параллельный оффиціальному германскому Vorentwurf'у.

для политической мести. И законодателю безконечно труднѣе установить въ этомъ случаѣ извѣстную охранительную норму. Тѣмъ не менѣе ясно, что, заставляя избирателей публично обнаруживать свои политическія убѣжденія, государство не можетъ терпѣть, чтобы это стало источникомъ грубыхъ посягательствъ на свободу и совѣсть гражданина. Иначе побѣда заранѣе обезпечена будетъ тому, кто лучше съумѣетъ терроризировать своихъ противниковъ. Безъ угрозы опредѣленною репрессіей не обойтись, такимъ образомъ, и здѣсь. Дѣйствія, направленныя къ ущербу того или иного лица, если доказано, что они предприняты были лишь вслѣдствіе осуществленія имъ своего избирательнаго права, не могутъ остаться безнаказанными. Вся задача въ томъ, чтобы облечь сознанный постулатъ въ надлежащія юридическія одежды. Конституціонное законодательство справится, конечно, съ этою проблемой.

Защищая права каждаго отдѣльнаго гражданина, государство должно, разумѣется, помнить о такомъ публичномъ интересѣ, какъ свобода избирательной агитаціи. Карается, поэтому, не всякій способъ воздѣйствія на чужую волю, а лишь отмѣченный извѣстными, въ самомъ законѣ охарактеризованными признаками. Рѣчь идетъ обыкновенно о томъ или иномъ видѣ насилія и въ частности,— угрозѣ какимъ-либо наказуемымъ дѣйствіемъ. Имѣется въ виду форма квалифицированнаго принужденія. Ограждена не только возможность механически осуществить подачу бюллетеня, но и право воздержаться отъ участія въ выборахъ или голосовать въ опредѣленномъ смыслѣ.

Новѣйшее законодательство стремится подвести здѣсь угрозу подъ дѣйствіе уголовнаго закона и въ томъ случаѣ, когда она сама по себѣ ненаказуема. Каждый въ правѣ, напримѣръ, предупреждать другое лицо о тѣхъ матеріальныхъ убыткахъ, которые онъ ему постарается, при наличности извѣстныхъ условій, причинить; но если это предпринимается съ цѣлью повліять на подачу голоса и тѣмъ самымъ на исходъ выборовъ, то подобное дѣйствіе, какъ направленное противъ защищаемаго конституціоннымъ строемъ политическаго блага, облагается карой. Австрійскій законъ 1907 г. (ст. 5), говоритъ о вредѣ, угрожающемъ «тѣлесной неприкосновенности, свободѣ, чести, имуществу, доходамъ, профессіональной или дѣловой работѣ». Моментъ возможнаго использованія экономической слабости избирателя подчеркивается и въ профессорскомъ нѣмецкомъ контръ-проектѣ (§ 130, I). Обнимаетъ также этотъ признакъ общая формула норвежскаго уголовнаго кодекса, съ ея «неподобающими способами воздѣйствія» на политическую совѣсть гражданина. Духъ закона позволяетъ съ полною увѣренностью утверждать, что эксплоа-

тація хозяйственной зависимости голосующаго во всякомъ случаѣ сюда относится.

Рядомъ съ угрозой и насиліемъ можно воздѣйствовать на чужую волю и при помощи *обмана*. Избиратель несетъ свой бюллетень, а ему заявляютъ, что урны уже часъ тому назадъ запечатаны. Кто-либо розыскиваетъ бюро, а его направляютъ въ мѣсто, откуда онъ уже не можетъ поспѣть къ выборамъ. Наемные агитаторы распространяютъ ложный слухъ объ отказѣ какого-нибудь популярнаго депутата отъ кандидатуры. Законодательная охрана распространяется постепенно и на всѣ такіе случаи. Въ конституціонномъ государствѣ становится вообще логически неизбѣжнымъ уголовное преслѣдованіе всякаго безнравственнаго способа борьбы съ дѣйствіями, въ которыхъ осуществляется начало политической свободы гражданина. Юристъ обязанъ только позаботиться о томъ, чтобы охрана этого публичнаго интереса не могла быть обращаема на практикѣ во вредъ отдѣльнымъ лицамъ.

Природа охраны выборовъ такова, что наказуемымъ должно быть здѣсь признано и покушеніе. Подъ вліяніемъ повышенной чувствительности къ охранѣ этого блага въ настоящее время исчезаетъ граница между дѣйствіями только начатыми и вполнѣ законченными. За то предоставляется суду широчайшій просторъ въ оцѣнкѣ конкретныхъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая. Предварительный проектъ германскаго уголовнаго кодекса говоритъ уже о простой попыткѣ помѣшать осуществленію кѣмъ-либо избирательнаго права. Санкція — тюрьма или арестъ безъ ограниченія срокомъ, т. е. и та и другая кара на всѣхъ ея ступеняхъ: minimum—1 день, maximum—5 лѣтъ. Въ этихъ рамкахъ предоставляется распоряжаться самимъ органамъ юстиціи.

Любопытно, что мѣсто предусматриваемой дѣйствующимъ нѣмецкимъ закономъ *крѣпости* занимаетъ въ проектѣ *арестъ*. Исчезаетъ, иначе говоря, custodia honesta, — репрессія, примѣняемая въ случаѣ отсутствія безчестнаго мотива. Предполагается, очевидно, что попытка стѣснить политическую совѣсть гражданина ни при какихъ условіяхъ не можетъ быть вызвана благородными побужденіями.

Рѣчь шла до сихъ поръ о случаяхъ недопустимаго воздѣйствія на волю самого избирателя. Съ тѣми же варіантами мы встрѣчаемъ соотвѣтствующую охранительную норму во всѣхъ конституціонныхъ странахъ. Но дальше этого забота объ огражденіи свободы выборовъ принята была до недавняго времени далеко не повсюду. Лишь за послѣдніе годы законодательства спохватились, что при господствующемъ порядкѣ остается въ значительной мѣрѣ незащищеннымъ са-

мый актъ подачи голосовъ. И всѣ спѣшатъ устранить обнаружившуюся въ этомъ отношеніи опасность.

Противъ руководителей выборной процедуры могутъ быть предприняты такія дѣйствія, которыя помѣшаютъ правильному ходу ея. Могутъ воспрепятствовать членамъ бюро явиться въ отведенное для него помѣщеніе. Могутъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, отвлечь ихъ отъ исполняемой ими работы и лишить ее тѣмъ самымъ надлежащей точности. Могутъ, и не затрагивая отдѣльныхъ лицъ, но поднявъ тревогу, пріостановить фактически самую подачу бюллетеней. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій покрываются различными статьями общаго уголовнаго кодекса, но другія настолько специфичны, что мыслимы лишь при выборахъ. Да и кромѣ того, всѣ вообще посягательства, если они осложняются разсматриваемымъ здѣсь признакомъ, должны быть уже въ педагогическихъ видахъ облагаемы особою, на нихъ только разсчитанною карою.

Въ романскихъ странахъ—Италіи, Франціи, Испаніи,—случаи этого рода уже давно предусмотрѣны уголовнымъ закономъ. Въ государствахъ, находящихся подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, спеціальная норма отсутствуетъ. И въ Пруссіи, бывало, оставались въ силу этого безнаказанными грубѣйшіе избирательные эксцессы.

Предварительный проектъ германскаго уголовнаго кодекса объявляетъ наказуемымъ всякій поступокъ, имѣющій цѣлью «помѣшать, посредствомъ безпорядка, шума или какого-либо аналогичнаго пріема, избирательному дѣйствію». Maximum наказанія — годъ тюрьмы. Оно можетъ быть назначено за всякую вообще злонамѣренную попытку вызвать описываемый въ законѣ эффектъ, хотя бы она совершенно не сопровождалась успѣхомъ. Мотивы объясняютъ эту строгость тѣмъ, что управомоченныя лица должны быть ограждены отъ всего, могущаго ихъ «раздосадовать, лишить терпѣнія, напугать, склонить къ уходу изъ того мѣста, гдѣ происходитъ подача голосовъ и повліять тѣмъ самымъ на ея результаты». Еще болѣе сурово относится къ этому деликту нѣмецкій контръ-проектъ. Здѣсь отбрасывается уже и самый признакъ злонамѣренности, а высшій размѣръ кары—тюрьма до двухъ лѣтъ.

Не столь спеціальны два другіе пріема, обыкновенно въ первую голову предусматриваемые законодательствомъ всѣхъ конституціонныхъ народовъ. Подлогъ и подкупъ—старые знакомцы криминалиста—могутъ имѣть мѣсто и при выборахъ. Нужно ли говорить о томъ, какою они угрожаютъ здѣсь тяжелою разрухой?

Дѣйствія, въ которыхъ можетъ выразиться въ этомъ случаѣ фальсификація, безконечно разнообразны. Но существо ея всегда одно и то же. Искажается воля гражданскаго коллектива, наносится

вредъ великому государственному дѣлу, уничтожаются результаты усилій отдѣльнаго избирателя. Это самый примитивный, наиболѣе *уголовный* способъ борьбы за свои политическія домогательства. Онъ свидѣтельствуетъ несомнѣнно о глубокомъ пренебреженіи къ основнымъ предпосылкамъ всякаго избирательнаго порядка. И конституціонный строй долженъ энергичнѣйшимъ образомъ противодѣйствовать этому злу, козни котораго таятся въ мутныхъ источникахъ подавленности и безгласности.

Положительное право обыкновенно различаетъ въ этой области двѣ формы подлога, въ зависимости отъ того, учиненъ ли онъ спеціально приставленными къ избирательной процедурѣ или посторонними лицами. Наравнѣ съ оконченнымъ дѣйствіемъ карается въ новѣйшемъ законодательствѣ и покушеніе. Репрессія непрерывно растетъ. Поражается гражданская честь правонарушителя.

Столь же рѣшительнаго отпора требуетъ, очевидно, и подкупъ. Удалось ли задуманное или нѣтъ,—всякая попытка привнести въ это дѣло элементъ матеріальнаго интереса угрожаетъ отразиться на исходѣ выборовъ и должна быть обложена суровою карой. Отвѣтственность падаетъ въ равной мѣрѣ и на того, кто склоняетъ другихъ обѣщаніемъ выгодъ воздержаться отъ подачи бюллетеня или голосовать въ опредѣленномъ смыслѣ, и на того, кто такимъ уговорамъ поддается или самъ кому-либо предлагаетъ за извѣстный эквивалентъ свои услуги въ указанномъ направленіи. Предварительный проектъ германскаго уголовнаго кодекса весьма практично выдвигаетъ предъ состоятельнымъ соблазнителемъ перспективу довольно крупнаго штрафа (до 5.000 марокъ). Для того, кто считаетъ возможнымъ предлагать другому золото въ обмѣнъ на совѣсть, денежный ущербъ—наиболѣе подходящая, чувствительная и понятная кара. Слѣдовало бы установить ее не альтернативно, а вмѣстѣ съ тюрьмой или арестомъ. Если гдѣ-либо можно разсчитывать на предупредительную и воспитательную силу репрессіи, то именно тамъ, гдѣ преступленіе продиктовано одними лишь низменными мотивами.

Но, со всей энергіей обрушиваясь на того, кто цинично попираетъ самыя основы независимой общественности, государство должно въ то же время и здѣсь соблюдать величайшую осмотрительность въ опредѣленіи круга запрещенныхъ и слѣдовательно, наказуемыхъ поступковъ. Иначе погоня за чистотою извѣстнаго дѣйствія выродится на практикѣ въ систему ограничительныхъ придирокъ, и это всею своей тяжестью падетъ на тѣхъ, кто меньше всего склоненъ къ обходу закона.

Въ области вопроса объ избирательномъ порядкѣ эта осторожность требуетъ, прежде всего, такой редакціи соотвѣтствующихъ ста-

тей уголовнаго кодекса, которая охватывала бы одни только дѣйствія, *предшествовавшія* подачѣ голосовъ. Все, что послѣдовало за нею, не могло уже, очевидно, повліять на охраняемый результатъ, и даже будучи безнравственнымъ, не должно почитаться преступнымъ. Другое рѣшеніе вопроса, какъ на это справедливо указываютъ составители нѣмецкаго предварительнаго проекта, легко могло бы повлечь за собою весьма нежелательныя явленія. Выгоды, предоставленныя по какому-либо другому поводу, стали бы, злонамѣренно или по недоразумѣнію, истолковываться въ качествѣ награды за то, что сдѣлано было на выборахъ. Дана была бы пища грубой подозрительности. Открылось бы широчайшее поприще для шантажистовъ и прочихъ охотниковъ ловить рыбу въ мутной водѣ.

Не всѣ дѣйствія, доставившія какія-либо выгоды или удобства избирателю, могутъ быть квалифицируемы какъ подкупъ только потому, что они имѣли мѣсто до акта подачи голосовъ. Если фабрикантъ удлиняетъ въ день выборовъ время обѣденнаго отдыха, если агентъ какой-либо партіи подвозитъ группу запоздавшихъ, усталыхъ крестьянъ, хотя бы это было сдѣлано въ разсчетѣ на благодарность лицъ, получившихъ услугу,—предъ нами, очевидно, еще не подкупъ. Только то, что является прямою, хотя бы и замаскированной наградой за обѣщанное или обусловленное дѣйствіе избирателя, заключаетъ въ себѣ элементъ посягательства на охраняемый интересъ. Обо всемъ остальномъ, какъ бы оно порою само по себѣ ни было предосудительно, *криминалистъ* не тревожится. Моральная атмосфера выборовъ ограждается не однимъ только уголовнымъ закономъ. Общественное мнѣніе безконечно въ этомъ случаѣ сильнѣе, чѣмъ всѣ принудительныя указки.

Особенно остро реагируетъ конституціонное уголовное законодательство на случаи учиненія деликтовъ противъ избирательнаго права лицами, посвятившими себя государственной службѣ. Охранители порядка превращаются здѣсь въ сугубыхъ нарушителей его. Помимо возбуждаемаго такимъ образомъ соблазна, пути, открытые снабженному атрибутами власти дѣятелю, создаютъ еще и непосредственную опасность исключительно тяжелыхъ послѣдствій для ожидаемаго закономъ отъ *свободной* подачи голосовъ результата.

Всѣ разсмотрѣнные типы посягательства на чистоту выборовъ могутъ быть осложнены признакомъ участія въ немъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Скорѣе всего это будетъ разновидностью психическаго насилія. Мыслимы, однако, и случаи подкупа и подлога. Скрытая форма, въ которую здѣсь облекается обѣщаніе выгодъ, требуетъ отъ законодателя особенной бдитель-

ности. Чиновнику во всякомъ случаѣ, должно быть воспрещено обусловливать тѣмъ или инымъ исходомъ выборовъ свою инициативу по реализаціи направленныхъ ко всеобщему благу мѣропріятій. Постройка школъ, проведеніе дорогъ, закрытіе винныхъ складовъ,—дѣла, въ которыхъ такъ многое зависитъ отъ мѣстныхъ властей,—вотъ примѣры открывающейся здѣсь возможности вліять на избирателей. Вполнѣ опредѣленно ее учитываетъ венгерскій уголовный кодексъ, воспрещающій всѣ попытки этого рода подъ страхомъ тюрьмы на срокъ до двухъ лѣтъ (§ 187). Въ литературѣ вопросъ этотъ очень дѣятельно за послѣдніе годы обсуждается. Его теоретическая сторона не вызываетъ сомнѣній. Очередь за положительнымъ правомъ, имѣющимъ предъ собою удачный готовый образецъ.

Самая обычная форма чиновничьяго воздѣйствія на избирателей — не do ut des и не эквивалентъ за извѣстную услугу, а напротивъ, различные виды односторонняго принужденія. Въ устахъ носителя власти звучитъ угрозою нерѣдко то, что, исходя отъ частнаго лица, осталось бы совершенно незамѣченнымъ. Государство не можетъ не считаться съ тѣмъ, что такъ именно отражается въ психикѣ средняго избирателя цѣлый рядъ дѣйствій. Отсюда и бо́льшая строгость уголовнаго закона по отношенію къ должностнымъ лицамъ, и уголовный въ этомъ случаѣ характеръ нѣкоторыхъ поступковъ, по общему правилу ненаказуемыхъ.

Съ особенной рельефностью это стремленіе держать чиновника вдали отъ выборовъ сказывается съ давнихъ поръ въ латинскихъ странахъ. Во *Франціи* законъ 1875 г. воспрещаетъ всѣмъ агентамъ публичной власти распространять бюллетени, агитаціонныя воззванія, программные циркуляры тѣхъ или иныхъ кандидатовъ. Тамъ же выдѣленъ изъ общаго правила объ охранѣ избирательныхъ афишъ (законъ 1881 г.) случай, когда норма эта нарушается чиновникомъ. Обыкновенное наказаніе не превышаетъ 15 франковъ,—а лицу, состоящему на государственной службѣ, угрожаетъ тюрьма срокомъ до одного мѣсяца. *Итальянскій* кодексъ упоминаетъ о каждомъ» «кто силою, угрозой или шумомъ, вполнѣ или отчасти, воспрепятствуетъ осуществленію какого-либо политическаго права» и отдѣльно, затѣмъ, говоритъ о чиновникѣ, который совершаетъ этотъ деликтъ, злоупотребляя своими оффиціальными функціями. Наказаніе въ первомъ случаѣ—тюрьма до двухъ съ половиною, во второмъ—до пяти лѣтъ. Оно угрожаетъ, напримѣръ, начальнику, который снабдилъ своихъ подчиненныхъ противозаконной предвыборной инструкціей... Въ *Испаніи* «всякое дѣйствіе, опущеніе или манифестація, направленныя на то, чтобы *стѣснить волю избирателя»*, обложены денежнымъ штрафомъ въ размѣрѣ отъ 125 до 2.500 пезетъ. Нѣкоторые

поступки должностного лица караются и тогда, когда въ нихъ не была спеціально установлена цѣль давленія на выборы.

Повсюду одна и та же мысль: органы администраціи должны держать подальше руки отъ акта, которымъ образуется парламентъ—постоянный факторъ законодательной власти и въ то же время контролеръ всѣхъ дѣйствій правительственнаго цѣлаго.

Наравнѣ съ чиновниками и тамъ же, гдѣ особенно опасаются ихъ возможнаго вліянія, законодательство стремится ограничить всячески на выборахъ роль *духовенства*. Презумпція виновности, въ извѣстныхъ случаяхъ тяготѣющая, по *испанскому* праву, надъ должностными лицами, обращена здѣсь и противъ священниковъ. Въ отдѣльной статьѣ общаго уголовнаго кодекса спеціально, кромѣ того, предусмотрѣна провокація ими избирательныхъ деликтовъ. *Италія* угрожаетъ серьезною карой (штрафъ отъ 500 до 2.000 лиръ или тюрьма отъ 3-хъ мѣсяцевъ до одного года) всякому духовному лицу, которое «путемъ рѣчей или призывовъ въ предназначенныхъ для богослуженія мѣстахъ или въ собраніяхъ религіознаго характера, а также посредствомъ обѣщаній и угрозъ или обращеннаго къ подчиненнымъ ордера, сдѣлаетъ попытку склонить избирателей въ пользу опредѣленной кандидатуры или къ отказу отъ подачи голоса». Во *Франціи* слуга церкви, уличенный, при аналогичныхъ условіяхъ, въ избирательной агитаціи, карается штрафомъ до 3.000 франковъ или тюрьмою до года.

Въ основѣ повышенной наказуемости духовенства лежитъ самый характеръ исполняемыхъ функцій, мало поддающихся надзору со стороны и открывающихъ въ то же время дорогу столь исключительному средству воздѣйствія, какъ обѣщаніе загробныхъ благъ или угроза небеснымъ возмездіемъ. Факторъ этотъ не одинаково во всѣхъ странахъ могучій, но вездѣ такъ или иначе проявляющійся. И не далеко, вѣроятно, то время, когда конституціонные уголовные кодексы повсюду сдѣлаютъ изъ этого обстоятельства надлежащій выводъ.

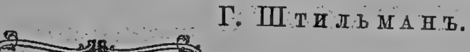
Отъ года къ году расширяется въ Европѣ уголовно-правовая охрана свободы выборовъ. Многое изъ того, что совсѣмъ недавно еще было въ этой области ненаказуемо, уже обложено въ настоящее время серьезною карой. На очереди признаніе наказуемости цѣлаго ряда другихъ дѣйствій. Растетъ и кругъ ограждаемыхъ отъ посягательства благъ, и самая интенсивность ихъ защиты. Вся законодательная эволюція—яркій показатель того, что рѣчь идетъ объ интересѣ, цѣнность котораго непрерывно въ сознаніи народовъ повышается. При томъ мѣстѣ, которое принадлежитъ охраняемому инсти-

туту въ системѣ всякаго конституціоннаго порядка, это иначе и быть, очевидно, не можетъ.

Но *реальную защиту* избирательнаго права обусловливаютъ, разумѣется, не отдѣльныя писанныя нормы, а прежде всего та *атмосфера глубокаго уваженія къ существующему государственному строю*, которою на Западѣ проникнуты и уголовное законодательство, и люди, его примѣняющіе, и вся политическая жизнь. Наоборотъ, положеніе избирательнаго дѣла у насъ объясняется не столько дефектами «временныхъ» правилъ 8-го марта 1906 г., сколько совокупностью обстоятельствъ, которыми опредѣляется въ настоящее время все наше государственно-правовое бытіе. Кромѣ спеціалистовъ, едва ли кто помнитъ у насъ о самомъ существованіи этихъ правилъ. А жизнь являетъ на каждомъ шагу образцы такихъ нарушеній свободы выборовъ, о которыхъ уже давно позабыли во всемъ культурномъ мірѣ.

Въ то время, когда европейскіе юристы заняты деталями и тонкостями, у насъ еще на очереди примитивы. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы оградить избирателя отъ безусловно недопустимаго воздѣйствія со стороны покровительствуемыхъ партій и органовъ администраціи. Разрѣшеніе этой задачи зависитъ не отъ одной только доброй воли законодателя, но и отъ всего образа дѣйствій высшей бюрократіи, а также отъ степени реальной самостоятельности уголовнаго правосудія.

Г. Штильманъ.

«АКТЪ О НАЦІОНАЛЬНОМЪ СТРАХОВАНІИ».

(Страхованіе на случай болѣзни и инвалидности въ Англіи).

I.

Сравнительно еще недавно все англійское рабочее и соціальное законодательство носило исключительно охранительный характеръ. Въ то время какъ въ Германіи, наряду съ охраной жизни и здоровья рабочихъ, государство давно уже приняло мѣры и къ обезпеченію ихъ, путемъ обязательнаго страхованія, на случай потери трудоспособности, въ Англіи первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы лишь въ 1906 г., изданіемъ «Акта о вознагражденіи рабочихъ» (Workmens Compensation Act). До этого даже изувѣченный на фабрикѣ, во время работы, рабочій могъ искать съ работодателя убытки только въ обычномъ порядкѣ, т. е. опираясь на нормы общегражданскаго или уголовнаго права, какъ совершенно постороннее производству лицо. Тотъ фактъ, что увѣчье является опредѣленнымъ профессіональнымъ рискомъ, отнюдь не подчиненнымъ контролю потерпѣвшаго, при судебномъ разбирательствѣ по искамъ этого рода не имѣлъ почти никакого значенія. Точно также,

вплоть до 1906 г., государствомъ совершенно не была обезпечена и судьба престарѣлыхъ, инвалидныхъ и больныхъ рабочихъ. Съ 1906 г. начинается новая стадія развитія англійской соціальной политики. «Актъ о вознагражденіи рабочихъ»—эта первая мѣра соціальнаго законодательства либеральнаго кабинета—свидѣтельствовалъ уже о томъ, что англійское рабочее законодательство потеряло свой прежній характеръ. Не создавъ такой сравнительно сложной системы страхованія на случай увѣчья, какую мы находимъ въ Германіи или Австріи, кабинетъ Кэмпбеллъ-Баннермана все же поставилъ вопросъ о правѣ увѣчныхъ на вознагражденіе на подлежащую почву. Актъ 1906 г. призналъ право на пособіе вытекающимъ изъ наличности профессіональнаго риска, и обезпеченіе пострадавшихъ возложилъ цѣликомъ на работодателя. Понятіе «увѣчья» актомъ онъ распространилъ и на рядъ заболѣваній, по характеру своему являющихся профессіональными, а сфера примѣненія акта обнимала всякаго рода наемный трудъ. Черезъ годъ либералы провели, вопреки оппозиціи консерваторовъ и палаты лордовъ, «Актъ о пенсіяхъ старости» (Old Age Pensions Act, 1908). Въ этомъ актѣ, еще болѣе чѣмъ въ актѣ 1906 года, проявились новыя тенденціи англійской соціальной политики; онъ совершенно опредѣленно призналъ *право на существованіе* за каждымъ членомъ общества, и притомъ не въ оскорбительной для неимущихъ формѣ благотворительной поддержки, а въ точно такой же формѣ, въ какой государство обезпечиваетъ по выслугѣ лѣтъ своихъ служащихъ—чиновниковъ. Этой мѣрой установлена была выдача пенсій въ размѣрѣ 5 шилл. въ недѣлю непосредственно изъ казначейства, безъ какихъ бы то ни было предварительныхъ взносовъ со стороны пенсіонеровъ. Пенсіи эти теперь выдаются всякому лицу, достигшему 70-лѣтняго возраста, если его доходъ не превышаетъ 26 ф. ст. (245 рублей) въ годъ. Наконецъ, 4-го мая 1911 г., министръ финансовъ Ллойдъ Джорджъ, согласно данному имъ еще во время обсужденія бюджета 1909 г. обѣщанію, внесъ на обсужденіе палаты общинъ «Билль о національномъ страхованіи» (National Insurance Bill). Мѣра эта служитъ естественнымъ дополненіемъ къ обоимъ предшествовавшимъ парламентскимъ актамъ, организуя обязательное страхованіе на случай болѣзни, инвалидности и безработицы. Актъ принятъ палатой лордовъ въ серединѣ декабря 1911 г. и вошелъ въ силу 15 іюля текущаго года.

«Актъ о національномъ страхованіи» распадается на двѣ части: схему страхованія на случай болѣзни и инвалидности и схему страхованія отъ безработицы. Намъ пришлось уже въ общихъ чертахъ разобрать на страницахъ «Вѣстника Европы» (декабрь, 1910 г.) послѣднюю схему, принятую парламентомъ безъ существенныхъ измѣненій. Въ дальнѣйшемъ мы ограничимся лишь оцѣнкой созданной

актомъ 1911 г. системы страхованія на случай болѣзни и инвалидности.

Вырабатывая эту систему, министерство Асквита имѣло передъ собой почти двадцатипятилѣтній опытъ Германіи. Ллойдъ Джорджъ ѣздилъ туда въ 1908 г. для изученія на мѣстѣ организаціи германскаго обязательнаго страхованія. Внося въ палату общинъ билль о страхованіи, онъ подчеркнулъ наличность преемственной связи между германскимъ опытомъ и англійскимъ законопроектомъ. Но хотя подобная связь и несомнѣнна, мы находимъ въ актѣ 1911 г. весьма существенныя отступленія отъ германскаго образца. Иначе и не могло быть. Англійскій актъ 1911 г., подобно актамъ 1906 и 1908 гг., былъ отвѣтомъ со стороны палаты общинъ на всеобщее недовольство «законами о бѣдныхъ» (poor low). Въ извѣстной мѣрѣ можно даже сказать, что въ Англіи направленіе и объемъ соціальной политики диктовались парламенту извнѣ. Либеральная партія, проводя, напр., законъ о пенсіяхъ старости, имѣла передъ собой вполнѣ законченные проекты, въ родѣ выдвинутаго Чарльзомъ Бутсомъ, предлагавшимъ еще въ 1892 г. то, что было положено въ основу акта 1908 года [1]. Вырабатывая «Актъ о національномъ страхованіи», либеральный кабинетъ Асквита принужденъ былъ точно также считаться, если не съ выработаннымъ уже проектомъ, то во всякомъ случаѣ съ достаточно опредѣленно формулированными требованіями организованныхъ рабочихъ. По существу, англійскій парламентъ, вмѣстѣ съ министерствомъ, сыгралъ сравнительно скромную роль редакторовъ закона; главное значеніе при обсужденіи и даже при выработкѣ его имѣли сами заинтересованныя группы націи — и не столько черезъ своихъ непосредственныхъ представителей въ парламентѣ, сколько черезъ выбранныхъ ad hoc делегатовъ. Прежде чѣмъ билль былъ внесенъ на обсужденіе палаты общинъ, прежде даже чѣмъ въ прессѣ появились болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣніи объ общемъ характерѣ мѣры, Ллойдъ Джорджъ имѣлъ нѣсколько конфиденціальныхъ совѣщаній съ представителями «обществъ взаимопомощи»—органовъ факультативнаго страхованія на случай болѣзни и инвалидности. На этихъ

---

[1]) См. его «Pauperism and the Endowment of Old Age. Единственная разница между проектомъ Чарльза Бутса (а также аналогичными позднѣйшими проектами Спендера и Меткафа)—и «Актомъ о пенсіяхъ старости»—это то, что Актъ установляетъ выдачу пенсій лицамъ, достигшимъ 70-лѣтн. возраста, тогда какъ проектъ Бутса предлагалъ выдавать ихъ уже 65-лѣтнимъ старикамъ.

совѣщаніяхъ и были выработаны основныя положенія билля [1]). Помимо этого, пока билль обсуждался въ палатѣ общинъ, Ллойдъ Джорджъ принялъ и выслушалъ свыше 100 депутацій — въ томъ числѣ отъ парламентскаго комитета трэдъ-юніонистскихъ конгрессовъ, отъ ирландской рабочей партіи, женскихъ рабочихъ организацій, соціалъ-демократической партіи, врачей, аптекарей, предпринимателей, отдѣльныхъ обществъ взаимопомощи, прислуги и т. д. Взгляды и мнѣнія всѣхъ заинтересованныхъ были, такимъ образомъ, выяснены, какъ имъ, такъ и парламентомъ, «по первоисточнику», и, какъ показываетъ сравненіе текстовъ билля и акта, легли въ основу новаго закона. При такомъ положеніи вещей, англійская система страхованія на случай болѣзни и инвалидности является болѣе или менѣе *точнымъ* отвѣтомъ на вполнѣ опредѣлившіяся требованія англійской общественной жизни.

Это видно, прежде всего, по постановкѣ вопроса о сферѣ дѣйствія «акта о національномъ страхованіи». Обязательно страхуются на случай болѣзни и инвалидности, согласно акту, всѣ наемные рабочіе, независимо отъ характера ихъ работы и формъ ея оплаты, а также отъ общей суммы ихъ годичнаго заработка. Чернорабочій, нерѣдко вырабатывающій 3—4 ф. ст. въ недѣлю, въ такой же мѣрѣ подлежитъ страхованію, какъ и ткачъ, вырабатывающій 30 шилл., или докеръ съ заработкомъ въ 15 шилл. Затѣмъ, обязательно страхуются всѣ служащіе, если ихъ доходъ не превышаетъ 160 ф. ст. въ годъ; не страхуются только служащіе муниципальныхъ и государственныхъ учрежденій, если они обезпечены на случай болѣзни и инвалидности государствомъ или муниципалитетами на не менѣе выгодныхъ, чѣмъ предписанныя актомъ 1911 г., условіяхъ. Особая льготная система страхованія устанавливается для нижнихъ чиновъ арміи и флота. Совершенно не страхуются лица,

---

[1]) Это обстоятельство дало секретарю «Ассоціаціи для защиты среднихъ классовъ» (Middle Class Defence Association), Робертсу, поводъ предаваться на страницахъ Nineteenth Century самымъ мрачнымъ мыслямъ о судьбахъ англійской государственности. «Развѣ не поразительно,—писалъ онъ въ іюньской книжкѣ этого журнала за 1911 г.,—что концлеръ казначейства (Ллойдъ Джорджъ) призналъ и убоялся политическаго вѣса этихъ сегментовъ общественнаго организма?... Общества взаимопомощи, подобно лошади, сознавшей свою силу, никогда не пойдутъ уже въ упряжкѣ... и я предсказываю, что, укрѣпленныя, организованныя и упорядоченныя государственной субсидіей, эти банды не владѣющихъ классовъ—въ одно и то же время наиболѣе многочисленныя и наименѣе просвѣщенныя—будутъ посылать своихъ людей въ Вестминстеръ, и государственный корабль поплыветъ безъ руля и безъ вѣтрилъ, покуда волна соціализма не расколетъ его отъ носа до кормы».

доказавшія, что они матеріально зависятъ отъ труда другихъ лицъ, или что ихъ незаработанный доходъ (рента, государственная пенсія и т. п.) превышаетъ 26 ф. ст. въ годъ. Обязательно застраховано будетъ въ Англіи на основаніи новаго закона, по самому скромному расчету, 13.089.000 человѣкъ, или 71,6% всего трудящагося населенія. Если къ обязательно застрахованнымъ прибавить еще тѣхъ лицъ, которымъ «Актъ о національномъ страхованіи» предоставляетъ возможность добровольнаго участія въ «кассахъ страхованія», то отношеніе общаго числа застрахованныхъ къ числу лицъ занятыхъ промышленною дѣятельностью поднимается до 76,9 и даже до 83,3% [1]). Такимъ образомъ, съ самаго начала будетъ застраховано на случай болѣзни и инвалидности фактически все рабочее населеніе Англіи.

II.

Крупнѣйшимъ дефектомъ германскаго страхованія на случай болѣзни является почти полная необезпеченность потерявшихъ работу. Согласно ст. 11 и 27 германскаго закона о страхованіи на случай болѣзни лица, для которыхъ установлено всеобщее страхованіе на случай болѣзни, удерживаютъ за собой право на пособія, лишь тогда, когда, покинувъ работу въ данномъ предпріятіи, продолжаютъ дѣлать регулярно предписанный закономъ еженедѣльный взносъ. Вслѣдствіе этого, на практикѣ всѣ безработные оказываются лишенными правъ на пособіе; даже незначительная сумма составляетъ для нихъ, во время поисковъ новой работы, существенное подспорье и потому не можетъ быть внесена ими въ больничную кассу. Правда, германскій законодатель установилъ выдачу пособій въ теченіе трехъ недѣль также и по выходѣ застрахованнаго изъ кассы. Но подобная уступка сравнительно мало мѣняетъ положеніе безработныхъ.

Совершенно иначе поставленъ и разрѣшенъ этотъ вопросъ въ актѣ 1911 г. Всякій застрахованный, согласно этому акту, имѣетъ право три недѣли въ году не вносить причитающейся за это время суммы. Размѣръ денежнаго или другихъ пособій отъ этого не зависитъ и не мѣняется. Если же за нимъ насчитывается болѣе крупная недоимка, онъ все-таки не теряетъ права на пособія. Наличность недоимки отражается, въ зависимости отъ ея размѣровъ, лишь на характерѣ и размѣрѣ пособій. Такъ, за каждую недѣлю недоимки (исключая первыя три) отсчитывается отъ установлен-

наго недѣльнаго пособія въ 10 ш. по 6 п. [1]). Лицо, не дѣлавшее взносовъ 13 недѣль, или четверть года, получаетъ уже не 10 ш., а всего 5 ш. въ недѣлю. Только въ томъ случаѣ, когда недоимка превышаетъ 13-кратный недѣльный взносъ, выдача денежнаго пособія прекращается; но больной безработный все же сохраняетъ право на безплатныя услуги врача, лѣкарства и врачебныя пособія, а также и право на пребываніе въ лѣчебницѣ или санаторіи. Это право онъ теряетъ только тогда, когда его недоимка превыситъ 26-кратный взносъ, или, другими словами, когда онъ ничего не вносилъ въ кассу страхованія въ теченіи болѣе полугода до заболѣванія.

Этого, однако, мало. Для пониженія размѣровъ денежнаго пособія или для полнаго прекращенія выдачи какого-либо изъ пособій необходимо, согласно ст. 10 «акта о національномъ страхованіи», чтобы размѣръ годичной недоимки исчислялся «въ среднемъ за все время членства застрахованнаго». Пояснимъ это на примѣрѣ. Положимъ, что рабочій въ первый годъ дѣйствія закона не имѣлъ работы въ теченіе 14 недѣль и все это время не дѣлалъ никакихъ взносовъ. Данный рабочій, слѣдовательно, въ этомъ году теряетъ право на денежное пособіе и можетъ пользоваться только безплатными услугами врача, лѣкарствами и т п. Въ слѣдующемъ году онъ не дѣлалъ взноса въ теченіе 12 недѣль. За два года его недоимка равняется 26-кратному взносу, т. е. на одинъ годъ, въ среднемъ, приходится 13-недѣльная недоимка. Вслѣдствіе этого онъ имѣетъ право на денежное пособіе лишь въ минимальномъ размѣрѣ. За десять лѣтъ онъ, не теряя права на это пособіе, можетъ ничего не вносить въ кассу страхованія въ теченіе 130 недѣль или $2^1/_2$ года. Возьмемъ другой примѣръ. Рабочій въ теченіе четырехъ лѣтъ непрерывно имѣлъ работу и въ силу этого регулярно дѣлалъ взносы, такъ какъ взносы эти высчитываются изъ его заработка предпринимателемъ въ моментъ расплаты. На пятый годъ онъ, вслѣдствіе кризиса, теряетъ работу и, не сдѣлавъ за весь годъ ни одного взноса, въ концѣ его заболѣваетъ. Хотя за нимъ насчитывается 52-кратная недоимка, онъ все-таки имѣетъ право на 6 шилл. въ недѣлю, потому что въ среднемъ за эти 5 лѣтъ приходится всего 11-недѣльная недоимка на годъ, что даетъ застрахованному право на пособіе указаннаго выше размѣра.

Германское законодательство сохраняетъ за лицами, выбываю-

---

[1]) Для женщинъ установлено нормальное пособіе въ 7 ш. 6 п., но минимальное пособіе и для нихъ не должно быть меньшимъ, чѣмъ 5 ш. въ недѣлю. Поэтому для застрахованныхъ женскаго пола недѣльная недоимка означаетъ пониженіе пособія на 3 п., вмѣсто 6.

щими изъ кассы вслѣдствіе безработицы, въ теченіе трехъ недѣль по выбытіи право на полученіе пособій. Насколько въ этомъ отношеніи значительно преимущество акта 1911 г., видно изъ того, что безработица продолжительностью свыше 3 недѣль наблюдается почти у 60% всѣхъ безработныхъ, тогда какъ болѣе 26 недѣль въ году не имѣетъ работы всего 6,3% всѣхъ безработныхъ [1]). Въ Германіи, слѣдовательно, больше половины безработныхъ теряетъ право на какія бы то ни было пособія и, что еще важнѣе, уходитъ совершенно изъ кассъ и должно проходить впослѣдствіи, при новомъ договорѣ о наймѣ, предварительный стажъ, прежде чѣмъ получить вновь право на обезпеченіе. Онъ теряетъ, такимъ образомъ право на составленный имъ въ предшествующей безработицѣ періодъ страховой фондъ. Въ *такомъ* положеніи не окажется въ Англіи ни одинъ рабочій; 6,3% безработныхъ лишь *временно будутъ терять право на пособіе.* Очевидно, степень обезпеченности больного англійскаго рабочаго будетъ несоизмѣримо высшей, чѣмъ степень обезпеченности германскаго.

Это вѣрно также и по отношенію къ обезпеченности инвалидныхъ рабочихъ. Въ Германіи страхованіе на случай болѣзни и инвалидности проведено раздѣльно. Первое составляетъ задачу больничныхъ кассъ семи типовъ, среди которыхъ наиболѣе важную роль играютъ самоуправляющіяся «мѣстныя кассы» (Ortskranken kassen), объединяющія въ настоящее время больше 72% всего числа застрахованныхъ. Страхованіе на случай инвалидности проводится при помощи 31 областной и 10 профессіональныхъ (желѣзнодорожныя и горнозаводскія кассы и кассы моряковъ) кассъ страхованія на случай старости и инвалидности. Страхованіе организовано настолько раздѣльно, что даже контингентъ застрахованныхъ не одинаковъ: далеко не всѣ члены кассъ инвалидности являются одновременно членами больничныхъ кассъ. Рабочимъ приходится дѣлать раздѣльные взносы и въ кассу инвалидности, и въ больничную кассу. При такомъ положеніи вещей, далеко не всѣ проболѣвшіе положенный максимальный срокъ въ 26 недѣль и все-таки не поправившіеся, имѣютъ возможность получить *немедленно* по выходѣ изъ больничной кассы пенсію инвалидности. Часть ихъ не получаетъ ея по формальнымъ причинамъ (среди которыхъ значительную роль играетъ недостаточная, съ точки зрѣнія администраціи, степень потери трудоспособности, что особенно неблагопріятно для туберкулезныхъ больныхъ) или вслѣдствіе того, что за ними въ кассахъ инвалидности числится меньше 200 взно-

---

[1]) По англійскимъ даннымъ, отъ 3 дней до 3 недѣль не имѣли работы 41,2 % всего числа безработныхъ, свыше 3 недѣль и до 13 недѣль—38,9% отъ 14 недѣль до 26 недѣль—13,6%, больше 26 недѣль—6,3%.

совъ. Другая же часть не получаетъ ея изъ-за канцелярской волокиты, связанной съ провѣркой правоспособности обращающихся за пенсіей. Какъ тѣ, такъ и другіе принуждены обращаться за помощью къ частной или общественной благотворительности. По недавнему, относящемуся къ 1905 г. свидѣтельству д-ра Пэшова, главы бременскихъ институтовъ попеченія о бѣдныхъ, «многочисленны случаи, когда этимъ институтамъ приходится пополнять страховыя функціи въ силу того, напримѣръ, что выдача пособій изъ больничныхъ кассъ прекращается по истеченіи 26 недѣль лицамъ, не успѣвшимъ поправиться».

Актъ 1911 г., напротивъ, объединяетъ обѣ страховыя функціи *въ рукахъ одного и того же органа*—самоуправляющихся «обществъ взаимопомощи» (Friendly Society) и «мѣстныхъ комитетовъ здравія» (Local Health Committes), или, иначе, страховыхъ комитетовъ. Администрація первыхъ избирается исключительно самими застрахованными, безъ всякаго участія делегатовъ отъ предпринимателей или государства. «Мѣстные комитеты здравія» составляются на три-пятыхъ изъ представителей «обществъ взаимопомощи» и делегатовъ отъ немногочисленнаго контингента застрахованныхъ при посредствѣ почтовыхъ конторъ [1]); одна пятая состоитъ изъ лицъ по назначенію мѣстныхъ самоуправленій, причемъ двое изъ нихъ—обязательно женщины; остальные члены мѣстнаго комитета здравія—представители врачей, акушерокъ и аптекарей. На эти органы возлагается обязанность завѣдывать выдачей пособій и сборомъ взносовъ, причемъ для каждаго застрахованнаго установленъ только *одинъ* взносъ. Этотъ взносъ обезпечиваетъ ему въ теченіе 26 недѣль, начиная съ четвертаго дня болѣзни, денежное пособіе въ 10 ш. (для женщинъ въ 7 ш. 6 п.) въ недѣлю. Если болѣзнь и вообще немощное состояніе получающаго пособіе продолжается болѣе 26 недѣль и онъ уплатилъ въ кассу своего общества не менѣе 104 взносовъ, то онъ получаетъ право на еженедѣльную пенсію инвалидности въ 5 ш. до тѣхъ поръ, пока врачъ, пользующій его, не

[1]) Какъ правило, «общества взаимопомощи» являются главными органами страхованія. «Мѣстные комитеты здравія» должны завѣдывать только организаціей врачебной помощи и лѣченіемъ въ санаторіяхъ или госпиталяхъ. Но предполагается, что нѣкоторая часть застрахованныхъ (по предварительнымъ разсчетамъ—не больше 6,3%) окажется непринятой въ «общества взаимопомощи» или не пожелаетъ вступить въ число членовъ послѣднихъ. Для этихъ застрахованныхъ организуется «депозитная система страхованія»: взносы отъ нихъ и за нихъ, выплачиваемые хозяевами, будутъ поступать въ ближайшую почтовую контору, гдѣ изъ этихъ депозитовъ составятся ихъ страховые фонды. Завѣдываніе послѣдними возлагается на «мѣстные комитеты здравія».

признаетъ его совершенно оправившимся. Въ случаѣ постоянной инвалидности пенсія эта выдается до 70-лѣтняго возраста, когда застрахованный получаетъ право на пенсію старости, согласно акту 1908 г.

Ллойдъ Джорджъ объясняетъ такое отступленіе отъ германскаго образца во-первыхъ тѣмъ, что англійскія «общества взаимопомощи»—главные контрагенты по проведенію страхованія—всегда придерживались обычая страховать своихъ членовъ одновременно на случай болѣзни и инвалидности, и, во-вторыхъ, техническими преимуществами подобнаго объединенія. «Такъ какъ пособія инвалидности — писалъ онъ, между прочимъ, въ одной изъ «объяснительныхъ записокъ», представленныхъ палатѣ общинъ — выдаются немедленно по истеченіи предѣльнаго срока для выдачи пособій на случай болѣзни, и оба пособія будутъ выдаваться однимъ и тѣмъ же органомъ, то не потребуется и спеціальной организаціи для провѣрки правоспособности обращающихся за пенсіей инвалидности. Отсюда всѣ тщательно задуманныя въ германскомъ законодательствѣ схемы пріема, обслѣдованія, обсужденія и удовлетворенія подобныхъ обращеній становятся излишними, благодаря чему издержки сокращаются и процедура ускоряется». Подобныя же техническія преимущества значительно повышаютъ степень обезпеченности инвалидныхъ рабочихъ, благодаря тому, что полученіе пенсіи не будетъ связано, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи, съ канцелярской волокитой и излишнимъ формализмомъ. Обезпеченность англійскихъ рабочихъ на случай полной инвалидности тѣмъ больше, что они пріобрѣтаютъ право на пенсію, сдѣлавъ *всего 104 предварительныхъ недѣльныхъ взноса*, вмѣсто 200, требуемыхъ германскимъ законодательствомъ. И это минимальное число взносовъ даетъ имъ право на *полную* пенсію, въ 5 ш. въ недѣлю, независимо отъ размѣровъ ихъ заработка. Въ Германіи же такую сумму получаетъ только тотъ рабочій, который дѣлалъ взносы непрерывно въ теченіе 20 лѣтъ, т. е. за которымъ числится въ кассѣ инвалидности не менѣе *1040 взносовъ*, и притомъ лишь въ случаѣ если его заработокъ превышаетъ 22 марки въ недѣлю [1]).

---

[1]) Несмотря на *двадцатилѣтнее* существованіе въ Германіи страхованія на случай инвалидности, средній размѣръ пенсій равнялся въ 1909 г. всего 3 м. $4^1/_2$ пф. въ недѣлю. Это слѣдуетъ приписать, между прочимъ, тому, что размѣръ пенсій пропорціоналенъ взносамъ рабочихъ различныхъ категорій, на которыя, смотря по размѣру заработка, подраздѣлены всѣ застрахованные; а пятишиллинговая пенсія выдается лишь наиболѣе состоятельной категоріи, съ заработкомъ свыше 22 м. Но низкій размѣръ пенсій объясняется, главнымъ образомъ, невозможностью для рабочаго регулярно дѣлать взносы въ теченіе столь продолжительнаго времени.

«Актъ о національномъ страхованіи» выгодно отличается отъ другихъ аналогичныхъ законовъ также и постановкой вопроса о матеріальномъ обезпеченіи рожениць. Въ Германіи правомъ на денежное пособіе (равное половинѣ недѣльнаго заработка и выдаваемое въ теченіе 6 недѣль) пользуется во время родовъ лишь работница, лично застрахованная въ больничной кассѣ. Жена застрахованнаго рабочаго, если она сама не работаетъ на фабрикѣ, т. е. не состоитъ сама членомъ больничной кассы, не имѣетъ никакого права на пособіе. Въ Англіи, согласно акту 1911 г., денежное пособіе будетъ выдаваться не только лично застрахованнымъ роженицамъ, но и женамъ застрахованныхъ рабочихъ, даже если онѣ сами и не состоятъ членами «обществъ взаимопомощи». Для тѣхъ и другихъ размѣръ пособій опредѣленъ въ 30 ш. за все время родового періода и эта сумма выдается изъ фонда ихъ мужей. Самостоятельно-застрахованныя роженицы имѣютъ, сверхъ того, право на добавочные 30 ш. изъ своего собственнаго фонда; поэтому ихъ пособіе равно 3 ф. ст. (около 30 рублей). Впрочемъ, мы должны оговориться, что денежнымъ пособіемъ и ограничивается обезпеченіе рожениць. Ни безплатныхъ лѣкарствъ, ни врачебной помощи органы страхованія имъ не предоставляютъ.

III.

Итакъ, въ области матеріальнаго обезпеченія трудящихся принципы соціальной справедливости въ актѣ 1911 г. воплощены въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ германской системѣ страхованія, до сихъ поръ считавшейся образцовою. Однако, подходить къ «Акту о національномъ страхованіи» исключительно съ критеріемъ матеріальнаго обезпеченія, значило бы проглядѣть весьма существенныя черты англійской схемы.

Въ одной изъ «объяснительныхъ записокъ», представленныхъ авторомъ «Акта о національномъ страхованіи» палатѣ общинъ, цѣль закона опредѣляется гораздо шире, чѣмъ достиженіе матеріальнаго обезпеченія больныхъ и инвалидныхъ рабочихъ. «Законопроектъ,— читаемъ мы здѣсь,—предлагаетъ организовать возможно широкое страхованіе рабочаго населенія на случай болѣзни и потери трудоспособности (disablement). Въ наши намѣренія входитъ также попытка сдѣлать законопроектъ, насколько возможно, *мѣрой предупредительной, которая оказалась бы въ состояніи понизить заболѣваемость населенія* [1])». Каковъ же смыслъ этого заявленія?

Матеріальное обезпеченіе больныхъ и инвалидныхъ рабочихъ,

въ формѣ выдаваемаго послѣднимъ денежнаго пособія, принято разсматривать какъ сущность всякой системы страхованія. «Рискъ», то, отъ чего страхуются,—есть ничто иное, какъ матеріальный ущербъ отъ случайнаго для отдѣльнаго лица, но закономѣрнаго для всего общества, явленія. Чтобы покрыть этотъ рискъ, создается своего рода ограниченная круговая порука: страхованіе. На все общество или на всю данную общественную группу возлагается обязанность составить, путемъ опредѣленныхъ взносовъ, фондъ, откуда возмѣщались бы потерпѣвшимъ отъ того или иного риска матеріальные убытки. Для больного и инвалиднаго рабочаго потеря трудоспособности на время или навсегда потому является рискомъ, что связана съ потерей заработка—единственной основы его существованія. Обезпечить ему на время болѣзни или инвалидности опредѣленное денежное возмѣщеніе, эквивалентное или приближающееся къ его нормальному заработку—значитъ спасти его и его семью отъ голода и нищеты. Опытъ континентальныхъ странъ свидѣтельствуетъ, что ихъ законодателямъ такою именно и представлялась основная, если не единственная, задача рабочаго страхованія. Это показываетъ текстъ соотвѣтствующихъ германскихъ, австрійскихъ, венгерскаго, норвежскаго или люксембургскаго законовъ. Въ германскомъ законодательствѣ, напр., главное мѣсто удѣлено подробнѣйшей регламентаціи условій выдачи денежныхъ пособій; оказаніе врачебной помощи, выдача безплатныхъ лѣкарствъ и лѣчебныхъ пособій разсматриваются какъ средство уменьшить расходы соотвѣтствующихъ кассъ по выдачѣ денежныхъ пособій. Въ особенности это вѣрно по отношенію къ «закону о страхованіи на случай инвалидности» (Invalidenversicherungsgesetz), по которому оказаніе врачебной помощи инвалидамъ—въ формѣ ли лѣченія въ спеціальныхъ санаторіяхъ и госпиталяхъ или пользованія врачемъ на дому—почти всецѣло предоставлено автономному усмотрѣнію отдѣльныхъ кассъ. Въ силу такого положенія вещей изъ всего числа получавшихъ въ 1910 г. пенсію инвалидности 912.087 человѣкъ, пользовалось услугами врачей всего 114.310 человѣкъ или только 12,5%. Въ нѣсколько иномъ положеніи находятся больничныя кассы. Ст. 6 «закона о страхованіи на случай болѣзни (Krankenversicherungsgesetz) налагаетъ на эти кассы прямую *обязанность* оказывать безплатную врачебную помощь больнымъ застрахованнымъ. Но центръ тяжести этого закона также лежитъ въ матеріальномъ обезпеченіи: формально врачебная помощь разсматривается въ немъ, какъ элементъ второстепенный, которому предназначается узко служебная роль. Это видно хотя бы изъ того, что она прекращается *одновременно* съ прекращеніемъ выдачи денежнаго пособія изъ больничной кассы, неза-

висимо отъ того, поправился ли паціентъ или нѣтъ, ровно черезъ 26 недѣль со дня заболѣванія. Если бы врачебная помощь разсматривалась законодателемъ подъ инымъ угломъ зрѣнія, если бы организація ея диктовалась не стремленіемъ ускорить выздоровленіе получающихъ денежное пособіе и такимъ образомъ сократить число ихъ и тѣмъ самымъ *укрѣпить финансы данной кассы*, а желаніемъ возможно раціональнѣе охранять здоровье населенія—то онъ могъ бы найти возможность продлить оказаніе врачебной помощи и лицамъ, потерявшимъ уже право на денежное пособіе. Однако, это не сдѣлано. И этому нельзя найти иного объясненія кромѣ того, что въ намѣренія законодателя входила, въ первую очередь, не національная организація врачебной помощи, а лишь организація матеріальнаго обезпеченія больныхъ рабочихъ. Очевидно, въ германской системѣ (точно также какъ и въ родственныхъ ей австрійской, люксембургской и т. д.) *предоставленіе застрахованнымъ права на безплатные услуги врача и, въ связи съ этимъ, оздоравливающее вліяніе этой системы на условія существованія народа, было побочнымъ продуктомъ*, какимъ являются, напр., очень цѣнные въ промышленномъ отношеніи нефтяные остатки, получаемые въ процессѣ выгонки изъ нефти керосина и вазелина. Общественная польза организаціи безплатной врачебной помощи была признана уже послѣ того, какъ она была создана по соображеніямъ отнюдь не гуманитарнаго характера. [1].

Въ «Актѣ» о національномъ страхованіи» мы находимъ попытку урегулировать и сдѣлать формально обязательнымъ то, что въ Германіи было лишь логическимъ слѣдствіемъ, побочнымъ продуктомъ страхованія. Таковъ именно смыслъ сдѣланнаго Ллойдъ-Джорджемъ и приведеннаго нами выше заявленія. Хотя эта задача оказалась весьма трудной, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, оппозиціи врачей, видѣвшихъ въ разрѣшеніи ея частичную национализацію врачебнаго дѣла [2]—она была разрѣшена, тѣмъ не менѣе, безусловно удовлетворительно.

---

[1]) Фюстеръ, напр., считаетъ, что нѣмецкіе законы о страхованіи «цѣнны своими *косвенными и порой даже непредвидѣнными* результатами въ такой же мѣрѣ, какъ и естественными, нормальными результатами ихъ предписаній» (Les Capitaux des Caisses de Retraites allemandes et leur emploi, Парижъ, 1905, стр. 3).

[2]) Характерно въ этомъ отношеніи письмо президента «Британской Медицинской Ассоціаціи», сэра Джемса Барра, появившееся 26 дек. 1911 г. въ «Times». Говоря отъ имени оппозиціонно настроенныхъ по отношенію къ акту врачей, авторъ письма мотивировалъ такое отношеніе къ этой мѣрѣ тѣмъ, что она «является крупнымъ шагомъ къ соціализму».

Согласно Акту 1911 г., потерять право на врачебную помощь застрахованный можетъ лишь тогда, когда его недоимка *превышаетъ вдвое* недоимку, лишающую его права на денежное пособіе. Это только незначительная, сравнительно, черточка, но она характерна для всей организаціи врачебной помощи, проводимой въ «Актѣ о національномъ страхованіи». Она показываетъ, что съ точки зрѣнія авторовъ закона организація этой помощи была важнѣе даже организаціи матеріальнаго обезпеченія. Въ самомъ дѣлѣ, по акту 1911 г. застрахованный пользуется, фактически всю свою жизнь безплатными услугами врача. По образному выраженію Ллойдъ-Джорджа, каждая рабочая семья будетъ имѣть, по вступленію въ силу акта, «своего домашняго доктора». Малѣйшее недомоганіе даетъ застрахованному право обратиться къ послѣднему, все равно, получаетъ ли онъ пенсію инвалидности или пособіе изъ фондовъ страхованія на случай болѣзни; даже если онъ ничего не получаетъ отъ своего общества—онъ имѣетъ право обратиться къ врачу: врачебная помощь всегда въ его распоряженіи. Сверхъ того, онъ имѣетъ право обратиться именно къ тому врачу, котораго онъ самъ избираетъ. Съ этой цѣлью ежегодно, или въ болѣе продолжительный срокъ, всѣмъ застрахованнымъ представляется списокъ мѣстныхъ врачей, изъявившихъ желаніе лѣчить по договору съ органами страхованія. Каждый застрахованный на данный годъ выбираетъ врача, который, по его мнѣнію, наиболѣе компетентенъ. Врачъ, въ свою очередь, получаетъ извѣщеніе, что въ списокъ его паціентовъ внесены такія-то лица, числомъ столько-то. Далеко не всѣ эти лица, конечно, будутъ нуждаться въ его услугахъ въ теченіе даннаго года, но плата производится со всего числа занесенныхъ въ его списокъ, по 6 ш. въ годъ съ человѣка. Задачи врача сводятся къ лѣченію всѣхъ случаевъ заболѣванія, исключая требующихъ серіозной операціи, а также туберкулеза и нѣкоторыхъ другихъ болѣзней, которыя, согласно опредѣленію министерства мѣстнаго управленія (Local Government Board), требуютъ спеціальнаго лѣченія (напр.—ракъ, сифилисъ и т. д.).

Какъ операціи, такъ и лѣченіе туберкулезныхъ больныхъ возлагаются на спеціальныя учрежденія. Завѣдывающій оказаніемъ врачебной помощи органъ — «мѣстный комитетъ здравія» или, иначе, страховой комитетъ—долженъ войти въ соглашеніе относительно операцій съ мѣстными госпиталями, уплачивая имъ опредѣленную сумму въ годъ. Размѣръ этой суммы актомъ 1911 г. не предусмотрѣнъ и опредѣляется, съ согласія центральнаго страхового органа—такъ называемыхъ «страховыхъ коммиссіонеровъ» (Insurance Commissioners)—самимъ комитетомъ. Что же касается лѣченія

туберкулезныхъ, то оно проведено въ актѣ съ исчерпывающей полнотой. Правительство, съ момента обнародованія «Акта о національномъ страхованіи», ассигнуетъ мѣстнымъ самоуправленіямъ огромную сумму въ полтора милліона фунтовъ ст. (около 14 милл. рублей) на постройку спеціальныхъ санаторій для туберкулезныхъ. На содержаніе этихъ санаторій, а также на лѣченіе застрахованныхъ или тѣхъ *членовъ ихъ семей*, которые больны туберкулезомъ, въ уже существующихъ частныхъ или общественныхъ санаторіяхъ, «общества взаимопомощи» ежегодно должны вносить по 1 ш. 3 п. съ каждаго члена, а мѣстные комитеты здравія—съ каждаго застрахованнаго при посредствѣ почтовыхъ конторъ. Государство, изъ общегосударственныхъ суммъ, прибавляетъ къ каждому такому взносу по 1 п. Въ общемъ, на содержаніе и лѣченіе туберкулезныхъ, такимъ образомъ, будетъ собрано каждый годъ около *милліона* ф. ст. (свыше 9 милл. рублей). Эти грандіозныя суммы позволяютъ поставить дѣло борьбы съ туберкулезомъ на надлежащую высоту и, такъ какъ срокъ пребыванія въ санаторіяхъ *не ограниченъ*, то можно надѣяться, вмѣстѣ съ авторомъ акта 1911 г., на значительное пониженіе смертности отъ туберкулеза, въ настоящее время превышающей 66 тысячъ случаевъ въ годъ.

Наконецъ, «Актъ о національномъ страхованіи» предоставляетъ органамъ страхованія (т. е. «обществамъ взаимопомощи» и «мѣстнымъ комитетамъ здравія») возможность самостоятельно производить разслѣдованія, не является ли повышенная заболѣваемость слѣдствіемъ неудовлетворительности канализаціонной системы, водоснабженія, жилищныхъ и общесанитарныхъ условій, или же несоблюденія со стороны владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій предписаній фабричнаго и горнаго законодательства, при чемъ матеріальная отвѣтственность за усиленную заболѣваемость возлагается на виновныхъ. Послѣдніе обязаны возмѣстить мѣстнымъ органамъ страхованія причиненные имъ убытки по содержанію заболѣвшихъ отъ выясненныхъ разслѣдованіемъ «незаконныхъ» причинъ. Владѣлецъ неудовлетворительныхъ въ санитарномъ отношеніи жилищъ, отсталое мѣстное самоуправленіе, спустя рукава относящееся къ дефектамъ водоснабженія или канализаціи и т. д.—принуждены будутъ выплачивать сразу огромныя суммы «обществамъ взаимопомощи» и «мѣстнымъ комитетамъ здравія». Не говоримъ уже о штрафахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ допускаетъ эту форму наказанія. Столь осязательная иллюстрація прямой невыгоды дурныхъ построекъ и т. п. должна въ значительной мѣрѣ содѣйствовать повышенію уровня общихъ условій существованія рабочаго

класса. Это сослужитъ всему обществу огромную службу, вызвавъ мало по малу уничтоженіе очаговъ заразы.

IV.

Итакъ, организація обязательнаго страхованія, проводимая актомъ 1911 г., не только обезпечиваетъ фактически всѣмъ рабочимъ, на случай болѣзни и инвалидности, 10 ш. въ недѣлю въ теченіе полугода, 5 ш.—на все остальное время и предоставляетъ имъ на всю жизнь безплатные услуги врача: она также даетъ въ руки всего общества сильнѣйшее орудіе для борьбы съ «бѣлой чумой»—туберкулезомъ—и съ неудовлетворительными санитарными распорядками.

Какъ бы, однако, велики ни были эти положительныя стороны Акта о національномъ страхованіи безотносительно, ихъ значеніе сильно понижается, если они требуютъ отъ застрахованныхъ непосильныхъ жертвъ. Намъ, поэтому, необходимо разобраться въ вопросѣ, вызвавшемъ наиболѣе серьезное столкновеніе интересовъ и въ парламентѣ, и внѣ его—въ вопросѣ, какую цѣну за эту великолѣпно задуманную силу страхованія придется платить англійскому рабочему классу.

Если всеобщее обязательное страхованіе разсматривать какъ адекватное распредѣленіе между всѣми членами общества риска, отъ котораго страдаетъ только часть ихъ, какъ своего рода модернизированную круговую поруку на случай болѣзни и инвалидности, то наиболѣе справедливое распредѣленіе матеріальныхъ издержекъ можетъ быть достигнуто только путемъ возмѣщенія всѣхъ расходовъ изъ общегосударственной казны, подобно тому, какъ это существуетъ уже въ Англіи по отношенію къ страхованію на случай старости. Такого именно страхованія (non-contributory insurance) добивались англійскія соціалистическія организаціи—«независимая рабочая партія» (Independent Labour Party), общество фабіанцевъ и соціалъ-демократическая партія. Однако, парламентскіе представители организованныхъ рабочихъ, объединенные въ Labour Party, и многіе видные соціалисты признали невозможнымъ требовать въ настоящее время отъ государства столь рѣшительнаго шага и высказались за установленіе равномѣрныхъ взносовъ отъ рабочихъ, предпринимателей и государства.

Этотъ принципъ и проведенъ въ «Актѣ о національномъ страхованіи». Имъ устанавливается взносъ въ 9 п. въ недѣлю съ каждаго рабочаго и служащаго, причемъ сами застрахованные вносятъ

по 4 п. въ недѣлю, ихъ хозяева—3 п. и государство—2 п. Для женщинъ, получающихъ еженедѣльное пособіе во время болѣзни въ 7 ш. 6 п. вмѣсто 10 ш., взносъ отъ застрахованной опредѣленъ въ 3 п., при сохраненіи размѣра взносовъ со сторонъ хозяевъ въ 3 п. и отъ государства—въ 2 п. Такое распредѣленіе взносовъ дѣйствительно, однако, лишь по отношенію къ застрахованнымъ, заработокъ которыхъ превышаетъ 2 ш. 6 п. въ день или 15 ш. въ недѣлю. Для лицъ съ меньшимъ заработкомъ установлена понижающаяся градація, причемъ уменьшеніе взноса со стороны застрахованнаго покрывается повышеніемъ доли работодателя и государства. Такъ, при заработкѣ:

	Взносы		
	рабочаго	работодателя	государства
Свыше 2 ш. 6 п. въ день	4(3 для жен.).	3	2
Отъ 2 ш. до 2 ш. 6 п. въ д.	3	4 (3 за жен.)	2
» 1 ш. 6 п. до 2 ш. » »	1	5 (4 » »)	3
Менѣе 1 ш. 6 п. » »	0	6 (5 » »)	3

Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что зарабатывающіе менѣе 9 ш. въ недѣлю совершенно освобождены отъ какихъ бы то ни было взносовъ, а взносы слѣдующей группы составляютъ всего пенни въ недѣлю. Это было уступкой, сдѣланной Ллойдъ Джорджемъ женскимъ рабочимъ организаціямъ. Важная въ принципіальномъ отношеніи уступка, допускающая частичное примѣненіе «страхованія безъ взносовъ», повлекла за собой только повышеніе доли государства на 1 пенни для двухъ послѣднихъ группъ.

Однообразіе взносовъ для рабочихъ, зарабатывающихъ болѣе 2 ш. 6 п. вызвало, главнымъ образомъ, критику изъ среды соціалистическаго лагеря, особенно со стороны общества фабіанцевъ, съ С. и Б. Веббъ во главѣ. Ими указывалось, что подобное однообразіе означаетъ, прежде всего, неравномѣрность распредѣленія тяготъ: наилучше оплачиваемыя категоріи труда принуждены вносить въ кассы «общества взаимопомощи» пропорціально меньшую, а хуже оплачиваемые рабочіе—пропорціонально бо́льшую сумму. Четырехъ-пенсовый взносъ составляетъ сравнительно незначительное сокращеніе бюджета рабочей семьи, глава которой вырабатываетъ 40 ш. въ недѣлю; но для сельско-хозяйственнаго рабочаго, съ его 16 шиллинговымъ недѣльнымъ заработкомъ, этотъ взносъ является уже гораздо болѣе тяжелымъ. Однообразіе пособій, равныхъ 10 ш. въ недѣлю для больныхъ и 5 ш. для инвалидныхъ, не можетъ компенсировать эту неравномѣрность обложенія, какъ не компенсируетъ ея

и достигаемое этимъ путемъ упрощеніе процедуры, связанной съ предложеніемъ средняго дневного заработка каждаго застрахованнаго.

Легко, однако, прійти къ заключенію, что и въ этомъ отношеніи англійская система не страдаетъ сколько-нибудь крупными дефектами.

Обратимся къ той же Германіи, гдѣ расходы по страхованію на случай болѣзни и инвалидности возлагаются на рабочихъ и работодателя [1]) и гдѣ рабочіе вносятъ въ кассы страхованія суммы пропорціонально ихъ заработку. Здѣсь взносы опредѣлены для больничныхъ кассъ въ $1^1/_2$ — $6^0/_0$% заработка застрахованнаго, а для кассъ инвалидности—въ $0,9^0/_0$. И въ Германіи, впрочемъ, градація взносовъ имѣетъ мѣсто только вплоть до заработка въ 5 м. въ день при страхованіи на случай болѣзни, и въ 4 м.—при страхованіи на случай инвалидности. Если мы сравнимъ установленный актомъ 1911 г. взносъ англійскаго рабочаго съ взносами, дѣлаемыми съ той же суммы заработка германскимъ рабочимъ въ мѣстныя больничныя кассы, къ которымъ принадлежатъ почти три четверти всѣхъ застрахованныхъ [2]), и въ областныя кассы инвалидности, то окажется слѣдующее:

	Въ Англіи. — (страхованіе на случай болѣзни и инвалидности).	Въ Германіи. страхованіе на случай болѣзни	инвалид.	всего
При зар. въ 30 ш. въ нед. вз. равн.	4 п.	$8^1/_2$ п.	$2^1/_4$ п.	$10^3/_4$ п.
» » » 27 » » » » »	4 »	$7^1/_2$ »	$2^1/_4$ »	$9^3/_4$ »
» » » 24 » » » » »	4 »	$6^3/_4$ »	$2^1/_4$ »	9 »
» » » 20 » » » » »	4 »	$5^1/_2$ »	$1^3/_4$ »	$7^1/_4$ »
» » » 15 » » » » »	3 »	$4^1/_2$ »	$1^1/_2$ »	$5^3/_4$ »
» » » 12 » » » » »	1 »	$3^1/_4$ »	$1^1/_2$ »	$4^3/_4$ »
» » » 9 » » » » »	0 »	$2^1/_2$ »	$1^1/_4$ »	$3^3/_4$ »
» » » 6 » » » » »	0 »	$1^3/_4$ »	$^3/_4$ »	$2^1/_2$ »

Итакъ, выгода далеко не на сторонѣ германскаго рабочаго. Чтобы получить денежное пособіе въ 10 ш. во время болѣзни, германскій рабочій, зарабатывающій 20 ш. въ недѣлю, обязанъ вносить еженедѣльно по $5^1/_2$ п., а вмѣстѣ со взносомъ, обезпечивающимъ ему, послѣ 20-лѣтняго страхованія, пенсію инвалидности въ

---

[1]) Государство здѣсь только добавляетъ къ каждой пенсіи инвалидности по 50 марокъ.

[2]) Члены «мѣстныхъ больничныхъ кассъ» вносятъ, въ среднемъ, $3^1/_2{}^0/_0$ своего заработка.

4 ш. $8^1/_2$ п.—$7^1/_4$ п. Зарабатывающій столько же англійскій рабочій получаетъ то же 10 шиллинговое пособіе и ту же пенсію въ 5 ш., уплачивая всего 4 п., т. е. *почти вдвое меньше.*

Но помимо этого, слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что обычно англійскій рабочій, зарабатывающій въ недѣлю 20 ш. или болѣе, и до вступленія въ силу «Акта о національномъ страхованіи» обезпечивалъ себя на случай болѣзни и инвалидности. Контингентъ застрахованныхъ въ «обществахъ взаимопомощи» въ 1910 г. опредѣлялся внушительной цифрой въ шесть съ половиною милліоновъ человѣкъ. Минимальный взносъ въ этихъ обществахъ установленъ въ 6 п. въ недѣлю. Взамѣнъ этого взноса рабочій получалъ не больше, а въ иныхъ отношеніяхъ и меньше того, что ему даетъ теперь обязательное страхованіе при взносѣ съ его стороны только 4 п. въ недѣлю въ тѣ же самыя «общества взаимопомощи»: послѣднія фактически—въ качествѣ главныхъ контрагентовъ по проведенію страхованія — будутъ получать на каждаго застрахованнаго, 9 п., такъ какъ хозяева и государство, по акту 1911 г., также участвуютъ въ составленіи страховыхъ фондовъ. Такимъ образомъ, съ вступленіемъ въ силу Акта 1911 г., у многихъ англійскихъ рабочихъ окажется еженедѣльное сбереженіе минимумъ въ 2 п., которое можетъ быть употреблено, если они того пожелаютъ, на такъ называемое «дополнительное страхованіе». Актъ о національномъ страхованіи» *не обязываетъ* къ такого рода страхованію, но *допускаетъ* его и даже поощряетъ. Установленное имъ денежное пособіе, хотя и служитъ большимъ подспорьемъ для рабочихъ въ случаѣ болѣзни или инвалидности, все же не составляетъ и половины заработка квалифицированнаго рабочаго. А при добавочномъ взносѣ въ 2 - 3 п. въ недѣлю «общества взаимопомощи», по своимъ уставамъ, могутъ выдавать уже не 10, а 15 или 17 ш. 6 п. Нужно полагать, что предусмотрительность, столь развитая у англійскихъ рабочихъ, продиктуетъ тѣмъ изъ нихъ, трудъ которыхъ наилучше оплачивается, именно это «дополнительное страхованіе». Сама жизнь, поэтому, установитъ извѣстную дифференціацію взносовъ для рабочихъ съ заработкомъ больше 2 ш. 6 п. въ день и, соотвѣтственно этому, нѣкоторое разнообразіе въ размѣрѣ денежныхъ пособій.

Можетъ возникнуть еще вопросъ, почему общая сумма взносовъ за застрахованнаго опредѣлена именно въ 9 п. Въ одномъ изъ оффиціально опубликованныхъ, пояснительныхъ къ акту 1911 г., писемъ Ллойдъ Джорджа мы находимъ слѣдующую сводку расходовъ.

Врачебная помощь потребуетъ	1,51	пенса
Лѣченіе въ санаторіяхъ и т. п. учрежд.	0,32	»
Администрація »	0,92	»
Пособіе роженицамъ »	0,64	»
Денежныя пособія во время болѣзни	2,16	»
» » » » инвалидности	0,78	»
Резервный фондъ »	0,67	»

Всего, слѣдовательно, только 7 п. Изъ 9 пенсоваго взноса остается въ недѣлю по 2 п. на каждаго застрахованнаго, или свыше пяти съ половиной милліоновъ ф. ст. въ годъ со всѣхъ застрахованныхъ. Этотъ излишекъ имѣетъ спеціальное назначеніе. Въ настоящее время онъ предназначается для покрытія естественнаго дефицита, который будетъ получаться въ переходный, исчисляемый авторами акта 1911 г. въ 15—16 лѣтъ, періодъ страхованія. Напомнимъ, что согласно «Акту о національномъ страхованіи», съ момента вступленія его въ силу, обязательному страхованію подлежатъ *всѣ* рабочіе отъ 16-лѣтняго до 65-лѣтняго возраста включительно. Наряду съ молодыми, болѣющими сравнительно рѣдко, будутъ застрахованы и пожилые люди, болѣе склонные къ серіознымъ и длительнымъ заболѣваніямъ. Послѣдніе, не успѣвъ еще обезпечить себѣ фактическое право на пособія опредѣленнымъ количествомъ взносовъ, формально право это будутъ имѣть черезъ полгода по вступленію въ число членовъ «общества взаимопомощи». Пособія, выдаваемыя этому разряду застрахованныхъ, явятся тяжелымъ бременемъ для страхового фонда, вызывая постоянный дефицитъ. Излишекъ въ 2 п. съ каждаго застрахованнаго совершенно покроетъ послѣдній. Черезъ 16 лѣтъ этотъ начальный дефицитъ будетъ ликвидированъ и въ кассахъ «общества взаимопомощи», благодаря 2 п. недѣльному излишку, станутъ накопляться свободные капиталы. Они будутъ использованы, согласно акту, для увеличенія размѣровъ денежнаго пособія и для дальнѣйшаго расширенія дѣятельности органовъ страхованія.

Таковъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, «актъ о національномъ страхованіи». Въ богатый, сравнительно, опытъ континентальныхъ странъ онъ вноситъ рядъ существенныхъ измѣненій, значительно повышающихъ степень обезпеченности больныхъ и инвалидныхъ рабочихъ. Несмотря на огромную цѣнность его для застрахованныхъ, онъ требуетъ со стороны послѣднихъ несравненно меньше матеріальныхъ жертвъ, чѣмъ какой-либо другой изъ существующихъ законовъ о страхованіи на случай болѣзни и инвалидности. Какіе

бы дефекты ни обнаружились въ актѣ 1911 г. при примѣненіи его на практикѣ, онъ является несомнѣнно однимъ изъ крупнѣйшихъ актовъ современной соціальной политики.

А. Чекинъ.

АЛКОГОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИЛИ АЛКОГОЛЬНОЕ ОЗДОРОВЛЕНІЕ.

Вопросъ алкоголизма въ Россіи, въ сферѣ общественной мысли, совершаетъ эволюцію. Отъ выясненія различныхъ его сторонъ начинается переходъ на практическую почву алкогольнаго оздоровленія.

Страшный вредъ алкоголизма, съ точки зрѣнія здоровья населенія, его нравственности и физической трудоспособности, а слѣдовательно и экономической его жизни, настолько выясненъ соединенными трудами ученыхъ и общественныхъ дѣятелей разныхъ странъ, что въ настоящее время центръ тяжести вопроса заключается главнымъ образомъ въ осуществленіи мѣропріятій, которыми можно было бы ослабить все растущее зло до возможнаго его искорененія.

Въ этомъ смыслѣ вопросъ раздѣляется на двѣ практическія задачи: одна заключается въ помощи пострадавшимъ отъ алкоголизма, которыхъ у насъ безчисленное множество, другая—въ устраненіи самой причины алкоголизма.

Ни та, ни другая задача не терпитъ отлагательства. Алкоголизація населенія является въ полномъ смыслѣ слова государственнымъ зломъ, которое не только губитъ силы нынѣшняго населенія, но, при доказанномъ вліяніи алкоголизма на потомство, обрушивается всею своею тяжестью еще и на будущія поколѣнія, которыя при постоянно растущей алкоголизаціи окажутся во всѣхъ отношеніяхъ еще хилѣе настоящаго.

Вотъ почему та страна, которая раньше освободится отъ «алкогольнаго зла имѣетъ всѣ шансы выиграть предъ другими», благодаря возрожденію ея населенія.

Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что огромная масса населенія Россіи въ отношеніи алкоголизаціи по сравненію съ другими странами находится не въ лучшихъ условіяхъ—какъ думаютъ нѣкоторые, основываясь на голой цифрѣ средняго потребленія алкоголя, а наоборотъ—въ значительно худшихъ, ибо у насъ потребле-

ніе алкоголя въ населеніи распредѣляется крайне неравномѣрно, если принять во вниманіе малопьющее мусульманское и еврейское населеніе, а также наше старообрядчество и трезвенное сектантство.

Принявъ въ соображеніе значительную численность этихъ группъ населенія (какъ извѣстно, однихъ татаръ у насъ свыше 16 милл., старообрядцевъ свыше 30 милл.), то станетъ очевиднымъ, что на каждаго человѣка изъ остальной части населеніи придется цифра, превышающая среднее душевое потребленіе алкоголя въ разныхъ странахъ Западной Европы.

Съ другой стороны, зло нашей страны заключается въ томъ, что огромная масса потребляемаго спирта предоставляется населенію въ крѣпкомъ растворѣ, въ видѣ 40% водки. Между тѣмъ съ научной точки зрѣнія неоспоримо, что большая концентрація вводимаго въ организмъ алкоголя дѣйствуетъ много губительнѣе, нежели алкоголь, вводимый въ болѣе слабыхъ растворахъ. Слѣдовательно, и въ этомъ отношеніи мы находимся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели западно-европейскія страны. Отсюда очевидно, что медлить болѣе съ «алкогольнымъ оздоровленіемъ» нельзя, ибо оказаться въ этомъ важномъ дѣлѣ позади другихъ—значитъ обречь себя на отставаніе во всемъ: въ народной нравственности, въ трудоспособности населенія, въ народной энергіи, даже въ умственныхъ качествахъ народа.

Однако до сихъ поръ сколько ни говорятъ о вредѣ пьянства въ алкогольныхъ комиссіяхъ и на алкогольныхъ съѣздахъ, нѣтъ даже выработаннаго плана борьбы съ назрѣвшимъ зломъ.

Раздающіяся при этомъ нападки по адресу производителей спиртныхъ напитковъ совершенно естественны, но, къ сожалѣнію, рѣдко сопровождаются указаніями, что же надо дѣлать, въ чемъ должна заключаться программа «алкогольнаго оздоровленія».

Само собою разумѣется, что думскій законопроектъ, съ его новыми этикетками и другими палліативами вродѣ усиленія наказанія за шинкарство, такой программы не представляетъ. Единственное цѣнное и важное въ думскомъ законопроектѣ заключается въ томъ, что онъ разсчитываетъ на самодѣятельность населенія въ борьбѣ съ алкоголизмомъ и призываетъ къ рѣшенію вопроса о закрытіи винной торговли, между прочимъ, и женщинъ. Все остальное—такіе палліативы, о которыхъ и говорить не стоитъ.

Не очень давно въ «Новомъ Времени» (отъ 29-го іюня 1912 г.) появилась статья проф. Сикорскаго подъ заглавіемъ: «Алкогольная политика въ Россіи», которая какъ бы претендовала на опредѣленную программу дѣйствій.

Эта статья устанавливаетъ норму алкоголизаціи населенія Россіи

на будущія времена. Задаваясь вопросомъ: «какое количество спирта на душу въ годъ можетъ быть допущено, какъ нѣкоторая норма?»—авторъ отвѣчаетъ такъ: «Существуетъ чрезвычайно важный жизненный фактъ, который можетъ послужить основаніемъ для отвѣта на этотъ вопросъ. Когда на дешевую водку, знаменитую «дешевку», наложенъ былъ акцизъ, который затѣмъ крайне постепенно повышался изъ года въ годъ, то въ полномъ соотвѣтствіи съ повышеніемъ падало душевое потребленіе водки* (среднее для всей Россіи). Въ 1863 г. оно было 0,37 ведра безводнаго алкоголя на душу въ годъ, а въ 1893-мъ оно равнялось 0,20 на душу, т. е. на $^1/_2$ ведра сорокаградусной водки. Около этого срока произошла остановка въ движеніи цифръ, а затѣмъ началось постепенное повышеніе потребленія (введеніе казенной монополіи). Чрезвычайно вѣроятно, что 0,20 ведра, т. е. $^1/_5$ часть ведра безводнаго спирта или $^1/_2$ ведра водки на душу и есть та естественная годовая норма, которая сказалась сама собою и какая можетъ быть признана допустимой съ научно-гигіенической точки зрѣнія. Нажимомъ на акцизъ можно поддерживать уровень этой нормы безъ особаго потрясенія финансовъ».

Такимъ образомъ $^1/_2$ ведра водки въ среднемъ на душу населенія, по г. Сикорскому, признается цифрой *допустимой съ научно-гигіенической точки зрѣнія.* Если мы сдѣлаемъ простой расчетъ на рюмки, то $^1/_2$ ведра водки — или 10 бутылокъ — составитъ около 200 настоящихъ полныхъ рюмокъ на каждую душу населенія, а если принять во вниманіе, что женщины вообще пьютъ сравнительно мало, если исключить дѣтей до 15-ти-лѣтняго возраста и затѣмъ вспомнить указанное выше неравномѣрное распредѣленіе спиртныхъ напитковъ въ различныхъ частяхъ населенія, то выйдетъ, что по «алкогольной политикѣ» проф. Сикорскаго пьющій элементъ въ Россіи можетъ, будто бы съ одобренія научной гигіены, потреблять въ среднемъ по нѣсколько рюмокъ въ день 40% водки. Благодаря этой политикѣ, «у алкоголя будетъ обезвреженo его ядовитое жало, и онъ войдетъ въ границы бойкой и вѣрной статьи государственныхъ доходовъ безъ побочныхъ вредностей, на какія онъ способенъ по самой природѣ своей».

Совершенно ясно, что придерживаться такой «алкогольной политики»—значило бы узаконить опредѣленную «норму» народнаго пьянства, что, очевидно недопустимо со всѣхъ точекъ зрѣнія. Съ тѣхъ поръ, какъ доказанъ безусловный вредъ алкоголя съ научно-гигіенической точки зрѣнія, не можетъ быть даже и рѣчи о научномъ одобреніи потребленія такъ называемыхъ малыхъ дозъ алкоголя. Всѣмъ извѣстно, притомъ, что начало всегда выражается малыми дозами, которыя постепенно переходятъ въ дозы все большія и

большія по закону тяготѣнія ко всѣмъ вообще наркотическимъ ядамъ, къ каковымъ относится прежде всего алкоголь по характеру своего дѣйствія.

Да и можетъ ли быть вообще какая-либо «алкогольная политика», имѣющая въ виду здоровье населенія?

Мы полагаемъ, что въ данномъ вопросѣ можетъ быть рѣчь не объ «алкогольной политикѣ», а лишь объ «алкогольномъ оздоровленіи», заключающемся въ стремленіи къ возможно полному устраненію того зла, которое именуется алкоголизмомъ, независимо отъ какихъ бы то ни было финансовыхъ соображеній. Экономическій ущербъ, наносимый странѣ потребленіемъ алкоголя, такъ великъ, что съ устраненіемъ его государственные финансы только выиграютъ, а не проиграютъ, не говоря уже объ ежегодномъ сбереженіи страною одного милліарда рублей, нынѣ пропиваемаго населеніемъ.

Можно ли даже выразить въ цифрахъ весь экономическій и моральный ущербъ, происходящій отъ потребленія алкоголя, если принять въ соображеніе тѣ жертвы, которыя приноситъ страна на алтарь Бахуса въ видѣ усиленія преступности и хулиганства, въ видѣ массы душевно- и нервно-больныхъ, а также одержимыхъ другими болѣзнями (внутренними, хирургическими и т. п.), обусловленными алкоголизмомъ, въ видѣ инвалидности всякаго рода, включая и преждевременную старость алкоголиковъ, въ видѣ огромной массы ежегодно погибающихъ отъ опоя и отъ самоубійствъ въ связи съ алкоголемъ, въ видѣ многихъ тысячъ гибнущихъ хотя и отъ случайныхъ причинъ, но въ прямой или косвенной зависимости отъ алкогольныхъ излишествъ, въ видѣ невѣроятно большого числа мрущихъ дѣтей въ семьяхъ алкоголиковъ, въ видѣ безпомощныхъ членовъ ихъ семей, содержимыхъ послѣ ихъ преждевременной смерти или раззоренія въ пріютахъ, и пр. и пр.

Съ распространеніемъ алкоголя въ населеніи страна не только проигрываетъ и матеріально, и морально, но и существенно обременяетъ свой государственный бюджетъ чрезмѣрными тратами на содержаніе тюремъ, домовъ трудолюбія, всевозможныхъ пріютовъ, богадѣленъ, больницъ, колоній и т. п.

Наконецъ, физическая хилость пьющаго рабочаго, умственная вялость интеллигента-алкоголика, нравственное и физическое вырожденіе потомства алкоголиковъ—развѣ это не прямой ущербъ, ослабляющій экономическія и нравственныя силы населенія?

Итакъ, можно ли говорить въ данномъ вопросѣ объ интересахъ фиска, хотя бы въ видѣ нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ рублей, когда зло, проистекающее отъ распространенія алкоголя, страшно

отягчаетъ бюджетъ по многимъ статьямъ расхода и въ то же время ослабляетъ населеніе экономически и морально, создавая лишь миражъ бюджетнаго благополучія? Въ этомъ вопросѣ двухъ мнѣній быть не можетъ: настоятельно необходима систематическая борьба съ алкоголизмомъ, къ которой желательно привлечь возможно широкіе круги общества и законодательныя сферы.

Въ то же время необходимо озаботиться выясненіемъ наиболѣе раціональныхъ мѣръ борьбы съ алкоголизмомъ и съ распространеніемъ алкоголя въ населеніи.

Мнѣ кажется, что планъ «алкогольнаго оздоровленія» уже давно намѣченъ—конечно, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ,—коллективнымъ умомъ врачей-психіатровъ на второмъ съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ въ Кіевѣ, гдѣ, согласно моему предложенію, какъ предсѣдателя, была образована особая комиссія, постановленіе которой, принятое единогласно съѣздомъ, является въ то же время и резолюціей самого съѣзда.

Эта резолюція заключается въ слѣдующемъ:

1) Алкоголики, какъ больные, должны подлежать индивидуальному леченію всѣми признанными современной медициной наиболѣе пригодными для этого мѣрами, каковы: а) временныя убѣжища для лицъ, находящихся въ состояніи остраго опьяненія, амбулаторіи для алкоголиковъ, могущихъ пользоваться на ходу гипнозомъ и другими физіо-терапевтическими и фармацевтическими средствами, б) лечебницы для стаціонарныхъ больныхъ.

2) Этимъ отнюдь не разрѣшается общій и основной вопросъ о борьбѣ съ алкоголизмомъ, какъ народномъ злѣ; для послѣдней цѣли главнѣйшей правильной мѣрой является отказъ правительства отъ пользованія виномъ для фискальныхъ цѣлей, а съ другой стороны—проведеніе въ жизнь самыхъ широкихъ реформъ и поднятіе благосостоянія массъ путемъ пріобщенія ихъ ко всѣмъ плодамъ современной европейской культуры.

Въ этихъ двухъ краткихъ положеніяхъ выражено все главное, что необходимо въ дѣлѣ борьбы съ алкоголизмомъ; въ общихъ чертахъ въ нихъ начертана вся программа этой борьбы. Въ этихъ двухъ краткихъ положеніяхъ «мысль» доведена до своего предѣла, какъ я говорилъ въ своемъ привѣтственномъ словѣ при открытіи перваго Съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ [1]).

Ни въ алкогольныхъ комиссіяхъ, ни на алкогольныхъ съѣздахъ, при массѣ споровъ и часто совершенно безплоднаго суесловія,

---

[1]) См. труды названнаго съѣзда и обозр. психіатріи 1910.

ничего по существу не прибавлено новаго къ этимъ двумъ основнымъ положеніямъ, а скорѣе многое убавлено. Такъ напримѣръ, на первомъ съѣздѣ по борьбѣ съ пьянствомъ предлагалась замѣна водки, при постепенномъ пониженіи ея крѣпости, пивомъ, которое должно быть признано почему-то «національнымъ» напиткомъ; на послѣднемъ же съѣздѣ въ г. Москвѣ предлагалась въ видѣ «проекта точнаго искорененія пьянства» продажа одной бутылки водки не иначе, какъ вмѣстѣ съ пудомъ сахара. Другой докладчикъ на Московскомъ съѣздѣ, выставляя, какъ положеніе, что «леченіе народныхъ массъ отъ алкоголизма и алкогольной наслѣдственности можетъ быть выполнено только духовенствомъ», призывалъ послѣднее къ пользованію лечебнымъ методомъ внушенія. «Коллективная» мысль на Московскомъ съѣздѣ сдѣлала существенный шагъ назадъ, несмотря на то, что «температура» съѣзда къ концу стала замѣтно подниматься, а отдѣльные члены съѣзда, благодаря очевидно свойству своей натуры, не воздержались отъ излишнихъ, недопустимыхъ вообще въ научныхъ собраніяхъ, рѣзкостей по адресу другихъ членовъ, сотрудниковъ того же съѣзда.

Возвращаюсь къ резолюціи второго психіатрическаго съѣзда. Осуществленіе первой ея половины имѣетъ особое значеніе; пострадавшимъ отъ алкоголя: при существованіи винной монополіи правительство обязано помочь не только въ силу извѣстнаго нравственнаго императива, но и въ виду опредѣленныхъ государственныхъ соображеній, вызываемыхъ необходимостью возвратить спившихся къ трезвой жизни и къ здоровому труду, уменьшить преступность въ населеніи и развитіе все растущаго хулиганства и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабить или устранить дегенерацію потомства, что угрожаетъ бѣдствіями государству и въ будущемъ. Эта задача до сихъ поръ осуществлялась крайне вяло, вслѣдствіе ничтожности отпускаемыхъ на этотъ предметъ средствъ, часто идущихъ, притомъ, не по прямому своему назначенію. Страна нуждается въ лечебницахъ и амбулаторіяхъ для алкоголиковъ, которыхъ въ сущности нѣтъ или почти нѣтъ,—а вмѣсто того устраиваютъ разныя увеселенія для здороваго народа, пріучая его тѣмъ самымъ къ праздности и слѣдовательно опять-таки къ алкоголизму, ибо праздность и алкоголизмъ—близкіе братья. Сегодня увеселенія проходятъ съ пивомъ, допускаемымъ въ народныхъ домахъ, а завтра подобныя же увеселенія въ другомъ мѣстѣ пойдутъ уже съ водкой.

Что касается собственно лечебныхъ заведеній для алкоголиковъ, то ими у насъ не были обставлены даже столицы, и только недавнее открытіе въ Петербургѣ Экспериментально-Клиническаго Института по изученію алкоголизма въ нѣкоторой степени попол-

нило этотъ пробѣлъ, знаменуя собою начало обращенія правительства на путь необходимой помощи пострадавшему населенію. Чрезвычайно важно, что выше указанная помощь началась съ устройства клиники, ибо помощь алкоголикамъ требуетъ соотвѣтственной научной обстановки и подготовленія необходимаго для этого врачебнаго персонала. Гдѣ же, какъ не въ соотвѣтствующей клиникѣ, можно обучиться надлежащему уходу за больнымъ алкоголикомъ и соотвѣтственнымъ методамъ физическаго и психическаго леченія алкоголизма? Гдѣ, какъ не въ клиникѣ, можно изучить наиболѣе полнымъ образомъ больной организмъ алкоголика и путемъ предварительныхъ опытовъ на животныхъ установить новые методы его леченія, не говоря уже объ изученіи на практикѣ методовъ внушенія и психо-терапіи? Вѣдь въ Россіи нѣтъ до сихъ поръ ни одного пункта, гдѣ бы врачъ, желающій изучить эти методы, какъ для леченія алкоголиковъ и морфинистовъ, такъ и для леченія больныхъ другихъ категорій, могъ бы практически ознакомиться съ правильнымъ ихъ примѣненіемъ.

Кромѣ врачебной помощи населенію, Экспериментально-Клиническій Институтъ по изученію алкоголизма, особенно при расширеніи его необходимыми лабораторіями, дастъ возможность образовать кадръ врачей, желающихъ научно и практически работать на новомъ поприщѣ медицинской дѣятельности. Въ Институтѣ, конечно, будутъ работать не только свои врачи, но и пріѣзжіе изъ провинціи, которые, подготовившись, могутъ приложить свои силы въ амбулаторіяхъ или соотвѣтственныхъ лечебницахъ, которыя постепенно должны устраиваться по губерніямъ.

Вообще дѣло устройства лечебныхъ учрежденій для алкоголиковъ у насъ еще впереди. Для осуществленія его должны быть отпускаемы соотвѣтственныя средства, а не тѣ крохи, которыя теперь выдаются на этотъ предметъ попечительствамъ о народной трезвости, не говоря о томъ, что и самыя попечительства должны быть кореннымъ образомъ преобразованы.

Другая и, безъ сомнѣнія, особо важная сторона вопроса борьбы съ алкоголизмомъ состоитъ, какъ гласитъ вышеприведенная резолюція, въ отказѣ правительства отъ пользованія виномъ для фискальныхъ цѣлей, въ осуществленіи широкихъ реформъ и въ поднятіи благосостоянія народныхъ массъ. Нѣтъ надобности распространяться здѣсь о значеніи для «алкогольнаго оздоровленія» страны экономическаго поднятія народныхъ массъ, и широкихъ реформъ, потому что это само собою разумѣется, ибо нельзя серьезно говорить объ «алкогольномъ оздоровленіи» массъ населенія безъ созданія соотвѣтственныхъ условій для трудящихся классовъ населенія,

безъ повышенія ихъ матеріальнаго благосостоянія, безъ ихъ просвѣщенія и широкаго предоставленія имъ духовной, не развращающей пищи и въ особенности безъ обезпеченія самодѣятельности населенія въ борьбѣ съ алкоголизмомъ и съ другими народными бѣдами. Во всякомъ случаѣ чрезвычайно важно указаніе съѣзда на необходимость отказа правительства отъ пользованія виномъ для фискальныхъ цѣлей.

Всякому должно быть ясно, что ни о какой радикально-предупредительной борьбѣ съ развитіемъ алкоголизма у насъ въ Россіи не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока не измѣнится кореннымъ образомъ взглядъ на алкоголь, какъ на источникъ государственнаго дохода. Этотъ источникъ долженъ разсматриваться не какъ желательный и неотъемлемый, а какъ неизбѣжное пока зло, въ ближайшее время подлежащее устраненію. Доходъ съ обложенія водки подлежитъ постепенной замѣнѣ другими доходами, съ переложеніемъ налога на другіе предметы, какъ это сдѣлали Финляндія и Швеція, какъ собираются это сдѣлать въ Исландіи и въ Новой Зеландіи, гдѣ имѣетъ быть проведенной запретительная система по отношенію къ продажѣ алкоголя.

Дѣло финансоваго вѣдомства найти и у насъ средства замѣны дохода съ водки другими доходами. Пока эта возможность не найдена и реформа въ этомъ направленіи еще не осуществляется, нельзя допустить, чтобы дѣло ограничивалось исключительно Сизифовой работой въ смыслѣ врачебной помощи пострадавшему населенію и тѣмъ, которыхъ ожидаетъ та же участь въ будущемъ. Систематическое проведеніе, законодательнымъ путемъ, предупредительныхъ мѣропріятій возможно и въ настоящее время. Дѣло должно двигаться впередъ съ одной стороны подъ вліяніемъ пропаганды идей трезвости въ населеніи (особенно при посредствѣ школъ всѣхъ типовъ, церковной каѳедры, показательныхъ выставокъ, музеевъ, различныхъ изданій, обществъ трезвости, народныхъ домовъ или клубовъ безъ продажи алкоголя и пр.), съ другой—подъ вліяніемъ проведенія въ жизнь законопроектовъ, ограничивающихъ время, мѣсто и продажу спиртныхъ напитковъ, и устраняющихъ сильно распространенное нынѣ шинкарство и т. наз. «алкогольную провокацію», которую мы теперь всюду встрѣчаемъ въ бойкихъ мѣстахъ, въ видѣ бутылочныхъ батарей съ разнаго рода алкогольными напитками. Необходимо, въ то же время возможно широкое распространеніе разнаго рода безалкогольныхъ или мало содержащихъ алкоголь напитковъ.

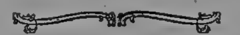
Развитіе предупредительныхъ мѣръ борьбы съ алкоголизмомъ должно идти впередъ подъ напоромъ непреложной логики, не до-

пускающей примиренія съ тѣмъ, чтобы бюджетное благополучіе государства устраивалось на счетъ здоровья народа.

Чтобы предупредительныя мѣропріятія были цѣлесообразны и осуществимы, необходимо внимательно изучать какъ экономическія и соціальныя, такъ и психологическія условія алкоголизма; въ противномъ случаѣ реформы будутъ сводиться къ сомнительнымъ палліативамъ, въ родѣ перемѣны этикетокъ или измѣненія размѣровъ посуды для продаваемой водки.

Возрожденіе Россіи требуетъ серьезной и планомѣрной работы въ смыслѣ «алкогольнаго оздоровленія», а не «алкогольной политики».

В. Бехтеревъ.

РИМСКАЯ НАРОДНАЯ САТИРА.

На одномъ изъ угловъ стараго палаццо Браски, занятаго теперь министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, лицомъ къ небольшой площади, стоитъ на простомъ пьедесталѣ изъ травертина искалѣченная античная статуя. У нея отбиты ноги и руки, совершенно сбито лицо; по остаткамъ другого, примыкающаго къ ней мужского торса, можно заключить, что это была группа, изображавшая, вѣроятно, двухъ воиновъ. Одни думаютъ, что главный торсъ принадлежалъ мраморному изображенію одного изъ солдатъ Александра Великаго; другіе полагаютъ, что это былъ гладіаторъ или Персей; третьи находятъ, что торсъ могъ бы сдѣлать честь самому Геркулесу; по мнѣнію же большинства историковъ искусства группа изображала Патрокла, убитаго Гекторомъ и вынесеннаго изъ боя Менелаемъ. Во всякомъ случаѣ статуя слишкомъ попорчена чьими-то безжалостными руками и столько же временемъ и непогодой, чтобы стоило спорить о ней долго или отводить ей мѣсто въ музеѣ. Но истинное ея имя и происхожденіе извѣстно только римскому простолюдину; онъ знаетъ, что это—знаменитый Пасквино, острякъ и ругатель, неизмѣнный собесѣдникъ мраморнаго аристократа Марфоріо, стоящаго во дворѣ Капитолійскаго музея и нѣкогда олицетворявшаго Океанъ.

Исторіи или легендѣ угодно, чтобы въ началѣ 16 вѣка жилъ

въ Римѣ портной, по имени Пасквино (Pasquino), большой весельчакъ и зубоскалъ. Онъ успѣвалъ кроить и шить кафтаны своимъ заказчикамъ, одновременно болтая съ многочисленными посѣтителями его лавочки и перемывая косточки не столько ближнимъ, сколько сильнымъ міра сего и держащимъ бразды правленія. Каламбуры и остроты Пасквино живо облетали весь Римъ и, конечно, доходили до ушей тѣхъ, кто служили имъ мишенью. Но развѣ можно было доказать точно, кто былъ авторомъ колкихъ анекдотовъ, прошедшихъ черезъ сто устъ? Притомъ каждый изъ власть имущихъ утѣшался тѣмъ, что остроты Пасквино не щадили никого: сегодня доставалось ему, а завтра перепадало вдвое его сопернику.

Такъ какъ по тому времени Пасквино еще не былъ статуей, а былъ простымъ смертнымъ, то въ одинъ печальный для него день онъ умеръ. Римъ остался безъ остряка, и некому стало отзываться на злобы дня, которыхъ было много. И вотъ въ скоромъ времени, при починкѣ мостовой близъ лавочки портного, была найдена въ землѣ безносая, безрукая и безногая статуя. Народъ немедленно провозгласилъ ее воскресшимъ Пасквино. Статую поставили у палаццо Браски, принадлежавшаго тогда Орсини, гдѣ она благополучно стоитъ и по сей часъ.

Разумѣется Пасквино воскресъ не для того, чтобы молчать. Едва успѣли утвердить его на пьедесталѣ, какъ на шеѣ у него оказался навѣшеннымъ картонъ со злой выходкой противъ кардинала, бывшаго въ фаворѣ. Прежде чѣмъ догадались снять картонъ—новая острота Пасквино облетѣла уже весь городъ. Вскорѣ вывѣшивать эпиграммы и діалоги на статуѣ Пасквино сдѣлалось обычаемъ столь же неизмѣннымъ, какъ прежде былъ обычай заходить въ лавочку портного. Такъ какъ Пасквино долженъ былъ имѣть собесѣдника, то таковаго онъ нашелъ себѣ въ лицѣ Марфоріо, и «пасквинаты» [1]) писались обычно въ видѣ діалога между плебеемъ и аристократомъ, впрочемъ—большими пріятелями.

Какъ я уже сказалъ, подъ именемъ Марфоріо разумѣется колоссальная статуя летающаго Океана, найденная на форумѣ Марса, откуда и произошло ея названіе, и перенесенная въ Капитолій по приказу папы Климента XII. Почетъ, оказанный этой статуѣ, обратилъ Марфоріо въ самодовольнаго аристократа и придворнаго, тогда

[1]) *Пасквината,* слово употребительное и теперь, означаетъ вообще летучую эпиграмму. Пасквино иначе называли Пасквилло (Pasquillo); отсюда произошло слово *пасквиль.* По другимъ преданіямъ, Пасквино былъ школьнымъ учителемъ, а статуя Менелая была найдена еще при постройкѣ дворца Орсини (ок. 1300 г.) и поставлена гораздо раньше смерти Пасквино.

какъ Пасквино, живущій на улицѣ, остался плебеемъ и выразителемъ мнѣній народа. Папы, которымъ злой языкъ Пасквино причинялъ не мало непріятностей, покушались даже на его мраморную жизнь. Джузеппе Петраи, авторъ старой, нѣкогда очень извѣстной книжки «Roma aneddotica», которою я здѣсь пользуюсь, сообщаетъ, что еще Климентъ VIII хотѣлъ покончить съ болтливымъ обрубкомъ, бросивъ его въ Тибръ. Защитникомъ его выступилъ Торквато Тассо, который сказалъ: «Не дѣлайте этого! Изъ песку на берегахъ рѣки народится безконечное множество лягушекъ, которыя день и ночь будутъ неуважительно квакать по вашему адресу». Заступничествомъ поэта былъ спасенъ народный сатирикъ.

Не съ однимъ Марфоріо водилъ компанію Пасквино. Иногда онъ велъ бесѣды съ другими пріятелями — мадамой Лукреціей, аббатомъ Луиджи, Бабуино и другими. «Мадама Лукреція» — колоссальный античный бюстъ, стоящій въ портикѣ церкви св. Марка. Возможно, что это былъ бюстъ Изиды, культъ которой былъ не чуждъ и римлянамъ. Другіе предполагаютъ, что это бюстъ римской матроны Лукреціи, которая покончила съ собой, будучи не въ силахъ пережить позора, причиненнаго ей сыномъ Тарквинія Гордаго. Въ старыя времена ее звали «мадонна Лукреція», и былъ обычай, въ престольный праздникъ церкви св. Марка, одѣвать ее въ парадныя платья и надѣвать ей на голову модный головной уборъ и шарфъ. Такимъ образомъ «мадама Лукреція» стала очень популярной.

Что касается до аббата Луиджи, то его исторія также любопытна и немножко напоминаетъ исторію самого Пасквино. Въ одной изъ церквей на нынѣшнемъ Корсо Витторіо Эмануэле былъ церковный служка, столько же безобразный наружностью, сколько находчивый въ перебранкахъ; называли его «аббатъ Луиджи». Онъ былъ настолько популяренъ, что многіе приходили спеціально послушать, какъ онъ парировалъ языкомъ сыпавшіяся на него насмѣшки. Когда смерть отняла у римлянъ эту забаву, именемъ аббата Луиджи окрестили совершенно обезображенную и безформенную статую, также античную, стоявшую въ маленькомъ скверѣ на одной изъ ближнихъ улицъ. Теперь этой статуи уже нѣтъ. О ней и раньше заботились мало, и рѣшетка, ее окружавшая, не мѣшала превращенію убѣжища аббата Луиджи въ безплатную общественную уборную. Когда прокладывали нынѣшнюю широкую улицу (Корсо Витторіо), статуя куда-то исчезла. Но въ прежнія времена аббатъ Луиджи былъ достойной парой Пасквино и имя его постоянно фигурировало въ діалогахъ на картонахъ, появлявшихся то на пьедесталѣ Пасквино, то на шеѣ у самого аббата Луиджи.

Изъ прочихъ, менѣе замѣтныхъ собесѣдниковъ Пасквино, болѣе другихъ интересенъ Бабуино (Babuino — павіанъ), также античный барельефъ, отъ котораго получила названіе нынѣшняя улица via Babuino. Строго говоря, барельефъ изображалъ нѣкогда сатира, но онъ былъ такъ попорченъ временемъ, что народъ произвелъ его въ обезьяны.

Устами этихъ осколковъ сѣдой старины римскій народъ давалъ волю своему сатирическому уму и острому языку. Нѣкоторыя пасквинаты пріобрѣли большую историческую извѣстность и, въ массѣ перефразировокъ, повторяются и сейчасъ. Къ сожалѣнію вся соль этихъ остротъ и каламбуровъ совершенно исчезаетъ въ переводѣ, да и главная сила ихъ была въ ихъ злободневности. Пасквино никогда не медлилъ отозваться со своего каменнаго пьедестала на любое событіе города. Его освѣдомленность была невѣроятна; онъ зналъ всѣ сплетни папскихъ дворцовъ, всѣ тайны папской спальни, всѣ детали частной жизни нелюбимыхъ кардиналовъ. И онъ не щадилъ никого, совершенно не боясь даже такого смертнаго грѣха, какъ кощунство. Въ пасквинатахъ фигурируютъ не только папы живые и мертвые, но и святые католической церкви, и мадонна; а образный и яркій языкъ пасквинатъ не чуждается словъ самыхъ нецензурныхъ. Впрочемъ иногда Пасквино дѣлался серьезнымъ, говорилъ на высоко церковномъ латинскомъ языкѣ, что обличало его образованность. Имѣется даже пасквината, написанная стихами на четырехъ языкахъ, перемежающихся въ строчкахъ, и циркулировавшая въ Римѣ во время конклава 1831-го года. Но излюбленнымъ языкомъ Пасквино былъ, конечно, звучный римскій діалектъ, которымъ и пропечатывалась каждая смерть папы и вліятельнаго кардинала и каждый новый скандалъ въ высшихъ сферахъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ Пасквино отзывался на амурныя дѣла, отголоски которыхъ доходили до народа изъ папскихъ покоевъ. Такъ, напримѣръ, знаменитая эпитафія Пасквино на смерть Лукреціи Борджіа гласила:

Въ этой гробницѣ покоятся
останки одной женщины,
по имени Лукреціи, въ дѣйствительности Таиды,
дочери, жены и невѣстки Папы.

Неизбѣжно отзывался Пасквино и на политическія событія. Типичнымъ образчикомъ эпиграммъ этого рода можетъ служить слѣдующая. Въ 1799-мъ году въ Римѣ были воздвигнуты двѣ статуи; одна, побольше, въ честь французской республики, съ надписью: Matri Magnae; другая, поменьше, изображающая республику рим-

скую, съ надписью: Filia grata. Римскій народъ немедленно изобразилъ это каламбуромъ:

La madre magna, la fija se gratta.
(Мать ѣстъ, а дочка почесывается).

Въ саркастическихъ выходкахъ выражалъ римскій народъ и свое недовольство налогами и экономическими неурядицами. Извѣстно, напримѣръ, что Пій VI гораздо больше заботился о реставраціи античныхъ памятниковъ, чѣмъ о благополучіи народа. Въ Римѣ и сейчасъ можно повсюду видѣть надпись на реставрированныхъ монументахъ: «Munificentia Pii Sexti». Однажды, когда по случаю неурожая и голода римскіе пекари уменьшили почти на половину вѣсъ обычныхъ pagnottelle (хлѣбцевъ), утромъ на шеѣ неунывающаго Пасквино былъ найденъ привязаннымъ такой хлѣбецъ, а сопровождающая надпись гласила: «Munificentia Pii Sexti».

Апостольское служеніе и правленіе Пія Седьмого Пасквино встрѣтилъ и проводилъ краткими изреченіями. Едва конклавъ избралъ его папой, Пасквино заявилъ:

Settimo non rubare!
Седьмой (пунктъ заповѣдей), не укради.

Когда Пій VII, послѣ долгаго правленія, умеръ, Пасквино издалъ краткую молитву:

Tu dacci un buon Pastor, Spirito Santo,
Ch'ami te, ch'ami noi, e non campi tanto!
Дай намъ, Святый Духъ, Пастыря добраго,
Который любилъ бы тебя, любилъ насъ, и не жилъ такъ долго!

Въ болѣе близкія къ намъ времена, въ 1850 г., образчикъ политической и даже революціонной эпиграммы даетъ слѣдующая надпись, которую можно читать въ два столбца, но правильнѣе читать въ строку, и которая легко поддается точному переводу:

Смерть Пію Девятому
Маццини Жить вѣчно
Республика есть Лучшее изъ правленій
Позорнѣйшее изъ правленій Есть правленіе поповъ
Долой Свѣтская власть Папы
Власть народа Да царитъ вѣчно.

Въ 1859-мъ году на стѣнахъ и заборахъ появилась невиннѣйшая надпись:

Non piove.—Не идетъ дождь.

Однако папская полиція старательно уничтожала эту надпись и пыталась изловить ея авторовъ, правильно толкуя ея значеніе:

Non Pio; V. E.—Не Пій; Викторъ Эмануилъ!

Въ 1862-мъ году начали поговаривать о скоромъ бѣгствѣ папы изъ Рима. Какъ разъ въ это время, по случаю праздника св. Петра, папа приказалъ украсить соборъ; по недостатку пурпуровой матеріи, громадную базилику разукрасили внутри раскрашенными полосами бумаги. По этому поводу Марфоріо спросилъ у Пасквино:

— Правда ли, что Папа собираетъ пожитки?

— Конечно,—отвѣтилъ Пасквино;—развѣ не видишь, что онъ святого Петра въ бумагу заворачиваетъ?

Разумѣется пасквинаты подобнаго рода не всегда оставались безнаказанными. Еще Бенедиктъ XIV издалъ приказъ ловить и карать ихъ авторовъ, а въ 1833-мъ году Григорій XVI включилъ въ уголовный кодексъ статью, грозившую *смертной казнью*, конфискаціей имущества и вѣчнымъ безчестіемъ «всякому, кто осмѣлится сочинять, писать, вывѣшивать или поручать другому вывѣшивать, распространять или давать другимъ пасквинаты какого бы то ни было рода, подписанныя или анонимныя, *хотя бы въ нихъ излагалась правда*». При Піи V былъ повѣшенъ нѣкто Никола Франки за сравнительно невинную шутку; онъ оказался авторомъ надписи, найденной въ новой папской уборной. Надпись эта (въ нѣсколько смягченномъ переводѣ) гласила: «Папа Пій V, двинутый состраданіемъ ко всему, что имѣетъ въ желудкѣ, воздвигъ сей благородный монументъ». Строгость наказанія остряковъ объяснялась тѣмъ, что одному пойманному приходилось расквитываться за всѣхъ непойманныхъ.

Пасквината, какъ народная сатира, могла существовать лишь до тѣхъ поръ, пока не явилась на сцену свободная пресса и пока режимъ папскаго господства давилъ свободное слово. Дѣйствительно, послѣдняя изъ извѣстныхъ пасквинатъ появилась за три дня до занятія Рима итальянскими войсками, именно 17 сентября 1870-го года. Въ этотъ день въ храмѣ св. Петра найденъ былъ старый выцвѣтшій зонтъ, прислоненный къ купели съ святой водой. Въ зонтѣ оказалась бумажка съ восьмистишіемъ, которымъ этотъ зонтъ преподносился папѣ «на случай, если разразится гроза» [1]). Гроза дѣйствительно разразилась, свѣтская власть папъ рушилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и пасквинаты, по крайней мѣрѣ въ той

---

[1]) «Se cade il temporale»; здѣсь каламбуръ, такъ какъ то же выраженіе можетъ значить и падетъ свѣтская власть» (il potere temporale).

формѣ выраженія, какая прежде была для нихъ единственно доступной.

Но сатирическій духъ римскаго народа конечно не умеръ. Правда, новый укладъ государственной жизни, при которомъ на престолѣ былъ король, утвержденный плебисцитомъ и правившій черезъ отвѣтственное передъ парламентомъ министерство, уже не давалъ стольких темъ для рѣзкихъ нападокъ на личность правителей и власть имущихъ. Прежній рабъ намѣстника св. Петра превратился въ гражданина итальянскаго королевства. А главное— слово сдѣлалось свободнѣе, и политическая пресса пришла на смѣну заборному остроумію. И все же потребность выражать свои откровенныя мысли въ сжатой формѣ пасквинаты не умерла и по сей часъ. Пасквинату донесли до насъ главнымъ образомъ римскіе діалектальные поэты, главою которыхъ долженъ по справедливости считаться Джузеппе Джоакино Бэлли, умершій на зарѣ объединенія Италіи (въ 1863 г.). Бэлли несомнѣнно былъ авторомъ многихъ анонимныхъ каламбуровъ эпохи папскаго господства, какъ и авторомъ великаго множества характерныхъ бытовыхъ сценокъ въ стихахъ на римскомъ діалектѣ, до сихъ поръ не цѣликомъ доступныхъ итальянской публикѣ, въ виду ихъ крайней нецензурности [1]). Лучшимъ изъ премниковъ Бэлли является современный поэтъ Чезаре Паскарелла, вознесшій діалектальную поэзію на высоту эпоса. Оба эти поэта, не говоря уже о другихъ, болѣе мелкихъ, совершенно неизвѣстны за границей Италіи, между тѣмъ значеніе ихъ многимъ выше большинства современныхъ итальянскихъ литературныхъ знаменитостей. Какъ Бэлли, такъ и Паскарелла—вполнѣ національные поэты; въ ихъ произведеніяхъ итальянецъ, особенно римлянинъ, встаетъ живымъ, въ обстановкѣ своей повседневной жизни, своихъ маленькихъ интересовъ и гражданскихъ переживаній. Такого глубокаго знанія народа, его психологіи и его образнаго языка не выказалъ, конечно, никто изъ итальянскихъ писателей, которыхъ мы можемъ назвать современными, не исключая ни Леопарди, ни Джозуэ Кардуччи, ни, конечно, прославленнаго Габріэле д'Аннунціо.

Жизнь Джузеппе Джоаккино Бэлли (1791—1863) сложна и интересна, но это не столько жизнь поэта, сколько жизнь типичнаго римлянина среднихъ классовъ въ послѣдній вѣкъ папскаго владычества. Отецъ его былъ бухгалтеромъ и готовилъ сына къ тому же

1) Только на этихъ дняхъ вышло первое народное изданіе 700 избранныхъ сонетовъ Бэлли: *Giuseppe Gioacchino Belli*, Sonetti romaneschi (Римъ, 1910).

Бэлли былъ серьезнымъ и мечтательнымъ мальчикомъ, и до смерти непомѣрно строгаго отца «не чувствовалъ себя человѣкомъ». Къ 16 годамъ онъ былъ уже круглымъ сиротой, и, вмѣстѣ съ маленькими братомъ и сестрой, нашелъ неласковый пріютъ въ домѣ дяди, который, изъ экономіи, заставилъ его бросить школу и заняться счетоводствомъ. Позже, начавъ самостоятельную жизнь, Бэлли поселился въ монастырѣ капуциновъ, гдѣ онъ могъ пользоваться обширной библіотекой и самостоятельно изучилъ французскій и англійскій языки, физику и математику. Здѣсь же онъ много читалъ по итальянской литературѣ, и къ этому занятію относился съ полной серьезностью, дѣлая массу выписокъ и отмѣтокъ. Тогда же Бэлли началъ писать, стихами и прозой. Первыя его вещи отдаютъ академизмомъ и ложно-классическими пріемами. По обычаю литераторовъ того времени, Бэлли вступилъ въ «Эллинскую Академію», но не сошелся характеромъ съ товарищами, которыхъ не щадилъ въ своихъ бойкихъ сонетахъ. Затѣмъ онъ основалъ, вмѣстѣ съ другими отщепенцами, очень извѣстную впослѣдствіи Accademia Tiberina, членомъ которой оставался до конца жизни. Ради карьеры Бэлли женился на богатой вдовѣ, которой не былъ вѣренъ, но продолжалъ вести жизнь трудовую, считая себя лишь управляющимъ въ домѣ жены и получая небольшое жалованье въ качествѣ чиновника казенной службы. Какъ присяжный литераторъ, чиновникъ, почтенный отецъ семейства, коренной римлянинъ, Бэлли соприкасался со всѣми классами римскаго населенія, былъ вхожъ въ дома бѣдняковъ и кардиналовъ и могъ наблюдать римскую жизнь въ ея сложности и ея простотѣ. Писать на римскомъ діалектѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, онъ началъ рано, но сначала относился къ этому лишь какъ къ шуткѣ; литературы на «романэско» до него вообще почти не существовало. Только на сороковомъ году Бэлли посвятилъ себя вполнѣ этой оригинальной поэзіи, и къ концу жизни оставилъ около 2.150 маленькихъ діалектальныхъ сонетовъ, обезсмертившихъ его имя. Вторая половина жизни Бэлли всецѣло посвящена воспитанію сына, ради котораго онъ шелъ порою на униженія, сочиняя льстивыя письма сильнымъ міра сего, чтобы добиться выгодной и видной службы, которая обезпечила бы воспитаніе и будущую карьеру сына. Получивъ, наконецъ, порядочную пенсію, Бэлли самъ написалъ себѣ ироническую эпитафію: «Здѣсь лежитъ Бэлли—упокой его, Господи—простертый въ гробницѣ папскаго казеннаго учрежденія. Святая Коллегія бросила ему въ пасть кость доходной должности, и поэтъ несвареніемъ желудка убилъ свою музу». Къ концу жизни Бэлли сталъ мрачнымъ и подозрительнымъ старикомъ, религіознымъ

и суевѣрнымъ, проводилъ время дома, сидя въ креслѣ, шепча молитвы и перебирая четки.

Въ эпохи гоненій онъ нѣсколько разъ закупоривалъ свои сонеты въ ящикъ и передавалъ друзьямъ, съ приказомъ сжечь ихъ при первой тревогѣ, дѣлая при этомъ препроводительную надпись: «Я не признаю болѣе этихъ работъ, написанныхъ мною ради минутнаго каприза и въ эпоху, когда мой разумъ еще не установился; они совершенно не соотвѣтствуютъ интимнымъ и истиннымъ чувствамъ моего духа». Въ послѣдніе годы жизни Бэлли переводилъ гимны «Римскаго Молитвенника», былъ театральнымъ цензоромъ, кассиромъ благотворительнаго духовнаго общества, громко негодовалъ противъ «красныхъ іезуитовъ» (республиканцевъ) и омрачилъ свою память некрасивымъ сонетомъ противъ Джузеппе Маццини.

Бэлли самъ далъ правильную и исчерпывающую, хотя очень скромную оцѣнку своихъ трудовъ. «Я рѣшилъ оставить,—писалъ онъ во введеніи къ своимъ сонетамъ,—памятникъ тому, что сейчасъ представляетъ изъ себя римскій простой народъ. Въ этомъ народѣ все оригинально: его языкъ, образъ мышленія, характеръ, нравы, обычаи, навыки, понятія, вѣрованія, предразсудки, суевѣрія, однимъ словомъ все, что ему присуще, что носитъ отпечатокъ, быть можетъ чрезвычайно отличающій его отъ любого народа. Римъ не таковъ, чтобы его простолюдинъ не былъ частью одного великаго цѣлаго, именно частью города, память котораго священна».

«Изложить фразы римлянина — пишетъ Бэлли дальше, — такъ какъ онѣ ежедневно выходятъ изъ устъ его, безъ прикрасъ, безъ поддѣлокъ, безъ синтаксическихъ ухищреній и цензурныхъ урѣзокъ, кромѣ тѣхъ, которыя практикуетъ самъ римскій говорунъ; однимъ словомъ—выводить правило изъ случая и грамматику изъ обычая—вотъ моя цѣль. Я не имѣю въ виду представить въ моихъ сонетахъ народную поэзію, но представляю лишь разговоры народа, изложенные моими стихами... Не цѣломудренными, не всегда благочестивыми, хотя и исполненными религіозности и суевѣрія, покажутся и содержаніе и форма этихъ разговоровъ; но таковъ народъ. И я копирую его не съ тѣмъ, чтобы выставить его образцомъ, но съ единственной цѣлью дать вѣрное изображеніе того, что существуетъ и, прибавлю, улучшеніе чего никого не заботитъ». [1]).

Бэлли правъ. Хотя его сонеты—продуктъ творчества геніальнаго мастера и крупнаго поэта, но въ нихъ тщетно было бы искать отраженія народной поэзіи. Бэлли — идеальный фотографъ-

---

[1]) Tarnassi, Elogio storico di G. G. Belli (Римъ, 1864).

художникъ. Онъ говоритъ языкомъ римскаго простолюдина о тѣхъ предметахъ, которые того интересуютъ, но никогда не говоритъ о самомъ народѣ, даже никогда не касается тѣхъ струнъ народной души, которыя роднятъ суевѣрнаго и темнаго простолюдина съ homo sapiens. Онъ подслушиваетъ бесѣды въ кабачкѣ, на улицѣ, на театральной галеркѣ, за миской макаронъ, въ праздничной толпѣ, у двери лоттерейной лавочки; онъ фонографируетъ болтовню кумушекъ, перебранку торговокъ и извощиковъ, семейную сцену, разсужденія о высокихъ матеріяхъ, жалобы на порядки и на дороговизну жизни, объясненіе въ любви, степенную бесѣду объ античныхъ памятникахъ и историческихъ преданіяхъ. Сонеты Бэлли пестрятъ нецензурными словами, какъ пеститъ ими уличный жаргонъ; но за то онъ съ такимъ кудесническимъ искусствомъ передаетъ разговоръ, всегда въ первомъ лицѣ, что совершенно незамѣтнымъ дѣлается трудъ художника, изложившаго эту живую рѣчь четырнадцатью ямбическими строчками стихотворенія. Въ его сонетахъ на лицо весь образный и звучный діалектъ «романэско», такъ прочно сохраняющійся въ Римѣ и до сихъ поръ, хотя и обреченный на умиранье. Вставныя словечки, безпрестанная божба и ругань съ призывомъ всѣхъ святыхъ католическихъ святцъ, восклицанія, за которыми такъ и чудятся жесты,—все это еще и сейчасъ переноситъ насъ въ затибрскую сторону Рима, въ толпу почтенныхъ римскихъ матронъ изъ народа, ихъ гулящихъ мужей, запачканныхъ ребятишекъ, ведущихъ тутъ же на улицѣ всею силою легкихъ и гортани интимные разговоры. Сонеты Бэлли—истинный памятникъ исчезающему, заглушаемому европеизмомъ Риму, тому Риму, который независимъ ни отъ формъ государственнаго правленія, ни отъ морализаторскихъ поползновеній аристократическихъ благотворителей, ни отъ завоеванія Италіи европейской мыслью, Риму, уходящему въ вѣчность не потому, что онъ понялъ свой анахронизмъ и проникся цивилизаціей, а лишь потому, что его истинные сыны старѣютъ, вымираютъ, и ихъ ряды не пополняются молодежью, которая уже прочно заражена духомъ модернизма и тянетъ къ Риму новому.

Я не рискну приводить здѣсь образчики сонетовъ Бэлли. Въ переводѣ, хотя бы и самомъ точномъ, они гибнутъ совершенно: въ подлинникѣ они не доступны даже тѣмъ, кто, зная итальянскій языкъ, не владѣетъ римскимъ діалектомъ. Скажу только, что въ его сонетахъ можно почерпнуть нѣчто большее, чѣмъ точную передачу разговора римскаго простолюдина. Въ нихъ дѣйствительно отражена внѣшняя и духовная жизнь простого римлянина, все то, о чемъ упоминаетъ самъ Бэлли въ цитированныхъ выше строкахъ его «введенія къ сонетамъ». Иначе не могло и быть, разъ худож-

никъ заранѣе отказался отъ прикрасъ, личныхъ измышленій и художественнаго вымысла. «Наши простолюдины,—говоритъ Бэлли,—никакого искусства не имѣютъ, ни ораторскаго, ни поэтическаго, какъ не имѣетъ ихъ вообще никакая чернь. Все случайно исходитъ изъ ихъ природы,—всегда живое и энергичное, ибо предоставленное свободному развитію безыскусственныхъ качествъ. Объ ихъ идеяхъ и привычкахъ, объ ихъ рѣчи можно сказать лишь то, что читается на ихъ лицахъ. Почему лица городскихъ простолюдиновъ такъ отличны отъ лицъ «индивидуумовъ высшаго порядка»? Потому что мускулы ихъ лицъ, не скованные неподвижностью, предписываемою тонкимъ воспитаніемъ, свободно сокращаются подъ вліяніемъ страсти и аффекта. Народъ, не обладая искусствомъ, не имѣетъ и поэзіи. Если же, уступая натиску своей грубой и могучей фантазіи, онъ пытается создать поэзію,—онъ дѣлаетъ это съ потугами подражанія извѣстному образцу. И тогда простолюдинъ уже перестаетъ быть собою, тогда онъ обращается въ манекэна, плохо и грубо прикрытаго не по нему скроеннымъ платьемъ. Своей поэзіи у него нѣтъ, и въ этомъ очень заблуждались излагавшіе до сихъ поръ стихами римскій говоръ; они лишь дали наглядную картину борьбы искусства съ природой и побѣды природы надъ искусствомъ».

Какъ бы ни казалось самому Бэлли доказаннымъ это противорѣчіе между природой и искусствомъ, между народнымъ духомъ и поэзіей, его собственные сонеты убѣждаютъ насъ въ малой основательности его заключеній. Именно данныя имъ художественныя фонограммы римской народной рѣчи и являютъ намъ въ лицѣ этого народа поразительнаго въ своей безсознательности творца-сатирика. Что римскій простолюдинъ не творецъ и не поэтъ—это правда; но онъ забылъ или не думалъ о творчествѣ коллективномъ, которое дѣлаетъ творцомъ и поэтомъ не Тита и не Кая, а весь народъ. И быть можетъ потому, что этотъ творецъ не имѣетъ имени, для него пріискиваютъ выразительный коллективный псевдонимъ, какимъ во времена Бэлли былъ Пасквино. Безрукій, безногій и безличный Пасквино и есть то творческое начало, которое въ римскомъ народѣ проглядѣлъ такой знатокъ народа, какъ Бэлли.

Бэлли умышленно беретъ римлянина-простака, средняго, темнаго и суевѣрнаго, сталкивая его въ живой бесѣдѣ съ другимъ такимъ же простакомъ-слушателемъ. Но, не по волѣ и не по винѣ поэта, словечки, сравненія, умозаключенія этихъ простаковъ оказываются такими мѣткими и узорными, такъ вѣрно бьющими въ цѣль, что за простакомъ чувствуется притаившійся сатирикъ, ухмыляющійся въ усы. Отношеніе римскаго простолюдина къ недугамъ сво-

его быта, курьезное коверканье имъ историческихъ именъ и событій, священныхъ для Рима, вся концепція его житейской философіи, все это полно скрытой усмѣшки, все это—матеріалъ тонкаго народнаго сатирическаго творчества. Именно этимъ языкомъ говорилъ Пасквино, величайшій изъ простаковъ, конфузившій неожиданностями аристократа Марфоріо. Изъ обыденныхъ словъ, сказанныхъ случайно, безъ предвзятой цѣли, слагалась и создавалась пасквината, которая затѣмъ подхватывалась на лету, шлифовалась и гуляла по городу изъ устъ въ уста, безпокоя дворцы и вызывая запретительные законы. Она была анонимна не потому, что авторъ ея не рѣшался поставить свою подпись, но потому, что истиннымъ ея авторомъ былъ коллективъ, безсознательный творецъ и сатирикъ, римскій народъ, и прежде всего—римскій простолюдинъ.

Одно изъ раннихъ стихотвореній Бэлли даетъ намъ фонограмму разговора между сторожемъ, извощикомъ и англійскимъ туристомъ. Сторожъ, принимая на себя роль гида, разсказываетъ англичанину великолѣпныя вещи про «Rromolo e Rremolo», вскормленныхъ «при помощи одной волчицы», показываетъ ему три колонны на форумѣ, принадлежавшія, по его мнѣнію, храму какого-то Giov Esattore (Зевса-Сборщика), и Палатинъ, гдѣ король Campomarzo выстроилъ домъ, шедшій съ холма прямо подъ Collo Inquilino» [1]). Въ такомъ же духѣ сторожъ выдумываетъ свои объясненія и дальше. Разумѣется онъ—совершенный невѣжда въ своей временной профессіи и не знаетъ даже обычныхъ и ходячихъ историческихъ именъ, но смѣхъ возбуждаетъ не онъ, а его слушатель—англичанинъ; самъ же гидъ вретъ съ упоеніемъ, не стѣсняясь, да еще прибавляетъ: «Guardi, Eccellenza mia, che bel lavoro!» (Посмотрите, ваше сіятельство, какая работа прекрасная!). Извощику, который не знаетъ, «куда теперь везти эту кикомору», сторожъ разсудительно говоритъ: «Свези его, куда тебѣ покажется и понравится». Уже въ этомъ неграмотномъ простакѣ-сторожѣ чувствуется злой сатиръ! Мнѣ лично не разъ приходилось слышать со стороны объясненія итальянскихъ гидовъ, водящихъ иностранцевъ по музеямъ; по моему только невозмутимые англичане могутъ переноситъ и не понимать такое явное и сплошное надругательство надъ слушателемъ. Но спросите этого гида интимнымъ образомъ, зачѣмъ онъ несетъ всю эту, даже для него очевидную галиматью, — и онъ откро-

---

1) Campomarzo — Марсово поле, на окраинѣ Рима; Collo Inquilino— абсолютный вздоръ, дословно значащій «Шея квартиранта»; гидъ, очевидно, однимъ ухомъ слышалъ о знаменитомъ античномъ проектѣ зданія-моста, которое соединило бы холмъ Палатинскій съ холмомъ Капитолійскимъ (Collo Capitolino).

венно отвѣтитъ вамъ, что онъ придумалъ это «спеціально для англичанъ», и при этомъ такъ хитро подмигнетъ, что за нахаломъ вы невольно почувствуете сатирика.

Говоръ, жесты, повадки римлянина полны самаго неподдѣльнаго и природнаго юмора; и юморъ его далеко не добродушенъ. Для виду онъ прикидывается церковнымъ служкой, неуклюжимъ аббатомъ Луиджи; но поцарапайте Луиджи—и вы найдете стараго знакомаго, великаго римскаго сатирика Пасквино. Не забудьте, что римскій простолюдинъ сумѣлъ даже самого сатира передѣлать въ простую обезьяну!

Сенаторъ Луиджи Моранди, добросовѣстнѣйшій изслѣдователь и издатель сонетовъ Бэлли, говоритъ въ своемъ предисловіи: «Въ Римѣ рождаются съ эпиграммой на устахъ. Трастеверинецъ [1] не умѣетъ читать, но умѣетъ создавать сатиру. И лишь тотъ, кто знаетъ римскій народъ, можетъ составить себѣ полное понятіе о всей тонкости римской повадки, вошедшей въ пословицу». Тотъ же Моранди даетъ нѣсколько любопытныхъ образчиковъ проявленія народнаго юмора. Когда въ Римѣ,—разсказываетъ онъ,—ящиковъ для писемъ было еще совсѣмъ мало, всего два-три, однажды, въ часъ выемки писемъ, стояла толпа ожидавшихъ очереди опустить письмо. Одинъ старикъ, бросивъ письмо въ ящикъ, задержался передъ нимъ, желая убѣдиться, что письмо прошло внутрь ящика благополучно. Тогда мальчикъ, стоявшій за нимъ и нетерпѣливо поджидавшій своей очереди, серьезно и съ почтительнымъ лицомъ спросилъ его: «Ожидаете, не будетъ ли отвѣта?»

Петраи, авторъ упомянутой уже мною книжки, сообщаетъ ради курьеза анекдотъ о Верди. Знаменитый композиторъ спѣшилъ сдать письмо на почту рано утромъ. Почта открывалась обычно въ девять часовъ; было уже девять слишкомъ, а чиновникъ, принимавшій заказныя письма, все еще не отворилъ окошечка. Когда онъ, наконецъ, пришелъ, Верди, держа часы въ рукахъ, недовольнымъ тономъ сказалъ ему: «Уже больше девяти часовъ съ половиной!» Чиновникъ невозмутимо и не задумываясь отвѣтилъ: «Возблагодаримъ Господа Бога, что дожили!»

Ради курьеза приведу еще одинъ образчикъ римскаго остроумія, приводимый Петраи. Въ одинъ изъ омнибусовъ стараго типа, которые долго не исчезали въ Римѣ, влѣзаетъ новый пассажиръ и спрашиваетъ: «А что, есть мѣстечко въ Ноевомъ Ковчегѣ?»—«Полѣзайте,— отвѣчаетъ голосъ изнутри,—какъ разъ осла не хватаетъ?»

---

[1]) Трастеверинецъ—житель затибрской стороны города, гдѣ римскій типъ и римскій діалектъ до сихъ поръ сохраняются въ значительной чистотѣ.

Bagot, авторъ недавно вышедшей книжки «Gli italiani d'oggi» [1]), разсказываетъ сценку, которой онъ былъ очевидцемъ въ Тосканѣ. Одинъ докторъ, отправляясь на практику, остановилъ лошадь около дома пріятеля, чтобы перекинуться обычными взаимными вопросами о здоровьѣ. Пріятель попутно отпустилъ какую-то шутку, докторъ отпарировалъ тѣмъ же, и въ результатѣ, храня полную серьезность, два собесѣдника изощрялись въ остротахъ, въ присутствіи сочувственно поддерживавшей ихъ публики, ровно два часа. Bagot считаетъ, поэтому, страсть къ остротамъ и зубоскальству за черту, особенно присущую тосканцамъ. Это невѣрно. Итальянцы вообще любители словесныхъ сраженій и высоко цѣнятъ тѣхъ, кто «за словомъ въ карманъ не лѣзетъ». Но, несомнѣнно, ни одинъ итальянскій городъ не создалъ такого яркаго олицетворенія народной сатиры, какимъ является римскій Пасквино. «Эта знаменитая статуя,—говоритъ Maes,—въ награду за обломанные члены тѣла получила одинъ длиною въ тысячу миль, и это—ея языкъ».

Выше я упомянулъ о другомъ римскомъ діалектальномъ поэтѣ, Чезаре Паскарелла. Прямой преемникъ Бэлли, онъ превзошелъ своего учителя именно тѣмъ, что пошелъ по пути, который тотъ признавалъ ошибочнымъ. Въ то время, какъ для Бэлли римскій діалектъ былъ самодовлѣющей цѣлью, Паскарелла пользуется имъ лишь какъ средствомъ. И онъ, какъ Бэлли, беретъ трастеверинскаго римлянина въ его обычной обстановкѣ и заставляетъ его говорить отъ перваго лица. Но Паскарелла не ограничивается сонетами; онъ пользуется образнымъ и характернымъ разговорнымъ языкомъ и для созданія произведенія высокаго народнаго эпоса. Такова, напримѣръ, его «Villa Gloria», замѣчательно переданный разсказъ ветерана-гарибальдійца о защитѣ кучкой повстанцевъ, съ братьями Кайроли во главѣ, исторической villa Gloria. Разсказъ объ этомъ священномъ моментѣ итальянской освободительной борьбы ведется съ такой поразительной простотой и образностью языка, съ такой гармоніей тонкаго, печальнаго юмора и высокаго внутренняго подъема чувства, что «Villa Gloria» должна считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній современной итальянской литературы. Впрочемъ лучшимъ авторитетомъ итальянской поэзіи, покойнымъ

---

[1]) Книжка эта, изданная въ Англіи, переведена на итальянскій и, кажется, на другіе языки. Она имѣла въ Италіи настолько колоссальный успѣхъ, что король сдѣлалъ визитъ ея автору. Интересующихся итальянской современностью не лишне предупредить, что книга Бэгота есть ничтожнѣйшее и пустое произведеніе, лишенное всякаго научнаго значенія и написанное для англійскихъ гостиныхъ и для доставленія удовольствія итальянскимъ націоналистамъ.

Джозуэ Кардуччи, этотъ судъ уже и произнесенъ а предъ его судомъ преклонится всякій итальянецъ. «Въ сонетахъ «Villa Gloria»,—писалъ Кардуччи,—Паскарелла внезапно твердою рукой поднялъ діалектъ до эпическихъ высотъ. Здѣсь все правдиво: это не поэтъ говоритъ, это говоритъ и творитъ трастеверинецъ, и потому эпосъ въ діалектальной формѣ рождается естественно, а не искусственнымъ путемъ... Никогда еще итальянская діалектальная поэзія не достигала такой высоты». Другая эпическая вещь Паскарелла, «Assedio di Roma», еще не закончена, хотя авторъ работаетъ надъ нею уже много лѣтъ. Если судить по немногимъ отрывкамъ ея, прочитаннымъ самимъ авторомъ въ одномъ изъ римскихъ театровъ, новое, крупнѣйшее произведеніе обѣщаетъ дать то, о чемъ не мечталъ ни одинъ діалектальный поэтъ. Къ сожалѣнію—или къ счастію,—Паскарелла работаетъ не торопясь, не смотря на свои пожилые годы.

Впрочемъ эта эпическая сторона творчества Паскарелла насъ въ данномъ случаѣ спеціально не интересуетъ. Вообще о Паскарелла и его немногихъ работахъ мнѣ уже пришлось однажды довольно подробно говорить въ другомъ мѣстѣ [1]). Здѣсь я упоминаю о немъ лишь потому, что именно онъ лучше другихъ сумѣлъ разсмотрѣть въ говорунѣ (parlatore), какимъ является римскій простолюдинъ у Бэлли, сатирическаго философа. Бэлли былъ и хотѣлъ быть фотографомъ, и его сонеты—пластинки свѣтописи и звукописи. Бэлли зарисовалъ римскій бытъ со всѣми его повседневными аттрибутами, не пытаясь подвергать свой матеріалъ художественному отбору. Паскарелла—художникъ чистой воды, и свой матеріалъ онъ тщательно отбираетъ и процѣживаетъ. Его персонажи—уже не случайные встрѣчные на римскихъ улицахъ, а типы трастеверинцевъ. Тѣмъ же художественнымъ чутьемъ Паскарелла умѣетъ проникнуть въ душу объекта своего изученія и извлечь сатирика изъ оболочки простака. Что его персонажи не просто болтаютъ, а тонко иронизируютъ, хотя бы и надъ собой, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Вотъ, напримѣръ, діогеновская философія чистильщика сапогъ.

«Тридцать лѣтъ я этой профессіей занимаюсь, и, слава Богу, ни разу не померъ; старъ сталъ, когда иду—немного на ногу припадаю, но въ общей сложности чувствую себя хорошо. На ночь ухожу въ свою берлогу, а утромъ, когда выхожу, omnia bona mea mecum porto и усаживаюсь вотъ здѣсь. Что наработаю—то и ѣмъ. А ничего не наскребу—частенько и такъ случается,—курю пару окурковъ и

---

1) Рус. Вѣд. 1911 г., № 275.

не жалуюсь. Но если приходъ превыситъ надобность, тогда на другой день я закрываю лавочку и гуляю бариномъ (faccio el signore)».

Потому ли, что Паскарелла глубже проникаетъ въ народную душу, или потому, что душа трастеверинца съ годами дѣлается глубже, но рѣзкая и злая сатира, сквозящая между строкъ сонетовъ Бэлли (хотя и не ему принадлежащая), у Паскарелла обращается въ глубокій и часто печальный юморъ, участникомъ котораго является теперь и самъ поэтъ. Интересно, напримѣръ, что огромное большинство сонетовъ Паскарелла, несмотря на свое юмористическое содержаніе, соприкасаются, съ постоянствомъ, быть можетъ ускользнувшимъ даже отъ самого автора, съ мыслью о смерти. Таковъ разсказъ посѣтителя о цирковомъ представленіи, гдѣ выходу паяцовъ предшествуетъ паденіе акробатовъ съ трапеціи («Паяцы»); таковъ разсказъ объ убійствѣ въ кабачкѣ и уличныхъ объ этомъ толкахъ («Случай»), о неудачной игрѣ въ лотто на цифру, означающую «раненый», тогда какъ на дѣлѣ вышла другая, значащая «мертвый-убіенный» («Терно»), о театрѣ, гдѣ зрителя особенно удовлетворяетъ послѣдній актъ, когда актеръ «сначала кончаетъ съ собой, а потомъ убиваетъ ее» (передача рекламной болтовни торговца намогильными вѣнками). И такимъ образомъ выходитъ, что вдумчивый читатель сонетовъ Паскарелла, искренне смѣясь оборотамъ рѣчи его персонажей, чувствуетъ все же глубокій трагизмъ, скрывающійся гдѣ-то позади этихъ риѳмованныхъ фразъ и курьезныхъ словечекъ, за личиной добродушнаго невѣжества и простачества римскаго простолюдина. Въ противоположность добросовѣстному натурализму геніальнаго иллюстратора Бэлли, мы находимъ въ лицѣ Чезаре Паскарелла проникновеннаго поэта и знатока души римскаго народа.

Если нотка трагизма господствуетъ почти во всѣхъ отрывочныхъ сонетахъ Паскарелла (число ихъ вообще невелико), то все же и онъ возцалъ должное сатирическимъ чертамъ характера трастеверинца. Въ большой вещи, состоящей изъ связнаго ряда сонетовъ, онъ возсоздалъ разсказъ «сознательнаго» трастеверинца объ открытіи Америки, — истинный шедевръ искусства подражанія и чистаго юмора. Совершенно не пытаясь переводить эти чудесныя строки, я лишь указываю на нихъ, какъ на драгоцѣнный камень народной сатиры, отшлифованный поразительнымъ дарованіемъ поэта [1]).

Обойду молчаньемъ прочихъ современныхъ римскихъ поэтовъ, пишущихъ на діалектѣ romanesco. Въ большей или меньшей степени всѣ они дѣлятся между школой Бэлли и школой Паскарелла, не внося ничего новаго въ изученіе народнаго быта и духа. Въ послѣднее

---

1) *Cesare Pascarella.* La scoperta dell, America.

время римскій діалектъ сталъ служить мѣстнымъ поэтамъ для темъ общихъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія ни къ Риму, ни къ его кореннымъ обитателямъ. Еще чаще этотъ языкъ служитъ для стихотворныхъ анекдотовъ сальнаго характера, якобы введенныхъ въ обиходъ все тѣмъ же знаменитымъ Бэлли. Послѣднее совершенно невѣрно; Бэлли не допускалъ «цензурныхъ урѣзокъ» рѣчи простолюдина, но онъ никогда не выискивалъ темъ пикантныхъ; его сонеты часто нецензурны по формѣ, но по содержанію почти всегда приличны. Они писались, конечно, не для молодыхъ дѣвицъ, но ужъ во всякомъ случаѣ не для старыхъ юношей и юныхъ стариковъ, ко вкусу которыхъ «поддѣлываются» его «подражатели».

Какъ я уже упомянулъ выше, пасквината въ ея чистомъ видѣ исчезла въ тотъ моментъ, когда пала свѣтская власть папы и крутой абсолютисткій режимъ уступилъ мѣсто конституціонному строю. Родившаяся почти одновременно съ этимъ свободная или относительно-свободная политическая пресса сдѣлала излишнимъ вывѣшиванье анонимныхъ картоновъ на шеѣ Пасквино и Марфоріо. Дѣло въ томъ, что пасквината олицетворяла, главнымъ образомъ, протестъ противъ деспотизма папы и его управителей, и въ этомъ ея характерная особенность. Съ того момента, какъ прежній властитель Рима былъ низведенъ до положенія безсильнаго, хоть и добровольнаго ватиканскаго узника, нападки на него стали анахронизмомъ. Пасквино боролся съ сильнымъ, но не въ его духѣ было добивать лежачаго.

Римская народная сатира, поскольку она отражается въ сонетахъ и шуткахъ діалектальныхъ поэтовъ, хотя и проникнута духомъ прежней пасквинаты, но рѣшительно отличается отъ нея побудительными мотивами. Это уже не рѣзкая политическая, но добродушная общественная сатира. Ея выступленія направлены не противъ лицъ или, точнѣе, не столько противъ лицъ, сколько противъ среды; въ ней больше шутки и печальнаго юмора, чѣмъ злой насмѣшки. Что касается до политической прессы, то ей вообще не могла быть свойственной форма памфлета, и она менѣе всего могла явиться отраженіемъ народной сатиры. Отданная силою вещей въ руки партійныхъ и политическихъ дѣльцовъ, она служила и служитъ лишь партіи и общественному меньшинству, заигрывая съ народомъ лишь тогда, когда онъ можетъ оказаться ей нужнымъ и полезнымъ.

Однако папской власти, навсегда подкошенной въ корнѣ, предстояло пустить живой ростокъ въ формѣ клерикализма. Можно было отнять у папы власть свѣтскую, но лишь длинный рядъ лѣтъ можетъ выкорчевать изъ народной души корни суевѣрія, надъ наса-

жденіемъ котораго такъ много поработалъ папскій Римъ. Итальянецъ вообще не отличается особой религіозностью, но суевѣренъ онъ, въ особенности южанинъ, до чрезвычайности. Притомъ нынѣшній гражданскій строй жизни не доставляетъ ему той массы внѣшнихъ эффектовъ, какую давало ему церковное государство, а итальянецъ—страстный любитель блеска, театральности, яркой мишуры. Духовенство, знающее народъ гораздо лучше, чѣмъ знаютъ его современные политики, не исключая и соціалистовъ, умѣло пользуется этими качествами простолюдина и умѣетъ держать его въ рукахъ, дѣйствуя на семью черезъ женщину и ребенка. При этомъ католическое духовенство не упускаетъ случая пользоваться и приманками новаго времени, организуя кооперативы, рабочіе союзы, безплатно обучая дѣтей въ своихъ школахъ. Такимъ образомъ клерикализмъ остается величайшею опасностью для современной Италіи и ея свободнаго гражданскаго развитія. Можно смѣло сказать, что павшій Ватиканъ сумѣлъ сохранить значительную долю своего вліянія на народную жизнь.

И вотъ, поскольку эта власть Ватикана и оффиціальнаго католичества еще тяготѣетъ надъ Римомъ и Италіей, — постольку старый врагъ папы, Пасквино, продолжаетъ подавать признаки жизни. Истиннымъ, хотя и выродившимся наслѣдникомъ римскаго сатирика нужно признать «антиклерикальный анекдотъ», столь излюбленный итальянцами. Въ Римѣ эта антиклерикальная сатира почти монополизирована журналомъ «L'Asino» (Оселъ), популярнѣйшимъ изъ итальянскихъ юмористическихъ изданій. «L'Asino» — не діалектальный журналъ, такъ какъ разсчитанъ на повсемѣстное распространеніе—и въ этомъ, мнѣ кажется, его первый недостатокъ, такъ какъ это знаменуетъ отказъ отъ наслѣдства, завѣщаннаго ему истиннымъ римляниномъ-простолюдиномъ Пасквино. Второй, еще болѣе крупный недостатокъ его тотъ, что «L'Asino»—журналъ съ партійной, соціалистической окраской. Наконецъ, самый большой недостатокъ журнала заключается въ томъ, что онъ ведетъ борьбу не только противъ интригъ Ватикана и вліянія духовенства, но и противъ католической религіи, которой онъ желалъ бы противопоставить позитивное мышленіе. Таковы главные признаки вырожденія наслѣдника Пасквино. Ихъ, впрочемъ, вполнѣ достаточно, чтобы признать «L'Asino» лишь отдаленнымъ потомкомъ выразителя римской народной сатиры. Какъ это ни странно, но свобода печати убила остроту шутки, которая теперь уже не является продуктомъ коллективнаго творчества, а лишь выпадомъ единичнаго остроумія. Если я все же упоминаю объ этомъ журналѣ какъ о наслѣдникѣ и преемникѣ Пасквино, то лишь исходя изъ основного мотива пасквп-

наты, дѣлавшаго ее орудіемъ протеста и борьбы противъ папства, угнетателя народныхъ массъ, и противъ «сильныхъ міра сего», черпающихъ свою силу въ культивированіи народнаго суевѣрія. Подобно Пасквино, «L'Asino» также нападаетъ прежде всего не на среду и не на учрежденія, а на личность папы и его вліятельныхъ агентовъ, заправляющихъ клерикальной политикой.

«L'Asino», конечно, не единственный наслѣдникъ Пасквино. Въ Римѣ издается еще еженедѣльная воскресная газета «Travaso», печатающаяся почти цѣликомъ на діалектѣ и въ самомъ Римѣ гораздо болѣе распространенная, чѣмъ «L'Asino». Но она не носитъ ярко-антиклерикальной окраски и, по большей части, оставляетъ въ покоѣ папу. Въ нынѣшнее «военное» время она не чужда и шовинизма. Не отличаясь особымъ остроуміемъ, «Travaso» все же больше даетъ представленіе о былой народной сатирѣ, чѣмъ иллюстрированный соціалистическій еженедѣльникъ. И это—благодаря постоянному участію въ ней римскихъ діалектальныхъ поэтовъ, заимствующихъ у трастеверинца если не остроту и мѣткость опредѣленій, то все же форму выраженія и отдѣльныя летучія словечки. Этими двумя изданіями исчерпывается въ данное время отраженіе въ періодической печати римской народной сатиры. Время и печать убили эту сатиру, но возсоздать ее искусственно уже не смогли.

Быть можетъ еще одинъ слѣдъ былой сатиры можно найти въ Римѣ, но уже въ формѣ «устнаго преданія». Это—болтовня карнавальныхъ масокъ на перекресткахъ народной части города. Куплеты, которые поются этими масками, представляютъ мало интереса и составляются, обычно, присяжными поэтами «romanesco». Но въ перерывѣ между куплетами, вожакъ «тарантеллы», одѣтый «графомъ Ругантино» или почтеннымъ патеромъ, умѣетъ сыпать блестящими импровизаціями, въ которыхъ достается и Ватикану, и его агентамъ, и свѣтскимъ устроителямъ народного благополучія. Если такому острослову удается настроить на сатирическій ладъ праздничную толпу и втянуть ее въ перекидную болтовню, то безпристрастному слушателю не трудно бываетъ понять всю разницу между настоящей народной сатирой и ея блѣднымъ отраженіемъ въ юмористической печати. Пойметъ онъ и то, какъ рождается коллективное творчество и какъ мало податливо оно на «цензурныя урѣзки».

Но вымираютъ и «тарантеллы», годъ отъ году становясь рѣже и шаблоннѣе. Внѣшняя цивилизація не только разрушаетъ историческіе кварталы затибрскаго Рима, европеизируя костюмъ и обезцвѣчивая звучный «romanesco»; она убиваетъ остроту народной рѣчи, пріучая ее къ заученнымъ и литературнымъ оборотамъ. Цѣлый рядъ папъ не могъ справиться съ Пасквино, но цивилизація сумѣла

наложить на его уста печать молчанія. Быть можетъ, недалеко время когда мраморнаго плебея, бывшаго нѣкогда троянскимъ героемъ, постигнетъ дальнѣйшее униженіе: его перенесутъ въ музей. Жалѣть ли объ этомъ? Вѣдь онъ сдѣлалъ свое дѣло! Развѣ не выполнилъ онъ до конца свою миссію уже въ тотъ моментъ, когда, слыша близкіе залпы пушекъ объединяющейся Италіи, оказалъ своему ослабѣвшему врагу, папѣ, прощальное снисхожденіе: послалъ ему полинялый дождевой зонтикъ на случай непогоды?..

М. А. Осоргинъ.

ЮБИЛЕЙ TIMES'А.

(Письмо изъ Лондона).

На дняхъ *Times* праздновалъ выпускъ сорокатысячнаго нумера. По этому поводу въ тотъ день, вмѣсто газеты, вышелъ какой-то левіаѳанъ: нумеръ, вмѣсто обычныхъ 16, содержалъ 60 страницъ громаднаго формата. Нашъ общій пріятель Филеасъ Фогъ, за приключеніями котораго мы всѣ когда-то слѣдили съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, въ своемъ клубѣ, ровно въ 47 минутъ перваго, принялся за чтеніе *Times'а* [1]), которое заканчивалъ въ 45 минутъ четвертаго. Измѣнилъ ли бы Филеасъ Фогъ свой высчитанный по минутамъ порядокъ дня, заведенный разъ навсегда, если бы жилъ теперь и получилъ юбилейный нумеръ *Times'а*? Въ самомъ дѣлѣ, обычный нумеръ содержитъ столько печатнаго матеріала (безъ объявленій), сколько полтора больших романа. Сорокъ добавочныхъ страницъ составляютъ еще $3^3/_4$ романа, а всего—$5^1/_4$ книгъ. Одолѣть все это въ три часа безъ двухъ минутъ нѣсколько трудно...

Юбилейный нумеръ *Times'а* интересенъ во многихъ отношеніяхъ. Передъ нами не только своего рода чудо типографской техники, но крайне любопытный документъ для изученія современной Англіи. Если есть газета, названіе которой извѣстно всему свѣту,

[1]) «Un domestique lui remit le *Times non coupé*». Авторъ, раньше чѣмъ написалъ свой романъ, должно быть, никогда не видалъ большую англійскую газету; иначе онъ не сказалъ бы, что ее нужно *разрѣзывать*.

то, конечно, это *Times*. Про его существованіе знаютъ, вѣроятно, и голова Степанъ Ивановичъ Куцынъ («Левъ и Солнце» Чехова), и брантмейстеръ Семенъ Вавиловичъ («Господа обыватели»). Вообще надо сказать, что на континентѣ не только знаютъ изъ всѣхъ англійскихъ газетъ только *Times*, но, по старой памяти, имѣютъ преувеличенное представленіе о его силѣ, вліяніи и непогрѣшимости. Газету когда-то называли «библіей англійской печати». Къ ней обращаются люди, ищущіе защиты въ какой бы то ни было формѣ. «Король, требующій утерянный престолъ, лакей, ищущій мѣста, мать, потерявшая на улицѣ ребенка—всѣ обращаются къ *Times'у*. Туда бѣжитъ безуміе и тамъ имѣетъ свиданіе съ мудростью. Туда направляется благородный гнѣвъ, туда же стремится и низкая ненависть и злоба. И нація безпристрастно выслушиваетъ всѣхъ и постановляетъ свой безапелляціонный приговоръ. Словомъ, *Times* является *убѣжищемъ* для угнетенныхъ всего міра. О *Times'ѣ* говорятъ, какъ объ ангелѣ, какъ о чортѣ, какъ о демонѣ, какъ о святомъ, какъ о грѣшникѣ, мѣсто котораго въ аду. «*Times* защититъ его». «*Times* взбѣшенъ». «*Times* обличаетъ». «Чтобъ чортъ побралъ *Times*: онъ причина всего зла». Подобныя выраженія никого не изумляютъ». Писано это болѣе шестидесяти лѣтъ назадъ. Въ тѣ времена *Times* могъ поднять бурю по поводу того, что на англійской почтѣ вскрыты письма политическаго изгнанника. Эпизодъ этотъ достоинъ, чтобъ о немъ вспомнить. Въ 1844-мъ году коммонеръ Денкомбъ представилъ въ парламентъ петицію Джузеппе Мадзини, жившаго тогда въ Англіи. Знаменитый итальянскій патріотъ жаловался на то, что его письма не только вскрываются, но содержаніе ихъ сообщается австрійскому и сардинскому правительствамъ. На основаніи свѣдѣній, добытыхъ изъ вскрытыхъ писемъ, многіе не только ввергнуты были въ австрійскія тюрьмы, но даже казнены. Отъ имени британскаго правительства отвѣчалъ сэръ Джемсъ Граямъ (Graham). Защита его сводилась къ слѣдующему: «Да, письма вскрывались; но каждое правительство имѣетъ право заглядывать въ чужія письма, если увѣрено, что найдетъ въ нихъ свѣдѣнія о готовящемся бунтѣ или о новомъ пороховомъ заговорѣ». Объясненіе сэра Джемса не удовлетворило публику, а въ частности *Times*. Газета нашла, что вскрытіе писемъ Мадзини—«гнусная продѣлка, которой всѣ стыдятся». «Можно пожалѣть министра, защищающаго такіе пріемы, глубоко антипатичные англійской публикѣ, хотя, быть можетъ, теоретически оправдываемые государственной необходимостью... Пройдетъ много лѣтъ, прежде чѣмъ публика проститъ сэру Джемсу вскрытіе писемъ политическаго изгнанника». Такъ думалъ *Times* семьдесятъ лѣтъ назадъ на основаніи цѣлаго ряда фактовъ. Позволительно усомниться, чтобы газета и

теперь держалась такихъ же взглядовъ. Къ *Times'у* примѣнимы слова изъ пѣсенки Беранже:

Eh! non, non, non,
Vous n'êtes plus Lisette.
Eh! non, non, non,
Ne portez plus ce nom!

Дѣло Пигота, напр., доказало, что *Times* не брезгаетъ, съ цѣлью донять политическаго противника, чужими письмами, даже если они подложны. Седьмого марта 1887-го года въ газетѣ появилась первая статья цѣлой серіи подъ общимъ названіемъ «Парнеллизмъ и преступленіе. Цѣлью статей было доказать, что парнеллизмъ—революціонное движеніе, тѣсно сплетенное съ феніанствомъ и имѣющее цѣлью свергнуть британское правительство въ Ирландіи. Статьи эти произвели колоссальное впечатлѣніе, усилившееся еще болѣе, когда *Times* помѣстилъ facsimile письма, въ которомъ Парнелль не только извиняетъ, но и прославляетъ убійство лорда Кавендиша и Бёрка въ Фениксъ-паркѣ: «Я не удивляюсь, что вашъ другъ взбѣшенъ, но онъ и вы должны знать, что намъ ничего другого не остается, какъ осуждать убійство въ Фениксъ - паркѣ, — писалъ, будто бы, Парнелль какому - то террористу. — Передайте, однако, вашему другу и другимъ заинтересованнымъ лицамъ, что хотя мнѣ жаль лорда Ф. Кавендиша, павшаго случайной жертвой, я нахожу, что Бёркъ получилъ вполнѣ по заслугамъ. Я даю вамъ право показать это письмо какъ вашему другу, такъ и другимъ лицамъ, заслуживающимъ довѣрія. Не сообщайте, однако, моего адреса. Пусть мнѣ пишутъ въ палату общинъ. Преданный вамъ Чарльзъ С. Парнелль». Документъ этотъ, какъ я сказалъ, произвелъ потрясающее впечатлѣніе. *Times*, между тѣмъ, продолжалъ печатаніе статей «Парнеллизмъ и преступленіе». Газета помѣстила письма казначея *земельной лиги* Игана и другихъ видныхъ ирландскихъ дѣятелей. Бывшій коммонеръ О'Доннелль, находя, что *Times* намекаетъ въ одномъ мѣстѣ на него, привлекъ газету къ суду. Защитникъ ея заявилъ, что дѣло идетъ не объ О'Доннеллѣ. Съ этимъ согласились и присяжные. Газета помѣстила статью, въ которой категорически заявила, что рѣчь идетъ о Парнеллѣ; тогда вождь ирландцевъ потребовалъ назначенія парламентомъ спеціальной комиссіи, состоящей изъ трехъ судей, для разслѣдованія обвиненій, выставленныхъ *Times*'омъ. Сама газета невольно дала ключъ для раскрытія всего дѣла. Желая убѣдить читателей, оно помѣстило письмо Игана съ сохраненіемъ ороографіи. Въ этомъ

письмѣ слово «hesitancy» (сомнѣніе) было написано черезъ «е» (hesitency), какъ оно произносится. То была характерная ошибка, взглянувъ на которую, Иганъ сказалъ: «это письмо поддѣлалъ Дикъ Пиготъ». Когда комиссія, назначенная парламентомъ, приступила къ слѣдствію, Пиготъ былъ вызванъ свидѣтелемъ. Адвокатъ Парнелля (впослѣдствіи—лордъ Ренель), подозрѣвая Пигота, подвергъ его такому перекрестному допросу, что свидѣтель совсѣмъ растерялся. Въ тотъ же день онъ бѣжалъ въ Парижъ, откуда прислалъ признаніе, что документы, проданные *Times*'у, въ томъ числѣ и письмо Парнелля—подложны. Газета заплатила Пиготу за документы 605 ф. ст., т. е. около 6 тысячъ руб. Пиготъ, бѣжалъ въ Мадридъ гдѣ застрѣлился въ тотъ моментъ, когда явились его арестовать. Трудно допустить, что *Times* явился *иниціаторомъ* подлога Пигота; но въ такой же степени трудно повѣрить, чтобы газета, во главѣ которой стоятъ умные, талантливые, опытные и проницательные люди, *безусловно* была убѣждена въ подлинности писемъ, доставленныхъ Пиготомъ. Редакторы *Times*'а были бы дѣтьми, если бы серьезно считали возможнымъ, что умный политическій вождь составилъ такой документъ, какъ вышеприведенное письмо. Осторожный политическій вождь, знающій, какъ юристъ, цѣнность документа, не выдаетъ себя головой письмомъ, которое, на придачу, скрѣпляетъ именемъ и фамиліей. Отъ письма Парнелля несетъ подлогомъ на сто верстъ. Умные и опытные редакторы *Times'а* не могли не усомниться въ его достовѣрности и, тѣмъ не менѣе его напечатали. Газета, вѣроятно, думала, что *подлогъ совпадаетъ съ истиной* и что послѣдуетъ, поэтому, полное крушеніе ирландскаго движенія, при чемъ у Парнелля не будетъ никакой возможности доказать свою правоту...

Теперь тонъ *Times*'а во многихъ случаяхъ такой странный, что для пониманія его надо было бы заглянуть за кулисы. Газета поражаетъ иногда читателя своею непослѣдовательностью. Она обличаетъ, напр., каждое выступленіе рабочихъ, хотя бы и совершенно мирное и законное, какъ революціонный актъ. Она требуетъ отъ правительства, чтобы оно немедленно двинуло войска и приняло такія мѣры (напримѣръ, покровительство штрейкбрехерамъ), которыя несомнѣнно повели бы къ безпорядкамъ. Въ то же время газета беретъ подъ свое покровительство оранжистовъ, готовящихъ въ Ольстерѣ вооруженное сопротивленіе, если пройдетъ законъ о гомрулѣ. Семьдесятъ пять процентовъ населенія Ирландіи желаютъ самоуправленія и цѣлый вѣкъ добиваются его. Все населеніе Англіи или равнодушно къ вопросу о гомрулѣ, или сочувствуетъ ему; но 25% всего населенія Ирландіи, т. е. одна провинція изъ четырехъ, не желаетъ гомруля. Въ рукахъ этой части на-

селенія прежде находилась власть. При гомрулѣ не оранжисты станутъ у власти—и меньшинство заявляетъ: «Если вы дадите самоуправленіе большинству, мы начнемъ гражданскую войну во имя короля и настоящаго патріотизма». Правительство, конечно, вводитъ гомруль не административнымъ порядкомъ. Мѣра разсматривается въ парламентѣ, потомъ пойдетъ къ лордамъ, потомъ къ королю для скрѣпленія. Такимъ образомъ, гомруль явится результатомъ воли подавляющаго большинства населенія Соединеннаго Королевства. За самоуправленіе Ирландіи стоятъ всѣ свободныя колоніи. И тѣмъ не менѣе оранжисты собираются дать драматическую клятву, какъ швейцарцы въ долинѣ Рютли—выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ рѣшенія большинства. Ольстерцы называютъ *тиранніей, безпримѣрной въ исторіи цивилизаціи*, то, что британскій парламентъ предоставляетъ самоуправленіе части Соединеннаго Королевства. Въ комедіи Шекспира «Какъ вамъ это понравится», Розалинда, получивъ письмо Фебэ, находитъ «слогъ его совсѣмъ отчаяннымъ и дикимъ»; «только «дуэлисты пишутъ такъ», и все письмо состоитъ изъ «гигантскихъ грубыхъ словъ». Когда же Сильвій проситъ Розалинду прочесть это письмо, состоящее «изъ ужаснѣйшихъ эѳіопскихъ словъ», то оказывается, что Фебэ пишетъ:

«Art thou god to shepherd turn'd,
That a maiden's heart hath burn'd?
Why, thy godhead laid apart,
Warr'st thou with a woman's heart?».

(«Ты, испепелившій сердце дѣвы, богъ ли, переодѣтый пастухомъ? Зачѣмъ ты снялъ свой божественный нарядъ и вступилъ въ бой съ сердцемъ женщины»?).

— Можетъ ли женщина такъ ужасно ругаться?—спрашиваетъ Розалинда.

— И это, по вашему, значитъбраниться?—говоритъ Сильвій.

Когда оранжисты называютъ попытку, правительства даровать Ирландіи самоуправленіе путемъ конституціоннаго акта «a tyranny which is unparalleled in the history of civilization» (тиранніей, безпримѣрной въ исторіи цивилизаціи), хочется сказать: «И это вы называете тиранніей»?

«*Times*» не только находитъ правильнымъ стремленіе 25% населенія навязать свою волю 75%, но одобряетъ рѣчи оранжистовъ о вооруженномъ сопротивленіи. Политическая доктрина газеты можетъ быть формулирована такъ: «Если не исполняютъ того, что постановила наша партія, то это будетъ бунтъ, который долженъ быть подавленъ желѣзной властью; если же мы

сопротивляемся закону хотя бы даже съ оружіемъ въ рукахъ, то это будетъ актъ высшаго патріотизма».

Еще болѣе странно и непонятно отношеніе *Times'a* къ нѣкоторымъ вопросамъ внѣшней политики, по которымъ еще недавно газета высказывалась совершенно иначе. Тутъ мы наталкиваемся на совершенно необъяснимое (напр., персидскія дѣла).

«Eh! non, non,
Vous n'êtes plus Lisette!»

Вліяніе *Times'a* въ Англіи теперь далеко не таково, какъ было 60 лѣтъ назадъ. Газету, конечно, не считаютъ здѣсь больше «Библіей англійской прессы».

II.

Несмотря, однако, на всѣ перемѣны, *Times* все еще замѣчателенъ, разсматриваемъ ли мы его отдѣльно или въ связи съ развитіемъ англійскаго общества. Прежде всего надо подчеркнуть, что *Times—англійская* газета, т. е. она, въ общемъ, даетъ добросовѣстный матеріалъ. Газета можетъ помѣстить рѣзко окрашенныя передовыя статьи, написанныя подъ вліяніемъ соображеній, зародившихся на денежномъ рынкѣ или въ мірѣ, связанномъ съ этимъ рынкомъ; но весь тотъ громадный матеріалъ, который находимъ въ каждомъ нумерѣ, т.-е. телеграммы, отчеты о митингахъ, передача рѣчей политическихъ противниковъ и т. д. — собранъ добросовѣстно, не искалѣченъ и не подправленъ. На эту добросовѣстность въ передачѣ можно разсчитывать. Газета не вставитъ въ чужую рѣчь словъ, измѣняющихъ смыслъ ея, какъ это сплошь практикуется на континентѣ. До извѣстной степени газета даетъ возможность высказаться въ ней и политическимъ противникамъ. Я подхожу къ пункту въ высшей степени деликатному. За немногими исключеніями, газеты на континентѣ, въ особенности во Франціи, продажны. Такіе институты, какъ рулетка въ Монако или государства, главная финансовая операція которыхъ состоитъ въ заключеніи займовъ, знаютъ, что молчаніе или расположеніе большей части французскихъ газетъ—товаръ не особенно дорогой. Англійская пресса, въ общемъ, не продажна, хотя исключенія есть: въ лондонскихъ литературныхъ кругахъ, напр., точно знаютъ даже ту годовую цыфру, которую получаетъ журналистъ за обѣленіе и восхваленіе иностраннаго правительства. Въ общемъ, однако,

английская пресса стоитъ внѣ обвиненій въ продажности въ примитивной формѣ, а тѣмъ болѣе это относится къ *Times'у.*

Центръ тѣла, пущеннаго безъ начальной скорости, падаетъ равноускоренно, при чемъ разстояніе его отъ начальнаго положенія возрастаетъ съ теченіемъ времени по опредѣленному закону. Въ формулѣ, выражающей этотъ законъ, мы имѣемъ постоянное ускореніе, равное отношенію тѣла къ его массѣ и квадратъ времени, дѣленный на два.

Въ свободно развивающемся обществѣ, а въ частности—въ Англіи, мы наблюдаемъ такое же постоянное ускореніе, равное отношенію «вѣса тѣла», т. е. энергіи, настойчивости и талантливости народа, къ его «массѣ», т. е. численности. Газеты являются показателями этого «постояннаго ускоренія». Объемъ ихъ увеличивается въ зависимости какъ отъ «постояннаго ускоренія», такъ и отъ «массы». Зоологія намъ говоритъ, что маленькія, юркія, безобидныя ящерицы являются прямыми потомками гигантскихъ, хищныхъ плезіозавровъ и мезозавровъ. Въ газетномъ мірѣ мы наблюдаемъ обратный процессъ: крошечныя, слабыя «ящерицы» превратились съ теченіемъ времени въ гигантскихъ плезіозавровъ. Родоначальниками англійской газеты были «уличныя баллады» и «cocks»—описанія какихъ-нибудь мѣстныхъ событій, главнымъ образомъ преступленій или казней. Эта своеобразная литература зародилась, говорятъ, еще въ XVI-мъ вѣкѣ и удержалась до середины XIX-го. Такимъ же образомъ въ мірѣ животныхъ мы наблюдаемъ сравнительно новые виды рядомъ съ «столбовымъ дворянствомъ» зоологіи, внесеннымъ въ родословную «третью книгу» природы, т. е. относящимся къ третичному періоду. «Баллады», составленныя неизвѣстными авторами, были иногда поразительны по своей красотѣ. Что касается «cocks», то это были листки съ грубо выполненными рисунками, изображавшими или убійство, или казнь. Предо мною рѣдкій сборникъ подобныхъ «cocks», выпущенный только въ 250 экземпляровъ въ 1871-мъ году [1]). Собранные листки относятся къ концу XVIII-го и къ самому началу XIX-го вѣка, но они рѣшительно такіе же, какъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Вотъ, напр., одинъ «cock». Рисунокъ изображаетъ джентльмена во фракѣ и въ панталонахъ въ обтяжку, затягивающаго веревкой шею нарядной миссъ въ букляхъ и въ шляпкѣ. Текстъ гласитъ: «Страшное убійство молодой женщины, совершенное молодымъ человѣкомъ. Джорджъ Кэддель познакомился съ миссъ Прайсъ и между ними завязались близкія отношенія. Несмотря на свое паденіе, вызванное

---

[1]) «Curiosities of Strett Literature, comprising «cocks» or «Catchpennies», etc.

сильною любовью, миссъ Прайсъ все еще считала себя достойной занять въ жизни мѣсто рядомъ съ мистеромъ Кэдделемъ. Когда миссъ Прайсъ забеременѣла, она настоятельно стала умолять своего возлюбленнаго, чтобы онъ женился на ней. И вдругъ она услыхала, что мистеръ Кэддель оказываетъ вниманіе миссъ Динъ. Миссъ Прайсъ грозитъ раскрыть все. Тогда мистеръ Кэддель задумалъ ужасный планъ, какъ избавиться отъ своей возлюбленной» и т. д. На другомъ типичномъ *cock* изображена висѣлица съ казненнымъ человѣкомъ. Текстъ озаглавленъ: Жизнь Джемса Уарда, судъ надъ нимъ, жалоба его въ тюрьмѣ, послѣднее письмо и казнь». «Жалоба» составлена въ стихахъ, о которыхъ можно получить представленіе по слѣдующимъ строкамъ:

«Come all you, feeling hearted christians, wherever you may be,
Attention give to these few lines, and listen unto me;
Its of this cruel murder, to you I will unfold,
The bare recital of the same will make your blood run cold».

(«Соберитесь сюда, всѣ христіане съ чувствительными сердцами, кто бы вы не были. Окажите вниманіе этимъ немногимъ строкамъ и выслушайте меня. Я самъ хочу повѣдать про свирѣпое убійство; и отъ простого разсказа у васъ застынетъ кровь»). Политика очень рано вторглась въ эти «cocks». Такимъ образомъ листокъ проишествій превратился въ политическій памфлетъ. Дешевая печать вытѣснила теперь совершенно эти «cocks», но лѣтъ 50—60 тому назадъ политическіе памфлеты подобнаго рода, въ прозѣ и стихахъ, циркулировали въ изобиліи. Въ началѣ XVII вѣка появились «реляціи» о крупныхъ событіяхъ. «Реляціи» печатались въ Голландіи, но жадно покупались англійской публикой. Явились люди, которые получали эти «реляціи» и письменно потомъ увѣдомляли о всѣхъ важныхъ событіяхъ «сквайровъ», жившихъ въ своихъ помѣстьяхъ. Эти письма (letters of intelligence») выдвинули нѣсколько замѣчательныхъ спеціалистовъ, вошедшихъ въ исторію англійской литературы. Таковъ, напр., капитанъ Россингэмъ. Общественное броженіе въ серединѣ XVII-го вѣка создало памфлеты («newsbooks»). Газеты появились въ началѣ гражданской войны; но «дневники» (diurnals) правильно стали появляться только во время реставраціи. Съ перваго момента появленія «діурналы» и «меркуріи», какъ ихъ тогда называли, стали, къ великому неудовольствію правящихъ классовъ, больше всего интересоваться политикой. «*Меркуріи* никогда не вызовутъ моего одобренія, ибо они слишкомъ знакомятъ толпу съ мыслями и дѣйствіями лицъ, стоящихъ выше ея»,—писалъ въ 1663 году извѣстный государственный дѣя-

тель того времени сэръ Роджеръ Лэстренджъ.—«Печать заражаетъ массы какимъ-то зудомъ вмѣшательства въ дѣла правительства. Мало того: Меркуріи вселяютъ въ массахъ убѣжденіе, что такое вмѣшательство составляетъ не только право, но и обязанность».

Англійской печати пришлось выдержать долгую, упорную и жестокую борьбу, пока признали за ней право «вмѣшиваться» въ дѣла правительства (теоретически оно было признано еще въ концѣ XVII-го вѣка). Беранже совѣтуетъ литераторамъ смѣяться надъ попытками подчинить мысль цензурѣ:

«On livre encor nos auteurs
Aux censeurs, aux inspecteurs,
Rats de cave littéraire,
Riez-en avec moi».

Совѣтъ этотъ трудно было выполнить въ Англіи, когда печать боролась за свободу. Въ 1663-мъ году напр., журналистъ Джонъ Туинъ, его издатель и печатникъ были преданы суду за памфлетъ: «Speeches and Prayers», въ которомъ усмотрѣнъ былъ призывъ къ бунту противъ Карла II. Правительство подозрѣвало, что за спиной Туина стоятъ другіе; журналистъ отказался выдать кого-либо, былъ присужденъ къ смерти и казненъ. Печатника и издателя приговорили къ громадному штрафу, котораго они не могли уплатить и умерли въ тюрьмѣ. Любопытно, что правительство Карла II слѣдовало той же логикѣ, какъ и *Times* теперь. Когда Карлъ II былъ еще въ изгнаніи, ближайшій другъ его, полковникъ Сексби, написалъ знаменитый въ исторіи англійской печати памфлетъ «Killing no Murder», въ которомъ доказываетъ справедливость „тираннохахіи". Въ данномъ случаѣ рѣчь шла о Кромвеллѣ—и будущій король Карлъ II считалъ вполнѣ правильными тезисы, выставленные полковникомъ Сексби. «Въ отношеніи къ тирану все дозволено, какъ въ отношеніи къ открытому врагу общества. И такъ какъ каждый имѣетъ право убить врага общества, каждому частному человѣку принадлежитъ право устранять тиранна,—писалъ другъ короля.—«Hostis hostemoccidere volui»,—сказалъ Сцевола Порсеннѣ послѣ неудачнаго покушенія. Греки, какъ передаетъ Ксенофонтъ, не дозволяли убійцамъ входить въ храмъ. А между тѣмъ въ тѣхъ же храмахъ воздвигались статуи тираннохахамъ. Такимъ образомъ греки думали, что тѣ, которые избавили родину отъ тиранна, достойны занять мѣсто рядомъ съ богами. Цицеронъ былъ очевидцемъ почестей, воздаваемыхъ подобнымъ людямъ. «Греки,—пишетъ онъ,—воздавали божескія почести тѣмъ, которые убили тиранновъ. Я видѣлъ это въ Аѳинахъ и въ другихъ греческихъ городахъ. Въ честь тираннома-

ховъ слагались оды; этихъ людей ставили рядомъ съ безсмертными» [1]. Полковникъ Сексби находитъ въ Библіи доказательства, что тиранномахія угодна Богу. Онъ вспоминаетъ Самсона, убившаго филистимлянъ. «Если Самсонъ былъ правъ, убивъ тысячи угнетателей, то почему же нельзя убить *одного* тиранна? Развѣ мы страдаемъ теперь меньше (т. е. подъ властью Кромвелля), чѣмъ израильтяне подъ гнетомъ филистимлянъ? Друзей и родственниковъ ежедневно убиваютъ на нашихъ глазахъ. Какіе у насъ еще способы избавиться отъ тиранна? Назовите ихъ, и «я замолчу». Итакъ, политическое убійство преступно, когда его совершаютъ наши противники, но заслуживаетъ всякихъ похвалъ, когда оно совершено нашими друзьями: таковъ тезисъ, котораго придерживался Карлъ II.

Процессы издателя «North Briton», Уилькса, въ XVIII-мъ вѣкѣ и преслѣдованія республиканскаго журнала «Litlle Dwarf» въ началѣ XIX-го показываютъ, что дѣйствительное освобожденіе печати далеко не совпадаетъ съ моментомъ теоретическаго провозглашенія этого права. Правительство сперва пыталось запугать прессу тюрьмой и висѣлицей, а потомъ хотѣло развратить ее подкупомъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчателенъ сэръ Робертъ Вальполь, который израсходовалъ на прикармливаніе журналистовъ 170.000 ф. ст. Сэръ Робертъ хвасталъ, что въ сущности онъ далъ печати бо́льшую свободу, чѣмъ кто-либо другой. «Я предпочиталъ купить публицистовъ, чѣмъ вѣшать ихъ или выставлять у позорнаго столба»,—говорилъ онъ («Chapters in the History of Popular Progress», by *J. Routledge*, стр. 80). Въ одинаковой степени преслѣдовалась и свобода слова. Недавно Кейръ Гарди, на митингѣ въ Ридингѣ, упомянулъ трагическую судьбу своего дѣда въ 1820-мъ году. «Девяносто два года тому назадъ мой дѣдъ былъ повѣшенъ, колесованъ и четвертованъ, послѣ чего части его тѣла были выставлены на воротахъ замка въ Стэрлингѣ,—сказалъ Кейръ Гарди.— Преступленіе моего дѣда состояло въ требованіи чтобы рабочіе имѣли право участвовать въ парламентскихъ выборахъ.» Дѣло идетъ объ Эндрью Гарди, арестованномъ въ 1820-мъ году за мятежныя рѣчи и за «бунтъ». Наканунѣ ареста Гарди остановилъ въ Глазго помощника шерифа, когда тотъ хотѣлъ сорвать прокламацію, наклеенную рабочими. По словамъ «Судебнаго ежегодника», Гарди «дважды оттолкнулъ помощника шерифа сказавъ, что скорѣе лишится послѣдней капли крови, чѣмъ допуститъ срывъ прокламаціи». Гарди былъ преданъ суду, найденъ виновнымъ, при-

[1]) «Killing no Murder» («Famous Pamphlets», стр. 109—110).

сужденъ къ смерти и казненъ въ стэрлингскомъ замкѣ 8-го октября 1820-го года.

Современному читателю англійскихъ газетъ трудно даже понять сразу, какую страшную перемѣну во взглядахъ создали съ теченіемъ времени «Меркуріи»: вѣдь еще въ 1803-мъ году нельзя было даже печатать, что происходитъ въ парламентѣ. Прямо пропорціонально пріобрѣтаемой свободѣ развивался благопристойный тонъ англійскихъ газетъ. Тонъ англійскихъ газетъ при Георгѣ III былъ рѣзкій, запальчивый, грубый. Даже великіе таланты въ своихъ статьяхъ прибѣгали къ неприличнымъ выраженіямъ. Въ своей полемикѣ газеты не знали границъ. Почти абсолютная свобода печати принесла съ собою корректный тонъ: зачѣмъ браниться, если обличенія можно высказать вполнѣ? Рѣзкость должна заключаться въ *мысляхъ*, а не въ *словахъ*. Обвиненіе, формулированное въ парламентской формѣ, производитъ неизмѣримо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ самыя злыя «полемическія красоты». Вмѣстѣ со свободой возросло достоинство англійской печати. Какъ я сказалъ, *въ общемъ* она стоитъ выше подозрѣній въ продажности. Англійская печать такъ свободна, что можетъ касаться самыхъ щекотливыхъ религіозныхъ вопросовъ. Нагляднымъ доказательствомъ является существованіе «Раціоналистической Лиги», перепечатывающей для самаго широкаго распространенія такую рѣзкую критику установленнаго культа, какъ «Лекціи» полковника Ингерсалля. Надо помнить, что въ 1817-мъ году издатель и книгопродавецъ Джэмсъ Вильямсъ былъ привлеченъ къ суду за выпускъ въ свѣтъ «поносительнаго, безстыднаго и нечестиваго пасквиля, стремящагося набросить тѣнь на часть службы Англиканской церкви». Судья, постановляя приговоръ (тюремное заключеніе), сказалъ, что «пасквиль вполнѣ заслужилъ тѣ опредѣленія, которыя даны ему въ обвинительномъ актѣ». Въ томъ же году судья рѣшилъ отобрать дѣтей у поэта Шелли, какъ у «отъявленнаго атеиста». Въ 1818-мъ году нѣкій Ричардъ Карлейль былъ арестованъ за выпускъ въ свѣтъ пародіи на молитвенникъ. А еще черезъ годъ отправили въ тюрьму издателя, перепечатавшаго атеистическую книгу Пэна: «Age of Reason» (она издана теперь *Раціоналистической Лигой*). Въ 1821-мъ году судъ приговорилъ другого издателя книгъ Пэна къ штрафу въ 1500 ф. ст. Такъ какъ издатель не могъ уплатить этихъ денегъ, то его отправили въ тюрьму на три года. Въ 1857-мъ году конклавъ десяти тысячъ священниковъ англиканской церкви осудилъ книгу доктора Темпеля (впослѣдствіи архіепископа Кентерберійскаго) «Essays and Reviews», содержавшую очень умѣренную и осторожную критику Библіи. Въ 1867-мъ году, черезъ восемь лѣтъ послѣ появленія «Происхожденія

видовъ», въ провинціи привлекли къ суду нѣкоего Чарльса Уотса, прочитавшаго лекцію на тему: «Библія—не боговдохновенная книга»[1]). Теперь, съ одной стороны, свободомыслящіе имѣютъ полную возможность высказаться, а съ другой—критики установленнаго культа отказались отъ насмѣшекъ. Когда-то Пастеръ говорилъ, что въ каждомъ изъ насъ живутъ два человѣка: «одинъ—ученый, разрушающій иллюзію и поднимающійся путемъ опытовъ, точныхъ наблюденій и размышленій до пониманія природы; другой—человѣкъ чувства, которому дороги традиція и вѣра. Онъ плачетъ, когда у него умираютъ дѣти и хочетъ вѣрить, что увидитъ ихъ снова, хотя, увы! не можетъ доказать этого. Чувство его возмущается при мысли, что онъ умретъ, какъ вибріонъ, и онъ увѣряетъ себя, что сила, живущая въ немъ, снова возродится. Владѣнія, въ которыхъ живутъ эти два человѣка, раздѣлены». Критики установленнаго культа знаютъ теперь, что «человѣкъ чувства» не можетъ стать «человѣкомъ разума»...

Въ области политики свобода англійской печати теперь не знаетъ границъ. Мы видѣли, что консервативный *Times* проповѣдуетъ право мятежа.

III.

Въ 1755-мъ году вышелъ маленькій журналъ, форматомъ въ листъ обыкновенной писчей бумаги. Назывался онъ «Daily Universal Register». Черезъ три года къ длинному и безъ того заглавію прибавлено было еще: «and Times». Восемнадцатаго марта 1788-го года все заглавіе, кромѣ послѣдняго слова, было вычеркнуто. Такимъ образомъ появилась газета *Times*. Она долго содержала только четыре страницы. Новости излагаемы были лаконически, въ 3—4 строчкахъ. Потомъ интересъ къ новостямъ растетъ, и появляются статьи въ столбецъ. Въ началѣ XIX-го вѣка *Times* пользовался уже большимъ вліяніемъ, но размѣръ его все еще оставался тотъ же. Послѣ перваго билля о реформѣ (1832) происходитъ стремительное наростаніе скорости въ развитіи англійскаго общества. Параллельно съ этимъ увеличивается объемъ газеты. Но жизнь еще не такъ мчится впередъ, какъ теперь. Читатели *Times'а* внимательно, напр., слѣдятъ за борьбой Италіи съ Австріей, за гигантскимъ состязаніемъ Сѣвера съ Югомъ, т. е. федералистовъ съ конфедератами. *Times* даетъ подробныя корреспонденціи; но читатели

[1]) Факты взяты изъ книги Ипатіи Брэдло Боннеръ: «Penalties upon opinion», London, 1912.

ничего не имѣютъ противъ того, что онѣ доставляются почтой. О паденіи Ричмонда газета узнаетъ черезъ шесть недѣль, а о битвѣ при Сольферино—черезъ восемь дней. Теперь рѣчь японскаго премьера, произнесенная вчера въ Токіо, громадный пожаръ въ Мельбурнѣ или землетрясеніе въ Вальпарайсо, будутъ черезъ день уже «устарѣлыми». Половина гигантскаго нумера *Times'a* передается по телеграфу. Въ результатѣ каждый нумеръ *Times'a* буквально начиняетъ читателя собственными именами. Было время, когда даже величайшіе умы Англіи не знали доподлинно, у моря или нѣтъ стоитъ Миланъ, можно ли пріѣхать въ Богемію на кораблѣ или нѣтъ. Теперь самый немудреный читатель англійской газеты знаетъ и Маракешъ, и Рабатъ, и Манаосъ, и Икитосъ, и Тампико. Ужъ что другое, а память фактовъ должна развиваться у современнаго читателя *Times'a*. Капиталъ, какъ древній викингъ, проникаетъ теперь всюду: въ ленскую тайгу за золотомъ, въ первобытный тропическій лѣсъ на берегахъ Амазонки за резиной, въ степи Южной Африки за алмазами. За «викингомъ» внимательно слѣдятъ тысячи заинтересованныхъ акціонеровъ. Такимъ образомъ усиленно пропагандируются названія неизвѣстныхъ городковъ и урочищъ, лежащихъ въ глубинѣ Азіи, Африки или Южной Америки.

Чтобы пустить въ свѣтъ подобное количество печатнаго матеріала, требуются соотвѣтственныя механическія средства. Передо мною старинный сборникъ гравюръ, изображающихъ пляску смерти. Она является къ королю, папѣ, воину, купцу. Является, между прочимъ, въ типографію. И какими жалкими кажутся эти ручные станки (рисунокъ относится къ 1492-му году) въ сравненіи съ машинами Госса, на которыхъ печатается *Times*! (машина выпускаетъ въ часъ 30 тысячъ нумеровъ въ 20 страницъ каждый!). Когда-то англійская газета была достояніемъ только состоятельныхъ людей, такъ какъ нумеръ стоилъ шесть пенсовъ. То было во времена налога на бумагу. Отмѣна его повела къ удешевленію газеты. Появились сперва двухпенсовыя, потомъ пенсовыя, потомъ полупенсовыя газеты. Полупенсовая *Daily Mail* даетъ за двѣ копейки 12 печатныхъ страницъ, изъ которыхъ шесть переданы по телеграфу. Шрифтъ англійскихъ газетъ спеціально разсчитанъ на то, чтобы портить глаза. Впрочемъ, быть можетъ, англичане пріобрѣли въ этомъ отношеніи извѣстный иммунитетъ, какъ европейцы—въ отношеніи къ цѣлому ряду болѣзней. И точно такъ какъ корь, которою въ Европѣ заболѣваютъ только дѣти, въ американскихъ преріяхъ уноситъ тысячи индѣйцевъ, шрифтъ англійскихъ газетъ, къ которому англичане приспособились вполнѣ, слѣпитъ иностранца. Изъ всѣхъ англійскихъ газетъ одинъ *Times* до сихъ поръ продается по три пенса за ну-

меръ. За то и шрифтъ его болѣе четкій и пріемлемый, чѣмъ шрифтъ остальныхъ газетъ.

Одинъ столбецъ цифръ, приведенныхъ въ юбилейномъ нумерѣ *Times'a*, наводитъ на грустныя размышленія. Газеты растутъ и пухнутъ. Нѣтъ утренняго изданія, которое выпускало бы меньше восьми страницъ громаднаго формата. Для газетъ нужна бумага, которая изготовляется по преимуществу изъ древесной массы. Правда, въ послѣднее время газетную бумагу готовятъ еще изъ деревенистаго растенія «эспарто», вывозимаго изъ Испаніи и Алжира, но только 2—3% всего потребляемаго типографіями матеріала. На приготовленіе бумаги, на которой печатаются англійскія газеты, уходитъ ежегодно 75.0000 тоннъ древесной «пульпы». Вообще культурнымъ странамъ требуется ежегодно пять милліоновъ тоннъ древесной массы. Другими словами, это означаетъ, что пресса съѣдаетъ ежегодно 50 милліоновъ деревьевъ. Прочитанный нумеръ бросается, такъ какъ представляетъ никому не нужный, ни на что негодный матеріалъ, разваливающійся на куски, до такой степени плоха бумага. А вмѣстѣ съ нумерами вчерашней газеты гибнетъ не только человѣческій трудъ, но цѣлая роща. Чтобъ юбилейный нумеръ *Times'a* могъ появиться въ свѣтъ, потребовалось вырубить цѣлый лѣсъ, десятинъ въ 400. Есть грязныя, бездарныя, злобныя газеты, приносящія читателямъ дурманъ и человѣконенавистничество. Между тѣмъ эта грязная, злобная газета была раньше красивымъ, стройнымъ таинственно шумѣвшимъ деревомъ. Передъ нами такое же превращеніе красавицы послѣ смерти въ кровожаднаго «гуся» (упыря), про которое говорятъ восточныя сказки.

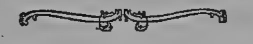
Главнымъ образомъ «пульпа» вывозится изъ Швеціи, Норвегіи и Ньюфаундлэнда. *Daily Mail*, выпускающая ежедневно болѣе милліона нумеровъ, систематически съѣдаетъ всѣ лѣса въ Ньюфаундлэндѣ. Три года назадъ, проѣзжая по величественной Шельмаркенской дорогѣ изъ Одде въ Далянъ (въ Норвегіи), я съ грустью видѣлъ совершенно обнаженные хребты, гдѣ недавно еще были дремучіе лѣса. Англійскія газеты обгрызли горы. Населеніе копало уже торфъ, вслѣдствіе отсутствія топлива.

Въ связи съ юбилеемъ *Times'a* я хочу отмѣтить еще одинъ фактъ. Въ Англіи, какъ во многихъ другихъ странахъ, журналъ *старше* газеты. Англійскій журналъ, какъ и русскій, заключалъ въ себѣ раньше и беллетристику, и публицистическія статьи. Затѣмъ беллетристика отроилась: возникли «магазины». Что же касается публицистическихъ статей, то раньше онѣ всѣ были проникнуты однимъ направленіемъ, какъ въ русскихъ журналахъ. Затѣмъ англійскій журналъ превращается въ сборникъ статей, посвященныхъ

вопросамъ минуты и написанныхъ спеціалистами. Желая по возможности полнѣе освѣтить извѣстный вопросъ, редакторъ иногда поручаетъ написать статьи двумъ авторамъ, смотрящимъ съ діаметрально противоположной точки зрѣнія. У насъ принято думать, что развитіе журнала обратно пропорціонально развитію газеты: по мѣрѣ того, какъ жизнь идетъ болѣе ускореннымъ темпомъ, развивается газета, вытѣсняя журналъ. Сравнительно еще недавно у насъ хоронили журналъ, предсказывая ему смерть отъ газеты. Въ Англіи жизнь теперь кипитъ, что отмѣчается газетами; надо было бы думать, что при такомъ ускоренномъ темпѣ нѣтъ болѣе мѣста журналу. Между тѣмъ мы видимъ, что, параллельно съ газетами, развиваются не только еженедѣльники (*Nation*, *Outlook*, *Saturday Review*), но и ежемѣсячники. Не умираютъ даже мамонты періодической прессы—тяжеловѣсные, медлительные трехмѣсячники (*Quarterly Review*, *Edinburgh Review* и др.). Ежемѣсячные журналы возвращаются къ прежнему типу, напоминающему русскіе ежемѣсячники. Таковъ, напр., журналъ *English Review*, возникшій три года назадъ, соединившій въ себѣ беллетристику и публицистическія статьи и проникнутый однимъ общимъ направленіемъ. Повидимому, тезисъ, что газета развивается на счетъ журнала, являющагося показателемъ сравнительно медленно текущей жизни,—не вѣренъ. Газета не можетъ замѣнить журнала даже въ Англіи. Даже здѣсь жизнь не мчится съ такою стремительностью, чтобы журналъ не могъ угнаться за нею.

Англійскія газеты, въ частности *Times*, могутъ дѣлать серьезныя ошибки; но онѣ даже и тогда не могутъ имѣть развращающаго вліянія, такъ какъ вынуждены считаться *только* съ обществомъ. Въ Англіи нѣтъ оффиціозныхъ газетъ; нѣтъ литераторовъ, прикармливаемыхъ на казенныя деньги. Если нѣтъ оффиціозной прессы, то некому пускать въ обращеніе вѣсти, про которыя итальянскій поэтъ говоритъ: «Falso come una nuova offiziale», т. е. «лживый какъ оффиціальная вѣсть».

Діонео.

ВЪ САКСОНСКОМЪ МАНЧЕСТЕРѢ.

(Письмо изъ Германіи).

Ходимъ по Хемницу и обмѣниваемся впечатлѣніями. Мой спутникъ принадлежитъ къ новому типу нѣмецкихъ рабочихъ, сравнительно рѣдкому и чрезвычайно симпатичному. «Раньше всего я человѣкъ,—заявляетъ онъ,—потомъ джентльменъ, а затѣмъ лишь соціалистъ». Онъ много видѣлъ, много слышалъ, еще больше читалъ. Исколесилъ Европу, Австралію, Америку, побывалъ въ Японіи, въ Китаѣ и всюду наблюдалъ, сравнивалъ и дѣлалъ выводы. Соціалистическую литературу, нѣмецкую, французскую и англійскую, знаетъ отлично. Товарищи оцѣнили его и поставили во главѣ одного изъ самыхъ большихъ союзовъ въ Германіи.

Шагаемъ по улицамъ, переулкамъ, заглядываемъ въ магазины, въ кафе, въ церкви, осматриваемъ фабричныя зданія и приходимъ къ заключенію: Хемницъ—городъ безъ особой физіономіи.

— Въ немъ нѣтъ своей культуры—говоритъ мой спутникъ;—ничего специфическаго, характернаго, неповторяемаго. Изъ всѣхъ городовъ, видѣнныхъ мной по сю и по ту сторону океана, Хемницъ—самый безличный и самый будничный. Улицы однообразныя, оріентируешься въ нихъ не сразу. А главное: ничего яркаго, выдающагося, праздничнаго. Такъ и видно: городъ труда, городъ наживы, городъ борьбы, городъ обыденной суеты.

Соглашаюсь со спутникомъ и сопоставляю его замѣчанія съ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ на хемницкомъ соціалистическомъ съѣздѣ. Хемницкая среда замѣтно отразилась на работахъ пролетарскихъ делегатовъ. Яркихъ моментовъ въ немъ почти не было. Ни блестящей рѣчи Бебеля, ни рѣзкихъ драматическихъ столкновеній, ни захватывающихъ стихійныхъ протестовъ. Искры внутренней партійной борьбы видны были, конечно, и въ Хемницѣ, но только искры. Ни у кого не было охоты раздувать ихъ въ пожаръ, никому не хотѣлось превращать съѣздъ въ пылающій костеръ. Словесная «водица», которою поливали эти искры, не нравилась, быть можетъ тому или другому делегату, но бороться противъ нея не было возможности. Большинство хотѣло мира и не желало «второго Дрездена».

Идти противъ ясной воли компактнаго большинства было бы безразсудно.

Будничный съ внѣшней стороны, съѣздъ занимался тѣмъ, чѣмъ всегда занимаются въ будни: онъ работалъ—работалъ, безъ лишнихъ словъ, безъ фейерверочныхъ эффектовъ, спокойно, увѣренно, съ полнымъ сознаніемъ своей огромной отвѣтственности передъ партіей, передъ страной. Съ девяти утра и до пяти, а иногда и до шести вечера, съ часовымъ перерывомъ для обѣда, делегаты выслушивали, обсуждали, совѣщались, голосовали, обнаруживая на каждомъ шагу плоды многолѣтней выучки и рѣдкостной дисциплины. Вопросы, стоявшіе на очереди, не отличались простотой и требовали значительной подготовки. Не всѣ, конечно, делегаты обладали ею, но большинство несомнѣнно располагало достаточными свѣдѣніями, чтобы разобраться въ обсуждавшемся матеріалѣ. Въ свободные часы мнѣ пришлось вести много разговоровъ съ делегатами и, за немногими исключеніями, собесѣдники поражали размѣрами своего политическаго образованія и умѣньемъ оріентироваться. На каждомъ словѣ чувствовалось, что нѣмецкій рабочій далеко ушелъ впередъ за послѣднія десятилѣтія.

Среди полутысячи делегатовъ, явившихся въ Хемницъ, особымъ вниманіемъ пользовался, конечно, знаменитый вождь, Августъ Бебель. Онъ сильно постарѣлъ, согнулся, но голосъ все еще звученъ, глаза все еще вспыхиваютъ. Былая работоспособность, правда, исчезла, и на многихъ засѣданіяхъ не видать было сѣдой головы пролетарскаго трибуна. Не быть тамъ, гдѣ рѣшались насущныя задачи рабочаго класса, было не легко для стараго бойца. Онъ выросъ вѣдь съ партіей, онъ присутствовалъ при ея зарожденіи; на его глазахъ она окрѣпла, встала на ноги и двинулась впередъ тѣми гигантскими шагами, которые до сихъ поръ возбуждаютъ у однихъ страхъ, у другихъ—удивленіе. Много поработалъ на своемъ вѣку бывшій токарь; зато ему выпало на долю рѣдкое счастье—онъ воочію видитъ, что посѣянныя имъ сѣмена даютъ роскошные всходы. Преслѣдованія, тюрьмы, высылки не задержали движенія, и съ каждымъ годомъ партія увеличиваетъ число своихъ адептовъ, съ каждыми выборами растетъ количество подаваемыхъ за нее голосовъ. Въ концѣ отчетнаго года—докладывалъ членъ центральнаго комитета Эбертъ,— партія насчитывала 970.112 членовъ. По сравненію съ предыдущимъ годомъ это представляетъ увеличеніе на 135.550 человѣкъ, или на $15{,}9^1/_2\%$. Съ такимъ приростомъ партія может быть, по его мнѣнію совершенно довольна. Конечно, если сравнить этотъ только приростъ съ цифрами 1907-го года, когда партія выросла сразу на 38%, то о полномъ удовлетвореніи не можетъ быть и рѣчи. Но не слѣ-

дуетъ забывать, что 1906-7 г.—годъ исключительный въ организаціонномъ отношеніи. Послѣ этого момента развитіе партіи становится болѣе равномѣрнымъ и въ то же время болѣе прочнымъ. Наряду съ количественнымъ ростомъ наблюдаются и качественныя улучшенія. Въ 1906-мъ году партія насчитывала 278 окружныхъ организацій (Wahlkreisorganisationen), изъ которыхъ 165 имѣли болѣе 500 членовъ; въ избирательныхъ округахъ имѣлись только «довѣренныя лица», а въ 38-ми не существовало вообще никакихъ организаціонныхъ центровъ. Теперь существуетъ 390 окружныхъ организацій, изъ которыхъ 233 имѣютъ болѣе 500 членовъ. Въ 1907 г. насчитывалось 2.704 мѣстныхъ группы; нынѣ ихъ 4.827. Въ 1906-мъ году число членовъ составляло 12% соціалистическихъ избирательныхъ голосовъ; нынѣ оно составляетъ 23%. Всѣ эти цифры показываютъ, что, по своимъ размѣрамъ и по своему внутреннему строенію, германская соціалъ-демократія побила рекордъ не только нѣмецкаго, но и мірового партійнаго строительства. Ни въ Германіи, ни внѣ ея не существуетъ партіи, которая могла бы помѣряться съ нею силами.

Огромный партійный организмъ обслуживается въ данный моментъ 86 ежедневными газетами и нѣсколькими еженедѣльниками. Къ серединѣ 1912 года партійная пресса насчитывала около 1½ милліона подписчиковъ, уплатившихъ за свой абонементъ 8.888.843 марокъ. Этимъ не исчерпывается газетный фондъ германскаго пролетаріата, ибо большіе доходы пресса получаетъ и отъ объявленій. Въ отчетномъ году послѣднія дали почтенную цифру въ 6.830.496 марокъ. Располагая такими суммами, партія обзавелась пятьюдесятью девятью типографіями, изъ которыхъ многія, если не большинство, оборудованы по послѣднему слову типографской техники. Не ограничиваясь газетной литературой, партія печатаетъ въ своихъ типографіяхъ сотни тысячъ брошюръ и книгъ, какъ политическаго, такъ и общеобразовательнаго характера. Вообще партія стремится удовлетворить не только непосредственно боевыя нужды пролетаріата, но заботится и о культурномъ подъемѣ рабочаго класса, удѣляя очень много вниманія познавательнымъ и эстетическимъ запросамъ своихъ адептовъ. Въ отчетѣ революціонной организаціи встрѣчаются свѣдѣнія объ изданіи художественныхъ картинъ (Милле: «Собирательницы колосьевъ» и др.) и беллетристическихъ произведеній. Въ отчетномъ году было, напр., издано 5000 экземпляровъ шиллеровскихъ и 15000 томовъ гейневскихъ произведеній. Гигіеническимъ потребностямъ пролетаріата удѣляется также немало вниманія: существуетъ цѣлая серія гигіеническихъ изданій (Arbeiter-Gesundheit-Bibliothek), насчитывающая теперь уже

29 номеровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ брошюръ разошлись десятками тысячъ и внесли въ народную массу много здравыхъ понятій. Нѣмецкая соціалъ-демократія заботится не только о взрослыхъ рабочихъ и работницахъ, но и о подрастающемъ поколѣніи. Существуютъ 454 комитета, спеціально занятыхъ воспитаніемъ молодежи, и кромѣ того имѣется спеціальный печатный органъ, «Arbeiterjugend», расходившійся въ 1912-мъ году въ количествѣ 80100 экземпляровъ. За послѣднее время обращено вниманіе на спеціальныя категоріи рабочихъ,—слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, — для которыхъ изготовляется особая соціалистическая литература и устраиваются особыя собранія.

Агитаціонная дѣятельность партіи, отличавшаяся всегда своимъ широкимъ размахомъ, превзошла въ истекшемъ году, благодаря избирательной кампаніи, самое себя. Изъ печатнаго отчета мы узнаемъ, что партія выпустила не менѣе 114 милліоновъ листковъ и прокламацій, изъ которыхъ на избирательную кампанію падаетъ не менѣе 88 мил. экземпляровъ. Наряду съ распространеніемъ прокламацій шли публичныя и членскія собранія. Первыхъ въ отчетномъ году было 30 тыс., вторыхъ—больше 42 тыс. Само собою разумѣется, что такая агитація требуетъ огромныхъ средствъ. Если бы партія оплачивала всю ту массу агитаціонной работы, которая производится десятками тысячъ рядовыхъ рабочихъ, то ея милліоновъ не хватило бы. Только благодаря тому, что рабочая масса безвозмездно выполняетъ цѣлый рядъ мелкихъ, но важныхъ функцій, партія могла обойтись въ истекшей кампаніи съ $2^1/_2$ мил. марокъ—цифра достаточно почтенная, но далеко уступающая тѣмъ, которыя затрачиваются буржуазными партіями, напр. въ Америкѣ. Какъ извѣстно, агитація истекшаго года увѣнчалась огромнымъ успѣхомъ. Мобилизовавъ $4^1/_4$ мил. избирателей, партія завоевала 110 мѣстъ въ рейхстагѣ и значительно увеличила число своихъ представителей въ ландтагахъ и муниципалитетахъ. Въ общемъ партія располагаетъ теперь 244 депутатами въ ландтагахъ и 10400 представителями въ различныхъ муниципалитетахъ. Правда, почти повсюду партійные депутаты находятся въ меньшинствѣ, но тѣсная сплоченность и серьезное отношеніе къ дѣлу импонируютъ буржуазному большинству въ такой мѣрѣ, что нерѣдко соціалъ-демократическое представительство оказываетъ рѣшающее вліяніе на ходъ и исходъ дѣлъ. Вообще вліяніе партіи на жизнь страны достигло такихъ размѣровъ, что ужъ давно ни одно рѣшеніе правительства не принимается безъ предварительнаго учета того впечатлѣнія, которое оно можетъ произвести на соціалъ-демократію.

Безпрерывный ростъ партіи усложняетъ съ каждымъ годомъ организацію. Нѣсколько разъ партія перерабатывала свой органи-

заціонный уставъ, руководясь опытомъ прошлаго и назрѣвшими потребностями настоящаго. Въ прошломъ году политическія событія международнаго характера послужили поводомъ къ недовольству со стороны партійныхъ радикаловъ. Радикаламъ казалось, что во время марокскихъ событій центральный комитетъ не оказался на высотѣ положенія, не обнаружилъ достаточно политическаго смысла. По мнѣнію критиковъ, центральный комитетъ проявилъ себя не какъ политическій, а какъ бюрократическій аппаратъ. Вслѣдствіе этого былъ поднятъ вопросъ о реорганизаціи центральнаго учрежденія, съ тѣмъ, чтобы придать ему болѣе политическій составъ. Исходный пунктъ радикальной критики былъ, правда, отвергнутъ прошлогоднимъ партейтагомъ, но тѣмъ не менѣе рѣшено было учредить комиссію, которая вновь пересмотрѣла бы организаціонную проблему. Комиссія выступила съ проектомъ новаго партійнаго учрежденія, являющагося чѣмъ-то въ родѣ законосовѣщательной надстройки надъ нынѣшнимъ Parteivorstand'омъ, т. е. центральнымъ комитетомъ. Эта надстройка составляется изъ представителей окружныхъ организацій, избирающихся не имперскимъ, а мѣстными партейтагами. Исполнительныя функціи остаются по прежнему исключительно въ рукахъ центральнаго комитета; новое учрежденіе будетъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку съумѣетъ лучше информировать центральный комитетъ о всемъ, что происходитъ въ странѣ. Новый уставъ измѣняетъ, такимъ образомъ, сравнительно немногое. Неудивительно, что критики не удовлетворились предложенной реформой и съ своей стороны настаивали на необходимости расширить центральный комитетъ такимъ образомъ, чтобы «политическій» элементъ получилъ перевѣсъ надъ «бюрократическимъ». Но что такое «политическій» элементъ въ политической партіи? Какъ отличить «политика» отъ «бюрократа»? По какимъ признакамъ можно установить политическія способности и какъ провести линію между бюрократической и политической дѣятельностью центральнаго комитета? Всѣ эти трудности на практикѣ непреодолимы, въ особенности въ такой демократической партіи, какъ соціалъ-демократія. Большинство съѣзда, поэтому, не могло стать на точку зрѣнія радикаловъ и согласилось съ предложеніями комиссіи. Нѣкоторые опасались и опасаются, что учрежденіе совѣщательной палаты, состоящей изъ представителей мѣстныхъ организацій, можетъ послужить началомъ федералистической реорганизація партіи. Это опасеніе не раздѣляется, очевидно, ни комиссіей, ни партейтагомъ. Предложенныя новшества врядъ ли ослабятъ господствовавшій до сихъ поръ централизмъ; федеративное начало если когда-нибудь и

будетъ положено въ основу нѣмецкой соціалъ-демократіи, то подъ вліяніемъ совершенно другихъ причинъ.

Разногласіе между лѣвыми и правыми не ограничилось организаціоннымъ вопросомъ: оно сказалось какъ при обсужденіи послѣдней избирательной кампаніи, такъ и въ дебатахъ по имперіализму и въ оцѣнкѣ «частныхъ совѣщаній» (Sonderkonferenzen), устраиваемыхъ время отъ времени сторонниками различныхъ внутрипартійныхъ теченій. Референтомъ по вопросу объ избирательной кампаніи былъ назначенъ бывшій вице-президентъ рейхстага, Филиппъ Шейдеманъ. Шейдеманъ принадлежитъ теперь къ выдающимся членамъ партіи; къ его бодрой, мѣстами саркастической рѣчи прислушивается весь съѣздъ. Крупными штрихами докладчикъ обрисовалъ положеніе, въ которомъ очутилась партія на послѣднихъ выборахъ, и съ большимъ искусствомъ защищалъ тактику, принятую центральнымъ комитетомъ при перебаллотировкахъ. «Вечеромъ 12-го января — говорилъ онъ, — стало ясно, какой рейхстагъ желателенъ нѣмецкому народу. Зная это, мы, однако, видѣли, что воля народа можетъ быть фальсифицирована, партійный составъ парламента можетъ оказаться противоположнымъ народному вотуму. Непосредственно послѣ главныхъ выборовъ наши противники пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы добиться для правыхъ по возможности большого количества мандатовъ. Попытки прижать насъ къ стѣнѣ при перебаллотировкѣ не удались. Изъ $12^1/_2$ мил. поданныхъ 12-го января голосовъ консерваторы, католическій центръ и антисемиты получили вмѣстѣ $3^3/_4$ мил., т. е. на 400000 голосовъ меньше того, что получила одна соціалъ-демократія. Тѣмъ не менѣе существовала опасность, что черно-голубой блокъ можетъ получить въ рейхстагѣ большинство. Могли ли мы взять на себя такую отвѣтственность, могли ли мы допустить, чтобы этотъ антинародный союзъ вновь получилъ господство въ рейхстагѣ, изъ котораго онъ только что былъ изгнанъ народнымъ голосованіемъ? Нѣтъ, такой отвѣтственности мы на себя взять не могли. Мы обязаны были отпарировать происки избирательныхъ фальсификаторовъ (Wahlfälscher), стремившихся отобрать принадлежащіе намъ мандаты путемъ различныхъ тактическихъ маневровъ. Мы должны были помнить, что ближайшей цѣлью избирательной кампаніи являлось разрушеніе черно-голубого блока. Что дѣло обстояло именно такъ, видно изъ цѣлаго ряда заявленій въ журналѣ Neue Zeit и въ прокламаціи центральнаго комитета, противъ которой критики не привели ни одного возраженія. А если это такъ, если разрушеніе черно-голубого блока было ближайшей цѣлью избирательной борьбы, то, при сложившихся обстоятельствахъ, соглашеніе съ либералами было

неизбѣжно. Если бы мы поступили иначе, если бы мы предоставили прусскимъ юнкерамъ, изгнаннымъ народнымъ вотумомъ вновь занять свои мѣста въ рейхстагѣ, мы поступили бы какъ полководецъ, выдавшій крѣпость непріятелю. Если-бы мы это сдѣлали, мы обнаружили бы наше политическое скудоуміе, и вы должны были бы насъ изгнать съ позоромъ. Мы не сдѣлали этого, мы отпарировали ударъ фальсификаторовъ, мы сдѣлали все требуемое отъ насъ опасностью момента. Впрочемъ, соглашеніе вынуждалось и другими соображеніями. Кто въ опредѣленныхъ ситуаціяхъ дѣйствуетъ недостаточно быстро, тотъ становится вдругъ объектомъ дѣйствія другихъ. Послѣ 12-го января юнкера готовы были использовать насъ, какъ объектъ своей шантажной политики противъ либераловъ. Во многихъ мѣстахъ они говорили либераламъ: если вы осмѣлитесь не поддерживать насъ, мы не станемъ голосовать за вашихъ кандидатовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ придется бороться (на перебаллотировкѣ) противъ соціалъ-демократовъ. Агенты черно-голубого блока зашли такъ далеко, что сдѣлали попытки завязать сношенія даже съ нами. Не желая стать орудіемъ консервативныхъ шантажистовъ, мы должны были прибѣгнуть къ «смягченію» (Dämpfung) избирательной борьбы. Исключительныя обстоятельства требуютъ исключительныхъ средствъ. Прибѣгая къ «смягченію», мы прибѣгли къ исключительному средству. Я полагаю, что наличность исключительной ситуаціи мною доказана. «Смягченіе» избирательной борьбы имѣло, поэтому, слѣдующій смыслъ: мы объявляли, что не намѣрены прибѣгать къ помощи политическихъ интригантовъ, не желаемъ проковылять въ рейхстагъ на консервативныхъ или антисемитическихъ костыляхъ, не хотимъ содѣйствовать неприличнымъ маневрамъ, направленнымъ, въ конечномъ счетѣ, противъ насъ самихъ. Избирательное соглашеніе явилось продуктомъ несправедливой избирательной системы и тактическихъ интригъ прусскаго юнкерства. Если бы намъ не приходилось считаться съ тѣмъ и другимъ, мы бы конечно не стали прибѣгать къ избирательному соглашенію. Говорятъ о безразличіи количества мандатовъ, ибо рейхстагъ все равно безсиленъ. Это заблужденіе. Рейхстагъ далеко не такъ слабъ. Правда, онъ велъ себя безпомощно по отношенію къ власть имущимъ, но онъ въ состояніи проявить свою силу по отношенію къ народной массѣ. Кто виноватъ въ томъ, что народъ терпитъ нужду? Въ значительной степени вина падаетъ на имперскій парламентъ. Не слѣдуетъ думать, что лишній десятокъ мандатовъ не имѣетъ значенія для рабочаго класса. Не разъ случалось, что законы, имѣющіе большое значеніе, проходили 5—10 голосами большинства. Законопроектъ о налогѣ на наслѣдство былъ отклоненъ большинствомъ всего восьми

голосовъ. Пренебрегать мандатами, поэтому, не приходится. По количеству поданныхъ за насъ голосовъ мы имѣли право на эти мандаты и добивались только того, что намъ слѣдовало по праву. Мы были далеки отъ мысли затушевать существующія классовыя противорѣчія. Мы остаемся тѣмъ, чѣмъ были. Мы остаемся смертельными врагами юнкерскаго произвола и капиталистической эксплоатаціи. Мы остаемся представителями стремящагося впередъ рабочаго класса. Нашей цѣлью остается по прежнему осуществленіе соціализма и демократіи».

Аргументація Шейдемана въ пользу соглашенія казалась ему самому—это онъ высказалъ потомъ въ юмористической репликѣ—чрезвычайно убѣдительной, и онъ надѣялся, что противники «смягченія» не рискнутъ взять слово для возраженій. Эта надежда не оправдалась; партейтагъ ознакомился съ цѣлымъ рядомъ недовольныхъ. Въ большинствѣ случаевъ критическія замѣчанія ихъ сводились не къ полному отрицанію соглашеній съ либералами, а къ порицанію данной формы соглашенія. Находились, однако, и принципіальные противники, полагавшіе, что всякое соглашеніе означаетъ приближеніе къ ревизіонному направленію. «Содержаніе ревизіонистской политики—говорилъ радикалъ Панекокъ (голландскій выходецъ, съ характернымъ голландскимъ акцентомъ рѣчи)—сводится вѣдь къ тому, что рабочимъ внушается довѣріе къ либерализму. Соглашеніе имѣло именно такой смыслъ и потому его не слѣдовало заключать». Аргументы недовольныхъ нимало не повліяли на настроеніе большинства. Резолюція, выражавшая «сожалѣніе» по поводу «смягченія», была отвергнута, тактика центральнаго комитета одобрена подавляющимъ большинствомъ. Такой исходъ тактическихъ дебатовъ повліялъ на либеральные круги успокоительнымъ образомъ. По мнѣнію многихъ либеральныхъ вождей, соціалъ-демократія обнаружила въ Хемницѣ свою политическую зрѣлость и подала надежду на то, что борьба противъ «черно-голубого блока» не встрѣтитъ съ ея стороны доктринерскихъ препятствій. До сихъ поръ сближеніе съ соціалъ-демократіей встрѣчало всего больше препятствій съ либеральной стороны. Нѣмецкій либерализмъ все еще чурается рабочаго класса больше, нежели аграріевъ, все еще не рискуетъ встать на почву послѣдовательнаго демократизма. Либераламъ слѣдовало бы, поэтому, позаботиться сначала о собственной зрѣлости, а потомъ уже награждать соціалъ-демократію похвальными отзывами.

Въ вопросѣ объ избирательной тактикѣ «подсудимымъ» былъ руководящій комитетъ; въ вопросѣ о «частныхъ совѣщаніяхъ» обвиняемыми являлись члены парламентской фракціи. Совѣщанія

устраивались то «ревизіонистами», то «радикалами», и имѣли цѣлью выработку общей тактики по отношенію къ внутрипартійнымъ «противникамъ». За послѣдніе годы совѣщанія настолько участились, что возникло опасеніе, какъ бы они не явились подрывомъ цѣльности и единства партійной организаціи. Какъ съ праваго, такъ и съ лѣваго крыла партіи послышались предостерегающіе голоса, настойчиво предлагавшіе прекратить опасную игру. На партейтагѣ нѣсколько радикаловъ внесли резолюцію, которою совѣщанія признавались «неизбѣжными» и способными укрѣпить единство партіи. Обоснованіе этого тезиза было поручено старику Гоху изъ Ганау, человѣку съ желчнымъ темпераментомъ и нервной рѣчью. По мнѣнію Гоха, отказаться отъ частныхъ конференцій невозможно и нежелательно. Ревизіонистъ Франкъ заявилъ, что можно прекрасно обойтись безъ конференцій, къ чему присоединился и Бебель. Выступленіе Бебеля явилось рѣшающимъ. Сторонники частныхъ совѣщаній поняли, что судьба послѣднихъ рѣшена и поспѣшили взять свою резолюцію обратно. Небольшое, но насыщенное взаимнымъ недовѣріемъ разногласіе окончилось, такимъ образомъ, довольно благополучно. Болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ вопросѣ германская соціалъ-демократія проявила тутъ свое стремленіе къ единой и нераздѣльной организаціи. Правые и лѣвые ея члены могутъ имѣть свои особыя мнѣнія, но это не должно вести къ созданію партій въ партіи.

Отъ внутреннихъ партійныхъ вопросовъ партейтагъ перешелъ къ общеполитическимъ. По вопросу объ имперіализмѣ, докладчикомъ выступилъ предсѣдатель партіи и съѣзда, Гаазе, занявшій въ партіи мѣсто покойнаго Зингера и пользующійся, повидимому, всеобщимъ расположеніемъ. Въ своемъ докладѣ онъ далъ обстоятельную картину имперіалистической тенденціи, столь характерной для послѣдняго десятилѣтія. Подъ имперіализмомъ Гаазе понимаетъ стремленіе къ завоеванію новыхъ сферъ вліянія и къ расширенію предѣловъ страны. «Такое стремленіе естественно вытекаетъ,—говоритъ онъ,—изъ хозяйственнаго развитія нашего времени, изъ всей экономической структуры современныхъ капиталистическихъ государствъ. Производительныя силы капитализма достигли баснословныхъ размѣровъ. Въ 1910-мъ году міровая торговля оцѣнивалась въ болѣе чѣмъ 132 милліарда марокъ, что представляетъ собою цѣнность въ два раза большую той, которую имѣла мѣновая торговля 20 лѣтъ тому назадъ. Участіе Германіи въ этомъ ростѣ міровой торговли довольно значительно. Характернымъ является ростъ путей сообщенія. Съ 1890-го по 1909-ый годъ рельсовый путь Германіи увеличился съ 42.800 до 60.000 килом. Во всей Европѣ

длина рельсоваго пути возросла за это время съ 223.000 до 329.000 километровъ, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки—съ 280.000 до 381.000 километровъ. Въ Японіи рельсовый путь учетверился за это время, а въ Китаѣ поднялся съ 200 километровъ до 8224 километровъ. Поистинѣ баснословно развитіе торговаго судоходства. Емкость нѣмецкихъ торговыхъ судовъ повысилась за послѣднія 40 лѣтъ съ 982.000 до 2.903.000 тоннъ. Въ Великобританіи емкость торговыхъ судовъ увеличилась за послѣдніе годы на $2^1/_2$ мил. тоннъ, въ Америкѣ—на 1 мил. На этомъ, однако, развитіе не останавливается; повсюду идетъ работа надъ дальнѣйшимъ расширеніемъ транспорта. Багдадская дорога вскорѣ будетъ закончена. Проектируется постройка желѣзной дороги отъ Капштадта до Каира и отъ Александріи до Шанхая. Скоро будетъ открытъ Панамскій каналъ, который тѣснѣе свяжетъ Америку съ Восточной Азіей. Съ открытіемъ Панамскаго канала Европа будетъ отстоять отъ Китая и Японіи лишь на 2.500 морскихъ миль далѣе нежели Нью-Іоркъ. Панамскій каналъ откроетъ пути къ совершенно новымъ рынкамъ сбыта. Современный капитализмъ экспортируетъ не только предметы личнаго потребленія, но и орудія производства и транспорта. Денежный капиталъ достигъ невѣроятныхъ размѣровъ и повсюду ищетъ примѣненія. Страны, богатыя деньгами, ссужаютъ ими бѣдныя государства, обязуя, большею частью, должниковъ къ различнымъ заказамъ на предметы потребленія и орудія производства. Такія операціи сдѣлались особенно легкими съ тѣхъ поръ, какъ крупные банки связали себя съ горными заводами и угольными копями. Для иллюстраціи финансовой зависимости современныхъ государствъ достаточно привести нѣсколько цифръ, касающихся Англіи, Германіи, Франціи. Англія имѣетъ за границей и въ колоніяхъ приблизительно 70 милліардовъ марокъ. Проценты, получаемые Англіей съ этого капитала, достигаютъ приблизительно 100 мил. фунтовъ въ годъ. Германія имѣла за-границей въ 1905-мъ году около 25 милліардовъ, а нынѣ имѣетъ не менѣе 35. По нѣкоторымъ подсчетамъ, Германія, Франція и Англія доставляютъ міру около 6 милліардовъ капитала въ годъ. Благодаря этому отсталыя страны втягиваются въ капиталистическій оборотъ, развиваютъ собственную промышленность и раньше или позже становятся конкурентами старыхъ промышленныхъ странъ. Конкуренція между капиталистическими странами опредѣляетъ и окрашиваетъ всю международную политику. Подъ вліяніемъ имперіализма нѣмецкая политика совершенно измѣнила свой характеръ. Бисмаркъ зналъ только континентальную, европейскую политику; нынѣ у насъ господствуетъ политика міроваго характера. Рука объ руку съ имперіализмомъ идетъ стремленіе въ безконечному вооруженію. Одно го-

сударство стремится обогнать на этомъ пути другія. Расходы на вооруженіе безконечно растутъ. Позволительно, однако, спросить, насколько неизбѣженъ для капитализма постоянный ростъ вооруженій. Безспорно, капиталъ, вложенный въ изготовленіе оружія, достигъ огромныхъ размѣровъ; разоруженіе отразилось бы на этой отрасли промышленности чрезвычайно сильно. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что вооруженіе должно неизбѣжно расти. Наряду съ милитаристскими имѣются и противоположныя тенденціи. Безпрерывный ростъ вооруженія—отнюдь не обязательное, жизненное условіе капиталистическаго процвѣтанія. Доказательствомъ этому служитъ предложеніе, сдѣланное Англіей объ ограниченіи вооруженій. Предложеніе, внесенное соціалъ-демократической фракціей относительно разоруженія, было, поэтому, правильно. Народная масса поняла и по достоинству оцѣнила образъ дѣйствій соціалъ-демократической фракціи; это доказала послѣдняя избирательная кампанія. Можно, конечно, поставить вопросъ относительно неизбѣжности войны. Допуская, что вооруженіе не является обязательнымъ условіемъ капиталистическаго развитія, можно утверждать, что военныя столкновенія неизбѣжны. Необходимо, однако, напомнить, что Марксъ и Энгельсъ предостерегали насъ отъ фатализма. И я дѣйствительно думаю, что тѣ товарищи, которые считаютъ войну чѣмъ-то роковымъ, сошли съ почвы истиннаго марксизма. Капиталистическія группы различныхъ государствъ входятъ въ соглашеніе и распредѣляютъ міровой рынокъ между собой. Образуются міровые картели, трэсты; зарождается своего рода международный націонализмъ или интернаціонализмъ. Было бы иллюзіей думать, что это одно уже устраняетъ опасность войны; но мы несомнѣнно имѣемъ средство, которымъ можно воспользоваться для устраненія военной опасности. Наряду съ солидарностью международнаго капитала растетъ солидарность международнаго пролетаріата. Нѣмецкая соціалъ-демократія всегда голосовала противъ роста вооруженій, а въ англійскомъ парламентѣ вождь рабочей партіи, Макдональдъ, заявилъ недавно, что англійскіе рабочіе пойдутъ въ этихъ вопросахъ плечо о плечо съ нѣмецкими собратьями. Все это показываетъ, что наши демонстраціи въ пользу мира—не пустое занятіе, что международный пролетаріатъ дѣйствительно въ состояніи оказать вліяніе въ дѣлѣ охраны международнаго мира».

Бурные апплодисменты, вознаградившіе оратора, показали, что большинство съѣзда всецѣло солидарно съ его разсужденіями. Умѣренные и радикалы стоятъ въ этомъ вопросѣ на одной и той же точкѣ зрѣнія. Въ партіи есть, однако, нѣсколько ультра-радикальныхъ доктринеровъ, отстаивающихъ въ области

имперіализма совершенно нелѣпую позицію. Редакторъ радикальной Лейпцигской газеты, Ленчъ, и извѣстный уже намъ Панекокъ выступили въ качествѣ адептовъ этой доктринерской точки зрѣнія. Международное соглашеніе объ ограниченіи вооруженій является, по мнѣнію Ленча, утопіей. Міровая исторія не дѣлаетъ ошибокъ: безпрерывный ростъ вооруженія, наблюдаемый за послѣднія десятилѣтія, является неизбѣжнымъ спутникомъ капиталистическаго развитія. Мирный капитализмъ, конечно, возможенъ, но только въ безвоздушномъ пространствѣ, на бумагѣ, въ теоріи. Въ реальной дѣйствительности безпрерывный ростъ вооруженій неизбѣжно вытекаетъ изъ данныхъ хозяйственныхъ условій. Антимилитаристическія тенденціи существуютъ, но не въ буржуазномъ, а въ соціалистическомъ мірѣ. Въ буржуазномъ мірѣ оппозиція противъ милитаризма совершенно заглохла. Борьба соціализма противъ вооруженій увѣнчается успѣхомъ, но лишь постольку, поскольку соціализмъ одержитъ верхъ надъ капитализмомъ. Путь капитализма идетъ черезъ трупы и кровь, но въ концѣ концовъ онъ приведетъ къ соціализму. Исполинскій ростъ современныхъ армій, привлекая къ военной службѣ все мужское населеніе, создаетъ необходимыя условія для перехода къ народной милиціи. Разоруженіе, наоборотъ окажется благопріятнымъ для преторіанства. Противъ имперіализма,—такъ закончилъ Ленчъ,—у насъ нѣтъ особыхъ средствъ; мы можемъ только агитировать и организовывать.

Противъ этихъ фаталистическихъ разсужденій выступили какъ ревизіонисты, такъ и радикалы. Отецъ нѣмецкихъ ревизіонистовъ, Эдуардъ Бернштейнъ, прямо заявилъ, что «міровая исторія не однажды находилась на ложномъ пути», а радикалъ Карлъ Либкнехтъ замѣтилъ, что «хотя капитализму и присущи извѣстныя тенденціи, но въ немъ нѣтъ никакихъ абсолютныхъ необходимостей». Въ самомъ капитализмѣ имѣются антимилитаристскія тенденціи, противодѣйствующія безпрерывному вооруженію. На ту же точку зрѣнія всталъ и Георгъ Ледебуръ, принадлежащій къ радикальному крылу партіи. Ультрарадикалы оказались, такимъ образомъ, изолированными; резолюція, предложенная президентомъ, была принята всѣми голосами противъ трехъ. Въ ретроспективныхъ статьяхъ по поводу съѣзда ультрарадикалы не признали себя побѣжденными и высказали надежду, что раньше или позже партія станетъ на ихъ точку зрѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти надежды не осуществятся. Нѣмецкая соціалъ-демократія достигла такихъ размѣровъ, при которыхъ простое обличеніе и агитація недостаточны. Партія имѣетъ достаточно силъ, чтобы вмѣшаться сознательно не только въ «производственный процессъ», но и въ «процессъ

политическихъ противоположностей». Нельзя не согласиться съ Бернштейномъ и тогда, когда онъ говоритъ: «мы ослабляемъ нашу борьбу, когда признаемъ согласно съ буржуазными партіями, что милитаризмъ и маринизмъ вещи необходимыя».

Рефератъ и дебаты объ имперіализмѣ явились кульминаціоннымъ пунктомъ конгресса. До и послѣ того партейтагу пришлось разрѣшить рядъ сравнительно мелкихъ вопросовъ, имѣвшихъ, впрочемъ, немаловажное значеніе. Сильное впечатлѣніе произвелъ докладъ Гуэ (Hue) объ охранѣ горнорабочихъ. Гуэ принадлежитъ къ выдающимся знатокамъ горнаго дѣла. Серьезный, проникновенный тонъ этого неладно скроеннаго, но крѣпко сшитаго оратора произвелъ на всѣхъ присутствующихъ сильнѣйшее впечатлѣніе и заставилъ призадуматься надъ ужасами, испытываемыми сотнями тысячъ горныхъ рабочихъ. Съ обстоятельностью спеціалиста Гуэ доказывалъ, что возрастающій ростъ катастрофъ не обусловливается требованіями производства, а является продуктомъ ненасытной жадности спекулянтовъ, и что они устранимы при наличности соотвѣтственно предохранительныхъ мѣръ. Быть можетъ, мѣры эти понизятъ размѣры дивидендовъ, но зато онѣ спасутъ жизнь и здоровье многихъ и многихъ тружениковъ.

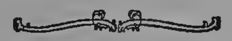
Еще большее впечатлѣніе произвелъ краткій, но выразительный докладъ Шейдемана о вздорожаніи жизненныхъ припасовъ. Вздорожаніе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ обусловлено, по мнѣнію Шейдемана, тѣмъ, что капиталъ мало интересуется развитіемъ земледѣлія. Сельское хозяйство страдаетъ отъ отсутствія рабочихъ силъ; приростъ населенія привлекается не сельскимъ хозяйствомъ, а индустріей. Въ этомъ фактѣ докладчикъ усматриваетъ наличность экономическаго анархизма, чреватаго всякими бѣдствіями. Что въ основаніи дороговизны лежатъ международныя причины— это видно изъ того, что она наблюдается въ настоящее время во всѣхъ капиталистическихъ государствахъ. Отсюда слѣдуетъ, что панацея либерализма — свободная торговля — безсильна понизить цѣны. Необходимо прибѣгнуть къ радикальнымъ мѣрамъ. Необходимо замѣнить господствующую анархію планомѣрной организаціей производства и потребленія, замѣнить капитализмъ соціализмомъ. Но наряду съ общими причинами вздорожанія имѣются и мѣстныя. Въ Германіи возвышеніе цѣнъ обусловлено въ огромной мѣрѣ покровительственными пошлинами, а также цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ таможенной политики, направленныхъ исключительно къ обогащенію аграріевъ и заводчиковъ. Для смягченія господствующей нужды необходимо срыть таможенную стѣну и организовать продажу жизненныхъ продуктовъ на

коммунальныхъ началахъ. Кромѣ того рабочіе должны использовать орудіе самопомощи и присоединяться повсюду къ кооперативному движенію. Крупными штрихами Шейдеманъ рисуетъ дальше то броженіе, которое дороговизна вызвала въ нѣмецкомъ народѣ и съ ѣдкимъ сарказмомъ характеризуетъ бездѣятельность имперскаго правительства. Подъ громъ продолжительныхъ аплодисментовъ докладчикъ заканчиваетъ предостереженіемъ по адресу власть имущихъ и призывомъ къ пропагандѣ и агитаціи.

Заключительнымъ аккордомъ «красной недѣли» была драматическая сцена исключенія изъ партіи. Исключенію подвергся скромный работникъ, политико-экономъ Гильдебрандтъ, имѣвшій несчастье придти въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ къ нѣкоторымъ выводамъ, съ которыми партія не можетъ примириться. Это исключеніе было единственнымъ печальнымъ эпизодомъ всего съѣзда. Какъ ни относиться ко взглядамъ Гильдебрандта, не слѣдовало забывать, что это только теоретическія построенія, которыя должны быть терпимы во всякой демократической партіи. Къ такой терпимости обязываютъ въ особенности размѣры, достигнутые нѣмецкой соціалъ-демократіей. Въ милліонной организаціи должны найти мѣсто всѣ честные поборники демократическаго соціализма. Что къ такимъ поборникамъ принадлежитъ и Гильдебрандтъ—было ясно для всякаго, кто видѣлъ эту скромную аскетическаго вида фигуру и слышалъ его простую, безхитростную защитительную рѣчь. Его исключеніе нельзя, поэтому, не признать ошибкой, за которую партіи придется вѣроятно поплатиться. Смягчаетъ ея значеніе только то, что въ основаніи ея лежатъ исключительно идейные мотивы.

Р. Стрѣльцовъ.

Хемницъ.

ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО.

(Т. Щепкина-Куперникъ.—Сказанія о любви. М. 1910 г.).

Между послѣдними произведеніями Тургенева, въ которыхъ, передъ его близкимъ концомъ, съ особой яркостью вспыхнулъ талантъ одного изъ величайшихъ художниковъ слова, видное мѣсто занимаетъ «Пѣснь торжествующей любви». Въ этомъ замѣчательномъ подражаніи по формѣ и стилю стариннымъ итальянскимъ но-

велламъ нашли себѣ мѣсто всѣ ихъ характерныя черты: лѣтописная сжатость разсказа, поэтическая наивность изображеній, восторженное поклоненіе нравственной и физической красотѣ и глубокій, непосредственный мистицизмъ. Тургеневъ не только искусно сохранилъ и оттѣнилъ историко-бытовыя особенности времени и нравовъ, но и въ самый языкъ своего разсказа какъ бы вдохнулъ душевныя настроенія дѣйствующихъ лицъ, внося въ него, смотря по ходу разсказа, то безстрастное спокойствіе хроники, то плавное изящество душевнаго равновѣсія, то голосъ страсти, то тревогу и ужасъ передъ таинственнымъ...

До сихъ поръ «Пѣснь торжествующей любви» остается у насъ непревзойденнымъ образцомъ высоко-художественнаго подражанія тѣмъ короткимъ и сильнымъ разсказамъ, которые, несмотря на исключительность своего содержанія, вѣютъ на читателя живымъ духомъ далекой старины, воплощая ее въ прекрасныхъ и рельефныхъ образахъ. Быть можетъ, новелла Тургенева стояла въ нашей литературѣ долгое время одиноко вслѣдствіе трудности такихъ подражаній, требующихъ большой предварительной подготовки и особой тщательности письма для избѣжанія невольнаго уклоненія въ область современнаго реализма или дисгармоніи стиля и языка, могущей обратить тонкое подражаніе въ грубую поддѣлку. Поэтому нельзя не привѣтствовать трудъ г-жи Щепкиной-Куперникъ, пошедшей по стопамъ Тургенева и съ большимъ умѣньемъ и вдумчивостью передавшей въ своихъ «Сказаніяхъ о любви», въ строгой и выдержанной формѣ, поэтическіе эпизоды изъ тѣхъ временъ западно-европейской жизни, когда создавалась «Божественная комедія» или совершался переходъ отъ средневѣковья къ возрожденію. Въ этихъ сказаніяхъ умѣлой рукой нарисованы характеры, исполненные то грубой силы, то голубиной кротости, дикія, необузданныя страсти—наряду съ мученическимъ смиреніемъ; въ нихъ звучитъ нѣжная симфонія любви и змѣится предательство, возносятся чистыя молитвы и льются потоки мстительно проливаемой крови. Книга Щепкиной-Куперникъ уноситъ читателя въ міръ, чуждый прозаической обыденности, не сходя въ то же время съ почвы историко-бытовой дѣйствительности. Въ ней красной нитью проходитъ идея о возвышающемъ значеніи сознательно принимаемаго страданія, о нравственной красотѣ жертвы, о живой связи между человѣкомъ, природою и Творцомъ. Посвящая свои разсказы чувству любви, начиная съ его смутнаго возникновенія до пышнаго реальнаго расцвѣта, рисуя его яркими красками, г-жа Щепкина-Куперникъ никогда не переступаетъ той черты, за которою начинается соблазнительная для многихъ область подробностей низменнаго порядка. Трогательныя мѣста ея разсказовъ,

проникнутыя искреннимъ чувствомъ, чужды, однако, несвойственной духу изображаемаго времени современной болѣзненной чувствительности, а картины, полныя мрачнаго трагизма, сильны въ своей сжатости. Голый историческій фактъ, поэтическій эпизодъ изъ «Божественной комедіи», стихъ Камоенса въ Лузіадѣ, воспоминаніе о слышанной легендѣ даютъ автору поводъ къ вышивкѣ яркаго и гармоническаго по краскамъ узора на канвѣ, сотканной изученіемъ исторіи, нравовъ и искусства данной эпохи. Языкъ автора находится въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ его «правдивыхъ исторій». За исключеніемъ немногихъ неудачныхъ выраженій или оборотовъ и иностранныхъ словъ, онъ замѣчателенъ по своей чистотѣ и картинности и является прекраснымъ орудіемъ для передачи того настроенія, которое автору хочется создать въ читателѣ. Поэтому форма «правдивыхъ исторій» безукоризненна. Въ ней нашла себѣ мѣсто красивая образность въ духѣ средневѣковья.

«День былъ жаркій,—говорится въ повѣсти о любви и смерти Франчески и Паоло,—и земля какъ бы изнемогла, пронизанная безчисленными лучами солнца, какъ св. Себастіанъ стрѣлами. Съ травъ и кустовъ поднимались одуряющія испаренія. Каждая чашечка и каждый вѣнчикъ цвѣтка были курильницами, расточавшими ароматы, какъ жертвенное славословіе великой силѣ, вызвавшей все живущее къ жизни». Постоянно встрѣчаются художественныя мѣста, въ которыхъ немногими словами развивается сложная картина цѣлаго психологическаго процесса. Инеса де Кастро «хотѣла бороться со своею грѣшной любовью, но трудно ей это было, пока они постоянно встрѣчались и его взгляды, намеки, тайныя слова, охватывали ее *пылающей сѣтью искушенія*... Ничто не спасло ее: и, подобно чуду св. Елизаветы, черный хлѣбъ ея поста, молитвъ и бичеваній превращался въ алыя розы всепобѣждающей любви»... «Молодые люди не открывали другъ другу своей любви, но это и не было нужно. Слова излишни тамъ, гдѣ есть взгляды, глубокіе вздохи, улыбки и молчаніе. Сѣтью таинственной пряжи изъ надеждъ, желаній, предчувствій окутывала ихъ весна, и вся жизнь ихъ была нѣмымъ, но краснорѣчивымъ ожиданіемъ минутъ счастья. Оба чувствовали, что принадлежатъ другъ другу, созданы другъ для друга и пока еще не сказали ни слова, но души ихъ соприкасались крыльями и сливались въ безмолвномъ объятіи, соединяющемъ ближе, чѣмъ тѣлесныя объятія безъ великаго чувства любви». Якопо Бенедетти, потерявшій жену свою Монну Ванну, во искупленіе грѣховъ его распутной жизни носившую подъ блестящимъ нарядомъ грубую власяницу кающейся, «по-

нималъ, какое терзаніе доставлялъ своей нѣжной подругѣ, и начиналъ то съ сухими глазами прядать, какъ левъ, по комнатѣ, и мысли вились у него въ головѣ подобно разорваннымъ тучамъ и сухимъ листьямъ во время бури; то кидался къ ногамъ Монны Ванны, цѣлуя ея мраморныя руки, обливая ихъ слезами и умоляя ее встать, причемъ говорилъ съ нею, какъ съ живой, и давалъ ей клятвы измѣнить свою жизнь и примириться съ Богомъ»...

Въ своихъ описаніяхъ и сценахъ г-жа Щепкина-Куперникъ мастерски переноситъ читателя въ среду, обстановку и міросозерцаніе своихъ героевъ, постоянно сохраняя характерныя черты времени, въ которое они дѣйствуютъ. «Давно отзвонилъ колоколъ, заставляющій людей въ полѣ бросать плугъ, въ домѣ—топоръ или прялку и, благоговѣйно сложивъ руки, читать вечернюю молитву ангелу Господнему» — говорится въ «Послѣдней ночи короля».— «Улегся вѣтеръ, разрывавшій сизыя тучи, изъ-за которыхъ золотомъ и пурпуромъ горѣли небеса; погасъ костеръ заката, и ночь сошла на землю въ священномъ облаченіи, шитомъ звѣздами по синей парчѣ, чтобы творить великое таинство сна и тишины. И спали птицы на вѣтвяхъ деревьевъ, и звѣри въ норахъ лѣсныхъ, и стада въ полѣ, и утомленные люди въ пастушескихъ хижинахъ и богатыхъ домахъ. Миновалъ часъ тушенія огней; и нигдѣ почти не свѣтилось ни одного огня—только неугасимая лампада въ часовнѣ Св. Дѣвы, да издали, на высотѣ, окна королевскаго замка. И какъ будто не зналъ королевскій замокъ, что кругомъ ночь служитъ святое молебствіе отдыху и сну». Многія изъ этихъ описаній даютъ блестящія картины, настолько проникнутыя жизнью и движеніемъ, что читатель порою видитъ ихъ передъ собою, какъ будто авторъ перемѣнилъ перо на кисть.

Бытовыя условія жизни и религіозный экстазъ тѣхъ временъ, къ которымъ относятся новеллы Щепкиной-Куперникъ, получаютъ у нея яркую окраску. Вотъ, напримѣръ, картина рыцарскаго замка: «Крѣпокъ и мраченъ былъ старый замокъ; не даромъ страхъ возводилъ толстыя каменныя стѣны и высокія бойницы, недовѣріе ковало тяжелые, чугунные засовы и желѣзныя цѣпи, жестокость рыла глубокія подземелья, гдѣ томились плѣнники, и хитрость прокладывала тайные подземные ходы въ нихъ. Извнѣ не проникало никакихъ звуковъ, и не было обычнаго шума рыцарскаго замка: ржанья коней, лая собакъ, колотушки дозорныхъ сторожей, бѣготни челяди, громкихъ шутокъ воиновъ, закованныхъ въ желѣзные доспѣхи, и тяжелаго стука ихъ шаговъ по каменнымъ корридорамъ». Вотъ опредѣленіе, чѣмъ долженъ быть истинный рыцарь: «Вѣжливъ безъ низости, благожелателенъ безъ при-

творства, щедръ къ бѣднымъ, сострадателенъ къ несчастнымъ; всегда съ оружіемъ въ рукахъ—противъ убійцы и предателя, за угнетеннаго и обиженнаго, всегда готовъ судить безъ ненависти и безъ пристрастія и предпочесть смерть—малѣйшему безчестію; всегда готовъ стоять на стражѣ св. церкви, которая не можетъ сама защищать своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ, ибо обязана ударившему ее по правой ланитѣ подставлять лѣвую. У него два сердца: одно твердое, какъ магнитъ, для каждаго безчестнаго притѣснителя; другое—мягкое, какъ воскъ, для каждой несчастной жертвы. И оба должны принадлежать одной избранницѣ, одной дамѣ его сердца».

Нельзя, затѣмъ, не отмѣтить цѣлаго ряда образныхъ выраженій, разсыпанныхъ по книгѣ. Синьоръ Нелло, услышавъ о невѣрности супруги, «потемнѣлъ, какъ вершина горы, когда ее окутаетъ грозовая туча», Піа ди Толомеи возбуждаетъ въ жителяхъ Сіенны надежду, что съ выходомъ ея замужъ за Нелло прекратятся междоусобія и что «она, какъ розовая заря, взойдетъ надъ ночью вражды и прогонитъ ее своею ангельской улыбкой»; убійца Инесы де Кастро, «оторвавъ отъ нея дѣтей, схватилъ ее за одежду такъ, что распахнулась красная симарра и обнажилась лилейная грудь—и съ жадностью вонзилось въ нее лезвее кинжала»...

Содержаніе книги такъ богато и разнообразно, что подробная оцѣнка его заняла бы слишкомъ много мѣста; достаточно указать хотя бы на глубоко-трогательныя страницы, посвященныя болѣзни и смерти Монны Піи, отравленной ядовитыми испареніями мареммъ римской Кампаньи, или на потрясающее описаніе отчаянія домъ-Педро послѣ убійства его возлюбленной Инесы. «Пылокъ и жизнерадостенъ былъ ранѣе домъ-Педро; мраченъ и угрюмъ сталъ онъ, какъ если бы много зимъ пронеслось надъ его головою. Подобно снѣгу, выпадающему иногда весною, показалась преждевременная сѣдина въ его темныхъ кудряхъ. Прекрасенъ и гордъ былъ онъ ранѣе, какъ орелъ,—подозрителенъ и жестокъ сталъ онъ, словно коршунъ. Вмѣсто открытой для любви и справедливости души, изъ глазъ его смотрѣли на міръ Божій бездны ненависти и проклятія. Онъ жилъ отшельникомъ; не тѣшила его уже ни охота, ни благородныя рыцарскія игры, ничто, наполнявшее прежде его дни; не убранный, едва прикрытый, со спутанными волосами, блѣдный, какъ выходецъ изъ гроба, блуждалъ онъ по своему дворцу, не пуская къ себѣ почти никого на глаза; когда же наступала ночь, онъ спускался въ склепъ, гдѣ была похоронена Инеса и тамъ проводилъ долгіе часы. При неровномъ мерцаніи факела, воткнутаго въ бронзовое кольцо у стѣны, въ склепѣ, выложенномъ цвѣтнымъ

мраморомъ, лежалъ онъ у ея гробницы; и что онъ говорилъ съ усопшей, какъ съ живой, какъ онъ рыдалъ, какъ онъ ревѣлъ, точно раненый звѣрь, и вдругъ называлъ ее нѣжными именами ихъ любви: звѣздой его неба, цвѣткомъ его жизни, душой его души, и какъ клялся ей, что она все же будетъ королевой, и какъ бился головою о плиты подземныя и въ кровь кусалъ свои руки, понимая, что ея уже нѣтъ,—про это знали только холодъ мрамора, облитаго слезами, только пламя факела, колебавшагося отъ воплей, вздоховъ и безумныхъ словъ».

Въ заключеніе надо замѣтить, что художественный тактъ никогда въ этой книгѣ не покидаетъ автора и что въ наиболѣе откровенныхъ сценахъ его «правдивыхъ исторій» онъ ни единымъ словомъ не дразнитъ и не грязнитъ воображенія читателя. У него изображеніе красоты не переходитъ незамѣтно въ чувственную смазливость и любовь не обращается въ животную похоть. «Когда Инеса пришла въ церковь и увидѣла кругомъ изможденныхъ монахинь, и черепа за рѣшетками, и каменныя изваянія на гробницахъ—страстно захотѣлось ей жизни, захотѣлось не умереть, не извѣдавъ счастья любви. Въ эту ночь домъ-Педро проникъ въ монастырь. Сперва Инеса думала, что это видѣніе, вѣчно сопутствующее ея душѣ, но когда сильныя и нѣжныя руки охватили ее, когда пылающія уста остановили поцѣлуемъ крикъ, готовый сорваться съ ея устъ, она поняла, что жизнь настигла ее. И въ этотъ мигъ соловей запѣлъ, и громко зашумѣли вершины кедровъ, чтобы никто не могъ подслушать вздоховъ, и шепота, и моленій любви; и луна спряталась за облакомъ, чтобы никто не подсмотрѣлъ тайны ея счастья».

«Среди цвѣтущихъ кустовъ розъ и миртъ, Маргарита увидѣла изображеніе обнаженной женщины изъ мрамора, но такое совершенное, что въ колеблющемся блескѣ огней оно казалось живымъ. И Гвидо сказалъ Маргаритѣ:—Видишь, это твое изображеніе.—И онъ сорвалъ съ нея лохмотья и поставилъ рядомъ съ мраморной женщиной—и нельзя было сказать какая прекраснѣе: мраморная или живая. У обѣихъ одинаково пышный узелъ волосъ точно оттягивалъ назадъ маленькую головку; у обѣихъ было такое же нѣжное и совершенное тѣло: гибкая спина и дѣвическая грудь и бедра округленно покатыя, какъ стѣнки тутъ же стоявшихъ греческихъ вазъ, и длинныя, стройныя ноги; но въ то время какъ одна была холодно-бѣла и недвижна, у другой подъ золотистой кожей переливалась кровь и бились тонкія жилки: и она съ трепетомъ закрыла лицо свое распустившимися волосами: ибо въ эту минуту почувствовала блудница стыдливость, и муку, и счастье любви». Книга г-жи

Щепкиной-Куперникъ представляетъ не только самостоятельный и тонкій трудъ въ области дѣйствительно изящной словесности, но и отрадное явленіе въ текущей литературѣ, столь бѣдной произведеніями въ этомъ родѣ.

А. Кони.

ИЗЪ «АРХИВА» М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

— М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. III. Спб., 1912. Ц. 4 р.

Третій томъ «Архива» посвященъ главнымъ образомъ Тургеневу и ближайшему другу его, П. В. Анненкову; письма ихъ къ М. М-чу занимаютъ значительнѣйшую часть книги. Многія изъ писемъ Тургенева извѣстны уже читателямъ нашего журнала, гдѣ они были напечатаны въ прошломъ году; но въ соединеніи съ другими письмами и съ перепискою Анненкова они производятъ болѣе цѣльное впечатлѣніе и даютъ богатый матеріалъ для характеристики знаменитаго писателя и его эпохи. Въ нихъ живо и ярко рисуется обаятельный образъ Тургенева, съ его душевной мягкостью и утонченнымъ благородствомъ; съ нимъ соперничаетъ Анненковъ по удивительной деликатности своей натуры, и оба они какъ нельзя лучше сошлись съ идеально-корректнымъ, неизмѣнно предупредительнымъ Мих. М-чемъ.

Сношенія Тургенева съ редакціею «Вѣстника Европы» завязались легко и быстро, благодаря иниціативѣ и посредничеству П. В. Анненкова. Въ письмѣ отъ 18-го іюня 1867 г. Анненковъ сообщаетъ М. М-чу, что имѣетъ для журнала «нѣкоторую поживу—разсказъ Тургенева «Бригадиръ», предоставленный въ его, Анненкова, распоряженіе, «маленькій брилліантикъ въ полтора листа, весьма напоминающій тѣ брилліантики, изъ которыхъ состоятъ «Записки Охотника»; но—добавляетъ Анненковъ, — «какъ человѣкъ, привыкшій къ большимъ гонораріямъ, Тургеневъ и теперь разсчитываетъ получить за свой разсказъ 350 р. или около того, да объ этомъ, узнавъ произведеніе, вы можете списаться съ нимъ или сами, или черезъ меня». На всякій случай тутъ же дается заграничный адресъ, который—какъ сказано далѣе — «можетъ быть, поможетъ

вамъ, если вздумаете пригласить его, Тургенева, на постоянное сотрудничество въ «Вѣстникѣ Европы». Очевидно, М. М-чъ не замедлилъ исполнить совѣтъ Анненкова, и отвѣтомъ на это обращеніе служитъ первое изъ напечатанныхъ Тургеневскихъ писемъ, отъ 29-го того же іюня 1867-го года, выражающее готовность «съ великимъ удовольствіемъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать успѣху» журнала, въ качествѣ его сотрудника. Съ тѣхъ поръ постепенно устанавливаются между Тургеневымъ и Мих. М-чемъ тѣ довѣрчивыя, дѣловыя и дружескія связи, которыя не прекращались до самой смерти Тургенева.

Въ своихъ письмахъ Тургеневъ обнаруживаетъ замѣчательную скромность въ оцѣнкѣ своихъ произведеній; такъ, относительно разсказа «Часы» онъ предоставляетъ М. М-чу рѣшить, стоитъ ли его печатать или нѣтъ, и въ случаѣ отрицательнаго рѣшенія проситъ, не обинуясь, дать ему знать и бросить рукопись въ печку. «Вы должны будете это сдѣлать,—говоритъ онъ—во-первыхъ, изъ дружбы ко мнѣ; во-вторыхъ, изъ собственнаго интереса; рано или поздно вы все-таки получите мой романъ, и фіаско моей маленькой вещи можетъ дурно на немъ отозваться. И такъ рѣшено: я пришлю, а вы рѣшайте—печатать или нѣтъ». Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ повторяетъ: «Пожалуйста, исполните мою просьбу; прочтите эту вещь съ сверхъестественною строгостью»! Отправивъ въ редакцію небольшую статью объ Алексѣѣ Толстомъ, онъ пишетъ: «я боюсь, что она вышла плохенькою»,—и заранѣе благодаритъ за возможныя измѣненія или сокращенія. Почти во всѣхъ разногласіяхъ съ Мих. М-чемъ онъ въ концѣ концовъ сдается и признаетъ его мнѣніе справедливымъ. По вопросу о гонорарѣ онъ не только никогда не ставилъ своихъ условій, но часто, напротивъ, объявлялъ назначенную цѣну неожиданно высокою, а иногда даже находилъ, что ему вовсе ничего не слѣдуетъ (напр. за предисловіе къ роману Ауэрбаха).

Очень много мѣста удѣляется въ перепискѣ Тургенева хлопотамъ о разныхъ начинающихъ или уже извѣстныхъ писателяхъ и писательницахъ. О г-жахъ Бларамбергъ (Апрѣлева-Ардовъ), А. Н. Луканиной и Стечкиной онъ съ трогательною заботливостью пишетъ въ цѣломъ рядѣ своихъ посланій.

Пристроивъ повѣсть Луканиной въ «Вѣстникъ Европы» и узнавъ о вызванныхъ ею цензурныхъ сомнѣніяхъ, онъ восклицаетъ: «Трепещу за свободу «Любушки», но надѣюсь еще на русское божество «авось», — авось оно смилуется!» Нерѣдко онъ выдавалъ нуждающемуся автору деньги подъ видомъ высланнаго будто бы редакціей гонорара за статью, которая еще не принята и даже не

имѣетъ шансовъ быть принятою журналомъ,—а потомъ безпокоился, какъ бы эта маленькая хитрость не разоблачилась. «Вы либо откажете,—писалъ онъ Мих. М-чу,—и дѣло съ концомъ; а если примете, то можете немного наддать гонорару. Съ нимъ я уже устроюсь,—но, пожалуйста, не выдавайте меня; онъ такъ деликатенъ, что захочетъ мнѣ эти деньги возвратить, а откуда онъ возьметъ? Въ случаѣ если вы не захотите напечатать статью, отложите все это въ долгій ящикъ, не пишите ему, а мы потомъ какъ-нибудь устроимъ». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: «Вашему корреспонденту К. я выдалъ 300 фр. и сказалъ ему, что это отъ васъ». Онъ устраиваетъ помѣщеніе новаго романа Мопассана въ «Вѣстникѣ Европы» и беретъ на себя наблюденіе за переводомъ его на русскій языкъ, причемъ заранѣе уплачиваетъ автору отъ имени редакціи тысячу франковъ; а получивъ рукопись перевода, онъ убѣждается, что послѣдній никуда не годится и что воспользоваться имъ для журнала нѣтъ возможности. Редакція, поэтому, ничего не должна платить автору. «Вы и не платите,—пишетъ Тургеневъ:—во-первыхъ, это сумма небольшая въ сущности и меня нисколько не обременитъ; во-вторыхъ, я очень радъ былъ и буду доставить ее Мопассану изъ своего кармана; въ-третьихъ, я долженъ же поплатиться за свою опрометчивость... Пожалуйста, не измѣняйте моихъ распоряженій и примите ихъ».

Убѣдивъ Мих. М-ча привлечь Эмиля Зола къ постоянному сотрудничеству въ журналѣ, Тургеневъ спѣшитъ прежде всего уплатить изъ своихъ средствъ предполагаемый гонораръ за первый фельетонъ, такъ какъ «Зола, работая съ утра до вечера и живя очень скромно и даже бѣдно, едва сводитъ концы съ концами». Неоднократно онъ высказывалъ въ своихъ письмахъ предположеніе, что полезно было бы завербовать «Незнакомца» (Суворина) въ «Вѣстникъ Европы»; но впослѣдствіи онъ разочаровался въ Суворинѣ и отзывался о немъ очень рѣзко, когда выяснился подлинный характеръ основанной имъ газеты. Особенно огорчило Тургенева появленіе въ «Новомъ Времени» его разсказа, помѣщеннаго въ одной французской газетѣ и переведеннаго кѣмъ-то на русскій языкъ, между тѣмъ какъ подлинникъ еще не былъ напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы». «Я не ожидалъ ничего подобнаго отъ г. Суворина», писалъ онъ въ письмѣ, адресованномъ въ редакцію «Нашего Вѣка». По выраженію Анненкова, А. С. Суворинъ превратился тогда въ петербургскаго Погодина, и Тургеневъ окончательно отъ него отрекся.

П. В. Анненковъ признается въ одномъ изъ своихъ писемъ, что онъ «просто обожаетъ Тургенева», какъ любая слушательница

высшихъ курсовъ Бестужева-Рюмина. «Качества его сердца не ниже его ума и таланта; только послѣднія онъ, можетъ быть, слишкомъ много выставляетъ на видъ, а первыя слишкомъ много скрываетъ». Своимъ собственнымъ литературнымъ работамъ Анненковъ придаетъ мало значенія и всецѣло отдаетъ ихъ на судъ М. М. Стасюлевича, при попыткѣ издать ихъ въ видѣ сборника «воспоминаній и литературныхъ очерковъ». «Что вы стѣсняетесь—пишетъ онъ,—неразборчивыми и откушенными поправками? Замѣняйте ихъ своими, какъ Господь на душу положитъ, а потомъ умоляю: почистите меня маленько, пригладьте, гдѣ растрепанъ, выпустите то, что переговорено, и договорите то, что косноязычно». Предложивъ «Вѣстнику Европы» большую статью, написанную «откровенно и горячо», онъ ждетъ приговора редакціи съ терпѣливымъ смиреніемъ и предвидитъ возможность отказа въ печатаніи рукописи; на случай же принятія ея онъ даетъ М. М-чу право выпускать изъ нея то, что ему покажется рѣзкимъ или несправедливымъ, смягчать приговоры, поправлять ошибки и т. п. Нечего и говорить, что соображенія о гонорарѣ совершенно отсутствуютъ въ литературной перепискѣ Анненкова.

Совершенно другое впечатлѣніе производятъ помѣщенные въ этомъ же томѣ письма иностранныхъ знаменитостей—Бертольда Ауэрбаха, Фридриха Шпильгагена и Эмиля Зола. Ауэрбахъ, котораго рекомендовалъ журналу Тургеневъ, въ первомъ же письмѣ заявляетъ, что «прежде всего» надо выяснить вопросъ, сколько могутъ заплатить ему за листъ; а для обезпеченія своихъ интересовъ онъ предложилъ проектъ формальнаго договора, который и былъ подписанъ обѣими сторонами. Не смотря на точность условій и на обычную аккуратность Мих. М-ча, Ауэрбахъ постоянно безпокоится о гонорарѣ и почти въ каждомъ письмѣ, одновременно съ отправкою отдѣльныхъ книгъ романа, повторяетъ просьбу тотчасъ же выслать назначенную сумму, «согласно договору». Получивъ за право перевода «Дачи на Рейнѣ» на русскій языкъ «тысячу триста тридцать три прусскихъ талера» съ мелочью, онъ семь лѣтъ спустя, при печатаніи его деревенскихъ разсказовъ, опять-таки требуетъ присылки гонорара немедленно послѣ доставленія оригинала, ссылаясь на выговоренныя условія и на «лояльность и любезность» Мих. М-ча. Эти неумѣстныя и ненужныя напоминанія были, вѣроятно, причиною того, что третье предложеніе Ауэрбаха въ 1879-мъ году было уже вѣжливо отклонено редакціей.

Гораздо болѣе приличны разсужденія о гонорарѣ въ письмахъ Шпильгагена, но и онъ выдвигаетъ денежный вопросъ на первый планъ и иногда обнаруживаетъ безпокойство по поводу несвоевре-

меннаго будто бы, полученія денегъ. Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ предложеній онъ опредѣлилъ сумму гонорара за право перевода небольшого новаго романа въ двѣ тысячи марокъ, и получилъ уклончивый отвѣтъ; на слѣдующій разъ, четырьмя годами позже, онъ уже предоставилъ назначить цифру самому Мих. М-чу. Однако, при печатаніи романа «Фаустулусъ» онъ возбудилъ споръ о гонорарѣ и хотѣлъ увѣрить редакцію, что его обсчитали на 158 марокъ; разница была, конечно, уплачена, но предложенный имъ затѣмъ новый романъ не былъ уже принятъ журналомъ.

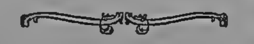
Что касается Эмиля Зола, то сначала онъ былъ чрезвычайно доволенъ предложенными ему условіями, но потомъ сталъ торговаться, требовалъ прибавки и ссылался на сообщенныя ему, будто бы, свѣдѣнія о томъ, что журналъ могъ бы платить за переводы его романовъ вдвое больше установленной нормы; въ то же время онъ жаловался на мнимыя сокращенія его текста, уменьшавшія будто бы размѣръ гонорара за статью на триста франковъ; и эту разницу ему, разумѣется, тотчасъ высылали, послѣ чего онъ благодарилъ М. М-ча за «весьма деликатное поведеніе во всемъ этомъ дѣлѣ». Но претензіи повторялись и принимали иногда грубую, торгашескую форму, такъ что и снисходительный Тургеневъ сурово осуждалъ своего парижскаго пріятеля: «это уже верхъ безцеремонности, сбившейся на простую гадость,—писалъ онъ въ 1879-мъ году.— Зазнался нашъ пріятель и думаетъ, что съ этими московитами можно поступать, не стѣсняясь;—вамъ непремѣнно нужно проучить его немного: онъ увидитъ, что такъ шутить нельзя, и впредь поостережется;—едва ли онъ долго будетъ сотрудничать». Сотрудничество, однако, продолжалось еще, съ перерывами, около года.

Между прочимъ, въ этомъ томѣ перепечатана весьма содержательная брошюра Мих. М-ча, изданная въ Берлинѣ въ 1882-мъ году въ видѣ «писемъ изъ Москвы за границу», подъ заглавіемъ: «Черный передѣлъ реформъ императора Александра II». Яркая характеристика стараго режима въ періодъ владычества графа Дмитрія Толстого и Каткова придаетъ этой брошюрѣ несомнѣнный историческій интересъ, а разсужденія о конституціи, выпущенныя при перепечаткѣ, остаются поучительными и для настоящаго времени. «Извѣстный Мольеровскій буржуа—говоритъ авторъ,—умирая, въ первый разъ узналъ, что онъ всю жизнь говорилъ прозой. Я боюсь, чтобы наше (правительство) также не слишкомъ поздно поняло, что оно всю свою жизнь управляло собственно на основаніи конституціи, т. е. было ограничено, и вопросъ шелъ всегда только о томъ, чѣмъ и какъ оно было ограничено. До сихъ поръ у насъ конституція была всегда личная: такъ, мы имѣли въ этомъ столѣтіи консти-

туцію Аракчеевскую, Бенкендорфскую, Шуваловскую, Валуевскую, даже Тимашевскую, наконецъ, Лорисъ-Меликовскую и Игнатьевскую, которая вслѣдствіе майскихъ событій смѣнилась Толстовскою; не говорю о прочихъ мелкихъ конституціяхъ... Такимъ образомъ, у насъ дѣло идетъ теперь вовсе не о введеніи конституціи,—конституцію мы всегда имѣли, имѣемъ и будемъ имѣть. Конституція—это остовъ, худо ли, хорошо ли, но поддерживающій весь организмъ, со всѣми его снарядами; какъ нѣтъ человѣка безъ костей, такъ нѣтъ государственнаго тѣла безъ извѣстной конституціи. Въ силу конституціи, существующей и дѣйствующей у насъ съ бо́льшимъ или меньшимъ напряженіемъ, верховная власть ограничена теперь, какъ и прежде, административнымъ произволомъ, переходящимъ изъ рукъ въ руки, въ ущербъ какъ самой верховной власти, такъ и интересамъ народа и общества. Только ограниченная закономъ, верховная власть могла бы быть вполнѣ неограниченною со стороны административнаго произвола и всяческихъ партій. Но—скажутъ—тогда нельзя будетъ назначить министромъ кого угодно; надобно будетъ принять въ соображеніе общественное мнѣніе и руководиться его указаніями, а это будетъ уже ограниченіе. Да,—отвѣчаю—это будетъ ограниченіе, какое, впрочемъ, испытываетъ каждый изъ насъ когда видитъ себя въ необходимости выходить въ дверь, а не въ окошко, что́, можетъ быть, было бы прямѣе и лучше выражало бы неограниченность моей воли; но кто же изъ людей благоразумныхъ считаетъ это ограниченіемъ своей воли? Я думаю, каждый весьма доволенъ, что при рѣшеніи вопроса о томъ, выйти ли въ дверь или въ окошко, онъ чувствуетъ себя способнымъ къ ограниченію своей воли»...

Эти простыя и остроумныя замѣчанія, высказанныя тридцать лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ еще не усвоены у насъ многочисленными, болѣе или менѣе наивными или лукавыми противниками «открытыхъ дверей» въ общественной и политической жизни.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— П. Муратовъ. Образы Италіи. Т. I и II. М. 1911 и 1912.

Книга г. Муратова читается съ большимъ и серьезнымъ интересомъ. Импрессіонистское заглавіе вполнѣ къ ней подходитъ. Это—путевые очерки, но написанные не въ пути. Авторъ глубоко изучилъ искусство Италіи и его литературу. Обладая даромъ художественной передачи своихъ впечатлѣній, чувствъ и восторговъ, онъ пишетъ съ большимъ подъемомъ, иногда съ паѳосомъ, оправдываемымъ глубиною чувства. Западные читатели уже давно избалованы путевыми очерками или популярными книгами, посвященными итальянскому искусству: достаточно вспомнить прекрасныя страницы Гёте, наивные, но глубоко-прочувствованные восторги Грегоровіуса, искрящееся умомъ, хотя съ точки зрѣнія пониманія искусства сильно устарѣвшее «Путешествіе по Италіи» Тэна или окрашенныя искреннимъ вдохновеніемъ книги Рескина. Русскій читатель не имѣлъ до сихъ поръ ничего подобнаго. Конечно, книга Муратова не можетъ замѣнить путеводителя-справочника. Автора интересуютъ образы: онъ выбираетъ самые крупные художественные центры или самые интересные художественные уголки, разсказываетъ о сокровищахъ ихъ музеевъ, рисуетъ отдѣльные храмы, замки, парки изображаетъ городъ въ рамкѣ его средневѣковаго быта и на нѣсколькихъ страницахъ даетъ отраженіе описываемой имъ эпохи въ современной ей литературѣ. Изъ крупнаго музея онъ иногда выхватываетъ только одну картину, о большомъ художникѣ порой не говоритъ ничего—за то нигдѣ не получается у него простого перечисленія, вездѣ чувствуется цѣльность и свѣжесть впечатлѣній. Особенно удаченъ въ этомъ отношеніи первый томъ, посвященный Венеціи, Флоренціи и городамъ Тосканы. Венеція изображена превосходно: очерки города, картинъ Тинторетто, глава о геніальныхъ литературныхъ авантюристахъ эпохи заката Венеціанской славы—Карло Гоцци и Казановѣ—оставляютъ яркое впечатлѣніе. Столь же хороша и дальнѣйшая часть книги (Падуя, Феррара, Болонья, Равенна, Флоренція, Пиза, Лукка, С.-Джиминьяно, Сіена). Прекрасно прочувствованы сумерки флорентинской исторіи—зловѣщій XVI-ый вѣкъ, съ его жуткимъ поэтомъ-живописцемъ Бронзино. Авторъ на-

шелъ много мѣткихъ словесныхъ образовъ для характеристики Боттичелли, этого провозвѣстника нашей эпохи полу-тѣней и полутоновъ, болѣзненной радости и тревожныхъ внутреннихъ трагедій. Есть много красотъ и во второмъ томѣ, посвященномъ Риму и югу Италіи. Всякій истинный поклонникъ Рима будетъ благодаренъ автору за то, что онъ обратилъ вниманіе на области искусства, обычно проходящія мимо вниманія средняго туриста: на ранне-христіанскій Римъ (какъ раньше, въ первомъ томѣ, на Равенну) съ его богатымъ религіознымъ подъемомъ въ церковной архитектурѣ, наивнымъ, но глубокимъ паѳосомъ великолѣпныхъ мозаикъ. Съ большимъ увлеченіемъ онъ говоритъ о томъ «чувствѣ Рима», которое охватываетъ всякаго способнаго къ глубокимъ переживаніямъ. Много теплоты даже въ очень сжатыхъ описаніяхъ Сициліи и Пестума—остатковъ эллинской культуры на италійской почвѣ.

Авторъ—сознательный художественный эклектикъ. Я думаю, что инымъ и нельзя быть, если любить все разнообразіе чувства и генія, вложенное въ искусство разныхъ странъ и эпохъ; надо только умѣть въ этомъ разнообразіи отличать цѣнное отъ пустого, глубокое и высокое отъ мелкаго и низкаго. Авторъ съ большой убѣдительностью умѣетъ показать красоту Венеціанской живописи эпохи Тиціана—и сіенскихъ примитивовъ, древне-эллинскихъ храмовъ Пестума—и римскихъ дворцовъ эпохи барокко. Стилю барокко онъ даетъ во второмъ томѣ справедливую оцѣнку (навѣянную отчасти Вельфлиномъ и другими цѣнителями барокко). Именно въ Римѣ можно оцѣнить вполнѣ этотъ грандіозный стиль — завершеніе Ренессанса, стиль величественныхъ дворцовъ и роскошныхъ виллъ, единственный стиль, вполнѣ подчинившій своимъ художественнымъ требованіямъ царство природы: воды фонтановъ и зелень изумительныхъ парковъ.

Въ книгѣ г. Муратова есть и недостатки. Перу автора лучше всего удались страницы о начальныхъ періодахъ художественнаго творчества и о періодахъ его заката. Превосходны страницы о Джотто, о сіенскихъ примитивахъ, о древне-христіанскихъ мозаикахъ Равенны, Рима, Сициліи—и о Бронзино, о барокко. Періоды вершинъ творчества, напр., періодъ Ренессанса во Флоренціи и въ Римѣ, выходятъ у него блѣднѣе. Рафаэлю онъ посвящаетъ нѣсколько малоговорящихъ строкъ, и это особенно обидно, потому что къ нему по наслышкѣ больше всего стремятся туристы. Въ главахъ о Римѣ нѣтъ рѣчи о папахъ эпохи Ренессанса—и онѣ много теряютъ отъ этого пробѣла. Еще болѣе поражаетъ отсутствіе среди *образовъ* Италіи того образа, который такъ безконечно волнуетъ всякаго

кто разъ узналъ его: образа Микель-Анджело! Безъ создателя могучаго Моисея и трагически-тревожныхъ группъ медичейской усыпальницы нельзя считать цѣльными очерки Рима и Флоренціи—а тѣ нѣсколько строкъ, которыя удѣляетъ Микель-Анджело авторъ, не идутъ въ счетъ.

Вообще при всей талантливости изображенія г. Муратовымъ искусства Флоренціи и Рима, хотѣлось бы найти въ немъ еще больше бытовыхъ чертъ, рисующихъ эти города въ эпоху ихъ расцвѣта: то, что автору такъ удалось въ изображеніи Венеціи XVIII в. и Флоренціи въ эпоху медичейскихъ послѣдышей, хотѣлось бы видѣть и для Ренессанса. Сколько бы еще прибавилось красокъ для изображенія общественно-идейнаго фона ренессансоваго искусства, если бы авторъ далъ рядъ картинъ настоящей жизни Ренессанса, торгово-учено-церковно-литературныхъ интересовъ того времени, коснулся бы мастерской Вероккіо, гуманистической библіотеки Никколо Никколи, или если бы въ главахъ о Римѣ посвятилъ нѣсколько страницъ «царствованію» семейства Борджа, или эпохѣ папы-воина и мецената, Юлія II-го!

Недостатокъ чисто-внѣшній, легко исправимый въ готовящемся уже второмъ изданіи книги—слишкомъ малое число иллюстрацій. Онѣ выбраны со вкусомъ (хотя напечатаны не очень удачно); но если авторъ хочетъ, чтобы его книга могла быть вполнѣ оцѣнена читающими ее *дома*, передъ путешествіемъ въ Италію, или просто изъ интереса къ итальянскому искусству, то ему необходимо значительно увеличить количество воспроизведеній съ картинъ, статуй, зданій. И особенно въ настоящее время, когда такъ отрадно растетъ число русскихъ, интересующихся искусствомъ вообще и итальянскимъ въ частности, когда, по иниціативѣ Моск. Общества Распространенія Техническихъ Знаній, ежегодно тянутся въ Италію вереницы русскихъ провинціаловъ, по чудесной тропѣ, проложенной Гоголемъ, Герценомъ и другими поклонниками Италіи, книгу г. Муратова возьмутъ въ руки многіе и многіе неподготовленные, но полные восторженнаго ожиданія читатели. Именно имъ надо дать не только словесные «образы» Италіи, но и дѣйствительныя иллюстраціи къ нимъ. Очень важно было бы также, въ интересахъ широкаго круга читателей, приложить къ книгѣ краткій списокъ рекомендуемыхъ авторомъ сочиненій и статей, на русскомъ языкѣ, по искусству Италіи. Книга г. Муратова возбуждаетъ много вопросовъ: надо хоть вкратцѣ указать читателю, гдѣ ему искать на нихъ отвѣты.

П. Шаскольскій.

— Ө. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, библіографическимъ указателемъ, примѣчаніями, варіантами, факсимиле и портретомъ. Изданіе шестое, исправленное и дополненное. Редакція П. В. Быкова. Спб., 1912. Цѣна 3 руб.

Новое полное собраніе сочиненій Тютчева вызываетъ вполнѣ понятный интересъ; въ немъ давно была нужда. Тютчевъ не переиздавался съ 1900-го года. Руководящимъ для провѣрки и исправленія текста новаго изданія принято изданіе 1854-го года, вышедшее при участіи Тургенева. Для достиженія возможной полноты редакторомъ пересмотрѣнъ длинный рядъ разнообразныхъ изданій, и ему удалось пополнить собраніе стихотвореній пятнадцатью пьесами. Примѣчанія его весьма обстоятельны и цѣнны, и въ общемъ все изданіе—хорошій вкладъ въ сокровищницу русской литературы. Мы возразили бы только, противъ названія «полное»; письма Тютчева въ новое собраніе не вошли, полны только отдѣлы стихотвореній и политическихъ статей Тютчева. Послѣднія для широкой публики, едва ли нужны, и достаточно было бы ограничиться полнымъ собраніемъ стихотвореній. Новинку въ техникѣ изданій русскихъ авторовъ представляетъ попытка собрать «Тютчевіану», то есть антологію его устныхъ остротъ и отзывовъ по разнообразнымъ поводамъ; нововведеніе это, конечно, заслуживаетъ признательности.

Для распредѣленія стихотворнаго матеріала редакторъ, выдѣливъ «переводы и подражанія», разбилъ стихи на лирическіе и политическіе. Но на первомъ же листѣ лирическихъ стихотвореній дана пьеса съ чисто политическимъ мотивомъ: «Посланіе къ Пушкину», по поводу оды «на вольность», рекомендующее поэту «не смущать покоя гражданъ и не мрачить блеска вѣнца». Съ другой стороны въ отдѣлѣ политическихъ помѣщены такія вещи, какъ напр. «Море и утесъ», «Два голоса», «Восходъ солнца». Глубокій художественный смыслъ ихъ несравненно шире внѣшняго повода, послужившаго толчкомъ къ вспышкѣ поэтическаго генія. Можно ли относить къ политическимъ произведенія, которыя живописуютъ и символизуютъ вообще борьбу и побѣду одной стихіи надъ другой, или, какъ «Два голоса»—міровую борьбу началъ личнаго и стихійнаго? Принятое редакторомъ раздѣленіе подсказано было, очевидно, двойственностью Тютчева. Онъ соединялъ въ себѣ великаго поэта и довольно зауряднаго человѣка съ разсудочно-принятымъ для ежедневнаго обихода общественно-политичекимъ міровоззрѣніемъ. Какъ писатель, Тютчевъ, поэтому, былъ часто

только версификаторомъ и популяризаторомъ славянофильской доктрины и узко-націоналистическихъ стремленій. Кажется, что это именно о немъ сказалъ Пушкинъ свое знаменитое: «межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ», говоря о поэтѣ, слуха котораго еще не коснулся «божественный глаголъ»: до такой степени случалось Тютчеву ронять себя, напримѣръ восхваленіемъ виленскаго Муравьева. Попытка выдѣлить въ полномъ собраніи дѣйствительно цѣнное поэтическое наслѣдство Тютчева на первый планъ, отодвинувъ Тютчева-политика на второй, конечно, имѣетъ свой raison d'être, но такое раздѣленіе, слѣдовало бы сдѣлать съ большею продуманностью. Наконецъ, редакторъ изданія не свѣрялся съ рукописями Тютчева, что давно пора было бы сдѣлать; какъ уже указано въ печати г. Н. Лернеромъ, текстъ стихотвореній не свободенъ отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей, вкравшихся въ прежніе печатные тексты. Все это, впрочемъ, не умаляетъ крупной заслуги много поработавшаго редактора.

Статья В. Я. Брюсова, во второй своей части, посвященной творчеству Тютчева, уже извѣстна публикѣ по книгѣ «Далекіе и близкіе». Она сжато и полно, хотя и суховато, разъясняетъ основныя черты поэзіи Тютчева, сдѣлавшія его вождемъ и предтечей нашей новой лирики. Біографическая часть очерка представляетъ почти одну хронологическую канву, правда, вполнѣ обстоятельную. Но интереснѣйшій вопросъ біографіи—загадка личности Тютчева, соединившаго поэтическій геній съ плоскимъ общественно-политическимъ міровоззрѣніемъ,—даже не затронутъ.

— С. А. Соболевскій. Эпиграммы и экспромты. Подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Сергѣй Александровичъ Соболевскій, «неизвѣстный сочинитель всѣмъ извѣстныхъ эпиграммъ», близкій другъ Пушкина, кн. В. Одоевскаго и др., пріятель Проспера Мериме, въ ряду литературныхъ дѣятелей прошлаго вѣка занимаетъ мѣсто не послѣднее и какъ талантъ, и какъ оригинальная личность. Въ немъ переплелись достоинства и недостатки старой барской культуры. Давно слѣдовало дать собраніе его остроумныхъ шутокъ, затерянныхъ въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ и историко-литературныхъ изданіяхъ, но въ свое время бывшихъ у всѣхъ на устахъ. Редакторъ настоящаго перваго собранія произведеній Соболевскаго проситъ смотрѣть на это собраніе, какъ «на предварительное и черновое». Въ этомъ качествѣ оно не вызываетъ особыхъ упрековъ. Укажемъ лишь, что напрасно не сдѣлано хотя попытки дать эпи-

граммы Соболевскаго въ хронологической послѣдовательности. Какъ замѣчаетъ редакторъ, «типичный esprit fort стараго барскаго закала, Соболевскій живо откликался *на всѣ* событія русской жизни съ 20-хъ по 60-е годы прошлаго вѣка. Въ своихъ стихахъ онъ далъ цѣлую ихъ лѣтопись, подъ своеобразнымъ угломъ зрѣнія западника и будирующаго либерала». Это—несомнѣнное преувеличеніе. Соболевскій былъ черезчуръ безпеченъ и не серьезенъ, чтобы дѣйствительно дать откликъ на *все*, что занимало и глубоко волновало русское общество на протяженіи сорока слишкомъ лѣтъ. Его блестящее остроуміе расточалось слишкомъ часто на явленія вполнѣ мимолетныя, на незначущія злобы мелкой общественной повседневности. Онъ кололъ и пришпиливалъ удачно только маленькихъ людей. Эти выходки много выиграли бы, если бы были поставлены въ хронологической послѣдовательности, какъ отклики признаннаго остроумца на то, что хоть мимолетно занимало общественное мнѣніе. Въ общемъ, однако, репутація Соболевскаго, теперь, когда все, наиболѣе памятное изъ его бутадъ и эпиграммъ, собрано во едино, нѣсколько блѣднѣетъ. «Фальстафъ» и «Калибанъ», какъ его называлъ дружески Пушкинъ, иногда блестящъ и колокъ, но часто мелокъ, часто грубоватъ и не совсѣмъ опрятенъ, какъ напр. въ эпиграммахъ, просто обзывающихъ кого-нибудь дуракомъ или шарлатаномъ, или въ стихотвореніяхъ, описывающихъ отправленія больного желудка среди красотъ Италіи и искусства. Формой Соболевскій владѣлъ хорошо, но Минаевымъ превзойдены версификаторскіе фокусы, остроуміе которыхъ—въ замысловатомъ, удачномъ одолѣніи какой-либо риѳмы (Васильевнѣ—si elle venait и т. п.). Редакторъ снабдилъ всѣ стихотворенія необходимыми примѣчаніями. Жаль, что вступительный очеркъ о Соболевскомъ излишне кратокъ.

— П. М. Ковалевскій. Стихи и воспоминанія. Посмертное изданіе. Спб., 1912. Ц. 1 р. 50 коп.

О Павлѣ Михайловичѣ Ковалевскомъ, забытомъ писателѣ пятидесятыхъ-шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, у насъ вспомнили за послѣдніе годы, когда въ «Русской Старинѣ» стали появляться его необыкновенно живыя и остроумно написанныя воспоминанія. Первое собраніе его стиховъ, хотя и очень неполное, можно только привѣтствовать. Краткое, слишкомъ краткое біографическое вступленіе относитъ Ковалевскаго (род. 5 декабря 1823 г., ум. 20 марта 1907 г.) «къ почти забытой теперь плеядѣ эстетиковъ чистой воды и стилистовъ сороковыхъ годовъ, свято хранившихъ чистоту рус-

скаго языка». «Однако, не чувствуя въ себѣ достаточно крупнаго таланта, но слишкомъ горячо любя литературу, чтобы сдѣлаться ея присяжнымъ работникомъ, — и будучи въ то же время необыкновенно заботливымъ и нѣжнымъ отцомъ семейства, — онъ не могъ посвятить себя всецѣло любимому искусству и принужденъ былъ, скрѣпя сердце, отдаться совершенно несвойственному ему служебному и дѣловому поприщу, на которомъ томился, оставаясь въ душѣ тѣмъ же художникомъ и продолжая жить интересами искусства». Подъ вліяніемъ семейныхъ несчастій—потери жены и дѣтей—онъ кончилъ свои дни совершеннымъ анахоретомъ, въ деревенской глуши. «Но ни одиночество, ни глубокая старость не погасили въ немъ рѣдко живого ума, отзывчивую душу и интересъ ко всѣмъ явленіямъ жизни, за которой онъ продолжалъ слѣдить изъ своего отдаленія безъ столь свойственной старикамъ косности взглядовъ».

На скромной лирикѣ Ковалевскаго лежитъ печать душевной искренности и доброты. Онъ не выходитъ обыкновенно изъ круга переживаній обыденнаго человѣческаго существованія, обыденныхъ страданій незадачливой жизни, семейныхъ потерь, заботъ и нужды. Муза его настроена, большей частью, элегически; картины родной природы, нѣжно имъ любимой, обвѣяны тихой меланхоліей. Въ цѣломъ книга его—не только сборникъ хорошихъ, непритязательныхъ по формѣ стиховъ, но симпатичное поэтическое отраженіе одной изъ тѣхъ душъ, что красятъ жизнь своей кристальной чистотою. Въ этихъ элегическихъ пьескахъ, благословляющихъ «прохлады и покоя недолгій срокъ межъ ночью и межъ днемъ», много нѣжной прелести. Менѣе удавались Ковалевскому мотивы гражданскаго характера, некрасовскіе. Къ Некрасову (стихотвореніе «Меньшой братъ») онъ обращается съ мягкимъ упрекомъ въ противорѣчіяхъ его жизни и поэзіи. Заслуживаетъ вниманія еще стихотвореніе «Преступникъ», кажется, впервые появляющееся въ печати и изображающее обрядъ казни, совершенный въ 1864-мъ году надъ Чернышевскимъ.

Воспоминанія Ковалевскаго написаны превосходно. Племянникъ Егора и Евграфа Петровичей Ковалевскихъ, онъ много вращался среди вершинъ литературнаго, художественнаго и административнаго міра и вглядывался въ нихъ съ зоркостью настоящаго художника. Общественный дѣятель Егоръ Ковалевскій, музыкантъ М. Глинка, художники Ивановъ и Крамской, поэтъ Некрасовъ обрисованы Ковалевскимъ въ его «Встрѣчахъ на жизненномъ пути» такъ, что мимо его характеристикъ не пройдетъ никто, кто пожелаетъ ближе всмотрѣтьса въ образы этихъ знаменитостей. Держась предвзятаго взгляда, будто Некрасовъ въ угоду тенденціи насиловалъ свой талантъ, Ковалевскій тѣмъ не менѣе живо почувствовалъ, что онъ

не судья Некрасову, и удержался въ своемъ осужденіи съ полнымъ тактомъ на той грани, за которой начинается злословіе. Весь запасъ своей желчи Ковалевскій излилъ, за то, въ очеркахъ: «Власти предержащія», на людей государственныхъ, которыхъ видѣлъ много въ ихъ будничной обстановкѣ. Правдивыя его наблюденія даютъ крайне жалкое понятіе о цѣломъ рядѣ вершителей судебъ Россіи, засѣдавшихъ въ главномъ адмиралтействѣ, у Чернышева моста (министерство народнаго просвѣщенія) и на Мойкѣ (министерство финансовъ). Несмотря на шутливую форму этихъ воспоминаній, отъ нихъ порою беретъ оторопь. Укажемъ характеристику министра графа Толстого (по имени почему-то не названнаго). Онъ—весь въ пророческомъ отзывѣ Ковалевскаго-дяди (министра нар. просв.): «онъ студентовъ такъ подниметъ у меня, что послѣ и не справишься. Да вѣдь злой какой, такъ вѣдь и шипитъ!» и въ своей по истинѣ безсмертной фразѣ: «Ничего я такъ не презираю и ненавижу, какъ русскую литературу».

Къ сборнику приложенъ портретъ Ковалевскаго: прекрасное стариковское лицо. Въ противоположность Соболевскому, который оказывается ниже своей репутаціи, неизвѣстный широкой публикѣ Ковалевскій выросъ теперь, когда собрана часть его произведеній. Остается пожелать болѣе полнаго собранія и болѣе внимательной редакціи: къ «Стихамъ и воспоминаніямъ» не позаботились приложить даже простого оглавленія стиховъ, не говоря уже объ указателѣ именъ къ воспоминаніямъ, библіографіи произведеній Ковалевскаго и т. д.

— Александръ Закржевскій. Карамазовщина. Психологическія параллели. Достоевскій, В. Брюсовъ, В. Розановъ, М. Арцыбышевъ. Кіевъ, 1912. Стр. 161, Ц. 1 р.

Вторая книга г. Закржевскаго о Достоевскомъ и параллеляхъ ему въ современной литературѣ (о первой, «Подполье», мы говорили не такъ давно) открывается предисловіемъ, поясняющимъ общій взглядъ автора на Достоевскаго: «Существуютъ три Достоевскихъ: тотъ, что находился въ подпольѣ, что проклиналъ, ненавидя, весь родъ человѣческій и упивался мыслью объ его разрушеніи; тотъ, другой, что измѣрилъ глубины плоти и страсти и далъ потрясающую картину карамазовскаго сладострастія съ провалами въ такія нѣдра, гдѣ горѣніе плотское становится огнемъ духа, съ горизонтами безумія, съ источниками жестокости и изступленья; и, наконецъ, третій—самый загадочный—пришедшій къ религіозному сознанію, въ великой мукѣ отъ Бога открывшій вѣчные пути, тво-

рецъ такихъ, чисто религіозныхъ типовъ какъ старецъ Зосима Долгорукій-отецъ, Шатовъ, Алеша Карамазовъ; пророкъ современныхъ исканій, пророкъ современнаго ренессанса нашихъ дней». Задача и цѣль автора—«въ освѣщеніи этихъ трехъ путей Достоевскаго, въ возсозданіи не въ шаблонныхъ рамкахъ критики, а въ *творчествѣ* (курсивъ автора), этихъ трехъ картинъ его внутренняго міра (подполья, карамазовщины и религіи)». Мы не совсѣмъ понимаемъ усиленное подчеркиваніе автора, что онъ не пишетъ «въ шаблонныхъ рамкахъ критики», а «творитъ». Писаніе въ шаблонныхъ рамкахъ вообще—не критика, и провозглашая, что критика должна быть творчествомъ, авторъ ломится въ открытую дверь. Самъ по себѣ его пріемъ—хотя нѣсколько искусственно это раздѣленіе Достоевскаго на трое,—законенъ: дать художественно пережитый и прочувствованный критикомъ портретъ писателя, освѣщенный подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, это—задача всякой литературной характеристики. Но вторая книга г. Закржевскаго показалась намъ, послѣ первой, уже утомительной своимъ трескучимъ и однообразнымъ амплифицированіемъ несложныхъ по существу, не новыхъ положеній. «Любовь, плоть—это вѣдь страшные провалы жизни, это надрывъ (?) природы... Достоевскій объяснять полъ не пытался, онъ болѣлъ имъ; болѣе того, полъ изсушилъ, обезсилилъ его (?) — и вотъ вмѣсто искусства явилось страданіе», ибо «власть пола безпредѣльна... она святого можетъ сдѣлать преступникомъ и ангела превратить въ демона извращенности. Женщина— вотъ основа этой стороны творчества Достоевскаго. Женщина создала этотъ особый міръ чадныхъ видѣній, изступленнаго эротическаго мистицизма, русалочьихъ чаръ, въ которыхъ такъ сладко извивается душа, и вотъ уже заколдованные сны кажутъ ослѣпительныя бездны какихъ-то новыхъ откровеній, слишкомъ утонченныхъ, слишкомъ неуловимыхъ, для которыхъ нѣтъ еще словъ, которыя рыдаютъ въ тающихъ полутонахъ бреда, завороженнаго вакхической улыбкой Настасьи Филипповны или мерцаніемъ тонкопрозрачныхъ рукъ Сони Мармеладовой. И въ душѣ бѣшеный вихрь одержимости. И кажется, что весь міръ качается въ рукахъ женщины, и въ сладострастномъ огнѣ истлѣваетъ сердце. И страшно». И такъ написана вся книга. Такъ писалъ когда-то безнадежно утонувшій въ многословіи и суесловіи критикъ А. Волынскій. Читателя этотъ наборъ трескучихъ фразъ, претендующихъ передать безысходный ужасъ карамазовщины, нисколько не заражаетъ, а только раздражаетъ фразистымъ несоотвѣтствіемъ тому огромному и серьезному, что было пережито и передано Достоевскимъ. Первую книгу г. Закржевскаго о Достоевскомъ мы прочитали, вторую—

просмотрѣли; боимся за третью, которою онъ намъ угрожаетъ. Между тѣмъ по существу параллели между Достоевскимъ и современной литературой могли бы быть вполнѣ жизненны. Темы г. Закржевскимъ намѣчены положительно интересно, и онъ, видимо, способенъ и понимать, и чувствовать литературу не только какъ отраженіе жизни, но какъ самую жизнь въ одномъ изъ ея высшихъ проявленій—въ художественномъ словѣ. Для чего онъ ломаетъ стулья и говоритъ, какъ Аркадій Кирсановъ, непремѣнно «красиво»?

— Д. В. Философовъ. Старое и новое. Сборникъ статей по вопросамъ искусства и литературы. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

Статьи г. Философова посвящены дѣятелямъ современной литературы и классикамъ и вопросамъ современнаго искусства. Книга открывается набросками: «Голубая весна». Это какъ бы profession de foi автора. Предъ нами «мистическій реалистъ», враждующій и съ идеализмомъ, и съ эмпиризмомъ въ литературѣ и искусствѣ, поклонникъ символическаго искусства. «Идеалисты не ощущаютъ правды реализма, воображая, что реализмъ исчерпывается воспріятіемъ внѣшнихъ явленій. Въ литературѣ подлинные реалисты всегда, въ той или иной степени, гностики. Въ этомъ тайна творчества, божьяго дара. Если даже творецъ-художникъ не знаетъ, что скрывается за эмпирическимъ явленіемъ, онъ все же чувствуетъ, что видимый міръ соприкасается съ мірами иными, что за эмпирическимъ явленіемъ не провалъ, не черная пропасть, а новая реальность, цѣлая іерархическая лѣстница подобій, ведущая къ единой незыблемой точкѣ. Идеалисты—такіе же иконоборцы, какъ и эмпирики. И тѣ, и другіе разрываютъ единство бытія на двѣ непримиримыя, ничѣмъ не связанныя области. Для идеалистовъ—коврига не существуетъ передъ богатствомъ идеальнаго міра, который единственно цѣненъ. Для эмпириковъ коврига — только коврига, экономическая цѣнность. Что за ковригой есть Жаръ-птица, они не вѣрятъ и знать не хотятъ». На правильномъ пути творчества стоитъ поэтъ Городецкій, въ которомъ особливо слышно автору вѣяніе «голубой весны» русскаго національнаго возрожденія, ибо въ Городецкомъ ему «чувствуется національность органическая, а не идейно навязанная, любовь къ народности безъ всякихъ поползновеній на исключительность». «Его творчество показываетъ намъ, что современной русской душѣ, которая по существу своему мистична, холодно въ космополитическомъ гуманизмѣ Запада, что ей тѣсно подъ чернымъ клобукомъ византійско-татарской Москвы. Нѣтъ сомнѣнія,

что возрожденіе русской идеи произойдетъ не подъ знакомъ московскаго Успенія или петербургско-прусской Петропавловки, а подъ знакомъ стараго Великаго Новгорода и его вѣчной святыни—святой Софіи, Премудрости Божіей». Читатель, который полюбопытствуетъ найти въ слѣдующихъ статьяхъ какія-либо поясненія и развитіе этихъ положеній, будетъ разочарованъ: онъ найдетъ только нѣсколько литературно, то есть съ любовью, ясно и живо написанныхъ, болѣе или менѣе близкихъ къ правдѣ характеристикъ писателей и повтореніе тѣхъ же излюбленныхъ авторомъ мыслей, остающихся послѣ повторенія столь же мало обоснованными, какъ и въ первой статьѣ. Литературное возрожденіе новгородскихъ началъ съ окраской мистицизма обѣщаетъ быть не болѣе успѣшнымъ, чѣмъ славянофильская реставрація московскихъ началъ.

Вниманіе изучающихъ Пушкина будетъ привлечено въ книгѣ статьей: «Сосѣди Пушкина по селу Михайловскому», содержащей нѣкоторыя новыя данныя о людяхъ, соприкасавшихся съ поэтомъ. Тепло написаны некрологи Мореаса, Мутера, С. С. Боткина и В. А. Сѣрова, которыми заканчивается книга.

Ч. В—скій.

— Дѣти-преступники. Сборникъ статей съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Н. Гернета. М. 1912. Ц. 4 рубля.

М. Н. Гернетъ, въ бытность свою преподавателемъ Московскаго университета предложилъ участникамъ своего семинарія тему: «Дѣтская преступность въ Москвѣ и мѣры борьбы съ нею». Матеріаломъ для работы послужили данныя, извлеченныя изъ дѣлъ о малолѣтнихъ, разбиравшихся въ московскихъ судебныхъ мѣстахъ въ 1908—1909 гг., а также собранная въ Рукавишниковскомъ пріютѣ и въ работномъ домѣ. «Была выработана»,—говоритъ въ предисловіи г. Гернетъ,—«программа статистической анкеты, съ 50 вопросами, отвѣты на которые должны были выяснить какъ юридическую, такъ и соціологическую стороны дѣтской преступности, и нѣсколько десятковъ учащейся молодежи энергично принялись за работу, требовавшую отъ нихъ затраты большого труда и очень много времени». Вслѣдствіе ухода г. Гернета изъ московскаго университета работу пришлось закончить въ городскомъ университетѣ имени А. Л. Шанявскаго. Сборникъ посвященъ памяти профессоровъ А. Ф. Кистяковскаго и Д. А. Дриля, много поработавшихъ надъ вопросомъ о дѣтской преступности.

Основной идеей, объединившей участниковъ сборника, была,

по словамъ редактора, мысль, что дѣтская преступность и проституція—явленія неразрывно связанныя съ соціальнымъ укладомъ нашего общества и что борьба съ этими недугами должна вестись посредствомъ воздѣйствія на порождающія ихъ причины. Общее впечатлѣніе отъ сборника весьма благопріятно. Нельзя не подивиться энергіи, которую проявили и талантливый руководитель, и молодые работники. Съ горячностью молодости, но и съ великой старательностью, $2^1/_2$ года работали члены семинарія надъ извлеченіемъ данныхъ изъ громаднаго матеріала, надъ сложными подчасъ вычисленіями, надъ составленіемъ статистическихъ таблицъ и библіографическихъ указателей. Собранный ими матеріалъ еще не весь использованъ и разработанъ: выпущенный сборникъ составляетъ лишь часть изслѣдованія о преступности дѣтей въ Москвѣ.

Въ первой, юридической части сборника, содержащей всего двѣ статьи (гг. Гуревича и Чарыхова), излагается содержаніе матеріальнаго и процессуальнаго законодательства о преступныхъ дѣтяхъ. Вторая, соціологическая часть сборника обнимаетъ восемь статей. Особенно выдается очеркъ г. Зака, убѣдительно доказывающій, что Россія принадлежитъ къ числу странъ, обнаруживающихъ тенденцію къ повышенію дѣтской преступности. Въ статьѣ г. Емельянова даны статистическія таблицы, указывающія на распредѣленіе дѣтской преступности по полу, профессіи, возрасту, роду преступленій, по условіямъ ихъ совершенія, по мѣрамъ пресѣченія, мѣстамъ и срокамъ заключенія. Характеренъ устанавливаемый авторомъ фактъ громаднаго преобладанія проступковъ противъ имущества (68, 9%). Удручающее впечатлѣніе производитъ таблица, изъ которой видно, какъ часто примѣнялось до сихъ поръ по отношенію къ дѣтямъ взятіе подъ стражу, въ качествѣ мѣры пресѣченія. Статья г. Маковскаго: «Соціально-экономическіе факторы дѣтской преступности въ Москвѣ» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о бытовыхъ условіяхъ жизни малолѣтнихъ правонарушителей, о мотивахъ ихъ проступковъ, семейномъ положеніи и т. д. Г-жа Соколинская, разработавшая вопросъ о распредѣленіи дѣтской преступности по возрастамъ, присоединяется безъ оговорокъ къ мнѣнію М. Н. Гернета, что вліяніе возраста можетъ быть устранено «силою соотвѣтствующихъ реформъ соціальной среды преступника». Соціально-экономическій факторъ, съ точки зрѣнія г-жи Соколовской, не только истинная причина всѣхъ преступленій противъ собственности, но и всѣхъ (?) видовъ преступленій, направленныхъ противъ личности. Нельзя не пожалѣть, что разработка такихъ важныхъ вопросовъ, какъ рецидивъ въ дѣтской преступности и соучастіе въ дѣтской преступности, была поручена явно неопытному лицу. Къ неудовлетвори-

тельной внѣшней формѣ (преступникъ «упоенъ помыслами благихъ стремленій», «моментъ подстрекательства почти всегда кроется въ нѣсколько прошлой жизни несовершеннолѣтняго») присоединяется большая претенціозность. «Преступность только противоположный полюсъ жизни, а жизнь, мы знаемъ, всегда создаетъ два полюса, два конца всякой истины: конецъ положительный и конецъ отрицательный»... «Человѣкъ соціаленъ по своему существу, безотносительно къ тому, каковы принципы его индивидуальной конструкціи»... Сомнительны и выводы автора, бездоказательно утверждающаго, напр., что въ преступленіяхъ несовершеннолѣтнихъ, содѣянныхъ въ сообществѣ съ другими несовершеннолѣтними, замѣтно равенство участія всѣхъ: нѣтъ руководителей, нѣтъ зачинщиковъ.

Въ третьей части сборника статьи гг. Заменгофа и Всесвятскаго характеризуютъ мѣры пресѣченія и наказанія, примѣняемыя къ юнымъ преступникамъ и положеніе несовершеннолѣтнихъ въ тюрьмѣ. Очень удаченъ очеркъ г-жи Тарасовой, посвященный дѣтскимъ судамъ за границей: авторъ сжато, но достаточно полно излагаетъ исторію возникновенія и развитія дѣтскихъ судовъ и отчетливо формулируетъ основные принципы ихъ дѣятельности. Дополненіемъ къ этому очерку служитъ статья г. Бочарова о дѣтскомъ судѣ въ Россіи. Въ статьѣ г-жи Рубашевой дается обзоръ системы борьбы съ дѣтской преступностью въ Америкѣ и Западной Европѣ. Общіе выводы сгруппированы въ прекрасной заключительной статьѣ, написанной г. Трайнинымъ.

Къ книгѣ приложены 15 удовлетворительно исполненныхъ фотографій, образецъ анкетнаго статистическаго листка, образцы бумагъ дѣлопроизводства дѣтскаго судьи въ Петербургѣ и библіографическіе указатели русской литературы о малолѣтнихъ преступникахъ, иностранной литературы о дѣтской преступности и дѣтскихъ судахъ и литературы объ алкоголизмѣ дѣтей.

А. Маклецовъ.

— Проф. М. И. Назаревскій. Очерки по исторіи и теоріи коллективно-капиталистическаго хозяйства. Т. I. Часть первая. Очерки по исторіи объединеній американской промышленности. Москва. 1912.

Ученіе теоретической экономіи, установленное трудами Адама Смита, Рикардо и другихъ, менѣе значительныхъ экономистовъ, давно стало вызывать протесты своей претензіей на универсальность, и въ концѣ концовъ было признано теоріей одного изъ этаповъ экономическаго развитія человѣчества, получившаго наименованіе

капиталистическаго. Но и въ этихъ узкихъ границахъ теоремы политической экономіи теряютъ болѣе и болѣе значеніе въ смыслѣ объясненія явленій современной хозяйственной жизни. Жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ; какъ капиталистическія отношенія смѣнили въ свое время предшествовавшія имъ формы промышленной организаціи, такъ, въ силу естественнаго развитія самого капиталистическаго строя, наступаютъ такія существенныя его измѣненія, что прежнія настроенія экономистовъ оказываются къ нимъ неприложимыми. Господствующее ученіе политической экономіи можетъ быть названо теоріей *индивидуально*-капиталистическаго хозяйства потому что элементарными ячейками его построеній являются отдѣльныя единичныя предпріятія, а механизмомъ, приводящимъ эти самостоятельно живущія единицы въ болѣе или менѣе гармоническую систему національной промышленности, служитъ соперничество отдѣльныхъ производителей,—то, что называется конкуренціей, съ ея аппаратомъ спроса и предложенія. Каждый предприниматель руководствуется въ своей дѣятельности исключительно стремленіемъ къ личной выгодѣ; но такъ какъ одно такое стремленіе встрѣчаетъ противодѣйствіе въ другомъ, то результатомъ свободной игры субъективныхъ моментовъ является нѣчто обусловленное факторами объективнаго характера, выясненіе коихъ и составляетъ задачу экономической науки.

Строеніе капиталистической системы, служившей объектомъ политической экономіи, претерпѣваетъ въ послѣднее время существенныя превращенія. Отдѣльныя самостоятельныя предпріятія поглощаются организаціями, стремящимися охватить данную отрасль хозяйства цѣликомъ; борьба самостоятельныхъ, сравнительно мелкихъ единицъ замѣняется, вслѣдствіе этого, планомѣрной дѣятельностью единственнаго въ данной отрасли вліятельнаго гиганта, стремящагося, къ тому же, объединиться съ такими же гигантами другихъ государствъ. Конкуренція хозяевъ предпріятій здѣсь почти упраздняется; мотивъ личной выгоды единственнаго продавца даннаго продукта, не встрѣчая противодѣйствія въ игрѣ такихъ же мотивовъ другихъ производителей, становится главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ цѣну продукта; объективный механизмъ установленія этого важнѣйшаго факта хозяйственной жизни замѣняется субъективнымъ, конкуренція—монополіей; а такое замѣщеніе, по справедливому замѣчанію проф. Назаревскаго, подрываетъ самыя основы господствующей экономической теоріи—ея ученіе о цѣнности и связанную съ нимъ теорію распредѣленія. Новый фазисъ эволюціи капиталистическаго строя выдвигаетъ «новыя, чрезвычайно широкія задачи, граничащія съ пересмотромъ почти всѣхъ отдѣловъ полити-

ческой экономіи». Важно изучить происхожденіе этихъ новыхъ формъ капиталистической системы, построить теорію «современной экономической эволюціи, ведущей къ переходу капиталистическаго (индивидуально?) хозяйства въ коллективно-капиталистическое». Проф. Назаревскій и поставилъ себѣ задачу «намѣтить вѣхи по пути къ разрѣшенію этого вопроса» и полагаетъ въ начатомъ нынѣ трудѣ выяснить генезисъ новыхъ теченій въ экономической жизни и отношеніе ихъ къ предыдущему экономическому развитію, установить законы ихъ собственнаго развитія, «привести ихъ въ связь съ общими законами экономической жизни и эволюціи» и найти «общую формулу новыхъ эволюціонныхъ процессовъ».

Важность и интересъ намѣченной авторомъ задачи теоретическаго освѣщенія явленія, пріобрѣтающаго такое огромное значеніе и остававшагося до нынѣ почти безъ теоретической разработки, не требуетъ разъясненій. Но выполненіе этой теоретической задачи еще впереди. Разсматриваемый нами первый выпускъ задуманнаго труда можетъ быть разсматриваемъ лишь какъ введеніе къ теоретическому изслѣдованію, восполняющее недостатокъ объединяющихъ трудовъ по развитію коллективно-капиталистическихъ предпріятій. Онъ посвященъ исторіи объединенія главнѣйшихъ хозяйственныхъ отраслей Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ: желѣзныхъ дорогъ, углепромышленности, промышленности желѣзной, сахарной и нефтяной. Книга г. Назаревскаго составлена почти исключительно на основаніи матеріаловъ, добытыхъ въ Соед. Штатахъ, и заключаетъ много новыхъ для насъ, подчасъ очень детальныхъ свѣдѣній какъ объ изслѣдуемыхъ формахъ объединенія промышленности, такъ и по исторіи и современному состоянію соотвѣтствующихъ важнѣйшихъ отраслей промышленности. Авторъ изучаетъ горизонтальное и вертикальное объединеніе американской промышленности, иначе говоря—консолидацію однородныхъ предпріятій и комбинацію разнородныхъ, но стоящихъ другъ надъ другомъ, т. е. составляющихъ рядъ ступеней перехода отъ добычи сыраго матеріала до выдѣлки готоваго продукта. Нѣсколько страницъ посвящено авторомъ и третьей, новѣйшей фазѣ объединенія американской промышленности, распространяющагося на промыслы, косвенно связанные другъ съ другомъ и даже не имѣющіе ничего между собой общаго.

Мы не можемъ остановиться здѣсь на существѣ содержанія интереснѣйшаго труда проф. Назаревскаго и отмѣтимъ только, что авторъ возстаетъ противъ распространеннаго мнѣнія о преобладающемъ вліяніи на процессъ объединенія американской промышленности высокихъ таможенныхъ пошлинъ, доказывая, что это объеди-

ненiе есть необходимый результатъ естественнаго развитiя господствующаго хозяйственнаго строя, послѣдствiе того, что — какъ выражается цитируемый авторомъ американскiй писатель—«конкуренцiя не является жизнетворнымъ началомъ; она стала могилой для индустрiи Соединенныхъ Штатовъ», которая нашла себѣ спасенiе въ монополiи.

Будемъ надѣяться, что второй выпускъ труда Назаревскаго, посвященный объединенiю промышленности въ Германiи, не заставитъ долго себя ждать.

— А. Е. Лосицкiй. Распаденiе общины. Спб. 1912.

Наша перiодическая печать не перестаетъ слѣдить за общинно-разрушительной—землеустроительной тожъ—дѣятельностью правительства, давая сводку свѣдѣнiй объ укрѣпленiи въ частную собственность и разверстанiи общинныхъ земель и пытаясь оцѣнить съ разныхъ точекъ зрѣнiя достигнутые въ этомъ отношенiи результаты. Къ числу такого рода работъ принадлежитъ и книжка А. Е. Лосицкаго, кромѣ обобщающаго и разъяснительнаго текста заключающая въ себѣ картограммы и таблицы съ погубернскими итогами крестьянскаго землевладѣнiя съ одной стороны, укрѣпленiй, выдѣленiй и разверстанiй общинныхъ земель — съ другой, вслѣдствiе чего она даетъ читателю матерiалъ и для нѣкоторыхъ самостоятельныхъ соображенiй. Въ текстѣ отдѣльныя губернiи фигурируютъ, соединенными въ характерныя группы, при чемъ выясняются результаты распространенiя въ данномъ раiонѣ надворнаго крестьянскаго владѣнiя и высокихъ цѣнъ земли. Въ главной своей части книжка г. Лосицкаго имѣетъ статистическiй характеръ, и гдѣ авторъ оперируетъ съ массовымъ цифровымъ матерiаломъ, его прiемы не вызываютъ существенныхъ возраженiй. Мы бы, однако, протестовали противъ того, чтобы среднiй размѣръ крестьянскаго участка по губернiямъ исчислялся путемъ присоединенiя къ надѣлу всей купленной крестьянами земли, а не мелкихъ только ея участковъ,— а послѣ такой поправки подлежали бы измѣненiю и заключенiя автора о соотношенiи между размѣрами хуторовъ и среднихъ крестьянскихъ участковъ.

Но А. Е. Лосицкiй не ограничивается разработкой выраженныхъ въ цифрахъ результатовъ общинно-разрушительной дѣятельности правительства (которую, однако, онъ не считаетъ таковой и квалифицируетъ весь процессъ не какъ разрушенiе, а какъ «распаденiе» общины) къ опредѣленному моменту времени. Онъ задается

еще цѣлью связать данныя измѣненія «въ области крестьянскаго землевладѣнія съ болѣе ранними теченіями въ жизни деревни», указать причины, ихъ обусловившія, и «констатировать намѣчающіяся ихъ послѣдствія». Изъ области исчерпывающаго статистическаго матеріала авторъ переходитъ здѣсь въ другую, допускающую произволъ и въ выборѣ, и въ толкованіи фактовъ и окрашенную уже опредѣленными цвѣтами, соотвѣтственно различнымъ направленіямъ нашей общественной мысли. Въ этой части своей книжки авторъ является типическимъ выразителемъ одного изъ такихъ направленій, подчиняясь ему не только въ общемъ взглядѣ на предметъ, но и въ пріемахъ его трактованія. Какъ представителю даннаго направленія, автору симпатична, напр., идея о самопроизвольномъ разрушеніи общины—и вотъ, онъ ссылается на заявленіе правительства о большомъ числѣ селеній, не практикующихъ общіе передѣлы земли, не разъясняя читателю, что уравненіе крестьянскихъ участковъ можетъ быть достигаемо и частными передѣлами и что по изслѣдованію, хотя и неполному, г. Кочаровскаго, число общинъ, совершенно прекратившихъ уравнительныя функціи, не достигаетъ и половины числа, объявленнаго правительствомъ. Подчиняясь той же, симпатичной ему идеѣ и пытаясь проникнуть въ настроеніе членовъ безпередѣльныхъ общинъ, авторъ первоначально объясняетъ, что поелику для законности приговора о передѣлѣ требуется большинство $^{2}/_{3}$ голосовъ, то въ опредѣленныхъ селеніяхъ «по крайней мѣрѣ $^{1}/_{3}$ домохозяевъ являются активными (!) противниками общины»; ссылаясь, затѣмъ, на анкету смоленскаго земства, излагающую мнѣнія какихъ-нибудь двухъ сотенъ крестьянъ на всю губернію, авторъ заявляетъ, что на самомъ дѣлѣ число активныхъ противниковъ общины «доходитъ до $^{2}/_{3}$ домохозяевъ», а черезъ три строчки уже утверждаетъ, что число такихъ противниковъ въ безпередѣльныхъ общинахъ «значительно больше $^{2}/_{3}$» (стр. 19). Затѣмъ онъ считаетъ себя въ правѣ заключить, что законъ 14-го іюня, обращающій безпередѣльную общину въ подворное владѣніе, «лишь закрѣпилъ то, что и безъ него наблюдалось въ дѣйствительности», не объясняя, однако, почему же не закрѣпили существующее положеніе $^{2}/_{3}$ противниковъ общины путемъ самопроизвольно постановленнаго общественнаго приговора.—Весьма важному вопросу о «хозяйственномъ значеніи новыхъ порядковъ землепользованія» А. Е. Лосицкій отводитъ какихъ-нибудь двѣ странички и вмѣсто того, чтобы использовать весь, пока еще крайне ограниченный матеріалъ, ссылается лишь на три изслѣдованія, заимствуя по крайней мѣрѣ изъ одного («Отчетъ по изслѣдованію хуторскихъ хозяйствъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда») не тѣ данныя, которыя наилучше разъясняютъ

вопросъ, а тѣ, которыя какъ будто говорятъ въ пользу излюбленной школой автора идеи о техническихъ преимуществахъ хуторскаго хозяйства передъ общиннымъ. Наилучше выясняетъ этотъ вопросъ, «такъ какъ она наиболѣе полно (по утвержденію мѣстныхъ изслѣдователей) выражаетъ результаты плохой или хорошей техники»— валовая доходность десятины пашни, а эта доходность у общинниковъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда на 3 р. 40 к. или на 9% превосходитъ доходность десятины у мелкихъ хуторянъ, по размѣрамъ своего хозяйства близко стоящимъ къ общинникамъ. Но А. Е. Лосицкій приводитъ не эти наиболѣе «цѣнныя» (по выраженію мѣстнаго изслѣдователя), основныя, такъ сказать, данныя о результатахъ крестьянскаго хозяйства, а денежную выручку мелкаго хуторянина, превышающую выручку общинника на 4%—при разсчетѣ на десятину посѣва, и на 10%—при расчетѣ на одного рабочаго, не разъясняя читателю, что наибольшая валовая доходность общиннаго хозяйства превратилась въ наименьшую денежную, потому что данные хозяева-общинники, имѣя въ семьѣ больше ѣдоковъ, больше потребляютъ продуктовъ своего хозяйства и меньше отчуждаютъ ихъ на сторону.

В. В.

Въ теченіе сентября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Абрамовъ, Ив. Что говорятъ забытыя могилы. Спб., 1912 г.

Алякринскій, Сергѣй. Кактусы. Вторая брошюра стиховъ. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Ардонъ, Я. Кто мы? Книжка 1-ая. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Баранцевичъ, К. С. Сочиненія. Т. IV. Петербургскій случай. Т. V. Закатъ. Спб., 1912 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 коп.

Барклай де-Толли. Изображеніе военныхъ дѣйствій 1812 года. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Бачалдинъ, И. Что читаютъ въ духовной школѣ (Анкета среди учащихся). Вологда, 1912 г. Цѣна 15 коп.

Бильяръ, Максъ. Мужья жены Наполеона. Побочный сынъ Наполеона. Москва. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Брамовъ, I. Въ пути. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Быковъ, Николай. Кѣмъ дѣлается исторія? Спб., 1912 г. Цѣна 80 коп.

Waldstein, L. Подсознательное «Я». Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Васильевъ, А. Руководство къ защитѣ гражданскаго иска. Спб., 1913 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Вороновскій, В. М. Отечественная война 1812 г. въ предѣлахъ Смоленской губ. Спб., 1912 г.

Галантъ, И. Жертвы ритуальнаго обвиненія въ Заславѣ въ 1747 г. (По актамъ Кіевскаго Центр. Архива). 2-ое изданіе. Кіевъ, 1912 г.

Гельманъ, И. Женскія болѣзни и общественныя мѣры борьбы съ ними. Москва, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Герасимовъ, М. Строеніе человѣческаго тѣла и уходъ за нимъ. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Гинзбургъ, С. М. Отечественная война 1812 года и русскіе евреи. Съ иллюстраціями. Спб.. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Гирке, Э. Краткій курсъ патологической анатоміи. I. Общая часть, Пер. съ нѣм. подъ ред. пр.-доц. А. И. Абрикосова. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Демени, Г., Филиппъ, Ж., Расинъ, Г. Теоретическій и практическій курсъ воспитанія. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Дитрихштейнъ, Владиміръ. Стихотворенія. Одесса, 1912 г. Цѣна 75 к.

Добрынинъ, К. И. Памятный годъ. 1812. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р.

Драгеймъ-Срѣтенская, І. Поздно. Повѣсти и разсказы. Томъ II. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Езерскій, Ѳ. В. Нравственность, ея природа, развитіе, упадокъ. Праздники. Спб.-Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Жиркевичъ, А. Пасынки военной службы. Вильна, 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Кейра, Ф. Воображеніе и различныя формы его у ребенка. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. Рабочіе Московской губерніи, занятые обработкой хлопка и обработкою металловъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Крайнскій, Д. В. Матеріалы къ изслѣдованію русскихъ тюремъ въ связи съ исторіей учрежденія Общества попечительнаго о тюрьмахъ. Черниговъ, 1912 г. Цѣна 1 р. 35 коп.

Круковская, Л. Н. А. Морозовъ. Очерки жизни и дѣятельности. Москва. 1912 г. Цѣна 40 коп.

Кузминъ, М. Осеннія озера. Вторая книга стиховъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д. Сокольство и идея славянскаго единенія. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Ляховъ, Арс. Основныя черты соціальныхъ и экономическихъ отношеній въ Россіи въ эпоху императора Александра I. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мануиловъ, А. М. Систематическій сборникъ астрономическихъ вопросовъ и задачъ, рѣшаемыхъ помощью земного и небеснаго глобусовъ. 3-е изданіе. Кишиневъ, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Малисъ, Ю. Г. Страхованіе рабочихъ на международной гигіенической выставкѣ въ Дрезденѣ. Спб., 1912 г.

Мелиховъ, В. А. Іудеи въ римской исторіи по изслѣдованію Э. Ренана. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 15 коп.

— Культъ римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 30 коп.

— Л. Н. Загурскій, проф. Императорскаго Харьковскаго университета. Харьковъ, 1912 г. Цѣна 15 коп.

Монтелли, Ал. Какъ возможно научное познаніе? Николаевъ, 1912 г. Цѣна 15 коп.

Моранъ, П. Павелъ I до восшествія на престолъ (1754—1796 гг.). Москва, 1912 г. Цѣна 3 р.

Муравьевъ, В. Н. Мелкая единица самоуправленія въ русскомъ законодательствѣ. Новгородъ, 1912 г. Цѣна 1 р.

Муравьевъ, Валеріанъ. Четвертая дума и наше великодержавное будущее. Спб., 1912 г.

Нервиль-де, Жераръ. Сильвія. Октавія. Изида. Аврелія. Пер. съ франц. Ред. и вступительная статья П. Муратова. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Нечаевъ, А. П. Пора читать. Книга для обученія чтенію. Спб., 1912 г.

Николай Михайловичъ, Великій Князь. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Т. I и II. Спб. 1912 г.

Николинъ, Ив. Что такое нравственность? Изд. 2-ое. Сергіевъ Посадъ, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Новосельскій, С. Смертность и семейное состояніе населенія С.-Петербурга. Спб., 1912 г.

Охитовичъ, А. П. Новый (неопредѣленный) методъ рѣшенія алгебраическихъ уравненій. Часть 1. Казань, 1900 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Пиксановъ, Н. К. Три эпохи—Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и библіографія. Семинарій по новой русской литературѣ. Спб., 1912 г. Цѣна 35 коп.

Пирлингъ, О. Россія и папскій престолъ. Книга 1-ая. Русскіе и Флорентійскій соборъ. Москва, 1912 г. Цѣна 3 р.

Поповъ, Николай. Чинъ, како пріимати приходящихъ къ православной церкви отъ армянскаго или римско-латинскаго вѣроисповѣданія. Спб., 1912 г. Цѣна 75 коп.

Постниковъ, А. П. Учебникъ физики. Часть I. Москва, 1912 года. Цѣна 1 р.

Рыбчинскій, Н. Ф. Пѣснь о Наполеонѣ I, императорѣ французовъ, Спб., 1912 г. Цѣна 10 коп.

Саввинъ, Н. А. Систематическій орѳографическій задачникъ. Москва. 1912 г. Цѣна 35 коп.

Сковорода, Г. С. Собраніе сочиненій. Т. I. Съ біографіей Г. С. Сковороды М. И. Ковалинскаго, съ замѣтками и примѣчаніями Владиміра Бончъ-Бруевича. Спб., 1912 г. Цѣна 4 р.

Смирновъ, А. М. Подоходный налогъ во Франціи. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Сорокинъ, Антонъ. Смертельно раненые. Спб., 1912 г. Цѣна 40 коп.

Сухановъ, С. А. Патологическіе характеры. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Тотоміанцъ, В. Кооперація въ русской деревнѣ. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р. 60 коп.

Турцевичъ, Ив. Боркъ и Бокль. Нѣжинъ, 1912 г.

Тютчевъ, Ѳ. И. Полное собраніе сочиненій. Ред. П. В. Быкова. Спб., 1912 г. Цѣна 3 р.

Флоровскій, Г. В. Новыя книги о Владимірѣ Соловьевѣ. Одесса, 1912 г.

Шахова, Елизавета. Собраніе сочиненій въ стихахъ. Спб., 1911 г., Цѣна 3 р.

Широковъ, П. Розы въ винѣ. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Яновъ, Л. Сѣверная мелодія. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Чернышевъ, В. Упрощеніе русскаго правописанія. Изд. II. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Эверсъ, Гансъ Гейнцъ. Альрауне. Романъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Библіотека великихъ писателей подъ ред. С. А. Венгерова. Мальеръ, т. I. Спб., 1912 г.

Библіотека всемірной литературы. Европейскіе классики. Байронъ: Чайльдъ-Гарольдъ. Пер. В. Фишера. Цѣна 50 к. Байронъ: Донъ-Жуанъ. Пер. П. Козлова. Цѣна 1 руб. Байронъ въ двухъ томахъ подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Цѣна каждаго тома 2 руб. 50 коп. Москва, 1912 г.

Изданіе «Посредника». Деревенское хозяйство и жизнь. Книжка 114. Н. М. Тулайковъ. Неурожай 1911 года и задачи агрономіи юго-востока европ. Россіи. Библіотека И. Горбунова-Посадова. № 196. Е. Горбунова и И. Цунзеръ. Живыя числа, живыя мысли, руки за работой. № 197. Ф. Джюветтъ. Берегите ваше здоровье. Пер. съ англ. П. Хлѣбникова. № 240. Вальтеръ. Въ царствѣ природы. Библіотека новаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Вып. XXXI. И. Горбуновъ-Посадовъ. Къ русскимъ учителямъ начальной, средней и высшей школы. Вып. LXXVIII. Марго Групе. Новое рукодѣлье. Л. Н. Толстой. Посмертныя произведенія. № 1079. Ходынка. № 1080. Посмертныя записки старца Ѳедора Кузьмича. № 1081. Что я видѣлъ во снѣ. № 1082. Записки сумасшедшаго. № 1083. «Отъ ней всѣ качества». № 1084. Записки матери. № 1085. Алеша Горшокъ. № 1086. Послѣ бала. № 1087. Фальшивый купонъ. № 1088. Дьяволъ. № 1089. И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ. № 1090. Хаджи-Муратъ. № 1091. Отецъ Сергій. № 1092. Дѣтская мудрость. № 1094. I. Кто убійцы? II. О судѣ? III. Два спутника. № 1095. Тихонъ и Маланья. Идиллія. Не играй съ огнемъ—обожжешься. № 1100. Разсказъ для дѣтей. № 1102. I. Отецъ Василій. II. Іеромонахъ Исидоръ. № 1106. Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ. № 1107. Исторія улья съ лубочной крышкой. Москва. 1912 г.

Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. I. Иллюстрированный сборникъ статей подъ ред. А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева и К. В. Слѣдова. Москва, 1912 г. Цѣна 2 р. 25 к.

Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ. Сост. Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 10 коп.

Камчатская экспедиція Ѳедора Павловича Рябушинскаго. Ботаническій отдѣлъ. Вып. I. В. Л. Комаровъ. Путешествіе по Камчаткѣ въ 1904—1909 г. Москва, 1912 г.

Мемуары князя Адама Чарторижскаго. Москва, 1912 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Новая Студія. № 1 и 2. Спб., 1912 г. Цѣна номера 20 к.

Обзоръ дѣятельности Государственной Думы третьяго созыва—1907—1912 гг. Часть I. Общія свѣдѣнія. Часть II. Законодательная дѣятельность. Часть III. Разсмотрѣніе государственныхъ росписей. Составленъ канцеляріей Государственной думы. Спб., 1912 г. Цѣна каждой части 1 р. 25 коп., за всѣ три части 3 р.

Образованіе для всѣхъ. № 1. Спб., 1912 г.

Отечественная война въ звукахъ родной лиры. Сост. С. В. Рклицкій. Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Отчетъ о дѣятельности об-ва попеченія о школѣ памяти Г. И. Успенскаго. Спб., 1912 г.

Отчеты о состояніи и дѣятельности опытныхъ полей и плантацій промышленныхъ растеній въ Восточномъ и Западномъ Закавказьѣ въ 1909 г. Вып. III. Спб., 1912 г.

Отчеты о состояніи и дѣятельности опытныхъ хлопковыхъ учрежденій въ Туркестанѣ и Закаспійской области въ 1909 г. Спб., 1912 г.

Петровское. Изд. «Русской усадьбы». Вып. II. Спб., 1912 г. Цѣна 4 руб.

Практическая школьная энциклопедія. Подъ общей ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. Москва, 1912 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Родная нива. Букварь. Сост. П. Т. Корзуновъ. Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Россія и Наполеонъ. Иллюстрированный сборникъ 2-е изданіе. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Статьи, вопросы и планы для письменныхъ изложеній. Сост. П. Т. Корзуновъ. Москва, 1912 г. Цѣна 35 коп.

Стеклянныя цѣпи. Альманахъ эго-футуристовъ. Спб., 1912 г.

Труды и дни. № 3, Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Украинская Жизнь. № 7—8. Москва, 1912 г.

Устный счетъ въ предѣлѣ 1000. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ. Сост. «Группой учащихъ въ начальныхъ школахъ г. Москвы» подъ ред. А. А. Морозова. Москва, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Участіе Саратовской губерніи въ отечественной войнѣ 1912 г. Саратовъ, 1912 г. Цѣна 1 р.

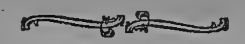
Фіорды. Сборникъ 10-й, Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Французы въ Россіи 1912 г. по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Часть III. Отступленіе. Сборникъ, составленный А. М. Васютинскимъ, А. К. Дживелеговымъ и С. П. Мельгуновымъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп

Ефремовъ, Сергій. Новий документ до старих позвів. Київ, 1912 р. Ціна 15 коп.

Трнски, др. О Русиjи и Русима. Београд., 1912 г. Цена 2 дин. или круна.

Движение на търговията на България съ чуждитѣ държави. София, 1912.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ предгорьяхъ Кавказа.—Скудная курортная жизнь въ прекрасныхъ мѣстахъ.—Пустынный Желѣзноводскъ.—Желаніе минеральныхъ группъ считаться «всероссійской лечебницей»; возможность для Кавказа сдѣлаться «всероссійскимъ санаторіемъ».—Язвы Кисловодска.—Настоящее и возможное будущее Кисловодска.—Поѣздка по Военно-Грузинской дорогѣ.—Край, завоеванный для «эстетики».

Желѣзноводскъ—такое благодатное мѣсто, гдѣ на красоту природы смотришь успокоенно, съ благодарнымъ умиленіемъ.

Это еще не Кавказъ; это—преддверіе Кавказа, предгорье, горная степь съ невысокими, рѣдко разставленными вершинами. Здѣсь еще нѣтъ грознаго, угрюмаго безпокойства кавказскихъ ущелій, нѣтъ величавыхъ снѣговыхъ гигантовъ. Шатровидныя горы, высотою около версты надъ уровнемъ моря, мирнымъ рисункомъ выдѣляются на ясномъ горизонтѣ. Спокойная, широкая, многоверстная равнина; уютныя, тихія горы. А главное, богатая зелень, куда ни кинешь взглядъ. Зеленый коверъ лѣсовъ укрываетъ долины, склоны горъ и далеко убѣгаетъ внизъ, сливаясь въ лиловой дали съ травянымъ покровомъ степи. Подлинное зеленое море, на которомъ утомленные глаза горожанина испытываютъ отраду и отдохновеніе.

Къ склону одной зеленой шатровидной горы (Желѣзной) прислонился курортъ Желѣзноводскъ.

Большіе города, какъ тюрьмы, развиваютъ въ людяхъ болѣзненную любовь къ природѣ—нервическую любовь, съ примѣсью недовѣрчивости и запуганности. Города, вѣроятно, не только приглушаютъ душу, но и разслабляютъ ее комнатными привычками, изысканными удобствами. Стремясь въ дни отдыха къ природѣ, горожанинъ инстиктивно боится темноты, воя вѣтра въ лѣсу, неровныхъ тропинокъ. Желѣзноводскъ пріятно поражаетъ его тѣмъ, что среди лѣсовъ и горъ онъ встрѣчаетъ, такъ сказать, сіяющій кусочекъ культуры. Большой паркъ разбѣгается вверхъ и внизъ выровненными, усыпанными гравіемъ аллеями и тропинками. Вечеромъ вспыхиваютъ повсюду электрическія солнца и лампочки. На главной площадкѣ играетъ струнный оркестръ. Куда бы ни пошелъ отдыхающій горожанинъ, его встрѣчаютъ скамейки, террасы, бесѣдки. И можно, слѣдовательно, безъ нервнаго безпокойства глядѣть отсюда на гро-

маду лѣсовъ, на панораму горъ, безъ страха видѣть приближеніе вечерней темноты и прислушиваться къ порывамъ вѣтра...

Недовѣріе къ отечественнымъ порядкамъ настолько въ насъ прочно, что у новаго пріѣзжаго Желѣзноводскъ обычно вызываетъ обидное восклицаніе:

— Скажите, пожалуйста! Да тутъ почти какъ за границей! Вотъ пріятная неожиданность!..

Потомъ-то, впрочемъ, оказывается, что отечественнаго еще достаточно осталось вокругъ курорта...

Для больныхъ, конечно, имѣютъ главное значеніе мѣстныя минеральныя (желѣзистыя) воды, съ такой естественной горячей температурой, что ихъ нужно не подогрѣвать, а разбавлять остуженной водой. Но для отдыхающихъ важнѣе и пріятнѣе здѣшній воздухъ, ради котораго стоитъ пріѣхать за тысячу верстъ.

Желѣзноводскъ расположенъ на высотѣ 300 саженъ надъ уровнемъ моря и значительно приподнятъ надъ окружающей горной, лѣсисто-травяной равниной. Здѣсь не бываетъ той тепличной духоты, которая присуща нѣкоторымъ швейцарскимъ долинамъ, тѣсно заставленнымъ горами. Здѣсь воздухъ свободно несется съ размаха въ сотни верстъ отъ снѣговыхъ хребтовъ Кавказа и широкаго простора горныхъ степей. Въ первые дни ясно ощущаешь радостно-возбуждающій вкусъ и ароматъ этого воздуха. Его пьешь, словно напитокъ, не только дыханіемъ, но и какъ бы порами всего тѣла. И, оглядывая малое количество курортной публики, съ невольнымъ сожалѣніемъ думаешь: «Какъ плохо знаетъ Россія свои благословенные уголки»!

Однако, оказалось, что удивленіе-то вызываемъ мы, заѣхавшіе сюда. Знакомый профессоръ съ женой спрашивали насъ съ недоумѣніемъ, встрѣтивъ въ паркѣ:

— Какимъ образомъ явились вы сюда? Зачѣмъ?

— Думаемъ пожить.

— Пожить? Гмъ... Здѣсь больше дѣтскій курортъ.

Сами они, по ихъ объясненію, пріѣхали ради своихъ дѣтей. И дѣйствительно, паркъ наводненъ былъ дѣтворой разнаго возраста. Для дѣтей устроено нѣсколько площадокъ съ качелями, лѣстницами, шестами, кольцами и разными приспособленіями для игръ. Шелестѣла по гравію дѣтвора группами и на площадкѣ около музыки, забавляясь поголовно новой игрой въ «діаболо». Резиновыя катушки тамъ и сямъ высоко взлетали въ воздухъ и ловко улавливались на ниточку между двухъ палочекъ.

Видимо, дѣти въ Желѣзноводскѣ господа положенія. И ко-

нечно, хорошо дѣлаютъ родители, привозя дѣтей для укрѣпленія горнымъ воздухомъ. Но хватило бы его и для взрослыхъ!

Какъ полагается русскимъ, всѣ пріѣзжіе брюзжали на здѣшнія условія жизни. Черта характерная и отчасти обнадеживающая: кромѣ законнаго недовольства русской нескладицей, въ ней, можетъ быть, кроется благородное зернышко вѣчнаго устремленія впередъ.

Итакъ, грѣясь на горячемъ горномъ солнцѣ и наслаждаясь живительнымъ воздухомъ, жаловались. И больше всего жаловались на отечественную некультурность.

— Вотъ мы все твердимъ: режимъ да режимъ, — говорилъ профессоръ,—всякую жалобу привыкли начинать съ политики. А, по правдѣ сказать, не меньше надо бороться съ нашей некультурностью. Вотъ, живучи здѣсь, я не чувствую никакого давленія режима (черезъ нѣсколько дней профессоръ принужденъ былъ раскаяться въ этихъ легкомысленныхъ словахъ: неожиданно и по невѣдомымъ причинамъ ему не разрѣшили чтеніе лекцій въ Москвѣ, и ему пришлось, прервавъ лѣтній отдыхъ, немедленно скакать въ Москву и Петербургъ для объясненій).—Да-съ, никакого давленія не чувствую, а некультурность даетъ себя чувствовать ежедневно. Какая жадность, какая нечестность вокругъ! Терзаніе начинается съ первыхъ шаговъ, съ пріисканія комнаты. Не знаютъ, сколько и запросить. Мало-мальски сносную комнату не скоро отыщешь, и заплатить за нее надо свыше ста рублей въ мѣсяцъ. Казенная гостинница и казенный баракъ обставлены такъ небрежно, что тоска и уныніе берутъ, едва войдешь въ комнаты. Частныя квартиры съ самыми неожиданными недостатками, съ отсутствіемъ элементарныхъ удобствъ. За границей привыкли мы въ любомъ пансіонѣ или отелѣ находить все, что нужно для спокойнаго отдыха. Все это подразумѣвается. А здѣсь тщательно осматривай, договаривайся, требуй, иначе покаешься. Относительно ѣды ежедневное безпокойство. Бѣгай по столовымъ и ресторанамъ и подозрѣвай, что вездѣ тебя, вмѣсто масла, бараньимъ саломъ угощаютъ. Торговцы подсовываютъ подозрительные продукты, сомнительное молоко, недоброкачественные фрукты, а процентъ наживаютъ чудовищный. Я пробовалъ вразумлять одного торговца: «Вѣдь ты свои арбузы, груши и яблоки покупаешь задешево. Привозятъ ихъ не очень издалека, изъ ближайшихъ селеній. Ну, бери процентъ поменьше. Всѣ будутъ у тебя покупать, быстрѣе будешь оборачивать капиталъ и, въ концѣ концовъ, гораздо больше наживешь». Ну, развѣ ихъ вразумишь. У нихъ одинъ отвѣтъ: «Мы васъ цѣлый годъ ждемъ». Они стараются столько нахватать за сезонъ, чтобы цѣлый годъ ничего не дѣлать. Публика!

Пожилой господинъ, сочувственно кивая головой, подтвердилъ:

— Совершенно вѣрно. Безпокойно отъ нашей некультурности. Я вотъ, напримѣръ, привыкъ въ Швейцаріи съ открытымъ окномъ спать. Ночью-то воздухъ важнѣе всего, для оздоровленія. А здѣсь пришлось накрѣпко закрываться, потому что обокрали.

И, воодушевившись, онъ продолжалъ:

— И воровство-то глупое. Представьте себѣ, такая исторія. Пріѣхалъ ко мнѣ братъ, легли спать, а платье оставили за ширмой. Какой-то прохвостъ влѣзъ въ окно и вытащилъ у брата изъ кармана бумажникъ. Ну, были тамъ деньги, — это еще туда сюда, а главное въ бумажникѣ лежали очень важные документы. Вору они ни на грошъ не нужны, а брату зарѣзъ. За границей какъ бы? Сейчасъ воръ ненужные ему документы въ конвертъ и прислалъ бы назадъ по почтѣ. А здѣсь сгибло. Порвалъ, вѣроятно, дуракъ, забросилъ въ яму. Вотъ она, некультурность.

Слушатели немножко улыбнулись, думая, вѣроятно, что странно требовать отъ кавказскихъ воришекъ культурности, но все же сочувственно покивали головой. Припомнили еще нѣсколько случаевъ воровства: у одного петербуржца выкрали черезъ окно столовое серебро, у богатой, одинокой дамы забрали со стола все золото—часы, браслетъ и т. д.

— Вотъ и попробуй тутъ спокойно отдыхать! — съ горечью резюмировалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — какъ-никакъ, все это дѣйствуетъ на нервы. Въ квартирѣ заколачивайся, въ отдаленную прогулку боязно пойти,—поневолѣ вспомянешь о заграницѣ.

Доктора жалуются на публику.

— У насъ ничего не хотятъ знать о своемъ, о русскомъ—говорилъ врачъ, давно уже практикующій въ Желѣзноводскѣ.—Всѣ стремятся за границу. А вотъ вамъ Желѣзноводскъ: ему, несомнѣнно, предстоитъ громадное будущее. Положеніе его исключительно благопріятное. Недавно пріѣзжала сюда группа заграничныхъ врачей. Они обслѣдовали наши источники и пришли въ восхищеніе. По цѣлебному значенію мѣстныя воды выше многихъ заграничныхъ. А какое мѣстоположеніе! Какой воздухъ! Какія богатыя, разнообразныя прогулки! Гдѣ найдете такой курортъ заграницей. Ну, и что же? Все-таки русскіе не замѣчаютъ собственнаго богатства. Бѣгаютъ вонъ дѣтишки, да кое-кто изъ дамъ пріѣзжаетъ полечиться,—вотъ и весь курортъ.

Помолчавъ, онъ крѣпко стукнулъ кулакомъ по ладони и упрямо произнесъ:

— А будетъ, въ скоромъ времени будетъ. Повалитъ сюда публика, потому что разсмотрятъ, наконецъ.

Публика жалуется на докторовъ.

— Очень ужъ они торопятся ускакать сюда,—говорила одна дама.—Представьте себѣ, пошла я къ доктору N. Прописалъ онъ мнѣ грязевыя ванны и самъ же предупредилъ, что это очень опасно, что нужно очень беречься и почаще показываться ему, потому что на сердце, дескать, дѣйствуетъ и прочее. Ну, беру ванны. Сразу ослабѣла страшно. Сердце такъ и падаетъ, такъ и падаетъ. Пришла къ нему разъ. Озабоченный, разсѣянный, думаетъ о чемъ-то постороннемъ. Пришла во второй разъ, а ужъ онъ представляетъ меня какому-то господину. «Я—говоритъ,—уѣзжаю завтра. Вотъ у него будете лечиться». А новый врачъ тоже заявляетъ: «Я буду только до 23 августа». Не угодно ли! Вотъ вамъ и опасныя грязевыя ванны!..

Еще больше недовольны врачами мѣстные торговцы.

— Никакого разсчета нѣтъ,—мрачно говорилъ мнѣ одинъ торговецъ;—въ будущемъ году прекращу здѣсь торговлю. Сезонъ короче воробьинаго носа. Пятьдесятъ дней торгуемъ, не больше, право, ей-Богу. Сами сосчитайте: въ половинѣ іюня публика только начинаетъ съѣзжаться, а съ 20-го іюля начинаютъ уже разъѣзжаться. Извините, пожалуйста, вы не докторъ? Нѣтъ? Гмъ... такъ-съ... Видите ли, ежели сказать по правдѣ, я во всемъ виню здѣшнихъ докторовъ. Они, конечно, тоже, люди и хочется имъ тоже, извините за выраженье, урвать побольше. Пріѣзжаютъ они сюда въ родѣ какъ бы на каникулы. Живутъ въ Питерѣ или Москвѣ, а сюда жалуютъ на мѣсяцъ, на два. Въ разгарѣ сезона поназживутся малость и скорѣй назадъ. Извините за любопытство, вы лечитесь у кого-нибудь?

— Нѣтъ, я не лечусь.

— Гмъ... А можетъ быть, супруга?

— Да, жена обращалась къ врачу N.

— Ну, вотъ!—злорадно воскликнулъ торговецъ,—возьмите къ примѣру этого N. У него курсовые, у него больница на рукахъ, а онъ преспокойно уѣхалъ. А изъ больницы куда хочешь дѣвай больныхъ, хоть на улицу. И всѣ этакъ. Въ сезонъ сорокъ докторовъ, а теперь и пяти не осталось (разговоръ происходилъ около 20-го августа). Ни одинъ до конца сезона (1-го сентября) не остается. Сами разгоняютъ публику.

Увы, и самъ этотъ торговецъ не выдержалъ. Нѣсколько дней, проходя мимо, видѣлъ я его въ пустомъ магазинѣ, мрачнаго, съ такой глубокой морщиной на лбу, какъ будто все время онъ высчитывалъ и приходилъ къ тому же унылому выводу: «Нѣтъ разсчета». А потомъ и онъ закрылъ свой магазинъ, не дождавшись конца сезона.

Вообще конецъ сезона въ Желѣзноводскѣ похожъ на какое-то

выживанье публики. И, видимо, явленіе это весьма обычное для каждаго года. Когда мы снимали комнату, экономка, немедленно потребовавъ деньги впередъ за мѣсяцъ и получивъ ихъ, любезно сообщила.

— Ну, до перваго-то сентября вы не доживете!

— Почему же?

— Никто не доживаетъ, всѣ уѣзжаютъ. Да въ концѣ августа вы и ѣды себѣ не найдете!

И дѣйствительно, послѣ 20-го августа появились устрашающіе признаки. Опустѣли кіоски, заколачивались магазины, прекратилась продажа газетъ, закрылась (25-го августа) столовая медицинскаго общества, прикрыли въ паркѣ почтовое отдѣленіе и даже сняли въ паркѣ и у парка почтовые ящики, а въ заключеніе оказалось, что булочныя закончили работу и во всемъ Желѣзноводскѣ нельзя было найти хлѣба...

Публики еще оставалась изрядная группа, но бродила она по парку угнетенная, напуганная. Конечно, большинство не выдерживало и бросалось въ бѣгство, не дожидаясь конца оплаченнаго на квартирѣ срока. Пустѣли, заколачивались дачи... Рядомъ съ нами жила дама, пріѣхавшая изъ Петербурга. Первые дни она ликовала, была въ восторгѣ отъ Желѣзноводска. Затѣмъ настроеніе стало тускнѣть, дама начала нервничать и впала, наконецъ, въ окончательный испугъ. По утрамъ приходила жаловаться, что ночью она совершенно не можетъ спать, прислушивается ко всякому стуку, къ вою вѣтра, вскакиваетъ и провѣряетъ, крѣпко ли закрыты дверь и окно. Запустѣніе курорта навело на нее неодолимый страхъ.

Однажды утромъ она вбѣжала къ намъ повеселѣвшая, раскраснѣвшаяся.

— Ну, я прощаться къ вамъ!—восклицала она радостно,—довольно! ѣду! Заплачено до 3-го сентября,—ну, пусть недѣля пропадаетъ. Не могу больше. Въ Петербургъ, въ Петербургъ! Ахъ, какъ я рада!

Въ сходномъ настроеніи разбѣгалось изъ Желѣзноводска большинство публики, оставшейся до конца сезона.

А погода становилась все лучше и лучше. Дни были ясные, солнечные, жаркіе. Вечера прозрачные, тихіе. Природа была неповинна въ разгонѣ публики.

Я спросилъ нашего эконома, который съ дворникомъ хмуро заколачивалъ деревянными щитами двери и окна опустѣвшихъ дачъ:

— А какая у васъ осень?

— Лучшее время. Весной у насъ дожди и холода, а сентябрь и октябрь—лучшіе мѣсяцы. Рѣдко дожди бываютъ.

По свидѣтельству другихъ лицъ тоже выходило, что въ сентябрѣ здѣсь прекрасная погода, какъ и вообще на Кавказѣ: въ маѣ и іюнѣ дожди, конецъ лѣта и начало осени—ровная, ясная погода.

Довольно понятно, почему публика заполняетъ здѣшніе курорты лѣтомъ. Такъ ужъ наша ежегодная жизнь сложилась, что для большинства людей время отдыха выпадаетъ на лѣтнія каникулы (въ школахъ, въ различныхъ учрежденіяхъ). И, конечно, если бы повалила сюда публика осенью, то оказались бы къ ея услугамъ и врачи, и торговцы, и столовыя, и всякія удобства.

Но если думать о сознательномъ, планомѣрномъ развитіи кавказскихъ курортовъ, то слѣдуетъ поставить въ вину и казенному надзору, и врачамъ, и частнымъ предпринимателямъ ихъ узкую недальновидность. Нашлось бы достаточно публики и для осенняго сезона. Слѣдуетъ только не разгонять ее, а подумать о продленіи сезона, обставивъ его вниманіемъ и заботами.

Дни сіяли одинъ великолѣпнѣе другого. Природа какъ бы ласковымъ укоромъ старалась доказать неразуміе курортныхъ порядковъ. Тишина, кристальная ясность были въ воздухѣ. Солнце жарко сіяло круто надъ головой, совершенно по лѣтнему. А восхищаться было уже почти некому: публика разбѣжалась...

Особенно странно было по вечерамъ. Электричество щедро освѣщало паркъ. И было почти жутко идти пустынными аллеями мимо молчаливыхъ бесѣдокъ, безлюдныхъ площадокъ, пустыхъ скамеекъ, террасъ. Кругомъ надъ горами и лѣсистыми равнинами виситъ темная ночь, а здѣсь, въ этомъ уголкѣ, зачѣмъ-то все залито свѣтомъ—и царитъ мертвенное молчаніе, какъ въ выморочномъ, сказочномъ замкѣ...

Среди этого неиспользованнаго богатства природы невольно думалось: «Мало еще и недолго живемъ мы городской жизнью. Мы еще не успѣли, какъ Западная Европа, среди копоти, удушья и грохота большихъ городовъ, затосковать по тишинѣ и свѣжести природы. Очевидно, нужно вкусить побольше отрицательныхъ плодовъ городской культуры, чтобы вспомнить и объ ея положительныхъ сторонахъ. Западная Европа, утомившись городской жизнью, научилась не только созидать превосходные курорты (въ частности, Швейцарія—сплошной курортъ), но уже приступила къ созиданію и городовъ-садовъ. А мы пока еще только вырубаемъ лѣса, оголяемъ рѣки, истощаемъ поля и плохо видимъ красоту Крыма и Кавказа. Ну, постепенно все придетъ въ свое время»...

Мѣстныя газеты любятъ называть свои курорты (Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Ессентуки и Кисловодскъ) «всероссійской лечебни-

цей». Названіе хоть и нѣсколько преувеличенное, но достаточно почтенное. Если здѣшнія группы стремятся къ всероссійскому значенію, то онѣ заслуживаютъ (и требуютъ) также и всероссійскаго вниманія. Здѣшніе курорты могутъ, притомъ, сдѣлаться большимъ, чѣмъ «лечебницей». Современная медицина дошла уже до благотворной мысли, что гораздо лучше не лечить болѣзни, а предупреждать ихъ возникновеніе. Какъ въ изобилующей ворами мѣстности стремятся не къ тому, чтобы научиться получше выгонять изъ комнатъ забравшихся воровъ, а предпочитаютъ запорами и загражденіями не допускать воровъ до комнатъ, такъ слѣдуетъ поступать и съ ворами нашего здоровья—болѣзнями. Вслѣдствіе этого минеральныя воды (наряду съ нѣкоторыми другими благодатными мѣстами Кавказа) могли бы претендовать на почетное наименованіе «всероссійскаго санаторія». Чудеснѣйшій горный воздухъ Кавказа—неумолимый врагъ всякаго рода болѣзнетворныхъ бациллъ. Не даромъ Желѣзноводскъ и другія горныя мѣста Кавказа гордятся тѣмъ, что въ нихъ никогда не бываетъ никакихъ эпидемическихъ заболѣваній. А въ большихъ городахъ,—какъ уже доказано,—всякій житель носитъ въ себѣ и на себѣ легіоны всевозможныхъ бациллъ. Онѣ стерегутъ горожанина, дожидаясь случайнаго ослабленія организма, чтобы немедленно свалить его на одръ болѣзни. Поэтому не только больнымъ, не только ослабѣвшимъ и усталымъ, но и здоровымъ людямъ хорошо бы время отъ времени вентилировать себя на горномъ воздухѣ.

Увы, нескладица русской жизни пока такова, что, обладая богатѣйшей горной мѣстностью (грандіознѣе швейцарскихъ Альпъ), Россія настолько еще бѣдна и неустроена, что въ массовомъ смыслѣ не въ состояніи пользоваться этимъ богатствомъ. Государственныя заботы еле прикоснулись къ Кавказу, сдѣлавъ пока очень мало, а частное предпринимательство носитъ первобытный, торопливо-жадный характеръ. Кавказскіе курорты пока доступны для сравнительно обезпеченныхъ людей, при чемъ встрѣчаетъ ихъ здѣсь, кромѣ дороговизны, значительное неблагоустройство.

Среди минеральныхъ группъ болѣе къ «санаторію», чѣмъ къ «лечебницѣ», начинаетъ приближаться Кисловодскъ. Серьезное леченіе отъ разныхъ болѣзней производится главнымъ образомъ въ Пятигорскѣ и Ессунтукахъ. Въ Кисловодскъ переѣзжаютъ долечиваться и укрѣпляться. Сюда же пріѣзжаютъ и просто для отдыха. Кисловодскъ—модный и многолюдный курортъ. И все, что здѣсь отъ природы, прекрасно; все, что отъ людей, сомнительно, плохо или возмутительно.

Для укрѣпленія здоровья купаются въ Нарзанѣ — «богатыр-

ской» водѣ. Но, кажется, еще болѣе «богатырскій» здѣсь воздухъ. Кисловодскъ расположенъ на высотѣ около 400 саженъ надъ уровнемъ моря. Горная степь изрыта громадными оврагами. Въ одномъ изъ такихъ овраговъ (или балокъ, по мѣстному) расположился Кисловодскъ. Воздухъ надъ горной степью вѣетъ удивительный. Но чтобы вкусить его, нужно подняться на нѣсколько саженъ выше Кисловодска. Въ котловинѣ чистота воздуха уже подвержена значительному сомнѣнію.

Мѣстная газета, напримѣръ, приводитъ такія строки изъ приказа начальника области: «Чѣмъ чаще я бываю въ Кисловодскѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ полной запущенности санитарнаго дѣла въ этомъ городѣ. Дворовыя мѣста содержатся настолько грязно, что послѣ каждаго дождя по улицамъ течетъ грязная навозная жижа. Базарная площадь содержится грязно, большинство улицъ почти никогда не подметаются. Стоянки извозчиковъ распространяютъ зловоніе».

Сотрудникъ газеты дѣлаетъ къ этой выдержкѣ изъ приказа слѣдующее выразительное дополненіе: «Если бы временно исполняющему должность начальника области пришлось заглянуть на пятницкій базаръ, во дворы многихъ крупныхъ дачевладѣльцевъ въ центрѣ города (не говоря объ окраинахъ), а въ особенности во дворы живущихъ по берегамъ рѣкъ Березовки и Ольховки, то его превосходительство пришелъ бы въ ужасъ отъ безобразій и издалъ бы приказъ еще строже. Площадь пятницкаго базара, куда съѣзжаются по нѣсколько сотъ подводъ, почти никогда не очищается отъ навоза и отбросовъ. Все это гніетъ, разлагается и заражаетъ воздухъ, и лишь иногда дождь до нѣкоторой степени способствуетъ очисткѣ этой площади, такъ какъ потоками все уносится въ р. Березовку. Улицы города, за исключеніемъ немногихъ, за весь нынѣшній лѣтній сезонъ ни разу не подметались, нечистоты и прочая гадость лежатъ по дорогамъ въ вершокъ толщиною, распространяя зловоніе. У большинства дачевладѣльцевъ, проживающихъ въ центрѣ города, нѣтъ ни помойныхъ, ни выгребныхъ ямъ, ни сорныхъ ящиковъ, клозеты устроены примитивнымъ способомъ—ведерной и ящиковой системы. Разные отбросы сваливаются въ углахъ дворовъ и гніютъ, заражая воздухъ; помои сливаются въ кадки безъ крышекъ, а ночами выливаются на улицахъ. Дачевладѣльцы, живущіе по берегамъ рѣчекъ Березовки и Ольховки, ночами изъ своихъ примитивныхъ клозетовъ спускаютъ нечистоты въ рѣки, съ помоями поступаютъ также, почему около рѣченокъ вечеромъ нельзя пройти, не зажимая носа отъ зловонія. Что же касается ассенизаціоннаго обоза, то у города его нѣтъ совсѣмъ. Вывозкой нечистотъ занимаются частные ассе-

низаторы, и это дѣло стоитъ ниже всякой критики. Бочки у ассенизаторовъ, за исключеніемъ немногихъ, худыя, за свалкою нечистотъ нѣтъ никакого надзора, и ассенизаторы нерѣдко выливаютъ нечистоты на улицахъ или же близъ города, не доѣзжая до отведеннаго для свалокъ мѣста. Благодаря этому, окрестность по направленію къ чудному уголку «Замокъ коварства и любви» заражена ужаснымъ зловоніемъ».

Можетъ быть, сотрудникъ газеты нѣсколько сгустилъ краски. Но всякій пріѣзжій лично и очень скоро убѣждается, что въ Кисловодскѣ кое-что не ладно. Въ сухую погоду удручающая пыль, въ дождливую угнетающіе запахи; полуазіатское неблагоустройство немедленно бросается въ глаза (и въ носъ). Къ тому же мѣстные врачи удостовѣряютъ, что вдоль рѣчекъ Ольховки и Березовки, отъ ихъ загрязненія, процвѣтаютъ заразныя болѣзни. Для горнаго курорта это совсѣмъ ужъ печально. Ольховка, притомъ, протекаетъ черезъ паркъ, и нижняя часть его, поэтому, въ смыслѣ воздуха весьма подозрительна. А именно здѣсь центръ курортнаго гулянья, здѣсь играетъ музыка и здѣсь пьютъ Нарзанъ. Загрязненность почвы и близость заразной рѣчки едва ли безразличны и для самого Нарзана, несмотря на его богатырское здоровье.

Весьма смущаетъ также въ Кисловодскѣ ужасающее количество мухъ. Черными стаями липнутъ онѣ на окнахъ, на прилавкахъ булочныхъ, на съѣстныхъ товарахъ въ колбасныхъ, у фруктовщиковъ и т. д. Это указываетъ на обиліе въ городѣ гніющихъ веществъ, въ которыхъ выводятся миріады мухъ, и внушаетъ большое безпокойство, такъ какъ мухи—опасные разносители заразы.

— Посмотрите, чѣмъ насъ кормятъ! Возможно это за границей?— сказалъ мнѣ одинъ господинъ, указывая на унизанные мухами фрукты въ лавчонкѣ, у которой мы остановились компаніей для покупки.

Это было удручительно. Однако, еще болѣе удручительнымъ показалось мнѣ поведеніе публики. Дамы и мужчины сгоняли рукой съ винограда тучи мухъ и брали въ ротъ ягоды, обсыпанныя уличной пылью и засиженныя мухами. И тотъ же господинъ, который указалъ мнѣ на мухъ и который въ Кисловодскѣ держалъ себя на строгомъ пищевомъ режимѣ, подозрѣвая у себя язву въ желудкѣ, преспокойно потомъ взялъ изъ пакета грязную грушу и, не обтирая, не очищая, съ аппетитомъ съѣлъ ее.

Вотъ эта небрежность публики, мнѣ кажется, болѣе виновна въ загрязненіи жизни, чѣмъ всякія санитарныя комиссіи. Публика жаждетъ культурности быта, но эта культурность къ сожалѣнію, не приходитъ сама собой. Какъ уровень воды въ озерѣ поднимается только

тогда, когда растутъ ручейки, впадающіе въ него, такъ и уровень культурнаго быта находится въ прямой зависимости отъ вкуса и привычекъ отдѣльныхъ людей. Въ ваннахъ Нарзана, напримѣръ, развѣшаны крупной печати аншлаги: «Просятъ не плевать въ ванны». Казалось бы, излишняя и обидная надпись. Но, видимо, она пока еще своевременна. И вѣришь этому, когда наблюдаешь курортную публику въ галлереѣ Нарзана. Хотя въ галлереѣ развѣшаны печатныя просьбы не плевать, ради общей безопасности, на полъ и хотя черезъ каждыя двѣ сажени поставлены спеціальныя урны для этой надобности (не всегда безспорной), все же проходящіе, прилично одѣтые люди машинально совершаютъ этотъ некрасивый актъ на полъ.

Непріятно и стѣснительно писать объ этомъ. Еще непріятнѣе глядѣть на такую публику. Однако, сама-то она не замѣчаетъ своихъ поступковъ. Также не замѣчаетъ она спертаго, гнилостнаго воздуха на площадкѣ у музыки, гуляя здѣсь толпами днемъ и вечеромъ, тогда какъ въ десяти минутахъ ходьбы выше начинаются и широкіе виды, и превосходный воздухъ. Также огромное большинство публики, видимо, совсѣмъ не замѣчаетъ ни сора на улицахъ, ни навозныхъ запаховъ, ни грязныхъ дворовъ, ни дефектовъ въ квартирахъ. Не замѣчаетъ и этимъ узаконяетъ непорядки.

Къ сожалѣнію, только потому и вообще-то всякія уродства жизни,—начиная съ архаическихъ государственныхъ формъ и кончая пылью на улицахъ,—невозбранно царствуютъ, что масса ихъ не видитъ, не переросла ихъ сознаніемъ...

— Мы не только когда-то отстали отъ Европы,—говорилъ, посмѣиваясь, врачъ, съ которымъ мы гуляли по Кисловодску, встрѣчая неожиданные недочеты,—мы и теперь каждый годъ отстаемъ на полгода!

Такой чрезмѣрный пессимизмъ, пожалуй, напрасенъ. Мы, кажется, бѣжимъ за Европой неровной прискочкой: то сдѣлаемъ крупный, настигающій скачекъ, то плетемся, еле волоча ноги.

— И что за охота вамъ жить въ этомъ европейско-азіатскомъ курортѣ!—писала намъ изъ Сочи писательница В. І. Дмитріева, большая поклонница Черноморскаго побережья,—пріѣзжайте сюда!..

Это нечаянное названіе очень подходитъ Кисловодску: именно «европейски-азіатскій курортъ». Кое въ чемъ (въ отеляхъ, въ методахъ леченія) имѣются вполнѣ европейскія замашки, а рядомъ кавказское, азіатское, вѣками усвоенное равнодушіе къ грязи.

И вмѣстѣ съ тѣмъ здѣшніе курорты готовятся совершить новый, большой скачекъ вслѣдъ за Европой: испрашивается у казны ссуда въ 12 милліоновъ рублей, чтобы сразу на всѣхъ четырехъ груп-

пахъ (въ Пятигорскѣ, Желѣзноводскѣ, Ессентукахъ и Кисловодскѣ) ввести крупныя улучшенія. Намѣчены канализація, устройство и улучшеніе водопроводовъ, постройка курзаловъ, грязелечебницъ, новыхъ ванныхъ зданій, обслѣдованіе и улучшеніе источниковъ, проведеніе трамваевъ и т. д. Часть работъ уже начата: въ Кисловодскѣ, напримѣръ, дѣлаются предварительныя изысканія для канализаціи. Многое изъ намѣченнаго, очевидно, будетъ выполнено, и курорты значительно облагообразятся.

Но въ самомъ главномъ, въ повседневномъ бытѣ курортовъ, энергичные прыжки впередъ, къ сожалѣнью, невозможны. Этихъ улучшеній придется ждать терпѣливо и долго, такъ какъ они наростаютъ медленно. Скоро ли, напримѣръ, ослабнетъ алчность, которая длительной лихорадкой сотрясаетъ здѣшнихъ крупныхъ и мелкихъ предпринимателей? Осторожные и знающіе люди остерегаются пріѣзжать въ Кисловодскъ въ разгаръ сезона, съ 1-го іюля по 15-ое августа. Въ это время цѣны на квартиры и вообще на жизнь вздуваются до пугающихъ размѣровъ (наша, напримѣръ, маленькая комната, за которую мы платили въ сентябрѣ 2 рубля въ сутки, въ іюлѣ сдавалась по 7 рублей).

Но и въ концѣ сезона судорога наживы не прекращается. Въ гастрономическомъ магазинѣ наблюдаешь, напримѣръ, такую сценку. Какая-то дама озабоченно говоритъ:

— Ну, отвѣсьте мнѣ сначала полфунта ветчины. Готово? Сколько за нее?

— Пятьдесятъ копеекъ.

— Почему пятьдесятъ? Почемъ же за фунтъ вы считаете?

— Рубль фунтъ, сударыня!—съ насмѣшливой развязностью отвѣчаетъ приказчикъ.

— Однако!

Дама задумывается.

— Ну, хорошо,—говоритъ она, морщась,—давайте. И потомъ дайте мнѣ лимонъ. Сколько за лимонъ?

— Пятнадцать копеекъ.

— Сколько?! Ну, ужъ это!..

Она съ негодованіемъ смотритъ на приказчика и разстроенно говоритъ:

— Это ужъ черезчуръ! Не надо, не надо!..

И потомъ слышно, какъ, выйдя на улицу, она кому-то громко и съ возмущеніемъ объясняетъ:

— Что же тутъ, крайній сѣверъ, что ли? Архангельскъ? Якутскъ? Въ Петербургѣ лимонъ пять копеекъ... Какая безсмыслица!..

Дама, вѣроятно, расходовала не меньше трехсотъ рублей въ

мѣсяцъ на здѣшнюю дороговизну и вышла изъ себя по поводу пятиалтыннаго за лимонъ. Это значитъ, что нервы ея постепенно напрягались, пока хищная мелкота быстро и жадно расклевывала ея кошелекъ...

Курортная атмосфера точно также выводитъ изъ трудового равновѣсія ремесленный и служебный людъ. Большинство изъ нихъ, по отзыву мѣстныхъ жителей, старается не заработать, а «урвать» поскорѣе и побольше. Одно интеллигентное лицо, основавшее здѣсь пансіонъ-санаторій, разсказываетъ:

— Ошибка моя въ томъ заключалась, что я разсчитывалъ расходы по обычнымъ или нѣсколько повышеннымъ цѣнамъ, а оказалось, что надо платить въ три-четыре раза дороже. Вотъ маленькій примѣръ: понадобилось мнѣ установить ванну. Въ Петербургѣ это обходится въ три рубля. Ну, думаю, здѣсь возьмутъ рублей пять. Приходитъ слесарь, усаживается, разваливается, куритъ преспокойно и объявляетъ: «Двадцать пять рублей».—Да вы въ умѣ ли!—говорю.— «Въ умѣ. Я самъ знаю, что прошу съ васъ въ пять разъ дороже, да вѣдь мы васъ ждемъ цѣлый годъ. Поищите, никто дешевле не возьметъ». Дѣйствительно, искалъ, ѣздилъ въ Пятигорскъ,— пришлось заплатить 25 рублей. И во всемъ такъ: прислуга, ассенизаторы, подрядчики, торговцы—все втрое, вчетверо. «Мы, говорятъ, только въ сезонъ и пользуемся».

Одинъ изъ мѣстныхъ докторовъ предсказываетъ здѣшнимъ группамъ въ близкомъ будущемъ большой упадокъ.

— Года черезъ два,—говоритъ онъ,—будетъ проведена Черноморская желѣзная дорога отъ Новороссійска до Батума. Въ будущемъ году автомобильное движеніе тамъ же усилится и удешевится. Публика хлынетъ на побережье. Воды въ родѣ Ессентукскихъ тамъ имѣются около Сочи и въ другихъ мѣстахъ; горныя мѣста, напримѣръ, Красная Поляна, лучше Кисловодска, а сверхъ того теплое, голубое море. Запустѣнье будетъ на здѣшнихъ минерашкахъ.

Это злорадное предсказанье едва ли основательно. Черноморскому побережью, по всей видимости, дѣйствительно предстоитъ близкое и большое оживленіе. Но суть въ томъ, что весь Кавказъ все больше и больше привлекаетъ публики изъ Россіи—больныхъ, отдыхающихъ, туристовъ, дачниковъ, предпринимателей и т. д. Возможно, что конкурренція съ Черноморскимъ побережьемъ послужитъ, наоборотъ, къ доброму перелому курортной жизни на минеральныхъ группахъ. Конкурренція обычно понижаетъ и регулируетъ цѣны. До сихъ поръ въ Кисловодскѣ, напримѣръ, жизнь слагалась изъ двухъ основныхъ нотъ: съ одной стороны, сюда, какъ на модный курортъ, ѣхала сравнительно зажиточная публика, не очень бережно отно-

сящаяся къ своимъ рублямъ, и, съ другой стороны, въ тонъ этой публикѣ развивался азартъ наживы у курортныхъ предпринимателей. Входящіе въ моду курорты Черноморскаго побережья отвлекутъ отъ минеральныхъ группъ часть публики побогаче, но за то сюда нахлынетъ увеличенная демократическая волна, и это, вѣроятно, оздоровитъ и выправитъ курортную жизнь. Болѣе разсчетливая и болѣе многочисленная публика потребуетъ у мѣстныхъ предпринимателей добросовѣстныхъ условій жизни и заставитъ ихъ довольствоваться меньшимъ процентомъ на капиталъ и меньшимъ вознагражденіемъ за трудъ. Къ тому же за волной новой публики неизбѣжно должна нахлынуть на Кавказъ и волна новыхъ соотвѣтствующихъ предпринимателей. И вотъ въ этомъ-то хорошо бы намъ пойти по слѣдамъ Западной Европы. Въ швейцарскихъ горныхъ курортикахъ довольно обычная плата въ пансіонахъ 5 франковъ, т. е. около 2 рублей въ сутки. За эту скромную сумму даютъ сносную комнату съ постельнымъ бѣльемъ и кормятъ три раза въ день. Въ погонѣ за Европой хорошо бы у насъ стремиться не только къ возведенію увеселительныхъ курзаловъ и комфортныхъ дорогихъ отелей, но и дѣлать курорты доступными для средней, трудовой публики. При цѣнѣ въ два рубля за пансіонъ, съ избавленіемъ отъ всѣхъ досадныхъ заботъ, цѣлительный горный воздухъ былъ бы доступенъ сельскимъ и городскимъ учителямъ, земскимъ служащимъ и вообще интеллигентнымъ работникамъ, т. е. публикѣ, наиболѣе нуждающейся въ оздоровленіи и отдыхѣ среди горъ (а можетъ быть, и болѣе этого заслуживающей). Въ этомъ направленіи, впрочемъ, и пойдетъ, надо надѣяться, развитіе кавказскихъ курортовъ, существующихъ, открывающихся и предположенныхъ къ возникновенію.

Край еле початый, громадный. Поднявшись на одну изъ горъ около Кисловодска, на десятки верстъ видишь перекаты пустынныхъ холмовъ; богатырскій горный воздухъ обвѣваетъ бодрящей волной, а на горизонтѣ бѣлый гигантъ Эльбрусъ смотритъ своими двумя главами и видитъ предъ собой все тѣ же свободныя отъ людей пространства, какъ и многіе вѣка назадъ...

Дни въ серединѣ сентября стояли въ Кисловодскѣ изумительные. Жаркое, ласковое солнце, кристальная ясность воздуха, особая успокоенность природы. А тихими вечерами выплывала изъ-за горъ золотая луна, которая въ горномъ чистомъ воздухѣ свѣтитъ съ такой яркостью, что больно глазамъ на нее смотрѣть. Ширилась душа отъ этой красоты, и было грустно, что та Россія, которая въ это время уже обливалась холодными осенними дождями, такъ мало и неумѣло пользуется благодатнымъ кавказскимъ краемъ.

Десять лѣтъ назадъ пришлось мнѣ пройти пѣшкомъ по Военно-Грузинской дорогѣ, а теперь пронеслись мы по ней же на автомобилѣ (съ экскурсіей).

Пѣшкомъ было, конечно, гораздо интереснѣе, но и на автомобилѣ занимательно. Это своего рода сказка двадцатаго столѣтія: вихремъ промчаться на дерзостной машинѣ сквозь гигантскія ущелья, мимо отвѣсныхъ пропастей, черезъ разные висящіе надъ бѣшенымъ Терекомъ «Чертовы мосты»,—всѣми тѣми мѣстами, гдѣ еще не развѣялась многовѣковая жуть человѣка передъ грозной природой. Сказка двадцатаго столѣтія,—немножко пыльная, дымная, дурно-пахучая,—но все же гордая, побѣдоносная, опьяняющая сказка. Вотъ до какой степени обуздана природа!..

Слабые люди, создавшіе стремительную машину, склонны были въ самообманѣ, сидя на ней, и себя считать мощными существами. Они благосклонно, почти снисходительно глядѣли на дикія ущелья съ отвѣсными въ полверсты высотой стѣнами, на тѣсную толпу горъ съ подоблачными вершинами и снѣговыми шапками. Ущелья быстро разступались передъ мчащейся, воющей машиной; горы, потерявъ величавую неподвижность, выплывали одна изъ-за другой, какъ бы услужливо показывая свою суровую красоту. И по лицамъ туристовъ видно было, что они какъ будто нѣсколько разочарованы, не ощущая ожидавшейся подавляющей грандіозности пейзажа. Одно дѣло—брести часа три-четыре пѣшкомъ черезъ Дарьяльское, напримѣръ, ущелье и чувствовать себя маленькимъ, ничтожнымъ, безпомощнымъ среди отвѣсныхъ громадъ, быть оглушеннымъ непрерывнымъ, мрачно-яростнымъ ревомъ Терека, брести, торопиться и, наконецъ, почувствовать тоску въ плѣну этихъ оголенныхъ, мрачныхъ, лишенныхъ зеленой улыбки горъ. И другое дѣло—промчаться здѣсь же въ двадцать минутъ, за трескомъ и воемъ машины почти не слыша Терека и не успѣвъ почувствовать грозной мощи гранитной тѣсноты.

А общій видъ такой же, какъ и десять лѣтъ назадъ. Попрежнему превосходное шоссе паркетной лентой тянется вдоль пустынныхъ, дикихъ и одичавшихъ мѣстъ. По прежнему на зубцахъ горъ и на такихъ кручахъ, куда, кажется, не взобраться ни пѣшему, ни конному, виднѣются печальные остатки разгромленной жизни: развалины сторожевыхъ башенъ, разрушенные аулы, раскрошенныя стѣны горныхъ крѣпостей съ узкими бойницами.

Военная и штатская публика, ѣдущая въ автомобилѣ, изумляется, ахаетъ:

— Ну, какъ можно было завоевать Кавказъ? Какъ это наши взбирались туда?

И дѣйствительно, странно, какъ это мужикъ съ русской равнины, одѣтый въ мундиръ, съумѣлъ вскарабкаться на эти отвѣсы подъ градомъ выстрѣловъ, подъ ужасомъ низвергаемыхъ на него глыбъ, камней, и какъ онъ сумѣлъ выбить изъ вѣковыхъ гнѣздъ этихъ грозныхъ, лихихъ горныхъ орловъ?

И еще страннѣе: зачѣмъ? Выбилъ, отвоевалъ, разрушилъ—и снова вернулся на свою равнину пахать поля, а горы остались пустынныя, брошенныя, лишенныя старой жизни и неиспользованныя новой.

Растетъ волна туристовъ. Кромѣ экипажей, кромѣ пѣшихъ экскурсій, явились вотъ и автомобили, которые за одно нынѣшнее лѣто промчали здѣсь свыше двухъ тысячъ туристовъ. И выходитъ, что равнинный мужикъ завоевалъ Кавказъ для эстетики! Такая, оказывается, богатая и странная страна Россія, что грандіозный горный край существуетъ у нея исключительно для удовольствія туристовъ, для красоты, для эстетики!

На протяженіи всего пути пустота, пустота. Кое-гдѣ лишь остатки прежней уцѣлѣвшей жизни. На склонахъ горъ крохотные стожки сѣна, стада овецъ, и возлѣ нихъ загорѣлый, оборванный горецъ, съ длинной палкой въ рукахъ, стоитъ, мрачными глазами провожая насъ. Обгоняемъ запыленное стадо овецъ. Два пастуха торопливо отгоняютъ стадо къ сторонкѣ и съ молчаливой непріязнью смотрятъ на насъ. Овцы испуганно жмутся къ отвѣсной скалѣ, налѣзая другъ на друга; два мохнатыхъ пса выскочили наверхъ и съ испугомъ и яростью лаютъ на автомобиль. Догоняемъ горца, красиво гарцующаго на конѣ, съ перекинутой буркой черезъ плечо. Онъ пробуетъ, лихо свистнувъ, мчаться по дорогѣ. Увы, автомобиль, негодующе гавкая гудкомъ, гонится за нимъ по пятамъ, и онъ принужденъ отскочить въ сторону, оскаля зубы, какъ побѣжденный звѣрекъ. Ползутъ, скрипя, двухколесныя арбы,—точь въ точь, вѣроятно, такія, какъ ползли здѣсь триста-четыреста лѣтъ назадъ.

Скудные остатки жизни. Только на станціяхъ слабое оживленіе. Для проѣзжихъ выстроены рестораны, духаны. Проѣзжая жизнь, а своей почти нѣтъ.

Склоны горъ ждутъ усовершенствованнаго скотоводства. Къ Тереку уже давно приглядываются предприниматели, мечтая о «бѣломъ углѣ», т. е. о двигательной энергіи отъ стремительнаго паденія воды (въ Финляндіи, какъ недавно сообщали газеты, какіе-то иностранцы купили одинъ изъ водопадовъ, чтобы приспособить его къ добыванію электрической энергіи, а Терекъ на протяженіи десятковъ верстъ—сплошной водопадъ).

Даже въ смыслѣ курортнаго использованія горнаго воздуха по-

пытокъ нѣтъ. Шоссейная дорога проходитъ на такой высотѣ, какъ нигдѣ въ мірѣ (Крестовый перевалъ—свыше двухъ верстъ надъ уровнемъ моря). Подходъ, подъѣздъ и подвозъ идеальные. Склоны горъ грандіозны и разнообразны по своему положенію къ различнымъ вѣтрамъ. Чего бы, кажется? Но предпринимательская иниціатива еще не дошла сюда. Величавая пустынность вокругъ.

И только праздные туристы мчатся, снисходительно посматривая на покоренныя горы.

Можетъ быть, впрочемъ, эта растущая волна туристовъ и есть предвѣстіе возникновенія новой жизни здѣсь. Сначала приглядываются, потомъ народятся проекты (и уже нарождаются), а затѣмъ естественный шагъ къ осуществленію.

Культурное завоеваніе Кавказа еле начато, а только имъ понастоящему будетъ прикрѣпленъ Кавказъ къ Россіи.

И. Жилкинъ.

P. S. Въ предыдущемъ «Провинц. Обозрѣніи» (сентябрь) вышла при сверсткѣ досадная путаница: приблизительно полторы страницы изъ описанія Вольска попало въ средину описанія Саратова. Послѣ фразы на стр. 356-й: «Онъ въ гордомъ изумленіи покачалъ головой» слѣдуетъ читать на стр. 357-й мѣсто, начинающееся фразой: «На себя вотъ посмотрю»—и продолжать чтеніе безъ перерыва до стр. 359-й, кончая фразой: «И уже понемножку начинается»

ПЕРЕДЪ ВЫБОРАМИ.

Къ какому бы результату ни привели выборы въ четвертую Думу, все то, что извѣстно о нихъ уже теперь, проливаетъ достаточно яркій свѣтъ на значеніе избирательной системы, созданной 3-го іюня 1907-го года, и на способъ примѣненія ея административною властью. Ко всякому избирательному закону, даже самому несовершенному, самому одностороннему и узкому, можно предъявлять одно требованіе: онъ долженъ обезпечивать всѣмъ избирателямъ возможность дѣйствительнаго пользованія избирательнымъ правомъ, при одинаковыхъ для всѣхъ, заранѣе извѣстныхъ условіяхъ и внѣ зависимости отъ случайныхъ и произвольныхъ распоряженій. Правила 3-го іюня допустили едва ли гдѣ-либо и когда-либо существовавшее отступленіе отъ этого основного начала, предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ раздѣлять какъ предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ, такъ и уѣздные и городскіе избирательные съѣзды на отдѣльныя части, по мѣстностямъ, по роду цензовъ или по національностямъ, а предварительные съѣзды, сверхъ того—и по размѣрамъ владѣній (по правиламъ 11-го декабря 1905-го года дробленіе допускалось только по отношенію къ предварительнымъ съѣздамъ и только по мѣстностямъ, при чемъ оно зависѣло не отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а отъ мѣстной выборной комиссіи). «Что значитъ дискреціонная власть, которою облеченъ министръ внутреннихъ дѣлъ—говорили мы вслѣдъ за изданіемъ правилъ 3-го іюня [1])—это понять нетрудно. Представимъ себѣ, что въ какомъ-нибудь уѣздѣ, не смотря на исключеніе изъ избирательныхъ списковъ множества землевладѣльцевъ-крестьянъ, все-таки осталось еще немало мелкихъ землевладѣльцевъ, уполномоченные которыхъ могутъ принести съ собою на уѣздный съѣздъ настроеніе нежелательное для мѣстныхъ вліятельныхъ—и благонадежныхъ—элементовъ. По ходатайству послѣднихъ могутъ быть созваны отдѣльно настоятели церквей, или землевладѣльцы, обладающіе сравнительно крупнымъ числомъ десятинъ, или владѣльцы неземельныхъ недвижимыхъ имуществъ. Въ соединеніи со всѣми другими, каждая изъ этихъ группъ могла бы остаться въ меньшин-

---

[1]) См. внутреннее обозрѣніе въ № 7 «Вѣстника Европы» за 1907-ой годъ.

ствѣ и не провести ни одного уполномоченнаго на уѣздный съѣздъ; собираясь отдѣльно, она навѣрно изберетъ изъ своей среды одного или нѣсколькихъ уполномоченныхъ, а число уполномоченныхъ отъ другихъ группъ, внушающихъ опасенія, соотвѣтственно уменьшится... Всего опаснѣе отсутствіе какихъ бы то ни было правилъ, которыми регулировалось бы вмѣшательство министра внутреннихъ дѣлъ—вмѣшательство, стимулы котораго, за невозможностью личнаго ознакомленія министра съ мѣстными условіями, неизбѣжно будутъ приходить со стороны, изъ источниковъ весьма различнаго достоинства».

Предположенія, высказанныя пять лѣтъ тому назадъ и оправдавшіяся уже при выборахъ въ третью Думу, теперь уступили мѣсто очевидности. Съ особеннымъ усердіемъ орудіе воздѣйствія на выборы пускалось въ ходъ въ томъ періодѣ избирательной кампаніи, свидѣтелями котораго мы были въ истекшемъ мѣсяцѣ. Раздѣленіе предварительныхъ съѣздовъ стало чѣмъ-то обычнымъ, постояннымъ. Можно было бы сказать, что оно было возведено на степень общаго правила, если бы рядомъ съ нимъ не встрѣчались случаи противоположнаго характера. И здѣсь, однако, l'exception confirme la règle. Разсматриваемое въ цѣломъ, пользованіе дискреціоннымъ правомъ носитъ на себѣ явные слѣды заранѣе обдуманнаго плана. Гдѣ нужно, предварительные съѣзды дѣлятся на части; гдѣ выгоднѣе, съ извѣстной точки зрѣнія, соединеніе избирателей, тамъ съѣзды созываются въ полномъ составѣ. Устраняется, тѣмъ самымъ, всякая возможность утверждать, что въ основаніи дѣленія лежитъ заботливость объ интересахъ избирателей или, по меньшей мѣрѣ, какая-нибудь одна, твердо установленная точка зрѣнія. Если бы, напримѣръ, было рѣшено, что наиболѣе мелкіе землевладѣльцы могутъ быть, при соединеніи съ нѣсколько болѣе крупными, задавлены ихъ голосами и лишены всякаго представительства на уѣздномъ съѣздѣ, то, очевидно, раздѣленіе тѣхъ и другихъ должно было бы быть проведено повсемѣстно, и ничто не мѣшало бы подтвердить его прямымъ требованіемъ закона. Къ тому же результату слѣдовало бы логически придти и въ томъ случаѣ, если бы дробленіе избирателей было признано безусловно необходимымъ въ виду данной политической конъюнктуры. Ничего подобнаго мы на самомъ дѣлѣ не видимъ—и раздѣленіе съѣздовъ, въ одномъ мѣстѣ практикуемое, въ другомъ не практикуемое, является не чѣмъ инымъ, какъ инструментомъ въ рукахъ администраціи.

Что оно обращается иногда въ средство достиженія весьма невысокихъ цѣлей—объ этомъ свидѣтельствуетъ съ особенною ясностью письмо бывшаго депутата Леонова (октябриста), напечатанное (что

весьма характерно) въ «Новомъ Времени». «Въ одиннадцати уѣздахъ рязанской губерніи»—пишетъ г. Леоновъ,—«настоятели церквей выдѣлены изъ предварительныхъ землевладѣльческихъ съѣздовъ въ особыя отдѣленія, въ двѣнадцатомъ же уѣздѣ, Скопинскомъ (гдѣ избирателемъ состоитъ г. Леоновъ), предварительный землевладѣльческій съѣздъ назначенъ вмѣстѣ съ настоятелями церквей. При семидесяти шести настоятеляхъ, спаянныхъ желѣзною дисциплиною, изъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ уполномоченные не попадетъ никто. Въ окончательномъ землевладѣльческомъ съѣздѣ, въ виду незначительности крупнаго землевладѣнія въ уѣздѣ, духовенство получитъ численное преобладаніе надъ землевладѣльцами, и, слѣдуя приказу начальства, ужъ конечно въ выборщики отъ землевладѣльческой куріи меня не пропустятъ». Г. Леоновъ объясняетъ исключеніе, сдѣланное для скопинскаго уѣзда, чисто личными причинами—нерасположеніемъ мѣстной власти, распоряженія которой, при П. А. Столыпинѣ, не разъ отмѣнялись вслѣдствіе ходатайствъ г. Леонова. Правильно ли такое объясненіе—мы, конечно, не знаемъ; но чрезвычайно характерна самая его возможность. Всякій порядокъ, примѣненіе или непримѣненіе котораго зависитъ отъ усмотрѣнія, страдаетъ однимъ первороднымъ, неустранимымъ грѣхомъ: онъ позволяетъ руководствоваться побужденіями весьма сомнительнаго свойства. И даже тамъ, гдѣ ихъ на самомъ дѣлѣ не было, неизбѣжны подозрѣнія, роняющія авторитетъ власти.

Какъ бы часты или рѣдки ни были случаи обращенія разсматриваемыхъ нами правилъ въ способъ расправы съ личными противниками, гораздо бо́льшую роль играютъ здѣсь, безъ сомнѣнія, соображенія общаго характера. Доказательствомъ этому служитъ уже то безконечно широкое примѣненіе, которое дано раздѣленію предварительныхъ съѣздовъ, и притомъ не столько по мѣстностямъ, сколько по роду цензовъ и по размѣрамъ владѣнія. Раздѣленіе по мѣстностямъ, въ виду обширности нашихъ уѣздовъ, неудовлетворительности путей сообщенія и бѣдности большинства мелкихъ землевладѣльцевъ, можетъ увеличить приливъ избирателей на предварительные съѣзды и, слѣдовательно, способствовать правильному теченію выборовъ; обратить его въ орудіе избирательной борьбы очень трудно, какъ потому, что настроенія избирателей мало зависятъ отъ географическихъ условій, болѣе или менѣе сходныхъ въ предѣлахъ одного и того же уѣзда, такъ и потому, что мѣстныя особенности, разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, нелегко поддаются опредѣленію и учету. Другое дѣло—раздѣленіе по родамъ ценза и по размѣрамъ владѣнія; оно открываетъ просторъ политическимъ комбинаціямъ и потому практикуется въ широкихъ размѣ-

рахъ, принимая характеръ системы. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что отъ мѣстныхъ властей зависятъ только детали исполненія, но самый принципъ рекомендуется или предписывается имъ свыше. Нетрудно указать и руководящую мысль, лежащую въ основаніи системы. Она заключается въ томъ, чтобы свести къ минимуму роль мелкихъ землевладѣльцевъ. Слишкомъ очевидной стала еще со времени первыхъ выборовъ противоположность между стремленіями этой группы избирателей и «видами» правительства. На многихъ, очень многихъ уѣздныхъ съѣздахъ число уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ превышало число наличныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и рѣшительное вліяніе на исходъ выборовъ принадлежало первымъ, а не послѣднимъ. Попытка уменьшить вытекающія отсюда «неудобства» была сдѣлана еще въ періодъ времени между первой и второй Думой: Сенатъ, по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, «разъяснилъ», что крестьяне, купившіе землю при содѣйствіи Крестьянскаго Банка, не могутъ быть, какъ собственники этой земли, вносимы въ избирательные списки уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Это разъясненіе, шедшее прямо въ разрѣзъ съ буквой и смысломъ закона, оказалось недостаточнымъ—и вотъ, положеніе 3-го іюня исключило изъ числа избирателей-землевладѣльцевъ всѣхъ тѣхъ, которые приписаны къ сельскимъ и волостнымъ обществамъ даннаго уѣзда. Этимъ сразу очень сильно была понижена цифра мелкихъ землевладѣльцевъ, обладающихъ, въ этомъ качествѣ, избирательнымъ правомъ; были уѣзды, въ которыхъ она уменьшилась въ нѣсколько десятковъ разъ [1]). Опасность, однако, была устранена не вполнѣ: потребовались дополнительныя мѣры, чтобы парализовать вліяніе мелкихъ землевладѣльцевъ. Этой именно цѣли и служитъ раздѣленіе предварительныхъ съѣздовъ. Соединенные въ одинъ съѣздъ, мелкіе землевладѣльцы, какъ бы ни былъ ограниченъ ихъ составъ, могли бы собрать такое количество цензовъ, которое позволило бы имъ оказать вліяніе на исходъ уѣздныхъ выборовъ; раздробленные между двумя или тремя съѣздами, они оказываются, сплошь и рядомъ, совершенно безсильными. Нерѣдко приходится читать о съѣздахъ, участникамъ которыхъ, вмѣстѣ взятымъ, не принадлежало ни одного полнаго ценза и которые, поэтому, не могли выбрать ни одного уполномоченнаго. Сознаніе безсилія удерживаетъ многихъ отъ явки на съѣздъ; немало можно насчитать съѣздовъ, не состоявшихся за неприбытіемъ избирателей.

[1]) Мы приводили, въ свое время, примѣръ уѣзда, гдѣ число избирателей-мелкихъ землевладѣльцевъ упало, въ силу правилъ 3-го іюня, съ 13 тысячъ до 300.

При такомъ положеніи мелкихъ землевладѣльцевъ колоссально растетъ значеніе избирателей-священниковъ. Выдѣляемые или не выдѣляемые, смотря по обстоятельствамъ, въ особые предварительные съѣзды, они въ обоихъ случаяхъ пользуются громаднымъ, часто рѣшающимъ вліяніемъ на выборы. Отъ воли свѣтскихъ землевладѣльцевъ зависитъ явиться или не явиться на съѣздъ—и они, по указаннымъ выше причинамъ, склоняются, въ большинствѣ, къ отрицательному рѣшенію этого вопроса. Для священниковъ явка на съѣздъ почти вездѣ обязательна, въ силу приказаній начальства. Судьба выборовъ, при абсентеизмѣ другихъ избирателей, зачастую, поэтому, находится въ ихъ рукахъ. Приведемъ, въ видѣ примѣра, нѣсколько фактовъ. Въ гор. Брянскѣ (Орловской губерніи) на первый предварительный съѣздъ прибыли 71 священникъ и *два* землевладѣльца; второй съѣздъ не состоялся за неприбытіемъ избирателей. Въ Трубчевскѣ (той же губерніи) изъ 57 имѣющихъ цензъ священниковъ явилось 55, а землевладѣлецъ прибылъ *одинъ*. Въ восьми уѣздахъ Ярославской губерніи въ уполномоченные избраны 123 священника; въ ростовскомъ уѣздѣ изъ 124 священниковъ, внесенныхъ въ списки, на съѣздъ явились 117. Въ Тамбовскомъ уѣздѣ изъ 132 священниковъ не явились на съѣздъ только 12. Аналогичныя вѣсти идутъ изъ губерній владимірской и псковской. Въ какой степени преобладаніе священниковъ на предварительныхъ съѣздахъ должно отразиться на составѣ съѣздовъ уѣздныхъ—это ясно само собою. Крупныхъ землевладѣльцевъ вездѣ не особенно много, и усердіемъ къ исполненію гражданскаго долга они отличаются далеко не всѣ.

Если бы массовая явка священниковъ на избирательные съѣзды была дѣломъ ихъ свободной воли, и столь же свободнымъ было бы ихъ голосованіе, участіе ихъ въ выборахъ могло бы возбуждать сомнѣнія лишь на столько, на сколько споренъ вопросъ о цѣлесообразности привлеченія духовенства къ политической дѣятельности. Къ несчастію, роль священника-избирателя является, въ настоящее время, съ начала до конца подневольной. Онъ *долженъ* явиться на выборы и *долженъ* голосовать согласно даннымъ ему повелѣніямъ. «Въ циркулярѣ св. синода, подтвержденномъ и разъясненномъ въ епархіальныхъ постановленіяхъ»—читаемъ мы въ сообщеніи, достовѣрность котораго, въ данномъ случаѣ, заподозрѣна быть не можетъ [1]),—имѣется, между прочимъ, слѣдующее указаніе: для успѣха дѣла духовенству необходимо искать единомышленниковъ и друзей изъ пасомыхъ. Такими друзьями могутъ быть только члены правыхъ и умѣренныхъ организацій, отнюдь не лѣвѣе явно правыхъ октябри-

[1]) См. въ № 13114 «Новаго Времени» отдѣлъ: «По Россіи».

стовъ, съ которыми и *дозволяется* входить въ соглашенія и блоки при посредствѣ предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, каковое соглашеніе *дѣлается обязательнымъ* для всѣхъ участниковъ съѣзда». Отъ свободы, необходимой для избирателя, не остается, такимъ образомъ, и слѣда—и чѣмъ больше голосовъ, выражающихъ не свою, а чужую волю, тѣмъ больше извращается результатъ выборовъ. Въ Воронежской губерніи, напримѣръ, точное соблюденіе циркуляра угрожаетъ такимъ «благонамѣреннымъ» депутатамъ, какъ гг. Е. Ковалевскій, Шидловскій, Звегинцевъ, въ Харьковской губерніи—кн. Голицыну, Антонову, Матюнину; они считаются лѣвыми октябристами. Понятно, что эта перспектива не улыбается даже газетамъ, безусловно чуждымъ «оппозиціоннаго духа». Постоянный сотрудникъ одной изъ нихъ приводитъ слова стараго священника, отказывающагося идти на выборы для исполненія чужихъ предписаній, хотя и знающаго, что такой отказъ грозитъ ему потерей мѣста [1]. «Мнѣ больно — говорилъ онъ, — что церковь вмѣшиваютъ въ дѣла свѣтскія. Не подумали, какая въ этомъ опасность. Въ церковь до сихъ поръ шли для успокоенія, а теперь противъ служителей церкви поднимается цѣлое теченіе, противъ нихъ возстанавливаются міряне. Кромѣ пагубныхъ послѣдствій это ничего не принесетъ. Во имя временныхъ выгодъ могутъ много потерять въ будущемъ». «Мнѣ кажется», — прибавляетъ къ словамъ священника корреспондентъ «Новаго Времени»,—«онъ вѣрно подмѣтилъ то главное, что просмотрѣли нынѣшніе руководители духовнаго вѣдомства».

Положеніе партій, на пользу которыхъ работаютъ теперь, par ordre, священники-избиратели, напоминаетъ отчасти положеніе гётевскаго Zauberlehrling'a, когда онъ воскликнулъ: «Die ich rief, die Geister, werd'ich nun nicht los». Сотрудничество духовенства привѣтствовали, можетъ быть даже его искали—но, достигнувъ непредвидѣнной интенсивности, оно теперь нѣсколько пугаетъ, возбуждая не только опасенія за судьбу «мірскихъ» кандидатовъ, но и за судьбу будущей Думы. Руководители правыхъ партій начинаютъ, по видимому, понимать, что слишкомъ странное впечатлѣніе произведетъ законодательное собраніе, переполненное представителями одного сословія, самаго малочисленнаго, самаго зависимаго и наименѣе призваннаго, наименѣе приспособленнаго къ политической жизни. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что съ ихъ стороны — да и со стороны правительства — дѣлаются усилія предупредить слишкомъ большой наплывъ бѣлаго и чернаго духовенства въ Государственную Думу. Не въ этомъ наплывѣ, однако, заключается главная

---

[1]) См. «Новое Время» № 13115.

опасность. Появленіе въ Думѣ необыкновенно большого числа священнослужителей было бы до такой степени ненормальнымъ, что результатъ могъ бы получиться прямо противоположный ожидаемому: авторитетъ Думы упалъ бы на столько, что желательнымъ, въ интересахъ власти, могъ бы оказаться досрочный ея роспускъ. Другое дѣло, если Дума будетъ переполнена ставленниками духовенства, принадлежащими къ разнымъ сословіямъ. Такой составъ Думы, достаточно, съ внѣшней стороны, свѣтскій, не будетъ рѣзать глаза, не будетъ явно противорѣчить назначенію и значенію народнаго представительства—а цѣль достигнута будетъ: избранниками духовенства, построеннаго рядами и шеренгами и покорнаго циркулярамъ, окажутся, конечно, представители партій, излюбленныхъ властью.

Въ основаніи порядка, созданнаго правилами 3-го іюня и «усовершенствованнаго» ихъ примѣненіемъ, лежитъ глубокое противорѣчіе. Къ участію въ выборахъ призванъ, хотя и не въ одинаковой степени, классъ личныхъ землевладѣльцевъ. Предполагается, слѣдовательно, что онъ достаточно подготовленъ къ политической жизни и достаточно въ ней заинтересованъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ принимается цѣлый рядъ мѣръ, фактически устраняющихъ значительную его часть отъ пользованія избирательнымъ правомъ. Такова, прежде всего, судьба личныхъ землевладѣльцевъ-мѣстныхъ крестьянъ, искусственно исключаемыхъ изъ родственной имъ среды и переносимыхъ въ другую, съ которою они, быть можетъ, не имѣютъ ничего общаго. Съ сельскимъ обществомъ, съ волостью многіе изъ нихъ порвали всякую связь, — а имъ предлагаютъ идти для выборовъ въ деревню, отъ которой они отдѣлились. Ихъ не спрашиваютъ, чѣмъ они чувствуютъ и сознаютъ себя—рядовыми крестьянами или личными собственниками; имъ не предоставляютъ той свободы выбора, которую имѣютъ другіе избиратели, принадлежащіе къ двумъ или тремъ избирательнымъ группамъ. И что всего замѣчательнѣе—ихъ положеніе, какъ собственниковъ, игнорируется именно въ то время, когда въ другой области законодательства (землеустроительной) дѣлается все возможное, чтобы развить въ крестьянахъ инстинктъ собственности. Принципіальныя соображенія отбрасываются въ сторону; все стушевывается передъ стремленіемъ обратить избирательный механизмъ въ средство достиженія ближайшей цѣли—образованія «законопослушной» или, вѣрнѣе, просто послушной Думы. Мелкіе землевладѣльцы склонны къ оппозиціи; ergo—нужно ограничить численность избирателей этой категоріи, а остающихся въ ней поставить въ такія условія, которыя сводили бы къ минимуму результатъ ихъ усилій. Крупные землевладѣльцы—элементъ болѣе

надежный; ergo—нужно оградить ихъ какъ можно больше отъ соперничества мелкихъ. Отсюда комбинаціи, совершенно незнакомыя другимъ конституціоннымъ странамъ. Даже тамъ, гдѣ правительственное давленіе на избирателей достигало наибольшей силы, данное одною рукою не отнималось другою; не воздвигались, на однажды намѣченномъ и открытомъ пути, преграды, непреодолимыя для большинства, съ величайшимъ трудомъ и не всѣмъ доступными жертвами преодолѣваемыя немногими.

Какъ бы несовершенны ни были избирательныя системы, одному, минимальному требованію онѣ должны, при представительномъ образѣ правленія, удовлетворять во всякомъ случаѣ: онѣ должны служить средствомъ возможно полнаго раскрытія существующихъ въ странѣ, въ данную минуту, взглядовъ, потребностей, желаній. Способными содѣйствовать достиженію этой цѣли считаются то болѣе широкіе, то болѣе узкіе слои населенія; но разъ привлечены къ участію въ представительствѣ тѣ или другіе, это участіе должно быть реальнымъ, легко осуществимымъ и непринужденнымъ. Несовмѣстимо съ простѣйшими требованіями логики въ одно и то же время призывать общественную группу къ участію въ общемъ дѣлѣ—и затруднять это участіе; непослѣдовательно и странно спрашивать всѣхъ—а отвѣта ожидать и желать только отъ немногихъ, обрекая остальныхъ на молчаніе. Достигаемый такимъ образомъ результатъ не можетъ не быть въ значительной степени фиктивнымъ; онъ не только не даетъ правильнаго освѣщенія дѣйствительности, но наоборотъ, сгущаетъ тьму, ее окружающую. Гдѣ нѣтъ ничего похожаго на конституціонный строй, тамъ «народъ безмолвствуетъ»—и изъ различныхъ толкованій, допускаемыхъ этимъ безмолвіемъ, авторитетнымъ признается лишь одно, исходящее свыше. Очевидно и несомнѣнно висящее въ воздухѣ, оно убѣдительно только для тѣхъ, кто всегда готовъ jurare in verba ministri. Здѣсь нѣтъ свѣта, но нѣтъ и оптической иллюзіи. Возможной или даже неизбѣжной такая иллюзія становится тогда, когда стремленія власти находятъ искусственный отголосокъ въ результатѣ выборовъ—результатѣ, полученномъ только потому, что къ *формальному* отстраненію широкихъ народныхъ группъ отъ участія въ выборахъ присоединилось *фактическое* устраненіе множества лицъ, обладающихъ избирательнымъ правомъ. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что четвертая Дума явится повтореніемъ третьей, «исправленнымъ», быть можетъ, въ духѣ правыхъ партій. Можно будетъ утверждать, что на сторонѣ политики, господствовавшей въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, оказалось значительное большинство избирателей; можно будетъ мотивировать этимъ

дальнѣйшее и еще болѣе рѣшительное слѣдованіе по пути, намѣченному въ первое междудумье и окончательно обрисовавшемуся въ 1907-мъ году. Но развѣ подъ такимъ утвержденіемъ будетъ твердая почва? Развѣ избранники уѣздныхъ съѣздовъ [1]), составленныхъ почти исключительно изъ представителей двухъ сословій,—духовенства и дворянства,—могутъ быть разсматриваемы какъ выразители воли и нуждъ массы сельскаго населенія?.. Мы понимаемъ, что въ извѣстныя минуты государственной жизни правительство—въ особенности правительство недавнее по происхожденію и неувѣренное въ прочности своего существованія—можетъ искать хотя бы *видимости* согласія съ страною; но при нормальныхъ условіяхъ нужна не видимость, а реальность, и путеводною нитью должно служить не желательное для власти, а дѣйствительное настроеніе народа. Назначеніе выборовъ—не повторять, какъ эхо, данный лозунгъ, а дать формулу, выработанную путемъ свободной борьбы мнѣній.

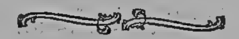
Мы говорили до сихъ поръ о землевладѣльческихъ съѣздахъ: о нихъ больше слышно, да и вліяніе на исходъ выборовъ они будутъ имѣть особенно сильное. Есть другая избирательная область, менѣе важная по числу выставляемыхъ ею выборщиковъ, но вдающаяся въ самую сердцевину народа: область выборовъ волостныхъ. Что творится теперь «во глубинѣ Россіи»? «Вѣковая тишина», о которой говорилъ поэтъ, давно исчезла; движеніе, быть можетъ весьма интенсивное, несомнѣнно происходитъ, но въ сгущенной атмосферѣ заглушаются звуки, и дальше догадокъ идти нельзя. Неопредѣленности положенія способствуетъ небывало сложная, четырехстепенная избирательная система, принятая для волостей. Созываются ли для избранія уполномоченныхъ спеціальные волостные сходы, или оно происходитъ на обыкновенныхъ сходахъ, обыкновенными десятидворными, далеко не всегда, какъ извѣстно, представляющими собою «лучшихъ людей» деревни? Въ какой степени примѣняются на сходѣ обычные пріемы начальственнаго давленія? Какъ протекаютъ собранія уполномоченныхъ, избранныхъ волостными сходами? Обо всемъ этомъ въ печати появляется очень мало свѣдѣній. «Особеннаго, повышеннаго интереса къ выборной кампаніи»—сказано въ одной газетной замѣткѣ,—сельское населеніе страны не проявляетъ». Можетъ быть; но не потому ли, что средствъ для выраженія интереса у него мало, а препятствій всякаго рода—болѣе чѣмъ достаточно? «Кого избираютъ крестьяне въ уполномо-

---

[1]) Выборщики отъ личныхъ землевладѣльцевъ составляютъ, при дѣйствіи правилъ 3-го іюня, больше половины общаго числа выборщиковъ.

ченные?»—читаемъ мы дальше. «Въ большинствѣ случаевъ—должностныхъ лицъ волостного и сельскаго управленій: волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и т. д.» Если это такъ—а подтвержденія тому приходятъ изъ разныхъ губерній,—то административное вмѣшательство въ волостные выборы становится весьма вѣроятнымъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе понижается возможность видѣть въ предстоящихъ выборахъ сколько-нибудь вѣрное отраженіе взглядовъ и чувствъ страны.

К. Арсеньевъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Затишье, которое уже года два какъ воцарилось въ нашей литературѣ, продолжается и особенно ярко ощущается теперь, на переломѣ отъ лѣта къ осени. Перебираешь книжки, которыми обогатился нашъ книжный рынокъ за послѣдніе мѣсяцы,—и ничего новаго, ничего свѣжаго. Только сыплются, какъ изъ рога изобилія, разныя «полныя собранія сочиненій», т. е. перепечатки того, что отнюдь уже не ново. Особенно усердно занимается этимъ дѣломъ фирма «Просвѣщеніе», издающая заразъ десятка четыре писателей. Характерно, что насытить книжный рынокъ писателями послѣдней формаціи эта предпріимчивая фирма не видитъ возможности и параллельно съ Муйжелемъ, Айзманомъ и др. издаетъ сочиненія ветерановъ нашей литературы, какъ Ольга Шапиръ и неистощимый В. И. Немировичъ-Данченко. «Просвѣщеніе» идетъ и еще дальше, включая въ серію своихъ изданій нѣкоторыхъ корифеевъ поры нашего литературнаго расцвѣта, какъ Достоевскій, и второстепенныхъ, но весьма характерныхъ представителей той же поры, какъ Златовратскій и Левитовъ. Мнѣ представляется особенно цѣннымъ переизданіе двухъ послѣднихъ писателей, какъ-то вышедшихъ за послѣднее время изъ нашего оборота, полузабытыхъ,—и вполнѣ незаслуженно. Привлечь къ нимъ вновь вниманіе—дѣло благое; къ сожалѣнію, есть основаніе опасаться, что высокая цѣна, которую назначаетъ «Просвѣщеніе» за свои книги, помѣшаетъ широкому распространенію ихъ. Конечно, внѣшность изданіямъ дается вполнѣ удовлетворительная, но сочиненія каждаго писателя разбиваются на маленькіе томики, по 1 р.—1 р. 50 к. за томикъ, и въ результатѣ

за Златовратскаго, напримѣръ, надо заплатить 12 руб. У многихъ ли любителей литературы найдется достаточно средствъ, чтобы при такихъ цѣнахъ собрать себѣ сколько-нибудь значительную и цѣльную библіотеку русскихъ писателей?

Какъ нельзя болѣе кстати переиздало товарищество А. Ф. Марксъ «Полное собраніе сочиненій» Ѳ. И. Тютчева. Новѣйшія теченія въ русской поэзіи такъ очевидно и непосредственно связаны съ творчествомъ этого своеобразнаго поэта, что именно теперь особенно своевременно и даже необходимо вглядѣться въ него попристальнѣе. Но можно ли такого утонченнѣйшаго, изящнѣйшаго писателя издавать въ столь аляповатой обложкѣ, съ жиденькими типографскими концовками подъ каждымъ стихотвореніемъ, на тонкой бумагѣ, черезъ которую свободно можно читать текстъ, напечатанный на оборотѣ листа. И какъ В. Я. Брюсовъ, написавшій критико-біографическій очеркъ для этого изданія и принимавшій въ немъ «своими совѣтами нѣкоторое участіе»,—какъ же онъ не склонилъ почтенную фирму взять на этотъ разъ примѣръ съ «Скорпіоновъ» и «Музагетовъ», которые съ такимъ вкусомъ печатаютъ современныхъ поэтовъ, въ томъ числѣ и самого Брюсова? Но по существу изданіе очень хорошее—по возможности полное и съ исправнымъ текстомъ, за исключеніемъ немногихъ явныхъ и досадныхъ опечатокъ. Желательны были бы только нѣкоторыя измѣненія въ планѣ изданія. Совсѣмъ напрасно вырваны изъ общей хронологической послѣдовательности и вынесены въ особые отдѣлы политическія и переводныя стихотворенія Тютчева, при чемъ послѣднія еще раздроблены на нѣсколько группъ, по именамъ переведенныхъ авторовъ. Никакой реальной цѣнности въ данномъ случаѣ такая перетасовка не представляетъ, а картина хронологической эволюціи темъ, настроеній и художественныхъ пріемовъ Тютчева нарушается. Въ тѣхъ же цѣляхъ, т. е. для облегченія историческаго изученія творчества Тютчева полезно было бы въ самомъ текстѣ, при стихотвореніяхъ, помѣстить болѣе точное хронологическое пріуроченіе ихъ, теперь запрятанное отчасти въ вступительной статьѣ Брюсова, отчасти въ примѣчаніяхъ въ концѣ книги. Наконецъ, чрезвычайно существенно было бы включить въ полное собраніе сочиненій Тютчева и все, что сохранилось изъ его переписки, такъ какъ его письма представляютъ особенную цѣнность для уясненія его личности и литературнаго таланта, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и самъ Брюсовъ.

Вступительная статья Брюсова чрезвычайно сжата, но превосходна. Отличная біографія поэта сопровождается мастерскимъ анализомъ его міровоззрѣнія и художественныхъ пріемовъ. Міръ природы, полный движенія, звуковъ, красокъ, плѣняетъ и чаруетъ поэта

своимъ дивнымъ «строемъ», т. е. стройностью, гармоничностью, ритмичностью, кажется ему прекраснымъ одушевленнымъ существомъ. Но въ этомъ «строѣ» нѣтъ мѣста человѣку и его внутреннему міру, ужасному, мучительному, дисгармоничному, ложащемуся безобразнымъ пятномъ на яркую ткань мірозданія. Это происходитъ оттого, что человѣкъ произволомъ своего сознанія оторвался отъ природы и въ противуположность ея истинной жизни хочетъ создать свою, особую, которая, однако, оказывается лишь злымъ призракомъ. Поэтому завѣтное стремленіе души поэта—оторваться отъ жизни сознательной, индивидуальной и слиться съ жизнью природы, вѣрнѣе—раствориться въ ней. Но, сливаясь съ природой, поэтъ начинаетъ ощущать, что и весь столь плѣнительный космосъ есть только призракъ, блестящій покровъ, скрывающій единственное истинное бытіе—первозданный хаосъ, который особенно ярко ощущается во мракѣ ночи и которому сочувственно откликается такая же хаотическая основа души человѣческой. И поэту хочется теперь, отрѣшась отъ всего, что превращаетъ безпорядочный хаосъ въ стройный космосъ, отдаться именно хаосу, безвольно погрузиться въ него и исчезнуть въ немъ. Характеризуя этими чертами міровоззрѣніе Тютчева, Брюсовъ называетъ его пантеизмомъ и приравниваетъ къ буддистскому культу нирваны. Однако, если бы душевный укладъ Тютчева былъ таковъ, что погруженіе въ нирвану являлось бы для него единственнымъ истиннымъ и исчерпывающимъ разрѣшеніемъ трагическихъ бореній бытія, то, конечно, приближеніе къ этому состоянію должно было бы сопровождаться чувствомъ блаженства. Между тѣмъ, для Тютчева приближеніе къ хаосу—страшно, и моментъ, когда его личность готова раствориться въ «мірѣ дремлющемъ», есть «часъ тоски невыразимой». Учтемъ это обстоятельство. Вѣдь страхомъ и тоской откликается душа на приближеніе не друга, а врага. И еще: передъ врагомъ страшится и тоскуетъ слабый, а сильный—готовится къ бою, напрягаетъ силы, испытываетъ подъемъ. Ясно, значитъ, что ночь, хаосъ есть нѣчто враждебное натурѣ Тютчева. Гдѣ же его другъ? Онъ намъ самъ это сказалъ:

День, земнороднымъ оживленье,
Души болящей исцѣленье,
Другъ человѣковъ и боговъ!

Именно при встрѣчѣ съ днемъ, при созерцаніи того «покрова златотканнаго», который онъ набрасываетъ на «безымянную бездну», на бездну хаоса, восторгомъ воспламеняется душа Тютчева, и радостными гимнами въ честь мірозданія гремитъ онъ. Тутъ его осанна истинному богу его. А когда онъ молится сумеркамъ:

Сумракъ тихій, сумракъ сонный,
Лейся въ глубь моей души,
Тихій, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства—мглой самозабвенья
Переполни черезъ край!..
Дай вкусить уничтоженья,
Съ міромъ дремлющимъ смѣшай!

—то вѣдь тутъ ясно звучитъ жалоба усталаго человѣка, надорвавшагося и замучившагося. Это не верховная мудрость, а крикъ отчаянія. Непосильнымъ показалось душѣ бремя, на нее возложенное, и возопила она: «О, лучше не жить!».

Это бремя—тяжесть «двойного бытія», противорѣчія между «днемъ болѣзненнымъ и страстнымъ» и «сномъ пророчески-неяснымъ», т. е. между тѣмъ, что есть, и грезою о томъ, что должно быть. Тютчеву, какъ и всякой одаренной натурѣ, присущъ былъ тотъ внутренній голосъ, который пророчествуетъ о таящихся въ жизни прекрасныхъ возможностяхъ и не даетъ человѣку быть празднымъ зрителемъ жизненнаго процесса, требуетъ активнаго вмѣшательства въ этотъ процессъ, требуетъ неустаннаго труда надъ отысканіемъ и осуществленіемъ этихъ возможностей. А лѣниваго раба, который не хочетъ или не умѣетъ принять участіе въ этомъ трудѣ, внутренній пророкъ казнитъ неустанной душевной мукой. И, въ концѣ концовъ, если не самъ лѣнивый рабъ, то потомокъ его, пусть не по плоти, а по духу, уразумѣетъ высокій этическій смыслъ этой муки, и свершитъ очередной трудъ—«и правда будетъ выполнена».

Къ чему же нудила душевная мука Тютчева? Къ тому, чтобы онъ старался внести въ свою собственную душу и въ окружающую жизнь тотъ «строй», который такъ восторгалъ его въ природѣ. Если природа перерабатываетъ изначальный хаосъ въ зримый нами космосъ, то и человѣку надлежитъ трудиться надъ преображеніемъ хаоса индивидуальной души и междучеловѣческихъ отношеній въ гармоничный космосъ, возможность котораго лежитъ въ этомъ уголкѣ хаоса такъ же, какъ и во всей его безднѣ, изъ коей весь міръ создался. Но узрѣть эту возможность и пути для ея осуществленія дано только любви, а шествованіе по этимъ путямъ требуетъ большой душевной силы. Для духа же, неспособнаго на длительную напряженность и скуднаго любовью, пути невидны; онъ даже отрицаетъ ихъ существованіе, онъ убѣжденъ, что для человѣка открыта одна дорога—назадъ, въ бездну, въ небытіе, и тѣ, кто борется за преображеніе жизни, свершаютъ, по его мнѣнію, «подвигъ безполезный».

Что же? И у Тютчева (это—его слова о «подвигѣ безполезномъ»)

было мало той душевной бодрости и зрячести, которую мы именуемъ любовью?

Да, мало, при всей его необычайной художественной одаренности. Тютчевъ вообще былъ человѣкъ несильный. Минуты душевнаго подъема давались ему дорогой цѣной; онѣ были у него очень кратковременны и разрѣшались не отдыхомъ покоя, а какимъ-то томленіемъ, повидимому нервическимъ.

Мы въ небѣ скоро устаемъ,
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественнымъ огнемъ.

И отягченною главою,
Однимъ лучемъ ослѣплены,
Вновь упадаемъ, не къ покою,
А въ утомительные сны.

Тютчеву далеко было до геніальной гармоничности и мощи Пушкина, для котораго душевный подъемъ и творческій трудъ были нормальнымъ состояніемъ, а соотвѣтственно съ этимъ и способность любить была всеобъемлюща и неисчерпаема:

И сердце вновь горитъ и любитъ,—оттого,
Что не любить оно не можетъ.

Тютчевъ же даже и въ природѣ, которая такъ близка была его сердцу, далеко не все могъ обнять своею любовью. Къ русской, напримѣръ, природѣ онъ чувствовалъ антипатію, какъ отмѣтилъ уже семнадцать лѣтъ тому назадъ на страницахъ этого же журнала Вл. С. Соловьевъ. «Сѣверъ роковой» былъ для него «сновидѣньемъ безобразнымъ», родныя мѣста онъ прямо называетъ немилыми и изъ объятій «киммерійской грустной ночи» рвется въ иной край, гдѣ онъ такъ долго жилъ и съ которымъ такъ сжился. Тамъ

Лавровъ стройныхъ колыханье
Зыблетъ воздухъ голубой;
Моря тихое дыханье
Провѣваетъ лѣтній зной;
Цѣлый день тамъ солнце грѣетъ
Золотистый виноградъ;
Баснословной былью вѣетъ
Изъ-подъ мраморныхъ аркадъ.

Та великая, своеобразная красота русской природы, которую такъ чутко воспринялъ старшій современникъ Тютчева, Пушкинъ, и передъ которой пасовалъ скептическій разсудокъ его младшаго

современника, Лермонтова, была недоступна глазу Тютчева. А ужъ для человѣка въ сердцѣ Тютчева, какъ мы видѣли, и совсѣмъ не было мѣста. Вѣдь онъ изгонялъ человѣка изъ царства природы, какъ существо немощное, безпорядочное, почти позорное и безусловно зловредное. «Въ жизни человѣческой,—пишетъ Брюсовъ,—все кажется Тютчеву ничтожествомъ, безсиліемъ, рабствомъ. Только съ горькой насмѣшкой называетъ Тютчевъ человѣка царемъ земли... Человѣкъ не только—ничтожная капля въ океанѣ жизни природы; онъ еще въ ней начало дисгармонирующее». Неудивительно, что при такой точкѣ зрѣнія Тютчеву абсолютно не вѣрилось въ возможности прогресса для человѣчества. Наоборотъ, всѣ порывы «смертной мысли» къ небу обречены на то, чтобы «длань незримо-роковая» ихъ раздробила и низвергла съ высоты. Наконецъ, даже индивидуальная любовь для Тютчева не есть та сила, которая, хотя бы на мигъ, хотя бы по отношенію къ данной личности, исцѣляетъ духовную слѣпоту и позволяетъ видѣть чужую душу до дна, до той святой глубины,

Гдѣ все единственно и неслучайно.

Нѣтъ, «любовь для Тютчева всегда страсть»,—говоритъ Брюсовъ,—страсть, во мракѣ которой человѣкъ слѣпнетъ окончательно.

Положеніе, значитъ, безнадежное. Путей для широкаго пониманія человѣческой натуры нѣтъ. Все, что въ ней есть хаотическаго, того, что должно быть преображено и превзойдено, выступаетъ на первый планъ и безпросвѣтно заслоняетъ благородныя возможности, отъ неявленности которыхъ такъ страждетъ человѣчество. При такихъ условіяхъ и внутренній пророческій голосъ въ душѣ поэта, осуждающій сущее, становится не путеводителемъ на поприщѣ жизненнаго труда, а безвыходной мукой самоосужденія и осужденія жизни, источникомъ отчаянія и жажды небытія.

Таковъ психологическій корень Тютчевскаго пессимизма, изъ котораго съ неумолимой логичностью вытекаетъ реакціонерство поэта въ области вопросовъ общественно-политическихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ отрицаетъ творческіе элементы духа человѣческаго, если онъ не вѣритъ въ возможность поступательнаго движенія, то во всякомъ общественномъ движеніи, слагающемся изъ двухъ элементовъ,—разрушенія стараго и созиданія новаго,—онъ будетъ видѣть только первый элементъ и потому будетъ бояться всякаго движенія, требовать его подавленія. И дѣйствительно, Тютчевъ, живя въ вѣкъ великой всеевропейской освободительной борьбы, относился къ ней съ непримиримой враждебностью и искренно призывалъ Россію къ добросовѣстному выполненію роли, предначертан-

ной ей Меттернихомъ,—роли жандарма реакціи въ Европѣ. Какъ у всѣхъ представителей идеи Священнаго союза, и у Тютчева эта убогая миссія представляется дѣломъ истинно-христіанскимъ, и проповѣдь политическаго насилія, коренящаяся въ презрѣніи къ человѣчеству, вступаетъ въ беззаконный симбіозъ съ умиленными изліяніями на тему о христіанской любви и кротости. А далѣе, уже спеціально на русской почвѣ, идутъ отвлеченно-пассивныя, ни къ чему не обязывающія, ничего активнаго не требующія мечты о великомъ, міродержавномъ, мессіанистскомъ будущемъ Россіи, какъ единственной истинно-христіанской державы. На этой почвѣ, гдѣ лозунги нашей оффиціальной народности встрѣчаются съ лозунгами славянофильства, произошло и сближеніе Тютчева съ славянофилами. Но если отвлеченно-христіанскія и панславистскія тенденціи славянофиловъ нашли яркое отраженіе въ политической лирикѣ Тютчева, то истинно-патріотическія, активныя настроенія славянофиловъ, полагавшія рѣзкую грань между ними и оффиціальными сферами, остались чужды Тютчеву. Мы не найдемъ у него пламеннаго негодованія Хомякова противъ «мерзости и лѣни» нашего общественнаго уклада и призывовъ къ полной перестройкѣ этого уклада, безъ которой немыслимо великое будущее для нашей родины. Мы не найдемъ у него и наивныхъ по конструкціи, но правильныхъ по существу разсужденій К. Аксакова о необходимости обезпеченія за «землей» «свободы духа», т. е. свободы слова, совѣсти и т. д. Наоборотъ, письмо Тютчева о цензурѣ въ Россіи содержитъ дѣтскую мечту о томъ, чтобы, наградивъ нашу печать призрачной свободой, фактически превратить ее въ покорное орудіе правительства. Иначе и быть не могло. Почему бы въ самомъ дѣлѣ Тютчевъ поставилъ Россію въ исключительное положеніе и призналъ бы для нея благодѣтельнымъ то обновленіе на свободныхъ началахъ, которое онъ отрицалъ для всего человѣчества? Если онъ не вѣрилъ въ зиждительныя общественныя силы на Западѣ, ибо вообще не вѣрилъ въ людей, не любя ихъ, то вѣдь и Россію и русскихъ людей онъ тоже не любилъ, какъ и русскую природу, да и не могъ любить, не только по общему своему душевному складу, но еще и потому, что совсѣмъ не зналъ ихъ и даже не интересовался ими и ихъ жизнью, проведя половину своего земного странствія въ Баваріи и Италіи, а другую—въ петербургскихъ салонахъ.

Я остановился на ущербленности Тютчевской психики потому, что эти стороны его личности не затронуты въ очеркѣ Брюсова, а между тѣмъ только полный анализъ Тютчева позволяетъ понять его не какъ отвлеченную уединенную величину, затерянную внѣ времени и пространства, а какъ звено въ опредѣленной полосѣ

русской жизни, какъ продуктъ опредѣленной исторической дѣйствительности, сказавшейся не въ одной только поэзіи, да и въ области поэзіи породившей не одного только Тютчева, а, напримѣръ, и Баратынскаго, въ психикѣ и міровоззрѣніи котораго много общаго съ Тютчевымъ. Съ другой стороны, установленіе связи Тютчева съ извѣстнымъ широкимъ рядомъ явленій, далеко выходящимъ за предѣлы искусства, раскрываетъ, черезъ пониманіе его личности, психологическую подкладку этихъ явленій, ихъ истинную природу.

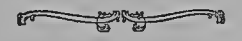
Но нѣкоторая, даже существенная ограниченность внутренняго опыта Тютчева отнюдь не упраздняетъ его значенія, какъ первостепенной художественной величины. Хотя въ его стихотвореніяхъ непосредственное воспріятіе, конкретное переживаніе часто подмѣняется голой, отвлеченной мыслью, тѣмъ не менѣе онъ былъ дѣйствительно поэтомъ. Онъ владѣлъ тѣмъ чудодѣйственнымъ закаломъ художественнаго творчества, которое, отражая душевный міръ художника, дѣлаетъ сразу яснымъ, что въ немъ подлинно и что призрачно. Поэзію нельзя заставить говорить ложное, то, во что не вѣритъ интимное существо поэта, то, на что онъ себя только навинчиваетъ: онъ можетъ выжать изъ себя риѳмованныя строки на такую тему, но втиснуть въ нихъ обаяніе поэзіи ему никогда не удастся. Оттого такъ немощно неуклюжи строфы Тютчева, посвященныя патріотическимъ и панславистскимъ фанфарамъ. Но то, что было въ душѣ Тютчева подлиннаго,—его необычайное чувство природы, его глубокое проникновеніе въ стихійную первооснову всего сущаго, его яркія переживанія на почвѣ хаотической половины человѣческой натуры, его боль и смутная тоска, причины которыхъ онъ не понималъ, не понимая ущербленности своей натуры, но которыя онъ несъ съ рѣдкимъ мужествомъ и самообладаніемъ,—все это отразилось въ магическомъ зеркалѣ его поэзіи съ такой полнотой индивидуальнаго тембра, нашло для себя такіе яркіе, своеобразные, собственные, имъ самимъ созданные образы, слова, ритмы и звуки, что тѣ, кто не пойметъ красоты и мощи Тютчевской поэзіи, по истинѣ достойны будутъ сожалѣнія, какъ глухонѣмой передъ дивно звучащимъ органомъ:

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была!

И, языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Поэтому наростающій за послѣднее время интересъ къ Тютчеву—доброе знаменіе, которое показываетъ, что пониманіе искусства у насъ расширяется и углубляется. И когда наши модернисты объявляютъ себя «истинными послѣдователями Тютчева, которые восприняли его завѣты и попытались приблизиться къ совершенству имъ созданныхъ образцовъ», то они хорошо дѣлаютъ, воздавая должное тому, у кого они взяли основы самой цѣнной стороны своей дѣятельности,—основы своей художественной техники. Но если они, ссылаясь на авторитетъ Тютчева, пытаются возвести въ норму ущербленность своей психики, гораздо болѣе, впрочемъ, однобокой, чѣмъ Тютчевская, то тутъ вполнѣ умѣстно замѣтить, что какъ разъ въ этой области Тютчевъ—не авторитетъ. Великій мастеръ ритма въ области языка, онъ былъ безсиленъ внести ритмичность въ собственную душу, а въ сферѣ междучеловѣческихъ отношеній приближался къ тѣмъ точкамъ зрѣнія, которыя легко ведутъ къ подмѣнѣ ритмичности голштинской, гатчинской и аракчеевской шагистикой и жестокой муштровкой. Кто закрываетъ глаза на психологическую связанность всей этой цѣпи, кто отрицаетъ этическую основу искусства, кто готовъ хаотичность индивидуальной психики возвести въ идеалъ, тотъ рискуетъ и въ области поэзіи подмѣнить, въ концѣ концовъ, живую органическую ритмичность мертвой муштровкой языка, увлекаясь виртуозными строфами и періодами, безупречными по формѣ, но внутренне безжизненными. «Истиннымъ послѣдователямъ Тютчева» не мѣшаетъ иногда вспомнить объ этой опасности.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Военныя приготовленія на Балканскомъ полуостровѣ.—Мотивы и шансы войны для ея участниковъ.—Необходимость европейскаго вмѣшательства.—Политическія рѣчи графа Берхтольда и его оппонентовъ въ парламентскихъ делегаціяхъ.—Печальные выводы.

Никогда еще, кажется, не было такого явнаго несоотвѣтствія между важностью государственныхъ задачъ и способностями людей, призванныхъ къ ихъ разрѣшенію. Въ тотъ историческій моментъ, когда турецко-балканскій вопросъ вновь поставленъ на очередь во всемъ его объемѣ, во главѣ европейской дипломатіи не оказывается

ни одного крупнаго политическаго дѣятеля, достаточно авторитетнаго и энергическаго, чтобы дать извѣстное направленіе событіямъ. Тамъ, гдѣ нѣкогда распоряжались Бисмаркъ, графъ Андраши и лордъ Сольсбери, мы видимъ теперь скромныя фигуры придворныхъ чиновниковъ, болѣе или менѣе свѣдущихъ и старательныхъ, но лишенныхъ всякой инициіативы. Можно ли говорить серьезно о политикѣ Кидерленъ-Вехтера, занимающаго постъ оффиціальнаго руководителя германской дипломатіи? Преемникъ графа Эренталя въ Вѣнѣ, графъ Берхтольдъ, владѣлецъ историческаго замка Бухлау, пользуется репутаціею пріятнаго свѣтскаго дипломата, но никто не приписываетъ ему качествъ самостоятельнаго государственнаго человѣка. Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, С. Д. Сазоновъ выдвинулся сравнительно недавно и не успѣлъ еще проявить свои дипломатическія дарованія. Съ другой стороны, турецкою политикою заправляютъ почтенные восьмидесятилѣтніе старцы, Мухтаръ-паша и Кіамиль, отъ которыхъ трудно ожидать какихъ-нибудь смѣлыхъ и широкихъ мѣропріятій.

Крайне запутанное и напряженное положеніе на Балканахъ предоставлено, такимъ образомъ, на произволъ судьбы. Естественный, стихійный ходъ событій привелъ къ тому, что 17-го сентября объявлена мобилизація въ Болгаріи, Сербіи, Черногоріи и Греціи, и опасность войны стала почти неминуемою. Формальный поводъ къ этимъ воинственнымъ рѣшеніямъ данъ былъ Турціею, которая нашла своевременнымъ устроить какіе-то маневры съ пробной мобилизаціей войскъ близъ болгарской границы, о чемъ заграничные дипломаты въ Константинополѣ узнали вѣроятно слишкомъ поздно— изъ газетъ. Балканскія народности давно уже волнуются, готовятся къ самоотверженной борьбѣ за освобожденіе христіанъ отъ турецкихъ насилій и погромовъ, обращаются съ протестами и жалобами къ великимъ державамъ и къ Оттоманской Портѣ, терпѣливо выслушиваютъ тѣ же старые шаблонные совѣты благоразумія и осторожности, и наконецъ очутились лицомъ къ лицу предъ роковою неизбѣжностью кровавой развязки. Что же дѣлали заинтересованные въ балканскихъ дѣлахъ могущественные европейскіе кабинеты въ этотъ послѣдній періодъ турецкаго кризиса? Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ занятъ былъ приготовленіемъ своего обстоятельнаго политическаго доклада для делегацій, а его русскій коллега находился въ Шотландіи, въ гостяхъ у короля Георга, и выяснялъ, въ бесѣдахъ съ британскими министрами, единство взглядовъ Россіи и Англіи на текущіе международные вопросы. Говорятъ, что даже состоявшееся соглашеніе о совмѣстныхъ военныхъ дѣйствіяхъ четырехъ балканскихъ государствъ было неожи-

данностью для большинства западно-европейскихъ дипломатовъ, въ томъ числѣ и для австрійскихъ, и что оно было подготовлено и устроено по секрету русскими представителями въ Бѣлградѣ и Софіи на случай войны съ Турціею, хотя тѣ же представители увѣряли, что никакой войны не будетъ и не должно быть. Скрытый внутренній разладъ между ближайшими къ Балканамъ великими державами довершаетъ печальную картину безпомощности дипломатіи подъ бременемъ выпавшихъ на ея долю задачъ.

Въ сущности, при настоящихъ обстоятельствахъ война не можетъ принести никакой пользы ни балканскимъ государствамъ, ни тѣмъ угнетеннымъ народностямъ, за которыя они заступаются. Если даже предположить, что соединенныя силы сербовъ, болгаръ, черногорцевъ и грековъ одолѣютъ Оттоманскую имперію безъ посторонней помощи, то послѣ побѣды эти временные союзники будутъ лишены возможности воспользоваться плодами своихъ усилій и окажутся въ полной зависимости отъ усмотрѣнія великихъ державъ, которыя въ рѣшительную минуту сами возьмутъ на себя новое устройство балканскихъ дѣлъ, руководствуясь своими собственными взглядами и интересами. Австро-Венгрія, опираясь на Германію, можетъ безпрепятственно занять пограничныя земли Старой Сербіи и Македоніи, въ видѣ гарантіи противъ наступательныхъ движеній сербско-болгарскихъ войскъ; въ то же время она можетъ принять мѣры къ тому, чтобы не было допущено территоріальное расширеніе воюющихъ съ Турціею балканскихъ государствъ. Въ лучшемъ случаѣ эти государства ничего не выиграютъ, а только потеряютъ массу живыхъ человѣческихъ силъ, подорвутъ свое благосостояніе и разстроятъ свои финансы; окончательные же результаты войны будутъ установлены не ими, а «европейскимъ концертомъ», при руководящемъ участіи вѣнскаго кабинета. Въ Сербіи и Болгаріи высказываются и поддерживаются какія-то таинственныя надежды на Россію; но едва ли можно утверждать, что мы въ состояніи теперь оказать военную помощь болгарамъ или сербамъ противъ австрійцевъ. Военное вмѣшательство Россіи означало бы возбужденіе общей европейской войны, такъ какъ Германія, въ силу союза съ Австро-Венгріею, считала бы себя обязанною дѣйствовать съ нею за одно, и культурные народы противъ воли втянулись бы въ безсмысленную кровавую бойню, отъ которой они думали себя обезпечить непрерывно возрастающими затратами на государственную оборону. Подобная катастрофа никому не можетъ быть желательна— и всего менѣе балканскимъ государствамъ. Поэтому, для избѣжанія опасныхъ осложненій, предполагается заранѣе условиться относительно «локализаціи» войны: воюющимъ сторонамъ будетъ предо-

ставлена свобода дѣйствій въ ихъ взаимной борьбѣ, съ устраненіемъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Но въ лагерѣ противниковъ Турціи нѣтъ единства, и кажущаяся солидарность ихъ исчезнетъ при первой попыткѣ опредѣленія послѣдствій войны для ея участниковъ. Сербы и болгары являются соперниками въ Македоніи и Старой Сербіи; они никакъ не могутъ разграничить районы своего законнаго преобладанія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ этихъ областей. Греки, въ свою очередь, претендуютъ на господство въ значительной части македонскихъ земель, населенныхъ отчасти болгарами или сербами; туземные славянскіе патріоты ненавидятъ грековъ, которые отвѣчаютъ имъ взаимностью. Какъ же сойдутся всѣ они въ дѣлежѣ турецкой добычи? Не вспыхнетъ ли взаимная вражда между болгарами, сербами и греками, когда дѣло дойдетъ до обсужденія новаго устройства бывшихъ турецкихъ провинцій? И не придется ли спорящимъ обратиться къ заинтересованнымъ великимъ державамъ и вызвать ихъ вмѣшательство? Притомъ, въ ряду балканскихъ государствъ, кромѣ участвующихъ въ коалиціи противъ Турціи, существуетъ еще нейтральная пока, дружественно расположенная къ туркамъ Румынія, обладающая отличною арміею и вовсе не склонная допустить нарушеніе политическаго равновѣсія на Балканахъ въ пользу болгаръ или грековъ. Румынія не останется пассивною зрительницею событій, когда послѣднія примутъ нежелательный для нея оборотъ, и при наступленіи извѣстныхъ случайностей, по всей вѣроятности, примкнетъ къ Австро-Венгріи и Германіи. Эти случайности имѣлись, конечно, въ виду при недавней поѣздкѣ графа Берхтольда въ Румынію, и на занятую румынскимъ правительствомъ позицію едва ли повліяетъ возведеніе короля Карла въ званіе русскаго фельдмаршала. Какъ бы то ни было, необходимо принимать въ разсчетъ и Румынію при обсужденіи шансовъ балканской войны. Въ итогѣ получается выводъ, что болгары и ихъ союзники рискуютъ воевать для «прусскаго короля», или, вѣрнѣе, для пользы Австро-Венгріи и Румыніи.

Правительства балканскихъ государствъ дѣйствуютъ несомнѣнно подъ напоромъ общественнаго мнѣнія своихъ народовъ; они соблазняются, быть можетъ, и нѣкоторыми благопріятными условіями даннаго момента—продолжающеюся турецко-итальянскою войною, смягченіемъ русско-австрійскаго антагонизма и общимъ подъемомъ настроенія, позволившимъ осуществить мечту о военной балканской федераціи. Турція, очевидно, поддается только безотчетному патріотическому движенію, готовясь къ военной расправѣ съ противниками; сознательной воинственной политики у нея нѣтъ и быть не можетъ,

ибо, имѣя намѣреніе воевать съ Болгаріею и ея союзниками, она по меньшей мѣрѣ постаралась бы заключить миръ съ Италіею, чтобы обезопасить себя со стороны Эгейскаго моря и пріобрѣсть возможность перевозить войска изъ прибрежныхъ городовъ Малой Азіи. Между тѣмъ Порта не обнаруживала никакой уступчивости въ закулисныхъ или оффиціозныхъ переговорахъ съ Италіею, какъ будто ничто не угрожало туркамъ на Балканахъ; этимъ она значительно ухудшила свое положеніе въ случаѣ войны съ балканскими государствами. И однако забота о престижѣ не позволяетъ Турціи подчиниться предъявляемымъ ей требованіямъ, пока послѣднія не подкрѣплены угрозами прямого вмѣшательства со стороны великихъ державъ. Балканскія правительства добиваются прекращенія самовластнаго турецкаго режима въ Старой Сербіи, Македоніи и Эпирѣ, ссылаясь на формальное обязательство, возложенное на Турцію берлинскимъ трактатомъ. Двадцать третья статья этого трактата гласитъ: «Блистательная Порта обязывается въ точности примѣнять на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868-го года съ тѣми поправками, какія будутъ признаны справедливыми. Однородные уставы, приспособленные къ мѣстнымъ нуждамъ,—за исключеніемъ допущенныхъ для острова Крита изъятій въ платежѣ налоговъ,—будутъ равнымъ образомъ введены въ другихъ частяхъ Европейской Турціи, для которыхъ настоящимъ трактатомъ не установлена особая организація. Выработка подробностей этихъ новыхъ регламентовъ для каждой провинціи будетъ поручена Портой спеціальнымъ комиссіямъ, въ составѣ которыхъ туземный элементъ долженъ быть широко представленъ. Проекты организаціи, изготовленные этими комиссіями, будутъ переданы на разсмотрѣніе Порты, которая, прежде чѣмъ обнародовать акты о приведеніи ихъ въ дѣйствіе, испроситъ заключеніе европейской комиссіи, учрежденной для Восточной Румеліи». Этотъ параграфъ, которымъ предполагалось обезпечить незыблемыя основы гражданскаго порядка и самоуправленія для христіанскихъ областей Турціи, остается до сихъ поръ мертвою буквою, вслѣдствіе бездѣйствія европейской дипломатіи. Балканскіе народы въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ тщетно ожидали исполненія этихъ скромныхъ обѣщаній, данныхъ имъ Европою и Турціею; теперь они сами требуютъ того, что имъ принадлежитъ по праву, и Европа не можетъ отказать имъ въ осуществленіи тѣхъ элементарныхъ реформъ, которыя намѣчены еще берлинскимъ трактатомъ. Великія державы имѣютъ формальное право прибѣгнуть къ коллективному вмѣшательству для прочнаго умиротворенія турецко-христіанскихъ земель на основахъ, указанныхъ международнымъ конгрессомъ 1878-го года. Только путемъ та-

кого неизбѣжнаго и законнаго вмѣшательства можетъ быть положенъ конецъ кровавой турецкой анархіи, которая служитъ постояннымъ источникомъ великихъ опасностей не только для балканскихъ народовъ, но и для Европы и прежде всего для Россіи. Только такое коллективное вмѣшательство, своевременно предпринятое, можетъ предупредить безплодную и страшную войну на Балканскомъ полуостровѣ.

Австро-Венгрія до послѣдняго времени относилась довольно равнодушно къ обостренію балканскаго кризиса, и оффиціальный оптимизмъ продолжалъ господствовать въ Вѣнѣ вплоть до момента объявленія балканской мобилизаціи 17 (30)-го сентября. За шесть дней до этого событія, при торжественномъ пріемѣ парламентскихъ делегацій, императоръ Францъ-Іосифъ въ своей тронной рѣчи вкратцѣ коснулся внѣшней политики и упомянулъ также въ успокоительномъ тонѣ о турецкихъ дѣлахъ. «Опираясь—сказалъ онъ—на нашъ тѣсный и многими годами испытанный союзъ съ Германской имперіей и Италіей, наша иностранная политика по прежнему руководится стремленіемъ способствовать сохраненію мира при огражденіи интересовъ монархіи. Съ искреннимъ сочувствіемъ слѣдимъ мы за усиліями итальянскихъ и турецкихъ государственныхъ людей найти путемъ непосредственныхъ, необязательныхъ переговоровъ основу почетнаго для обѣихъ сторонъ мира. Въ виду невыясненнаго положенія на ближнемъ Востокѣ мое правительство вызвало обмѣнъ мыслей между державами, причемъ обнаружилось единодушное желаніе всѣхъ участниковъ сохранить спокойствіе и status-quo на Балканахъ». Президентъ австрійской делегаціи, Добернигъ, въ своемъ привѣтственномъ обращеніи къ императору, выразилъ увѣренность, что, благодаря прочности тройственнаго союза и твердой послѣдовательности иностранной политики, «внѣшній миръ, насколько позволяютъ предвидѣть человѣческія соображенія, обезпеченъ на долгое время». Съ своей стороны президентъ венгерской делегаціи, баронъ Лангъ, призналъ «счастливымъ внушеніемъ» попытку сдѣлать балканскія дѣла предметомъ обмѣна взглядовъ между кабинетами; онъ «съ величайшей симпатіей» одобряетъ эту «мужественную инипіативу», такъ какъ, по его убѣжденію, именно въ Австро-Венгріи турецкое правительство можетъ искать и найти «безкорыстное благорасположеніе, подкрѣпленное многовѣковою традиціею».

Въ тотъ же день 24-го сентября, въ засѣданіи комиссіи венгерской делегаціи по иностраннымъ дѣламъ, графъ Берхтольдъ прочиталъ свой обзоръ внѣшней политики. Повторивъ обычную фразу

о неизмѣнныхъ отношеніяхъ съ союзными и дружественными державами и высказавъ пожеланіе скорѣйшаго заключенія мира между Италіею и Турціею, министръ продолжалъ: «Событія, происходившія съ нѣкотораго времени на Балканахъ, въ усиленной степени привлекали наше вниманіе, въ виду нашего непосредственнаго сосѣдства съ Турціею. Мы не могли скрыть отъ себя опасностей, которыя могли возникнуть для внутренняго и внѣшняго мира европейской Турціи вслѣдствіе пререканій между оттоманскимъ правительствомъ и албанцами, чувствовавшими себя задѣтыми въ своихъ старинныхъ вольностяхъ. Когда затѣмъ произошла перемѣна правительства въ Константинополѣ, первымъ проявленіемъ ея было согласіе на уступки въ пользу Албаніи; но въ то же время, послѣ столкновеній на турецко-черногорской границѣ и болгарскаго возбужденія изъ-за кочанской рѣзни, вызванной взрывомъ бомбъ, а также стычекъ между греками и албанцами въ Эпирѣ, во многихъ мѣстностяхъ наступили обстоятельства, дѣлавшія крайне затруднительнымъ, если не невозможнымъ, желательное умиротвореніе. Мы обратились тогда къ державамъ съ предложеніемъ обмѣна мыслей о балканскихъ дѣлахъ. Цѣль, которую мы имѣли въ виду, заключалась преимущественно въ томъ, чтобы при помощи единодушнаго согласія державъ на основѣ сохраненія мира и status-quo на Балканахъ дать Портѣ время и, если нужно, дружескіе совѣты для осуществленія возвѣщенной ею политики и для установленія правильнаго порядка въ ея европейскихъ владѣніяхъ. Къ нашему удовольствію, всѣ кабинеты сочувственно отозвались на наше предложеніе, чѣмъ возстановлены точки соприкосновенія между державами и создана цѣнная гарантія возможнаго предупрежденія насильственной развязки кризиса. Въ частности русскій кабинетъ, подобно намъ, серьезно озабоченъ поддержаніемъ мира». Графъ Берхтольдъ справедливо находитъ, что этимъ не устранены еще опасности положенія на Балканахъ. «Мало удовлетворительное состояніе провинцій европейской Турціи не осталось безъ воздѣйствія на сосѣднія страны и поставило ихъ руководящихъ дѣятелей предъ трудной задачей. Мы питаемъ надежду,—продолжалъ ораторъ,—что государственная опытность и сознаніе тяжелой отвѣтственности руководящихъ лицъ этихъ странъ удержатъ ихъ отъ подчиненія импульсамъ безотвѣтственныхъ элементовъ. Съ другой стороны можно высказать ожиданіе, что Турція сознаетъ серьезность положенія и найдетъ путь къ предупрежденію опасныхъ замѣшательствъ. Дошедшія до насъ раньше свѣдѣнія даютъ намъ основаніе предполагать, что настоящее турецкое правительство стремится создать нужныя гарантіи для справедливыхъ условій жизни національностей». Далѣе графъ Берхтольдъ

пояснилъ, что «дружественныя отношенія къ Оттоманской имперіи принадлежатъ къ традиціямъ внѣшней политики вѣнскаго кабинета» и что интересъ Австро-Венгріи «направленъ къ сохраненію территоріальной цѣлости Турціи и къ ея внутреннему укрѣпленію». Задача турецкихъ государственныхъ людей, по мнѣнію министра, состоитъ въ примиреніи законныхъ требованій различныхъ народовъ, населяющихъ многоязычную Румелію, съ условіями оттоманскаго государственнаго строя, и «честныя старанія достигнуть разрѣшенія этой проблемы могутъ всегда разсчитывать на моральную поддержку» австрійской дипломатіи. Напомнивъ о своихъ совѣщаніяхъ съ германскимъ канцлеромъ Бетманомъ-Голльвегомъ, графъ Берхтольдъ констатируетъ «согласіе послѣднихъ цѣлей обоихъ кабинетовъ» и «полное совпаденіе взглядовъ, особенно по отношенію къ консервативнымъ принципамъ, лежащимъ въ основѣ поведенія обоихъ союзниковъ въ дѣлахъ ближняго Востока». Въ заключеніе министръ неожиданно бросилъ свой слащавый дипломатическій тонъ и нѣсколькими рѣзкими чертами нарисовалъ мрачную картину ближайшаго будущаго. «Несмотря на согласіе кабинетовъ великихъ державъ въ ихъ стремленіи сохранить миръ,—говоритъ графъ Берхтольдъ,—современное положеніе никакъ не можетъ быть названо успокоительнымъ. Постоянныя грозовыя молніи на Балканахъ свидѣтельствуютъ о повышенномъ электрическомъ напряженіи политической атмосферы, но не могутъ освѣтить тьму нерѣшенныхъ проблемъ. Дипломатія стоитъ на стражѣ, чтобы предотвратить угрожающіе конфликты и задавить въ зародышѣ опасность балканскаго пожара. Въ силу нашего географическаго положенія мы стоимъ близко къ горячей почвѣ, и великіе интересы монархіи поставлены здѣсь на карту. Только будучи вооруженными на сушѣ и на морѣ, мы можемъ спокойно идти на встрѣчу будущему».

Эти заключительныя указанія совершенно не вытекаютъ изъ предшествующихъ, крайне скромныхъ и въ то же время самодовольно-благонамѣренныхъ соображеній. «Мало удовлетворительное состояніе», надъ улучшеніемъ котораго заботливо трудится нынѣшнее турецкое правительство, оказывается вдругъ грознымъ, освѣщаемымъ постоянными молніями и скрывающимъ въ себѣ загадочную тьму. Дружеское довѣріе къ мудрости и добросовѣстности турецкихъ государственныхъ людей, которымъ надо только «дать время» для устройства справедливаго порядка въ христіанскихъ провинціяхъ, превращается въ чистѣйшую фантазію: на мѣсто этой идилліи выступаютъ предъ нами угрожающіе конфликты, съ перспективою общаго пожара. Руководящіе дѣятели сосѣднихъ балканскихъ государствъ поддаются уже не «импульсамъ безотвѣтственныхъ эле-

ментовъ», а весьма реальнымъ впечатлѣніямъ близкой «горячей почвы», на которой разыгрываются реальнѣйшіе ужасы погромовъ и избіеній. Простая задача добродѣтельныхъ турецкихъ правителей—«примиреніе требованій подвластныхъ народностей съ условіями турецкаго государственнаго строя» (!)—исчезаетъ куда-то, и взамѣнъ остается «тьма неразрѣшенныхъ проблемъ». Откуда взялись эти темныя неразрѣшенныя проблемы, которыхъ не освѣщаютъ даже грозовыя молніи, если въ Турціи существуетъ благожелательное и разумное правительство, поощрямое деликатными, сочувственными совѣтами австрійскихъ друзей?

Графъ Берхтольдъ настойчиво и неоднократно указываетъ на традиціонную дружбу Австро-Венгріи къ Оттоманской имперіи и ни однимъ словомъ не выражаетъ порицанія турецкой системы управленія въ христіанскихъ земляхъ; онъ равнодушно молчитъ о невыносимомъ бѣдственномъ положеніи балканскихъ народностей подъ турецкимъ режимомъ и—что всего замѣчательнѣе—дѣлаетъ видъ, что проведеніе реформъ въ Македоніи и Старой Сербіи зависитъ исключительно отъ доброй воли и благоразумія турецкихъ правителей. О какихъ-либо обязательствахъ Турціи и о правѣ Европы слѣдить за ихъ исполненіемъ нѣтъ и рѣчи въ докладѣ графа Берхтольда; берлинскій трактатъ для него какъ будто вовсе не существуетъ, и оттого у него могла проскользнуть еретическая мысль о примиреніи правъ балканскихъ народностей съ требованіями турецкаго государственнаго строя. Въ берлинскомъ трактатѣ ничего не сказано о требованіяхъ турецкаго государственнаго строя при опредѣленіи правъ балканскихъ народностей; напротивъ, этотъ турецкій строй отстраняется, насколько онъ противорѣчитъ правамъ населенія, и долженъ уступить мѣсто вновь организованному самоуправленію по образу критской автономіи, согласно тексту приведенной выше 23-ей статьи трактата. При такомъ безцеремонномъ игнорированіи международныхъ обязательствъ Турціи относительно способа управленія ея провинціями, предложенный вѣнскимъ кабинетомъ «обмѣнъ мнѣній» не имѣлъ бы ни цѣли, ни смысла. И если подобные взгляды раздѣляются Германіею, то на серьезное коллективное вмѣшательство въ пользу турецкихъ христіанъ нечего и разсчитывать, и всякія надежды на прочное умиротвореніе балканскихъ народовъ при помощи Европы оказываются напрасными. Ссылка на «консервативные принципы» и на сохраненіе status-quo прикрываетъ именно ту мертвящую политику принудительнаго застоя, которая исключаетъ мысль о реформахъ и создаетъ «тьму нерѣшенныхъ проблемъ». Съ этой стороны положеніе является дѣйствительно безнадежнымъ.

Въ комиссіи австрійской делегаціи по иностраннымъ дѣламъ, 26 (13)-го сентября, при обсужденіи бюджета дипломатическаго вѣдомства, докладчикъ, маркизъ Бакегемъ, съ удовольствіемъ отмѣтилъ слова графа Берхтольда о миролюбивыхъ усиліяхъ России на Балканахъ и высказалъ мнѣніе, что нѣтъ лучшей гарантіи сохраненія мира, чѣмъ возстановленіе добраго согласія между Россіею и Австро-Венгріею. Въ томъ же духѣ говорилъ и предводитель правой въ палатѣ господъ, одинъ изъ вождей чешской консервативно-землевладѣльческой партіи, князь Карлъ Шварценбергъ; эту же идею повторилъ и докладчикъ комиссіи венгерской делегаціи, Францъ Наги. Вѣнская «Neue Freie Presse», которая всего менѣе можетъ быть заподозрѣна въ какихъ-либо симпатіяхъ къ Россіи, утверждаетъ, что сознаніе важности австро-русскаго согласія свойственно всѣмъ элементамъ австрійскаго общественнаго мнѣнія, безъ различія партій и національностей. Извѣстный чешскій дѣятель д-ръ Крамаржъ, въ засѣданіи делегаціи 27-го сентября, объяснилъ, что прочный миръ на Балканахъ возможенъ только на основѣ автономіи христіанскихъ областей, что къ такому именно миру стремится Россія, и что на этой почвѣ она можетъ сблизиться съ Австро-Венгріей, если послѣдняя въ самомъ дѣлѣ ничего не желаетъ для себя на Балканахъ. «Россія—по словамъ д-ра Крамаржа—хочетъ мира во что бы то ни стало, такъ какъ она не хочетъ прервать періодъ блестящаго хозяйственнаго развитія, который она проходитъ. Австрія всегда найдетъ Россію готовою на дѣло мира, даже если отношенія между обѣими имперіями надолго еще останутся холодными. Разграниченіе сферъ вліянія на Балканскомъ полуостровѣ могло казаться возможнымъ въ прежнее время; теперь, когда балканскіе народы образовали самостоятельныя государства, это уже фантазія. Россія ничего не можетъ взять на Балканахъ, но она не можетъ также допустить, чтобы Австрія дѣлала новыя пріобрѣтенія... Въ Россіи господствуетъ глубокое недовѣріе къ Австріи; это видно уже изъ того, что русское правительство пыталось въ Потсдамѣ и Балтійскомъ Портѣ получить отъ Германіи гарантію противъ австрійскихъ агрессивныхъ плановъ. Это недоброжелательное настроеніе Россіи поддерживается теперь и преслѣдованіемъ русскихъ въ Галиціи». Чтобы предупредить опасность міровой войны—говорилъ далѣе д-ръ Крамаржъ—«мы должны дать полную автономію Македоніи и Албаніи, и въ случаѣ неизбѣжности конфликта воздержаться отъ вмѣшательства въ балканскую войну и не безпокоиться напрасно, если балканскіе народы дѣйствительно подѣлятъ между собою Балканы. Такая политика вновь возбудила бы довѣріе къ намъ во всемъ мірѣ. Балканскіе народы будутъ намъ благодарны; въ Россіи исчезло бы

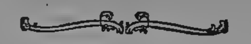
враждебное чувство къ Австріи, и мы возстановили бы нашу прежнюю свободу дѣйствій въ европейской политикѣ».

Однако, политика въ такомъ высокомъ стилѣ едва ли доступна нынѣшней Австро-Венгріи. Графъ Берхтольдъ въ своей отвѣтной рѣчи не преминулъ низвести вопросъ на почву обычной дипломатической фразеологіи. Онъ далъ понять, что не можетъ разоблачить тайну происходящихъ переговоровъ, но заявилъ, что въ нихъ дѣло идетъ объ отысканіи «средней линіи, которая, вполнѣ принимая въ разсчетъ справедливую щепетильность Порты, способна была бы все-таки указать оттоманскимъ народностямъ положительную почву для успокоенія и этимъ способствовала бы сохраненію мира». А пока дипломатія занималась отысканіемъ этой фантастической «средней линіи» поведенія, балканскія государства сочли себя вынужденными открыто выступить противъ Турціи. Вся дѣятельность европейскихъ кабинетовъ по восточному вопросу, въ томъ видѣ, какъ она характеризуется заявленіями графа Берхтольда, производитъ безотрадное впечатлѣніе. Если нельзя заступиться за избиваемыхъ турками македонцевъ изъ боязни задѣть «справедливую щепетильность» Порты, то зачѣмъ вообще говорить о великихъ державахъ, подъ покровительствомъ которыхъ находятся будто бы турецкіе христіане? Почему въ сношеніяхъ съ другими государствами принято ссылаться на существующіе международные договоры, а относительно Турціи считается неудобнымъ требовать соблюденія одной изъ важнѣйшихъ статей подписаннаго ею берлинскаго трактата?

Такая преувеличенная заботливость о чувствахъ Порты представляется тѣмъ болѣе странною, что въ другихъ случаяхъ Австро-Венгрія не стѣснялась поступать безъ всякой деликатности относительно Россіи, даже когда не имѣла за собою формальнаго права, какъ напр. въ боснійскомъ вопросѣ. Неужели требовать отъ Турціи прекращенія системы погромовъ, какъ способа управленія, упраздненнаго берлинскимъ трактатомъ, значило бы нарушить правила международной вѣжливости? Когда дѣло идетъ объ избавленіи цѣлыхъ народностей отъ бѣдствій безправія, то неумѣстно и странно говорить о необходимомъ, будто бы, уваженіи къ «справедливой щепетильности» угнетателей. Если же избѣгать прямыхъ разговоровъ съ Портою о правахъ балканскихъ народовъ на человѣческое существованіе, согласно берлинскому трактату, то никакой положительной почвы для успокоенія этихъ народовъ не окажется, и фраза графа Берхтольда объ этой положительной почвѣ останется совершенно безсодержательною. Чѣмъ думаетъ онъ успокоить балканскіе народы при соблюденіи «справедливой щепетильности» дѣятелей турецкаго режима? Развѣ только новыми обѣщаніями этихъ самыхъ

дѣятелей, съ условіемъ дать имъ время для добровольнаго исполненія;—но мыслимо ли ожидать, чтобы люди вѣрили этимъ обѣщаніямъ и чтобы великія державы основывали на нихъ свою политику послѣ печальнаго опыта съ формальными обязательствами Турціи по берлинскому трактату 1878-го года?

Та «средняя линія», которую предлагалъ искать Европѣ руководитель вѣнскаго кабинета, не существуетъ въ природѣ, и самая мысль объ умиротвореніи балканскихъ народностей при помощи пустыхъ словесныхъ формулъ, безъ ущерба для достоинства турецкихъ правителей, могла быть принята на Балканахъ за издѣвательство или за намѣренную провокацію. Если такова восточная политика великихъ державъ, то балканскимъ народамъ дѣйствительно оставалось бы только взяться за оружіе. Россія не можетъ имѣть ничего общаго съ подобною политикою, и мы думаемъ, что самъ графъ Берхтольдъ не придаетъ ей серьезнаго значенія. Между тѣмъ другіе европейскіе кабинеты не высказываютъ болѣе опредѣленныхъ и утѣшительныхъ взглядовъ на балканскія дѣла, и въ этомъ отсутствіи точной и ясной программы заключается великая опасность настоящаго положенія на ближнемъ Востокѣ. Мы не видимъ руководящихъ идей въ разрозненныхъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ министровъ отдѣльныхъ державъ, и культурнымъ націямъ приходится пассивно присутствовать при устройствѣ кроваваго пожара на Балканскомъ полуостровѣ, по почину небольшихъ государствъ, выведенныхъ изъ терпѣнія правителями Турціи. Искусственное внѣшнее соглашеніе кабинетовъ, достигнутое стараніями французскаго правительства и имѣющее цѣлью предпринять извѣстныя коллективныя мѣры въ Константинополѣ и въ четырехъ балканскихъ столицахъ, можетъ только временно отсрочить развязку, но не предотвратить ее окончательно.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Первая ступень выборовъ.—Побѣда священниковъ на съѣздахъ мелкихъ землевладѣльцевъ.—Какъ происходятъ выборы.—«Разъясненіе» А. И. Шингарева и К. К. Черносвитова.—Къ характеристикѣ націоналистовъ.—Оправдывающіеся октябристы.—За что постигла кара университетъ имени Шанявскаго.—И. Е. Энгельманъ и Г. Ф. Шершеневичъ †.

Къ моменту выхода въ свѣтъ настоящей книги, составъ выборщиковъ по нѣкоторымъ куріямъ, преимущественно по городскимъ и по крестьянской, уже опредѣлится. Но о результатѣ выборной кампаніи судить все еще будетъ нельзя, такъ какъ выборы по куріи крупныхъ землевладѣльцевъ, дающей безъ малаго половину общаго числа выборщиковъ, во многихъ губерніяхъ назначены на начало октября. Пока-что, поступаютъ первыя свѣдѣнія объ избраніи уполномоченныхъ крестьянами, рабочими, мелкими землевладѣльцами и уѣзднымъ духовенствомъ, т. е. тѣми категоріями избирателей, для которыхъ установлены три выборныхъ ступени.

Эти свѣдѣнія касаются почти исключительно предварительныхъ съѣздовъ мелкихъ землевладѣльцевъ и духовенства и свидѣтельствуютъ о полномъ абсентеизмѣ первыхъ и о сплошной побѣдѣ духовенства, гдѣ оно не было выдѣлено въ особые съѣзды. Въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ явившіеся мелкіе землевладѣльцы не давали въ совокупности цензоваго числа десятинъ, и выборы не могли состояться. Мѣстами абсентеизмъ доходилъ до того, что не являлось ни одного избирателя,—хотя вездѣ и всюду, если не сотни, то многіе десятки мелкихъ земельныхъ собственниковъ значатся въ уѣздныхъ избирательныхъ спискахъ. На абсентеизмъ мелкихъ землевладѣльцевъ есть, въ сущности, абсентеизмъ особаго рода: закономъ предусмотрѣнный или, вѣрнѣе, закономъ созданный. И ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ объ «умѣломъ» использованіи составителями положенія 3 іюня опыта выборовъ въ первую и во вторую Думу, онъ не говоритъ. При выборахъ въ третью Думу земскія управы также точно несли совершенно напрасный трудъ по составленію списковъ мелкихъ землевладѣльцевъ.

Если читать списки мелкихъ землевладѣльцевъ съ картой уѣзда въ рукахъ, то оказывается, что въ центральныхъ волостяхъ

мелкихъ собственниковъ почти нѣтъ вовсе. Всѣ они—на границахъ. По выборной географіи выходитъ, что вблизи уѣздныхъ городовъ существуетъ только крупное землевладѣніе, а мелкое—окружаетъ кольцомъ границы уѣздовъ. Конечно, ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ. Въ дѣйствительности есть другое. Крестьяне въ массѣ естественно всегда покупали и покупаютъ ближайшія къ нимъ земли. А потому землями въ центральныхъ волостяхъ владѣютъ, въ громадномъ большинствѣ, крестьяне того же уѣзда, т. е. лишенные избирательнаго права по цензу мелкаго землевладѣнія [1]). Сохранившіе же это право, крестьяне иноуѣздные, владѣютъ землею преимущественно въ пограничныхъ волостяхъ. А дабы они съ тѣмъ большимъ «удобствомъ» могли осуществлять сохраненное за ними право, предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ повсемѣстно были назначены и въ 1907 г., и въ нынѣшнемъ, по одному на весь уѣздъ и въ уѣздномъ городѣ. Столь послѣдовательныя мѣры, очевидно, и безъ особыхъ воздѣйствій индивидуальнаго свойства не могли не обратить въ фикцію избирательное право по цензу мелкаго землевладѣнія. Нельзя не прибавить, что разсылка повѣстокъ землевладѣльцамъ не обязательна и оповѣщеніе избирателей о предварительныхъ съѣздахъ было сдѣлано однимъ только способомъ—«припечатаніемъ» въ никѣмъ не читаемыхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Нѣкоторыя земскія управы и даже предводители дворянства испрашивали разрѣшеніе оповѣстить землевладѣльцевъ-избирателей повѣстками. Отвѣтъ получился отрицательный: «не нужно; въ губернскихъ вѣдомостяхъ все напечатано—и довольно».

Какъ типичный, можемъ привести слѣдующій примѣръ. Въ избирательный списокъ мелкихъ землевладѣльцевъ по Бѣжецкому уѣзду Тверской губ. было внесено 827 лицъ, кромѣ мѣстныхъ крестьянъ, кстати сказать, имѣющихъ собственной земли, сверхъ надѣльной, свыше 300 тыс. десятинъ. Эти 827 избирателей владѣютъ въ общей сложности 13-ю тысячъ десятинъ и, слѣдовательно, по числу полныхъ цензовъ, могли выбрать 58 уполномоченныхъ. На съѣздъ владѣльцевъ менѣе одной пятой ценза не явился никто. На съѣздъ владѣльцевъ болѣе одной пятой—тоже никто изъ уѣзда не пріѣхалъ. Но въ тотъ день происходило засѣданіе съѣзда земскихъ начальниковъ, и въ составѣ присутствія былъ одинъ земскій начальникъ—мелкій землевладѣлецъ. Выступавшій въ качествѣ защитника частный повѣренный тоже оказался мелкимъ землевладѣльцемъ. Вмѣстѣ у нихъ двоихъ полнаго ценза, однако, не хва-

[1]) См. выше, статью «Передъ выборами».

тало. Спасителемъ оказался случайно зашедшій въ канцелярію съѣзда земскихъ начальниковъ «по своему дѣлу» третій избиратель. Цензъ составился. Сдѣлали перерывъ судебнаго засѣданія, и въ двѣ минуты земскаго начальника частный повѣренный и случайный проситель выбрали. Одновременно происходилъ въ сосѣднемъ помѣщеніи выдѣленный особо предварительный съѣздъ духовенства. Настоятели церквей явились почти поголовно—110 человѣкъ. Они образовали 29 полныхъ цензовъ и выбрали столько же уполномоченныхъ. О днѣ съѣзда имъ было сообщено даже не повѣстками, а предписаніями.

Объ избраніи крестьянскихъ уполномоченныхъ и уполномоченныхъ отъ рабочихъ имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія. Еще задолго до начала нынѣшней избирательной кампаніи на крестьянъ-общинниковъ и на не отличаемыхъ отъ нихъ въ выборномъ отношеніи крестьянъ-хуторянъ или вышедшихъ на отруба, а также на рабочихъ, какъ-то всѣ, справа и слѣва, махнули рукой. Въ каждой изъ тѣхъ губерній, гдѣ положено обязательное представительство отъ рабочихъ, пройдетъ одинъ соціалъ-демократъ. Это фактъ несомнѣнный: для однихъ—неизбѣжное зло, котораго нельзя устранить, для другихъ — безспорная и заранѣе обезпеченная побѣда, но строго замкнутая въ численныя рамки. Что же касается волостныхъ уполномоченныхъ и выборщиковъ, то справа ихъ настроеніе не представляетъ интереса потому, что они достаточно обезврежены, какъ росписаніемъ числа губернскихъ выборщиковъ, такъ равно избраніемъ крестьянскихъ представителей въ общемъ составѣ избирательныхъ собраній, и особенно—полнымъ возвратомъ жизни крестьянъ къ тому стародавнему укладу, который снова выдѣлилъ крестьянскую деревню въ особую россійскую курію, сугубо безправную и сугубо подчиненную начальственнымъ воздѣйствіямъ.

Пять лѣтъ назадъ этотъ возвратъ только наступалъ. А потому при выборахъ въ третью Думу слѣва еще дѣлались попытки общественной подготовки крестьянскихъ выборовъ. Теперь—онъ завершился. Теперь предвыборный приказъ г. Муратова по подвѣдомственнымъ ему губерніямъ—сначала по Тамбовской, затѣмъ по Курской—не разсылать изъ волостныхъ правленій лѣвыхъ газетъ былъ выстрѣломъ изъ пушки по воробьямъ: газета опять стала для деревни предметомъ, нужнымъ только на цыгарки. Слѣва это знали, а также знали, что въ деревнѣ предвыборная борьба будетъ идти по своей собственной линіи: между урядниками и земскими начальниками, съ одной стороны, и крестьянскимъ лукавствомъ—съ другой. Способствовать тому, чтобы въ крестьянской средѣ предварительно обозначались имена, было бы слишкомъ безразсудно. Дѣлать ихъ извѣстными въ періодъ выбора уполномоченныхъ—тоже нелѣпо, ибо

какъ среди священниковъ при выборахъ въ третью Думу были примѣры, что популярный кандидатъ въ день и часъ избирательнаго собранія оказывался вызваннымъ къ архіерею служить обѣдню, такъ и среди крестьянъ любой кандидатъ, разъ онъ извѣстенъ начальству, можетъ въ нужный моментъ оказаться въ холодной.

«Успокоеніе» въ полной мѣрѣ отняло отъ деревни и тѣ обрывки гражданско-правовой и политической жизни, которые остались для «свободнаго» пользованія въ городахъ. Съ мѣсяцъ назадъ одинъ крестьянинъ задалъ намъ вопросъ: «а что, будутъ нынче выборы въ Думу»? И на утвердительный отвѣтъ замѣтилъ съ нескрываемой ироніей: «должно быть не для крестьянъ»! Выборы происходятъ. И для всѣхъ они происходятъ среди «разъясненій» и сложныхъ комбинацій по дѣленію съѣздовъ на пользу однимъ и во вредъ другимъ А «для крестьянъ» разыгрывается уже безъ всякихъ прикрасъ выборная комедія. Для иллюстраціи возьмемъ корреспонденцію изъ Казани—не потому, что она особенно ярко рисуетъ положеніе, а просто потому, что она случайно лежитъ передъ нами. Объѣзжая губернію, губернаторъ держалъ рѣчь волостнымъ старшинамъ. «Рѣчь велась исключительно о кандидатахъ въ уполномоченные. Со спискомъ въ рукахъ губернаторъ внушалъ волостнымъ старшинамъ употребить весь ихъ авторитетъ на то, чтобы были избраны намѣченные въ оффиціальномъ спискѣ кандидаты. Если моя бесѣда появится въ печати,—закончилъ онъ свое обращеніе,—«знайте: вы служите послѣдній разъ». Земскимъ начальникамъ тотъ же губернаторъ говорилъ: «Мнѣ извѣстно, что на прошлыхъ выборахъ нѣкоторые изъ земскихъ начальниковъ голосовали за кандидатовъ противоправительственныхъ партій и не препятствовали крестьянамъ выбирать лицъ, которыя потомъ открыто примыкали къ врагамъ порядка. Этого впредь не должно быть. Уклоняющіеся отъ преподанныхъ инструкцій должны заблаговременно подумать объ отставкѣ»...

Другой губернаторъ—это обошло всѣ газеты — «объяснялъ» земскимъ начальникамъ, какъ можно создать кассаціонный поводъ для отмѣны выборовъ, если, несмотря на всѣ «препятствія», крестьяне выберутъ не надлежащаго уполномоченнаго. Смыслъ его «объясненій» былъ проще простого: пусть во время выборной процедуры войдетъ въ комнату писарь или вообще посторонній.

Третій—предлагалъ немедленно ему доносить о выборѣ лѣвыхъ уполномоченныхъ, не заботясь о кассаціонныхъ поводахъ, ибо и безъ нихъ онъ съумѣетъ кого нужно «разъяснить»... И, очевидно глубоко проникшись всѣми этими угрозами и указаніями, нѣкій волостной старшина представилъ въ уѣздную комиссію сразу два оттиска упол-

номоченныхъ: одинъ—выбранныхъ въ назначенный для того день, и другой—выбранныхъ на слѣдующій, такъ какъ выбранные въ первый день оказались «лѣваго направленія».

При такихъ условіяхъ естественно, что и общественный интересъ къ выборамъ крестьянскихъ уполномоченныхъ есть интересъ зрителей къ «комедійному дѣйству». Разсчетъ слѣва можетъ быть только на дипломатическія способности крестьянъ изъ типа мужичковъ «себѣ на умѣ», которые отъ дѣдовъ и прадѣдовъ унаслѣдовали талантъ «втирать очки» начальству и господамъ,—да на чрезмѣрность усердія ближайшаго къ крестьянамъ начальства. Въ комедіи на сценѣ пересолъ даетъ скучную пошлость. Въ комедіи, разыгрываемой въ жизни, пересолъ всего чаще заставляетъ плакать «дѣлающихъ» комедію.

Въ предвыборной мобилизаціи духовенства все искусственно, съ начала до конца. Духовенство, какъ классъ, связанный церковно-служебной дисциплиной, поднятъ съ совершенно опредѣленной и отнюдь не идейной цѣлью: препятствовать успѣху оппозиціи. И тѣ массы священниковъ, которые прошли въ уполномоченные, образуютъ, такъ сказать, резервъ избирателей. Этотъ резервъ можно пустить въ ходъ, если на съѣздахъ крупныхъ землевладѣльцевъ будетъ грозить «оппозиціонная опасность», но можно и не вводить въ боевую линію,—если никакой опасности для «геральдическихъ вырожденцевъ», по выраженію нововременца г. Энгельгардта, не будетъ. Во власти министра внутреннихъ дѣлъ влить уполномоченныхъ отъ духовенства въ общій съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Но въ его же властн — ихъ выдѣлить съ предоставленіемъ крупнымъ землевладѣльцамъ, положимъ, шести вакансій выборщиковъ, а духовенству — одной. И не напрасно никакого бощаго рѣшенія по этому вопросу ни при выборахъ въ третью Думу не принималось, ни теперь не принято. Законъ предусмотрительно поставилъ право министра дѣлить съѣзды въ зависимость отъ мѣстныхъ условій и особенностей. Въ первомъ случаѣ,—при наличности «оппозиціонной опасности»,—священники влитые въ общій съѣздъ, могутъ подавить крупныхъ землевладѣльцевъ и въ уѣздномъ городѣ, и затѣмъ въ губернскомъ. Во второмъ, они услышатъ: «вы не нужны».

Когда начнешь говорить о томъ, что дѣлается въ деревнѣ,—какая тамъ царитъ гражданская свобода, насколько тамъ откровенно и беззастѣнчиво орудуетъ администрація и къ какимъ «упрощеннымъ» средствамъ и мѣрамъ прибѣгаетъ,—то внѣ-деревенскіе по-

рядки всегда покажутся въ смягченныхъ очертаніяхъ. Такъ и въ организаціи выборовъ. Но русская деревня какъ была въ крѣпостное время и потомъ въ годы расцвѣта идей Каткова о властной рукѣ, такъ и сейчасъ стоитъ внѣ сравненій и сопоставленій. Съ нашей крестьянской деревней нельзя ничего сопоставлять. И выборные пріемы, примѣняемые къ дворянамъ не изъ «вырожденцевъ», къ купцамъ,—словомъ, ко всѣмъ русскимъ обывателямъ, не обрабатывающимъ землю собственнымъ трудомъ, должно трактовать безотносительно. Про эти пріемы даже г. А. Ст-нъ сказалъ: «нехорошо дѣлаютъ выборы».

Дѣйствительно: выборы «дѣлаютъ нехорошо». «Послѣдствіемъ является то, что теперь стонъ стоитъ по всей Россіи, и, еще хуже,—смѣхъ; пріемы давленія на выборы, пріемы охоты на того или другого нежелательнаго члена Думы становятся анекдотическими и повторяются, какъ типичный и смѣшной разсказъ». Это не наши слова, а того же г. А. Ст-на. «Гдѣ же уваженіе къ обществу и народу?»—спрашиваетъ онъ—и заключаетъ свою очередную замѣтку въ «Новомъ Времени» слѣдующимъ обращеніемъ къ «дѣлателямъ» выборовъ: «Можетъ быть, не поздно еще бросить эту пагубную предвыборную политику,—если не поздно, то отъ души можно бы посовѣтовать это сдѣлать»... Не будемъ гадать, насколько искренно вылились цитированныя слова изъ-подъ пера октябриста, пишущаго въ органѣ «всероссійскаго національнаго союза», и насколько они продиктованы пониманіемъ, что окружившій выборную кампанію смѣхъ всего больнѣе, хотя и рикошетомъ бьетъ по тѣмъ партіямъ и лицамъ, въ цѣляхъ поддержки которыхъ ведется «охота». Достаточно характеренъ самый фактъ появленія ихъ за подписью г. А. Ст-на и на столбцахъ «Новаго Времени». И въ своемъ лагерѣ г. Ст-нъ не одинокъ. Одновременно сѣтовалъ «Свѣтъ». «Съ мѣстъ—писала газета—продолжаютъ идти неутѣшительныя вѣсти,—вѣсти не о бунтахъ, не о смутѣ, даже не объ активныхъ оппозиціонныхъ выступленіяхъ, а просто о крайнемъ недовольствѣ населенія, порожденномъ черезчуръ дѣятельнымъ участіемъ администраціи въ избирательной кампаніи. Нечего говорить, что это незаконно, и что администрація поступаетъ далеко не мудро, вооружая противъ себя даже самыхъ благонамѣренныхъ людей. Самое худшее здѣсь—подрывъ довѣрія къ четвертой Государственной Думѣ».

Основной пріемъ «охоты»—все тѣ же испытанныя «разъясненія». Въ Воронежѣ «разъясненъ» А. И. Шингаревъ, во Владимірѣ—К. К. Черносвитовъ, въ Вятской губерніи—товарищъ предсѣтеля второй Думы М. Е. Березинъ и т. д., и т. д. Нынѣшнія, осо-

бенно вызывающія «смѣхъ», разъясненія всего чаще имѣли объектомъ владѣльцевъ городскихъ цензовъ. Администрація чинила розыскъ, дѣйствительно ли плательщики квартирнаго налога живутъ въ нанятыхъ ими квартирахъ и въ свой ли карманъ кладутъ получаемый доходъ владѣльцы городскихъ недвижимостей. И чуть полиція сообщала свѣдѣнія, дающія возможность судить надвое,— губернаторы заявляли протестъ, а комиссіи «разъясняли». И както такъ вездѣ выходило, что въ квартирахъ не живутъ и доходами съ городскихъ недвижимостей не пользуются только люди лѣваго образа мыслей, да и изъ нихъ—одни вѣроятные или возможные кандидаты въ члены Думы. Не было недостатка, впрочемъ, и въ «разъясненіяхъ» вслѣдствіе бывшей или будущей политической судимости. Гдѣ-то кого-то «разъяснили» потому, что онъ когда-то привлекался къ отвѣтственности въ административномъ порядкѣ!

А. И. Шингаревъ имѣетъ въ Воронежѣ квартиру. Но, какъ членъ третьей Думы, онъ, само собою разумѣется, большую часть года проводилъ въ Петербургѣ и бывалъ въ Воронежѣ только наѣздомъ. Постоянно жилъ въ его квартирѣ—его отецъ. Такова фактическая сторона его «дѣла». А юридическія для ея оцѣнки нормы гласятъ: во второмъ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ 3) лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда не менѣе года государственный квартирный налогъ; 4) лица, не менѣе года занимающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на свое имя отдѣльную квартиру». Полагаемъ, что даже гимназистъ приготовительнаго класса, если у г. Шингарева есть на рукахъ квитанція въ уплатѣ квартирнаго налога, не обинуясь скажетъ, что больше ему ничего и не нужно. Для такого отвѣта требуется только умѣнье читать по печатному. Губернаторъ же и вслѣдъ за нимъ двѣ коллегіи, каждая съ профессіональнымъ юристомъ во главѣ, разсудили иначе. Осталась для окончательнаго рѣшенія «вопроса» еще третья коллегія— сенатъ. По выборнымъ дѣламъ сенатъ выноситъ рѣшенія внѣ очереди, но... все-таки послѣ того, какъ выборы пройдутъ. Если бы г. Шингаревъ, по размѣру годовой платы за свою квартиру, и не уплачивалъ квартирнаго налога, то и въ такомъ случаѣ законъ не давалъ бы права его «разъяснить». Ибо «занимать» квартиру значитъ ее нанимать и имѣть въ постоянной для себя готовности, но отнюдь не значитъ—безвыѣздно въ ней жить.

К. К. Черносвитовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ владѣетъ во Владимірѣ, на правѣ собственности, участкомъ земли и имѣетъ крѣпостной актъ, удостовѣряющій фактъ владѣнія и время перехода имущества въ его собственность. По точному смыслу закона, для участія въ съѣздѣ городскихъ избирателей больше рѣшительно ни-

чего не требуется. Но г. Черносвитовъ—бывшій членъ Думы всѣхъ трехъ созывовъ и по партійной принадлежности—кадетъ. А потому, въ противовѣсъ крѣпостному акту, по отношенію къ нему оказалось достаточнымъ того, что окладные листы по его имуществу получаетъ его арендаторъ, г. Краснощековъ, который и вноситъ сборы. Къ этому въ предложеніи губернатора еще было прибавлено, что г. Краснощековъ—бывшій собственникъ участка г. Черносвитова. Словомъ, губернаторъ и коммисія рѣшили, что сдѣлка г. Черносвитова съ Краснощековымъ была не дѣйствительной, а мнимой. «Но мнимость акта—справедливо писалъ въ жалобѣ К. К. Черносвитовъ—не можетъ быть удостовѣрена путемъ личнаго усмотрѣнія администраціи. Для этого существуетъ одинъ законный судебный порядокъ (рѣш. гр. касс. деп. Прав. Сен. 1901 г., № 45). До опороченія по суду крѣпостного акта на мое владѣніе и до уничтоженія его установленнымъ закономъ порядкомъ я, согласно 420 ст. X т. I ч., имѣю на это владѣніе право собственности. А по силѣ 77-й ст. основныхъ законовъ собственность неприкосновенна. Этого не слѣдовало бы забывать при собираніи свѣдѣній о моей собственности. Съ неприкосновенностью же собственности неприкосновенны и мои права на участіе въ выборахъ».

Тѣхъ, къ кому она была обращена, эта аргументація не убѣдила. Что значитъ для нихъ юридическая азбука? На то и «разъясненія», чтобы разъясняющіе утверждали: дважды два—стеариновая свѣчка. Но пусть бы они всегда и въ отношеніи всѣхъ прилагали рогатые силлогизмы! Сколько бы пришлось тогда «разъяснить» крупныхъ землевладѣльцевъ — особенно изъ «геральдическихъ вырожденцевъ»—за то, что они никогда не бываютъ въ своихъ лѣсахъ и болотахъ и поручаютъ арендаторамъ получать окладные листы и вносить сборы? Есть наивные собственники, которые послѣднее даже включаютъ въ арендные договоры.

Во власти правительства «разъяснять». Во власти общества—«разоблачать», и надо сказать правду, что гарантированныхъ отъ «разъясненій» союзниковъ, націоналистовъ и октябристовъ въ печати и на предвыборныхъ собраніяхъ жестоко «разоблачаютъ». Особенно повезло въ этомъ отношеніи націоналистамъ. Оно и понятно. Герои избирательной кампаніи въ третью Думу, октябристы, изъ партіи наиболѣе покровительствуемой обратились въ партію терпимую, да и то не безъ гримасы. Союзники уже давно разоблачены и въ достаточной степени всѣмъ надоѣли. Націоналисты же—главный оплотъ реакціонныхъ надеждъ и мечтаній данной политической минуты.

Всѣхъ рѣзче охарактеризовалъ націоналистовъ издатель «Гра-

жданина». «Положимъ,—писалъ въ дневникѣ 4-го сентября кн. Мещерскій,—у меня никакихъ политическихъ убѣжденій не имѣется, и я просто-напросто прохвостъ, но желаю получать четыре тысячи рублей въ годъ, какъ членъ Государственной Думы. Вы думаете, что это трудно? Совсѣмъ нѣтъ. Я прямо заявляю себя націоналистомъ. Въ кадеты я не пойду, потому что партія эта не легализирована и, какъ-никакъ, отъ кадета партія требуетъ мозговой работы, а у меня она плоха. И въ правые я не пойду, потому что націоналисты протежируются исправникомъ и губернаторомъ, а правые—нѣтъ. А разъ я націоналистъ, я имѣю всѣ шансы быть выбраннымъ, такъ какъ ни губернаторъ, ни исправникъ не интересуются вопросами, прохвостъ ли, дуракъ ли я или не прохвостъ и не дуракъ».

Эту характеристику мы привели, конечно, не за рѣзкость, переходящую въ брань. Въ ней цѣнно то, что даже подъ угломъ зрѣнія кн. Мещерскаго ясно видна основная черта нашихъ націоналистовъ: полная идейная пустота. Отсутствіе политическихъ убѣжденій составляетъ необходимую предпосылку, общую всѣмъ членамъ «всероссійскаго національнаго союза». Политическій нигилизмъ, въ сущности говоря, ими возведенъ въ принципъ, въ догматъ. Они—люди, отдающіеся инстинктамъ. Вѣрнѣе, одному инстинкту: чувству самосохраненія. Отсюда ихъ политическая тактика, формулирующаяся двумя словами: «чего изволите». Отсюда ихъ просительно взирающій на начальство антисемитизмъ, подсказанный страхомъ людей, безсильныхъ самостоятельно противопоставить что-либо чуждой національности. Если не изъ отсутствія политическихъ убѣжденій нашихъ націоналистовъ вытекаетъ, то это отсутствіе подтверждаетъ участіе въ націоналистическихъ организаціяхъ и выступленіяхъ губернаторовъ, архіереевъ и вообще тѣхъ чиновъ администраціи, которые по долгу службы обязаны стоять внѣ политики. Въ самое послѣднее время открытъ отдѣлъ національнаго союза въ Вологдѣ. На торжествѣ открытія ораторами выступали: архіерей, ректоръ семинаріи, директоръ гимназіи и губернаторъ.

Но въ политическомъ дѣятелѣ отсутствіе политическихъ убѣжденій есть логическій абсурдъ. Политическая дѣятельность всегда и для всѣхъ полна терній и тревогъ. Что же влечетъ націоналистовъ въ члены Думы? Кое-кого, быть можетъ, четырехтысячный окладъ. Кое-кого—честолюбіе. Во всякомъ случаѣ, всѣхъ—мотивы личнаго свойства или такіе мотивы свойства общаго, которые непосредственно и неразрывно связаны съ выгодами сословнаго, классоваго или національнаго «я». Недаромъ нашихъ націоналистовъ не было въ природѣ, пока власть находилась въ состояніи паралича. Недаромъ они появились тогда, когда П. А. Столыпинъ поднялся на вершину

могущества и реакціонный поворотъ вполнѣ опредѣлился. Кончится реакція—и націоналисты, какъ политическое единеніе, исчезнутъ. Снова станутъ обращаться молящіе взоры то вправо, то влѣво,—въ трепетныхъ поискахъ, гдѣ сила. «Націонализмъ, тотъ самый, что нынче торжествуетъ,—вѣрно писала «Кіевская Мысль»,—это ни ученіе политическое, ни система соціологическая, ни, тѣмъ паче, кодексъ моральный. Націонализмъ — это профессія, родъ занятій, способъ и средство прокормиться или подкормиться». Петербургская городская партія стародумцевъ уже нѣсколько лѣтъ носитъ нелестную кличку «партіи кормленія». «Всероссійскіе націоналисты»—партія того же типа. Конечно, въ Государственной Думѣ «кормленіе» осуществляется въ гораздо болѣе сложныхъ формахъ, нежели въ городской. Тутъ есть «кормленіе» вице-губернаторскими и иными званіями и мѣстами, не исключая самыхъ скромныхъ, по полиціи. Но суть— одна. И едва ли случайно, какъ только образовался «всероссійскій національный союзъ», въ его составъ вошли и въ немъ заняли положеніе членовъ центральнаго комитета вожди петербургскихъ стародумцевъ: городской голова г. Глазуновъ, его товарищъ г. Демкинъ и бывшій предсѣдатель думы, нынѣ сводящій счеты съ сенаторской ревизіей, г. Унковскій.

Въ средѣ націоналистовъ третьей Государственной Думы встрѣчались, впрочемъ, и грубыя формы «кормленія». О ихъ концессіонныхъ операціяхъ толки всѣ пять лѣтъ не прекращались. Теперь, передъ выборами, «Утро Россіи» сдернуло завѣсу съ судьбы вопроса о національзаціи кредита. Вопросъ провалился. Но взамѣнъ національзаціи кредита «патріотамъ» было предложено легкое разрѣшеніе истинно-русскихъ банковъ. Стали эти банки расти какъ грибы, но только на бумагѣ. Банковъ націоналисты не основывали, а открыли торговлю разрѣшенными уставами. Московская газета приводитъ рядъ краснорѣчивыхъ примѣровъ.

Оставшіеся за флагомъ щедротъ и милостей октябристы оправдываются. «Голосъ Москвы» вспомнилъ конституціонныя слова, либеральничаетъ и отмежевывается справа. Въ «Россіи» октябристкій оффиціозъ уже сравниваютъ съ «Рѣчью». Петербургскій комитетъ октябристовъ вотировалъ резолюцію протеста противъ запрещенія печати касаться военныхъ вопросовъ.

Но нелегко октябристамъ оправдаться. Какъ ни подавили ихъ подъ конецъ націоналисты, все-таки на нихъ падаетъ главная отвѣтственность за Думу-декорацію и за пять лѣтъ «плодотворной» думской работы. Оторвать себя отъ третьей Думы октябристамъ нельзя. И, сознавая это, они роются въ «вермишели», пытаясь найти въ ней свидѣтельства о своихъ заслугахъ. Еще въ іюлѣ «Голосъ

Москвы» ставилъ вопросъ: «что сдѣлала третья Дума для городовъ?» и отвѣчала: «очень много». Затѣмъ приводился слѣдующій перечень законовъ: о порядкѣ удовлетворенія офицеровъ квартирами, о продолженіи казеннаго пособія на содержаніе полиціи, о принятіи на счетъ казны содержанія семействъ запасныхъ нижнихъ чиновъ въ случаѣ призыва ихъ на дѣйствительную службу, о выдѣленіи въ особыя земскія единицы Астрахани, Минска, Кіева, Ставрополя и Челябинска, о взиманіи сбора съ грузовъ, привозимыхъ и увозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ, объ измѣненіи порядка открытія аптекъ и т. д.

Не правда ли, много? Не правда ли, богатый активъ для господствовавшей въ Думѣ партіи, на знамени которой написано измѣненіе городского избирательнаго закона, расширеніе компетенціи органовъ земскаго и городского самоуправленія и освобожденіе ихъ отъ административной опеки? Объ измѣненіи порядка образованія городского представительства октябристы всѣ пять лѣтъ и не помышляли. О реформѣ представительства земскаго они думали и даже внесли законопроектъ, но такой, который заставлялъ желать, чтобы лучше ужъ остался въ силѣ законъ 1890-го года. Въ законъ о канализаціи для Петербурга внесена угроза производства работъ на сто милліоновъ рублей распоряженіемъ правительства за счетъ городскихъ средствъ. Введеніе въ дѣйствіе закона о сборахъ съ грузовъ предоставлено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ... Нѣтъ силъ октябристамъ оправдаться! Одинъ у нихъ исходъ: склонить головы передъ націоналистами, дабы тѣ удѣлили имъ долю милостей. Исходъ этотъ неизбѣженъ, и онъ несегодня-завтра наступитъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, октябристы и націоналисты пойдутъ на выборахъ вмѣстѣ.

Вмѣсто обще-министерской программы, министры, каждый порознь, опубликовали, какіе кто изъ нихъ изготовилъ законопроекты для внесенія въ четвертую Думу. Любопытнѣе всѣхъ другихъ перечень законопроектовъ по министерству народнаго просвѣщенія. Это все—штаты, штаты и штаты. Г. Кассо прекратилъ существованіе родительскихъ комитетовъ, провелъ увеличеніе окладовъ содержанія директоровъ и учителей среднихъ учебныхъ заведеній—и на этомъ покончилъ съ реформой средней школы. Теперь его заботы направлены на высшую школу. Но ни о новомъ университетскомъ уставѣ, ни о согласованіи стараго устава съ указомъ 1905 г. объ автономіи въ перечнѣ нѣтъ ни звука. Вся реформа и здѣсь сведена къ штатамъ и окладамъ. Далѣе предположено въ штатномъ же отношеніи «реформировать» управленіе учебными округами и дирекціи начальныхъ училищъ. Кто повѣрилъ бы десять, пять лѣтъ

пазадъ, что всѣ споры, которые такъ долго и такъ страстно велись вокругъ школьнаго вопроса, въ «обновленномъ» строѣ получатъ законченное разрѣшеніе въ увеличеніи окладовъ жалованья? Г. Кассо объявилъ своимъ перечнемъ, что онъ нуждается въ законахъ только для открытія кредитовъ. Со всѣмъ остальнымъ онъ берется справиться своей министерской властью.

И справляется. Вслѣдъ за разгономъ московскихъ и петербургскихъ профессоровъ и за «пересадкою» изъ Одессы «истинно-русскихъ» людей отъ науки, очередь пришла учрежденію, которое при самомъ созданіи его было, казалось бы, изъято изъ сферы министерскихъ воздѣйствій. Въ университетѣ имени Шанявскаго, въ Москвѣ, г. Кассо не утвердилъ В. К. Рота въ должности предсѣдателя попечительнаго совѣта, а попечитель округа, А. А. Тихомировъ, съ своей стороны, не утвердилъ Н. В. Давыдова предсѣдателемъ правленія. Эти лица единогласно избирались попечительнымъ совѣтомъ, и утвержденіе ихъ до сихъ поръ не встрѣчало препятствій. Такъ что же случилось? Гдѣ причина трудно поправимаго удара, нанесеннаго вставшему на ноги и пріобрвѣшему широкую популярность учрежденію? «Русскія Вѣдомости» даютъ отвѣтъ. «Въ годину вновь разъигравшейся реакціонной бури, опустошившей стѣны московскаго правительственнаго университета, основанный А. Л. Шанявскимъ общественный университетъ явился мѣстомъ, гдѣ люди, отдавшіе себя занятіямъ наукой, покончивъ съ вопросомъ, насколько связываетъ свободу личныхъ убѣжденій государственная служба, нашли возможность продолжать служить нуждающемуся въ просвѣщеніи обществу своими знаніями и своимъ талантомъ. Inde irae... Строптивые профессора уходятъ, такимъ образомъ, изъ-подъ самаго тяжелаго удара, какой имъ можетъ нанести учебное начальство—они спасаются отъ обреченія на потерю любимой дѣятельности, что для людей съ призваніемъ страшнѣе всякаго матеріальнаго ущерба. А тутъ еще пошли сравненія съ «обновленнымъ» правительственнымъ университетомъ, клонившіяся далеко не къ министерской славѣ»...

Почти непосредственно одинъ вслѣдъ за другимъ, скончались два профессора-цивилиста, пользовавшіеся широкой извѣстностью: И. Е. Энгельманъ и Г. Ф. Шершеневичъ. Первый былъ старѣйшимъ изъ русскихъ цивилистовъ. Онъ родился въ 1832-мъ году въ гор. Митавѣ, воспитывался въ мѣстной гимназіи и въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ былъ ученикомъ Неволина. По полученіи магистерской степени, онъ былъ приглашенъ занять каѳедру въ Ришельев-

скомъ лицеѣ въ Одессѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія и въ Александровскомъ лицеѣ въ Петербургѣ, но этимъ предложеніямъ онъ предпочелъ Дерптъ, гдѣ въ теченіе 40 лѣтъ, до самой смерти, занималъ каѳедру гражданскаго права. Покойный оставилъ массу научныхъ трудовъ, посвященныхъ, главнымъ образомъ, историческому и догматическому изслѣдованію русскихъ правовыхъ институтовъ.

Г. Ф. Шершеневичъ скончался на пятидесятомъ году жизни. До 1905 г. онъ, можно сказать, весь принадлежалъ Казани. Тамъ получилъ среднее и высшее образованіе и затѣмъ былъ оставленъ при университетѣ. Тамъ же въ 1888-мъ году началъ преподавательскую дѣятельность, а три года спустя занялъ профессорскую каѳедру. Въ 1906 г. Казань избрала Г. Ф. членомъ Государственной Думы. Въ Думѣ онъ часто говорилъ съ трибуны, но особенно цѣнна была его работа, какъ знатока права, въ комиссіяхъ. Послѣ роспуска первой Думы, покойный былъ избранъ на каѳедру гражданскаго права московскимъ университетомъ. Покинулъ онъ ее вмѣстѣ съ другими товарищами-профессорами въ 1911-мъ году. Г. Ф. принадлежалъ къ числу необыкновенно продуктивныхъ писателей. Изъ-подъ его пера вышелъ цѣлый рядъ капитальныхъ работъ: «Исторія философіи права», «Общая теорія права», «Курсъ гражданскаго права», «Учебникъ русскаго гражданскаго права», «Курсъ торговаго права». Послѣднія двѣ книги извѣстны, какъ экзаменныя руководства, всѣмъ студентамъ-юристамъ, и въ нихъ постоянно заглядываютъ судьи и адвокаты.

Издатель: М. М. Ковалевскій. Ред. К. К. Арсеньевъ.

ПОПРАВКИ:

Въ сентябрьской книжкѣ въ стихотвореніе В. Уманова-Каплуновскаго вкралась досадная опечатка. Напечатано: «Сколько звуковъ принужденныхъ»; слѣдуетъ читать: «Сколько звуковъ пробужденныхъ».

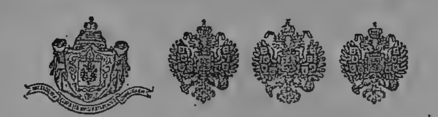
Тамъ же въ рецензіи І. В—скаго (стр. 400, 4-ая строка снизу) напечатано: «Читатели... были бы благодарны»; слѣдуетъ читать «Читатели... должны быть благодарны».

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.—ОКТЯБРЬ.

Лучшая говорящая машина
„ПАТЕФОНЪ“
играетъ пластинки безъ иголокъ.
Богатѣйшій выборъ пластинокъ!
Ежемѣсячно новые выпуски!
Цѣна пластинкамъ 28 с/м. съ краснымъ этикетомъ 1 р. 30 к.
„ „ 28 с/м. съ желтымъ этикетомъ 1 р. 75 к.
ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ! ПЛАСТИНКИ „ЗОЛОТОЙ СЕРІИ“
35 с/м. двухстороннія 2 р. 50 к.
Требуйте безплатные каталоги.
Акц. О-во Бр. ПАТЕ, МОСКВА, Тверская, 38. Отд. 8.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 64.
РОСТОВЪ н-Д., Б. Садовая, 92.
ВАРШАВА, Вербовая, 8.
ОДЕССА, Дерибасовская, 10.
1—1
ПЛАСТИНКИ ПАТЕ ИГРАЮТЪ БЕЗЪ ИГОЛОКЪ
УТВЕРЖДЕН. ФАБРИЧНАЯ МАРКА

МАГАЗИНЪ

ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, пассажъ Солодовникова.
Телефонъ № 11-05.
Адресъ для телеграммъ: **Полотно, Москва.**

Къ предстоящему осеннему сезону во всѣхъ отдѣленіяхъ магазина полученъ

большой выборъ новостей

своей фабрики и заграничныхъ первоклассныхъ издѣлій, а именно: льняного товара, столоваго бѣлья, чайныхъ приборовъ, носовыхъ платковъ, чулочнаго товара, вязанныхъ издѣлій, мужского, дамскаго и дѣтскаго бѣлья.

Громадный выборъ изящныхъ парижскихъ моделей дамскаго бѣлья, блузокъ, матине и капотовъ.

